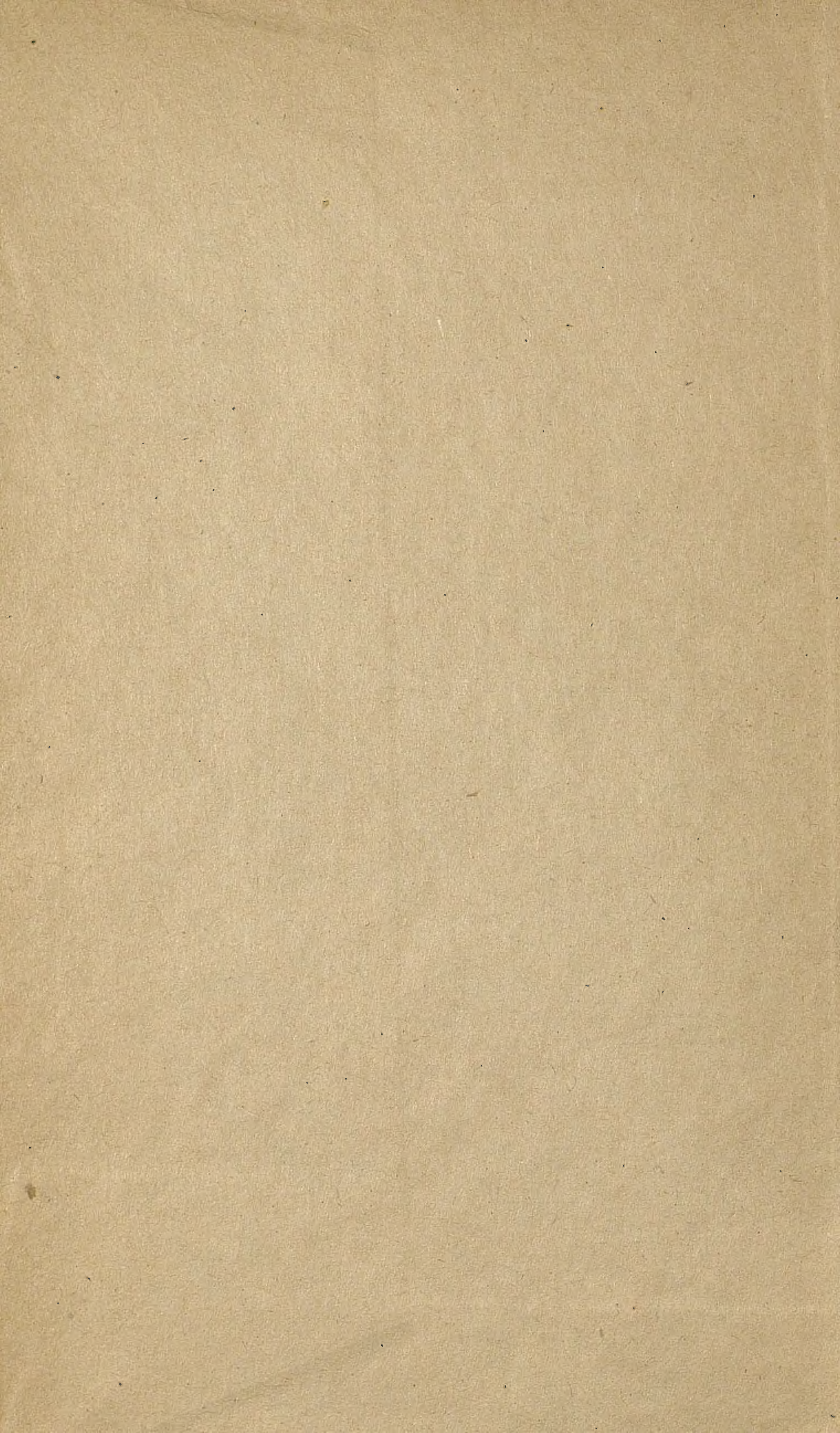
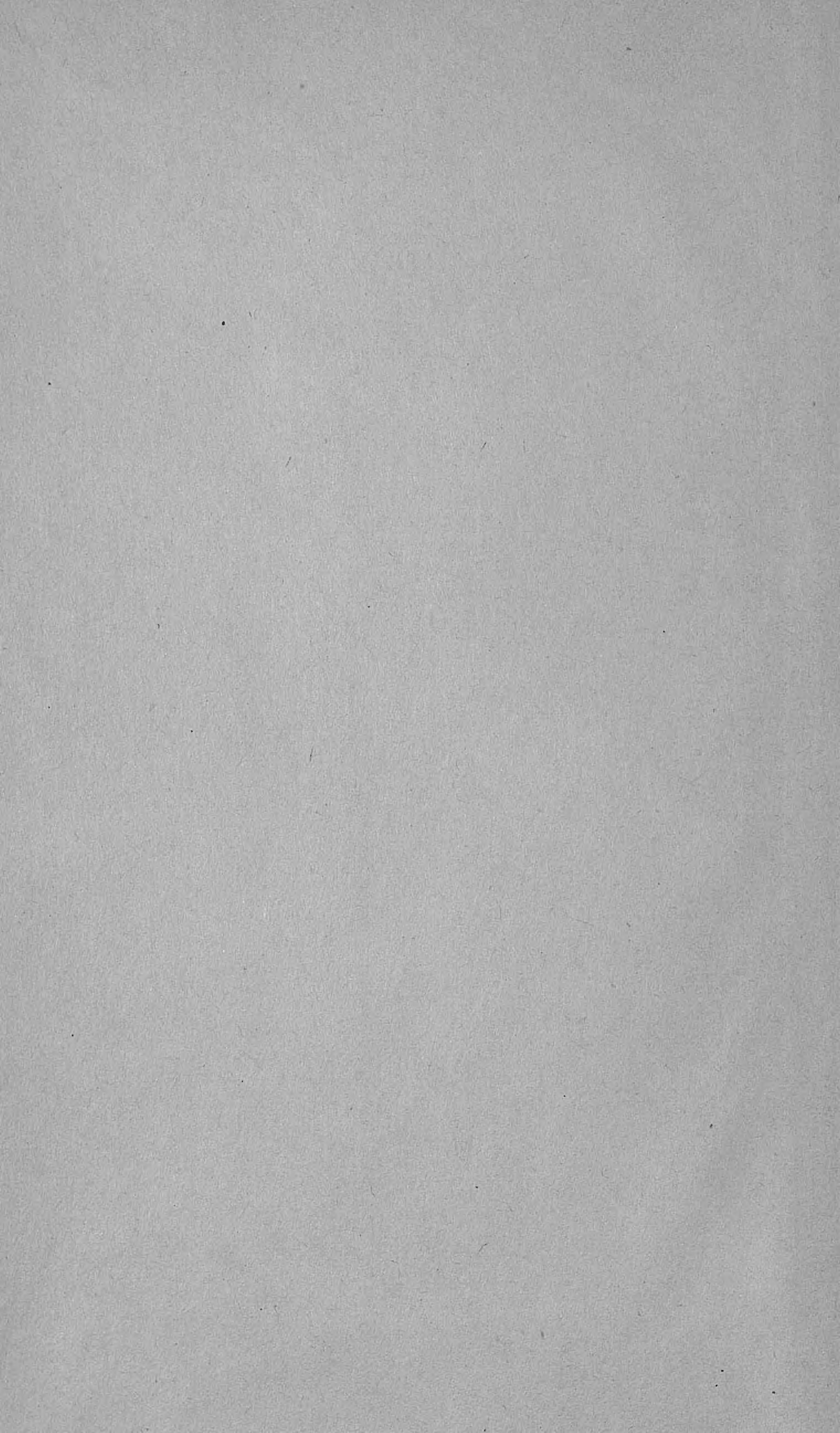




ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XXIX.

СОЧИНЕНІЯ
ЧОКАНА ЧИНГИСОВИЧА ВАЛИХАНОВА.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

д. ч. Н. И. Веселовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1904.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ блестящій метеоръ промелкнулъ надъ нивой Востоковѣдѣнія потомокъ киргизскихъ хановъ и въ то же время офицеръ русской арміи Чоканъ Чингисовичъ Валихановъ. Русскіе-оріенталисты единогласно признали въ лицѣ его феноменальное явленіе и ожидали отъ него великихъ и важныхъ откровеній о судьбѣ тюркскихъ народовъ; но преждевременная кончина Чокана лишила насъ этихъ надеждъ. Онъ умеръ отъ чахотки, не достигнувъ и 30-лѣтняго возраста. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири Гасфортъ, обратившій вниманіе на выдающіяся способности Валиханова, сталъ, на сколько возможно, покровительствовать ему въ ученыхъ занятіяхъ и выхлопоталъ для него поѣздку въ Кашгаръ развѣдочнаго характера, ознаменовавшуюся важными результатами въ научномъ отношеніи. Когда Валихановъ вернулся изъ Кашгара, Гасфортъ самъ принималъ участіе въ редактированіи отчета объ этой поѣздкѣ и затѣмъ далъ Валиханову командировку въ С.-Петербургъ. Описаніе путешествія въ Кашгаръ и составляетъ главную работу этого замѣчательнаго человѣка; другія его статьи, за ничтожнымъ исключеніемъ, остались или необработанными, или въ видѣ черновыхъ набросковъ; но и эти статьи большею частію сохранились не въ автографахъ, а переписанными другою рукою, причемъ переписчикъ не всегда справлялся съ своею задачею; при чрезвычайно неразборчивомъ почеркѣ Валиханова, онъ то оставлялъ пробѣлы въ своемъ спискѣ, то искажалъ слова, а самъ авторъ почему-то не сдѣлалъ необходимыхъ исправленій [1]. Тѣмъ не

[1]) Нѣкоторыя бумаги переписаны К. К. Гутковскимъ, помощникомъ военнаго губернатора въ Омскѣ, очень дружившимъ съ Чоканомъ Валихановымъ.

менѣе всѣ изысканія Валиханова настолько важны, что Совѣтъ И. Р. Географическаго общества въ засѣданіи 24 апрѣля 1867 г. постановилъ издать въ Запискахъ Общества всѣ рукописи, оставшіяся послѣ Ч. Ч. Валиханова. Это предпріятіе тогда не осуществилось, а нѣкоторыя статьи Валиханова, требовавшія обработки, разошлись по рукамъ. Такъ въ бумагахъ В. В. Григорьева я нашелъ двѣ тетрадки Чокана, одна заключала киргизскій текстъ сказанія объ Идиге, другая—сокращенный русскій переводъ его [1]).

Въ 1887 г. Г. Н. Потанинъ вновь возбудилъ вопросъ объ изданіи сочиненій Валиханова, причемъ степной генералъ-губернаторъ Г. А. Колпаковскій выразилъ согласіе изыскать средства на это изданіе изъ мѣстныхъ источниковъ [2]). Но Колпаковскій вскорѣ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, и дѣло изданія опять остановилось. Тогда Г. Н. Потанинъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять на себя редактированіе предположеннаго сборника сочиненій Валиханова и подыскать этому сборнику издателя. Несмотря на свои сложныя занятія, я не рѣшился уклониться отъ этого дѣла, находя его безусловно полезнымъ и необходимымъ, какъ въ память Чокана Валиханова, такъ въ интересахъ востоковѣдѣнія, и принялъ на себя нелегкую обузу разобраться въ его бумагахъ. Этотъ трудъ оказался гораздо значительнѣе, чѣмъ я думалъ. Г. Н. Потанинъ передалъ мнѣ копіи, къ сожалѣнію, несвѣренныя съ оригиналами; а нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ достать не удалось. Впослѣдствіи, при посредствѣ г. Потанина я получилъ еще связку черновыхъ бумагъ Валиханова отъ Е. К. Гутковской, дочери К. К. Гутковскаго.

По просьбѣ моей *Г. Н. Потанинъ* и *Н. М. Ядринцевъ* написали свои воспоминанія о Чоканѣ Валихановѣ; а кромѣ того я получилъ замѣтку о немъ, написанную его соотечест-

---

[1]) Трудъ приготовить для печати киргизскій текстъ сказанія объ Идиге взялъ на себя профессоръ Спб. университета П. М. Меліоранскій.

[2]) Тогда же Г. А. Колпаковскій препроводилъ Г. Н. Потанину копію съ докладной записки штабъ-ротмистра Валиханова по вопросу объ устройствѣ судебной части въ Акмоллинской области, составленной на основаніи наблюденій и фактовъ, заимствованныхъ изъ дѣлъ областнаго правленія и окружныхъ приказовъ.

венникомъ, *И. И. Ибрагимовымъ*, служившемъ въ Туркестанскомъ краѣ и скончавшемся въ 1891 г. отъ холеры въ Джеддѣ, въ должности россійскаго консула. *С. Я. Капустинъ*, хорошо знавшій Валиханова, независимо отъ задуманнаго изданія, предполагалъ написать подробную біографію Валиханова, но все дѣло ограничилось лишь однимъ вступленіемъ, въ которомъ о самомъ Валихановѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній [1]).

Совѣтъ И. Р. Географическаго общества, по моему представленію, призналъ возможнымъ принять на средства Общества расходы по изданію сочиненій Валиханова, и я могъ приступить къ печатанію. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что я не могъ получить того оригинала, съ котораго печаталось основное произведеніе Валиханова: «О состояніи Алтышара или шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нанъ-лу (Малой Бухаріи) въ 1858—1859 году»; а между тѣмъ статья эта редактирована въ Запискахъ Общества такъ небрежно, что она полна опечатками, и пользоваться ею иногда было крайне рискованно. Только по напечатаніи ея мнѣ представилась возможность ознакомиться съ тѣмъ отчетомъ Валиханова, который хранится въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Отчетъ переписанъ писарскою рукою и мѣстами, но не вездѣ, исправленъ самимъ Валихановымъ. Всѣ разногласія этого текста съ напечатаннымъ въ этомъ томѣ, я помѣстилъ особо (стр. 398—403), а всѣ прочія добавленія представилъ цѣликомъ.

Н. Веселовскій.

---

[1]) Бумаги С. Я. Капустина поступили къ Я. И. Смирнову, который съ полной готовностью сообщилъ мнѣ записку Капустина, но ничего оттуда я извлечь для дѣла не могъ.

Біографическія свѣдѣнія о Чоканѣ Валихановѣ.

I.

Чоканъ былъ сынъ Чингиса Валіевича Валиханова и внукъ послѣдняго хана Средней киргизской орды Вали-хана, по которому онъ и носилъ фамилію [1]). Чоканъ было его уличное имя, данное ему въ дѣтствѣ; мусульманское его имя было Мухаммедъ-ханафія. Судя по тому, что онъ поступилъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ въ 1847 г. (осенью),—а въ корпуса поступали на десятилѣтнемъ возрастѣ—родился онъ въ 1837 году. Гдѣ онъ родился, мнѣ неизвѣстно. Родовая зимовка Валихановыхъ находилась въ Кокчетавскомъ округѣ Акмоллинской области, въ мѣстности Сеембеть; тутъ въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія были для Валихановыхъ построены на счетъ правительства деревянный жилой домъ и мечеть. Но отецъ Чокана въ половинѣ 40-хъ годовъ только временно наѣзжалъ въ Сырымбеть, а жилъ онъ въ это время въ мѣстности Кушмурунъ, близъ вершинъ Тобола; онъ въ это время состоялъ «старшимъ султаномъ» [2]) Кушмурунскаго округа,

[1]) Послѣ смерти Валихана киргизскій народъ признаналъ ханомъ Средней Орды старшаго сына Вали, Габайдуллу; китайское правительство признало это избраніе и прислало Габайдуллѣ грамоту на званіе китайскаго вана; но русское правительство ханомъ Габайдуллу не признало и самъ Габайдулла, кажется, умеръ въ ссылкѣ въ Березовѣ.

[2]) По степному положенію, составленному Сперанскимъ, киргизская степь Сибирскаго вѣдомства была раздѣлена на округа; каждый округъ управлялся приказомъ, по киргизски диванъ; присутствіе приказа состояло изъ двухъ (?) засѣдателей (изъ которыхъ одинъ или оба, не знаю, были русскіе) и предсѣдателя; послѣдній былъ непремѣнно киргизъ; онъ избирался населеніемъ округа и назывался „старшимъ султаномъ". Проэктъ Сперанскаго предполагалъ, вѣроятно, что народъ всегда будетъ избирать предсѣдателя изъ среды киргизскихъ дворянъ, которые называютъ себя султанами. Впослѣдствіи старшіе султаны не всегда избирались изъ султановъ: были „старшіе султаны" изъ простой „черной кости".

который состоялъ изъ земель, лежавшихъ вокругъ вершинъ Тобола; въ мѣстности Кушмурунъ (къ в. отъ Тобола) прошло дѣтство Чокана. Когда Чоканъ поступилъ въ кадетскій корпусъ, я не помню, чтобъ онъ что-нибудь разсказывалъ о Серембетѣ; всѣ его дѣтскія воспоминанія, кажется, относятся къ Кушмуруну. Впрочемъ, Чингисъ Валіевичъ, кажется, ранѣе выхода Чокана изъ корпуса, оставилъ Кушмурунскій округъ и переѣхалъ въ Серембеть, такъ что въ послѣдніе года пребыванія въ корпусѣ Чоканъ ѣздилъ лѣтомъ въ отпускъ въ Серембеть, а уже не въ Кушмурунъ. Эта мѣстность, гдѣ провелъ дѣтство Чоканъ, представляетъ плоскую, унылую съ безграничнымъ горизортомъ степь, не оживленную, какъ мѣстности Кокчетавскаго округа, скалистыми горами, перелѣсками и горными озерами.

Дѣдъ Чокана, Валиханъ, по семейнымъ преданіямъ не отличался способностями народоправителя, какъ прадѣдъ Чокана. Аблай-ханъ, прославившійся отдаленными походами (одинъ набѣгъ Аблай-ханъ сдѣлалъ въ Чжунгарію къ подошвѣ Ханъ-тэнгри въ Тяньшанѣ) и дипломатическими сношеніями съ Китаемъ. Валиханъ любилъ жуировать и былъ поклонникъ прекраснаго пола. Когда къ Аблай-хану прибыло китайское войско, молодой султанъ приволокнулся къ наложницѣ китайскаго посла, которую тотъ привезъ съ собою. Ночью вышла какая то сцена, при чемъ Вали или одинъ изъ его сопровождавшихъ отрубилъ саблей носъ китайцу, принадлежавшему къ свитѣ посла. Аблаю пришлось улаживать дѣло.

Чингисъ Валіевичъ, отецъ Чокана, получилъ образованіе въ Омскѣ, въ войсковомъ казачьемъ училищѣ, то есть въ томъ самомъ, въ которое потомъ поступилъ и Чоканъ, но во времена Чокана оно уже было преобразовано въ кадетскій корпусъ. Мать Чокана, Зейнепъ, была дочь бія Баянъ-аульскаго округа Чормана. Родной братъ Зейнепъ Муса Чормановичъ Чормановъ, дядя Чокана, пережившій племянника, былъ очень вліятельный человѣкъ въ степи, пользовался уваженіемъ степныхъ властей, имѣлъ чинъ русскаго полковника, подолгу живалъ въ Омскѣ, раза два ѣздилъ въ Петербургъ и вообще былъ одинъ изъ наиболѣе европеизированныхъ киргизъ. Муса

Чормановичъ умеръ въ 1887 году. Семейство его живетъ въ Баянъ-аульскомъ округѣ.

Чоканъ былъ старшій сынъ у Чингиса Валіевича. Кромѣ того у Ч. В. были еще дѣти: сынъ Махмудъ, другой сынъ глухонѣмой, дочь Нуридэ, которая въ настоящее время замужемъ за Садвакасомъ, старшимъ сыномъ Мусы Чорманова.

Чоканъ былъ привезенъ въ Омскъ осенью 1847 г. Его привезъ В. И. Дабшинскій, переводчикъ киргизскаго языка, состоявшій при такъ называемомъ Пограничномъ Начальникѣ, т. е. при генералѣ, завѣдывавшемъ киргизами Сибирскаго вѣдомства. Я увидѣлъ Чокана въ первый разъ еще до его поступленія въ корпусъ, именно въ квартирѣ В. И. Дабшинскаго. Какъ это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинскаго не бывалъ. Я уже въ это время прожилъ годъ въ корпусѣ, а потому вѣроятно меня избрали нарочно въ первые знакомцы Чокану, чтобы онъ не такъ сильно почувствовалъ свое одиночество, когда его наконецъ оставятъ въ стѣнахъ корпуса. Чоканъ ни слова не зналъ по-русски и уже тогда любилъ рисовать карандашомъ; Дабшинскій показывалъ картинку, нарисованную Чоканомъ уже въ Омскѣ; русскій городъ поразилъ мальчика и онъ изобразилъ карандашомъ одинъ изъ городскихъ видовъ.

Войсковое казачье училище только передъ поступленіемъ Чокана было преобразовано. До 1846 года это была казачья бурса; часть учителей, особенно въ низшихъ классахъ, были урядники; обращеніе съ воспитанниками было грубое; обѣдали воспитанники съ оловянныхъ тарелокъ деревянными ложками; въ классахъ все было основано на долбленіи «отъ сихъ и до сихъ»; за неуспѣхи и шалости сильно пороли. Преобразованіе началось съ того, что изъ Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда замѣнена фаянсовой, ложки даны серебряныя, пищу значительно улучшили, воспитанникамъ стали говорить «вы». Но самая главная реформа была произведена въ классахъ; молодой артиллерійскій капитанъ Жданъ-Пушкинъ, служившій въ строю на Кавказѣ, былъ назначенъ инспекторомъ классовъ. Онъ внесъ новый духъ въ заведеніе.

Жданъ-Пушкинъ былъ разносторонне образованный человѣкъ: онъ зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, былъ отлично знакомъ съ исторіей европейской литературы, особенно англійской, и съ исторіей вообще. Случалось, что иной предметъ останется безъ преподавателя—Жданъ-Пушкинъ бралъ преподаваніе на себя. Такъ онъ по временамъ читалъ намъ алгебру, всеобщую исторію и артиллерію, и каждый предметъ онъ читалъ лучше учителя. Но главнымъ образомъ его благородный и открытый характеръ оставлялъ глубокій слѣдъ въ умахъ его питомцевъ; кадеты старались подражать ему.

Первымъ его дѣломъ было сформировать новый составъ учителей. Изъ старыхъ онъ оставилъ только трехъ, въ томъ числѣ Ник. Ѳед. Костылецкаго. Костылецкій преподавалъ русскій языкъ и русскую словесность. Онъ былъ собственно оріенталистъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ по восточному факультету, готовился въ драгоманы въ Константинополь, но такъ какъ былъ казакъ, то долженъ былъ вернуться на родину въ Сибирское казачье войско, гдѣ его сдѣлали преподавателемъ русскаго языка въ войсковомъ казачьемъ училищѣ. Онъ зналъ хорошо языки арабскій, персидскій и особенно нарѣчіе казанскихъ татаръ. Сначала Костылецкій возмущался назначеніемъ учителемъ русской словесности и тѣмъ, что его отрывали отъ занятій, къ которымъ онъ чувствовалъ призваніе, но потомъ примирился съ предметомъ и даже, какъ онъ говорилъ, очень полюбилъ его. Костылецкій былъ другъ оріенталиста Березина, доставлялъ ему матеріалы о киргизскомъ нарѣчіи, собиралъ образцы киргизскаго народнаго творчества, имѣлъ нѣсколько варіантовъ киргизской большой сказки о Козу-курпечѣ. Для него, конечно, Чоканъ былъ очень интересный субъектъ. Для кадетъ Костылецкій имѣлъ большое значеніе; онъ отличался независимымъ характеромъ и былъ очень остроуменъ; пошлость онъ преслѣдовалъ язвительными насмѣшками; онъ былъ поклонникъ идей Бѣлинскаго и почитатель таланта Гоголя; въ своей исторіи словесности онъ руководствовался статьями Бѣлинскаго, что потомъ, однимъ изъ генераловъ-инспекторовъ, ревизовавшихъ

корпусъ (не помню Клюпфелемъ или Анненковымъ) было поставлено ему въ упрекъ.

Другой изъ оставленныхъ старыхъ учителей былъ Евг. Ив. Старковъ, также какъ и Костылецкій, родомъ сибирскій казакъ. Это также былъ очень способный человѣкъ, но получилъ образованіе только въ войск. казачьемъ училищѣ, и дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ не могъ получить, потому что, какъ казакъ, долженъ былъ по выходѣ изъ училища, остаться на службѣ въ войскѣ. Онъ отличался необыкновенной памятью, предметъ зналъ хорошо и читалъ добросовѣстно; былъ очень добрый человѣкъ, тихій, задумчивый и разсѣянный. Жданъ-Пушкинъ просилъ его познакомить насъ поподробнѣе съ географіей Киргизской степи, что Старковъ и сдѣлалъ; потомъ онъ даже напечаталъ свой географическій очеркъ Киргизской степи. Это было для кадетъ очень полезно, потому что многимъ изъ нихъ, особенно казакамъ, пришлось подолгу служить въ Киргизской степи и ходить по ней въ походъ.

Для преподаванія исторіи Жданъ-Пушкинъ выписалъ молодого учителя Гонсѣвскаго. Гонсѣвскій былъ сначала студентомъ Виленскаго университета, потомъ, съ закрытіемъ послѣдняго, перешелъ въ Казанскій. Это былъ изъ нашихъ учителей самый начитанный; онъ продолжалъ слѣдить за своей наукой, выписывая много книгъ и повидимому готовился къ болѣе серьезной профессіи, чѣмъ преподаваніе въ провинціальномъ среднемъ учебномъ заведеніи. Феноменальная застѣнчивость указывала на какую-то духовную ненормальность его, и разсказывали, что уѣхавъ вскорѣ въ Россію, онъ застрѣлился. Лекціи его имѣли для насъ большое значеніе. Въ кадетскихъ корпусахъ исторію по программѣ позволялось доводить только до 1815 года, но Гонсѣвскій, конечно съ разрѣшенія Жданъ-Пушкина, довелъ ее до 1830 года. Особенно подробно онъ прочелъ намъ исторію великой французской революціи, выставивъ ея культурныя заслуги для европейскаго общества, сочувственно изобразивъ главныхъ ея дѣятелей, что нисколько не измѣнило нашихъ чувствъ въ отношеніи къ своему правительству и всѣ мы изъ подъ руки Гонсѣвскаго вышли глубокими монархистами.

Не такъ удачно былъ выбранъ учитель естественной исторіи, одинъ изъ служившихъ въ Омскѣ докторовъ. Онъ не имѣлъ никакихъ лишнихъ познаній въ своемъ предметѣ сверхъ того, что заключалось въ обязательныхъ для кадетскихъ корпусовъ учебникахъ зоологіи и ботаники Даля.

Для преподаванія Закона Божія Жданъ-Пушкинъ сманилъ изъ тобольской семинаріи молодаго баккалавра о. Сулоцкаго и уговорилъ его принять священническій санъ, чтобъ одновременно быть и корпуснымъ священникомъ. Сулоцкій сдѣлалъ свои уроки занимательными, оживляя ихъ интересными для дѣтей разсказами, иллюстрируя ихъ примѣрами, которые онъ бралъ отовсюду, изъ Священной исторіи, изъ обыденной жизни и изъ природы. Для насъ они были важны; мы видѣли, что человѣкъ убѣжденный говорилъ намъ о томъ, что земныя цѣли должны быть подчинены высшимъ идеаламъ. Другіе всѣ учителя обогощали нашъ умъ только знаніями, три учителя: о. Сулоцкій, Н. Ѳ. Костылецкій, г. Гонсѣвскій воспитывали въ насъ убѣжденіе. Чокапъ обыкновенно присутствовалъ на урокахъ Сулоцкаго [1].

Математика у насъ шла не такъ хорошо. Спеціально подготовленный учитель не былъ выписанъ, и Жданъ-Пушкинъ обыкновенно приглашалъ читать этотъ предметъ кого-нибудь изъ офицеровъ, служащихъ въ Омскѣ. Только Кучковскій, одинъ изъ старыхъ оставленныхъ учителей, родомъ также казакъ, какъ и Костылецкій, толково и ясно преподавалъ геометрію. Не совсѣмъ удаченъ также былъ выборъ преподавателей спеціально военныхъ наукъ: тактики, артиллеріи, фортификаціи и геодезіи.

Для этого также приглашались случайные преподаватели изъ офицеровъ. Впрочемъ, это не были люди, не знающіе своего предмета, а только не совсѣмъ умѣлые преподаватели. Такъ, Гутковскій былъ человѣкъ съ обширными и разносторонними знаніями, но читалъ физику, артиллерію и тактику плохо.

Не боясь солгать, можно выразиться, что сибирскій кадет-

---

[1]) Сулоцкій много писалъ статей по исторіи православныхъ епархій въ Сибири и по исторіи распространенія въ ней христіанства.

скій корпусъ былъ въ то время лучшимъ учебнымъ заведеніемъ во всей Сибири. Даже иркутская и тобольская гимназіи уступали ему въ выборѣ хорошихъ учителей, не говоря уже о Томской, въ которой въ это время всѣ учителя были какія-то допотопныя фигуры. По этому въ отношеніи учебныхъ занятій, дѣтство Чокана было обставлено не дурно.

Однимъ изъ первыхъ актовъ преобразованія бывшаго войсковаго казачьяго училища въ кадетскій корпусъ было раздѣленіе воспитанниковъ на двѣ части: роту и эскадронъ. Въ роту были отдѣлены дѣти чиновниковъ и пѣхотныхъ офицеровъ, эскадронъ состоялъ исключительно изъ дѣтей казаковъ. Чокана опредѣлили въ эскадронъ, вѣроятно изъ соображенія, что между дѣтьми казаковъ найдутся знающіе киргизскій языкъ и ему на первыхъ порахъ не будетъ такъ скучно. Между нами, казачатами, дѣйствительно были болтавшіе по киргизски. Въ эскадронѣ ему и потому было сподручнѣе, что казаки все-таки ближе къ киргизамъ по роду своихъ занятій скотоводствомъ, по знакомству съ степной жизнью, по вкусамъ къ наѣздничеству и т. д. Киргизскій барченокъ, потомокъ киргизскихъ хановъ, будущій киргизскій аристократъ попалъ въ совершенно плебейскую среду, потому что многіе кадеты эскадрона были дѣти офицеровъ выслужившихся въ офицеры изъ простыхъ казаковъ, и въ эскадронѣ, въ противуположность ротѣ, господствовали казачьи преданія самаго плебейскаго свойства. Эта жизнь въ плебейской средѣ вѣроятно не осталась безъ вліянія на образованіе демократическихъ мыслей Чокана. Кадеты роты и эскадрона были отдѣлены и въ дортуарахъ и въ классахъ. Пріѣхавшіе изъ Петербурга офицеры сдѣланы были начальниками въ ротѣ; въ эскадронѣ оставлены казачьи офицеры изъ состава прежняго казачьяго училища. Имъ было приказано слѣдить за нововведеніями, которыя дѣлались въ ротѣ, и вводить тѣ же порядки въ эскадронѣ. Кадеты чувствовали, что эскадронъ приниженъ. Это сознаніе приниженности сплачивало за то эскадронныхъ кадетъ между собою, что сказывалось особенно на какихъ-нибудь работахъ, гдѣ приходилось ротѣ и эскадрону соревновать.

Литературныя идеи въ корпусъ вливались черезъ роту,

потому что ротные кадеты происходили изъ семей болѣе интеллигентныхъ, но товарищескій духъ былъ сильнѣе въ эскадронѣ, чему способствовало и то, что число эскадронныхъ кадетъ было значительно менѣе. Заговоры эскадронныхъ кадетъ отличались непоколебимой стойкостью [1]). Въ свою очередь и для казаковъ было полезно, что въ ихъ средѣ живетъ киргизъ; бойкій и остроумный киргизскій мальчикъ пріучалъ казаковъ къ расотерпимости.

Жизнь въ корпусѣ была соединена для Чокана съ большой ломкой его степныхъ привычекъ. Киргизы обыкновенно подолгу, до полночи сидятъ вокругъ костра, занимаясь разговорами и передачей новостей, а утромъ долго спятъ, хотя внѣ юрты уже давно бѣлый свѣтъ, такъ что казачьи отряды нерѣдко дѣлали набѣги на спящій аулъ, подъѣхавъ къ нему при полномъ дневномъ свѣтѣ никѣмъ незамѣченные. Совершенная противуположность съ монголами, которые встаютъ до восхода солнца. Чокану было ужасно трудно вставать съ постели. Онъ всегда вставалъ послѣднимъ. Будить его нужно было осторожно; въ противномъ случаѣ онъ вскакивалъ, какъ угорѣлый, и, ничего не помня, кидалъ въ товарища сапогомъ.

Начальникомъ эскадрона былъ Кучковскій (тотъ самый, о которомъ я уже говорилъ, какъ о хорошемъ учителѣ геометріи). Кадеты не любили его и называли «змѣей» за то, что онъ любилъ входить въ комнату неслышными шагами, при

---

[1]) Однажды въ классѣ, въ которомъ находился Чоканъ, былъ составленъ заговоръ по слѣдующему случаю. Дежурный офицеръ обходилъ классы; только онъ вышелъ изъ класса Чокана, кто-то изъ мальчиковъ, приперевъ дверь за вышедшимъ офицеромъ, ударилъ кулакомъ по двери. Офицеръ сейчасъ же вернулся. „Кто ударилъ“? Молчаніе или отвѣтъ: „не знаемъ, не слышали“! Пушкинъ наказалъ классъ лишеніемъ отпуска въ воскресенье по домамъ, пока классъ не выдастъ шалуна. Цѣлыхъ полгода длилось наказаніе и кончилось тѣмъ, что Пушкинъ уступилъ. Классъ распустили по домамъ, хотя имя виновника наказанія осталось начальству не извѣстно. Одноклассники Чокана говорили: „Тотъ, кто сдѣлалъ шалость, долженъ бы самъ сознаться въ своемъ проступкѣ, чтобы избавить классъ отъ наказанія. Но онъ трусъ и у него не хватаетъ мужества этого сдѣлать. А мы нравственно не можемъ его выдать“.

чемъ ему часто удавалось заставать кадетъ за шалостью или праздносидящими и празднoболтающими. Тогда слѣдовали, конечно, маленькія кары въ родѣ «безъ послѣдняго блюда», а иногда и большія: «безъ отпуска въ воскресенье». Но въ сущности это не былъ злой человѣкъ, а только по наружности сухой и не симпатичный. Изъ дѣтскихъ шалостей онъ не дѣлалъ все-таки криминальныхъ происшествій и кары его не выходили изъ предѣловъ домашней расправы. На педагогическихъ совѣтахъ онъ не рѣдко горячо отстаивалъ или шалуна, или малоспособнаго кадета, которому грозило исключеніе изъ заведенія, отстаивалъ во имя того, что не слѣдуетъ изъ-за этого портить всю будущую жизнь ребенка [1]). Кучковскій воспитывалъ насъ въ суровой дисциплинѣ. Вообще ни среди нашихъ офицеровъ, ни среди наставниковъ почти никто не относился къ кадетамъ съ ласкою. Костылецкій также не былъ изъ тѣхъ, которые ласкаютъ. Гуманные и добрые Сулоцкій и Старковъ были робки для того, чтобы обнаруживать приливы нѣжнаго чувства. Только одинъ Гонсѣвсѣвскій смѣло давалъ волю своему сердцу въ этой казармѣ изъ маленькихъ дѣтей.

Развивался Чоканъ быстро, опережая своихъ русскихъ товарищей. Кромѣ природнаго ума, онъ имѣлъ къ тому и другія преимущества. По воскресеньямъ тѣхъ кадетъ, которые имѣли родственниковъ или знакомыхъ въ городѣ, отпускали въ городъ. У Чокана ни родныхъ, ни ихъ знакомыхъ въ городѣ не было. Но имъ интересовались многіе—киргизскій мальчикъ, и при томъ такой способный, уже рисуетъ прежде чѣмъ поступилъ въ заведеніе. По этому его охотно брали къ себѣ въ отпускъ тѣ, которые цѣнили такое необыкновенное явленіе.

---

[1]) Тогда порядки были иные: дѣтей стыдились исключать изъ заведенія изъ боязни испортить имъ жизнь; и не стыдились исключать изъ заведенія бездарныхъ и безтолковыхъ преподавателей. Теперь, кажется, наоборотъ; исключить мальчика и испортить его участь на всю жизнь ничего не стоитъ, а бездарности среди учителей процвѣтаютъ, потому что стыдно выжить человѣка, который еще не дослужился до пенсіи.

Въ теченіе первой зимы по поступленіи въ корпусъ Чоканъ ходилъ въ отпускъ къ чиновнику Сотникову. Сотниковъ служилъ въ управленіи киргизской степью, это былъ оріенталистъ, студентъ казанскаго университета по восточному факультету, ходилъ, кажется, въ степь начальникомъ цѣлаго казачьяго отряда и, какъ мнѣ говорилъ Чоканъ, напечаталъ въ какой то литературной газетѣ статейку «День въ киргизскомъ аулѣ». Чуть ли это не былъ описанъ день, проведенный авторомъ въ аулѣ Чингиса-Валіевича, Чоканова отца, въ Кушмурунѣ. Это былъ способный человѣкъ, но неукротимый, дикій характеръ сгубилъ его. Онъ постояно дѣлалъ скандалы, то прострѣлитъ кому нибудь ногу, то, переодѣвшись киргизскимъ джигитомъ, отлупцуетъ нагайкою своего врага, полковника, ѣдущаго въ сумерки на дрогахъ изъ гостей. Кончилъ онъ тѣмъ, что его судили и сослали на сѣверъ Енисейской губ. Оттуда онъ прислалъ въ Омскъ остроумное описаніе жизни на «краю свѣта», какъ онъ выражался. Его перевели потомъ въ болѣе благодатный край, въ Забайкалье. Переѣзжая черезъ Байкалъ, онъ бросился съ борта парохода въ воду и утонулъ.

Послѣ Сотникова Чоканъ сейчасъ же нашелъ покровителя въ лицѣ Померанцева. Это былъ молодой, веселый и беззаботный офицеръ генеральнаго штаба, бывшій нашимъ учителемъ рисованія. Квартира его была настоящая мастерская художника; да и самъ хозяинъ былъ художественная, симпатичная натура. Онъ рѣзвился и шалилъ съ приходившими къ нему кадетами, какъ будто самъ былъ ребенкомъ.

Послѣ Померанцева Чокана бралъ къ себѣ Гонсѣвскій, учитель исторіи. Для умственнаго развитія Чокана это знакомство было самое важное.

Въ послѣдніе года своего пребыванія въ Корпусѣ, когда уѣхалъ Гонсѣвскій, Чоканъ сталъ ходить въ домъ Гутковскаго, который былъ въ родствѣ съ семействомъ сибирскаго чиновника Капустина. Въ этихъ двухъ домахъ завершилось знакомство Чокана съ внѣшкольною жизнью. Въ домѣ Капустина было много дѣвицъ и это привлекало въ него много молодежи. Молодежь, искавшая однихъ свѣтскихъ удовольствій и сыт-

ныхъ угощеній, собиралась въ домѣ «откупщика» Маршалова, гдѣ тоже было нѣсколько дѣвицъ—невѣстъ; молодые же люди со вкусомъ къ литературѣ и искусству посѣщали домъ Капустина. Это былъ маленькій клубъ избранной омской интеллигенціи, свѣтиломъ котораго былъ Карлъ Казиміровичъ Гутковскій, поклонникъ Кювье по философскимъ вкусамъ, энциклопедистъ. Здѣсь собиралась лучшая омская молодежь; ни одинъ замѣчательный проѣзжій не оставлялъ города, не побывавъ въ этомъ домѣ. Если черезъ Омскъ ѣхалъ какой-нибудь путешественникъ, Гутковскій ловилъ его, везъ къ себѣ въ домъ, а потомъ въ семейство Капустиныхъ. Дуровъ, товарищъ по заключенію Достоевскаго, былъ также постоянный посѣтитель вечеровъ у Капустиныхъ послѣ того, какъ отсидѣвъ свой срокъ въ «Мертвомъ домѣ», былъ выпущенъ на свободу и жилъ въ Омскѣ, не имѣя еще права вернуться въ Россію.

Это знакомство съ самыми лучшими, гуманными и просвѣщенными домами въ городѣ давали быстрый ходъ развитію умственныхъ способностей Чокана. Бесѣды съ Гонсѣвскимъ познакомили его съ политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей, и въ томъ числѣ для меня, это была замкнутая еще книга. Онъ уже былъ взрослый, тогда какъ мы, старше его лѣтами, были сравнительно съ нимъ еще мальчишками безъ штановъ. То, что онъ зналъ, въ чемъ превосходилъ насъ, онъ не пропагандировалъ въ товарищеской средѣ, но при случаѣ безпрестанно обнаруживалось его превосходство въ знаніяхъ. Какъ бы невольно, онъ для своихъ товарищей, въ томъ числѣ и для меня, былъ «окномъ въ Европу».

Каждый классъ у насъ имѣлъ своего вожака. Наша школьная среда была такъ мало интеллигентна, что въ классѣ, въ которомъ былъ Чоканъ, вожакомъ былъ вовсе человѣкъ безъ умственнаго таланта. Это былъ мальчикъ съ практическими наклонностями. Онъ началъ съ того, что каждое воскресенье вечеромъ становился у входныхъ дверей, встрѣчалъ возвращавшихся изъ отпуска кадетъ и выпрашивалъ у нихъ конфектъ, которыя тѣ всегда приносили. Онъ не съѣдалъ ихъ, а въ средніе между воскресеньями дни, когда всѣ остальные

кадеты свои конфекты истребили, онъ предлагалъ ихъ лакомкамъ въ обмѣнъ на карандаши, бумагу и пр. Такимъ образомъ у него выросъ магазинъ всякихъ канцелярскихъ принадлежностей, бумаги, карандашей, перочинныхъ ножей, резинокъ и пр. Все это онъ опять ссужалъ товарищамъ за разныя послуги: за снабженіе записками по предметамъ преподаванія, за репетированіе и пр. Благодаря этому, онъ учился сносно, хотя вовсе былъ лишенъ способностей. Чоканъ объявилъ ему войну; онъ началъ преслѣдовать съ дѣтской жестокостью его торгашество насмѣшками и вооружилъ противъ него товарищей. Маленькій міроѣдъ былъ разоблаченъ и уничтоженъ, и оставленный безъ тетрадокъ и помощи захудалъ окончательно въ успѣхахъ по обученію. Низложивъ противника, Чоканъ сдѣлался вожакомъ своего класса. Но онъ не могъ оставаться безъ борьбы или безъ мишени для насмѣшекъ; онъ открылъ походъ противъ вожака нашего класса. Вкусы нашего класса были какъ будто повыше: нашъ вожакъ былъ хорошій рисовальщикъ и забавный разскащикъ; но господство его въ классѣ можетъ быть было болѣе основано на томъ, что онъ изросъ годами и былъ уже вполнѣ сформировавшійся мужчина. Литературой онъ не интересовался и ничего никогда не читалъ; вѣроятно Чокану было бы не трудно низложить и его, но кампанія Чокана была начата поздно; оставалось не далеко до нашего выхода изъ Корпуса; мы вышли въ офицеры, что и положило конецъ начатой кампаніи Чокана.

Мое сближеніе съ Чоканомъ не началось со дня поступленія его въ корпусъ. Послѣ свиданія у Дабшинскаго, мы жили нѣкоторое время врознь. Чоканъ не зналъ по-русски, я не зналъ по-киргизски. Но потомъ, когда онъ подучился по-русски, и особенно когда я пріобрѣлъ страсть къ чтенію, заинтересовался путешествіями и географіей киргизской степи, нѣкоторыя части которой были еще неизвѣстны, я сталъ водить знакомство съ Чоканомъ. Все, что меня заинтересовало, я началъ записывать для памяти; сначала я носилъ эти записки въ карманахъ, которые по этому Костылецкій прозвалъ «цеадой» и время отъ времени онъ любилъ выгружать ихъ. Впослѣдстіе я нашелъ это неудобнымъ и завелъ большую

тетрадь. Въ это время географія и этнографія Киргизской степи сдѣлались для меня любимымъ знаніемъ и Чоканъ помогалъ мнѣ наполнять тетрадь своими разсказами. Такимъ образомъ мы занесли въ нее обстоятельное описаніе соколиной охоты у киргизъ. Чоканъ, какъ многіе киргизскіе барчата, должно быть еще съ ранняго дѣтства увлекался картинами этого киргизскаго удовольствія и отлично зналъ подробности ухода за соколами и вообще охоту у киргизъ. Онъ разсказывалъ, я записывалъ, а онъ потомъ иллюстрировалъ мой текстъ рисунками натрусомъ, соколиныхъ наглазниковъ, соколиныхъ постаментовъ, барабановъ, пороховницъ, ружей и пр. Съ этой поры мы стали друзьями и наши умственные интересы болѣе не разлучались; насъ обоихъ интересовалъ одинъ и тотъ же предметъ, Киргизская степь и Средняя Азія.

Чтеніе мы имѣли бѣдное. Ученическая библіотека была составлена почти исключительно изъ біографій русскихъ генераловъ и описаній разныхъ войнъ. Самыя интересныя книги были: Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля, обработанное для дѣтей, записки Манштейна, исторія Карамзина и чья-то біографія Наполеона Бонапарта. Да и эти книги доставались намъ съ трудомъ; Кучковскій не любилъ выдавать ихъ и всякія отговорки употреблялъ, чтобы отказать въ просьбѣ. Для меня было большимъ счастіемъ, когда начальство разрѣшило Чокану брать книги изъ фундаметальной библіотеки. Это въ нашемъ развитіи была эпоха, когда Чоканъ принесъ изъ недоступнаго книгохранилища Путешествіе Палласа и Дневныя Записки Рычкова. Толщина книгъ, ихъ форматъ, старинная печать, старинные обороты рѣчи и затхлость бумаги — какъ это было удивительно, необыкновенно, полно поэзіей старины! Послѣ прочитаннаго въ болѣе раннемъ дѣтствѣ Робинзона-Крузе ни одна книга не оставила во мнѣ такого впечатлѣнія, какъ эти путешествія прошлаго вѣка. Съ увлеченіемъ мы читали книгу Палласа, особенно тѣ ея страницы, въ которыхъ описывались родныя для насъ мѣста, или ближайшія къ нимъ. Что показалось путешественнику замѣчательнымъ въ этихъ мѣстахъ, что онъ нашелъ достойнымъ занести въ свой дневникъ — это насъ съ Чоканомъ, особенно, интересовало. Не

будемъ ли мы подражать впослѣдствіи путешественнику? Чтеніе это указало намъ наше призваніе. Если бы насъ спросили, что нужно сдѣлать, чтобы вызвать въ сибирскомъ обществѣ любовь къ занятіямъ географіей, исторіей и этнографіей своей страны, мы посовѣтовали бы сдѣлать дешевое изданіе путешествій академиковъ прошлаго столѣтія и разослать во всѣ ученическія библіотеки народныхъ школъ и учебныхъ заведеній Сибири.

Уже въ то время, т. е. когда Чокану было 14—15 лѣтъ, кадетское начальство начало на него смотрѣть, какъ на будущаго изслѣдователя и можетъ быть ученаго. Самъ Чоканъ мечталъ о путешествіи по Средней Азіи. Одинъ изъ моихъ однокашниковъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что у него сохранилось воспоминаніе, какъ онъ былъ пораженъ въ своемъ дѣтствѣ мечтами Чокана, показавшимися ему необыкновенными. Группа кадетъ стояла у заднихъ воротъ корпуснаго двора, выходившихъ на Иртышъ. Отсюда открывается видъ на степь, которая растилается на противуположномъ лѣвомъ берегу Иртыша. Характеръ этой картины уже совершенно степной; безлѣсная равнина съ уходящимъ въ безконечность горизонтомъ. Чувствуешь, что стоишь у воротъ въ среднеазіатскія пустыни. Чоканъ стоялъ въ группѣ и развивалъ свою мечту, какъ можетъ быть онъ проникнетъ въ эту степь до ея южныхъ предѣловъ, гдѣ начинается самый дальній востокъ, гдѣ начинается загадочный Китай. Сколько онъ вывезетъ новостей изъ terra incognita, которая чуть-чуть не у самаго забора Корпуса начинается.

Чоканъ много читалъ въ то время. Чтеніе развило въ немъ критическія способности, приложеніемъ которыхъ онъ удивлялъ насъ, какъ въ области нравственныхъ вопросовъ, такъ и въ области восточной филологіи, которая становилась уже его спеціальностью. Иногда товарищи обращались къ нему за разрѣшеніемъ затруднявшаго ихъ вопроса: «Чоканъ, какъ бы въ этомъ случаѣ слѣдовало поступить благородному человѣку»? Никто въ нашей средѣ не рѣшалъ эти вопросы легче и вѣрнѣе Чокана, но никто, въ то же время, не полагался на Чокана, что онъ самъ непремѣнно поступитъ такъ,

какъ онъ думаетъ. Онъ поступалъ не какъ думалъ, а какъ его принуждала его природа.

Математика не давалась Чокану и начальство смотрѣло на это снисходительно. Однажды Пушкинъ вошелъ въ классъ, въ которомъ кадеты готовились къ экзамену. Они собрались вокругъ большой черной доски; одинъ изъ лучшихъ учениковъ по математикѣ писалъ на доскѣ и объяснялъ. Чоканъ сидѣлъ въ глубинѣ класса, вдали отъ этой группы и смотрѣлъ въ потолокъ. Пушкинъ, войдя въ классъ, спрашиваетъ Чокана: «Валихановъ! Вы что не готовитесь»?

Чоканъ смѣло отвѣчалъ: «Если я встану къ доскѣ вмѣстѣ съ другими, это будетъ простое притворство, потому слушать я всетаки не буду. Если я въ теченіе года отъ самого учителя не могъ постигнуть эту науку, то постигну ли ее въ теченіе двухъ трехъ часовъ отъ второстепеннаго преподавателя».

«Идите за мной»! сказалъ Пушкинъ.

Онъ увелъ его въ инспекторскую комнату. Кадеты думали, что Пушкинъ заперъ его, чтобы потомъ, по окончаніи классовъ, высѣчь. Но Пушкинъ посадилъ его въ своемъ инспекторскомъ кабинетѣ къ столу и далъ ему читать книжку «Современника».

Русская литература для насъ кончалась Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ; ни о Гончаровѣ, ни о Тургеневѣ, ни о Достоевскомъ мы не слыхали; имя Бѣлинскаго также намъ было неизвѣстно, хотя Костылецкій руководствовался его идеями. Изъ иностранной беллетристики къ намъ проникали уже Диккенсъ и Теккерей. Англійскую литературу у насъ пропагандировалъ, конечно по переводамъ, Чоканъ; онъ любилъ читать объ Англіи и англійской жизни, а манерѣ англійскихъ путешественниковъ хотѣлъ подражать. Диккенса, кажется, любили въ семействѣ Капустиныхъ; Диккенсъ былъ тогда у всѣхъ на языкѣ.

Въ 1852 г. я вышелъ въ офицеры и пожелалъ записаться въ тотъ казачій полкъ, управленіе котораго находилось въ Семипалатинскѣ. Въ тотъ же годъ меня назначили въ отрядъ, который подъ начальствомъ полковника Перемышльскаго

долженъ былъ идти въ Заилійскій край. Перемышльскому было поручено положить начало русской власти въ Заилійскомъ краѣ. Нашъ отрядъ занялъ долину р. Алматы; такимъ образомъ было положено начало городу Вѣрному. Я пробылъ въ этихъ краяхъ, т. е. въ нынѣшней Семирѣченской области два года. Послѣ того я возвратился сначала въ Семипалатинскъ, затѣмъ былъ переведенъ въ другой полкъ, расположенный въ Алтаѣ, между Бійскомъ и Устькаменогорскомъ. Во все это время я не переписывался съ Чоканомъ и только слышалъ, что и онъ вышелъ въ офицеры. Онъ долженъ былъ выйти послѣ меня черезъ два года; у насъ въ корпусѣ было три класса, и въ каждомъ сидѣли по два года. Однако Чокана выпустили годомъ ранѣе, чѣмъ его сверстниковъ. Какъ инородца, его нашли неудобнымъ оставлять на тотъ курсъ, въ которомъ читаются спеціально военныя науки: тактика, артиллерія, фортификація и др. Тотчасъ же по выходѣ изъ корпуса его сдѣлали адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ.

Въ 1857 г. я былъ вызванъ на службу въ Омскъ и здѣсь снова увидѣлся съ Чоканомъ. Всего мы не видались лѣтъ пять.

Чоканъ жилъ въ это время въ центрѣ города, въ той его части, которая называется Мокрое. Въ этой же части жилъ и Гутковскій, въ семействѣ котораго Чоканъ постоянно обѣдалъ и былъ принятъ какъ родной.

Мокрое было тогда самой грязной въ лѣтнее время частью города; въ дожди въ его улицахъ стояли лужи во всю ихъ ширину. Оно было расположено на правомъ берегу Оми, на нижней террасѣ, которую въ большую воду иногда заливало. Теперь по лицевой сторонѣ Мокраго вытянулась линія каменныхъ домовъ съ лучшими магазинами въ городѣ; тогда этихъ домовъ не было, а на ихъ мѣстѣ была сѣнная площадь. Тогдашняя лицевая линія Мокраго состояла изъ деревянныхъ небольшихъ домовъ, изъ среды которыхъ выдавался одинъ неуклюжій и высокій домъ съ мезониномъ вмѣсто третьяго этажа. Это былъ домъ купчихи Коробейниковой. Чоканъ называлъ его «Вестминстерскимъ аббатствомъ Мокраго». Рядомъ съ нимъ былъ небольшой домъ съ обращавшими на себя

вниманіе ставнями, въ которыхъ были прорѣзи въ видѣ сердечка; это была квартира Дурова.

Мы видѣлись съ Чоканомъ часто. Или я ходилъ къ нему на Мокрое, или онъ заѣзжалъ ко мнѣ. «Вестминстерское аббатство Мокраго», какъ будто сейчасъ вижу; осталось оно у меня въ памяти, потому что всякій разъ я долженъ былъ проходить мимо него, когда шелъ къ Чокану. Домикъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ деревянный, одноэтажный, приземистый; окна у самой земной поверхности; внутри квартиру Чоканъ умѣлъ устроить уютно; онъ любилъ хорошую барскую обстановку, столъ его былъ уставленъ дорогими бездѣлушками, расположенными въ красивой симметріи. Одѣвался Чоканъ всегда съ иголочки; зимой ходилъ въ военной шинели съ бобровымъ воротникомъ; ухаживалъ за ногтями и на одномъ пальцѣ отпускалъ ноготь по-китайски. Очень любилъ Чоканъ красивыя вещицы и портсигаровъ у него была цѣлая коллекція. Выбиралъ онъ, однако, не за дороговизну, а за какую-нибудь мысль, которую умѣлъ прочесть въ рисункѣ. На одномъ портсигарѣ была изображена крыса, вертящая буравчикомъ въ земной поверхности. Это, по мнѣнію Чокана, былъ изображенъ «геологъ».

Въ это время по западной Сибири путешествовалъ П. П. Семеновъ; сначала онъ проѣхалъ черезъ Омскъ въ Заилійскій край и посѣтилъ окрестности Иссыкъ-куля и Ханъ-тэнгри, высшей точки въ Тяньшанѣ, а на зиму выѣхалъ въ Барнаулъ. Проѣздомъ черезъ Омскъ онъ познакомился съ Гутковскимъ и въ домѣ его увидѣлъ Чокана. П. П. Семеновъ поддержалъ въ Чоканѣ стремленіе ѣхать въ Петербургъ для того, чтобы прослушать университетскій курсъ по восточному факультету. Я засталъ Чокана съ восторженными воспоминаніями о только что проѣхавшемъ путешественникѣ. И еще бы Чокану не обрадоваться этому знакомству. Чоканъ все болѣе и болѣе углублялся въ исторію востока; какія-то загадочныя отношенія киргизскаго племени къ этой исторіи, среди котораго являлись имена древнихъ народовъ Усуней, Киреевъ, Наймановъ въ качествѣ именъ поколѣній, заставляли его задумываться и можетъ быть мечтать сдѣлать разоблаченія въ древней исторіи востока по-

средствомъ данныхъ, которыя представляютъ народныя преданія и остатки старины киргизскаго народа. Когда онъ перечитывалъ о Хунну и Тукіу, о Жуаньжуаняхъ и уйгурахъ, вдругъ пріѣзжаетъ въ Омскъ переводчикъ Риттера, который только что перевелъ тотъ томъ «Землевѣдѣнія Азіи», который трактуетъ этотъ предметъ и старается распутать его. П. П. Семеновъ привезъ рукопись перевода и часть ея далъ Чокану прочесть.

Чоканъ строилъ планъ, что онъ и я сначала отправимся въ Петербургъ слушать лекціи въ университетѣ; я долженъ былъ поступить на естественно-историческое отдѣленіе физико-математическаго факультета; я тогда откуда-то добылъ «Русскую Фауну» Симашко и увлекался естественной исторіей. Чоканъ долженъ былъ прослушать курсъ на восточномъ факультетѣ. По выходѣ изъ университета, предполагалось, мы поѣдемъ путешествовать въ Среднюю Азію, въ непроницаемый Китай. Онъ увлекался этимъ планомъ и безъ удержи строилъ воздушные замки. Меня сдерживало сознаніе моего крѣпостнаго положенія. Какъ казакъ, я долженъ былъ трубить двадцать пять лѣтъ лямку казачьяго офицера и не смѣлъ думать ни объ университетѣ, ни о путешествіи въ Среднюю Азію. Я иногда высказывалъ сомнѣніе, могу ли я ему сопутствовать, но онъ не унимался и продолжалъ развивать передо мной свои фантазіи. Ему доставляло удовольствіе вслухъ мечтать о любимой цѣли, и въ то же время стыдно было, что онъ сочиняетъ свой романъ передъ человѣкомъ, у котораго только слюнки текутъ отъ его разсказа, и изъ жалости ко мнѣ онъ всегда непремѣнно пристегивалъ меня къ своему стремени и заставлялъ вмѣстѣ съ собой бродить по берегамъ Хухунора, карабкаться на вершины тибетскихъ горъ, отыскивать развалины Каракорума, могилу князя Ярослава въ Монголіи или ставку того среднеазіатскаго хана, къ которому ѣздилъ Земархъ посломъ отъ византійскаго императора Юстиніана.

Въ это время Чоканъ познакомилъ меня съ Гутковскимъ; Гутковскій поручилъ мнѣ разборъ омскаго областнаго архива. Гутковскій управлялъ тогда омской областью, т. е. киргизами сибирскаго вѣдомства. Первые по времени томы областнаго

архива, или «столпушки», какъ называлъ ихъ архиваріусъ, состояли изъ бумагъ бывшей въ прошломъ столѣтіи «военно-походной канцеляріи генерала Киндермана». Киндерманъ былъ начальникъ войскъ, расположенныхъ по пограничной линіи отъ Звѣриноголовской крѣпости до Омской, и онъ же завѣдывалъ всякими сношеніями съ пограничными народами. Это относилось къ половинѣ прошлаго столѣтія. Сосѣдями пограничной линіи были Киргизская средняя Орда, ханомъ которой былъ Аблай-ханъ, дѣдъ Чокана, и Чжунгарское (калмыцкое) ханство, въ архивныхъ дѣлахъ называвшееся Зенгорскимъ. Въ архивѣ генерала Киндермана сохранились извѣстія о приходѣ на линію Зенгорскихъ карававовъ изъ Кашгара и Яркенда съ показаніями о родахъ товаровъ, разсказы лазутчиковъ, которыхъ Киндерманъ посылалъ подъ разными предлогами въ зенгорскія земли и т. д.

Я принялся за это дѣло усердно и эта работа еще болѣе приблизила мои вкусы къ одинаковымъ занятіямъ съ Чоканомъ. Чоканъ часто заѣзжалъ ко мнѣ, чтобъ узнать, не откопалъ ли я что-нибудь новое, интересное. Какъ мы рады были, собственно какъ радъ былъ Чоканъ, когда я наткнулся на извѣстіе о насильственномъ переселеніи народа киргизовъ изъ енисейской губерніи въ долину р. Чу въ Туркестанѣ, совершенномъ какимъ-то зенгорскимъ генераломъ.

П. П. Семеновъ, отправляясь во вторую поѣздку, вновь заѣхалъ въ Омскъ. Онъ слышалъ обо мнѣ еще въ Алматахъ (нынѣшній Вѣрный) и хотѣлъ меня видѣть. Прихожу со службы домой и вижу на столѣ листъ бумаги, на которомъ почеркомъ Чокана написано: «Былъ у тебя съ П. П. Семеновымъ. Жалѣемъ, что не застали дома». Я бросился къ Чокану на Мокрое, но только что вышелъ на ближайшую площадь, какъ вижу—ко мнѣ направляются сани и въ нихъ двѣ фигуры, изъ которыхъ одна въ военной шинели съ бобровымъ воротникомъ. Я узналъ по этой шинели Чокана; его спутникъ былъ П. П. Семеновъ. Всѣ мы трое вновь вернулись въ мою квартиру. П. П. Заинтересовался моими архивными работами, пересмотрѣлъ гербарій, собранный мною въ Алтаѣ, прочелъ мнѣ лекцію по систематикѣ растеній и кон-

чилъ тѣмъ, что сказалъ, что оба мы должны ѣхать въ Петербургъ, что провинціальная жизнь можетъ затереть насъ. Это особенно было вѣрно по отношенію ко мнѣ. Онъ обѣщалъ хлопотать, чтобъ мнѣ было дозволено поѣхать въ Петербургъ, и увѣрилъ меня, что исключеніе изъ правила дѣло не невозможное. Послѣ этого я сталъ тоже надѣяться выбраться въ Петербургъ и проэктъ Чокана совмѣстнаго путешествія перестаЛъ казаться несбыточной мечтой.

Политическія мои убѣжденія сильно расходились въ это время съ убѣжденіями Чокана. Въ теченіе 5 лѣтъ, какъ мы не видѣлись, Чоканъ все время провелъ въ Омскѣ, въ большомъ городѣ, гдѣ существовалъ кружокъ интеллигентныхъ людей; я большую часть прожилъ въ захолустьяхъ, въ Алматахъ или въ одной изъ казачьихъ станицъ въ Алтаѣ. А за это время большія перемѣны совершились; произошелъ севастопольскій погромъ, появились «Губернскіе Очерки» Щедрина, началъ издаваться «Русскій Вѣстникъ» со статьями Громеки, Тургеневъ сдѣлался любимцемъ публики, выступилъ Чернышевскій. «Новыя вѣянія» донеслись и до Омска. Въ какое-нибудь алтайское захолустье они доходили только съ газетой или книгой, въ Омскъ заносились и живыми людьми. Черезъ Омскъ тянулись тогда освобожденные изъ ссылки декабристы и петрашевцы; нѣкоторыя группы назначили въ Омскѣ съѣздъ для свиданія. Въ обратную сторону провезли Бакунина, «саксонскаго короля», какъ публика звала его въ сибирскихъ городахъ [1]). Въ Омскъ начали наѣзжать свѣжіе люди. Въ кадетскій корпусъ учителемъ пріѣхалъ Лобадовскій,

[1]) Гасфордъ, генералъ-губернаторъ Зап. Сибири пожелалъ видѣть Бакунина и его привезли къ нему. Дежурнымъ былъ Чоканъ, такъ что онъ присутствовалъ на аудіенціи. Гасфордъ разговорился о венгерской кампаніи и упомянулъ о Германштадтѣ, Бакунинъ перехватилъ: „подъ которымъ русскіе были разбиты". А ими командовалъ Гасфордъ. онъ любилъ похвастатся Германштадскимъ дѣломъ. Въ Сергіополѣ разсказывали, какъ однажды Гасфордъ, осматривая сергіопольскія земляныя укрѣпленія, попросилъ у инженера карандашъ. У того не оказалось. „Офицеръ всегда долженъ имѣть при себѣ карандашъ"! Онъ вынулъ изъ жилета кармана карандашъ и показывая его офицерамъ, сказалъ: „вотъ карандашъ, которымъ были написаны переговоры подъ Германштадтомъ"!

пріятель Н. Г. Чернышевскаго. Въ семейство Капустиныхъ возвратился изъ Казани только что кончившій курсъ студентъ С. Я. Капустинъ [1]).

Самое сильное вліяніе на Чокана имѣлъ Дуровъ. Онъ отзывался объ немъ, какъ о человѣкѣ съ необыкновенными идеями и собирался какъ-нибудь свезти меня къ нему. Между тѣмъ у насъ съ Чоканомъ происходили большіе споры въ его квартирѣ; каждый разъ я уходилъ отъ него разобиженный, потому что чувствовалъ себя всегда побитымъ на всѣхъ пунктахъ, но разубѣдить меня все-таки Чоканъ не могъ. Я все-таки думалъ, что моя сторона правая, только я не имѣю ни тѣхъ знаній, ни того искусства, какія были у Чокана, чтобы спорить съ нимъ.

Однажды Чоканъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ намѣренъ меня свезти къ Дурову. Мы поѣхали. Чоканъ познакомилъ меня съ Дуровымъ, но самъ у него долго не оставался, вскорѣ уѣхалъ, расказавши ему только анекдотъ, случившійся въ тотъ же день утромъ. Чоканъ былъ дежурнымъ въ домѣ генералъ-губернатора. Послѣдній, распекая въ этотъ день какого-то явившагося къ нему чиновника, поручилъ Чокану отвести его на гауптвахту, которая была на одной площади съ генералъ-губернаторской квартирой. Чоканъ со своимъ спутникомъ подходитъ къ гауптвахтѣ и видитъ, что передъ гауптвахтой расхаживаетъ офицеръ, а подъ навѣсомъ въ тѣни сидятъ два чиновника, арестованные раньше, и играютъ въ шашки. Завидѣвъ генералъ-губернаторскаго адъютанта съ товарищемъ, игроки оставили игру и, улыбаясь, закричали: «ведутъ! ведутъ»! Дуровъ немедленно оцѣнилъ прелесть разсказа и замѣтилъ: «Точно картинка изъ Диккенса»!

Я провелъ у Дурова цѣлый вечеръ. Онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; настоящій переворотъ. Ни одинъ человѣкъ такъ сильно не дѣйствовалъ на меня прежде. Умѣнье осторожно и гуманно обращаться съ чувствомъ другого человѣка, сразу установило во мнѣ довѣріе къ этому человѣку. Передо мною былъ человѣкъ болѣе 45 лѣтъ, разрушенный

[1]) Извѣстный потомъ авторъ статей о русской крестьянской общинѣ.

болѣзнями, на половину трупъ; только глаза блестѣли живымъ огнемъ. Болѣе всего онъ произвелъ на меня впечатлѣніе своей вѣрой въ будущее Россіи и въ прогрессъ человѣчества; онъ съ искренней радостью встрѣчалъ энтузіазмъ юноши, вдохновляемаго наукой и стремленіемъ въ университетъ. Я видѣлъ Дурова всего одинъ только этотъ разъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ онъ уѣхалъ въ Одессу, а потомъ за границу, гдѣ вскорѣ и умеръ [1]). Я ушелъ отъ него единомышленникомъ Чокана и споры между нами прекратились. Хотя этотъ вечеръ собственно есть эпизодъ изъ моей жизни, а не Чокана, но я привелъ его потому, что несомнѣнно Дуровъ игралъ большую роль въ воспитаніи Чокана. Онъ на меня произвелъ такое впечатлѣніе въ теченіе одного вечера; Чоканъ же находился подъ постояннымъ его вліяніемъ не менѣе, вѣроятно, года (отъ выхода Дурова изъ тюрьмы до отъѣзда его изъ Омска).

Дуровъ въ этотъ вечеръ отозвался мнѣ о Чоканѣ, что онъ много успѣлъ начитаться въ литературѣ, относящейся до ближайшаго къ нему востока, но очень бѣденъ общимъ образованіемъ. Начитанность Чокана по востоку удивляла и другихъ, конечно относительная, принимая въ разсчетъ, что онъ пріобрѣлъ ее, не выѣзжая изъ провинціальнаго города. П. П. Семеновъ также удивлялся тому, какимъ образомъ онъ могъ составить въ Омскѣ такую спеціальную и для Омска богатую библіотеку по своей спеціальности [2]).

---

[1]) Дуровъ пріобрѣлъ жестокій ревматизмъ въ тюрьмѣ. Плацъ-маіоръ Кривцовъ, завѣдывая военнымъ острогомъ, вымогалъ у Дурова взятку; онъ думалъ, что Дуровъ богатъ. Но родственники Дурова не только не помогали ему въ несчастіи, но даже воспользовались событіемъ, чтобъ присвоить себѣ наслѣдство Дурова. Поэтому Дуровъ говорилъ, что онъ не признаетъ чувства родства обязательнымъ. Ему помогали друзья, но ихъ присылокъ хватало ему только на чай. Кривцовъ не вѣрилъ ему и приказывалъ употреблять его на тяжелыя работы, выкатывать бревна изъ рѣки въ осенніе морозы и т. п. Его нарочно гнали въ холодную воду и онъ схватилъ ревматизмъ, который причинялъ ему жесточайшія мученія.

[2]) Дѣйствительно надо было удивляться его искусству добывать книги. Такъ, напр., въ Омскѣ у него уже полный оттискъ статей Вельяминова-Зернова о сношеніяхъ съ киргизскими ханами изъ „Оренбургскихъ Вѣдомостей“, составлявшихъ и тогда большую рѣдкость.

Въ 1858 г. я оставилъ Омскъ; весной 1859 г. я былъ уже въ Петербургѣ и поступилъ вольнослушателемъ. Чоканъ остался въ Омскѣ. Въ это время нашей разлуки Чоканъ совершилъ свою поѣздку въ Кашгаръ.

Западно-сибирское начальство хотѣло собрать свѣдѣнія о такъ называемомъ Шестиградіи (Алтышаръ), которое только что свергло съ себя владычество китайцевъ. Проникнуть туда можно было только инкогнито. Предпріятіе выполнить поручили Чокану, а помочь этому дѣлу взялся семипалатинскій «гость», выходецъ изъ Туркестана, Букашъ [1]), который велъ постоянную торговлю съ Кульджой. Букашъ вспомнилъ, что лѣтъ 20 назадъ въ Семипалатинскъ выѣхалъ кашгарскій торговецъ съ малолѣтнимъ сыномъ, котораго звали Алимомъ. Изъ Семипалатинска кашгарецъ уѣхалъ въ Саратовъ и что съ нимъ случилось, въ Семипалатинскѣ было неизвѣстно. Букашъ зналъ только, что семейство это въ Кашгаръ не возвращалось. Букашъ придумалъ отправиться въ Кашгаръ съ караваномъ, взять съ собой Чокана и выдать его за Алима, такъ какъ года Чокана какъ разъ были подходящи. Чоканъ обрилъ голову, переодѣлся въ азіатское платье, мундиръ съ эполетами смѣнилъ на бешметъ и отправился съ караваномъ. Въ Кашгарѣ повѣрили Букашу: родственники Алима встрѣтили мнимаго Алима радушно, затаскали Чокана по гостямъ, угощали его, устраивали для него пиры и по алтышарскому обычаю женили его на временной женѣ (Алимъ пріѣхалъ вѣдь только посмотрѣть родню и долженъ былъ возвратиться къ отцу въ Саратовъ). Написали бабушкѣ Алима, жившей въ Коканскомъ ханствѣ, за хребтомъ, письмо, что Алимъ выѣхалъ; бабушка выслала внуку аракчинъ, расшитый золотомъ. Проживши зиму въ Кашгарѣ, Чоканъ съ Букашемъ пустился назадъ. Кашгарскія власти узнали, что подъ именемъ Алима былъ переодѣтый русскій офицеръ и послали погоню вслѣдъ за караваномъ, но погоня эта не могла догнать каравана въ предѣлахъ Алтышарскаго ханства,

---

[1]) Изъ какого Туркестана выходецъ былъ Букашъ, не знаю. Первоначально онъ имѣлъ свой „Курганъ", усадьбу въ Киргизской степи, въ горахъ Аркатъ, къ ю. отъ Семипалатинска, и потомъ переѣхалъ въ Семипалатинскъ.

не посмѣла преслѣдовать его въ русскихъ предѣлахъ и вернулась въ Кашгаръ.

Долго Чоканъ не ѣхалъ съ отчетомъ въ Петербургъ. Азіатскій департаментъ Мин. Иностр. дѣлъ вызывалъ Чокана, но Чоканъ сидѣлъ въ Омскѣ; онъ старался убѣдить Чингиса Валіевича назначить ему содержаніе на время петербургской жизни; отецъ, имѣя большое семейство на рукахъ и зная мотовство сына, хотѣлъ ограничить его небольшой суммой. Эти переговоры длились довольно долго и едва-едва пришли къ концу, вѣроятно не безъ вліянія Гутковскаго.

Чоканъ въ Петербургѣ. Онъ былъ прикомандированъ къ Главному Штабу; ему было поручено составлять или редактировать карту Азіи, которую Штабъ готовился издать. За это онъ получалъ особый плакатъ; отецъ также помогалъ; вмѣстѣ съ жалованьемъ онъ имѣлъ едва ли не до 3000 р. въ годъ. Жилъ онъ обыкновенно на южной сторонѣ, но улицы я перезабылъ. Помню одну его квартиру въ Новомъ переулкѣ около дворца в. кн. Маріи Николаевны. Конечно съ пріѣзда тотчасъ же онъ перезнакомился съ оріенталистами, былъ у Березина, Каземъ-бека, Васильева. Изъ литераторовъ онъ чаще всего встрѣчался съ Достоевскимъ и Крестовскимъ. Онъ раскazывалъ, будто бы въ его квартирѣ было послѣднимъ написано надѣлавшее въ свое время шуму и получившее отповѣдь Добролюбова стихотвореніе Крестовскаго о испанской актрисѣ и нищемъ [1]). Былъ ли онъ представленъ Тургеневу, я не знаю, не помню. Кажется былъ. Чоканъ раскaзывалъ, что однажды, когда онъ изображалъ «громъ и молнію Невскаго проспекта» (современное выраженіе «Искры»), т. е. когда шелъ по Невскому, отпустивъ на длинномъ ремнѣ саблю, Тургеневъ удостоилъ его своимъ вниманіемъ и наступилъ ему на саблю. Все это, вѣроятно, Чоканъ присочинилъ.

Для своихъ товарищей сибиряковъ, бѣдныхъ студентовъ, Чоканъ устраивалъ особые вечера. На этихъ вечерахъ собира-

[1]) Чоканъ любилъ иногда и присочинить. Когда на него нападалъ припадокъ злости, онъ приписывалъ себѣ пороки, отъ которыхъ волосы дыбомъ становятся, для того только, чтобъ поиздѣваться надъ пуризмомъ пріятеля—плебея.

лось человѣкъ до десяти. На нихъ я встрѣчалъ омича Анненскаго [1]) и Голубева, офицера генеральнаго штаба, котораго кажется было предположеніе назначить русскимъ консуломъ въ Кашгаръ и который потомъ въ качествѣ астронома путешествовалъ въ Семирѣчьи.

Кромѣ П. П. Семенова Чоканъ бывалъ также у Бекетова.

Въ восточный факультетъ Чоканъ не заглядывалъ. Вставалъ онъ съ постели въ двѣнадцать часовъ, никогда ранѣе, и можетъ быть иногда позднѣе. Понятно, что для него посѣщеніе лекцій было невозможно. Но на модныхъ тогда лекціяхъ Костомарова и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ онъ появлялся. Велъ онъ жизнь въ Петербургѣ веселую; участвовалъ въ пикникахъ, на гуляньяхъ, ѣздилъ въ театръ, водился съ гвардейскою молодежью и участвовалъ въ ея кутежахъ. Онъ обыкновенно не пилъ, но моталъ деньги на увеселенія. Петербургскій климатъ, петербургскія квартиры и такой образъ жизни сильно подвинули впередъ разстройство организма, которое впервые сказалось еще во время кадетской жизни въ Омскѣ. Хотя его во время пребыванія въ кад. корпусѣ ежегодно отсылали въ степь къ отцу въ Серембеть, тѣмъ не менѣе онъ вышелъ изъ корпуса съ задатками чахотки. Въ Петербургѣ онъ пробылъ едва ли болѣе года; проведя одну зиму, онъ почувствовалъ такое ухудшеніе здоровья, что доктора стали гнать его на родину. Онъ говорилъ мнѣ тогда, что онъ ѣдетъ собирать киргизскія сказки. Тогда уже началъ собирать тюркскія сказки Радловъ и вѣроятно вопросъ о киргизскихъ сказкахъ былъ поднятъ въ Академіи Наукъ.

Въ 1864 г. я оставилъ Петербургъ и принялъ участіе въ экспедиціи астронома Струве въ качествѣ коллектора. Струве путешествовалъ одно лѣто въ южномъ Алтаѣ, другое въ Тарбагатѣ. Я ему сопутствовалъ въ обѣихъ поѣздкахъ, а на зиму въ промежутокъ между поѣздками выѣхалъ въ Омскъ. Въ это время Чоканъ выѣхалъ въ Омскъ изъ Серембетя. Онъ прислалъ за мной, такъ какъ самъ не могъ ко мнѣ придти. Я засталъ его лежащимъ по срединѣ комнаты подъ киргизскими лисьими

[1]) Извѣстный статистикъ, жена котораго составила передѣлку Робинзона Крузе, изданную Лесевичемъ.

зубами. Подлѣ него на полу лежала раскрытая книга Абель-Ремюза «Histoire de la ville de Khotan». Чоканъ встрѣтилъ меня словомъ: «Разлагаюсь»! Онъ мнѣ показалъ какую-то шишку, появившуюся у него на носу. Онъ былъ очень грустенъ и жаловался на начальство. Гутковскаго тогда уже не было въ Омскѣ; генералъ-губернаторомъ тогда былъ Дюгамель. Хотя новый генералъ-губернаторъ былъ человѣкъ добрый и просвѣщенный и желалъ сдѣлать добро краю, но во главѣ управленія киргизами уже не стояло человѣка въ родѣ Гутковскаго. Чокана если и цѣнили, то не такъ, какъ при Гутковскомъ. Впрочемъ, секретаремъ Управленія киргизами былъ Лещовъ, который былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Чоканомъ. Шишку доктора скоро прогнали, но полное здоровье къ Чокану уже не возвращалось. Впрочемъ, онъ всталъ съ постели и началъ выѣзжать.

Въ половинѣ зимы я уѣхалъ на озеро Зайсанъ. Такимъ образомъ въ это время я видѣлся съ нимъ не болѣе, какъ въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Съ Зайсана къ веснѣ я возвратился въ Семипалатинскъ и ждалъ тутъ пріѣзда Струве, чтобы ѣхать съ нимъ въ Тарбагатай. Весной проѣхалъ черезъ Семипалатинскъ генералъ Черняевъ по дорогѣ въ Вѣрный; онъ ѣхалъ брать Ташкентъ. За нимъ потянулись инженеры, артиллеристы, а далѣе ученые и литераторы. Проѣхалъ орнитологъ Н. А. Сѣверцовъ; проѣхалъ приглашенный изъ Тобольска литераторъ Южаковъ [1]), чтобы принять участіе въ экспедиціи. Въ Семипалатинскѣ шутили, что это въ родѣ египетской экспедиціи Наполеона выходитъ. Черняевъ пригласилъ и Чокана. Но онъ проѣхалъ черезъ Семипалатинскъ позже, когда мы со Струве были уже на Тарбагатаѣ. Такъ я болѣе Чокана уже и не видалъ.

При взятіи Пишпека или Аулієата, не помню, звѣрства русскихъ войскъ надъ единовѣрцами Чокана или можетъ быть и надъ соплеменниками его, т. е. надъ кирги-

---

[1]) Южаковъ прославился въ свое время паломничествомъ въ Святую землю, напечаталъ два разсказа въ „Современникѣ" о своемъ пребываніи въ Бейрутѣ и Болгаріи, пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ изъ Сиріи и попалъ въ „Искру" въ числѣ другихъ „Каликъ перехожихъ".

зами, огорчили его. Онъ увидѣлъ, что онъ не можетъ болѣе участвовать въ военномъ походѣ, разошелся съ Черняевымъ и уѣхалъ въ Вѣрный, оттуда перебрался въ аулъ султана Тезека, управлявшаго адбанами (родъ Большой Орды), кочевавшими къ западу отъ Кульджи. Здѣсь онъ женился на дочери Тезека, но вскорѣ здѣсь же, на границѣ съ Китаемъ, и умеръ. Онъ былъ похороненъ близъ дороги, ведущей изъ Копала въ Вѣрный, на степной долинѣ, растилающейся вдоль подошвы хребта Алтынъ-Имель. Надъ его могилой былъ построенъ деревянный памятникъ въ родѣ зданія мечети. Впослѣдствіи генералъ Колпаковскій построилъ тутъ каменный памятникъ.

Черты лица у Чокана были монгольскія, онъ самъ говорилъ, что султанское сословіе, «бѣлая кость», акъ сюекъ, отличается чертами лица отъ «черной кости», кара сюекъ. У черной кости будто бы эти черты разнообразны, потому что она смѣшанной крови, составилась изъ разноплеменниковъ, и по типу ближе къ западнымъ тюркамъ. Султаны же чингизиды монгольской крови и потому черты лица ихъ однообразнѣе и представляютъ выдержанный монгольскій типъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не былъ безобразенъ; лицо его можно было назвать даже миловиднымъ; такъ эти черты были облагорожены. Европейское платье и европейская манера носить волосы окончательно порабощали «Монголію».

Чоканъ былъ большой лѣнтяй. У него хватало терпѣнія записать сказку или преданіе, но привести свои бумаги въ порядокъ онъ никогда не могъ. Говорили, что у него былъ большой портфель съ матеріалами о киргизахъ, но куда это все дѣвалось, неизвѣстно. Эти записи его я самъ отчасти видѣлъ. Имъ была записана большая сказка Дикокаменныхъ киргизъ о Манасѣ, отрывки которой онъ мнѣ читалъ. Я собирался переписать и привести въ порядокъ его бумаги, но въ Петербургѣ время уходило на заработокъ для куска хлѣба и такъ я прособирался. Часть, конечно, погибла въ аулѣ Тезека. Разсказы Чокана о киргизахъ были очень интересны. Конечно, онъ могъ бы очень занимательно написать исторію киргизскихъ возстаній подъ предводительствомъ его дядей

Сарчжана и Кенисары. Разсказы объ этой исторіи онъ оживлялъ отрывками изъ киргизскихъ пѣсенъ, поясненіями посредствомъ поговорокъ, народныхъ преданій, народныхъ обычаевъ и обрядовъ. Степь тогда раздѣлилась на двѣ партіи: русскую и національную; послѣдняя почему-то называлась акъ-арка, «бѣлая поясница». Болѣе рѣшительные сторонники послѣдней держались кочевьемъ поюжнѣе, ближе къ Голодной степи. Антагонизмъ двухъ партій проявлялся во всѣхъ явленіяхъ жизни, даже въ тенсонахъ киргизскихъ пѣвцовъ на тризнахъ. Памятно было въ народѣ состязаніе между двумя пѣвцами на тризнѣ по богатомъ біѣ Сапакѣ; тутъ пѣвецъ Утебай пѣлъ куплеты, въ которыхъ доказывалъ пользу для киргизскаго народа отъ подчиненія русской власти, а другой пѣвецъ оспаривалъ его доводы.

Чоканъ разсказывалъ также анекдоты о болѣе старинномъ киргизкомъ импровизаторѣ Джанакѣ. Чоканъ зналъ много двоестишій или страсти, сказанныя Джанакомъ по разнымъ случаямъ — послѣ того, какъ ханъ подарилъ ему жену, при отдачѣ кожъ кожевнику для выдѣлки. Особенно интересны сатирическія стихи, въ которыхъ Джанакъ описывалъ свою поѣздку къ джатакамъ и въ которыхъ онъ смѣется надъ полуобрусѣлыми, бросившими степные обычаи, своими соплеменниками, живущими около казачьихъ станицъ, смѣется надъ витязями, ѣздящими верхомъ на быкахъ, въ холщевыхъ шараварахъ вмѣсто плисовыхъ, «съ матушкэ» — такъ онъ называетъ киргизку, джатачку — за спиной.

Чоканъ старался доказывать, что киргизы мирный народъ: это не наѣздники-грабители; это мирные пастухи. Посмотрите, говорилъ онъ, на ихъ одежду, на ихъ оружіе. Чекмень съ патронами, ятаганы и пр. имъ не извѣстны; одежда киргиза халатъ, оружіе жердь, постредствомъ которой онъ ловитъ лошадей въ табунѣ.

Народъ онъ свой любилъ. Это безспорно; съ прислугой изъ киргизъ, съ киргизами просителями онъ обходился невсегда гуманно, и нѣжныхъ чувствъ можетъ быть къ киргизскому простонародью не питалъ, но онъ хотѣлъ ему добра и служить будущему своего народа было его мечтой. Онъ

говорилъ, что прежде всего любитъ свой киргизскій народъ, потомъ Сибирь, потомъ Россію, потомъ все человѣчество; одна любовь заключена была у него въ другую, какъ тѣ кунгурскіе, одинъ въ другой вставленные сундуки, которыми знатные люди въ Средней Азіи любятъ дарить другъ друга. «Когда русскіе бьютъ киргизовъ, я возстаю противъ русскихъ, говорилъ онъ; когда французы бьютъ русскихъ, сердце мое на сторонѣ русскихъ».

Жизнь въ Петербургѣ и знакомство съ кутящей богатой молодежью отразились дурно на его привычкахъ; онъ вдругъ пріобрѣлъ такія привычки, какъ будто выросъ въ положеніи барченка. Входилъ и выходилъ изъ дома, не запирая дверей; кто-нибудь другой былъ обязанъ запирать за нимъ. Вставъ съ постели, онъ призывалъ своего слугу киргиза; опрометью прибѣгалъ киргизъ, неся лисій бешметъ и держалъ его въ воздухѣ надъ спиной Чокана, не смѣя положить ее. Чоканъ молча и разсѣянно стоялъ посреди комнаты и не отдавалъ приказанія: киргизъ не смѣлъ четверть часа двинуться съ мѣста и какъ вкопанный стоялъ съ распостертою въ воздухѣ шубой. Такихъ барскихъ привычекъ образовалось у него много. Но свои демократическія убѣжденія онъ продолжалъ высказывать рѣзко. Однажды на майскомъ парадѣ стоявшій возлѣ него какой-то молодой князь, котораго толкнулъ какой-то сѣрый кафтанъ, сказалъ: «Что это не почистятъ публику»! Чоканъ быстро замѣтилъ ему: «А вы читали, какъ Разинъ чистилъ публику»? Тогда только что вышла статья Костомарова.

Въ Омскѣ это былъ самый злой языкъ, «бритва». Его мѣткія слова, остроты или сочиненные имъ анекдоты подхватывались городской молвой. Онъ не останавливался надъ сочиненіемъ; часто, преслѣдуя противника, выдумывалъ о немъ небывалый анекдотъ, но по большей части такъ мѣтко и вѣроподобно, что всѣ вѣрили. Объ одномъ генералѣ, который получилъ Владиміра и старался распахивать шубу, чтобы и зимой видѣли орденъ, онъ сочинилъ, что будто бы онъ банты изъ владимірской ленты прикрѣпилъ на своихъ галошахъ. О генералъ-губернаторѣ, который воображалъ о себѣ, какъ о

превосходномъ администраторѣ, а прославился «проэктированными начальствомъ горами», «вооруженными гумнами», «Высочайше утвержденной религіей» [1]) и ходатайствомъ о постановкѣ ему памятника при жизни, Чоканъ сочинилъ, будто когда онъ оставилъ свой постъ и когда Чоканъ первый привезъ ему извѣстіе, кто назначенъ на его мѣсто, генералъ возразилъ: «Но ему тамъ нечего дѣлать! Я все докончилъ». Генералъ думалъ, что онъ завелъ въ краѣ такое благополучіе, что другимъ генералъ-губернаторамъ оставалось только лежать на боку. Кто зналъ генерала, не могъ не сознаться, что анекдотъ сочиненъ необыкновенно мѣтко.

Любилъ ли Чоканъ, не знаю. Въ Омскѣ были у него увлеченія, но они далеко не заходили, и оканчивалось дѣло тѣмъ только, что онъ болѣе обыкновеннаго декламировалъ стихи Полонскаго и Майкова. Онъ говорилъ, что не можетъ жениться на русской дѣвушкѣ, потому что хочетъ служить своему киргизскому народу, а для этого долженъ остаться мусульманиномъ. Въ дѣйствительности въ религіозныхъ вопросахъ онъ былъ раціоналистъ.

Въ характерѣ Чокана были черты, напоминающія черты характера Пушкина или Лермонтова. Преслѣдовать насмѣшками кого-нибудь была у него какая-то духовная потребность, причемъ онъ иногда былъ не разборчивъ, что и кого онъ преслѣдуетъ. Не щадилъ онъ своихъ ближайшихъ друзей, и смѣялся не только надъ смѣшными дѣйствительно чертами или надъ пошлостью, но и надъ физическими недостатками. Но это не мѣшало обнаруживать по временамъ самую нѣжную привязанность къ своимъ друзьямъ, особенно послѣ длинной

---

[1]) „Вооруженныя гумны“—въ Копалѣ киргизскіе барантачи нападали на косцовъ и жнецовъ и жницъ; генералъ проэктировалъ вокругъ крѣпости Копальской устроить гумна, окруженныя брустверами. „Проэктир. горы“ — генералъ велѣлъ на картѣ Киргизской степи назначить горы, гдѣ онѣ, по его мнѣнію, должны быть, хотя топографъ въ дѣйствительности ихъ не видѣлъ; „Выс. утв. религія“ — Гасфордъ вывезъ въ Петербургъ предположеніе составить переходную религію. смѣсь ислама съ ученіемъ Христа, чтобы облегчить киргизамъ переходъ въ христіанство. „Высочайше утвержденная религія“ — это выраженіе любилъ употреблять К. Д. Кавелинъ, когда разсказывалъ о проэктѣ Гасфорда.

разлуки. Но проходитъ мѣсяцъ, другой и эта привязанность куда-то прячется. Точно онъ не видитъ хорошихъ качествъ своего друга, а видитъ въ немъ только то, что мелочно и пошло. И онъ начинаетъ его пилить и язвить. Нужно, чтобъ съ другомъ что-нибудь случилось — разлука, или тяжкая болѣзнь, чтобъ въ Чоканѣ снова обнаружилась съ прежнимъ жаромъ привязанность къ другу и нѣжная заботливость

Если бы Чоканъ имѣлъ въ киргизскомъ народѣ читающую среду, онъ могъ бы стать геніемъ своего народа и положить начало литературному возрожденію своихъ единоплеменниковъ.

Чоканъ жилъ съ своими современниками, обмѣнивался съ ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущаго. Онъ ничего не сдѣлалъ для будущаго своего народа, которому хотѣлъ быть полезнымъ, но что онъ могъ сдѣлать? Написать исторію своего народа, составить сборникъ сказокъ, составить собраніе народныхъ обычаевъ, или описать бытъ своего народа? Всѣ такія частныя задачи не могли удовлетворить такую натуру, какъ Чоканъ. Настоящее призваніе его было сдѣлаться киргизскимъ публицистомъ или литераторомъ, пишущимъ для киргизскихъ читателей, а жизнь хотѣла изъ него сдѣлать ученаго оріенталиста или русскаго литератора, пишущаго о киргизахъ.

Г. Потанинъ.

—

II.

Воспоминаніе о Чоканѣ Валихановѣ.

Съ Чоканомъ Валихановымъ я познакомился въ Петербургѣ въ 1860 г. чрезъ Григорія Николаевича Потанина. Сначала я просто встрѣчался съ нимъ, а потомъ представился мнѣ случай сдѣлать ему небольшое одолженіе. Знакомство мое продолжалось съ нимъ и въ Сибири, въ г. Омскѣ, откуда онъ около 1865 г. отправился въ Туркестанъ съ Черняевымъ, но затѣмъ возвратился въ степь къ роднымъ и умеръ. Отъ Г. Н. Потанина я узналъ, что Чоканъ Валихановъ былъ его товарищемъ по омскому корпусу; въ 1860 г. обоимъ имъ было около 25 лѣтъ. Въ корпусѣ Чоканъ Валихановъ обнаруживалъ любознательность и недюжинныя способности, онъ много читалъ и въ корпусѣ еще его любимыми авторами были Диккенсъ и Теккерей. Эти авторы въ особенности были по вкусу Валиханову, такъ какъ онъ самъ обладалъ замѣчательнымъ юморомъ, о чемъ скажу ниже.

Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Чокана Валиханова офицеромъ какъ разъ въ пору его славы, онъ только что совершилъ путешествіе въ Кашгаръ, оріенталисты съ нимъ заводили знакомство и я его заставалъ за разными восточными манускриптами и картами. Тѣмъ не менѣе я скоро замѣтилъ, что онъ не былъ усидчивымъ ученымъ и тружеником; все ему давалось по части Тюркской литературы легко потому, что онъ владѣлъ киргизскимъ яз. въ совершенствѣ. Китайскаго онъ не зналъ еще и интересовался китайскими авторами въ переводахъ. Онъ часто подсмѣивался надъ своими познаніями и говорилъ, что онъ ставитъ одинъ китайскій знакъ для счастья, когда играетъ въ карты. Любилъ онъ представлять изъ себя дѣлового человѣка, но скорѣе рисовался. На Нев-

скій въ извѣстный часъ онъ выходилъ гулять непремѣнно съ портфелемъ. На самомъ дѣлѣ онъ велъ весьма разсѣянную жизнь, какъ я замѣтилъ, и рядомъ съ интеллигентностью въ немъ былъ лоскъ и шикъ гвардейскаго офицера. Съ киргизскимъ лицомъ и тонкими чертами, небольшими усиками, онъ не представлялъ монголообразнаго безобразія, лицо его напоминало миловиднаго, образованнаго китайца. За то стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, въ нихъ было что-то женственное, лѣнивыя движенія его придавали ему видъ европейскаго сибарита и денди. Все это производило впечатлѣніе, узенькіе глаза его сверкали умомъ, они смотрѣли какъ угольки, а на тонкихъ губахъ всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нѣчто Лермонтовское и Чарльзъ-Гарольдовское. Разговоръ всегда отличался остроуміемъ, онъ былъ наблюдателенъ и насмѣшливъ, въ этомъ сказалась его племенная особенность, киргизы большіе насмѣшники, но подъ вліяніемъ образованія эта способность у Валиханова получила расцвѣтъ. Она получила характеръ сатиры и Гейневскаго юмора. Острилъ онъ зло, я рѣдко встрѣчалъ человѣка съ такимъ острымъ, какъ бритва, языкомъ.

Всѣхъ остротъ его не помню, да и трудно передать соль ихъ, такъ какъ онѣ соотвѣтствовали своему времени и обстоятельствамъ. Знаю, что разъ на обѣдѣ въ Омскѣ, у Капустиныхъ, кажется, явился изящный франтъ, который слыша за обѣдомъ разговоръ о Теккереѣ, просилъ Валиханова представить его этому господину. Послѣ обѣда Валихановъ подвелъ его торжественно къ портрету Теккерея, объяснилъ серьезно окружающимъ, что франтъ проситъ представить его Теккерею. Въ томъ же Омскѣ былъ старый генералъ штатскій, довольно ограниченный человѣкъ, но до смѣшного тщеславный. Онъ давалъ неистощимый источникъ для юмора Валиханова. Входя, напримѣръ, въ домъ и встрѣчая въ гостиной генерала, онъ сообщалъ, что сейчасъ догадался о присутствіи его п—ства, такъ какъ въ прихожей видѣлъ калоши, обшитыя орденской ленточкой. Иногда Валихановъ выдумывалъ, но въ этихъ выдумкахъ являлось еще больше злости.

Въ тоже время это былъ человѣкъ съ поэтической душой и восточнымъ воображеніемъ. Онъ любилъ арабскіе стихи и вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Костылецкимъ приходилъ въ восторгъ отъ нихъ. Какъ работало его собственное воображеніе можно судить потому, что онъ давалъ темы Всеволоду Крестовскому, тогда модному поэту, темы для восточныхъ стихотвореній и Крестовскій среди дружескаго разговора немедленно воспроизводилъ ихъ. Правда, темы были большею частью фривольныя, но и въ нихъ сквозила находчивость и остроуміе Валиханова.

Въ 60 годахъ Валихановъ слѣдилъ за движеніемъ русской жизни, за обновленіемъ ея, онъ читалъ лучшіе журналы, Костомаровъ былъ тогда любимымъ профессоромъ, и Валихановъ заходилъ въ университетъ слушать его. Точно также съ интересомъ Валихановъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ и помогалъ своими свѣдѣніями по географіи киргизской степи, приготовлялъ этнографическій матеріалъ о киргизахъ и т. д.

Петербургская свѣтская жизнь дорого стоила Валиханову, хотя отецъ его былъ богатый султанъ. Въ Петербургѣ Чоканъ Валихановъ былъ прикомандированъ къ Азіатскому департаменту. Не помню, сколько пробылъ онъ въ Петербургѣ, но 1862 и 1863 гг. я его тамъ не видѣлъ, онъ уѣхалъ въ Омскъ по мѣсту своего служенія. Слышалъ я, что пользуясь расположеніемъ сородичей киргизъ и будучи ихъ гордостью, онъ расчитывалъ быть выбраннымъ султаномъ. Конечно, лучшаго представителя трудно было желать. Это былъ человѣкъ вполнѣ образованный, безъ предразсудковъ и въ тоже время не питавшій высокомѣрнаго презрѣнія къ своимъ сородичамъ, стоявшимъ на степени дикарей. Онъ понималъ окружающую русскую среду и готовъ былъ сродниться съ ней на почвѣ европейской цивилизаціи. Это былъ новый коранъ его жизни. Приведу слѣдующій эпизодъ, характеризующій взгляды и чувства этого просвѣщеннаго киргиза. Когда мы съ нимъ встрѣтились вновь въ Омскѣ въ 1863 г., въ это время воротилась изъ путешествія экспедиція Струве, въ которой участвовалъ и Г. Н. Потанинъ. Празднуя эту встрѣчу, мы сидѣли въ бла-

городномъ собраніи на одномъ изъ вечеровъ. Чоканъ былъ въ той же компаніи. Кажется Эд. Струве началъ рѣчь о томъ, что киргизы ненавидятъ казаковъ. Вдругъ губы Валиханова передернуло, онъ взглянулъ нѣжно на своего друга и школьнаго товарища Г. Н. Потанина, бывшаго казачьяго сотника, затѣмъ всталъ предъ Струве и сказалъ: «Что у киргизовъ нѣтъ ненависти къ лучшимъ представителямъ казачьяго войска я желалъ бы засвидѣтельствовать. Я, какъ киргизъ, поднимаю бокалъ и цѣлую моего друга казака»! и онъ горячо поцѣловалъ Г. Н. Потанина.

Въ 1863 году возвратясь въ Сибирь, въ Омскъ, я нѣсколько разъ еще встрѣчалъ Валиханова и поддерживалъ съ нимъ знакомство. Онъ былъ такой же граціозный, остроумный; пріобрѣтенныя привычки столичнаго денди сохранились въ немъ. Комплекція его была слабая, онъ былъ несомнѣнно чахоточный. Столичная жизнь, развлеченія ея вредно повліяли на него. Тѣмъ не менѣе онъ собирался вновь въ Петербургъ. Однако почему-то это разстроилось. Онъ уѣхалъ въ степь, а послѣ я слышалъ, что отправился въ отрядѣ генерала Черняева къ Ташкенту; здѣсь ему могла предстоять блестящая карьера адъютанта и переводчика, но у нихъ съ Черняевымъ произошла размолвка и Валихановъ возвратился въ степь къ роднымъ. Не сошлись ли эти два дѣятеля, или Валихановъ содрогнулся и въ немъ запротестовало чувство въ виду предстоящей борьбы въ Средней Азіи, остается неизвѣстнымъ. Только Валихановъ возвращается и удаляется въ аулъ. Здѣсь онъ женится на киргизкѣ и ведетъ жизнь съ родными по-киргизски. Злой недугъ—чахотка, давно гнѣздившаяся, здѣсь сламываетъ его и онъ умираетъ молодымъ.

Въ этомъ возвращеніи въ юрту даровитаго и образованнаго инородца есть что-то драматическое. Цивилизація и культурный блескъ для Чокана Валиханова, человѣка чуткаго и наблюдательнаго, имѣли свою острую и больную сторону. Въ минуту разочарованій онъ идетъ, какъ Алеко Пушкина, въ шалашъ кочевниковъ, гдѣ нравы проще и чище. Джентельменъ, денди женится на киргизской дѣвушкѣ, какъ будто онъ ищетъ простого дѣтскаго чувства, послѣ всевозможныхъ оболь-

щеній столицъ и свѣта, въ которыхъ онъ много извѣдалъ. Выйдя изъ дѣтской колыбели въ киргизской юртѣ, даровитый киргизъ предъ смертью возвращается къ своему очагу и его окружаетъ таже торжественная тишина степи. Это не первая судьба инородца, испившаго чашу цивилизаціи, получившаго образованіе и подъ конецъ опять возвратившагося къ своимъ пенатамъ и сородичамъ, какъ бы испугавшись этой цивилизаціи. Въ этомъ разочарованіи послѣ ослѣпительнаго блеска, въ этой боязни и трепетѣ инородца вообще за судьбу своей народности, сказывается недовѣріе, опасеніе инородца къ чужой культурѣ и всплывшее чувство самосохраненія. Мы еще не подготовили почвы, чтобы инородецъ вступилъ въ нее смѣло. Подъ вліяніемъ этого инстинкта, вѣроятно, и Чоканъ Валихановъ сдѣлалъ послѣдній шагъ назадъ, опять въ родную юрту. Старая среда, привычки, привязанности, домъ, старое отечество, не отрываются отъ сердца легко. Чоканъ оставался любящимъ свой народъ, свое племя. Въ его мечтахъ было совмѣстить европейское просвѣщеніе и сохранить свою народность.

Много лѣтъ спустя мы видѣли двухъ стариковъ киргизовъ, родственниковъ Чокана, одинъ изъ нихъ былъ султанъ Муса-Чермановъ, они пріѣзжали поговорить о сооруженіи памятника на могилѣ Чокана Валиханова. Это желаніе высказывалъ какой-то изъ генералъ-губернаторовъ. Путешественникъ въ Джунгарію, членъ Географическаго Общества, конечно, былъ достоинъ этого.

Бесѣдуя съ стариками и вспоминая Чокана, мы были свидѣтелями, какъ у этихъ сѣдыхъ представителей киргизской степи полились слезы. Чоканъ—это была и гордость, и любимое дитя своего племени. Такимъ онъ и остался въ воспоминаніяхъ.

Н. Ядринцевъ.

III.

Въ 18** году вернулся изъ Петербурга Чоканъ Валихановъ къ себѣ домой, въ то время года, когда аулы тронулись изъ зимовки на лѣтнія кочевки. О прибытіи въ Кокчетавъ дали знать отцу Чокана въ аулъ, и отецъ, передвинувши аулъ на хорошее пастбище, остановился ожидать своего сына. Чоканъ Валихановъ нѣсколько дней пробылъ въ Кокчетавѣ, познакомился съ тамошними мѣстными властями, и больной выѣхалъ въ тарантасѣ въ аулъ къ отцу.

Съ нимъ ѣхалъ молодой человѣкъ изъ Москвы, сынъ богатаго помѣщика, чахоточный, котораго Чоканъ везъ лечить отъ чахотки. Когда прибыли въ 3-хъ тарантасахъ въ Сибирскую казачью станицу, откуда уже начиналась степь и откуда должны были ѣхать на киргизскихъ невыѣзженныхъ лошадяхъ со всякими ломками экипажей, Чоканъ Валихановъ остановился заночевать, чтобы утромъ двинуться: «по крайней мѣрѣ на свѣту ломать шею, чѣмъ ночью»—сказалъ онъ шутя своимъ спутникамъ. Верховыхъ киргизъ, собравшихся посмотрѣть на молодого султана, возвратившагося отъ Бѣлаго Царя, было видимо не-видимо. Ложась спать, я помню, Чоканъ велѣлъ обтереть себя водкой, потому что отъ дождя въ дорогѣ, онъ здороваясь все время съ встрѣчавшими его киргизами, высовывался изъ тарантаса и промочилъ себѣ ноги, выходя изъ тарантаса на станціяхъ. У него былъ татаринъ деньщикъ, котораго во время его бѣготни изъ комнаты въ тарантасъ и обратно, безпрестанно распрашивали, что «тюря» дѣлаетъ, что хочетъ дѣлать и проч. «Тюрей» называютъ только султановъ, простыхъ киргизъ не называютъ.

Татаринъ сказалъ, что онъ барина своего уложилъ спать и будетъ мазать водкой. «Какъ водкой? почему»? нѣкоторые

киргизы тутъ-же отозвались: «пить значитъ не достаточно, а надо еще и себя мазать, вотъ такъ тюря! Не даромъ жилъ въ средѣ Русскихъ столько времени»; одинъ старикъ иронически замѣтилъ: «научился всему хорошему, нечего сказать»!

Онъ пріѣхалъ въ аулъ отца, сопровождаемый массой киргизъ, которые всякій часъ давали знать отцу о приближеніи его сына въ аулъ, народу было весьма много. Для Чокана на нѣкоторомъ отдаленіи отъ аула поставлены были кибитки и палатки, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться съ своимъ гостемъ, котораго онъ везъ изъ Москвы. По прибытіи въ аулъ, онъ по этикету послалъ спросить отца себѣ пріема, отецъ не замедлилъ пригласить его. Чоканъ въ сопровожденіи своего брата Якуба и нѣкоторыхъ двоюродныхъ братьевъ отправился въ кибитку отца и матери.

Отецъ съ матерью сидѣли въ кибиткѣ, по обыкновенію на полу, на своихъ мѣстахъ. Двери кибитки отца Чоканъ долженъ былъ самъ приподнять (знакъ почтенія) и когда онъ дошелъ до самой двери, то братъ его, Якубъ, поднялъ ему двери и пропустилъ. Масса киргизъ сейчасъ-же и это поставила ему въ укоръ: «Вотъ видите, онъ не хочетъ и двери самъ поднимать, да ужъ испорченъ, испорченъ, видно ужъ по всему», сказали киргизы другъ другу. Чоканъ подошелъ сначала къ отцу, опустился передъ нимъ на колѣни, отецъ сидѣлъ поджавши ноги подъ себя; отецъ обнялъ его обѣими руками и поцѣловалъ его въ лобъ. Въ это время мать его Зейнапъ, тучная женщина, сидѣвшая въ 2-хъ-3-хъ шагахъ отъ мужа, горѣла нетерпѣніемъ обнять сына и кричала: «Чоканъ, Чоканымъ (мой Чоканъ) узимнынгъ баланъ (мой собственный сынъ) киль, киль (иди, иди ко мнѣ)», и когда онъ подошелъ къ матери, мать заплакала и цѣловала все его лицо. Затѣмъ отецъ предложилъ ему сѣсть около себя по правую сторону и передъ нимъ сейчасъ-же послали скатерть и подали кумысъ, затѣмъ обыкновенные распросы о дорогѣ, здоровьѣ и проч.

Вскорѣ Чоканъ распростился и ушелъ къ себѣ въ кибитку. Около его кибитки сидѣлъ съ балалайкой въ рукахъ извѣстный киргизскій импровизаторъ Урумбай, окруженный киргизами. Чоканъ пригласилъ его въ кибитку и Урумбай началъ въ са-

мыхъ пышныхъ, красивыхъ словахъ воспѣвать пріѣздъ молодого султана въ аулъ отца, его путешествіе къ Бѣлому Царю, который полюбилъ Чокана, какъ потомка извѣстныхъ великихъ людей, хвалилъ его свѣтлый умъ и проч., и проч.

Чоканъ сдѣлалъ пѣвцу маленькое замѣчаніе, чтобы онъ не мѣшалъ въ киргизскій языкъ татарскія слова, что киргизскимъ языкомъ можно больше выразить, чѣмъ татарскимъ и проч.

Чоканъ вечера просиживалъ долго, слушая пѣнія и разсказы киргизъ. Вставалъ поздно, пилъ кумысъ, чаю не пилъ, ѣлъ вареную баранину съ соусомъ (копченой кониной). Сынъ помѣщика помѣщался въ отдѣльной кибиткѣ и его угощали кумысомъ и бараниной и тоже сыромъ.

Такъ быстро началъ поправляться молодой помѣщикъ, что Чоканъ только радовался своему леченію и часто угощалъ молодого человѣка, разсказывая въ самыхъ яркихъ краскахъ пользу кумыса, баранины, бульона и сыра. Не знаю, сколько времени пробылъ москвичъ, но не было, кажется, мѣсяца, какъ онъ совершенно поздоровѣлъ, пополнѣлъ, пріѣхавши туда щепкой, съ страшнымъ кашлемъ, и уѣхалъ, раздаривъ ружья, которыя онъ привезъ съ собою.

Разъ Чоканъ поѣхалъ, я помню, въ аулъ по приглашенію какого-то киргиза на «Кызъ-гуйнакъ» (игра дѣвицъ) и провелъ тамъ время очень весело. Дѣвицы сидѣли по одну и молодые люди по другую сторону кибитки. Дѣвицы выбирали ударомъ платка кавалера, который, подходилъ къ выбранной и цѣловалъ ее. Въ свою очередь, по возвращеніи на свое мѣсто, молодой человѣкъ кидалъ оставшійся въ его рукахъ платокъ въ ту дѣвицу, которую онъ выбиралъ самъ. Тогда дѣвица вставала и придя къ нему садилась передъ нимъ и цѣловала его. Дѣвицы при этомъ часто передаютъ изо рта въ ротъ кусокъ сахару или гвоздики. Подъ конецъ игры Чоканъ велѣлъ выбранному сѣсть передъ выбранной, спѣть ей пѣсенку, а потомъ уже поцѣловать ее. Такой же порядокъ установилъ и для дѣвицъ. Потомъ сказалъ, чтобы выбранный пѣлъ тѣмъ мотивомъ, который будетъ назначенъ выбранной; также было и для дѣвицъ и для молодыхъ женщинъ, принимавшихъ участіе въ

этой игрѣ. Поздно вечеромъ подали ужинъ и мы вернулись съ пѣсенниками къ себѣ въ аулъ. Ѣхали всѣ верхами.

Лѣтомъ разъ случился слѣдующій случай, который былъ причиной отъѣзда изъ отцова аула Чокана Валиханова, который послѣ этого уже разстался совсѣмъ съ своими родителями и не возвращался болѣе къ нимъ домой. Въ услуженіи матери Чокана была жена тюленгута (слово это когда-то сказалъ однажды, говорятъ, Аблай-ханъ людямъ, сопровождавшимъ султановъ, собравшихся къ нему въ аулъ для какого-то совѣта: «Тюрепгды-кутъ» (служите своему господину), т. е. идите на свои мѣста, не сидите, другими словами, на совѣтѣ), а мужъ этой женщины бѣдный пристроилъ въ концѣ аула свою кибитку и жилъ тамъ. Жена его являлась рано утромъ къ своей госпожѣ, грѣла воду, готовила все, что требовалось, открывала «тюндукъ», готовила кушанье и оставалась до поздняго вечера въ домѣ, а вечеромъ возвращалась къ своему мужу.

Вотъ эта служанка утромъ начала приносить въ чашкѣ, налитой самой султаншей, кумысъ къ Чокану, и дождавшись чашки, уносила ее обратно. Днемъ приносила завтракъ, а вечеромъ ужинъ. Утреннюю чашку Чоканъ пилъ въ постели. Вотъ тутъ Чоканъ мало по малу влюбился въ эту служанку и часто просыпаясь рано, ожидалъ ея появленія. «Она приходила тихо, осторожно, чтобы не разбудить меня и садилась иногда ожидать моего пробужденія; нѣтъ, она дивная женщина, умная, безъ всякаго задора; что за губы у ней, вздернутая вверхъ верхняя губа — это такая прелесть, нѣтъ, не всякій способенъ понять сладкія поцѣлуи» говорилъ Чоканъ часто.

Умная мать очень скоро замѣтила, что женщина, отправляясь къ Чокану, начала долго пропадать и другія служанки шепнули можетъ быть что-нибудь подозрительное, и она сразу запретила этой служанкѣ бывать у Чокана и назначила для такихъ посылокъ старуху. Чоканъ сейчасъ-же послалъ сказать матери, чтобы она дѣлала такъ, какъ до сихъ поръ дѣлала т. е. «чтобы кушанье посылала съ прежней женщиной, а не съ этой курносой женщиной» сказалъ онъ.

Мать не уступила и Чоканъ не хотѣлъ тоже уступать, вотъ тутъ началось у нихъ охлажденіе. Чоканъ повѣдалъ свою

тайну своему брату и дядѣ, котораго онъ любилъ. Между тѣмъ дня чрезъ два-три юрта служанки была перенесена въ аулъ брата отца Чокана, Чепы, она и мужъ ушли изъ аула отца Чокана Валиханова совсѣмъ. Чоканъ раза два требовалъ ее къ себѣ, но безуспѣшно. Тогда онъ, разсердившись, сказалъ своему брату, что онъ совершеннолѣтній, что онъ имѣетъ право любить кого онъ хочетъ, что запретить ему ни отецъ, ни мать и никто не можетъ, но если родители будутъ много говорить и шумъ производить своими разсказами объ этой женщинѣ и чего добраго пожелаютъ отравить ее, то онъ приметъ всѣ мѣры для защиты этой женщины. Отецъ и мать не на шутку разсердились на Чокана и требовали замолчать и велѣли при этомъ объявить, что женщины этой нѣтъ и онъ болѣе ее не увидитъ. Между тѣмъ въ аулѣ шли совѣты объ отправленіи этой женщины съ мужемъ въ Баянъ - Аулъ къ Мусѣ Чорманову, брату жены Чингиса Валиханова.

Чоканъ, я помню, написалъ своему отцу на большомъ листѣ кругомъ записку и просилъ меня прочесть ему, если отецъ попроситъ меня. Отецъ прочелъ и спряталъ у себя записку, мнѣ не показалъ.

По передаваемымъ слухамъ наступилъ наконецъ день отъѣзда изъ аула Чепы женщины съ мужемъ. Чоканъ объявилъ, что онъ не отпуститъ ее, разведетъ и женится на ней самъ при всѣхъ, не стѣсняясь никого и ни чѣмъ. Братъ его долго уговаривалъ Чокана, который волновался страшно, въ это время отецъ съ матерью волновались тоже не мало. Наконецъ братъ его, Якубъ уговорилъ Чокана остаться въ аулѣ день или два послѣ отправленія этой женщины, а потомъ поѣхать въ Кокчетавъ, куда и обѣщалъ въ цѣлости доставить эту женщину. Если-бы Чоканъ не послушался этого совѣта, то кончилось бы это великимъ скандаломъ, былъ къ этой серьезной развязкѣ вызванъ старшій братъ Чингиса, Чепе, и др. его братья, была приготовлена верховая лошадь и Чингисъ категорически сказалъ, что если Чоканъ выйдетъ изъ своей кибитки, чтобы уѣхать за этой служанкой, то онъ живымъ его не выпуститъ изъ аула.

Не помню, простился-ли Чоканъ съ своими родителями,

или нѣтъ, но онъ дѣйствительно уѣхалъ вскорѣ въ Кокчетавъ. Женщина эта жила нѣкоторое время у него въ домѣ, спала съ нимъ въ одной комнатѣ, но потомъ Чоканъ почему-то остался ею недоволенъ и она уѣхала въ аулъ его отца.

Послѣ этого Чоканъ уѣхалъ въ большую Орду, тамъ женился на сестрѣ полковника Тезека и умеръ въ его аулѣ въ 1865 г. Его овдовѣвшая жена была потомъ увезена братомъ его, Якубомъ, который и женился на ней по киргизскому обычаю. Она была некрасивая, но умная женщина.

Между Копаломъ и Вѣрнымъ, близъ почтовой станціи Алтынъ-Эмель, въ сторонѣ отъ почтовой дороги, генералъ фонъ-Кауфманъ посѣтилъ могилу покойнаго киргизскаго султана большой орды, ротмистра русской службы Чокана Валиханова. Покойный получилъ извѣстность въ ученомъ мірѣ своими сочиненіями о Кашгаріи, былъ очень образованъ и вообще считался въ то время передовымъ человѣкомъ изъ киргизовъ.

Константинъ Петровичъ почтилъ память покойнаго, снявъ шапку надъ его могилою, а меня просилъ прочесть приличную случаю мусульманскую молитву. Впослѣдствіи К. П. заказалъ на собственный свой счетъ мраморную плиту и приказалъ вырѣзать на ней надпись на киргизскомъ языкѣ такого содержанія: «Подъ этимъ камнемъ погребенъ прахъ султана большой орды Чокана Валиханова, скончавшагося въ 1865 году. Онъ былъ вѣрный слуга Царю, защитникъ правды. За вѣрную и усердную службу, за любовь къ добру и порядку и за отличныя познанія въ наукахъ, Государь Императоръ пожаловалъ его чиномъ ротмистра. Господь рано призвалъ его къ себѣ. Да упокоитъ Аллахъ его душу вмѣстѣ съ праведными. Этотъ камень положенъ по приказанію туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана въ 1871 году, въ память уважаемаго и любимаго всѣми покойнаго Чокана Валиханова» [1]).

---

[1]) Сохранился-ли этотъ камень на могилѣ Валиханова или нѣтъ, я не знаю, но у меня имѣется копія мусульманскаго текста надмогильной надписи и сдѣланнаго мною перевода этого текста на киргизскій языкъ для вырѣзки на камнѣ, съ надписью моею рукою: „представилъ его высокопревосходительству 29 ноября 1871 года“.

И. И.

Сообщеніе о посѣщеніи могилы новымъ главнымъ начальникомъ края, какъ молнія облетѣло всю огромную киргизскую степь и произвело чрезвычайно отрадное впечатлѣніе на все тамошнее мусульманское населеніе.

И. Ибрагимовъ.

Въ Протоколахъ засѣданій и сообщеніяхъ членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи (Ташкентъ, 1899 г.) помѣщена статья *Н. Н. Пантусова* «Могила Чокана Валиханова», въ которой описывается, какъ мѣстоположеніе могилы, такъ и надгробный памятникъ надъ нею. Могила находится въ Копальскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 5-ти отъ станціи Куянъ-кузской, на урочищѣ Кученъ тоганъ [1]) и расположена среди множества другихъ султанскихъ могилъ. Памятникъ состоитъ изъ четырехъ столбовъ, выведенныхъ изъ жженаго кирпича, на которыхъ нѣкогда возвышался куполъ, отъ котораго теперь не осталось никакихъ слѣдовъ. Надъ могилой положена на квадратной возвышенности плита бѣлаго мрамора, на которой надпись по русски съ киргизскимъ переводомъ: «Здѣсь покоится прахъ штабъ-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшагося въ 1865 году. По желанію туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, во вниманіе ученыхъ заслугъ Валихаханова, положенъ сей памятникъ генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ въ 1881 году».

Родословную Чокана Валиханова г. Пантусовъ представляетъ въ такомъ видѣ:

Султанъ Аблай-ханъ (жена Сайманъ, каракалпачка).
|
Валиханъ.
|
Чингизъ (жена Зейнебѣ, дочь біи Чармана).
|
Джакубъ (Якубъ). | Чоканъ (Мухаммедъ-Ханафія). | Махмудъ.

---

[1]) Урочище получило названіе отъ Иралы Кучена, т. е. Иралы *Кочевника*, потому что онъ очень любилъ кочевать.

Аблай.

Аблай—въ русскихъ лѣтописяхъ называемый царевичемъ Сибирскимъ.

Аблай—(Абулай) ханъ Средней Киргизъ-Кайсацкой орды, жившій въ XVIII вѣкѣ. Онъ происходилъ изъ младшей линіи султановъ Средней орды и имѣлъ въ третьемъ колѣнѣ общаго родоначальника съ Абульмаметомъ ханомъ, съ которымъ Аблай (въ нашихъ бумагахъ Аблай-султанъ, двоюродный братъ хана) въ 1739 году присягнулъ въ Оренбургѣ на вѣчное подданство Россіи. Дѣдъ его, тоже именемъ Аблай, былъ владѣтелемъ города Туркестана и прославился такими воинскими доблестями, что получилъ грозное и почетное названіе Кан-Ичаръ (кровопійца). Сынъ его, Вали, не могъ поддержать славы отца; одинъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, взявъ Туркестанъ, убилъ его, и только преданность одного изъ рабовъ спасла жизнь 13-ти-лѣтняго сына его, Аблая. Вѣрный слуга бѣжалъ съ своимъ питомцемъ въ Киргизскую степь. Юный Аблай, отвергнутый знатными родственниками своими, вступаетъ въ услуженіе къ богатому киргизу, рода Якшилыкъ. Смутныя обстоятельства того времени даютъ возможность Аблаю выказать свою храбрость, сметливость и умъ самымъ блестящимъ образомъ. Первое десятилѣтіе XVIII вѣка было ужаснымъ временемъ въ жизни киргизскаго народа. Джунгары, волжскіе калмыки, яицкіе казаки и башкиры съ разныхъ сторонъ громили ихъ улусы, отгоняли скотъ и уводили въ плѣнъ киргизовъ цѣлыми семействами. Холодныя зимы, гололедица и голодъ, какъ небесное испытаніе, увеличивали ихъ бѣдствія. Одинъ киргизскій родоначальникъ въ Оренбургѣ сравнивалъ печальное положеніе своихъ земляковъ

съ положеніемъ зайца, котораго преслѣдуетъ цѣлая свора гончихъ. 1723 годъ особенно памятенъ киргизамъ своимъ роковымъ характеромъ и сохранился въ народной памяти. Въ этотъ злополучный годъ, сопровождавшійся глубокими снѣгами и гололедицей, Галданъ-Церенъ, джунгарскій хонтайши, съ несмѣтнымъ черикомъ (войскомъ) вторгается въ Киргизскую степь для наказанія кайсаковъ и бурутовъ за прежніе ихъ набѣги и буйства. Преслѣдуемые повсюду свирѣпыми джунгарами, киргизы, подобно стадамъ испуганнымъ сагаковъ (или серпъ, по народному выраженію), бѣгутъ на югъ, оставляя на пути своемъ имущество, дѣтей, стариковъ, домашній скарбъ и исхудалый скотъ, и останавливаются: Средняя орда—около Самарканда, Малая—въ Хивѣ и Бухарѣ, а буруты въ неприступныхъ ущельяхъ Болора и въ паническомъ страхѣ достигаютъ до окрестностей Гиссара. Не находя въ среднеазіатскихъ песчаныхъ степяхъ сытныхъ пастбищъ и вступивъ во вражду съ новыми сосѣдями, киргизы обращаются къ границамъ могущественной Россіи, чтобы искать ея помощи и покровительства. Въ это-то ужасное и кровавое время обращаетъ на себя всеобщее вниманіе султанъ Аблай. Участвуя во всѣхъ набѣгахъ, сначала какъ рядовой воинъ, онъ оказываетъ подвиги необыкновенной храбрости и хитрости. Полезные совѣты его и стратегическія соображенія упрочиваютъ за нимъ имя *мудраго*. Аблай дѣйствительно перенесъ много испытаній и борьбы, пока значеніе его не возросло до того, что киргизы считали его воплотившимся духомъ (Арвахъ), ниспосланнымъ для совершенія великихъ дѣлъ. Онъ былъ два раза въ плѣну: разъ у дико-каменныхъ киргизъ (бурутовъ), а въ другой—у Галдана-Церена. Спасеніе его отъ Галдана считается чудомъ, тѣмъ болѣе, что онъ убилъ его любимаго сына, Чарча, и былъ выданъ ему киргизами по настоятельному требованію могущественнаго калмыка. Какъ бы то ни было, въ 1739 году мы находимъ его самымъ сильнымъ изъ владѣльцевъ Средней орды, и русское правительство по преимуществу сносится съ Аблаемъ и братомъ его, Султанбетомъ, потому что, настоящій ханъ, по свидѣтельству всѣхъ русскихъ, посылавшихся въ орду въ то время, ничего не значилъ. Тевкелевъ, хорошо зна-

комый съ ордою, говорилъ объ этомъ султанѣ, какъ о самомъ хитромъ и вліятельномъ изъ киргизскихъ владѣльцевъ. Въ 1759 году Аблай посылалъ къ русскому двору родственника своего, Юлбарсъ-султана, и просилъ награды, вслѣдствіе чего послана была ему грамота, назначено ежегодно 300 рублей жалованья и 200 пудовъ муки. Между тѣмъ въ Средней Азіи произошли событія, которыя способствовали Аблаю къ достиженію его честолюбивыхъ замысловъ и которыя возвысили его еще болѣе въ народномъ мнѣніи. Въ 1745 году умираетъ страшный для киргизовъ Галданъ-Церенъ, и въ Джунгаріи происходятъ смуты за первенство. Калмыцкіе тайдзи попеременно ищутъ помощи Аблая, который, по старой злобѣ на джунгаръ, пользуется случаемъ для ихъ ослабленія и поддерживаетъ раздоры, принимая то одну, то другую сторону. Появленіе въ Джунгаріи побѣдоносныхъ войскъ императора Цянъ-Луна, которыя съ безпримѣрною въ исторіи легкостью завоевываютъ Джунгарію, имѣло большое вліяніе на политику Аблая. Успѣшное покореніе Джунгаріи и Малой Бухаріи возбудило, кажется, въ китайцахъ воинственный духъ и жажду завоеванія. Повидимому, императоръ Цянъ-Лунъ хотѣлъ повторить времена ханьской и танской династій. Въ 1756, 1758 и 1760 годахъ китайскіе отряды вступили въ земли киргизовъ Средней орды. Владѣтели киргизскіе: Нуралы, ханъ Малой орды, Абульмаметъ — Средней, и Аблай, спѣшили войти въ сношенія съ Поднебесной имперіей. Аблай въ 1756 году призналъ себя вассаломъ богдыхана и получилъ княжескій титулъ и календарь. Нуралы послалъ посольство въ Пекинъ; коканскій владѣлецъ Эрдене-бій въ 1758 году, и впослѣдствіи преемникъ его, Норбута-бій, также признали покровительство «сына неба». Несмотря на эту наружную покорность, средне-азіатцы были очень встревожены; паденіе сильной Джунгаріи и завоеваніе единовѣрной Малой Бухаріи навели на нихъ паническій и мистическій страхъ, тѣмъ болѣе, что по господствовавшему преданію, суевѣрные мусульмане вѣрили, что передъ окончаніемъ свѣта китайцы покорятъ весь міръ. Когда же въ 1762 году явились къ хану Средней орды, Абуль-Мамету, и султану Аблаю китайскіе послы съ 130 человѣками и

объявили, что по волѣ императора намѣрены съ наступленіемъ весны послать войска въ Туркестанъ и Самаркандъ и просили людей, лошадей, быковъ и барановъ для предполагаемой экспедиціи, страхъ киргизовъ еще болѣе увеличился. Они забыли на время междоусобные раздоры и составили союзъ, во главѣ котораго сталъ знаменитый генералъ Надира-шаха Ахметъ, владѣтель Кандагара и основатель династіи дураневъ. Аблай, хотя косвенно и участвовалъ въ союзѣ, но не прерывалъ сношеній и все болѣе и болѣе сближался съ китайскимъ правительствомъ. Онъ даже отправилъ въ Пекинъ аманатомъ сына своего Адиля, но богдыханъ, довольный покорностью Аблая, возвратилъ Адиля къ отцу съ богатыми дарами и милостивой грамотой. Между тѣмъ самъ Аблай имѣлъ свиданіе съ илійскимъ цзянь-цзуномъ (генералъ-губернаторомъ) около озера Сайрамъ-Куль и заключилъ съ нимъ торговый договоръ, по которому открыты были въ Тарбагатанѣ (Чугучакѣ) и въ Или (Кульджѣ) мѣновые базары, гдѣ киргизы вымѣнивали на пригоняемый ими скотъ туземные китайскіе товары. Такое вниманіе богдыхана и особенно дары и титулы не могли не нравиться корыстолюбивому и честолюбивому киргизу. По мѣрѣ сближенія съ китайцами, Аблай явно сталъ избѣгать сношеній съ Россіей и въ 1771 году, избранный ханомъ, не хотѣлъ ѣхать на русскую границу для принятія присяги, говоря, что онъ давно утвержденъ въ своемъ достоинствѣ народнымъ избраніемъ и грамотою «сына неба». Русское правительство всетаки послало чиновника въ орду для приведенія Аблая къ присягѣ и для возложенія на него знаковъ ханскаго достоинства (сабли, шубы и шапки) въ тѣхъ видахъ, чтобы не возбудить въ киргизахъ мысли о возможности быть ханомъ помимо нашего утвержденія. Аблай въ наставленіи своимъ дѣтямъ совѣтовалъ болѣе сближаться съ Китаемъ, но хранить согласіе съ Россіей. Китайцы по его мнѣнію, не могли быть никогда опасны для ханской власти, между тѣмъ, какъ въ русскомъ правительствѣ онъ видѣлъ сильную оппозицію туземной власти; притомъ и обстоятельства времени были такого рода, что киргизы всего менѣе нуждались въ помощи Россіи. Власть Аблая въ ордѣ была

упрочена накрѣпко, и Большая орда (въ нашихъ бумагахъ Усунскія волости) признала также его власть. Джунгары были уничтожены китайцами; торгоуты, разграбленные киргизами, особенно самимъ Аблаемъ, кое какъ дотащились до Или, гдѣ и попались въ хитрыя сѣти китайской политики. Яицкіе казаки, обезсиленные пугачевскимъ бунтомъ и принятые въ руки правительства, не могли дѣлать самовластныхъ вторженій; оставались врагами киргизовъ только хитрые буруты и отчасти средне-азіатскіе владѣльцы, стремившіеся къ отторженію отъ киргизскихъ султановъ Туркестана, Сузака, Сайрама и другихъ городовъ между Чу и Ташкендомъ. Вѣра и убѣжденіе въ сверхестественную силу, которая руководила Аблаемъ, дали киргизскому народу небывалую отважность. Аблай въ 1770 году нападаетъ на бурутовъ около рѣки Туро, совершивъ замѣчательный переходъ черезъ Шату, и преслѣдуетъ этихъ горцевъ до Чуйской долины. Кровавая битва, происходившая около рѣкъ Кызылъ-су и Шамси, впадающихъ въ Чу, гдѣ всѣ буруты бились въ союзѣ противъ Аблая, живетъ до сихъ поръ въ ихъ преданіяхъ подъ именемъ «джайловскаго побоища». Буруты потерпѣли такое пораженіе, что изъ поколѣнія Толкапъ, рода Султу, осталось только 40 человѣкъ. Аблай вернулся въ Кокчетавъ, свое любимое кочевье, близъ сибирской линіи, обремененный добычею, и плѣнные, приведенные имъ, были такъ многочисленны, что теперь потомки ихъ составляютъ двѣ волости подъ названіемъ Яна и Бай-киргизъ (т. е. новые и богатые Буруты). Война Аблая съ Ташкендомъ и Ходжендомъ, въ которой онъ проникъ до Джизаха, увѣнчалась взятіемъ семи городовъ и кончилась уступкою ему городовъ Азрета, Сайрама, Чимкента, Сузака и др. и обязательствомъ Ташкенда платить ему дань. Въ 1774 году Аблай далъ, по просьбѣ уйсуновскихъ старшинъ, для управленія ими, сына своего Адиля, построивъ ему на рѣкѣ Таласѣ городокъ, который населилъ трудолюбивыми каракалпаками. Другимъ своимъ сыновьямъ, которыхъ было 71, раздѣлилъ онъ на удѣлы поколѣнія Средней и Большой орды и самъ, по примѣру своихъ родоначальниковъ, остался жить въ Туркестанѣ, гдѣ и умеръ въ 1781 году и похороненъ въ фа-

мильномъ склепѣ, подъ мечетью ходжи Ахмета-Есави. Такова политическая жизнь этого замѣчательнаго киргиза. Обязанный своему возвышенію только личнымъ достоинствамъ, онъ умѣлъ заслужить уваженіе народа, легкомысленнаго и необузданнаго въ своихъ страстяхъ, въ такой степени, что уваженіе это имѣло какой то мистическій характеръ. Послѣ смерти Абульмамета, народъ единогласно избралъ его въ ханы, какъ болѣе достойнаго изъ всѣхъ своихъ султановъ, помимо наслѣдственныхъ правъ, которыя имѣли, по киргизскимъ законамъ, дѣти Абульмамета. Русскій очевидецъ этого избранія говоритъ, что всѣ собравшіеся родоначальники, поднявъ его на тонкомъ бѣломъ войлокѣ, осыпали похвалами за храбрость и проворство и пересказывали другъ другу одержанныя имъ побѣды, и что потомъ, когда изорвали на мелкіе лоскутки и раздѣлили между собой его верхнее платье, всякій доволенъ былъ доставшеюся ему бездѣлкой и провозглашалъ достоинство избраннаго хана. Ни одинъ киргизскій ханъ не имѣлъ такой неограниченной власти, какъ Аблай. Онъ первый предоставилъ своему произволу смертную казнь, что производилось прежде не иначе, какъ по положенію народнаго сейма, и усмирилъ своеволіе сильныхъ родоначальниковъ и султановъ, которые ограничивали совѣтомъ власть хана. Сначала подобныя нововведенія возбудили противъ него неудовольствіе султановъ и беевъ. Въ 1781 году Даиръ-султанъ жаловался оренбургскому губернатору и выставлялъ Аблая, какъ похитителя власти, по справедливости принадлежащей ему. Родоначальники пытались, по древнему обычаю, идти на хана войной, какъ въ Польшѣ ходили на короля, но были разбиты Аблаевыми «теленгутами» (рабами) и должны были подчиниться его желѣзной волѣ. Непонятно, какимъ образомъ этотъ ханъ, дѣйствуя деспотически противъ свободныхъ льготъ, освященныхъ временемъ, умѣлъ облечь свои дѣйствія въ такую форму, что потомство считаетъ его святымъ и при набѣгахъ, для придачи себѣ храбрости, призываетъ его имя. Весьма замѣчателенъ устный наказъ его дѣтямъ, который обнаруживаетъ общій характеръ его тамерлановской политики: онъ совѣтуетъ имъ никогда не рѣшать вполнѣ междуродовыхъ дѣлъ киргизскихъ

племенъ, ибо только несогласіе и раздоры могутъ быть незыблемою опорою ханской власти.

Въ преданіи киргизовъ Аблай носитъ какой-то поэтическій ореолъ; вѣкъ Аблая у нихъ является вѣкомъ киргизскаго рыцарства. Его походы, подвиги его богатырей, служатъ сюжетами эпическимъ разсказамъ. Большая часть музыкальныхъ пьесъ, играемыхъ на дудкѣ и хопбѣ, относится къ его времени и разнымъ эпохамъ его жизни. Народныя пѣсни: «Пыльный походъ», сложенный во время набѣга, въ которомъ былъ убитъ храбрый богатырь Боянъ; «Тряси мѣшки», въ память зимняго похода на волжскихъ калмыковъ, во время котораго киргизы голодали 7 дней, пока не взяли добычи,—разыгрываются до сихъ поръ киргизскими музыкантами и напоминаютъ потомкамъ поколѣнія Аблая прежнія славныя времена.

Ч. В.

„Энциклопедическій Словарь,
рус скими учеными и литераторами“. составленный

Слѣды шаманства у киргизовъ.

Всѣ писатели о киргизахъ говорятъ и почти во всѣхъ географическихъ руководствахъ пишется, что киргизы магометане, но держатся шаманскихъ обрядовъ, или, что они обряды мусульманскіе смѣшиваютъ съ шаманскимъ суевѣріемъ. Это справедливо, но въ чемъ состоитъ ихъ шаманство? Объ этомъ къ несчастію до сихъ поръ никто не писалъ обстоятельно, хотя статьи о киргизскихъ шаманахъ или о такъ называемыхъ баксы, появлялись нерѣдко въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ [1]).

Вообще, шаманство, какъ религія, составляетъ предметъ еще неизслѣдованный. Статья покойнаго Банзарова: о Черной вѣрѣ, есть единственное систематическое и лучшее ученое изслѣдованіе объ этой отдѣльной вѣрѣ, господствовавшей когда-то у всѣхъ народовъ передней Азіи. Несмотря однако же на превосходныя достоинства этого сочиненія, мы думаемъ, что оно не полно; именно потому не полно, что оно есть, какъ гласитъ заглавіе статьи, очеркъ шаманства у монголовъ-буддистовъ, которые, какъ говоритъ Банзаровъ, «питаютъ отвращеніе къ старинымъ своимъ повѣрьямъ и не почитаютъ ихъ достойными грамотнаго человѣка». Это обстоятельство, по моему мнѣнію, весьма важно, тѣмъ болѣе, что большую часть данныхъ для своей статьи Банзаровъ заимствуетъ изъ шаманскихъ молитвъ, собранныхъ ламами въ особыя книги и въ измѣненномъ видѣ усвоенныхъ буддизму, какъ напримѣръ, обряды и молитвы при сооруженіи обо, молитва огню, гада-

---

[1]) „Библ. для чтенія“ — Шаманство у народовъ Средней Азіи; „Москвитянинъ“ — Киргизскій шаманъ, и статья Воронова, кажется, въ „Библ. для чтенія“.

ніе на бараньей лопаткѣ и проч. и конечно были измѣнены по понятіямъ новаго ученія, что видно изъ слѣдующихъ словъ Варджрадарка Мэргэна, автора сочиненія о построеніи обо: «хотя составленіе таких книгъ само по себѣ не только стыдно (ибо время ихъ прошло), даже непріятно для мудрыхъ, однако же невозможно противиться желающимъ устроить обо и проч.». Буддизмъ, со своей обширной миѳологіей и обрядностями болѣе торжественными, долженъ былъ скоро вытѣснить первоначальныхъ шаманскихъ духовъ и большую часть шаманскихъ обычаевъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи обычаевъ шаманскихъ и въ отношеніи шаманской демонологіи, киргизы, сколько мнѣ кажется, богаче монголовъ. Я этимъ не хочу сказать, чтобы шаманство сохранилось у киргизовъ чище, чѣмъ у монголовъ; напротивъ, у киргизовъ оно смѣшалось съ мусульманскими повѣрьями и, смѣшавшись составило одну вѣру, которая называлась мусульманскою, но не знала Магомета, вѣрила въ Аллаха и въ тоже время въ онгоновъ, приносила жертвы на гробницахъ мусульманскимъ угодникамъ, вѣрила въ шамана и уважала магометанскихъ ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вмѣстѣ съ онгонами мусульманскихъ ангеловъ и восхваляли Аллаха. Такія противорѣчія нисколько не мѣшали другъ другу, и киргизы вѣрили во все это вмѣстѣ.

Такой порядокъ вещей продолжался до нашихъ дней, когда Исламъ, вмѣстѣ съ русской цивилизаціей, проникъ въ степь, и грамотныя дѣти, воспитанныя фанатичными татарами, съ презрѣніемъ отвернулись отъ обычаевъ предковъ и стали преслѣдовать и запрещать ихъ, гдѣ только замѣчали.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что основою этой смѣшанной вѣры служило шаманство.

Мусульманство среди народа неграмотнаго, безъ муллъ, не могло укорениться, но оставалось звукомъ, фразой, подъ которыми скрывались прежнія шаманскія понятія. Оттого измѣненію подверглись имя, слова, а не мысль. Онгонъ стали называть Арвахомъ, Кукъ-Тангри — Аллахомъ или Худаемъ, духа земли — шайтаномъ, перидивана и джиномъ, а идея осталась шаманская. Но тѣмъ не менѣе основанія шаманской вѣры

были поколеблены магометанскимъ единобожіемъ. Небо слилось съ идеей Аллаха, а второстепенные тенгріи, почитаемые въ олицетвореніяхъ, и особенно тѣ, которые имѣли изображенія, какъ напримѣръ, *истуканы боговъ земли* (Дзаягачи), совершенно были забыты, вѣроятно потому, что болѣе преслѣдовались при введеніи ислама, какъ идолы, столь ненавистные мусульманамъ. За то солнце, луна, звѣзды, которыя не были олицетворены, пользуются до сихъ поръ уваженіемъ, и въ народѣ сохранились нѣкоторые обряды ихъ культа. Всѣ шаманскіе обряды, понятія, легенды, столь тѣсно соединенные съ бытомъ кочевымъ, сохранились у киргизъ въ совершенной цѣлости и представляютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія средне-азіатскихъ древностей.

Банзаровъ въ основныхъ положеніяхъ о шаманствѣ, по нашему мнѣнію, судитъ несовсѣмъ вѣрно, или, лучше сказать, не обнимаетъ всю идею шаманства.

Шаманство, съ одной стороны, есть почитаніе природы вообще и въ частности; человѣкъ дѣйствуетъ и живетъ подъ вліяніемъ природы. Въ этомъ смыслѣ шаманство представляетъ крайній матеріализмъ. Съ другой стороны, умирая, человѣкъ самъ становится божествомъ — это крайній спиритуализмъ. Идея замѣчательная особенно потому, что не имѣетъ миѳологическихъ заблужденій и даетъ полный просторъ общественнымъ условіямъ, общественнымъ законамъ. «Поклоненіе есть высочайшее удивленіе», говоритъ Карлейль, котораго понятія о происхожденіи язычества, по нашему мнѣнію, вполнѣ объясняютъ шаманство. Природа и человѣкъ, жизнь и смерть— были предметами высочайшаго удивленія и были всегда преисполнены неизслѣдимой тайны. Природа и человѣкъ! Скажите, что можетъ быть чудеснѣе и таинственнѣе природы и человѣка? Необходимая потребность познать вселенную съ ея чудесами, вопросъ о жизни и смерти и отношенія человѣка къ природѣ, породили шаманство—обожаніе вселенной или природы и духа умершихъ людей. Такъ младенчествующій человѣкъ былъ приведенъ къ почитанію солнца, луны, звѣздъ и всего того безконечнаго, вѣчнаго и разнообразнаго, что мы называемъ природою или вселенною.

Вотъ отвѣтъ Карлейля, который такъ хорошо объясняетъ шаманское *небо-почитаніе*:

«Вы вѣрно помните приводимый Платономъ примѣръ человѣка, который, выросши и возмужавши въ темной пещерѣ, вдругъ былъ выведенъ на свѣтъ, чтобы... Эта зеленая съ цвѣтами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба, летучіе вѣтры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то градъ,—что это такое? А это другое таинство—время; вотъ высочайшее таинство... это вселенная... ахъ, Боже мой! Это какая-то сила неизслѣдимая. Корень всѣхъ силъ—сила, которая *не мы*».

Шаманистъ удивлялся солнцу и поклонялся ему; онъ увидѣлъ луну и ей поклонился; онъ поклонялся всему въ природѣ, гдѣ замѣчалъ присутствіе этой необъяснимой вѣчной какъ время силы, которую онъ назвалъ Синимъ Небомъ: Кокъ-Тенгри. Происхожденіе шаманства, это — обожаніе природы вообще и въ частности.

Другое чудо—человѣкъ. Эта душа, эти способности, этотъ духъ мыслящій и пытливый, не есть ли очевидное присутствіе божества,—неизслѣдимой вѣчной *силы*. Онъ поклонялся живому духу въ лицѣ шамана и мертвому духу—онгону. Но вліяніе природы въ этой жизни на человѣка, особенно младенствующаго, слишкомъ сильно, слишкомъ дѣятельно, и онъ долженъ былъ создать правила, которыми онъ руководствовался въ отношеніи къ таинственной природѣ, что дѣлать и чего не дѣлать. Вотъ происхожденіе тѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которые мы называемъ теперь шаманскимъ суевѣріемъ и которые тогда были *истинной вѣрой*, вѣрой несомнѣнной, живой.

Такимъ образомъ шаманство первоначально было почитаніемъ природы вообще въ идеѣ неба и въ частности солнца, луны, рѣкъ, горъ и проч. чудесъ природы и стихій, и поэтому отчасти походило на фетишизмъ, хотя по идеѣ оно далеко не похоже на эту грубую и мелкую адорацію. Олицетворенія не было и второстепенные *тенгріи*, конечно, появились впослѣдствіи, чему служитъ доказательствомъ самое названіе тенгри—небо. Вліяніе зороастровой религіи проникло, какъ справед-

ливо замѣчаетъ Банзаровъ, впослѣдствіи и выразилось олицетвореніемъ неба въ Хормуздѣ и въ поклоненіи огню, которое, по нашему мнѣнію, могло существовать и въ самомъ шаманствѣ, но религія маговъ придала поклоненію этому божеству болѣе обширные размѣры и обставила его большими обрядами. Какое понятіе имѣло шаманство о Небѣ, какъ о божествѣ, и его могуществѣ въ отношеніи человѣка? Человѣкъ мертвый былъ самъ свободное божество, поэтому вліяніе Неба простиралось только на человѣка живаго. Поэтому же и идеи грѣха въ смыслѣ христіанскомъ не было; отъ божества зависѣло благо и худо, добро и зло, счастіе и несчастіе во время земной жизни, а благодать и кара слѣдовали тотчасъ за грѣхомъ въ шаманскомъ смыслѣ.

Арвахи или Онгоны, духи умершихъ предковъ.

«Внѣшній міръ—природа, внутренній міръ—духъ человѣка, и явленія того и другого — вотъ что было источникомъ *черной вѣры*», говоритъ Банзаровъ. Внѣшній міръ—солнце, луна, звѣзды и земля, вотъ первыя божества; почитанье цѣлаго должно было привести къ почитанію частностей: горъ, рѣкъ, холмовъ и проч. Такимъ образомъ шаманство обоготворило природу. Небо, тенгри, хотя впослѣдствіи и олицетворялось, но никогда не было богомъ. Человѣкъ приписывалъ небу, солнцу и лунѣ власть надъ собой, вліяніе чего нельзя отрицать, но вліяніе это дѣйствовало на него только въ этомъ мірѣ, отъ рожденія до смерти. Онъ могъ родиться подъ особеннымъ покровительствомъ природы — чуднымъ образомъ и умереть отъ гнѣва, но по смерти власть природы на него прекращалась, онъ самъ становился арвахомъ, онгономъ, божествомъ свободнымъ. Благополучіе его въ томъ мірѣ зависѣло отъ того, какъ родственники исполняли обряды *поминокъ*. Если поминки были исправны, онъ былъ спокоенъ и покровительствовалъ всѣмъ роднымъ, не то,—онъ становился врагомъ и вреднымъ. Такимъ образомъ Небо было безпристрастно, какъ божество, и неревниво. У шаманскихъ народовъ не было грѣховъ въ смыслѣ христіанскомъ; человѣкъ боялся кривить совѣстью, потому что оттого уменьшался его

скотъ, наступить на огонь, потому что онъ получитъ болѣзнь. Однимъ словомъ суевѣрія шаманскія вели за собою *кесръ*, несчастіе, падежъ скота, болѣзнь. Наказаніе слѣдовало тотчасъ за нарушеніемъ обряда. Со смертью онъ освобождался отъ всѣхъ наказаній и духъ былъ свободенъ.

Люди великіе, сильные были и всесильными, всемогущими онгонами, мелкія натуры становились и по смерти ничтожными духами. Чингисъ-ханъ послѣ смерти былъ почитаемъ, какъ богъ. У киргизовъ почитаніе арваховъ до сихъ поръ во всей силѣ. Они въ трудныя минуты жизни призываютъ имя своихъ предковъ, какъ мусульмане своихъ святыхъ. Всякую удачу приписываютъ покровительству арваховъ (см. свид. Рычкова). Въ честь арваховъ приносятъ въ жертвы разныхъ животныхъ, а иногда нарочно ѣздятъ на поклоненіе къ ихъ могиламъ и, принося жертву, просятъ ихъ о чемъ нибудь, напримѣръ, бездѣтные — сына. Во время приношенія жертвы арваху киргизы говорятъ: (*здѣсь слѣдуетъ пропускъ*). Въ древности могилы знатныхъ и великихъ людей были скрыты или заповѣданы,—вѣроятно чтобы ихъ не могли осквернить враги. У нынѣшнихъ киргизъ воздвигнуть знатный курганъ или памятникъ считается непремѣнной обязанностью дѣтей, и могилы эти замѣняютъ имъ *обо*. Это единственныя святыни киргизовъ.

Китайскіе писатели сохранили намъ нѣкоторые обычаи, соблюдавшіеся при погребеніи царей у хунну, киданей и другихъ шаманскихъ номадовъ. Европейскіе путешественники, ѣздившіе къ монголамъ, говорятъ о подобныхъ обычаяхъ у комановъ и монголовъ. Если сравнимъ ихъ съ киргизскими, то найдемъ въ нихъ замѣчательное единство идей и даже сходство обрядовъ.

Шаманы почитались какъ люди, покровительствуемые небомъ и духами. Шаманъ—человѣкъ, одаренный волшебствомъ и знаніемъ, выше другихъ, онъ поэтъ, музыкантъ, прорицатель и вмѣстѣ съ тѣмъ врачъ. Киргизы шамана называютъ бахши, что по монгольски значитъ учитель; уйгуры бахшами называли своихъ грамотниковъ, туркмены этимъ именемъ зовутъ своихъ пѣвцовъ [1]).

[1]) Здѣсь въ рукописи сдѣлана выноска для примѣчанія, которое, однако, не помѣщено.

Команы называли шамана хамъ, такъ называютъ его и теперь сибирскіе татары. Мы не будемъ говорить о происхожденіи этого слова, которое достаточно разъяснено Банзаровымъ, не станемъ также опровергать мнѣнія о томъ, что шаманъ былъ и есть просто шарлатанъ. Мы только повторимъ здѣсь слова Карлейля: «мнѣ грустно даже предположить, чтобы шарлатанство, хотя въ дикарѣ, могло породить вѣру». И у киргизовъ не всякій можетъ быть шаманомъ, какъ не всякій изъ насъ можетъ быть поэтомъ.

Эмъ. Болѣзни, по мнѣнію шамана, происходятъ не отъ физическихъ причинъ, но отъ воли божествъ и духовъ или вообще отъ непочитанія—*кіелы*; поэтому лѣченіе болѣзней производилось шаманами, людьми близкими къ духамъ, и потому знакомыми съ извѣстными обрядами, или, какъ ихъ называютъ сами киргизы, *эмъ.* Нѣкоторыя болѣзни имѣютъ хозяина *ійе, ійелы, авру*, т. е. своего духа.

У киргизовъ всѣ болѣзни болѣе или менѣе раздѣляются на двѣ категоріи:

1) *Учукъ, учунмакъ,* всякая незначительная болѣзнь, сопровождаемая головною болью или тошнотою, или лихорадочнымъ жаромъ. Учукъ бываетъ, по мнѣнію киргизъ, отъ пищи. Судя потому, что они пищу и питье внѣ кибитки не ѣдятъ и не закрытою не оставляютъ на ночь, надо думать, что дѣлаютъ это, боясь порчи отъ злыхъ духовъ. Учукъ лѣчится обрядомъ, называемымъ также учукъ (учуктаманъ—лѣчить отъ учука).

2) *Кагынды* — болѣзни, сопровождаемыя болѣе сильными симптомами, и лѣчатся обрядами, называемыми *какманъ.*

Въ томъ и другомъ случаѣ имѣютъ въ виду испугать нечистаго духа. Въ учукѣ прыскаютъ три раза холодной водой и кипяткомъ, а въ кагынды бьютъ легкими, вынутыми отъ разныхъ животныхъ.

Киргизы ревматизмъ называютъ *тёзъ арвахъ,* онъ получается отъ неосторожнаго хожденія по мѣстамъ старыхъ кочевокъ. Отъ ревматизма считаютъ вѣрнымъ средствомъ носить . . . . . на больномъ мѣстѣ, которое должно быть непремѣнно повязано *дикокаменнымъ киргизомъ.*

Женскія болѣзни, особенно маточныя, приписываютъ дѣйствію духовъ, и женщинъ, одержимыхъ духами, называютъ *зіандасты*.

Чтобы не рождать дѣтей, женщинѣ слѣдуетъ вымочиться на муравейникъ.

Эмъ отъ водобоязни состоитъ въ томъ, что больнаго заставляютъ кусать ушки котловъ въ сорока кибиткахъ. У казанскихъ татаръ собираютъ куски хлѣба изъ сорока избъ.

Огонь. Почитаніе огня, какъ справедливо думаетъ Банзаровъ, заимствовано шаманствующими народами отъ персовъ, какъ и почитаніе Ормузда. Мы совершенно согласны съ нимъ въ этомъ, но полагаемъ, что заимствованіе было въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ думаетъ Банзаровъ. По нашему мнѣнію шаманство первоначально заключалось въ грубомъ почитаніи міра вообще, въ идеѣ Неба и всѣхъ его частностей, т. е. солнца, луны, земли, также съ частностями: горами, рѣками, замѣчательными камнями, деревьями и проч. Идея добрыхъ и злыхъ тенгріевъ, культъ огня, можетъ быть самое искусство шамановъ (но не шаманство) заимствовано отъ персовъ, даже дуализмъ Неба, какъ матеріи — Кокъ и какъ Бога—вѣчный, вѣроятно, занесенъ отъ нихъ же. Изъ всѣхъ шаманскихъ обрядовъ у киргизъ поклоненіе огню до сихъ поръ имѣетъ большую силу. Киргизы огонь называютъ *авліе*; этимъ же именемъ называютъ мусульманскихъ угодниковъ. Изъ почтенія, огонь киргизы, подобно монголамъ, называютъ *матъ*.

Огонь у киргизовъ имѣетъ качество очистительное. Очищаютъ, проводя между двухъ огней. Обрядъ очищенія называется *аласта*. Скочевывая съ зимовокъ, они переходятъ кочевкой между двухъ огней; человѣкъ, дающій публичную клятву, долженъ также очищаться огнемъ.

Огонь былъ покровителемъ жилищъ, домашнимъ святилищемъ; поэтому у киргизъ невѣста, при вступленіи въ новое семейство, должна была поклониться огню въ *большомъ домѣ*. Обычай этотъ существуетъ у монголовъ и замѣняетъ вѣнчанье. У киргизъ онъ, очевидно, утратилъ много подробностей, если его сравнить съ монгольскимъ. Невѣсту, вступившую въ

новое семейство, женщины вводятъ въ юрту тестя. Въ дверяхъ она дѣлаетъ обычное колѣнопреклоненіе [1]); потомъ садятъ ее около очага на выдѣланную телячью кожу, чтобы она (невѣста) была мягка, какъ шкура . . . . затѣмъ льютъ въ огонь жиръ, и она падаетъ нѣсколько разъ ницъ, приговаривая: мать—огонь и жиръ—мать, награди меня милостью! . . . . Въ это время женщины, нагрѣвъ ладони на огнѣ, водятъ по лицу невѣсты. Надо полагать, что молитва эта первоначально была не такъ кратка (см. эту молитву у монголовъ). Точно также при рожденіи ребенка приносятъ огню жертву говоря . . . . . .

Киргизы оказываютъ вообще большое почтеніе огню; въ огонь нельзя плевать; нельзя проходить черезъ огонь, даже черезъ мѣсто, гдѣ онъ былъ когда-то разведенъ . . . . Киргизы самаго взбалмошнаго человѣка называютъ . . . . . Почитая огонь, боялись гнѣва огня и потому клялись гнѣвомъ огня . . . . Многія болѣзни считались гнѣвомъ огня и потому очень многія болѣзни лѣчились огнемъ. Къ числу болѣзней, лѣчимыхъ огнемъ, принадлежитъ ревматизмъ, боль въ ногахъ, которая, по мнѣнію киргизъ, происходитъ отъ неосторожнаго хожденія по мѣстамъ старыхъ стоянокъ. Монголы думали точно также, потому что у нихъ было преданіе, что племя Хонкиратъ страдало болью въ ногѣ, потому что оно вышло изъ Иргене-хона и повергло благо другихъ племенъ подъ ноги.

Для жертвы огню употребляется у киргизовъ жиръ. Жертвенныя свѣчи или свѣтильники (черакъ) дѣлались бѣлые изъ ваты или изъ бѣлой дабы и синіе изъ китайки, пропитанной саломъ и обернутой около тонкаго стебля растенія *чій.* Черакъ долженъ быть длиною въ локоть. Ваточные употребляются для сожиганія по умершемъ въ первые четыре дня; каждый день жгутъ по 10, всего — 40. Во

---

[1]) Колѣнопреклоненіе—чардымъ. Киргизскія невѣсты дѣлаютъ чардымъ всякій разъ, когда входятъ въ юрту родственниковъ старшихъ лѣтами ея мужа и когда видятъ ихъ случайно (она должна отъ нихъ скрываться). Она также не называетъ ихъ по имени, не называетъ по имени и младшихъ членовъ семейства, родившихся до ея вступленія.

время лѣченія шаманами употребляютъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней чераки бѣлые и синіе вмѣстѣ отъ 3-хъ до 7-ми и 9-ти.

О животныхъ, приносимыхъ въ жертву.

Въ жертву приносили и приносятъ животныхъ всѣхъ родовъ, по преимуществу верблюдовъ, лошадей, барановъ и рѣдко быковъ, но всегда самцовъ и съ извѣстными примѣтами. «Возьмемъ», говоритъ въ поэмѣ Чора жена мужу, «отъ верблюдовъ—нара, отъ лошадей—жеребца, отъ коровъ—быка и отъ овецъ—барана и пойдемъ просить себѣ сына».

Исламъ допускаетъ жертву отъ стадъ только въ память Курбана Авраамова, но киргизы при малѣйшемъ несчастіи рѣжутъ животное во имя Божіе . . . . или во имя арваховъ и приносятъ жертвы не при обо, а на могилахъ предковъ. Такія жертвы они называютъ *курбандыкъ* и *садока* и этимъ нѣкоторымъ образомъ смягчаютъ ихъ языческое значеніе.

Верблюдъ показываетъ крайнюю важность причины, побудившей сдѣлать жертву. Верблюдъ долженъ быть бѣлый. Поговорка «распоролся желудокъ бѣлаго верблюда» употребляется при крайне радостныхъ случаяхъ, напримѣръ, при возвращеніи близкихъ людей изъ опаснаго похода или изъ дальняго путешествія, при рожденіи наслѣдника у людей, которые давно этого дожидались,—и, очевидно, имѣетъ жертвенное происхожденіе. При подобныхъ радостяхъ, чтобы показать всю ихъ важность, надо полагать, приносили въ жертву верблюда, хотя въ настоящее время верблюдъ рѣдко приносится въ жертву.

Баранъ долженъ быть бѣлый съ желтою головою . . . . или бѣлый съ лысиною . . . . Обыкновенно, принося жертву, киргизъ въ молитвѣ описываетъ примѣты приносимаго животнаго. «О, арвахъ, для тебя именую луногогаго, раздѣльнокопытчатаго, съ запахомъ мускуса, или съ ушами . . . . подобными баурсакамъ, или съ разрѣзными ушами, съ двумя зубами» . . . . и проч. Приносятъ въ жертву и первенцовъ въ стадѣ, если они и не имѣютъ вышеприведенныхъ примѣтъ. Въ молитвѣ огню у монголовъ говорится также *бѣлый баранъ съ желтой головой.*

Киргизы нерѣдко въ бѣдѣ именуютъ лошадей или скотъ, почему-либо имъ дорогой, а приносятъ въ жертву другой, менѣе любезный. Для этого слюной именованнаго животнаго мажутъ ротъ животнаго, которое хотятъ въ самомъ дѣлѣ убить.

Космологическія понятія киргизовъ.

Здѣсь трудно распознать, которая изъ дошедшихъ до насъ легендъ болѣе древняго происхожденія и подъ вліяніемъ какого культа онѣ произошли, тѣмъ болѣе, что объ одномъ и томъ же предметѣ существуютъ въ одно и тоже время различныя понятія.

Звѣзды, по мнѣнію нѣкоторыхъ киргизъ, ничто иное, какъ большія горы изъ драгоцѣнныхъ камней, лежащія отъ нашей планеты въ такомъ разстояніи, что кажутся маленькими точками. По мнѣнію другихъ, каждая звѣзда соотвѣтствуетъ душѣ какого-нибудь человѣка на землѣ, и когда умираетъ человѣкъ, то и звѣзда его падаетъ на землю. Когда киргизы видятъ падающую звѣзду, то говорятъ . . . . «моя звѣзда выше»! или нѣсколько разъ чалипаютъ губами. Счастливаго человѣка, покровительствуемаго судьбою, называютъ *«человѣкомъ со звѣздой»*. Киргизы вѣрятъ во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка.

Монголы приносятъ по шаманскому преданію жертвы звѣздамъ и даютъ подобно киргизамъ большое значеніе звѣздамъ въ отношеніи власти доставлять человѣку счастіе, богатство, скотъ и проч. Изъ звѣздъ киргизы знаютъ и отличаютъ поименно очень немного.

1) Полярная звѣзда—*Темиръ-Казыкъ;* по ней оріентируются киргизскіе путешественники во время ночи. Названіе *желѣзный колъ*, вѣроятно, дано вслѣдствіе ея видимой неподвижности, по этому двѣ звѣзды, близкія къ ней и имѣющія около нея движеніе, которое похоже на ходъ лошадей, привязанныхъ на веревкѣ къ колу, называются «двумя бѣлыми лошадьми».

2) Большая Медвѣдица называется киргизами «семь воровъ»—*Джеты-Каракчи*, это—души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а по ночамъ каялись во грѣхахъ, за

это они были обращены послѣ смерти въ семь звѣздъ. У семи воровъ находится похищенная дочь *Плеядъ* [1]).

3) Плеяды—*Уркеръ*. Киргизы замѣтили поступательное движенie Плеядъ къ Большой Медвѣдицѣ и думаютъ, что она преслѣдуетъ семь воровъ, чтобы выручить свою дочь. По Плеядамъ киргизы узнаютъ часы ночи и времена года.

4) Венера—Пастушеская звѣзда . . . . . По всходѣ этой планеты, киргизскie пастухи гонятъ барановъ въ аулъ, въ загонъ.

5) Утренняя звѣзда—*Чулпанъ-Джулдузъ*.

Знаки Зодiака и ихъ созвѣздiя извѣстны киргизамъ подъ арабскими, но нѣсколько исковерканными названiями. Впрочемъ, положенie ихъ никто не знаетъ. Киргизы имѣютъ свои названiя мѣсяцевъ.

Млечный путь *Кушъ-Джолъ*—«птичья дорога», потому что по направленiю Млечнаго пути летаютъ перелетныя птицы.

Луна, вѣроятно, была божествомъ. Киргизы при видѣ новой луны дѣлаютъ земные поклоны и лѣтомъ берутъ съ того мѣста, гдѣ дѣлали поклоны, траву, которую, придя домой, бросаютъ въ огонь.

Киргизы говорятъ, что на лунѣ есть старуха (вѣроятно, вслѣдствie округленности и пятенъ, которыя кажутся частями лица). Киргизы не смотрятъ долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала рѣсницъ; если это случится, то человѣкъ долженъ умереть. При отправленiи естественныхъ нуждъ не обращаютъ лица къ лунѣ. Вообще о лунѣ говорятъ съ уваженiемъ.

Конечно, если луна была божествомъ, то и солнце должно было быть тѣмъ же; между тѣмъ мы не видимъ у киргизовъ слѣдовъ уваженiя къ этому свѣтилу. Банзаровъ тоже говоритъ о монголахъ. Странно. Не могло ли быть, что младенчествующiй человѣкъ отдалъ первенство лунѣ потому самому, какъ

---

[1]) Надо полагать, что легенда эта древняго происхожденiя, ибо монголы называютъ Большую Медвѣдицу созвѣздiемъ семи старцевъ и приносили ей въ жертву кумысъ, молоко и посвящали животныхъ. Банзаровъ разсказываетъ, что въ рукописи „Книга о молитвѣ и жертвоприношенiи звѣздамъ и богамъ“ есть небольшая легенда о важности созвѣздiя *семи старцевъ*. Не имѣетъ ли она сходства съ киргизскою?

въ анекдотахъ разсказываютъ про одного простяка, который сказалъ: луна лучше солнца, потому что днемъ и безъ солнца свѣтло. Киргизы не обращаются лицомъ къ солнцу, когда отправляютъ естественныя нужды—вотъ единственная дань уваженія, которая до сихъ поръ намъ извѣстна.

Небо—*Кокъ-Тангри*—«Синее небо»,—это высочайшее божество въ шаманствѣ. У киргизовъ первое прилагательное (кокъ) означаетъ видимое, предметное, а существительное (тангри) обращено въ синонимъ Аллаха и Кудая (Худа). Впрочемъ, въ отдаленныхъ краяхъ степей, наприм., въ Дикокаменной ордѣ еще живетъ выраженіе *Кукэ-Тангри*, въ видѣ набожнаго восклицанія или призыванья. Слово Тангри еще при Чингисъ-ханѣ магометане переводили словомъ *Алла*, а европейцы словомъ *Deus*, такъ оно было въ шаманствѣ близко къ идеѣ всемогущаго существа, а въ Малой Бухаріи и теперь китайское *Тянь* переводятъ персидскимъ словомъ *Худа*—Богъ.

Небо было свободно въ своихъ поступкахъ, оно награждало и карало. Отъ его воли зависѣло благополучіе людей и народовъ. Выраженія Тангри-джарылкасынъ (джарынкамакъ)—«да наградитъ тебя небо»; Кокъ сукканъ—«проклятый небомъ» и Кукъ суккыръ—«чтобы не было неба», показываютъ ихъ шаманское происхожденіе. Джарлыкамакъ имѣетъ очевидное сходство съ джарлыкъ (монгольское дзарликъ) изъявленіе воли и съ монгольскимъ дзяга—воля неба, судьба.

На небѣ есть жители—люди. Они опоясываются подъ горломъ; мы живемъ въ срединѣ на землѣ и носимъ поясъ на срединѣ тѣла, люди же подземные, у которыхъ также свое солнце, луна и звѣзды [1]), носятъ поясъ на ногахъ. Между небесными киргизами есть очень богатая старуха (образъ жизни небесныхъ жителей киргизскій, иначе и быть не могло, такъ какъ эти элементы суть плодъ киргизской фантазіи).

Радуга Кемпирденъ-Косагы, т. е. старушкинъ косагъ. Косагомъ называется протянутая по землѣ веревка съ петлями, къ которой на двѣ стороны привязываютъ овецъ. Упоминаемая

---

[1]) Повѣрье о подземныхъ людяхъ сохранилось въ нѣкоторыхъ сказкахъ.

здѣсь старушка уже намъ знакома. Радуга—ея косагъ изъ разноцвѣтныхъ овецъ, которыхъ старушка имѣетъ привычку доить послѣ дождя.

Явленія въ воздухѣ.

Монголы, какъ говоритъ Рашид-эд-динъ, ужасно боялись грома, считая его за гнѣвъ Неба. Киргизы говорятъ дѣйствительно, что громъ гнѣвный гласъ Божій, а молнія стрѣлы, которыми Онъ поражаетъ шайтановъ, но трудно распознать Аллахъ или Небо этотъ гнѣвный богъ, и шайтаны, которыхъ онъ поражаетъ, мусульманскаго или шаманскаго происхожденія. Мусульманскія легенды въ этомъ отношеніи сходятся довольно близко съ киргизскими. Онѣ говорятъ, что громъ—крикъ одного страшнаго ангела, а молнія—стрѣлы, коими онъ поражаетъ шайтановъ, но относить этотъ актъ къ самому Богу по мусульмански не прилично. Надо полагать, что здѣсь господствующая идея шаманская, тѣмъ болѣе, что буддисты-монголы, на которыхъ не могла дѣйствовать мусульманская легенда, также считаютъ молнію за стрѣлы небесныя, направленныя противъ злыхъ духовъ.

Намъ случалось также слышать относительно перваго грома выраженіе *«небесный жеребецъ ржетъ»* . . . . При этомъ у киргизовъ соблюдается слѣдующій обрядъ: хозяинъ юрты съ ковшемъ выбѣгаетъ изъ юрты, бьетъ имъ, бѣгая кругомъ, свою кибитку снаружи, приговаривая: «молока много, углей мало»! . . . . А потомъ, придя домой, втыкаетъ ковшъ около дверей на юрточную рѣшетку. Говорятъ еще, что льютъ молоко у порога. Кажется, все это дѣлается не изъ страха, а есть доброе пожеланіе обилія молока, слѣдовательно и увеличенія стадъ.

О драконѣ, какъ о производителѣ грома, мы не слышали. Вообще олицетвореній исламъ не терпитъ.

Вихрь, вѣроятно, былъ олицетворенъ, какъ одинъ изъ тангріевъ стихійнаго происхожденія, потому что киргизы, встрѣчая вихрь, плюютъ три раза: тфу, тфу, тфу! У г. Васильева говорится о подобномъ же обыкновеніи у Киданей.

О чарующихъ силахъ въ природѣ.

Абулгази говоритъ, что турки имѣли камень, называемый яда или джада, посредствомъ котораго могли производить дождь, громъ и молнію. Киргизы этотъ камень называютъ Джай-тасы и до сихъ поръ вѣрятъ въ джада и возможность производить, когда нужно, дождь и непогоду, и многіе между ними славятся въ этомъ отношеніи. Киргизы всякое чародѣйство и колдовство называютъ джаду. Между киргизами прежде было много подверженныхъ джадѣ, испорченныхъ, т. е. околдованныхъ. Болѣзнь эта считалась смертельною и отъ нея можно было избавиться только черезъ операцію шамана, который рѣзалъ имъ желудокъ и извлекалъ оттуда какую-нибудь мерзость. Къ джаду прибѣгали обыкновенно ревнивыя жены, и мы знаемъ по преданію много киргизовъ, умершихъ якобы отъ джаду. Чтобы обворожить, заставить кого-нибудь любить себя или, какъ говорятъ киргизы, «вскружить голову», — прибѣгаютъ къ разнымъ заговорамъ. Замѣчательны между ними *чары на слѣдъ*, о которыхъ упоминается въ русскихъ сказкахъ (вѣдьма Марина Добрынѣ Никитичу). Большею частью заговоры дѣлаютъ на сахарѣ, или изюмѣ, который потомъ даютъ кому надо. Чародѣйство, колдовство у киргизовъ носитъ разныя названія: во 1-хъ арбау (отъ него арбынъ у дикокаменныхъ киргизовъ и арбауга у катаковъ). Въ Манасѣ, эпической сагѣ дикокаменныхъ киргизовъ, всѣ герои и богатыри имѣютъ это качество; даже ихъ лошади—вѣщіе говорящіе кони и имѣютъ еще способность измѣняться . . . . . . въ птицъ и проч. Они называются арбынъ-кулунъ, лошадь-чародѣй. Заговоры, которыми дикокаменные киргизы ограждаютъ себя отъ разныхъ болѣзней, также называются арбынъ. Они имѣютъ арбынъ даже отъ удушливости на высокихъ горахъ, которая происходитъ отъ малаго давленія воздуха. У кайсаковъ арбау называются по преимуществу заговоры, а арбаучи люди, имѣющіе способность посредствомъ заговора освобождать человѣка отъ чаръ, отъ болѣзней и проч. Для того, чтобы излѣчить человѣка отъ ужаленія змѣи, киргизы хватаютъ живую змѣю и заговариваютъ ее. Если заговоръ былъ дѣйствителенъ, то змѣя должна

тутъ же умереть. Вообще первоначальное значеніе этого слова— заговоръ.

Киргизы употребляютъ еще персидское слово сихръ и отъ него *сихрга*—колдовство.

О чарующихъ силахъ, заключающихся въ самомъ человѣкѣ.

Грозны были для младенчествующаго человѣка стихіи, но отъ нихъ можно укрыться; хуже бѣда была въ самомъ человѣкѣ—страхъ передъ какою-то невѣдомою силой, которую онъ ощущалъ въ себѣ. Человѣкъ былъ окруженъ страхомъ; даже во снѣ онъ боялся, его страшилъ сонъ.

Языкъ человѣка черезъ слово имѣлъ, по мнѣнію киргизовъ, разрушительное вліяніе. «Слово человѣка можетъ раздробить камень, если не камень, то голову человѣка» . . . . Если у киргиза умретъ красивый ребенокъ, пропадетъ хорошій конь, улетитъ хорошій соколъ, испортится ружье, все приписывается человѣческому языку.

Глазъ дѣйствуетъ также, какъ и слово.

Киргизы, вмѣсто клятвы, лизали ногти на рукахъ, смотря на небо. Приписывается ли чародѣйская сила ногтямъ всѣхъ пальцевъ или одного пальца по преимуществу, не знаемъ. У Буслаева безъимянный палецъ по преимуществу не терпитъ неправды.

Чарующая сила приписывается нѣкоторымъ дѣйствіямъ.

«Обвести», «окружить» употребляется въ эпическихъ сказаніяхъ народовъ индо-германскаго племени въ смыслѣ приворожить, околдовать. При этомъ дѣйствіи чарующую силу они по преимуществу приписывали мертвой рукѣ: «какъ мертвою рукою обвести» (Снѣгиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, т. II, стр. 35).

У киргизовъ чарующая сила заключается собственно въ круженіи. Они избѣгаютъ полнаго круга при осмотрѣ чего бы то ни было. Обойти человѣка значитъ принять на себя всѣ его болѣзни, всѣ чары, которые тяготятъ надъ нимъ. Поэтому самое нѣжное слово у киргизовъ и самое вѣрное выраженіе

любви заключается въ словахъ *айна-лаинъ*, у средне-азіатскихъ турковъ *ургу-лаинъ*, что значитъ «обхожу тебя». Мы слышали, что въ старые годы часто чадолюбивые отцы бѣгали съ поясомъ на шеѣ вокругъ юрты, гдѣ лежалъ больной ихъ сынъ, предлагая якобы себя небу, взамѣнъ больнаго, а родственники и одноаульцы старались удержать его отъ такого гибельнаго намѣренія. Такъ киргизы вѣрили въ круженіе. Птицу, попавшуюся въ руки, отпускаютъ на волю не иначе, какъ обведя ею нѣсколько разъ около головы.

Клятвы.

1) «Да побьетъ меня огонь мой».

2) «Да буду твоимъ синимъ осломъ»; иногда добавляютъ: «въ двухъ мірахъ», т. е. на этомъ и на томъ свѣтѣ.

3) «Инкъ дече»—скажи инкъ! Это слово по Рашид-эд-дину значитъ *благословеніе;* онъ этимъ словомъ объясняетъ *онгонъ.*

У дикокаменныхъ киргизовъ есть странная клятва: «майнекенъ-булаинъ». Надо полагать, что Майнеке—имя собственное какого-нибудь человѣка, особенно прославившагося своими дурными качествами, или какая-нибудь унизительная профессія. Клятва эта общеупотребительная.

Рымъ, т. е. обычаи, соблюденіе которыхъ въ шаманствѣ избавляло отъ несчастій, а нарушеніе вело за собою какое-нибудь бѣдствіе; однимъ словомъ тѣ простонародные обычаи, которые европейцы называютъ у себя суевѣріемъ или предразсудками, а въ шаманствѣ они и составляютъ обрядную часть ихъ вѣры. *Рымъ* называются также обряды, исполняемые въ видахъ предзнаменованія. Напримѣръ, у кого нѣтъ сыновей, а родятся дѣвочки, тѣ даютъ послѣдней изъ своихъ дочерей имя Улъ-туганъ (сынъ родился) Майкетъ, чтобы оно было предзнаменованіемъ для рожденія сына.

Мы ознакомились съ наиболѣе употребительными *рымами:* 1) При отчужденіи изъ табуна лошади, берутъ клокъ волосъ отъ гривы и, помочивъ въ слюнѣ животнаго, кладутъ въ карманъ; этотъ обычай называется «брать слюну». 2) Отдавая кому-нибудь платье, оставляютъ у себя одну пуговицу или

завязку. 3) При продажѣ животныхъ не отдаютъ отъ лошади узды, отъ верблюда носовой веревки, отъ сокола путалищъ, отъ собаки ошейника. Въ русскихъ сказкахъ чародѣй, который оборачивается въ разныхъ животныхъ, въ лошадь, собаку, сокола и пр., обыкновенно проситъ, чтобы при продажѣ его въ этомъ видѣ не отдавать узды, ошейника и путалищъ. 4) Входить въ юрту съ пищей во рту не хорошо, выходить, напротивъ, хорошо, *«къ врагу ходятъ жуя и отъ друга выходятъ жуя»*. Если хозяинъ замѣтитъ, что кто-нибудь вошелъ къ нему съ жевачкой во рту, то непремѣнно заставитъ его выплюнуть у порога все, что есть во рту. 5) При входѣ отворяютъ двери гостю сами хозяева; при выходѣ — ни за что. Нѣкоторые киргизы имѣютъ свой собственный рымъ, т. е. замѣтивъ, что извѣстныя дѣйствія всегда ведутъ за собою худо, а извѣстныя—благо, они избѣгаютъ первыхъ и не упускаютъ дѣлать послѣднія и пр. Нѣкоторыя киргизки ни за что не даютъ своего головного убора, боясь худыхъ послѣдствій.

Особенно много *рымовъ* киргизы наблюдаютъ во время *походовъ* и *баранты*. Слова: «тусъ»—сходи съ лошади, «байля»—вяжи, дабы не послужили дурнымъ предзнаменованіемъ, замѣняютъ благопріятными для нихъ по смыслу словами: канъ, бекетъ, іиръ. Пѣсенъ не поютъ; вмѣсто сайты-аякъ говорятъ джулды-аякъ; кобылу называютъ жеребцомъ, потому что ѣздить на баранту на кобылахъ считается неблагопріятнымъ для успѣха; назначеніе кобылицъ, по мнѣнію киргизовъ, есть разплодъ и кумысъ, а не походъ.

Талисманы отъ глазу, отъ нечистыхъ духовъ и отъ разныхъ болѣзней.

Киргизы употребляютъ теперь магометанскія кабалистическія молитвы и называютъ ихъ «тумаръ»; въ прежніе же годы талисманы были большею частью вещественные, а именно: разныя части тѣла вѣщихъ животныхъ или птицъ, животныя кости и иногда камни.

1) *Кости животныхъ*, имѣющія сверхестественную силу. Локтевая кость, по мнѣнію киргизовъ, могла замѣнить для скота пастуха, т. е. сберегаетъ скотъ отъ волковъ и отъ воровъ

(а не отъ падежа, какъ ошибочно думаетъ г. Ильминскій см. Извѣстія Вост. отд. Арх. Общ. 1860 г., вып. 5-й). Для этого ее ставятъ въ юртѣ точно также, какъ у монголовъ, по разсказу Гомбоева, и какъ у монголовъ кладутъ между тонкою костью также траву кипецъ. Кость въ этомъ видѣ изображаетъ пастуха съ укрюкомъ. По повѣрью киргизовъ, локтевая кость въ видѣ человѣка стережетъ скотъ отъ воровъ и глазамъ воровъ представляется въ видѣ человѣка. Киргизы эту кость называютъ *Кары-джимакъ*, т. е. старый . . . . Кары не есть ли испорченное слово хариту? Локтевую кость киргизы носятъ также привязанною къ передней лукѣ сѣдла, какъ хранителя сѣдельнаго прибора и лошадей. У киргизъ есть слѣдующая легенда. Нѣсколько воровъ ходили нѣсколько дней около стада одного киргизскаго бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночамъ вокругъ стада ходило множество людей вооруженныхъ укрюками. Зная, что у этого киргиза кромѣ жены и дочери не было другихъ хранителей, не было ни сыновей, ни рабовъ, они рѣшились узнать это чудо и пришли къ нему на ночлегъ въ видѣ кунаковъ, т. е. гостей. Бай зарѣзалъ имъ барана и накормилъ ихъ до сыта. Тогда они чистосердечно объяснили ему, что они воры, что давно стерегли его стадо, но не могли ничего взять, потому что ночью ходятъ вооруженные. «Скажите, спросили воры, что вы имѣете такого и какимъ чудомъ вы владѣете»? «Никакимъ чудомъ не владѣю, отвѣчалъ бай, у меня только одно правило, которому я слѣдую неуклонно. Именно, *отецъ,* умирая, завѣщалъ мнѣ одинъ завѣтъ. Сынъ мой, сказалъ онъ, я тебѣ оставляю завѣтъ, слѣдуй ему и будешь всегда богатъ. Сколько тебѣ ни придется рѣзать барановъ, не бросай локтевыхъ костей и привязывай ихъ къ косякамъ дверей и къ чагараку. Я всегда исполнялъ его волю и, слава Богу, не помню, чтобы изъ стада моего потерялся или чтобы волкъ похитилъ хоть одного ягненка». Воры осмотрѣлись въ юртѣ и увидѣли въ ней столько локтевыхъ костей, сколько видѣли они людей, сберегавшихъ по ночамъ стадо.

Волчья чашка предохраняетъ отъ ревматизма въ поясницѣ и отъ глазу.

2) Голова филина, ноги и перья сохраняютъ отъ злыхъ духовъ; для этого ихъ привязываютъ къ юртѣ и къ колыбелямъ дѣтей. Намъ случалось видѣть въ юртахъ дикокаменныхъ киргизъ голову уллара (Megaloperdix himalayensis). По понятію дикокаменныхъ киргизовъ мясо этой птицы навсегда предохраняетъ отъ оспы. Зная, какъ опустошительна оспа, мы готовы вѣрить легендѣ, что во время оспы дикокаменные киргизы тѣхъ странъ, гдѣ не водится эта птица, ѣли путешественниковъ, которые пріѣзжали съ Алатавскихъ горъ, въ которыхъ во множествѣ водится улларъ.

3) Отъ худого *глазу* и *языка* носятъ камень, называемый «ишекъ-тасъ». Камень этотъ, по повѣрью, долженъ находиться въ желудкѣ ословъ, но торговцы продаютъ подъ этимъ именемъ зеленую и муравленую глину.

Всѣ болѣзни въ шаманствѣ приписывали наважденію злыхъ духовъ или гнѣву онгоновъ, оттого лѣченіе ихъ производилось шаманами—людьми покровительствуемыми духами. Кромѣ шамановъ злые духи боятся и нѣкоторыхъ живыхъ знатныхъ, благородныхъ или храбрыхъ людей, которыхъ въ этомъ смыслѣ называютъ живыми духами.

Есть и животныя, которыхъ боятся черти. Напримѣръ, при родахъ верблюда-самца и ежа. Къ колыбели дѣтей привязываютъ иглы ежа, а при родахъ кладутъ ихъ на страждущую. Замѣчательно, что волосы русскаго человѣка употребляютъ также въ числѣ средствъ для изгнанія болѣзни.

Киргизы приписываютъ особенную силу *кіе*, нѣкоторымъ стихіямъ, напримѣръ, огню (которое было божествомъ), нѣкоторымъ животнымъ, птицамъ и разнымъ предметамъ, полезнымъ въ ихъ кочевомъ быту, и воздаютъ имъ извѣстнаго рода почетъ, думая, что исполненіе этихъ почетныхъ обрядовъ утверждаетъ за ними богатство и счастье, *кутъ* (это слово заключаетъ въ себѣ идею счастія, соединеннаго съ богатствомъ), а не исполненіе—бѣдность и какое-нибудь зло. Предметы, имѣющіе такую силу *кіе*, называются *кіелы*, а карательная сила ихъ *кесръ*.

Извѣстно, что монголы боялись проливать молоко; они въ этомъ случаѣ боялись *кесра*.

Поэтому надо полагать, что шаманскіе народы добро и зло приписывали благоволенію или гнѣву обоготворяемыхъ ими предметовъ и стихій *кіе*. Благочестіе заключалось въ извѣстныхъ обрядахъ уваженія, а грѣхъ въ нарушеніи ихъ; они боялись *кесра*.

Чтобы показать каковы понятія киргизъ о загробной жизни, ниже мы приводимъ легенду, повидимому, чисто шаманскаго происхожденія. Они совершенно согласны со свидѣтельствомъ Плано-Карпини, который говоритъ, что монголы съ мертвымъ погребаютъ кобылу съ жеребенкомъ, осѣдланную и взнузданную лошадь, чтобы ему было чѣмъ питаться на томъ свѣтѣ и разводить лошадей для своего употребленія. Киргизы кладутъ на могилу чашку, по животныхъ, которыя назначаются для замогильнаго употребленія покойника, рѣжутъ на его поминкахъ съ словами *тіе-берсенъ*—«да дойдетъ до тебя». Это очень важно; слѣдовательно, шаманское небо было безпристрастно какъ божество, но ревниво. Большее или меньшее благосостояніе человѣка умершаго зависѣло не отъ неба, а отъ той исправности, съ которою должны были родные исполнить *обычаи*. Чѣмъ больше зарѣзано лошадей на могилѣ, тѣмъ благополучнѣе былъ покойникъ. Не отомщенный покойникъ, судя по этой же легендѣ, очевидно, долженъ былъ страдать. Вліянія ислама въ этой легендѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ, кромѣ словъ салемъ-алейкумъ. Азраила, Джебраила мы считаемъ не магометанскими архангелами, это, по нашему мнѣнію, шаманская *смерть*, переименованная согласно духу времени. Монголы олицетворяютъ смерть (Эрликъ-ханъ, богъ смерти), какъ олицетворяютъ нѣкоторыя болѣзни, напримѣръ, оспу, въ видѣ злой и отвратительной старухи. Мы не знаемъ изъ преданій, какой видъ имѣла киргизская смерть, но знаемъ, что она имѣла *укрукъ*, чтобы схватить, и какое-то оружіе, чтобы зарѣзать свою жертву. Плано-Карпини говоритъ, что монголы очищали юрту и всѣ вещи покойника огнемъ. Киргизы также считаютъ все, что было въ юртѣ покойника, нечистымъ, потому что когда смерть рѣжетъ невидимо горло человѣка, то кровь его, также невидимая, доходитъ до 3-й

клѣтки кирегэ въ юртѣ, слѣдовательно, потопляетъ всѣ вещи, находящіяся въ юртѣ.

Самое бѣгство отъ смерти, недопускаемое исламомъ, составляетъ одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ легендъ шаманскихъ народовъ. У киргизскихъ шамановъ есть легенда о *Хархутѣ*, первомъ шаманѣ, который научилъ ихъ играть на *кобзѣ* и пѣть *сарѣ*. Даже у болѣе омусульманившихся туркомановъ Кароглу убѣжалъ отъ смерти, хотя и не на долго. Поэтому надо полагать, что хотя воля неба въ отношеніи смерти была въ шаманствѣ по понятію близка къ судьбѣ, но все таки люди старались избавиться, а не покорялись ей, какъ древніе своему fatum и магометане передъ ужаснымъ Пагдыръ.

Легенда о мертвомъ и живомъ и о дружбѣ ихъ.

Въ старину было у одного бая три сына. Потерялся разъ у этого бая одинъ косякъ кысраковъ [1]). Вотъ и говоритъ отцу старшій сынъ: «Отецъ! дай, я поищу нашъ скотъ, кысраковъ!» «Ступай, сынъ мой, ищи!» говоритъ отецъ. Сынъ садится на лошадь, беретъ провизію . . . . и оружіе. . . . . . . Видите, отецъ былъ чародѣй и хотѣлъ испытать дѣтей; онъ отправляется черезъ шесть степей и, обратившись въ шесть волковъ, ждетъ сына. Увидѣвши шесть волковъ, сынъ испугался, убѣжалъ домой и легъ. Средній сынъ просится тоже у отца искать лошадей, и онъ также прибѣжалъ домой, испугавшись волковъ. Остается самый младшій; онъ говоритъ: «я буду искать». «Ладно»! отвѣчаетъ отецъ. Отецъ то былъ испытатель . . . . онъ обратился въ шесть тигровъ и легъ на дорогѣ. Увидѣвши отца, обратившагося въ шесть тигровъ, сынъ ударилъ нѣсколько разъ по лошади и бросился на тигровъ. Только что онъ хотѣлъ всадить копье, «Аа»! говоритъ отецъ, «это вѣдь я, я знаю, что ты всадишь копье. Ну, подними руки, я благословлю». Тутъ онъ даетъ благословеніе и говоритъ: «да дастся тебѣ благополучный путь, передъ собой да обрящешь искомое», и еще говоритъ: не «забудь, сынъ, когда придется тебѣ быть въ мѣстахъ не обитаемыхъ . . . .

---

[1]) Лошадей.

не оставляй могилъ, если будутъ встрѣчаться ночью — ночуй при нихъ». По прошествіи многихъ дней (однажды) на закатѣ солнца младшій сынъ увидѣлъ группу могилъ; вокругъ не было жилищъ (кочевокъ). Видитъ на западной сторонѣ ихъ стоитъ свѣжая чорная могила, приходитъ—говоритъ: «суйлямъ»! Когда сказалъ суйлямъ, онъ услышалъ отвѣтъ: «кого спрашиваешь»? Затѣмъ выходитъ молодой человѣкъ съ прекрасно выведенными бровями. «Кого спрашиваю? я божій странникъ, думаю на ночлегъ». «Сходите (съ лошади)», говоритъ, а самъ поддерживаетъ за узду, ссаживаетъ, оказываетъ почесть. Взялъ за руку и говоритъ мертвый живому: «закрой глаза и когда я скажу, тогда открой», и ведетъ. Когда сказалъ: «открой»! младшій сынъ видитъ: прекрасная юрта, войдешь — не выйдешь, пахнетъ . . . . такъ хорошо (запахъ свѣжей травы). Какъ только сѣли, «ступай», говоритъ, «веди для гостя барана» (у него былъ черный слуга). Черный слуга вышелъ и привелъ, держа за шею . . . . . . сѣраго барашка. Зарѣзавъ какъ слѣдуетъ, сварили, съѣли и легли, какъ слѣдуетъ. Настало утро; умывъ лицо и руки, мертвый далъ гостю остатки вчерашняго ужина. Сидя такимъ образомъ, сказалъ (мертвый): «давай . . . . двое будемъ друзьями». «Будемъ, такъ будемъ»! Тутъ же открывъ груди и обнявшись, сдѣлались друзьями. «Теперь поѣду», говоритъ живой, «искать кысраковъ». «Хорошо, другъ, но напередъ разскажемъ свои тайны. Я былъ единственный сынъ одного бая. Отецъ мой былъ богатъ. Разъ нашъ народъ повелъ войска на войну, я тоже оконился. Тогда одинъ всадникъ въ загнутой черной шапкѣ, на черной съ лысиной лошади, съ длинной красной пикой въ рукахъ, съ острой черной бородкой вышелъ, говоря: на единоборство! Я тоже вышелъ. Онъ отъ людей и жилищъ, а я отъ набѣжниковъ. Онъ поправилъ копье и я тоже; у меня копье было короче, у него длиннѣе. Его ударъ достигъ напередъ, и я былъ убитъ. За то, что я умеръ отъ врага . . . . . на войнѣ, Богъ сдѣлалъ меня такимъ — саидомъ (шаидомъ). Въ этотъ походъ подо мною была худая лошадь. Отецъ былъ богатъ, у него были двѣ лошади . . . . полетитъ—птица не нагонитъ, погонится непріятель, не настигнетъ; я на одну было сѣлъ, да отецъ не

позволилъ. Если, другъ мой, хочешь быть со мною другомъ, то сегодня доѣдемъ до нашего аула, у насъ будемъ ночевать, твои кысраки въ нашемъ стадѣ ходятъ, размножившись до 90 лошадей. Если меня почитаешь другомъ, то распори двухъ лошадей ай-чубарыхъ, онѣ ходятъ вмѣстѣ (баръ уюръ)». «Ладно», говоритъ живой, «распоролъ бы, другъ, да жаль — нѣтъ у меня ножа». У мертваго джигита былъ маленькій хорошенькій ножикъ. «Возьми его», говоритъ, «и распори. Я тебя прошу: когда будешь у нашихъ, то не показывай ножика; моя сестра узнаетъ, и тебѣ будетъ жутко». Живой молодецъ пріѣхалъ и сталъ на ночлегъ у отца мертваго своего друга. Настало утро, пришли съ уруса табуны. Сѣлъ онъ на лошадь и выѣхалъ на встрѣчу табуну. Пастухи были все молодые, онъ не призналъ ихъ за взрослыхъ людей. Два ай-чубара играютъ въ табунѣ, онъ схватилъ ихъ и разрѣзалъ имъ желудки. Мальчишки закричали: «Бай, бай! Одинъ человѣкъ распоролъ двухъ ай-чубаровъ»! и побѣжали до аула. Кто же станетъ смотрѣть, когда распороли ай-чубаровъ; со всѣхъ сторонъ погнались, сѣвши на лошадей. Схватили живаго друга и привели къ баю. И этотъ бьетъ и другой бьетъ; бьютъ сначала связаннаго и одѣтаго, а потомъ стали раздѣвать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножикъ и выпалъ. Сестра мертваго друга стояла тутъ. Какъ увидѣла ножикъ, тотчасъ узнала. «Ой, бай»! крикнула она, «это ножикъ брата» и схватила его въ руки. Прежде били—не били, а настоящее битье началось теперь. «Это онъ убійца»! кричатъ кругомъ и хотятъ его убить. Но другъ прежде сказалъ ему: «если очень станутъ мучить, то скажи все, какъ было». Видя, что не избѣжать смерти, онъ сказалъ: «Джурисъ! Правду скажу—умру, не скажу—умру! Я прошу всего три слова—сказать или нѣтъ?» «Скажи», говорятъ, «если имѣешь что». Отъ начала разсказалъ все: «я былъ сынъ одного бая» и проч. Все разсказалъ. Теперь никто не повѣрилъ. «Ложь», говорятъ, «убьемъ! говори правду, ты убійца». «Народъ, вы мнѣ не вѣрите; если я вамъ покажу моего друга, то повѣрите»? «Джарайде! прекрасно, покажи только, повѣримъ». Бай началъ собирать народъ свой, чтобы идти на могилу сына. Сѣли на лошадей, а нашему джигиту дали не

корову, а около того. Да ведутъ его въ серединѣ толпы, все еще не довѣряютъ. Доходятъ до кладбища. «Народъ», говоритъ джигитъ, «когда увидите, стойте вы здѣсь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народъ остановился, но отецъ бѣднякъ не выдержалъ, пошелъ вслѣдъ за джигитомъ. Мертвый другъ все это знаетъ уже давно: арвахамъ все извѣстно. Хотя отецъ его и оскорблялъ, но онъ думаетъ дать ему *салемъ* и выходитъ. Съ отцомъ поздоровался . . . . ; приходитъ потомъ мать, съ ней тоже поздоровался. Затѣмъ сестра единственная и съ нею его невѣста, которую онъ оставилъ у родителей *на правой сторонѣ* (т. е. въ дѣвицахъ). Невѣста было подошла напередъ, онъ оттолкнулъ ее мизинцемъ правой руки. Побылъ съ сестрой. Бѣдняжка, увидя единственнаго брата, давно умершаго, не выдержала и одна слеза покатилась и упала на правое плечо мертвеца. Слеза капнула, и братъ исчезъ неизвѣстно куда. Народъ послѣ того повѣрилъ джигиту. «Хорошо! молодецъ»! и сталъ не какъ прежде; сталъ почитать джигита. «Ты», сказалъ бай, «другъ моего единственнаго свѣтильника; ты мнѣ теперь тоже, что онъ; возьми половину моего скота и моихъ душъ». «Ничего мнѣ не нужно, отдай моихъ кысраковъ». Старикъ два раза повторилъ свое предложенiе; джигитъ два раза отказалъ, и поклонившись, разстался съ баемъ и погналъ 90 своихъ кобылъ. Поѣхалъ опять на кладбище, расположилъ въ сторонѣ около свой косякъ, а самъ подъѣхалъ къ могилѣ и говоритъ: «достумъ! другъ»!—не выходитъ. До трехъ разъ кричалъ: «другъ»! Въ четвертый разъ вышелъ, блѣдный, изнеможенный. «Я», сказалъ мертвый, «давно слышалъ твой голосъ, да нельзя было мнѣ скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сдѣлалась моремъ и потопила меня. Когда ты звалъ меня въ первый разъ, я былъ на той сторонѣ рѣки, въ другой—я былъ въ срединѣ, въ третiй—я вышелъ изъ воды и переводилъ духъ. Охъ! измучился я совсѣмъ въ эти дни». Тутъ онъ повелъ друга въ свое жилище и они прожили вмѣстѣ нѣсколько дней, лошади паслись и ничто худое не могло имъ сдѣлаться. Сталъ живой другъ собираться домой. «Ну, другъ», сказалъ тогда мертвецъ, «ты, другъ, уѣдешь съ лошадьми и подводами цѣлъ и невредимъ

домой. Своихъ ты застанешь въ приготовленіяхъ на войну. Твой «домъ» будетъ говорить: не ходи въ походъ, ты и такъ пріѣхалъ измученный, истощенный! но ты не слушай ихъ и поѣзжай на другой же день въ поѣздъ». Пріѣхалъ (джигитъ) домой, всѣ обрадовались. Отецъ, мать, родные стали уговаривать, чтобы онъ не ѣздилъ, но онъ, помня слова друга, переночевалъ день дома, да и въ путь. Другъ ему еще говорилъ на прощаньи: «когда достигнете вражьихъ ауловъ, всѣ ударятъ въ коней, ты скачи одинъ по западной сторонѣ; на тебя бросится изъ аульныхъ людей одинъ въ черной съ загнутыми полями шапкѣ, на черной съ лысиной лошади, съ длиннымъ краснымъ копьемъ и съ черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи Бога. Это тотъ самый, что убилъ меня. Ты зарѣжь его, говоря: «дойди до моего друга». Заколи и лошадь, говоря: «дойди до друга». Какъ было сказано, какъ только что они бросились на аулъ, онъ поскакалъ одинъ по западной сторонѣ и, какъ сказалъ другъ, появился передъ нимъ чернобородый. Онъ ссадилъ его и зарѣзалъ, говоря: «дойди до друга»; закололь и черную лошадь съ лысиной, говоря: «дойди до друга». Другъ мертвецъ говорилъ ему еще: «когда всѣ бросятся на добычу, ты скачи на западъ, тамъ на краю аула увидишь только что поставленный бѣлый отавъ; привяжи на правой сторонѣ дверей лошадь свою. Въ отавѣ увидишь молодую, только что взятую женщину, и двухъ дѣвицъ, ястреба и черную борзую собаку въ ошейникѣ. Всѣхъ ихъ зарѣжь, говоря: «дойдите до друга». Джигитъ, зарѣзавъ чернобородаго человѣка и его лошадь, поскакалъ на западъ. Видитъ бѣлый отавъ, перекинулъ поводъ въ правый косякъ дверей, вбѣжалъ въ юрту и видитъ молоду женщину, двухъ дѣвицъ—сказалъ бы: солнце есть глазъ, сказалъ бы: мѣсяцъ есть ротъ. Зарѣзалъ молодую, говоря: «дойди до друга». Зарѣзалъ старшую дѣвицу съ тѣми же словами; другую же дѣвицу стало ему жаль, онъ поцѣловалъ ее, но подумавъ, тоже зарѣзалъ. Съ ястребомъ и собакой не сталъ думать. Другъ говорилъ ему еще: «всѣ будутъ брать казну несчетную; ты ничего не бери. Передъ отавомъ будетъ тополь, около него зеленый прутъ; сруби ихъ; тутъ же увидишь верблюжій пометъ, собери его вмѣстѣ и все это навьючь

на черпаго пара, который ходитъ у дверей отава, и вези домой. Отрядъ возвращался, стали доходить до своихъ кочевокъ, вдругъ сдѣлалась буря; два дня и двѣ ночи она продолжалась; весь скотъ награбленный разбѣжался и частью погибъ, даже свои лошади погибли у войска. Джигитъ счугурилъ [1]) верблюда и лежалъ себѣ около него спокойно. Другъ говорилъ ему еще: «когда останется полъ дня ѣзды до аула, тогда возьми зеленый прутъ и ударь имъ мѣшокъ съ пометомъ, говоря: «бисмилда алдрекъ банъ рахымъ»! Пойдутъ изъ него верблюды съ крикомъ, лошади съ ржаніемъ, коровы съ мычаніемъ и овцы съ блеяніемъ. Потомъ ударь зеленымъ прутомъ тополь дерево, говоря: «бисмилляхи» и проч., и дерево обратится въ золото и серебро — одно колѣно золота, другое серебра, одно колѣно золота, другое серебра». Хозяинъ былъ чародѣй и такимъ образомъ спасалъ золото отъ воровъ, скотъ отъ падежа и волковъ. Пріѣхали домой; всѣ товарищи идутъ пѣшкомъ, пальцы въ ноздряхъ, а онъ не можетъ управиться со своими стадами. Проживши дома дня два-три, поѣхалъ къ другу на кладбище. «Салемъ алейкумъ, дустумъ»! «Суйлемъ», говоритъ мертвый другъ, выходитъ и вводитъ въ могилу. Живой другъ былъ изумленъ: джигитъ въ черной шапкѣ, молодая *келенчекъ* [2]), двѣ дѣвицы, ястребъ, собака—всѣ сидятъ тутъ. Другъ его посмотрѣлъ на младшую изъ дѣвицъ и засмѣялся, посмотрѣлъ и онъ на нее и видитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ поцѣловалъ, черное пятно на щекѣ. «Бѣдный ты человѣкъ», сказалъ мертвый другъ, «я доволенъ тобою, младшая тебѣ понравилась, ее ты возьми себѣ, съ меня будетъ келенчекъ со старшей дѣвицей». Погостилъ онъ тутъ, а джигитъ въ черной шапкѣ прислуживаетъ имъ. «Пора», говоритъ онъ, «возвратиться домой». «Хорошо», говоритъ ему мертвый другъ, «когда ты пріѣдешь домой, въ аулахъ вашихъ будутъ разъѣзжать торговцы съ товарами на двухъ телѣгахъ; у нихъ есть двѣ лошади, одна гнѣдая, другая рыжая; лошади тощія, но ты ихъ купи, сколько бы ни стали просить владѣльцы. Сначала купи гнѣдую, потомъ рыжую, три года не клади на

---

[1]) Т. е. уложилъ.

[2]) Келиншекъ—молодуха. *Ред.*

нихъ ни укрука, ни узды, ни сѣдла съ потникомъ, не клади раздвоенныхъ лядвей . . . . Черезъ три года зарѣжь гнѣдую, разбей всѣ кости и косточки, даже пальцевъ и смотри на мозжечекъ: если онъ не будетъ весь бѣлый и хоть капля черноты, то отпусти рыжую лошадь еще на годъ въ табунъ. По прошествіи 4-хъ лѣтъ на пятый, привяжи ее къ веревкѣ у юрты, давай одинъ только разъ сорвать траву и одинъ глотокъ воды, но все не ѣзди; лошадь будетъ, какъ ногайка. Черезъ нѣсколько времени ты почувствуешь боль въ головѣ; пройдетъ—хорошо; если же станетъ все увеличиваться, садись на рыжую лошадь и скачи ко мнѣ. Не забывай». Друзья простились. Джигитъ пріѣхалъ въ свой аулъ, видитъ: татары торгуютъ, у нихъ двѣ лошади, какъ говорилъ другъ его,—гнѣдая и рыжая. Онъ сталъ просить продать ему гнѣдую, даетъ за нее двѣ лошади, *караванчи* проситъ три. Далъ. Сталъ торговать рыжую. Караванчи самъ былъ испытатель . . . . потребовалъ пять лошадей. Купилъ. На три года пустилъ въ табунъ, какъ говорилъ другъ; на четвертый годъ убилъ гнѣдого и въ пальцахъ нашелъ черноту въ ноготь большого пальца. Еще годъ держалъ рыжую въ табунѣ. На пятый годъ рыжую лошадь сталъ держать у юрты на веревкѣ. Однажды заболѣла голова и не поправляется. Джигитъ тайну свою никому не говорилъ, ни отцу, ни матери, ни друзьямъ, ни сверстникамъ; зналъ ее Богъ, мертвый другъ и онъ самъ, только трое. «Осѣдлайте-ка рыжку», сказалъ онъ, видя, что болѣзнь увеличивается, «я поразсѣюсь» . . . . Сталъ ѣздить по аулу, силы начали быстро падать, не устоялъ . . . . . . кой какъ «аманъ булъ»! сказалъ онъ народу и ударилъ лошадь. Скачетъ къ другу. Другъ все это знаетъ, хотя не видитъ. «Плохо моему другу»—думаетъ онъ; «рыжая лошадь «тулпаръ», когда разгорятся бока, пожалуй, унесетъ мимо и не остановишь». Приказалъ бабамъ крутить шелковый арканъ въ сорокъ маховыхъ саженей, чтобы имъ захватить друга. Видитъ: другъ скачетъ; бросилъ арканъ и захватилъ имъ друга, а рыжій тулпаръ пронесся далѣе; такъ разгорячился. Поднялъ друга и внесъ въ свою могилу. Азраилъ-Джебраилъ душеберущій, между тѣмъ,

гнался и былъ готовъ бросить укрукъ, но рыжаго тулпара не могъ все таки догнать. Вслѣдъ за друзьями пришелъ въ могилу и Азраилъ-Джебраилъ, говоря: давай бѣглеца моего! здѣсь онъ, бѣглецъ мой». «Не дамъ», сказалъ мертвый другъ, «я Божій саидъ, и Богъ обязался до трехъ разъ исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Арзаилъ-Джебраилъ пришелъ къ Богу и сказалъ: «твой приказанный отъ насъ убѣжалъ, и одинъ человѣкъ не далъ: «не дамъ» сказалъ, «я саидъ Божій, и Богъ обязался до трехъ разъ исполнять мою просьбу»—что намъ теперь дѣлать»? Всевышній Богъ сказалъ: «правда, правда! онъ мой саидъ! взялъ, такъ взялъ, пусть будетъ по его просьбѣ». Такимъ образомъ они стали съ другомъ жить вмѣстѣ и достигли всѣхъ надеждъ своихъ.

Рукопись хранится въ Географическомъ Обществѣ.

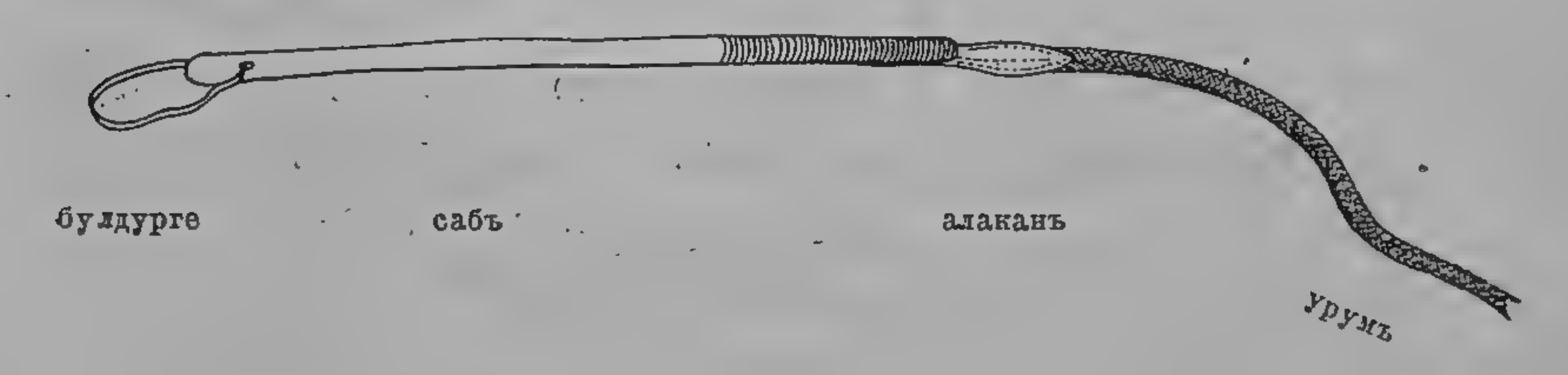
Точками обозначены пробѣлы въ рукописи. Валихановъ оставилъ въ текстѣ пустыя мѣста съ тою цѣлью, чтобы вставить тамъ киргизскія выраженія; но пропуски такъ и остались не заполненными.

Ред.

Вооруженіе киргизъ въ древнія времена и ихъ военные доспѣхи.

Вооруженіе киргизъ составляли изъ-старп, въ обыкновеное время для охраны скота и домашнихъ дракъ: *ногайки*, *укрюки* и *суилы*. Ногайка дѣлалась изъ сѣрыхъ ремешковъ, заплетаемыхъ около стержня, также изъ сыраго ремня, имѣя въ длину до 7 захватовъ и одинъ палецъ или два въ толщину. Для ремней употребляли телячью кожу; ремень укрѣпляли къ деревянной ручкѣ, которая была нѣсколько короче ремня (отъ 4 до 5 захватовъ и съ нѣсколькими пальцами). Для ручки употребляли по преимуществу *иргай* или красную таволгу (spirea), послѣдняя предпочиталась. Дѣлали, впрочемъ, и изъ козлинаго и изъ архароваго рогу, или всю ручку обкладывали серебромъ; такія носили, впрочемъ, однѣ женщины. Для мужчинъ болѣе приличествовалъ мѣдный приборъ; большею же частью носили вовсе безъ оправы. Ремень съ ручкой укрѣплялись посредствомъ такъ называемаго *алакана*, ладони.

Плетень на ногайкахъ былъ разныхъ родовъ, круглый или четырехгранный. Если ногайка имѣла металлическую оправу, то внѣ подъ ручкой дѣлали острую желѣзную пластинку, *буурдакъ* для того, чтобы не выронить изъ руки ногайку.

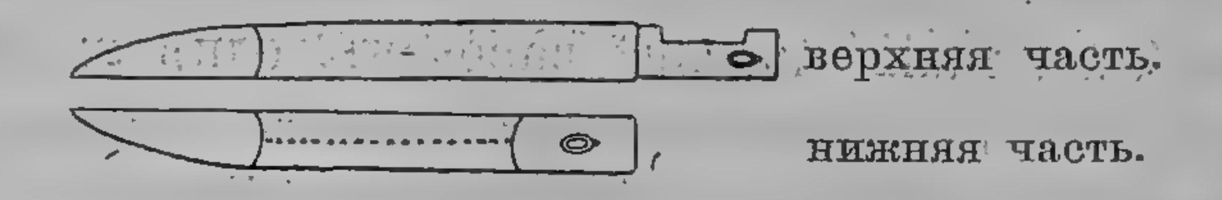


Укрюки дѣлаются изъ тонкой березовой жерди.

Суилами называются длинныя березовыя жерди съ корнями въ концѣ и одинаковой длины съ укрюками, онѣ имѣютъ у тонкаго конца привязанную петлю, чтобы носить заброшенными черезъ локоть.

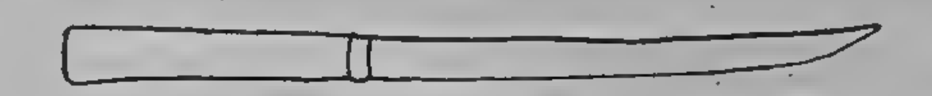
Оружіе, употребляемое во время войны:

Сабли кривыя, персидской, турецкой, хивинской или бухарской работы. Персидскія «*исфагани*» очень цѣнились подъ названіемъ «нор-кескень». Теперь киргизы носятъ и прямыя, такъ называемыя *сапы* или *шапы*, похожія на шашки, употребляемыя въ Средней Азіи, но въ старину это оружіе мало употреблялось. Сами киргизы дѣлали длинные ножи, или лучше— полусабли, прямыя, и называли ихъ *селебе* или *джекаузъ;* джекаузъ было нѣсколько короче. Селебе и джекаузъ имѣли только одну гайку или кольцо для ношенія на поясѣ, которое прикрѣплялось къ самому верху ножей. На рукояткѣ было тоже кольцо для темляка.



Носили и кинжалы самодѣльной работы и хивинскіе ножики. Кинжалы носились, какъ *селбе*, а не криво, какъ на Кавказѣ, и не за поясомъ, какъ у другихъ азіатцевъ.

Ножъ, «*буйда печакъ*», былъ у каждаго киргиза съ ручкой изъ сайгачьяго, или изъ козлинаго рогу, или изъ иргаеваго дерева, и былъ прикрѣпленъ на кольцѣ.



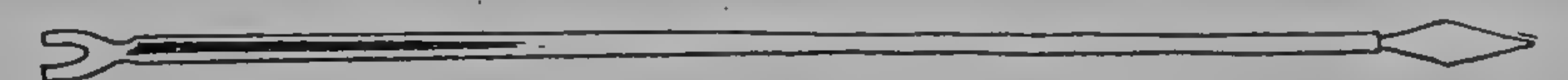
Копье изъ сосноваго дерева, длиною . . . и . . . толщины . . . . Желѣзный наконечникъ былъ трехгранный.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вставлялся наконечникъ, дѣлали кисть изъ чернаго шелку или изъ конскаго волосу. Въ концѣ копье имѣло петлю для . . . .

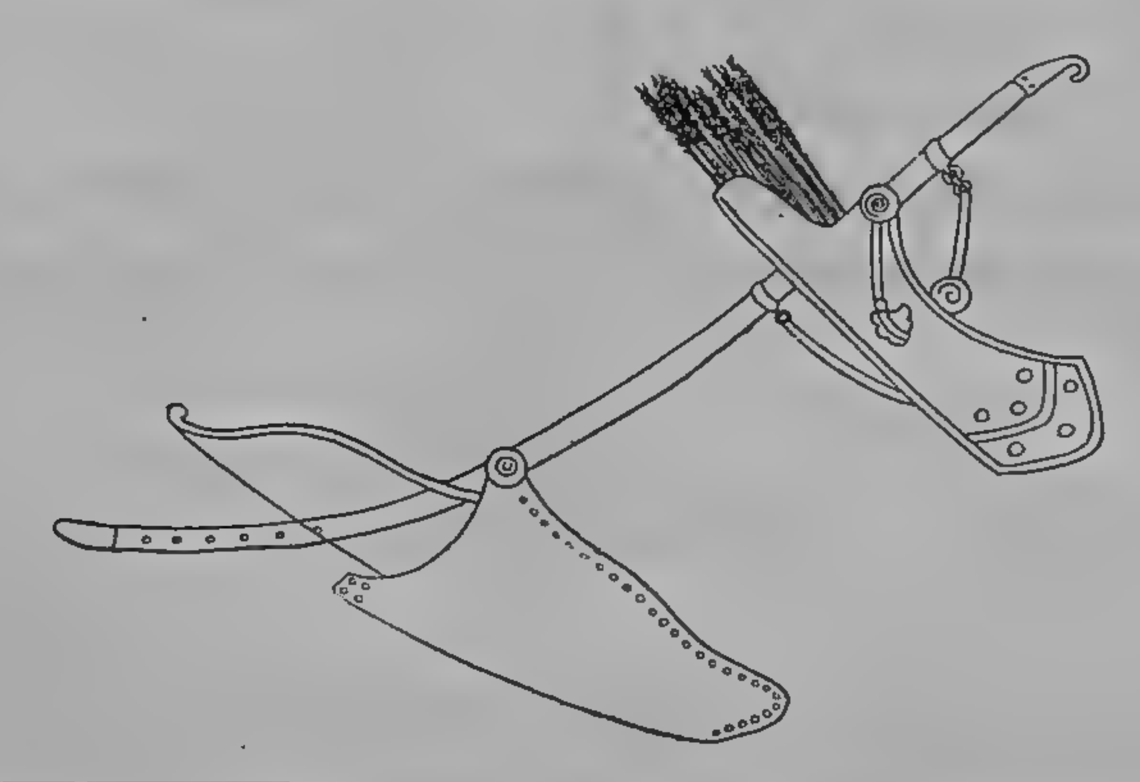
Сайдакъ «джакъ» киргизы дѣлали сами, но предпочитали купленный изъ Бухары или отъ башкировъ, впослѣдствіи пошли и китайскіе.

Стрѣлы дѣлали сами изъ березоваго дерева, въ родѣ башкирскихъ, тонкія въ . . . . . захватовъ оперенныя въ четыре ряда; наконечникъ дѣлали двухгранный для охоты или четырехгранный *саутъ бузаръ* для пробитія панцыря или *кузу джаурукъ* въ родѣ лопатки, чтобы сбивать съ сѣдла.

Перья употребляли кюшюгенингъ койлуръ джютъ тазъ каранынгъ тайлыкъ джюнъ [1]). Орлиныя не уважались.



Колчанъ для стрѣлъ (курамсакъ) и для лука носили на одномъ ремнѣ на поясѣ, колчанъ былъ съ лѣвой стороны, а «садакъ» съ правой. Богатые люди дѣлали эти снаряды изъ русской красной юфти, бѣлой стороной наружу, и съ мѣдной оправой и разными тиснеными узорами на кожѣ; бѣдные дѣлали изъ верблюжьей кожи домашней выдѣлки.

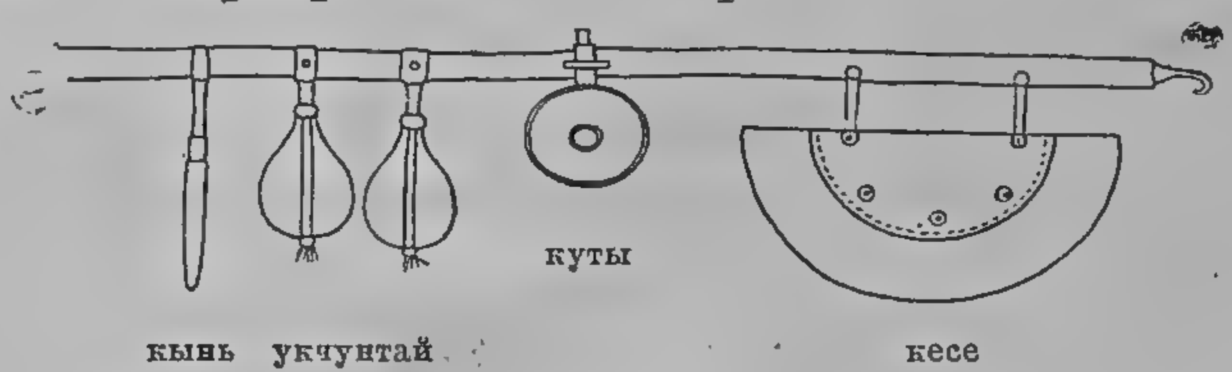


[1]) Въ рукописи этотъ текстъ написанъ арабскими буквами. Переводъ представляетъ затрудненіе, буквально это будетъ: „перья коршуна, похожія (?) на овечью шерсть, перья лысухи (?), похожія (?) на жеребячью шерсть». *Ред.*

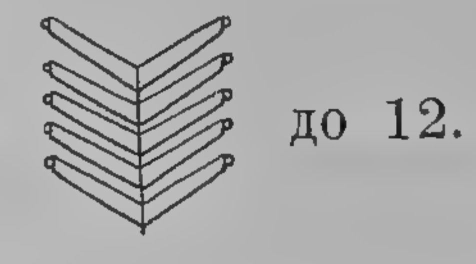
Ружье «мултукъ» было рѣдкостью въ степи и переходило изъ рода въ родъ и имѣло собственныя имена: *козъ-кезъ, кульдуръ-мамай.* Оно имѣло гладкій стволъ, фитиль и маленькія сошки изъ сайгачьихъ роговъ. Стрѣляли пулями изъ свинца. Ружье дѣлали сами киргизы, дѣлали и калмыки, и башкиры. Встрѣчаются въ степи еще ружья этой работы и большею частью бьютъ хорошо, всѣ они имѣютъ продольныя полосы по стволу и мѣдныя мушки и прицѣлъ. Штуцеровъ не знали; впрочемъ, у нѣкоторыхъ султановъ были средне-азіатскіе тамгалы [1]), длинныя и тяжелыя ружья, которыя бьютъ на 700 шаговъ.

Снаряды для ружейниковъ:

1) *Колта*, которую носили всѣ киргизы безъ исключенія. Колта или *кесе* называется ремень, прошитый изъ двойной русской юфти бѣлой стороной, къ которой съ лѣвой стороны прикрѣпленъ мѣшекъ въ видѣ пирога, въ которомъ хранятся огниво, кремень, запасный фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля. Сзади пороховница, а съ правой стороны два мѣшечка для пуль и ножъ; нынче дѣлаютъ мѣшечки только для виду. Колты оправляются въ мѣдь, рѣдко въ серебро. Здѣсь изображена колта самой древней формы.



Кромѣ того киргизскіе ружейники имѣютъ такъ называемыя «биръ-азаръ», патронташъ изъ сайгачьихъ роговъ, и носятъ его на шеѣ.

Вотъ видъ этого снаряда:  до 12.

Рукопись хранится въ Географическомъ Обществѣ.

---

1) Въ рукописи написано: *шамгалы.*

Ред.

Очерки Джунгаріи.

Надъ Средней Азіей висѣла до сихъ поръ какая-то таинственная завѣса. Несмотря на близкое сосѣдство двухъ могущественныхъ европейскихъ державъ, Россіи и Англіи, большая часть ея все-таки остается для европейской науки во многихъ отношеніяхъ недоступною. Нашъ ученый товарищъ по Обществу П. П. Семеновъ, издавая II томъ своего перевода Риттеровой «Erdkunde von Asien», пришелъ къ тому заключенію, что центральная Азія изслѣдована никакъ не болѣе внутренней Африки. Дѣйствительно, сбивчивыя и противорѣчивыя данныя, существующія въ нашей географической литературѣ о Средней Азіи, дѣлаютъ эту страну, если несовершенной terra incognita, какъ говорилось въ старину, то по крайней мѣрѣ труднымъ, научнымъ ребусомъ, а о средне-азіатскомъ человѣкѣ мы почти ничего не знаемъ.

Средняя Азія въ настоящемъ своемъ общественномъ устройствѣ представляетъ явленіе крайне печальное, какой-то патологическій кризисъ развитія. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не болѣе не менѣе, какъ одна громадная пустыня, съ заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усѣянная развалинами; пустыня, занесенная пескомъ, заросшая уродливыми кустами колючаго саксаула, и обитаемая только стадами дикихъ ословъ и пугливыхъ сайгаковъ. Среди этой сахары, разбросаны по берегамъ рѣкъ небольшіе оазисы, осѣненные тополевыми, тутовыми деревьями и вязами, тамъ и сямъ, попадаются рисовыя поля, дурно воздѣланныя, плантаціи травянистаго хлопчатника, который снимаютъ недозрѣлымъ, виноградники и фруктовые сады, предоставленные лѣнивымъ человѣкомъ исключительно попеченію Аллаха. На этихъ

оазисахъ, на развалинахъ многовратныхъ городовъ, стоятъ жалкія мазанки и въ нихъ живетъ дикое, невѣжественное племя, развращенное исламомъ и забитое до идіотизма религіознымъ и монархическимъ деспотизмомъ туземныхъ владѣльцевъ съ одной стороны и полицейской властью китайцевъ съ другой.

Въ Маврель-нагрѣ (нынѣшняя Бухара, Хива и Коканъ), въ самой просвѣщенной и богатой странѣ древняго Востока (въ XIV и XV вѣкѣ), теперь господствуетъ невѣжество и бѣдность болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Библіотеки Самарканда, Ташкенда, Ферганы (въ Кокансномъ ханствѣ), Хивы, Бухары и проч., обсерваторія въ Самаркандѣ безвозвратно погибли подъ безпощадною рукою татарскаго вандализма и бухарской инквизиціи, которая предала проклятію всякое знаніе, кромѣ религіознаго. Даже монументальные памятники прошедшей культуры подверглись гоненію муллъ, какъ подражаніе немвродовскому столпотворенію, какъ грѣховная борьба человѣка съ творчествомъ Аллаха; только мечети, медресе (училища) и гробницы магометанскихъ святыхъ, только клопная яма (кепехане) и еще башня Мунаръ, съ которой бросаютъ преступниковъ, сохранились до нашихъ дней, благодаря своему благому назначенію.

Средне-азіатскіе владѣльцы теперь не пишутъ стиховъ и мемуаровъ, не составляютъ астрономическихъ таблицъ, какъ это дѣлали ихъ предки, за то они каждый день торжественною процессіею ходятъ въ мечеть и тамъ смиренно бесѣдуютъ съ муллами, а по возвращеніи домой забавляются съ пажами или идутъ на арену и смотрятъ, какъ два свирѣпо дрессированные барана бьются лбами; смотрятъ до тѣхъ поръ, пока у одного изъ бойцовъ не разобьется черепъ, а потомъ въ кровожадномъ волненіи бьютъ своихъ генераловъ 40 разъ по спинѣ и 40 разъ по желудку. Другая часть центральной Азіи—Малая Бухарія находится въ обстоятельствахъ не лучшихъ. Страна, въ которой, несмотря на господство ислама, развилась свобода женщинъ, вѣротерпимость, безразличіе народностей и муниципальныя начала, обнищала, одичала подъ гнетомъ китайской цензуры и военныхъ мандариновъ, а мелкіе владѣльцы въ горахъ Болора, производящіе родъ свой отъ Александра Македонскаго, продаютъ своихъ подданныхъ, какъ киргизы бара-

новъ. Всюду разрушеніе, невѣжество и безграничный произволъ. При такомъ состояніи цивилизаціи, или, правильнѣе, при такомъ совершенномъ отсутствіи цивилизаціи въ Средней Азіи, понятно, что попытки Россіи и Англіи поближе узнать свою дикую сосѣдку были такъ мало удачны, а иногда и печальны.

Въ концѣ 1859 года мнѣ удалось съ коканскимъ караваномъ, въ качествѣ коканскаго купца, проникнуть въ Кашгаръ, въ которомъ, послѣ знаменитаго Марко Пола (1272) и іезуита Гоеса (1603), были только два европейца: нѣмецъ, офицеръ остъ-индской службы, неизвѣстный по фамиліи, послѣ котораго сохранился чрезвычайно любопытный маршрутъ и записка о его путешествіи, и ученый пруссакъ Адольфъ Шлагинтвейтъ. Первый изъ нихъ былъ битъ въ Кашгарѣ бамбуками такъ больно, что два дня не могъ садиться на лошадь, второму же отсѣчена голова и поставлена на башню, сооруженную изъ человѣческихъ головъ.

Кашгаръ принадлежитъ къ числу окружныхъ городовъ въ китайской провинціи Нанъ-лу (южной линіи) и пользуется, можно сказать, со временъ Птоломея большою караванною извѣстностью, особенно по своей обширной торговлѣ чаемъ. Кашгаръ для Азіи имѣетъ такое же значеніе, какъ Кяхта для насъ, Шанхай и Кантонъ для другихъ европейцевъ. Кромѣ того городъ этотъ славится на востокѣ обаятельными прелестями своихъ «чаукеновъ», молодыхъ женщинъ, на которыхъ всякій пріѣзжій можетъ жениться, нисколько не стѣсняясь, на извѣстный срокъ или на время своего пребыванія. Кашгаръ славится также своими музыкантами, танцовщиками и лучшимъ въ мірѣ яныcарскимъ хашишомъ [1]). Благодаря этой славѣ Кашгаръ служитъ мѣстомъ, куда стекаются азіатскіе купцы со всѣхъ концовъ своего материка. Здѣсь можно видѣть тибетца съ персіяниномъ, индуса съ волжскимъ татариномъ, авгановъ, армянъ, жидовъ, цыганъ (Мультани и Лулу) и одного нашего соотечественника, бѣглаго сибирскаго казака.

---

[1]) Хашишъ — экстрактъ изъ конопляныхъ цвѣтовъ имѣетъ одуряющее, раздражительное свойство.

Въ послѣднее время городъ этотъ началъ пріобрѣтать извѣстность совсѣмъ другаго рода.

Въ немъ появились башни изъ человѣческихъ головъ, начали рѣзать людей такъ же обыденно, какъ рѣжутъ только куръ. «Трудно—говоритъ народная пѣсня—содержать въ кашгарскомъ городѣ лошадь, потому что связка сѣна стоитъ 12 пуловъ, но еще труднѣе сохранить голову, потому что вай! вай»! Это нѣсколько странное окончаніе пѣсни выражаетъ то запуганное состояніе, въ какомъ находится здѣшній народъ. Ходжи, потомки прежнихъ кашгарскихъ владѣльцевъ, въ пользу которыхъ происходили въ послѣднее время нѣсколько кровавыхъ возстаній въ Кашгарѣ, не столько рѣжутъ китайцевъ, сколько своихъ кліентовъ кашгарцевъ, одного за то, напримѣръ, что онъ служилъ чиновникомъ при китайскомъ правительствѣ, другаго за то, что зѣвнулъ, третьяго за то, что онъ черногорецъ. Китайцы, послѣ изгнанія ходжи, въ чемъ они до сихъ поръ успѣвали, несмотря на свою военную немощь, первымъ дѣломъ грабятъ городъ, топчутъ хлѣбныя поля своими казенными табунами, хватаютъ женщинъ, ломаютъ мечети и гробницы, а потомъ принимаются за экзекуцію и тянутъ ее съ церемоніальною, ужасною медлительностью.

Когда мы пріѣхали въ Кашгаръ, китайцы только что окончили свои разнообразныя истязанія, входъ въ городскія ворота украшался длинной аллеей изъ тонкихъ жердей, на которыхъ висѣли въ клѣткахъ желтые черепа казненныхъ ими туземцевъ. Городъ начиналъ успокоиваться. Новыя туземныя власти, поставленныя китайцами, разъѣзжали въ мандаринскихъ шапкахъ и били всѣхъ неуспѣвавшихъ скоро давать имъ дорогу. Сношенія съ Коканомъ были возобновлены, кокансків консулъ жилъ болѣе мѣсяца въ Кашгарѣ, бухарскіе и коканскіе караваны съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе наполняли пустые караванъ-сараи. Пріѣздъ нашего каравана произвелъ въ городѣ большое волненіе. Киргизы еще до нашего прихода успѣли распустить слухъ, что изъ Россіи де идетъ караванъ на 500 верблюдахъ (у насъ было только 60), навьюченный сундуками, въ которыхъ скрыты какіе-то разрушительные снаряды; что начальникъ каравана, по имени «желѣзная доска»

(имя это киргизы изобрѣли, вѣроятно, потому, что караванъ-баши имѣлъ желѣзную кровать) человѣкъ подозрительный и должно быть русскій и проч. Нѣтъ нелѣпости, которой бы не повѣрилъ азіятецъ, чѣмъ нелѣпѣе слухъ, тѣмъ онъ болѣе кажется для него вѣроятнымъ. Китайцы, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи не отличаются отъ другихъ азіятцевъ,—такъ и случилось. Къ счастію коканскій консулъ лично зналъ нашего караванъ-баши и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ товарищей; такимъ образомъ только заступничеству коканцевъ мы обязаны были тѣмъ, что насъ пустили въ городъ.

Я не буду теперь распространяться о тѣхъ допросахъ, судахъ, которымъ подвергся нашъ караванъ отъ китайскаго правительства и отъ туземныхъ властей, чего не позволяетъ ни время, ни мѣсто, а намѣренъ на этотъ разъ изложить только основные результаты моего путешествія и пребыванія въ дикокаменной ордѣ.

Сѣверный склонъ Тянь-шаня былъ въ новѣйше время изслѣдованъ со стороны Россіи, но сочлену нашему, П. П. Семенову, удалось пробраться только до источниковъ рѣки Нарыма, одного изъ притоковъ Яксарта, я же перешелъ Тянь-шань по двумъ направленіямъ, осмотрѣлъ окрестности Кашгара и Янысара до песчаной гряды, лежащей между этимъ послѣднимъ городомъ и Яркендомъ. Политическія событія въ Коканѣ, кончившіяся изгнаніемъ прежняго хана и отразившіяся безпокойствами въ Кашгарѣ, помѣшали мнѣ видѣть Яркендъ, самый обширнѣйшій и многолюдный городъ во всемъ Китайскомъ Туркестанѣ.

Путешествіе мое по свойству пройденной мѣстности можно раздѣлить на два періода. Первый періодъ заключаетъ путь мой по Джунгаріи, т. е. въ Семирѣцкомъ, Заилійскомъ краѣ и на озеро Иссыкъ-куль. Физическій характеръ этихъ мѣстностей хорошо уже извѣстенъ по прекраснымъ съемкамъ сибирскаго штаба и въ научномъ отношеніи изслѣдованъ г. Шренкомъ, Влангали, Семеновымъ и Голубевымъ. Впрочемъ, извѣстія эти ограничивались только предметами физической географіи и совершенно не касались этнографіи. Я посѣтилъ Джунгарію въ первый разъ въ 1856 году и участво-

валъ въ первой экспедиціи, предпринятой полковникомъ Хоментовскимъ на озеро Иссыкъ-куль. Потомъ 3 мѣсяца жилъ въ Кульджѣ. Всего въ Джунгаріи я находился пять мѣсяцевъ и успѣлъ осмотрѣть этотъ край вдоль и поперегъ, отъ Алакуля до Тянь-шаня, на который я поднялся въ томъ году по рѣкѣ Джиргаланъ.

Я буду говорить только о томъ, что было пропущено или не замѣчено предшествовавшими мнѣ изслѣдователями. Скажу нѣсколько словъ о джунгарской фаунѣ, о древностяхъ этой страны и, наконецъ, о ея жителяхъ. Флора джунгарская болѣе или менѣе извѣстна. Александръ Шренкъ съ ученою ревностію занимался этимъ предметомъ и представилъ общій очеркъ растительности этой страны въ своей любопытной статьѣ, напечатанной въ нѣмецкомъ переводѣ въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, издав. гг. Гельмерсеномъ и Бэромъ, за 1840 годъ.

Г. Семеновъ также обратилъ вниманіе на растительность Тянь-шаня и, кажется, имѣетъ довольно богатый гербарій. Докторъ Татариновъ составилъ списокъ растеній, опредѣленныхъ имъ во время путешествія Е. П. Ковалевскаго въ Кульджу и напечаталъ его при сочиненіи г. Влангали. Между тѣмъ мы не знаемъ ни одной статьи о джунгарской фаунѣ. Г. Карелинъ, кажется, обнародовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о естественныхъ произведеніяхъ Семирѣцкаго края и, между прочимъ, о его фаунѣ; въ изданіяхъ Московскаго общества испытателей природы были помѣщены описанія птицъ, гадовъ и жуковъ на основаніи чучелъ и образцовъ, присланныхъ въ это общество г. Абакумовымъ.

Я собралъ на озерѣ Иссыкъ-кулѣ небольшую орнитологическую и этнологическую коллекцію.

Собраніе это во время моего отсутствія было отправлено въ Дрезденъ однимъ изъ моихъ знакомыхъ, но извѣстія о немъ я еще не получилъ.

Озера Алакуль и Балхашъ, по всей вѣроятности, еще въ весьма недавнее время составляли одно общее водохранилище, потому что и теперь, во время весеннихъ разливовъ, Алакуль, по словамъ киргизъ, непосредственно сообщается съ Бал-

хашемъ черезъ солончаковую полосу. Эту-то полосу г. Семеновъ считаетъ естественной границей, гдѣ оканчивается Киргизская степь и начинается Средняя Азія, другая почва, другая флора и фауна.

Но, сколько мнѣ кажется, Джунгарія не отличается большою своеобразностью растительности. Флора равнинъ та же, что въ южныхъ частяхъ Киргизской степи, а горная похожа съ небольшими исключеніями на алтайскую, но въ зоологическомъ отношеніи дѣйствительно замѣтна нѣкоторая особенность.

Въ отношеніи распредѣленія животныхъ Джунгарію можно раздѣлить на три полосы: горную, полугорную (Zona subalpina) и, наконецъ, равнинную.

Въ горной полосѣ джунгарскаго Алатау и Тянь-шаня водятся млекопитающія, свойственныя горнымъ странамъ южной Сибири и Киргизской степи, каковы: олень (Cervus elaphus), горный козелъ (Ibex sibiricus), архаръ или горный баранъ (Ovis argali), волки, лисицы чернобурыя и красныя, куницы-бѣлодушки и проч. Кромѣ того водится, по разсказамъ киргизъ какой-то рыжеватый волкъ, называемый «чи-бури», очень похожій на собаку. Эти признаки напоминаютъ шакала, но киргизскій чибури живетъ преимущественно на высокихъ плоскогорьяхъ и, вѣроятно, это не шакалъ, а альпійскій видъ изъ рода собакъ (Canis). Изъ хищныхъ птицъ въ Джунгаріи всего болѣе встрѣчается ягнятникъ (Gypaëtus barbatus), Vultur fulvus, V. meleagris, изрѣдка: беркутъ (Aquila chrisaëtos), соколъ (Falco peregrinus, F. subbuteo), ястребъ (Astur), а кречетъ (Falco candicans Gm.) сюда вовсе не залетаетъ; ночныхъ хищниковъ мнѣ не удалось видѣть, но по словамъ киргизъ они довольно рѣдки. Изъ отряда соровыхъ (Gallinaceae) въ горахъ водится уларъ, сѣрый тетерёвъ, совершенно похожій на tetrao caucasicus, каменная куропатка (Perdix saxatilis) и перепелки.

Въ полугорной полосѣ мы встрѣчаемъ тигровъ, барсовъ, кабановъ, антилопу, джейранъ (Antilope gutturosa Pall.), дикобраза, фазановъ (Phasianus colchicus), драхву (Otis tarda), колендуховъ и горлицъ (Columba oenas et turtur), нѣкоторыхъ лазуновъ. Всѣ эти животныя распространены одинаково и въ

равнинной полосѣ. Полугорныя рощи особенно богаты породами пташекъ (Passerini). Вотъ извѣстные мнѣ виды: Corvus dauricus; Coracias garrula L., Merops persica Pall. (вѣроятно, Corvus Panderi Fish.), Tichodroma muralis L., Sitta uralensis, Hirundo alpestris, H. lagopoda; Parus sibiricus; P. cyanus, Fringilla orientalis; F. arctieus; Turdus sibirica; T. fuscatus; Pyrrhula rhodochlamys; P. rosea; P. pusilla; P. sibirica; Emberiza rustica; E. pithyornis; E. brumiceps; Coccothraustes speculigerus; Accentor altaicus; A. atrigularis; A. montanellus; Cinclus leucogaster.

Водяныхъ птицъ и голенастыхъ, какъ въ горной полосѣ Джунгаріи, такъ и въ пустынной, водится очень мало, чаще всего встрѣчается казарка (Anas rutila).

Такимъ образомъ джунгарская фауна въ главныхъ своихъ чертахъ сходна съ южно-киргизскою, отличается отъ нея только тѣмъ, что между млекопитающими мы не находимъ нѣкоторыхъ породъ, такъ характеризующихъ киргизскую фауну, напр., сайги, кулана, а изъ птицъ мы видимъ нѣсколько новыхъ видовъ между хищными, лазунами, соровыми и пташками.

Обширные пески, лежащіе между Балхашемъ и горною полосою, суть не болѣе не менѣе какъ продолженіе киргизскихъ Барсуковъ (такъ называются пески), Хара-куша и Ханъ-тау, и ничѣмъ особымъ не отличаются; они усѣяны такими же островами солонцоватыхъ голышей, называемыхъ въ Киргизской степи «какъ», но тѣмъ не менѣе куланы и сайги, наполняющіе Голодную степь и пески на рѣкѣ Чу, никогда не переходятъ на востокъ отъ меридіана Итъ-кечу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Голодной степи сдѣлалась гололедица, а потомъ, какъ и слѣдуетъ, «голодъ», когда куланы и сайгаки эмигрировали въ Заилійскій край и углубились далеко по Илійской долинѣ; весной, однако, эти животныя возвратились обратно. Мнѣ, впрочемъ, на Илійской долинѣ, около горъ Калканъ и Кату, удалось видѣть одно семейство куланов, которое, по словамъ киргизъ, осталось тутъ послѣ нашествія. Стало быть Джунгарія есть естественная граница, раздѣляющая среднеазіатскаго кулана отъ джигитая монгольской Гоби и предѣлъ распространенія сайги-антилопы низменныхъ пустынь, отъ джейрана на-

горныхъ степей. Туземцы это давно замѣтили. Киргизы разсказываютъ, что слѣды глубокихъ окоповъ, замѣтные по подножію Джунгарскаго Алатау, остались отъ рвовъ, сдѣланныхъ ханомъ Джани-бекомъ для истребленія куланов; животныя эти будто бы сманили въ свое стадо лошадь, на которой учился ѣздить маленькій ханскій сынъ, и мальчикъ погибъ. Тогда ханъ сдѣлалъ ровъ отъ Тарбагатая до Или и загналъ въ него всѣхъ джунгарскихъ куланов, только одинъ жеребецъ съ кобылой спасся за Балхашъ и завѣщалъ своему потомству не ходить въ эту страну.

Русская Джунгарія въ исторической судьбѣ среднеазіатскихъ народовъ имѣла классическое значеніе. Абуль-гази говоритъ, что Абулджа-ханъ, сынъ Іафета, родоначальникъ тюркскихъ племенъ, кочевалъ на рѣкахъ Таласъ, Чу и на озерѣ Иссыкъ-кулѣ. Изъ китайскихъ лѣтописей мы знаемъ, что здѣсь задерживались и укоренялись всѣ племена, эмигрировавшія съ высокой Гоби, пока не были изгоняемы болѣе сильными. Дѣйствительно русская Джунгарія имѣетъ всѣ удобства для кочеваго быта: горныя долины служили прохладнымъ кочевьемъ въ лѣтніе жары, и скотъ, не безпокоимый оводомъ, привольно пасся на сытныхъ пастбищахъ; подъ осень кочевники спускались въ долины, собирали хлѣбъ, а на зиму скрывались въ береговыхъ уремахъ рѣкъ или ложбинахъ между песчаными буграми прибалхашской степи, обильныхъ прекраснымъ топливомъ, каковъ, напр., саксаулъ. Это обстоятельство весьма важно для кочевниковъ, потому что въ монгольской Гоби кибитка самого великаго хана отапливалась животнымъ пометомъ.

Русская Джунгарія, при сильномъ господствѣ кочеваго быта, однако, имѣла небольшую осѣдлость; первыя историческія извѣстія объ этомъ мы находимъ въ китайской исторіи— именно, извѣстіе о городѣ Чигу, который, надо полагать, былъ на восточномъ берегу озера Иссыкъ-куля и построенъ китайскими рабочими для усуньскаго куньми. Въ средніе вѣка осѣдлость здѣсь сильно распространилась, особенно въ Илійской долинѣ. Города Алмалыкъ (а нынѣ Туркестанское селеніе), Хонакай и Кайнакъ (существующіе и теперь) и Алмату (гдѣ нынѣ укрѣпленіе Вѣрное) были извѣстны по своей торговлѣ

и служили станціями на большой дорогѣ, по которой ходили генуэзскіе купцы въ Китай и кипчакскіе послы къ великому хану.

Замѣчательно еще, что въ этой части Азіи было особенно много несторіанскихъ и монофизитскихъ конгрегацій, а на озерѣ Иссыкъ-кулѣ сирійскіе якобиты, по свидѣтельству каталанской карты, имѣли монастырь, съ мощами св. Матѳія. Христіанство здѣсь такъ сильно распространялось, что возбудило противъ себя нѣсколько гоненій, въ XVI вѣкѣ на Иссыкъ-кулѣ было уже нѣсколько мусульманскихъ селеній. Эти данныя сильно меня заинтересовали, къ несчастію я не могъ сдѣлать большихъ открытій, потому что киргизы успѣли уничтожить послѣдніе остатки уцѣлѣвшихъ зданій, принимая все за ламайскія капища. Одинъ китаецъ, бывшій въ 1820 году на Иссыкъ-кулѣ, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ тамъ громаднаго идола, вытесаннаго изъ камня, но я не могъ открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ древностей этого рода, однако, нашелъ слѣды осѣдлости почти по всей русской Джунгаріи и собралъ преданія, ходящія о нихъ въ народѣ; мнѣ удалось также пріобрѣсти нѣсколько золотыхъ вещей и монетъ, найденныхъ на развалинахъ древняго Алмалыка. Я намѣренъ изложить этотъ предметъ въ особой статьѣ. На этотъ разъ ограничусь только замѣчаніемъ, что слѣды чудскихъ копей, найденныхъ мною въ глубинѣ Средней Азіи, даютъ поводъ думать, что горное дѣло не было исключительнымъ достояніемъ финской расы. Историческія данныя намъ говорятъ, напротивъ, болѣе въ пользу тюрковъ, чѣмъ финновъ, потому что тугю, по свидѣтельству китайцевъ, были рудокопами Жужуанскаго дома, а при покореніи Сибири одно татарское поколѣніе было названо кузнецкимъ, потому что оно исключительно занималось сплавкою рудъ и снабжало металлическими издѣліями сосѣднихъ монголовъ и финновъ.

Въ числѣ народовъ, жившихъ въ Средней Азіи во времена династіи Хань, китайскія лѣтописи замѣтили 6 племенъ, отличавшихся голубыми глазами и рыжимъ цвѣтомъ волосъ, которыхъ Клапротъ (Tableaux historiques de l'Asie, p. 82) и Абель Ремюза (Recherches sur les langues tartares, T. 1,

p. 306), считали народами индогерманскаго происхожденія (по Клапроту—nations Alano-gothes, по Аб. Ремюза — nations Gothiques et Hindo-scythiques). Къ числу этихъ народовъ принадлежали, между прочимъ, хакасы, впослѣдствіи киликицы, т. е. киргизы и усунь, особенно поражавшіе китайцевъ своимъ чуждымъ типомъ, своими лошадиными лицами, какъ говорятъ китайцы.

Въ настоящее время въ Джунгаріи обитаютъ два народа: буруты или настоящіе киргизы, и киргизъ-кайсаки Большой орды, носящіе собирательное названіе уйсунь, между которыми существуетъ поколѣніе, называемое рыжими уйсунями (Сары Уйсунь), это поколѣніе, къ довершенію интереса, считаетъ себя остатками большаго и сильнаго народа.

Занимаясь давно собираніемъ киргизскихъ сказокъ, миѳовъ, эпическихъ пѣсенъ и легендъ, я былъ пораженъ тождественностію ихъ мотивовъ съ мотивами произведеній этого рода народовъ европейскихъ, особенно славянъ [1]).

Я сначала объяснялъ этотъ фактъ, слѣдуя Аб. Ремюза, вліяніемъ и смѣшеніемъ индогерманскихъ племенъ съ татарскими во времена ихъ совмѣстнаго жительства на плоскостяхъ Средней Азіи; теперь я надѣялся въ Большой ордѣ и у дикокаменныхъ киргизъ найти ключъ къ разъясненію этого вопроса, найти богатые матеріалы для своего собранія, но ожиданія мои не исполнились. Я, къ крайнему сожалѣнію, не нашелъ здѣсь ни одного рапсода, ни одного хорошаго кобзаря, даже пѣсни поютъ здѣсь рѣдко и если поютъ, то непремѣнно о бѣлой козѣ или о ворономъ иноходцѣ, и всегда на мотивъ: «бойдай-талымъ» [2]).

Уйсуны [3]) сами сознаются, что поэзія имъ не далась, они

---

[1]) Въ собраніи г. Аѳанасьева я нашелъ только 6 сказокъ неизвѣстныхъ мнѣ по киргизской редакціи.

[2]) Пѣсня о бѣлой козѣ и о ворономъ иноходѣ принадлежитъ у киргизъ къ числу самыхъ древнихъ лирическихъ пѣсенъ и, какъ думаютъ ихъ рапсоды, были первые лирическіе опыты появившіеся къ концу прошедшаго столѣтія. У киргизъ теперь много голосовъ для пѣсенъ, но въ старые годы они довольствовались весьма немногими мотивами и, между прочимъ, этимъ бой-дай-талымъ.

[3]) Такъ называютъ ихъ киргизы Большой орды.

говорятъ, что когда-то пѣсня (миѳическое олицетвореніе) летала надъ землею и учила «пѣснѣ» родъ людской. Какъ женщина, капризна была эта пѣсня: у однихъ она гостила подолгу, другіе слышали только ея далекій голосъ, инде она летала молча, инде выла по волчьему. Въ Средней ордѣ она гостила, а мы только слышали голосъ и не можемъ его припомнить. Но по тѣмъ сказкамъ и пѣснямъ, которыя здѣсь я могъ услышать, и особенно по бурутской народной поэзіи я убѣдился, что индогерманскіе мотивы нашихъ киргизъ и нагайцевъ могли быть заимствованы только черезъ сношеніе съ славянскимъ міромъ, съ Русью.

Этнографическіе очерки, статистическія свѣдѣнія, историческія извѣстія, памятники народной литературы уйсуновъ и дикокаменной орды, составляютъ нѣсколько тетрадей въ моихъ запискахъ. Въ концѣ своей статьи, я намѣренъ познакомить васъ, мм. гг., болѣе подробно съ бурутами, которые до сихъ поръ вовсе почти неизвѣстны, на киргизахъ Большой орды я не буду останавливаться потому, что они во всемъ похожи на своихъ собратій сибирскихъ и оренбургскихъ кайсаковъ.

Оканчивая свои этнографическія замѣтки о бурутахъ и уйсунахъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что не должно смѣшивать эти два совершенно различные народа. Объ этомъ заботились въ свое время гг. Левшинъ, Мейндорфъ и особенно горячо отецъ Іакинѳъ, но до сихъ поръ имъ никто не внималъ. Слова ихъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, даже Гумбольдтъ и Риттеръ не могли понять хорошо въ чемъ дѣло: они думали, что буруты именно составляютъ Большую кайсацкую орду и что эту-то орду нужно отличать отъ Малой и Средней. Но это было большой ошибкой со стороны почтенныхъ корифеевъ науки. Большая, Средняя и Малая киргизъ-кайсацкая орды составляютъ одинъ народъ «казакъ» отличный отъ киргизовъ, называемыхъ китайцами—бурутами, русскими—дикокаменными или черными. Эти два народа отличаются по языку, по происхожденію, по обычаямъ. Даже въ физіономіи бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое (см. портретъ манапа Бурумбая, рисованный мною въ 1856 г., и другой портретъ, снятый въ Омскѣ въ 1848 г.).

Вообще по устройству черепа и по типу лица средне-азіатскіе народы можно раздѣлить на персіянъ, монголовъ и тюрковъ. Персіяне раздѣляются на горныхъ—галча и на низменныхъ—таджикъ и относятся къ кавказскому племени; таджики смуглы и черноволосы, а между галча встрѣчаются блондины. Представителями монгольскаго типа въ Средней Азіи можно считать калмыковъ; они брюнеты, цвѣтъ лица у нихъ оливковый, глаза узки, лицо плоское, скуловатое, носъ сплюснутый (camus). Остальные народы Средней Азіи, какъ монголо-тюркскаго, такъ и тюрко-финскаго происхожденія представляютъ странное смѣшеніе типовъ и красокъ. Вы встрѣтите среди нихъ блондиновъ съ монгольскимъ личнымъ угломъ, съ узкими голубыми глазами, встрѣтите совершенно правильный носъ римскій и широкое, скуловатое лицо. Вообще въ физическомъ видѣ этихъ народовъ замѣтна помѣсь, соединеніе чертъ кавказскаго племени съ монгольскимъ.

Второй періодъ моего путешествія начинается въ верховьяхъ рѣки Нарына, главнаго притока рѣки Сыръ-Дарьи, который служилъ предѣломъ путешествія г. Семенова въ этомъ меридіанѣ. Далѣе передо мною простиралась совершенная terra incognita, никѣмъ еще неизслѣдованная.

Несмотря на большую опасность, я велъ во время пути и въ самомъ Кашгарѣ постоянный дневникъ. Дружескія связи съ туземцами, учеными и чиновниками, свободные разъѣзды по окрестностямъ дали мнѣ возможность обозрѣть вполнѣ эту замѣчательную страну.

Знакомства съ купцами разныхъ племенъ и изъ различныхъ странъ доставили мнѣ много маршрутовъ, этнографическихъ, статистическихъ, торговыхъ свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ. Находясь постоянно въ обществѣ купцовъ и живя въ караванъ-сараѣ, я особенно хорошо познакомился съ средне-азіятской торговлей, съ предметами караванной торговли вообще и особенно въ Кашгарѣ, съ средне-азіятскимъ купечествомъ, съ ихъ коммерческими понятіями и экономическими соображеніями.

Такимъ образомъ свѣдѣнія, собранныя во время путешествія, состоятъ, во-первыхъ, изъ личныхъ моихъ наблюденій;

во-вторыхъ, изъ свѣдѣній и матеріаловъ, полученныхъ отъ людей, достойныхъ вѣроятія и повѣренныхъ другими показаніями, и, наконецъ, изъ письменныхъ источниковъ, полученныхъ отъ купцовъ, чиновниковъ, изъ туземныхъ оффиціальныхъ документовъ и книгъ.

Въ настоящее время я привожу въ порядокъ свои записки и, по порученію его высокопревосходительства г. генералъ-квартирмейстера, занимаюсь составленіемъ карты Средней Азіи, на основаніи новѣйшихъ съемокъ и тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которые хранятся въ нашемъ Топографическомъ депо.

Я старался во время своего пребыванія въ Кашгарѣ изучить уйгурскій языкъ (такъ называетъ его Аб. Ремюза), на которомъ говорятъ въ Кашгарѣ; языкъ этотъ совершенно неизвѣстенъ европейскимъ ученымъ, они знакомы лишь нѣсколько съ книжнымъ языкомъ, похожимъ на джагатайскій. Въ Малой Бухаріи образовался, подъ вліяніемъ китайскихъ формъ, еще языкъ канцелярскій, котораго образчики вскорѣ будутъ мною напечатаны въ Запискахъ Восточнаго отдѣленія Археологическаго общества. Я составилъ маленькій словарь разговорнаго языка, примѣры идіотизмовъ и записалъ много народныхъ пѣсенъ.

Исторія Малой Бухаріи намъ мало извѣстна; мы знаемъ болѣе или менѣе исторію этой страны до временъ Тамерлана изъ китайскихъ лѣтописей, далѣе изъ мусульманскихъ источниковъ, которые говорятъ, впрочемъ, вскользь.

Между тѣмъ превосходная исторія этой страны, написанная въ срединѣ XVI столѣтія мирзой Мухаммедъ Хайдаръ Курекано мъ, визиремъ кашгарскаго хана Абдулъ-Рашида и названная имъ въ честь этого хана «Тарихи-Рашиди», до сихъ поръ остается неизвѣстною.

Въ музеѣ академіи наукъ находится турецкій переводъ этого сочиненія, а въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета персидскій подлинникъ. Къ сожалѣнію академическій экземпляръ не полонъ, а университетскій изобилуетъ ошибками и, очевидно, скопированъ человѣкомъ, незнавшимъ персидскаго языка. Тарихи-Рашиди раздѣляется на два отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ исторію кашгарскихъ хановъ отъ

Тоглукъ-Темира до Рашида до 962 года геджры (1554); второй отдѣлъ имѣетъ характеръ мемуаровъ.

Здѣсь авторъ описываетъ свои личныя приключенія, сообщаетъ чрезвычайно много географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Тянь-шанѣ, Болорѣ, Тибетѣ и Куэнь-Лунѣ. Самъ авторъ принадлежалъ къ знаменитой фамиліи «Дуглатъ»; предки его подъ именемъ улусъ-бековъ играли въ Могулъ-улусѣ [1]) такую же роль, какъ мажоръ-домы при Меровингахъ у Франковъ.

Я уже замѣтилъ выше, что исторія Хайдара оканчивается 1554 годомъ. Замѣчу также, что это единственное историческое сочиненіе извѣстное въ Европѣ, и извѣстное только по имени (академическая рукопись еще не описана). Но мнѣ посчастливилось пріобрѣсти въ Кашгарѣ рукопись подъ заглавіемъ: «Тазкиряи Ходжагянъ», заключающую въ себѣ исторію династіи Ходжей [2]), которые въ концѣ XVI в., изгнавъ чингизивичей при помощи буддистовъ ойратовъ, управляли Малой Бухаріей, какъ вассалы джунгаровъ. Это замѣчательное сочиненіе оканчивается взятіемъ города Яркенда китайцами въ 1758 г. Такимъ образомъ «Исторія ходжей» служитъ продолженіемъ «Тарихи-Рашиди».

Изъ книгъ, пріобрѣтенныхъ мною въ Кашгарѣ, еще заслуживаютъ вниманія:

1) «Тазкиряи султанъ Сутукъ-Бугра ханъ-газы» (жизнеописаніе хана Султанъ-Бугра изъ династіи Илековъ, который первый принялъ исламъ и распространилъ его въ Кашгарѣ).

2) «Тазкиряи Туглукъ Тимуръ-ханъ» (жизнь Туглукъ-Тимуръ-хана изъ Джагатаевичей, который первый изъ монгольскихъ хановъ Могулъ-улуса принялъ исламъ).

---

[1]) Могулъ-улусомъ или Чете называлась восточная половина Джагатаева удѣла; ханы этого удѣла лѣто кочевали въ Джунгаріи, а зимой жили въ Аксу, въ Кашгарѣ или въ Яркендѣ. „Монголовъ Чете“ не надо смѣшивать съ монголами, потому что они были мусульмане и говорили турецкимъ языкомъ.

[2]) Ходжами въ Средней Азіи называютъ потомковъ Мухаммеда; они составляютъ наслѣдственное духовенство и пользуются большимъ народнымъ уваженіемъ.

3) «Ришахатъ» или извѣстія о средне-азіятскихъ законоучителяхъ и чудотворцахъ.

4) «Абу-Муслимъ Марузи», героическій романъ, замѣчательный потому, что въ него вошло много мѣстныхъ историческихъ преданій.

Сверхъ поименованныхъ пріобрѣтеній я собралъ во время путешествія небольшую нумизматическую коллекцію, которая уже описана въ бюллетеняхъ академіи наукъ (см. Mélanges Asiatiques IV, livraison 2), коллекцію горныхъ породъ, встрѣчавшихся на пути; также куски нефрита, добываемаго въ горахъ Мирджей около Яркенда и въ рѣкѣ Кара-Кашъ, болорскія яшмы, мраморъ, хрусталь, песочное золото изъ рѣки Керія; я привезъ съ собою также произведенія туземныхъ мануфактуръ и образчики англійскихъ товаровъ, встрѣчающихся на кашгарскомъ рынкѣ.

Вотъ вкратцѣ самые общіе результаты моего путешествія по Средней Азіи.

Путешествіе мое началось 28 мая 1856 года. Въ этотъ день я присоединился къ торговому каравану, который тогда стоялъ лагеремъ въ урочищѣ Карамула, въ 30 верстахъ отъ города Копала, караванъ вышелъ изъ города Семипалатинска и принадлежалъ коканскимъ и бухарскимъ купцамъ. При караванѣ было 8 походныхъ юртъ; 100 верблюдовъ, лошадей 65, прислуги 34 человѣка и товаровъ на сумму 20,000 руб. сер. Я былъ извѣстенъ въ караванѣ подъ именемъ Алимбая и считался родственникомъ караванъ-баши, достопочтеннаго Мусабая.

29 мая караванъ снялся. Прекрасная погода благопріятствовала нашему путешествію, мы шли сначала пикетною дорогою до Алтынъ-Эмельскаго пикета по прекраснымъ долинамъ Алатавскихъ предгорій. Поля пестрѣли оранжевыми тюльпанами, восточнымъ макомъ, и на длинныхъ стебляхъ бѣлой мальвы качались желтыя пташки (Emberiza bruniceps). Послѣ 25-верстнаго похода караванъ подъ вечернюю прохладу, обыкновенно, разбивалъ лагерь на берегу какой-нибудь звонкобѣгущей рѣчки подъ тѣнію высокихъ тополей или сереброли-

ственной джигды; весело и шумно болтали люди вокругъ яркихъ костровъ, а бухарцы курили кальянъ и декламировали Хафиза. Киргизы, стоявшіе въ этихъ мѣстахъ, приходили къ намъ съ баранами для покупокъ, а знатные ихъ родоначальники для того, чтобъ получить базарлыкъ (подарокъ). Торжественно, въ сопровожденіи большой свиты, являлись они въ караванъ и спрашивали: кто всѣхъ богаче? Богачемъ назывался каждый владѣлецъ палатки по-очереди; такимъ образомъ очередной богачъ угощалъ ордынскихъ чиновъ чаемъ, сухарями, сушеными фруктами; все это киргизы клали за пазуху и, выпросивъ подарокъ, быстро удалялись. Разъ караванъ удостоился видѣть султана Джангазы, правителя джалаирскаго племени, съ помощникомъ, который данъ ему ради его скудоумія алатавскимъ окружнымъ начальствомъ и потому называется киргизами засѣдателемъ. Султанъ поразилъ насъ эксцентричностью. Онъ вошелъ въ палатку походкою жирнаго гуся, которая у киргизъ употребляется въ крайне оффиціальныхъ случаяхъ, сѣлъ на почетное мѣсто и принялъ созерцательный видъ; всѣ молчали. Султанъ вдругъ поднялъ голову, обвелъ всѣхъ быстро глазами и произнесъ двустишіе: «у джалаировъ много барановъ, у Джангазы много думъ», сказалъ и опять углубился въ буддистическую недвижимость. Между тѣмъ засѣдатель и другіе киргизы разговорились, они разсказывали, какъ пріѣзжалъ генералъ-губернаторъ въ укрѣпленіе Вѣрное, съ мельчайшею подробностью передавали его слова, обращенныя къ киргизскому народу, и жесты, которые генералъ употреблялъ при этомъ. Киргизы все просили насъ научить «закону», а то де у насъ берутъ на кордонныя работы быковъ, лошадей и рѣдко отдаютъ назадъ. Вотъ казаки знаютъ законъ, ну и притѣсняютъ, воруютъ свободно, тягаться съ ними, говорили они, не приходится: «царскій человѣкъ» на счету состоитъ, за него какъ разъ пойдешь черезъ «сверленыя горы» (такъ киргизы называютъ каторжную работу); у насъ ужь была кутерьма за трехъ казаковъ, которые погибли безъ вѣсти; всю зиму помончикъ (помощникъ окружнаго) и Банушка (Ванюшка—толмачъ) пролежали на Караталѣ; «сознайтесь», говорятъ: «вы убили казаковъ». «Сохрани Боже—не видали вовсе!» Нынче

губернаторъ говоритъ: «найдите вы мнѣ виноватыхъ, а то я всѣхъ васъ въ бараній рогъ согну; я, говоритъ, громъ и молнія». Султанъ въ это время какъ-то странно поводилъ глазами и изрѣдка выстрѣливалъ двустишіями. Послѣ пилава гости удалились, оставя въ юртѣ какой-то миндальный запахъ.

Перейдя джунгарскій Алатау проходомъ Джаксы-Алтынъ-Эмель, который извѣстенъ тѣмъ, что подъ осень черезъ него дуютъ сильные сѣверо-восточные вѣтры, называемые «эбэ», въ родѣ тѣхъ, что на южномъ берегу Алакуля,—караванъ вышелъ на голую кремнистую долину. Вдали виднѣлась Или; мы пошли на перевозъ, содержимый киргизами чеерезъ эту рѣку, и ночевали у ключа въ пескахъ, между горъ Калканъ, гдѣ попали въ какую-то ложбину, которая кишила змѣями, тарантулами, скорпіонами, фалангами, и долго не могли забыть этого проклятаго ночлега. Ночь мы не спали и чуть свѣтъ поднялись въ походъ.

Караванъ два дня переправлялся черезъ рѣку Или на ветхихъ плоскодонныхъ судахъ. Судно тянули съ помощью лошадей, пущенныхъ вплавь, а лодочники выливали ведрами воду. Отпраздновавъ на берегахъ Или «курбанъ», караванъ черезъ проходы: Сугуты, Тарайгиръ и Учь-меркэ достигъ Каркаринской долины, сдѣлавъ всего 17 усиленныхъ переходовъ. Здѣсь мы нашли адбановскихъ киргизъ поколѣнія Айтбузумъ и разъѣхались по разнымъ ауламъ для мѣновой торговли. Но киргизы были въ волненіи. Передъ нашимъ приходомъ на берегахъ Карь-кары происходила у нихъ кровавая схватка между колѣнами Кизылъ-буркъ и Айтбузумъ. Они ожидали русскаго чиновника, высланнаго на слѣдствіе по жалобѣ Кизылъ-буркской стороны и въ случаѣ неудачи думали на утекъ. Такъ и случилось. 4-го августа киргизы начали сниматься вдругъ и къ вечеру на берегахъ Кегена и Карь-кары было не видно ни одной живой души, не было слышно ни одного звука, только наши одинокія палатки съ грустнымъ выраженіемъ смотрѣли на мертвую окрестность. Намъ было почему-то неловко. Караванъ-баши и нѣкоторые наши старики находили, что 900 барановъ, вымѣненныхъ нами у киргизъ, недостаточно и потому рѣшили идти въ дикокаменную орду. 6-го августа

караванъ достигъ киргизскихъ кочевокъ. Насъ встрѣтилъ родоначальникъ племени Салмеке манапъ Карачъ, по прозванію Большой, благорасположенный къ русскому правительству и изнывающій желаніемъ получить чинъ хорунжаго. Большимъ онъ назывался потому, что былъ толстъ и жиренъ, какъ дургамскій быкъ. Карачъ носилъ остроконечную, бѣлую войлочную шляпу съ разрѣзанными на лбу и затылкѣ полями, ваточный халатъ изъ крѣпкой, полосатой бумажной матеріи въ родѣ тика, съ закругленнымъ воротникомъ, какъ у нашихъ военныхъ на кафтанахъ и тремя зелеными шелковыми тесемками на груди. На ногахъ были неуклюжіе сапоги изъ красной юфти съ большими деревянными каблуками. Сынъ его былъ одѣтъ также, какъ Карачъ, но халатъ его имѣлъ болѣе яркій цвѣтъ и плисовый воротникъ и рукава. Свита Карача состояла изъ нѣсколькихъ оборванцевъ, вооруженныхъ дубьемъ и копьями. Одинъ рыжій копьеносецъ имѣлъ на себѣ только нижнее бѣлье, да войлочный плащъ, а другой, несмотря на жаркое время, носилъ нагольный тулупъ и мѣховую шапку. Киргизы говорили очень скоро и пискливо, безпрестанно сыпали въ ротъ нюхательный табакъ. Долина Верхняго Кегеня имѣетъ высокое положеніе и изобилуетъ кормами, берега рѣчки топки, мѣстами образуютъ кочковатыя болота, называемыя «сазъ», вообще три смѣжныя нагорныя долины: Кегена, Текеса и Каръ-Кары единственныя мѣста во всей Джунгаріи, отличающіяся черноземнымъ грунтомъ и густо заросшею травою. На большомъ «сазѣ» стояли кибитки калмыковъ IX девизіи, сидѣвшихъ прежде около китайскаго рудника, но нынче упраздненнаго. Мы разбили лагерь на рѣкѣ Чалкуду; ночью выпалъ снѣгъ, вѣтеръ завывалъ и крутилъ снѣжною пылью, какъ зимой. Было ужасно холодно, два дня продолжалась мятель, и сношенія наши съ киргизами были прерваны. На третій день пріѣхали въ караванъ начальники киргизскихъ поколѣній и разобрали насъ по своимъ ауламъ. Я и Мамразыкъ, мой товарищъ, попали въ аулъ бія Бурсука, родоначальника небольшаго поколѣнья Кыдыкъ.

Пріѣхавъ въ аулъ, мы отправились съ визитомъ къ нашему хозяину. Насъ торжественно ссадили передъ дверями

кибитки съ лошадей и просилъ войти. Кибитка была дырявая и до черноты закопченная дымомъ. Бурсукъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, у очага, лицомъ къ двери; направо отъ дверей, на телячьей кожѣ, возсѣдала его жена, старушка, двѣ дочери и нѣсколько киргизокъ. Тутъ же поближе къ дверямъ стояли котлы, мѣха съ айраномъ, ведры, чашки, тарелки и проч. утварь. Налѣво у дверей, сидѣлъ киргизъ и точалъ сапоги изъ красной юфти, кусая не безъ озлобленія швы послѣ каждаго узла; по полу валялись щепки, куски войлока, шерсть и обглоданныя кости. Насъ посадили на черный войлокъ, стеганный узорами, замѣняющій у нихъ ковры. Хозяинъ былъ очень любезенъ, только часто проклиналъ могилы нашихъ отцовъ, но очевидно по привычкѣ; жена его была бы болѣе любезна, если бы табакъ, насыпанный на десны, не мѣшалъ ей высказаться. Бурсукъ сказалъ, чтобы намъ дали кумысъ; хозяйка вытащила небольшой, но полный мѣхъ, бережно закутанный въ старый халатъ, и взяла нѣсколько деревянныхъ чашекъ. Такъ какъ чашки имѣли на себѣ остатки какой-то пищи, то хозяйка и ея дочка стали вытирать ихъ пальцами, кладя въ ротъ то, что приставало къ рукѣ. Дѣти Бурсука (ихъ было 9) поднесли намъ потомъ разлитый кумысъ. Я не безъ аппетита выпилъ кумысъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на остатки разнообразныхъ произведеній киргизской кухни, которые толстымъ цементомъ покрывали чашку. Все это для меня не было новостью. Въ 1856 году я былъ въ юртѣ перваго киргизскаго богача, верховнаго манапа Бурамбая. У него, правда, мы сидѣли на коврѣ, самъ онъ на бухарскомъ одѣялѣ, но жена его покоилась также на телячьей кожѣ. Кумысъ мы пили изъ фарфоровыхъ чашекъ, но соленый чай, за неимѣніемъ другаго сосуда, былъ заваренъ въ чугунномъ рукомойникѣ, остальная обстановка кибитки была совершенно такая же какъ у Бурсука: тѣ же щепки, кости и проч.

У киргизовъ неопрятность введена въ обычай и освящена преданіемъ. Мыть посуду они считаютъ грѣхомъ, наравнѣ, какъ плевать на огонь, переходить черезъ привязь, гдѣ доятъ кобылъ, и проч. Они думаютъ, что съ очищеніемъ посуды

отъ нечистоты уничтожается и счастіе, обиліе... Мужчины у нихъ не имѣютъ обыкновенія мѣнять бѣлье и носятъ его до тѣхъ поръ, пока оно не разорвется. Уничтоженіе вшей доставляетъ имъ развлеченіе въ свободное время, и они безъ этого не знали бы куда дѣваться; дамы особенно уважаютъ это занятіе и считаютъ его высочайшимъ наслажденіемъ. Трауръ киргизскій заключается въ томъ, что цѣлый годъ жена не моетъ лица, не чешетъ волосъ, не снимаетъ и не перемѣняетъ платья, хотя бы оно было совершенно негодно къ употребленію.

Гостепріимство свое бурутскій патріархъ простеръ до того, что заклалъ для насъ агнца отъ стадъ своихъ. При насъ въ юртѣ зарѣзали бѣднаго барашка, несмотря на его слезы, розняли по частямъ, развели костеръ, поставили треножникъ и на него котелъ, все какъ слѣдуетъ. Апатичныя лица киргизъ вдругъ оживились, члены семейства съ преувеличенною ревностью суетились около котла, мѣшали другъ другу и, наконецъ, поссорились. Голодныя собаки столпились на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣзали барановъ, и съ лютымъ аппетитомъ обнюхивали полъ. Киргизы въ надеждѣ получить «глотокъ» [1]) все болѣе и болѣе наполняли юрту. Киргизскій артистъ заигралъ на балалайкѣ и пѣлъ дикимъ голосомъ «доитъ, доитъ»; наконецъ сняли котелъ, передъ нами поставили большую тарелку съ бараниной, сложенной горкой, на вершинѣ которой рисовалась крестцовая кость—самый почетный кусокъ. Мы ѣли мясо, обмакивая его въ соленый бульонъ.

На другой день рано утромъ къ чаю посѣтилъ насъ Бурсукъ; къ обѣду онъ опять явился; вечерній чай и ужинъ также не обошелся безъ него. Это онъ дѣлалъ потомъ неукоснительно каждый день. Дѣти не отставали отъ отца, родственники его обнаружили такую алчность, что мы должны были прятать все мало-мальски съѣдобное, потому что одинъ изъ нихъ скушалъ у меня весь сургучъ. Вообще прокормленіе семейства Бурсука казалось было нашею узаконенною обязанностью.

---

[1]) Гость долженъ, по киргизскому обычаю, вложить своеручно въ ротъ всѣмъ присутствующимъ по глотку мяса, иначе онъ будетъ невѣжа, неучъ.

Сами киргизы питаются только молокомъ да палымъ скотомъ, кадыки, кажется, въ первый разъ имѣли удовольствіе видѣть въ своихъ аулахъ торговыя палатки. Это мы замѣтили потому, что Бурсукъ, со времени нашего прибытія, началъ очень зазнаваться. «Оскверню ротъ твоего отца»! говорилъ онъ своимъ оппонентамъ: «у меня вотъ сарты, купцы живутъ» и проч.

Сверхъ того насъ посѣщали дамы и дѣвицы; приносили онѣ вареную баранину, кумысъ или айранъ въ ведрахъ, сыръ съ масломъ. За это по мѣстному обычаю слѣдовало ихъ дарить. Мой товарищъ, человѣкъ крайне свѣтскій и отчаянный поклонникъ прекраснаго пола, былъ этому очень радъ. Онъ потчивалъ ихъ сушеными фруктами, дарилъ ихъ ситцемъ, плисомъ, корольками, говорилъ пышные комплименты, но къ сожалѣнію бурутки мало его понимали и все спрашивали: «что онъ говоритъ»? Слава его гремѣла даже въ аулахъ дальнихъ и чужихъ.

Иногда по вечерамъ дочери хозяина въ палаткѣ моего товарища устраивали вечеринки. Собиралась для этого молодежь, молодыя бабы и дѣвки. Женщины садились на одну сторону, а мужчины на другую. Начиналась игра. Одна изъ дѣвицъ, съ дикою кокетливостью поднималась съ мѣста и выбирала ударомъ платка того, кто ей нравился. Осчастливленный юноша долженъ былъ исполнить какую нибудь хитрую гимнастическую штуку или же спѣть пѣсню. И то, и другое не совсѣмъ легко. Соль игры заключается въ томъ, что ловкій молодецъ получалъ отъ своей дамы въ награду здоровый сочный поцѣлуй, а тотъ, кто осрамится, бываетъ битъ и притомъ крѣпко. Пѣніе почему-то предпочитается кувырканіямъ, но вѣроятно не вслѣдствіе эстетическихъ соображеній. Процессъ пѣнія совершается такимъ образомъ: пѣвецъ садится на одно колѣно, поетъ какую нибудь пѣсню, большею частью эротическаго содержанія. Напѣвъ пѣсни поется особеннымъ, неестественнымъ голосомъ. Взять первую ноту киргизу стоитъ большихъ усилій; глаза его наливаются кровью, ноздри расширяются, сначала вырывается нѣсколько глухихъ возгласовъ, повидимому, неудачныхъ, пока пѣвецъ не попадетъ въ настоящій тонъ. Средне-азіятскіе остряки пѣніе

киргизовъ вмѣстѣ съ приготовительною прелюдіею сравниваютъ съ ревомъ осла, но это преувеличено. Окончивъ пѣніе, пѣвецъ встаетъ, становится со своею дамою dos à dos и какъ-то мудрено оборачиваясь, цѣлуется. Вообще отношенія между киргизами и киргизками первобытно-безцеремонны: матери, отцы, братья смотрятъ на это снисходительно, а мужья даже поощряютъ своихъ друзей къ болѣе тѣсной дружбѣ съ ихъ женами. Мои караванные друзья, кажется, не пренебрегали этимъ обычаемъ, тѣмъ болѣе, что между буруткамп есть весьма недурныя собою. Буруты, какъ и наши киргизы, очевидно, не знаютъ ревности, столь свойственной азіятцамъ. Причины этой терпимости заключаются въ томъ, что пуританизмъ ислама не успѣлъ еще распространиться между этимъ народомъ. Буруты называютъ себя мусульманами, но даже не знаютъ, что за человѣкъ былъ Мухамедъ. Похороны, свадьбы справляютъ они по шаманскому обряду, но заставляютъ при этомъ, если найдется грамотный средне-азіятецъ или татаринъ, читать молитву. Смѣло можно сказать, что никто изъ этой расы, начиная отъ кочевьевъ ихъ на Иссыкъкулѣ до самаго Бадакшана, не знаетъ грамотѣ. Киргизы пьютъ вино, перегоняя его изъ кумыса, дѣлаютъ бузу и, къ великому соблазну правовѣрныхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ напиваются пьяными. Въ такихъ же религіозныхъ понятіяхъ были наши киргизы Средней орды лѣтъ тридцать тому назадъ. Русское правительство построило мечети, назначило муллъ изъ татаръ, и теперь, благодаря вліянію татарскаго элемента, киргизы Средней орды не уступаютъ въ фанатизмѣ какимъ нибудь дервишамъ кувыркательнаго ордена Мевлеви, исполняютъ неукоснительно пяти-временную молитву и 30-тидневный постъ, а нѣкоторые начинаютъ вводить даже гаремное затворничество. Мы не знаемъ, что было бы лучше для Киргизской степи: прежнее невѣжество, чуждое религіозной нетерпимости, или современное татарское просвѣщеніе, выражающееся въ продолженіе 300 лѣтъ самымъ анти-прогрессивнымъ образомъ. Татары въ Россіи составляютъ совершенно отдѣльный восточный міръ, не имѣющій ничего общаго съ интересами русской народности. Большая орда находится въ

переходномъ состояніи. Татары теперь распространились по всей ордѣ и дѣйствуютъ успѣшно. Замѣчательно, что чѣмъ дальше отъ татаръ, тѣмъ менѣе въ киргизахъ фанатизма, хотя тутъ они живутъ подъ вліяніемъ средне-азіятскихъ владѣній, которыя мы привыкли считать гнѣздами изувѣрства. Мы думаемъ, что бухарскіе муллы менѣе опасны, чѣмъ татарскіе.

Въ Дикокаменной ордѣ мы жили почти мѣсяцъ, перекочевывая съ нею изъ одного мѣста въ другое, производя постоянно мѣновой торгъ на барановъ.

Нашъ хозяинъ, какъ уже было сказано, не принадлежалъ къ числу манаповъ, киргизскихъ аристократовъ, не участвовалъ въ народныхъ совѣщаніяхъ и былъ очень бѣденъ. Однако же Бурсукъ хотѣлъ имѣть родовое значеніе и, чтобы разбогатѣть, велъ баранту почти со всѣми киргизскими аристократами. Съ этой цѣлью онъ выбиралъ для своихъ ауловъ самыя крѣпкія позиціи, удаленныя отъ общихъ кочевокъ. Все время моего пребыванія онъ гнѣздился въ неприступныхъ ущельяхъ Музарта (ледяныхъ горъ) или въ топкихъ болотахъ верхняго Текеса. Онъ не покидалъ своего убѣжища даже и тогда, когда другія племена, въ полномъ сборѣ, раскинувъ свои аулы на широкой долинѣ Кегена, готовились торжественной байгой праздновать тризну верховнаго манапа Бурамбая въ 90 день его смерти. Мой хозяинъ и 9 его хищныхъ сыновей въ это время занимались конокрадствомъ. Знакомство мое съ киргизами, какъ было уже замѣчено выше, началось еще въ 1856 г. Въ 1855 г. верховный манапъ племени Богу, Бурамбай, съ подвѣдомственными ему родами, въ числѣ 10.000 кибитокъ, поступилъ въ подданство Россіи; весною слѣдующаго года отправленъ, по просьбѣ самихъ киргизовъ, казачій отрядъ подъ начальствомъ полковника Хоментовскаго для ближайшаго знакомства съ киргизами и для съемки земель, припадлежащихъ этому племени. Эта первая русская экспедиція, въ теченіе 2 мѣсяцевъ успѣла обозрѣть сѣверную часть озера Иссыкъ-куля и снять въ 2-хъ верстномъ масштабѣ карту мѣстности по его сѣверному берегу до р. Аксу, по южному—до р. Зауку. Находясь при экспеди-

ціи, я посѣтилъ аулъ Бурамбая, собралъ нѣсколько замѣчательныхъ преданій и составилъ записку о дикокаменныхъ киргизахъ. Впослѣдствіи я имѣлъ столкновеніе съ бурутами другихъ племенъ: Сарыбагишами, Солту и, наконецъ, въ настоящее путешествіе познакомился съ ихъ кочевьями до самаго Кашгара.

Происхожденіе и исторія дикокаменныхъ киргизъ до сихъ поръ остается для ученыхъ, занимающихся разработкою китайскихъ и восточныхъ историковъ, вопросомъ нерѣшеннымъ, спорнымъ. Большинство, впрочемъ, держится того мнѣнія, что нынѣшніе дикокаменные буруты ни болѣе, ни менѣе какъ енисейскіе киргизы, переселенные въ прошломъ столѣтіи джунгарами на новыя кочевки, и потому ихъ считаютъ тождественными съ хакасами династіи Танъ и киликидцами династіи Юань. Рашидъ-Эддинъ въ своей исторіи Монголовъ относитъ киргизовъ къ числу лѣсныхъ народовъ южной Сибири, жившихъ въ странѣ Бархуджинъ-Тукумъ; названіе Кемъ-Кемджутъ, данное киргизамъ у него и у Абульгази, напоминаетъ Кемъ (Енисей) и рѣку Кемчукъ, которыя вѣроятно были тогда кочевками этого народа. При покореніи Сибири русскіе казаки нашли киргизъ на Абаканѣ и Юсѣ и вели съ ними упорную войну съ XVII до начала XVIII вѣка. Съ тѣхъ поръ внезапно исчезло имя этого народа въ сибирскихъ лѣтописяхъ. Фишеръ полагаетъ, что они были переселены джунгарскими хонъ-тайдзи и, основываясь на слухахъ, полагалъ, что новое жительство ихъ должно быть около границъ Тибета и горъ Индукушъ. Г. Левшинъ говоритъ, что шведскіе офицеры первые внесли событіе это въ исторію и утверждаетъ, что переселеніе ихъ было слѣдствіемъ особаго договора между русскимъ правительствомъ и джунгарскимъ хонъ-тайдзи. Но китайцы называютъ дикокаменныхъ киргизъ бурутами и говорятъ, что они переселились въ настоящія мѣста своихъ кочевокъ съ Куэнь-Луня, гдѣ они жили при династіи Танъ, подъ именемъ Булу или Пулу. О. Іакинѳъ первый сталъ отличать киргизовъ южной Сибири отъ нынѣшнихъ бурутовъ, принимая послѣднихъ за племя турецкое и называя его, для отличія отъ первыхъ, кэргизами. Риттеръ

въ своей Erdkunde von Asien смѣшиваетъ несправедливо дикокаменныхъ киргизъ-бурутовъ съ киргизъ-кайсаками и считаетъ всѣхъ ихъ за миграцію енисейскихъ килкицзей или хакасовъ, которыхъ, въ свою очередь, слѣдуя Клапроту и Аб. Ремюза, принимаетъ за племя индо-германское, отуречившееся вслѣдствіе племенныхъ смѣшеній. Относительно же исчезновенія киргизовъ изъ русской Сибири въ XVII вѣкѣ, Риттеръ говоритъ, что они, тѣснимые сосѣдями, удалились къ соплеменнымъ бурутамъ въ В. Туркестанъ и въ степи на юго-востокѣ отъ Иртыша; слѣдовательно, онъ считаетъ бурутовъ за старожиловъ настоящихъ ихъ кочевокъ. Вотъ въ какомъ состояніи находится вопросъ о происхожденіи нынѣшнихъ дикокаменныхъ киргизъ. Для разъясненія этой путаницы мы обратились къ народнымъ преданіямъ и получили слѣдующія данныя: 1) Народъ, означаемый именемъ *дикокаменныхъ*, *черныхъ киргизъ*, называетъ себя просто киргизъ или, какъ сами они произносятъ, кргызъ. Названіе бурутъ, данное имъ калмыками и китайцами, совершенно имъ неизвѣстно. 2) Киргизы считаютъ своей первой родиной Анджанскія горы. 3) Преданія о переселеніи изъ южной Сибири между ними не сохранилось, но есть преданіе о томъ, что они кочевками своими съ юга на сѣверъ распространялись до Чернаго Иртыша, Алтая и Хангая, а на востокъ до Урумчи. На основаніи этихъ данныхъ мы думаемъ, что дикокаменные киргизы тождественны съ енисейскими хакасами или киргизами, по китайскому произношенію ки-ли-ки-цзы, потому что китайскій лѣтописецъ, современникъ монголовъ, говоритъ, что килки-цзы на языкѣ туземцевъ значитъ 40 дѣвицъ, т. е. *кыркъ* — 40, *кызъ* — дѣвушка. Этою этимологіею пользуются и нынѣшніе киргизы для объясненія своего имени. Далѣе мы полагаемъ, что киргизы распространились на востокъ до нынѣшнихъ ихъ кочевокъ въ самыя древнія времена, ибо въ маршрутѣ Гулагу 1253 г., встрѣчаются киргизы (килки-цзы) на Тянь-шанѣ и перекочевки ихъ отъ Тяньшаня до Хангая и обратно продолжались и въ послѣдующія времена, что подтверждается и народными преданіями. Такія перекочевки остановились только тогда, когда между Алтаемъ

и Тянь-шанемъ образовалось сильное владѣніе Ойратовъ или джунгаровъ. Мнѣніе, принятое всѣми учеными, что переселеніе киргизъ съ Енисея на Тянь-шань въ началѣ XVIII вѣка совершено джунгарами и притомъ по взаимному соглашенію съ русскимъ правительствомъ, оказывается несовсѣмъ вѣрнымъ на основаніи новыхъ данныхъ, которыя намъ удалось добыть. Въ Кашгарской исторіи, называемой *Тарихи Рашиди*, я нашелъ свидѣтельство, что киргизы (буруты) уже кочевали въ концѣ XV столѣтія въ горахъ около Анджана, а во времена самого историка (около 1520 года) они распространяли свои кочевки до Иссыкъ-куля. Въ архивѣ областнаго правленія сибирскихъ киргизъ въ Омскѣ, есть любопытный актъ, относящійся къ переселенію киргизъ изъ Сибири лѣтомъ 1746 года; въ актѣ этомъ сказано, что прибыло въ Усть-Каменногорскъ 12 человѣкъ съ бабами и дѣтьми, которые показали себя киргизъ-калмыками и объявили, что они прежде жили въ Сибири между томскимъ и енисейскимъ городами и противъ города Красноярска въ степи, на рѣкѣ, называемой Бѣлымъ Юсомъ, подъ вѣдѣніемъ Танбынъ-батыря Датжи и платили ясакъ звѣрями въ казну Ея Императорскаго Величества. Тому назадъ лѣтъ 50 или болѣе, говорили они, при отцѣ нынѣшняго хонъ-тайши Галданъ Черена пришли три калмыцкіе зайсана: Дунаръ, Сандыкъ и Чинбинь (по другому показанію: Зухаръ, Сандыкъ и Бенбень) съ 500 человѣкъ войска, напали на ихъ кочевья и увезли ихъ въ числѣ 3.000 дымовъ, вмѣстѣ съ сыномъ ихъ прежняго хана Танбынъ батыря Датки, Чайнышемъ, насильно, но безъ бою, въ Зюнгарскую землицу и послали въ Ургу, гдѣ они и теперь живутъ и платятъ Галданъ Черену албанъ. Между прочимъ эти выходцы показали, что ихъ родственники и прочіе киргизъ-калмыки живутъ въ Сагаіской степи и состоятъ въ ясакѣ Ея Императорскаго Величества. Въ слѣдующемъ 1747 году пойманы еще два киргизъ-калмыка, бѣжавшіе изъ Джунгаріи, которые показали тоже самое и прибавили, что въ Сагаіской волости кочуютъ два родные дяди: Харта Идашъ и братъ его родной Емгень Мергень. Изъ этого видно, что сибирскіе киргизы, по сосѣдству джунга-

ровъ и урянхайцевъ, сильно смѣшались съ монголами и что переселенъ былъ джунгарами не весь народъ, а только 3.000 кибитокъ, которыя, какъ надо полагать, соединились съ джунгарами. Они-то, можетъ быть, составили калмыцкій нутукъ (поколѣніе)—«киргизъ», давшій о. Іакиноу поводъ сдѣлать заключеніе, что сибирскіе киргизы были монгольскаго племени. При этомъ положеніи возникаетъ вопросъ: куда же дѣвались эти сибирскіе киргизы, народъ сильный настолько, что впродолженіе цѣлаго столѣтія тревожилъ своими набѣгами сибирскіе города и боролся съ сильными сосѣдями, каковы были джунгары и Алтынъ ханъ урянхайцевъ. На это мы отвѣчаемъ, что исчезновеніе ихъ имени могло произойти по тому же закону, по которому знаменитое владѣніе урянхайскихъ «золотыхъ» царей, которымъ киргизы платили дань, существуетъ теперь въ видѣ двухъ бѣдныхъ волостей, извѣстныхъ подъ именемъ двоеданцевъ, потому что они платятъ дань русскимъ и китайцамъ. Извѣстно, что сибиряки всѣмъ инородцамъ даютъ особенныя имена, и остатки сибирскихъ киргизъ, конечно, кочуютъ на старыхъ мѣстахъ, но подъ новыми именами. Мы читали гдѣ-то, что одинъ изъ татарскихъ народовъ Енисейской губерніи, кажется Сагайцы, считаютъ себя потомками киргизъ; г. Муравлевъ, офицеръ генеральнаго штаба, путешествовавшій недавно по Алтаю, сообщилъ мнѣ, что въ верховьяхъ Бухтармы кочуютъ двѣ волости, которыя называютъ себя киргизами и говорятъ, что они переселились сюда съ Кема (Енисея) и Кемчука.

Ученые уже давно замѣтили важнось для этографіи изученія памятниковъ народной словесности, въ которыхъ лучше всего выражается характеръ народнаго быта и нравовъ. Любовь къ старинѣ и богатство преданій составляютъ особое достояніе кочевыхъ народовъ сѣверной и средней Азіи. Преданія эти сохраняются свято или въ видѣ родовыхъ воспоминаній въ памяти старѣйшинъ, какъ напр. юридическія преданія и генеалогическія, или въ формѣ эпоса передаются изъ рода въ родъ особеннымъ сословіемъ пѣвцовъ. Многіе слова и обороты, неупотребительные въ настоящее время, показываютъ ихъ древность. Преданіе о царевнѣ Гульмаликѣ, какъ

о родоначальницѣ Чингисъ-хана, распространенны между всѣми татарскими народами, Т ь е р и (Historie d'Atilla et ses succsseurs) принимаетъ за отдаленный миѳъ о Гуннахъ и Атиллѣ. Преданіе дикокаменныхъ киргизъ о происхожденіи своемъ отъ красной борзой собаки (кизилъ-тайганъ) и отъ какой-то царевны и 40 ея фрейлинъ имѣетъ чрезвычайно древній характеръ. Одну изъ характеристическихъ чертъ преданій древнихъ среднеазіятскихъ народовъ составляетъ миѳъ о происхожденіи ихъ отъ какого нибудь животнаго. По свидѣтельству китайской исторіи народъ гао-гюй (Kao-tsche), иначе называемый телэ или чилэ, происходилъ отъ волка и отъ прелестной хуннской царевны. Одинъ изъ хуннскихъ шаньюевъ (царей) имѣлъ двухъ дочерей такой необыкновенной красоты, что не хотѣлъ выдать ихъ замужъ за обыкновенныхъ смертныхъ и, построивъ высокую башню, оставилъ въ необитаемой пустынѣ, сказавъ: «молю небо принять ихъ». Младшая царевна, соскучившись одиночествомъ, обратила свое вниманіе на стараго волка, который впродолженіе цѣлаго года день и ночь ходилъ около замка и наконецъ даже устроилъ у подножія башни свое логовище; несмотря на убѣжденія сестры, она вышла за него замужъ [1]). Тюгю (дулгасцы у о. Іакинѳа) почитали своей родительницей волчицу, а туфаны (тибетцы) собаку. Китайцы говорятъ, что Батачи, родоначальникъ монгольскихъ хановъ, былъ сынъ голубаго волка и бѣлой дикой лани (Mém. relatifs à l'Asie, par K l a p r o t h, p. 204). Нѣкоторыя племена краснокожихъ въ сѣверной Америкѣ производятъ свой родъ отъ бобровъ, черепахъ и проч. Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что этотъ родъ преданій въ средней Азіи и даже въ Америкѣ былъ самый древній и повидимому почетный. Въ пользу того, что киргизскія преданія очень мало подвергались измѣненіямъ и близки къ первоначальной своей редакціи, всего болѣе говоритъ та наивная торжественность, съ которою они повѣствуютъ о вещахъ крайне нескромныхъ съ точки зрѣнія современнаго киргизскаго поколѣнія. Происхожденіе 99 колѣнъ кипчак-

---

[1]) См. Histoire générale des Huns, des Turcs etc. par de G u i g n e s, p. 2, t. III.

скихъ сохранилось у узбековъ и кайсаковъ въ такой неприличной формѣ, что мы сомнѣваемся, будетъ ли оно когда нибудь въ печати.

Весьма важный отдѣлъ преданій составляютъ преданія генеалогическія. На этихъ преданіяхъ основанъ родовой бытъ. Отношенія родовъ между собою обусловливаются степенью родства родоначальниковъ. Старшинство одного племени передъ другимъ выражается правомъ физическаго первородства предка. Преданія сего рода важны въ томъ отношеніи, что они представляютъ составъ и образованіе народа. Изъ генеалогическихъ таблицъ кайсаковъ, узбековъ и ногайцевъ видно, что это союзъ разныхъ турецкихъ и монгольскихъ племенъ, образовавшійся послѣ паденія Золотой и Джагатайской ордъ. Изъ генеалогіи же бурутовъ слѣдуетъ, что главную массу ихъ народа составляетъ турецкое племя киргизъ, къ которому присоединились впослѣдствіи два чуждыхъ отдѣла. Одинъ изъ этихъ чуждыхъ отдѣловъ составляютъ роды Кипчакъ, Найманъ и Китай; права ихъ на киргизскую народность въ генеалогической формѣ выражены тѣмъ, что имъ данъ общій родоначальникъ, который поставленъ сыномъ Киргизъ-бая. Другой чуждый отдѣлъ Ичкиликъ, хотя считаетъ своего родноначальника также сыномъ Киргизъ-бая, но не признается другими родами. Третій отдѣлъ составляютъ настоящіе киргизы, раздѣленные на два крыла *онъ* и *солъ*. Они въ настоящемъ колѣнѣ развѣтвляются на множество поколѣній, каждое изъ поколѣній еще на поколѣнія и т. д.

Третій родъ преданій составляютъ, такъ называемыя, ногайскія былины (джиръ). Онѣ существуютъ у кайсаковъ, узбековъ, ногайцевъ и у киргизъ. Надо полагать, что подъ ногаями первоначально разумѣлись въ Средней Азіи всѣ кочевыя племена турецкаго и монгольскаго происхожденія, говорившія татарскимъ языкомъ, какъ калмыками назывались кочевники, говорившіе по-монгольски. Ногайскія преданія относятся къ концу XIV, къ XV и XVI вѣкамъ. Преданія эти имѣютъ эпическій характеръ и поются риѳмованными стихами и потому принадлежатъ къ области народной, устной литературы. Они замѣчательны, какъ выраженія народнаго

духа, понятій, обычаевъ, нравовъ, образа жизни, замѣчательны также въ филологическомъ отношеніи и не лишены историческаго интереса. У кайсаковъ, узбековъ и ногаійцевъ, производящихъ себя отъ Золотой и Джагатайской ордъ, сохранилось нѣсколько поэтическихъ сагъ объ ордынскихъ герояхъ: Эдигеѣ, Иръ-Кокчѣ, Уракѣ, Чорѣ и проч. Лица эти историческія. Эдигей былъ однимъ изъ генераловъ Тамерлана, былъ темникомъ въ Золотой ордѣ при Тимуръ Кутлукѣ и извѣстенъ въ исторіи побѣдой надъ Витовтомъ при Ворсклѣ. Уракъ, по преданію, его потомокъ, былъ въ русскомъ плѣну и былъ женатъ на русской княжнѣ (истор. свидѣтельства о немъ мы не нашли). О Иръ-Кокчѣ упоминается въ Никоновской лѣтописи подъ 1423 г. и по поводу нападенія царя Кундадата на Одоевъ. «Тогда же убили и Когчю, богатыря татарскаго, велика суща тѣломъ и силою». Чора—татарскій витязь, который идетъ на помощь осажденной Казани. Въ Казанской лѣтописи сохранилось его имя. Эти саги показываютъ, въ какой степени наши кочевники дорожатъ стариной и какъ умѣютъ ее сохранять. Надо сказать, что поэтическія преданія, вслѣдствіе смежности кочевьевъ и при сходствѣ языка, легко переходятъ и заимствуются однимъ народомъ у другого, и потому нужно умѣть ихъ отличать. Г. Ходьзко слышалъ отрывки изъ Идиге отъ трухменцевъ, но трухменцы его заимствовали отъ кайсаковъ или отъ ногагайцевъ, точно также, какъ классическій ихъ разбойникъ Коръ-Оглу извѣстенъ кайсацкимъ рапсодамъ. Въ Азіи очень много странствующихъ преданій, легендъ и сагъ. Академикъ Кастренъ слышалъ въ Лапландіи и у кореловъ миѳъ о циклопѣ Полифемѣ изъ Одиссеи, конечно, измѣненный сообразно ихъ національности. Въ киргизской степи также знаютъ этотъ миѳъ. Циклопъ названъ Алпомъ, великаномъ-людоѣдомъ, а роль Одиссея играетъ киргизскій богатырь Батуръ-ханъ.

У дикокаменныхъ киргизъ, къ ногайской эпохѣ принадлежитъ единственный эпосъ—Манасъ. Манасъ есть энциклопедическое собраніе всѣхъ киргизскихъ миѳовъ, сказокъ, преданій, приведенное къ одному времени и сгруппированное около одного лица—богатыря Манаса. Это нѣчто въ родѣ

степной Илліады. Образъ жизни, обычаи, нравы, географія, религіозныя и медицинскія познанія киргизовъ, и международныя отношенія ихъ нашли себѣ выраженіе въ этой огромной эпопеѣ. Поэма эта, по нашему мнѣнію, очевидно подверглась новѣйшимъ добавленіямъ и измѣненіямъ. Можетъ быть самое сложеніе ее изъ прозаическихъ джумуковъ (сказокъ) въ одно цѣлое есть дѣло позднѣйшихъ временъ. Манасъ состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, имѣющихъ видъ цѣлаго. Другой эпосъ «Самятей» служитъ продолженіемъ «Манаса» и—это бурутская Одиссея. Киргизы говорятъ, что трехъ ночей недостаточно, чтобы выслушать Манаса, и что столько же нужно для Самятея, но это вѣроятно преувеличено. Герой первой поэмы богатырь Манасъ, сынъ Якуба, вначалѣ называется владѣтелемъ ногайцевъ отъ Чу до Таласа, въ другихъ мѣстахъ поэмы анджанскимъ [1]), а иногда самаркандскимъ сартомъ [2]). Манасъ по происхожденію не принадлежитъ къ бѣлой кости (т. е. къ Чингизовичамъ), но силенъ не менѣе хановъ. Отецъ его Якубъ говоритъ: «я отецъ юнаго Манаса, славнаго отъ Чу до Таласа, я не ханъ, но не хуже хана, ханъ Якубъ я». Манасъ представленъ въ видѣ свирѣпаго и чувственнаго степняка. Вотъ какъ характеризована его личность въ самой поэмѣ: «Онъ (Манасъ) въ Анджанѣ отжирѣлъ, кушая недопеченый хлѣбъ и грызя зеленыя анджанскія яблоки. 12-ти лѣтъ стрѣлялъ изъ лука, 13-ти лѣтъ съ копьемъ въ рукахъ побѣждалъ враговъ, уносилъ дѣтей изъ сѣдла, похищалъ красныхъ дѣвицъ и заставлялъ храбрыхъ (богатырей) кричать куки (*куки* кричатъ киргизы, когда имъ больно), 14-ти лѣтъ разбивалъ аулы, стоявшіе въ ущельяхъ, и чрезъ высокія горы угонялъ вражескіе табуны, а 15-ти лѣтъ былъ владѣтелемъ безчисленныхъ народовъ. У высокорослаго Манаса подняты брови и холодно лицо, кровь черна; но тѣло бѣло, животъ пестрый, хребетъ синій. На кого похожъ храбрый Манасъ? Онъ подобенъ сине-гривому щетинистому

---

[1]) Анджанъ—городъ въ Коканскомъ ханствѣ, въ XII вѣкѣ здѣсь была столица владѣнія Фергана.

[2]) Сартами средне-азіатскіе кочевники называютъ таджиковъ, народъ персидскаго происхожденія.

волку». Въ гнѣвѣ Манасъ еще болѣе страшенъ. У него борода и усы поднимаются щетиной, изъ глазъ сыплются искры, изо рта идетъ дымъ, и тонкій, подобно тополю, станъ его раздувается, какъ алачугъ (такъ называются у киргизъ походныя кибитки; у кайсаковъ джуламейки; отсюда русское слово *лачуга*).

Поэма начинается тѣмъ, что юный Манасъ посылаетъ своего отца сосватать ему Караханову дочь Ханкею, у которой «лицо бѣло какъ снѣгъ и румянецъ ланитъ оттѣняется какъ кровь, упавшая на снѣгъ». Эта принцесса имѣетъ 15 лѣтъ отъ роду, волосы длинные до пятъ, запахъ подобный мускусу и зубы какъ жемчугъ».

Якубъ отецъ Манаса долго странствуетъ, отыскивая невѣсту сыну: «лошадь его отощала, по выраженію поэмы, какъ иргаевая [1]) палка, и насѣкомыя явились на его тѣлѣ величиною съ воробья». Наконецъ онъ достигаетъ ауловъ, но получаетъ отказъ: «моей дочери приличенъ ханскій сынъ, твоему сыну бійская плебейская дочь», сказалъ ханъ. Манасъ начинаетъ войну и беретъ царевну силой. Въ этомъ эпизодѣ Манасъ ведетъ себя крайне безпорядочно, грабитъ своего отца и оставляетъ старика Якуба и старушку мать въ крайней бѣдности. Въ послѣдующихъ эпизодахъ мы видимъ въ немъ богатыря, который защищаетъ слабыхъ, воюетъ съ калмыками и оставляетъ слѣды своихъ подвиговъ въ глубинѣ Джунгаріи. Киргизы говорятъ, что городъ Манасъ, около Урумчи, и урочище того же имени на верхнемъ Иртышѣ получили свое названіе отъ этого героя. Тризна по Кукетайханѣ есть, конечно, самый замѣчательный эпизодъ въ Манасѣ. Въ этомъ эпизодѣ разсказывается, какъ Букъ Мурунъ, сынъ ногайскаго хана Кукетая, чтобы праздновать годовую тризну своего отца, перекочевалъ съ окрестностей Иссыкъ-куля на Черный Иртышъ, на Алтай и Хингапъ подъ покровительство монгольскаго хана Джулая. Манасъ и другіе мусульманскіе кочевники, пріѣхавшіе на поминки, не могли вынести притѣсненій невѣрныхъ и произвели драку. Началась война.

---

[1]) Иргай—дерево крѣпкое и плотное, какъ пальма.

Манасъ разбилъ хана Джулая и убилъ его. Хитайскій богатырь Копурбай убитъ имъ же на поединкѣ. Впослѣдствіи самъ Манасъ погибъ отъ руки монгольскаго хана Назъ-Коры. Мщеніе сына Манаса Самятея за смерть отца составляетъ предметъ второй киргизской эпопеи.

Одинъ эпизодъ изъ поэмы Манаса, именно тризна по Кукетай-ханѣ, записанъ мною со словъ киргизскаго рапсода. Вѣроятно это первая киргизская рѣчь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводомъ этого произведенія киргизской поэзіи и хочу составить маленькій словарь, чтобы познакомить оріенталистовъ съ нарѣчіемъ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Языкъ дикокаменныхъ киргизъ есть нарѣчіе тюркское, болѣе другихъ близкое къ разговорному языку, употребляемому въ Малой Бухаріи. Въ этомъ нарѣчіи чрезвычайно мало, можно сказать, почти нѣтъ арабскихъ и персидскихъ словъ, за то много монгольскихъ и первообразныхъ тюркскихъ.

Въ заключеніе нашего разсказа о киргизахъ мы скажемъ нѣсколько словъ о настоящемъ распространеніи киргизской расы, о главныхъ ея поколѣніяхъ и о степени политической ихъ самостоятельности. Дикокаменная орда раздѣляется на два крыла: «онъ» и «солъ», т. е. правое и лѣвое, соотвѣтствующія монгольскому барангаръ и джунгаръ. Правое крыло раздѣляется на два отдѣла: Адгэне и Тагай. Тагай есть самый обширный отдѣлъ. Къ нему принадлежатъ сродныя, но ведущія постоянную вражду племена: Сарыбагишъ и Бугу, Султу, Саякъ, Черикъ, Чонъ-багишъ и Бассызъ, всего семь родовъ. Бугу состоятъ съ 1855 г. въ русскомъ подданствѣ; у нихъ считается 11 кибитокъ. Бугинцы имѣютъ хлѣбопашество на южномъ берегу Иссыкъ-куля, а лѣто кочуютъ въ верховьяхъ Текеса и Кегена. Сарыбагишей до 10 кибитокъ, кочуютъ на рѣкѣ Чу и на восточной оконечности Иссыкъ-куля. Султу, самый хищный родъ, до 15 кибитокъ, кочуютъ на Таласѣ и на рѣкѣ Чу, около коканскаго укрѣпленія Пишпекъ. Саяки занимаютъ верховье Нарына и Джунгала; Черики—Тяньшанское нагорье на югъ отъ озера Иссыкъ-куля; Чонъ-багиши огибаютъ горы на сѣверо-западъ отъ Кашгара. Послѣднія два племени очень бѣдны. Остальные роды изъ колѣна Тагай занимаютъ горы на

С. отъ Намангана въ окрестностяхъ Анджана и въ верховьяхъ рѣки Джумъ-голъ. Киргизы Адгэне имѣютъ хлѣбопашество въ Ферганской долинѣ около городовъ Маргилана и Оша, а лѣто проводятъ въ горахъ отъ Оша до Кокана. Киргизы эти пользуются одинаковыми правами съ узбеками, служатъ въ коканскомъ войскѣ сипаями, и ихъ родоначальники занимаютъ важныя должности при дворѣ и въ войскѣ. Нынѣшній коканскій визирь Алимъ-Бекъ-датха есть киргизскій бій этого племени; онъ съ своими киргизами способствовалъ нынѣшнему хану Малля овладѣть Коканомъ. Лѣвое крыло состоитъ изъ трехъ маленькихъ племенъ, которыя кочуютъ по Таласу. Родоначальники ихъ состоятъ въ родствѣ съ коканскими ханами, которые по женской линіи — киргизскаго происхожденія. Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившіяся къ киргизскому народу впослѣдствіи, кочуютъ отъ Оша по Памирскому плоскогорію до Бадагшана и оттуда по Каракорумской цѣпи; съ ними же кочуютъ ичкилики и нѣкоторые роды изъ племени Адгэне. Всѣ киргизы, исключая Бугу, русскіе подданные и рода Турайгыръ-Кипчакъ, въ окрестностяхъ кашгарскаго города Ташъ-малыка, состоящихъ въ непосредственной зависимости отъ Китая, признаютъ власть коканскаго хана, которому платятъ зекетъ съ 100 лошадей одну. Для управленія киргизами коканцы имѣютъ въ ихъ кочевьяхъ крѣпости: Пишпекъ, Токмакъ, Мерке на р. Чу, Авліе-ата (древній Таразъ) на Таласѣ, Куртка и Трузъ Тарау на рѣкѣ Нарынѣ, Кэтменъ-Тупе и Джумгалъ на рѣкѣ Джунгалѣ, Бустанъ-терекъ и Ташъ-курганъ на Памирѣ.

Въ послѣднихъ числахъ августа кашгарскіе купцы, окончивъ свои дѣла въ ордѣ, стали собираться въ обратный путь. Киргизскіе друзья совѣтовали намъ присоединиться къ кашгарцамъ, потому что дорога, по ихъ словамъ, для малочисленнаго каравана была не безопасна. Берегъ Текеса, у прохода Учъ-Капкакъ, былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Къ 27 числу сентября на этомъ мѣстѣ собралось до 60 палатокъ или, какъ принято въ караванномъ языкѣ, до 60 огней. Въ то время, когда шли переговоры между караванными старѣйшинами, по какому пути идти въ Кашгаръ, а ихъ нѣсколько,—вдругъ слу-

чилось обстоятельство, которое совершенно разстроило нашъ первоначальный планъ. Коканскій юзъ-баши (сотникъ), присланный изъ Пишпека для сбора съ бугинцевъ зекета (бугинцы хотя русскіе подданные, но все-таки не препебрегаютъ ни коканцами, ни китайцами), пріѣхалъ въ караванъ съ 6 солдатами и требовалъ, чтобы ему заплатили пошлину. Его спросили: какую пошлину и за что? Юзъ-баши обидѣлся, отбилъ до 300 барановъ и, загнавъ ихъ на гору, сталъ торжественно охранять добычу.

Кашгарцы, привыкшіе къ дракамъ во время возстаній противъ китайцевъ, схватили въ руки копья, бросились на коканскихъ солдатъ и съ необычайной ловкостью побросали ихъ съ лошадей, при чемъ избили воиновъ такъ жестоко, что на полѣ битвы одинъ коканецъ остался бездыханнымъ. Киргизы, вѣроятно, боясь мщенія ташкентцевъ, объявили кашгарцамъ, что они не отпустятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока здоровье раненаго солдата не поправится. Мы не принимали участія въ этой потасовкѣ, потому вмѣстѣ съ татарами и нѣсколькими кашгарцами, также непричастными къ этому дѣлу, выступили въ походъ, тѣмъ болѣе поспѣшно, что въ горахъ начинали падать снѣга. Соединенный нашъ караванъ состоялъ изъ 10 огней и число людей увеличилось до 60. Съ вершинъ Текеса въ два перехода мы прошли горный проходъ Сепъ-ташъ, представляющій ровное плоскогоріе и знаменитый преданіемъ о Тамерланѣ, потомъ невысокія горы Кызылкія и вышли на долину р. Джиргаланъ (счастливой); отъ этого ночлега путь намъ лежалъ по ровной и плодородной долинѣ Терскей, на которой полуобнаженные буруты работали на нивахъ. На р. Джитыугусъ мы нашли своего стараго пріятеля Бурсука, который со своими кадыками прикочевалъ сюда для сбора хлѣба, и еще нѣсколько ауловъ того же рода, подвластныхъ бію Самсалы и извѣстному хищнику Джанету. Простившись съ аулами Бурсука и взявъ его самого охранителемъ, 9 марта вступили мы въ Заукинское ущелье. Присутствіе Бурсука не спасло насъ однако же отъ хищничества киргизъ. 11 числа, когда караванъ подымался по узкому ущелью, заваленному обломками скалъ, которыя г. Семеновъ остроумно и пророчески назвалъ естественными бар-

рикадами, внезапно за нами раздался оглушительный крикъ и показалось нѣсколько развѣвающихся значковъ. Едва успѣли мы принять оборонительное положеніе и укрѣпиться на этихъ баррикадахъ, какъ были стремительно атакованы шайкою киргизъ въ 70 человѣкъ. Наши товарищи, руководимые похвальнымъ чувствомъ самосохраненія, удалились подъ защиту верблюдовъ и не показывались болѣе. Между тѣмъ наша прислуга, благодаря крѣпкой позиціи и хорошему вооруженію, успѣла отразить бурутовъ и взять даже въ плѣнъ одного изъ ихъ главныхъ предводителей. Дѣло ограничилось ранами съ обѣихъ сторонъ и размѣномъ плѣнныхъ. Почтенный Бурсукъ, взятый нами для охраненія, считая себя компрометированнымъ, тайно уѣхалъ, не принявъ даже подарка, который мы ему обѣщали. Я не буду распространяться много о Заукинскомъ ущельи, которое такъ живописно представлено П. П. Семеновымъ. Заукинское ущелье образуется теченіемъ рѣки Зауки, рѣчекъ Заукучакъ, Кашка-ату и Дунгурана [1]), впадающихъ въ нее и теченіями своими также образующихъ проходы. Такимъ образомъ путь идетъ сначала по теченію главной рѣки, а потомъ развѣтвляется. П. П. Семеновъ полагаетъ, что онъ подымался по рѣкѣ Кашка, а нашъ караванъ шелъ по самой Заукѣ. Послѣ впаденія р. Дунгурана ущелье Зауку дѣлается круто, тѣсно и образуетъ терассы съ двумя альпійскими озерами. Обломки скалъ большими массами въ безпорядкѣ загромождаютъ дорогу. Ущелье оканчивается крутымъ подъемомъ около 800 с. высоты. Остовы павшихъ животныхъ, покрывавшіе эту крутизну, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно преодолѣть ее. Все это такъ согласно съ описаніемъ г. Семенова, что я подозрѣваю, не принялъ ли нашъ ученый путешественникъ проходъ Заукинскій за Кашкаату, что очень могло случиться, если при немъ не было туземныхъ вожаковъ. Караванъ не могъ подняться въ продолженіе одного дня и потому одна часть его ночевала на небольшомъ болотистомъ плоскогоріи, которымъ оканчивается Заукинскій проходъ, а другая часть оставалась внизу на старомъ ночлегѣ. Снѣгъ, падавшій въ из-

---

[1]) Г. Семеновъ не зналъ о существованіи этой рѣки, что видно изъ примѣчанія его на стр. 16 къ II т. Риттеровой Азіи.

обилія, значительно увеличилъ трудности подъема. Вьючныя лошади и особенно верблюды скользили по мокрымъ камнямъ и нерѣдко, срываясь на ходу, съ грохотомъ катились далеко внизъ, дѣлая частые рикошеты. Такимъ образомъ погибло ужъ пять верблюдовъ и двѣ лошади. Спутники мои казались совершенно растерянными. Каждый думалъ только о томъ, чтобы благополучно провести на верхъ своихъ вьючныхъ животныхъ. Крики погонщиковъ, брань и проклятія, благочестивыя воззванія Аллаху, Бахаведину, Апакъ ходжѣ и другимъ мусульманскимъ святымъ, потрясали эхомъ вѣковые снѣга окружающихъ горъ.

Объемъ статьи, предназначенной для чтенія, не позволяетъ мнѣ перейдти, въ настоящее время, ко второй половинѣ моего путешествія, но если разсказъ мой удостоится вниманія почтенныхъ моихъ сочленовъ, то я поставлю себѣ пріятнымъ долгомъ передать Обществу дальнѣйшія впечатлѣнія моего путешествія въ малоизвѣстной внутренности Азіи въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій.

Ч. Валихановъ.

Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., изд. подъ ред. А. Н. Бекетова, 1861, кн. I, стр. 184—200 (съ портретами: „Сартай изъ поколѣнія Сарыбагишъ“ и „Бурамбай, верховный манапъ рода Бугу“), и кн. II, стр. 35—58.

О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу (Малой Бухарии).

въ 1858—1859 году.

(Извлеченіе изъ отчета штабсъ-капитана Валиханова).

I. Географическій очеркъ.

Восточный Туркестанъ съ трехъ сторонъ замкнутъ горами: на сѣверѣ Тянь-шанемъ, на западѣ Болоромъ и на югѣ Куэнъ-Лунемъ. Горы эти принадлежатъ къ самымъ высокимъ хребтамъ внутренней Азіи и служатъ естественной границей западнаго края Китайской имперіи. За дѣйствительную же пограничную черту надо принять линію пикетовъ, расположенныхъ въ предгоріяхъ, потому что внѣ этой черты кочуютъ киргизы, признающіе власть кокапскаго хана. На востокѣ предѣлы Восточнаго Туркестана ограничиваются песчаными, необитаемыми степями Махайской и Комульской Гоби. Поэтому Малая Бухарія занимаетъ площадь между 43 и 36° сѣверной широты и между 70 и 92° восточной долготы отъ Парижскаго меридіана.

Восточный Туркестанъ лежитъ въ центрѣ Восточно-Азіатскаго нагорья, но Гумбольдтъ, соображаясь съ условіями воздѣлываемыхъ тамъ растеній, заключаетъ, что Мало-Бухарская равнина должна имѣть не болѣе 1,200 футовъ абсолютной высоты и называетъ ее Таримскимъ пониженіемъ, по имени большой Мало-Бухарской рѣки Таримголъ (иначе Эрголъ), которая своимъ бассейномъ занимаетъ всю площадь Восточнаго Туркестана. Дѣйствительно, Малая Бухарія представляетъ углубленный долъ, имѣющій характеръ равнины, открытой и, судя по теченію рѣки Эрголъ, нѣсколько наклон-

ной къ востоку. Внутренняя часть этой страны представляетъ песчаную пустыню, которая начинается въ видѣ узкой, холмистой гряды между Япысаромъ и Еркендомъ и, постепенно расширяясь къ востоку, образуетъ обширную Гоби, лишенную всякой растительности, съ резервуарами горько-соленой воды, въ которой песокъ нагроможденъ цѣлыми массами, имѣющими такую высоту, что туземцы даютъ имъ названіе «тагъ»—гора. Если вѣрить свидѣтельству туземныхъ писателей, песокъ этотъ переносится подобно африканскимъ и засыпаетъ цѣлые города. Мѣста, прилегающія къ подножію горъ, имѣютъ глинистый грунтъ, покрытый мелкимъ щебнемъ и мѣстами пропитанный солями. Множество рѣкъ, вытекающихъ изъ сосѣднихъ горъ, доставляютъ удобство для искуственнаго орошенія почвы, которая безъ ирригаціи, при крайней сухости воздуха, производитъ рѣдкую и бѣдную растительность; только мѣста, питающіяся водою, образуютъ острова плодородной земли. Такимъ образомъ воздѣланные и заселенные оазисы составляютъ кольцо по подножію Тянь-шаня, Болора и Куэнъ-Луна. Система р. Тарима и его притоковъ оживляетъ культурой внутреннія части этой пустыни. Таковъ общій характеръ территоріи южной линіи, представляющій исключительно равнинныя свойства, лишенныя орографическихъ рельефовъ. Горы, окружающія Восточный Туркестанъ, лежатъ внѣ политическихъ предѣловъ страны, но важны для нея въ отношеніи дорогъ и проходовъ. Горныя дороги пролегаютъ, по большей части, по ущельямъ, имѣютъ много подъемовъ и спусковъ, то пробираются по тропинкамъ на значительную высоту, то идутъ по опаснымъ косогорамъ. Тянь-шань, относительно путей сообщенія, представляетъ наиболѣе удобныхъ доступовъ. Этотъ хребетъ, на протяженіи отъ меридіана Кучи до пересѣченія съ Болоромъ, имѣетъ три характеристическихъ рельефа. На востокъ отъ поперечнаго теченія рѣки Аксу до Кучи, Небесныя горы образуютъ высокій кряжъ, покрытый вѣчными снѣгами и обширными ледниками и потому носитъ названіе Музарта (ледяныхъ горъ). Рѣки, вытекающія изъ него на этомъ пространствѣ имѣютъ поперечное теченіе; скаты горъ покрыты хвойными лѣсами и богаты пастбищами, но не

обитаемы. Через Музартъ есть только одинъ проходъ, извѣстный у китайцевъ подъ названіемъ прохода ледниковъ, а въ маршрутѣ Гумбольдта названный Джепарле. Черезъ этотъ проходъ идетъ дорога изъ Кульджи въ Аксу. Хотя по описанію китайцевъ Джепарле представляетъ большія трудности, но доступенъ для верблюдовъ. Музартскій проходъ закрытъ для иностранцевъ.

На западъ отъ рѣки Аксу до меридіана Кашгара Тянь-шань представляетъ широкое нагорье, называемое киргизами Сыртъ, имѣющее въ поперечникѣ около 150 верстъ и прорѣзанное продольными долинами, значительной абсолютной высоты. Сыртъ безлѣсенъ, неспособенъ къ культурѣ, покрытъ мелкой, но густой травою и служитъ лѣтними кочевьями для киргизъ. Черезъ Сыртъ проходитъ много караванныхъ путей и всѣ они проходимы на верблюдахъ. На западъ отъ меридіана Кашгара Тянь-шань раздѣляется на нѣсколько вѣтвей. Горы здѣсь одѣты лѣсомъ, долины рѣкъ плодородны и имѣютъ углубленное теченіе, слѣдовательно подъемы становятся выше. На этомъ пространствѣ пролегаетъ нѣсколько конныхъ дорогъ и только одинъ торговый путь, изъ Ферганской долины въ Кашгаръ, черезъ проходъ Теректы-даванъ, извѣстный у насъ подъ названіемъ Кашгарской тѣснины. По этому пути происходили торговыя сношенія (средней) Азіи съ Китаемъ въ самыя отдаленныя времена; по ней проходили орды, вторгавшіяся изъ Монголіи въ Туранъ. Теректинскій путь обиленъ топливомъ и кормами. Отъ Коканда до Кашгара по этому пути 18 дней караваннаго ходу. Болоръ или, какъ называютъ его анджанцы, Алай на западномъ склонѣ обрывистъ и не доступенъ, а восточная часть его образуетъ высокое и холодное плоскогорье, посѣщаемое только лѣтомъ киргизами. Чрезъ Болоръ есть только одинъ караванный путь, проходящій чрезъ Бадахшанъ. Бадахшанскій путь, какъ говорятъ, чрезвычайно труденъ, проходимъ только на лошадяхъ. Изъ Еркенда дорога, чрезъ Бадахшанъ, направляется на Хулумъ, оттуда въ Бухару, Балхъ и Кабулъ; караваны идутъ до Бухары въ 65 дней. Памиръ перекрещенъ дорогами, проложенными кочевками киргизъ, всѣ онѣ ведутъ въ Кокандское ханство или Кара-

тигенъ. Въ Куэнъ-Лунѣ извѣстенъ одинъ доступъ—проходъ Кара-Хурумъ, чрезъ который Восточный Туркестанъ сообщается съ Тибетомъ и Индіей. Дорога до Тибета проходитъ мѣстами необитаемыми и бѣдными кормами, а изъ Тибета въ Индію пути такъ трудны, что произведенія Индіи достигаютъ въ Восточный Туркестанъ изъ Бухары, чрезъ Туркестанскій проходъ. Отъ Еркенда до Тибета 40 дней ходу, а изъ Тибета въ Кашміръ 12 дней; подъ вьюки на этой дорогѣ употребляются лошадь и якъ. Вообще горы, опоясывающія Малую Бухарію, представляютъ очень мало доступовъ, только линія Тянь-шаня отъ Аксу, до пересѣченія съ Болоромъ, содержитъ наиболѣе удобныя сообщенія.

Изъ всѣхъ поименованныхъ путей Теректинскій наиболѣе посѣщаемъ, какъ караванами, такъ и войсками; онъ оживленъ постоянной торговой дѣятельностію и нѣтъ дня, чтобъ чрезъ него не проходилъ караванъ.

Рѣки Малой Бухаріи принадлежатъ рѣчной системѣ Таримгола; только нѣкоторыя изъ рѣкъ, выбѣгающихъ изъ Куэнъ-Луна, впадаютъ въ озера или же теряются въ пескахъ. Главныя, составляющія Таримголъ, суть: Аксу-дарья, Файзбатъ-дарья (иначе называется Кашгаръ-дарья), Еркендъ-дарья и Хотанъ-дарья. Аксу-дарья составляется изъ двухъ притоковъ: собственно изъ рѣки Аксу (которая въ верхнихъ частяхъ называется Сары-Джасъ, потомъ Капчагай и только въ нижнемъ теченіи получаетъ свое настоящее имя) и изъ рѣки Какшалъ. Рѣка Аксу беретъ начало изъ сѣвернаго склона Ханъ-Тангриула, течетъ параллельно меридіану, разсѣкая Тянь - шань поперегъ, и образуетъ глубокое каменистое ложе. Какшалъ вытекаетъ изъ холмистыхъ возвышенностей, окружающихъ съ восточной стороны горное озеро Чадыръ-куль и, подъ названіемъ Аксая, течетъ прямо на востокъ, по широкому довольно обширному плоскогорью, потомъ круто поворачиваетъ на югъ, спускается на южный склонъ Тянь-шаня и впадаетъ въ Аксу, имѣя теченіе параллельное подошвѣ горъ и направленіе на сѣверо-востокъ. Рѣки, составляющія Кашгаръ-дарью, берутъ начало изъ Тянь-шаня и Болора.

Файзбатъ-дарья составляется изъ двухъ рѣкъ: Тюмень- и

Кизылъ-дарьи. Первая беретъ начало изъ горъ Кокъ-Тоинъ, на сѣверо-западъ отъ озера Чадырь-куля, вторая—Кизылъ имѣетъ источникъ въ горахъ Алай, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тянь-шань пересѣкается съ Болоромъ. Файзбатъ-дарья принимаетъ справа: рѣку Устэнъ или Ханъ-Арыкъ (означенную на нашихъ картахъ подъ названіемъ Яманьяръ - Устэнъ) и рѣку Янгисаръ - Устэнъ, а слѣва рѣку Артышъ. Рѣка Артышъ вытекаетъ изъ возвышенности Торгатъ, окружающей на югѣ озеро Чадырь-куль, имѣетъ до выхода въ долину названіе Тоинъ; она принимаетъ въ горахъ много рѣкъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательна Теректы или Астынъ-Артышъ, впадающая съ правой стороны; рѣка Устэнъ или Ямаңьяръ беретъ начало изъ озера Каракуль въ столовой землѣ Памиръ. Къ системѣ Кашгаръ-дарьи принадлежитъ рѣка Янысаръ-Устэнъ, вытекающая изъ окрестностей озера Саркола и впадающая, слѣва, въ Кашгаръ-дарью. Еркендъ-дарья, или Еркендъ-Устэнъ, составляется изъ собственно Еркендъ-дарьи, которая беретъ начало изъ озера Саркола, и изъ рѣки Тынзапъ, вытекающей изъ сѣвернаго склона Каракурумскаго прохода въ горахъ Куэнъ-Лунъ. Хотанъ-дарья начинается также изъ Каракурумскихъ горъ и составляется изъ двухъ рѣкъ: Карагкашъ и Юлгунъ-кашъ (по китайскому произношенію Юрунъ-кошъ). Послѣ соединенія рѣкъ: Аксу-Кашгаръ, Еркендъ и Хотанъ-дарьи, которыя сходятся почти въ одномъ пунктѣ, рѣка принимаетъ названіе Таримъ-Устэна, а по китайской географіи Таримгола или Эргола. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Таримъ, замѣчательны: Музартъ, Куча-дарья и Хайду, сбѣгающія изъ Тянь-шаня и впадающія съ правой стороны. Таримъ вливаетъ свои воды въ озеро Лобноръ, что значитъ на монгольскомъ языкѣ Звѣздное море. Лобноръ, по китайскимъ источникамъ, имѣетъ въ длину 400, а въ ширину 200 ли. Окрестности озера изобилуютъ источниками мутной воды, которые, подобно фонтанамъ, бьютъ вверхъ и, какъ увѣряютъ китайцы, уподобляются звѣздному небу. Озеръ въ Малой Бухаріи много, всѣ они лежатъ по краямъ внутренней пустыни и имѣютъ горько-соленую воду. У туземцевъ есть преданіе, что родина ихъ была дномъ большого внутренняго моря. Всѣ рѣки Восточнаго Туркестана въ верхнемъ теченіи своемъ носятъ,

болѣе или менѣе, характеръ горныхъ потоковъ, имѣющихъ незначительную глубину, но быстрое теченіе по каменистому дну. Въ іюлѣ и августѣ воды отъ таянія снѣговъ значительно прибываютъ, но во всѣ времена года проходимы въ бродъ; только послѣ соединенія нѣсколькихъ притоковъ получаютъ онѣ значительную глубину и ширину. На рѣкѣ Кизылъ, между Кашгаромъ и китайскою крѣпостію и на Файзбатъ-дарьѣ (соединеніе Тюмени и Кизылъ) устроены переправы. Хотя Кашгаръ-дарья и Еркендъ-дарья въ полноводіе, а Таримъ во всѣ времена года и по всему теченію судоходны, но туземцы не пользуются этимъ средствомъ сообщенія.

Относительно сообщеній, и вообще рѣки въ Малой Бухаріи имѣютъ высшую степень важности, ибо, надѣляя внутреннія пустыни плодородіемъ, дѣлаютъ негостепріимныя земли способными къ заселенію.

Сообщенія туркестанскихъ городовъ Еркенда, Кашгара и Аксу между собою производятся по теченію рѣкъ. Внутреннія пути сообщенія, т. е. сообщенія между городами Восточнаго Туркестана и съ Китаемъ довольно удобны. На всѣхъ дорогахъ устроены китайцами станціи *уртенгъ*, на которыхъ живутъ по 15 и 20 человѣкъ китайцевъ при офицерѣ и столько же семействъ туркестанцевъ, обязанныхъ ямской повинностію; кромѣ того, устроены сигнальные маяки для быстрой передачи извѣстій въ случаѣ войнъ или возстаній. На станціяхъ можно достать, разумѣется для небольшихъ карavановъ, фуражъ и съѣстные припасы.

Городъ Аксу есть центральный пунктъ относительно путей сообщенія, гдѣ сходятся всѣ дороги этого края. Изъ Аксу идутъ дороги въ Китай, въ Или и во всѣ города Восточнаго Туркестана.

Всѣ пути, идущія изъ внутренняго Китая въ западный край, сосредоточиваются въ городѣ Гунъ-Чанфу, отсюда дорога идетъ въ Лянъ-Джеу, гдѣ устроенъ запасный магазинъ на случай войны въ западномъ краѣ. Въ 37 верстахъ отъ него, на западномъ концѣ великой стѣны, лежитъ крѣпость Цзя-юй-гуань, служащая заставой. Отъ этой заставы до Комула простирается песчаная степь, необитаемая, лишенная

воды и растительности. Въ Комулѣ устроены хлѣбные магазины. Далѣе дорога раздѣляется на двѣ вѣтви: одна, «сѣверная дорога», идетъ въ Джунгарію, другая, «южная», въ Восточный Туркестанъ. Джунгарская дорога направляется чрезъ восточное фланговое пониженіе Тянь-шаня на Баркуль, Урумчи, Хурхарасу въ Или. Южная дорога идетъ по направленію на западъ, чрезъ Пичанъ въ Турфанъ, который имѣетъ сообщеніе прямое съ Урумчи, чрезъ Богдо-оло. Далѣе дорога идетъ въ Харашаръ, который по рѣкѣ Джулдусъ и Наратъ-даванъ сообщается съ Или. На югъ отъ Харашара простираются болотистыя топи, которыя продолжаются на западъ, такъ что въ городѣ Бюгурѣ устроена земляная насыпь и, наконецъ, чрезъ Кучу дорога достигаетъ Аксу. Отъ Пекина до Аксу китайцы считаютъ 3844 версты, южная дорога пролегаетъ по мѣстамъ ровнымъ и болѣе или менѣе населеннымъ, только между заставой Цзя-юй-гуань и Хами, на пространствѣ 750 верстъ, лежитъ песчаная степь, прекращающаяся только въ 65 верстахъ отъ оазиса Хами. На этомъ пути основаны китайцами нѣсколько поселеній и устроены станціи. Замѣчательные пункты въ военномъ отношеніи на южной дорогѣ суть: Комулъ съ запасами хлѣба и оружія и Бюгуръ. Городъ этотъ лежитъ среди непроходимыхъ болотъ и можетъ съ небольшими силами защищать южную дорогу. Изъ Пекина караваны и войска идутъ до Аксу 4½ и 5 мѣсяцевъ, а экстренная почта въ одинъ мѣсяцъ.

Отъ Аксу до Или (Кульджи), средоточія военнаго и гражданскаго управленія западнаго края, считается 615 верстъ; дорога проходитъ мѣстами въ высшей степени гористыми. На этомъ пути лежитъ знаменитый проходъ ледниковъ Джепарле. Скорое сообщеніе по этой дорогѣ производится въ 15 дней; на пути есть уртенги. Изъ Аксу главная трактовая китайская дорога идетъ въ Ушъ-Турфанъ и Еркендъ. До Ушъ-Турфана полагаютъ 120 верстъ, а до Еркенда 670. На пути въ Еркендъ, въ 290 верстахъ, лежитъ городъ Барчукъ съ китайскимъ гарнизономъ и переправой. Отсюда есть прямая дорога въ Кашгаръ; разстояніе между Кашгаромъ и Барчукомъ полагаютъ около 240 верстъ; торговые караваны ходятъ

всегда изъ Аксу прямо въ Кашгаръ по этой дорогѣ. Изъ Еркенда трактовый путь идетъ въ Кашгаръ, чрезъ Янысаръ и въ Хотанъ. Отъ Еркенда до Янысара 170, отъ послѣдняго до Кашгара 85 верстъ; разстояніе между Хотаномъ и Еркендомъ считаютъ въ 405 верстъ. Китайскія войска и казенные транспорты ихъ ходятъ въ Кашгаръ и Хотанъ чрезъ Еркендъ.

Кромѣ этихъ путей есть изъ Аксу прямая дорога въ Хотанъ по теченію Хотанъ-дарьи (по ней ходу караваннаго 18 дней, а скорой ѣзды 15) и два пути изъ Ушъ-Турфана въ Кашгаръ. Одинъ изъ Ушъ-Турфана выходитъ прямо на 4 станцію по еркендскому пути, потомъ въ Барчукъ и оттуда въ Еркендъ и Кашгаръ, а другой прямо въ Кашгаръ; послѣдній идетъ вверхъ по теченію Кокшала и выходитъ черезъ караулъ Бокчанъ на Алтынъ-Артышъ; по этой дорогѣ считается до Кашгара 350 верстъ. Путь этотъ проходитъ мѣстами необитаемыми, но обильными кормами и топливомъ. Дороги, идущія изъ Аксу въ Ушъ, Кашгаръ, Еркендъ и Хотанъ пролегаютъ чрезъ мѣста населенныя, а послѣднія три по теченію рѣкъ, которыхъ береговыя поймы представляютъ прекрасные природные луга; дороги, проходящія по подножію горъ, идутъ по мѣстамъ густо населеннымъ, кромѣ дороги изъ Турфана въ Кашгаръ.

Въ древнія времена китайцы сообщались съ западнымъ краемъ чрезъ Гуа-Чжеу (въ 200 верстъ на западъ отъ Цзяюй-гуань) прямо по песчаной степи въ Хотанъ; но въ настоящее время путь этотъ совершенно закрытъ. Изъ Турфана чрезъ Лобноръ также есть дорога въ Хотанъ, но также закрыта, какъ первая.

Несмотря на огромное свое пространство, Восточный Туркестанъ представляетъ замѣчательное однообразіе климата, которое можно объяснить только особенностями географическаго положенія. Горныя страны, лежащія въ сосѣдствѣ, пользуются другими климатическими условіями, чѣмъ Мало-Бухарская равнина; въ горахъ и лѣтомъ бываютъ снѣжные бураны. Во все лѣто царствуетъ прохлада, снѣга въ долинахъ лежатъ до мая и іюня мѣсяцевъ, не говоря о горныхъ вершинахъ, которыя вѣчно покрыты снѣгомъ; зима начинается

съ октября, по крайней мѣрѣ караванъ, выступившій изъ Кашгара при нашемъ пріѣздѣ (1 октября), возвратился обратно потому, что Теректинское ущелье было покрыто непроходимыми снѣгами.

Теперь мы будемъ говорить о климатѣ низменнаго пространства и исключительно о территоріи «шести городовъ». Начнемъ по нашимъ личнымъ наблюденіямъ. 27 сентября, когда мы вышли на южный склонъ Тянь-шаньскаго хребта, въ Теректинское ущелье, берега рѣки Теректы были покрыты изумрудною зеленью деревьевъ и кустовъ; термометръ показывалъ 22° по Реомюру; при входѣ въ Кашгаръ нашъ караванъ проходилъ между фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ женщины и дѣти срѣзывали оставшіяся виноградныя лозы, а гранаты еще висѣли на вѣтвяхъ. Сарачинское пшено и хлопчатая бумага большею частію еще не были сняты. На базарахъ продавались свѣжія овощи и фрукты: яблоки, айва, груши, персики и фиги. Съ 27 сентября до половины ноября, погода стояла постоянно теплая и ясная, жары доходили до +23°, около 10 ноября ночи сдѣлались холоднѣе и стали падать листья, а въ каналахъ вода покрылась тонкимъ льдомъ, такъ что 14 ноября въ арыкахъ остановили воду. Декабря 19 выпалъ первый снѣгъ и продолжался до полудня слѣдующаго дня; второй разъ, 7 января, шелъ цѣлый день до полночи и потомъ 12 января до утра 14 числа. Большею частію термометръ стоялъ выше 0 и на 0; только два раза спускался: 19 декабря до 8° и 16 января до 16°. Всю зиму рѣки Кизылъ и Тюмень не замерзали, но городскіе пруды покрывались льдомъ въ четверть аршина толщины. Послѣ китайскаго новаго года, который туземцы считаютъ за начало весны, дѣйствительно дни вдругъ сдѣлались теплѣе. 14 февраля въ каналахъ появилась вода, и природа быстро начала пробуждаться. Въ послѣднихъ числахъ февраля продавали, какъ новинку, пирожки начиненные первыми отростками зелени, а 9 марта на дворѣ нашей квартиры нѣсколько деревьевъ совершенно распустили листья. Во все время до выхода каравана изъ равнины (17 марта) погода стояла ясная и теплая, только 14 и 15 чиселъ дулъ теплый СВ. вѣтеръ. Вообще

туманы и дожди были очень рѣдки; два дня, и то непостоянно, покрапывалъ дождь. Въ началѣ февраля вѣтры дули очень часто и всегда З. или СЗ. На основаніи этихъ данныхъ и по свидѣтельству жителей, весна открывается здѣсь въ началѣ февраля, нѣсколько позже, чѣмъ въ сосѣдней Ферганской долинѣ, потому что кокандцы, пріѣхавшіе передъ нашимъ отъѣздомъ и бывшіе въ дорогѣ 15 дней, говорили, что при въѣздѣ ихъ въ Кокандъ цвѣлъ абрикосъ. Лѣто, говорятъ, отличается сильными жарами и воздухъ дѣлается невыносимо удушливъ отъ густыхъ облаковъ пыли, тѣмъ болѣе, что не охлаждается дождями, которые здѣсь весьма рѣдки. Жители Восточнаго Туркестана необыкновенно боятся грозы. Если горизонтъ покрывается тучей, то всѣ ахуны со своими школьниками выходятъ на террасу мечетей и читаютъ громко молитву «Кнутъ», которой приписываютъ силу разгонять облака. Причины боязни заключаются въ томъ, что послѣ дождей земля покрывается солями, вслѣдствіе того бываетъ худой урожай и, наконецъ, потому, что всѣ дома, построенные изъ битой глины, имѣютъ плоскія крыши, такъ что если бы здѣсь шли проливные дожди, то города Малой Бухаріи подвергнулись бы несомнѣнному разрушенію. Зима имѣетъ, какъ говорятъ, тотъ же характеръ, какъ бывшая при насъ, т. е. снѣгъ лежитъ не болѣе 3 или 4 дней; рѣки всю зиму не замерзаютъ. Холодными считаются зимы, когда рѣки по берегамъ покрываются льдомъ. Сильные холода бываютъ въ концѣ двѣнадцатаго мѣсяца по китайскому исчисленію, т. е. въ январѣ; а съ китайскаго праздника новаго года, который туркестанцы называютъ монгольскимъ словомъ «Чаганъ», начинается весна. Постепенный переходъ отъ лѣта къ осени и рѣзкій переходъ отъ зимы къ веснѣ, составляетъ климатическую особенность страны. Смѣна 4-хъ годовыхъ фазовъ сопровождается слѣдующимъ видоизмѣненіемъ въ растительности: въ среднихъ числахъ марта цвѣтетъ абрикосъ, потомъ другія деревья распускаютъ листья, искуственные луга покрываются свѣжими отростками густой зелени мусу-ю, потомъ появляются въ поляхъ тюльпаны и вѣтренницы; въ апрѣлѣ начинаютъ завязываться плоды на абрикосахъ; въ концѣ мая, созрѣваютъ тутовыя ягоды, абри-

косы и дыни, называемыя «замуша». Въ это время снимаютъ ячмень и на мѣсто его садятъ морковь, лукъ, рѣпу и другіе огородные овощи. Съ іюня до августа созрѣваютъ персики, яблоки, а остальные хлѣба и фрукты спѣютъ въ августѣ. Къ сентябрю и до октября остается: конопля, сезамъ, рисъ, джугара, кукуруза и хлопчатая бумага.

Господствующіе вѣтры здѣсь, западный и сѣверо-западный, дуютъ преимущественно весною и всегда подымаютъ пыль и густыя облака песку, которымъ покрыта глинистая почва. Янысаръ, Еркендъ и Хотанъ находятся почти подъ одинаковыми климатическими условіями съ Кашгаромъ; въ Хотанѣ зима бываетъ еще менѣе замѣтна. Въ Турфанѣ, Аксу, особенно въ Баѣ и Сайрамѣ, которые лежатъ ближе къ горамъ и сѣвернѣе, лѣтомъ большихъ жаровъ не бываетъ и зима болѣе чувствительна. Рѣки покрываются льдомъ, но снѣгъ падаетъ въ концѣ января и тотчасъ же таетъ; впрочемъ, все это не мѣшаетъ произрастанію въ Аксу: гранатъ, фиговыхъ деревьевъ и хлопчатой бумаги. Надо полагать, основываясь на свидѣтельствѣ императора Канъ-си и патера Жербильона о культурѣ апельсинныхъ деревьевъ, что Комулъ пользуется болѣе благорастворенымъ климатомъ; въ восточныхъ городахъ, какъ говорятъ, зима бываетъ холодная, а лѣто крайне жаркое. По растительнымъ своимъ произведеніямъ славится тамъ городъ Турфанъ и Комулъ, особенно послѣдній дынями, которыя употребляются при китайскомъ дворѣ.

Климатъ Восточнаго Туркестана, судя по здоровью жителей и, наконецъ, по благодѣтельному дѣствію на иностранцевъ, долженъ быть чрезвычайно здоровъ. Эпидемическія опустошительныя болѣзни туркестанцамъ вовсе неизвѣстны, кромѣ оспы, отъ которой въ прежнія времена вымирали цѣлыя селенія, и жители въ паническомъ страхѣ удалялись въ горы, теперь же стали прививать оспу. Не смотря на излишнее употребленіе плодовъ, овощей и всеобщее куреніе гашиша, которое, какъ извѣстно имѣетъ разрушительное вліяніе на организмъ, больные между туркестанцами рѣдки. Венерическая болѣзнь, несмотря на большой развратъ, еще не распространилась. Во всемъ Кашгарѣ мы знали только двухъ лицъ легко

обезображенныхъ этой болѣзнію, туземцы - мужчины имѣютъ крѣпкое сложеніе, сильны, по рѣдко достигаютъ глубокой старости. Женщины имѣютъ слабое сложеніе и вслѣдствіе ранняго замужества (12 даже иногда и 10 лѣтъ), подвержены разнымъ хроническимъ болѣзнямъ; въ 50 лѣтъ кашгарки также дряхлы, какъ у насъ женщины въ 70 и 80 лѣтъ. Въ Еркендѣ развиты опухоли шейныхъ железъ или зобы; причины этой болѣзни туземцы приписываютъ свойству воды. Она встрѣчается также въ Кокандѣ.

Переходя теперь къ естественнымъ произведеніямъ Малой Бухаріи, мы укажемъ на главныя характеристическія черты производительности края. Минеральныя богатства Малой Бухаріи очень мало изслѣдованы. Золото вымывается въ селеніи Карья въ такомъ количествѣ, что жители подать свою оплачиваютъ этимъ металломъ и имѣютъ возможность продавать въ частныя руки. Ежегодно ко двору отправляется изъ Хотана до 80 лановъ золота. Мѣдь добывается въ Аксу, Сайрамѣ и Кучѣ; аксуйская, извѣстная своею ковкостью, заключаетъ, какъ говорятъ туземцы, значительную примѣсь драгоцѣнныхъ металловъ, но туземцы не умѣютъ отдѣлять ихъ.

Восточный Туркестанъ производитъ въ изобиліи: сѣру, нашатырь, квасцы и селитру. Вулканическая почва окрестностей города Кучи особенно знаменита, какъ главное мѣсто-рожденіе этихъ матеріаловъ. Въ Ушъ-Турфанѣ и еркендскомъ округѣ добываютъ горючую сѣру; въ Сарамѣ и Ушъ-Турфанѣ селитру. Соляныя копи лежатъ въ горахъ Янъ-чи-шань на востокъ отъ Аксу. Къ числу замѣчательныхъ минеральныхъ произведеній Восточнаго Туркестана относится нефридъ или восточная яшма (Jaspe orientale), камень чрезвычайно уважаемый въ Китаѣ подъ названіемъ Ю; нефридъ бываетъ двухъ породъ: горный, у туземцевъ *лоуча*, или *бишъ базганъ*, котораго обломки лежатъ въ 115 верстахъ отъ Еркенда, въ горахъ Мирджай и Суташъ, добываемый въ рѣкѣ Юлгункашъ (по китайскому произношенію Юрунъ-кашъ), подъ особеннымъ надзоромъ китайскаго офицера. Ежегодно отправляютъ въ Пекинъ до 10 гиновъ горнаго нефрида и все количество улова въ рѣкѣ Юрункашѣ; частная продажа строго воспрещается китайскимъ

правительствомъ. Разработка серебряныхъ, желѣзныхъ и свинцовыхъ рудъ и каменнаго угля въ Малой Бухаріи не производится и, сколько намъ извѣстно, серебро, желѣзо и каменный уголь, покрайней мѣрѣ въ территоріи «шести городовъ», еще не открыты. Въ китайской исторіи упоминается о серебряныхъ рудахъ въ Комульскихъ окресностяхъ, но не знаемъ въ какой степени это правдоподобно.

Два завода: мѣдный и свинцовый, лежащіе на пути изъ Кашгара въ Кокандъ, по политическимъ причинамъ, оставлены безъ разработки. Такъ какъ большая часть минеральной добычи этой страны идетъ въ дань Китаю, а вся мѣдь отправляется на монетный дворъ въ Аксу, то далеко не удовлетворяется потребность жителей. Желѣзо, чугунъ, свинецъ, мѣдь и латунь получаютъ изъ Коканда, куда эти металлы привозятся, въ массахъ и въ видѣ издѣлій, изъ Россіи. Недостаточныя металургическія познанія и незнаніе самыхъ простыхъ пріемовъ руднаго дѣла препятствуютъ туркестанцамъ пользоваться ископаемыми богатствами, которыми должны быть богаты нѣдра горъ, окружающихъ Малую Бухарію. Кокандцы въ верховьяхъ р. Сыръ, вытекающей изъ Тянь-шаня, вымываютъ, какъ говорятъ, значительное количество золота; въ горахъ на востокъ отъ Анджана разрабатываютъ серебристый свинецъ. Особенно богатъ ископаемыми драгоцѣнностями Болоръ. Извѣстно, что главную статью торговли Каратигена съ Кокандомъ составляетъ золото въ самородкахъ, а Бадакшана съ Еркендомъ: невольники, золото, Lapis lazuli, бирюза и рубины. Памирскіе киргизы привозятъ въ Еркендъ и Кашгаръ горный хрусталь, разныя яшмы и самородки золота. Сюань-Цзанъ, китайскій путешественникъ, VII вѣка, упоминаетъ, что сторона Помоло (Памиръ) производитъ золото огненнаго цвѣта. Въ Куэнъ-Лунѣ еще не были производимы минеральные поиски, но надо полагать, что этотъ хребетъ не лишенъ металлическихъ кладовъ. Рѣка Карія съ золотыми пріисками вытекаетъ изъ этихъ горъ. Названіе Заръ-Авшанъ (золотоносная), которое имѣютъ нѣкоторыя рѣки, вытекающія изъ него, и преданіе, распространенное въ Малой Бухаріи, что владѣтель Гильгитовъ хранитъ въ своей пещерѣ огромные брусья золота,— подтверждаетъ это предположеніе.

Природная растительность Малой Бухаріи бѣдна и породы ея не разнообразны. Характеръ туземной флоры имѣетъ общую аналогію съ степною растительностію Илийской долины. Сѣверный склонъ Тянь-шаня, обращенный на долину Иссыкъ-куля, имѣетъ богатую альпійскую флору, которая представляетъ роскошные луга густой зелени и яркихъ цвѣтовъ; скаты горъ покрыты обширными пихтовыми лѣсами, рябиной, иргаемъ (Cotoneaster multiflora), а по берегамъ рѣкъ: барбарисомъ, жимолостью, альпійской смородиной, шиповникомъ и проч. Выше хвойной зоны растетъ можжевельникъ (Juniperus sabina) и чилига, верблюжій хвостъ (Caragana jubata). Южный склонъ Небесныхъ горъ, ниспадающій на Мало-Бухарскую равнину, на западъ отъ меридіана Аксу, состоитъ изъ глинистаго сланца, конгломерата, а низшія предгорія изъ пластовъ слоистой глины. Обнаженныя скалы южнаго склона имѣютъ тамъ и сямъ изолированно растущія тощія травы, или совершенно голы. Киргизскіе козы и бараны осенью едва находятъ пищу. На востокъ отъ Аксу горы покрыты хвойными лѣсами (пихтой); имѣютъ богатыя горныя пастбища. Нагорье Сыртъ, исключая долинъ рѣкъ Атбашъ, Арпа и Нарынъ неспособно къ культурѣ, безлѣсно, покрыто мелкой но густой травою. На равнинахъ Атбаша и Арпа киргизы сѣютъ пшеницу, ячмень и просо; онѣ также лишены деревьевъ и кустовъ и поросли мелкой травой: ковылемъ и чернобыломъ. Углубленное теченіе Нарына образуетъ плодородную долину, имѣющую высоту равную Иссыкъ-кульской. Берега Нарына окаймлены лѣсомъ изъ облепихи (Hipophae rhamnoides), ивы, тополи и разныхъ чилигъ, а горы одѣты густымъ пихтовымъ лѣсомъ и растеніями свойственными альпійскимъ зонамъ сѣвернаго склона. Въ той части Тянь-шаня, которая примыкаетъ къ Болору, появляется таволга (Spirea), можжевельникъ и иргай (Catoneaster multiflora).

Послѣднее растеніе и разные виды лилейныхъ: тюльпаны и лукъ характеризируютъ болорскую флору, которая, какъ говорятъ, богата пастбищными лугами. Куэнъ-Лунъ, по свидѣтельству Томпсона, представляетъ относительно флоры крайнюю бѣдность: скалы его покрыты одиноко торчащими растеніями

ніями, въ которыхъ преобладаютъ астрагалы. Растительное свойство Малой Бухарской равнины еще печальнѣе. Внутренняя масса страны представляетъ безплодную степь, состоящую или изъ песчаныхъ дюнъ съ неизбѣжнымъ саксауломъ (Anabasis Saxaul), или изъ обширныхъ пустынь съ обнаженнымъ грунтомъ, пропитанныхъ солями. Болѣе плодородными считаются мѣста, лежащія между подошвами горъ и песками; въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда мы пріѣхали въ Кашгаръ, окрестности этого города имѣли рѣдкую растительность, характерные виды которой были: колючій янтакъ (верблюжій терновникъ), гребенщикъ, артемизія и разные злаки, свойственные песчано-глинистой почвѣ, каковы чи и рисъ (Iris angustifolia). По чрезвычайной сухости климата и отъ свойствъ почвы растительность держится только по близости водъ. Теченіе рѣкъ сопровождается двумя узкими лентами зелени и лѣсомъ изъ разныхъ кустарниковъ и лиственныхъ деревьевъ. Туземцы эти береговые лѣса называютъ персидскимъ словомъ *дженгель*, отъ котораго происходитъ англійское (jungle), принятое въ Индіи; у насъ въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири подобныя рощи называются уремой. Мало-Бухарскіе уремы въ верхнемъ теченіи рѣкъ характеризируются низкими кустами облепихи и гребенщика—въ Тянь-шанѣ, и иргаевыми рощами—въ Болорѣ. Въ среднемъ теченіи, когда рѣка выходитъ въ предгорье, урема дѣлается разнообразнѣе, попадаются тополи, ивы, барбарисъ розовый и черный, жимолость, шиповникъ, желтоцвѣтная карагана (Caragana frutescens) и другіе мотыльковые кустарники (Halimodendron argenteum); иргай въ этомъ теченіи прекращается, а облепиха получаетъ большой ростъ. Въ нижнемъ теченіи, т. е. близъ впаденія отъ увеличивающаго давленія воды, рѣки дѣлаются шире и разливами образуютъ поемные луга и камышевые заросты, а дженгели одѣваютъ берега густой и широкой каймой и въ нихъ появляются новые виды: боярка и джигда (Eleagnus angustifolia). Послѣ сліянія этихъ рѣкъ въ Таримѣ, урема исчезаетъ, а берега Тарима обращаются въ широкія и болотистыя топи, поросшія густымъ тростникомъ и камышемъ.

При помощи тщательной ирригаціи и вѣковой обработки

культурная растительность Малой Бухаріи довольно разнообразна. Окрестности городовъ и селеній окружены густыми садами, въ которыхъ произрастаютъ нѣжные плоды, каковы: гранатъ и фига; плантаціи хлопчатой бумаги и искуственные луга покрываютъ большія пространства, а низменныя мѣста засѣяны рисомъ. Въ Малой Бухаріи воздѣлываются слѣдующія растенія. Хлѣбныя: рисъ, пшеница, ячмень, джугара или гауленъ двухъ родовъ, красный (Holcus Sorghum) и бѣлый, извѣстный у насъ подъ названіемъ сахарнаго, чечевица, кукуруза и очень рѣдко просо; овесъ не разводится. Изъ красильныхъ и фабричныхъ растеній Восточный Туркестанъ производитъ: хлопчатую бумагу, которая принадлежитъ травянистой породѣ Gossypium herbaceum, коноплю, кунжутъ (Sesamum orientale), марену (Rubia tinctorum) и табакъ. Въ огородахъ растутъ разныя тыквенныя растенія: дыни нѣсколькихъ породъ, отмѣннаго вкуса арбузы, тыква горлянка, рѣпа, морковь, рѣдька свекла, лукъ, мята, горохъ (Cicer arietinum), макъ и шафранъ. Огурцы очень рѣдки и принадлежатъ къ породѣ, которая извѣстна подъ названіемъ китайской. Въ садахъ разводится ива, тополь (Populus pruinosa), свойственные туземной флорѣ, и пирамидальныя съ серебристыми листьями тутовыя деревья, джигда (Elaeagnus hortensis) и чилямъ,—послѣднія два растенія даютъ плоды, похожіе по вкусу на финики; изъ первой еще получается клей. Изъ фруктовыхъ деревьевъ растутъ яблоки двухъ родовъ, но посредственнаго достоинства, груши, лучшія въ Средней Азіи, бергамоты. персики, абрикосы, айва, гранаты и фиги. Виноградъ здѣсь произрастаетъ преимущественно двухъ породъ: хусейни, бѣлый продолговатый, чрезвычайно вкусный и сахиби, круглый краснаго цвѣта. Поименованныя растенія свойственны всей Мало-Бухарской долинѣ; мѣста же, лежащія въ горахъ, составляютъ исключеніе, напримѣръ, въ Сайрамѣ и Баѣ персики, гранаты и фиги не растутъ; но виноградъ и хлопчатая бумага разводятся съ успѣхомъ. Кромѣ того въ Еркендѣ растутъ вишни, черносливъ и грецкій орѣхъ. Селеніе Каргалыкъ, еркендскаго округа, исключительно занимается разведеніемъ орѣховыхъ деревьевъ и продажа ихъ плодовъ составляетъ предметъ торговли этого мѣ-

стечка. Изъ этого очерка видно, что растительность Малой Бухаріи бѣдна и культура въ упадкѣ. Не говоря о европейскихъ странахъ, лежащихъ подъ однѣми широтами, которыя отличаются богатствомъ и разнообразіемъ полутропическихъ поясовъ, флора Малой Бухаріи бѣднѣе азіатскихъ странъ этой полосы. Растительность горъ Джунгаро-киргизской степи представляетъ, въ естественныхъ породахъ, гораздо болѣе богатства. Въ окрестностяхъ Вѣрнаго дико растетъ абрикосъ, яблоки; лиственныя деревья отличаются большимъ ростомъ, а травная растительность богата до неимовѣрности, хотя тамъ бываетъ суровая зима и глубокіе снѣга. Сосѣдняя Ферганская долина считается лучшей страной во всей центральной Азіи. Горы ея покрыты хвойными лѣсами, грецкими орѣшниками, фисташковыми кустарниками; хлѣбопашество и садоводство составляетъ немаловажный предметъ торговли; кромѣ растеній, разводимыхъ въ Малой Бухаріи, въ садахъ Ферганы, произрастаетъ миндаль, сливы; даже Бухара, представляющая островъ плодородной земли среди песчанаго океана, имѣетъ, какъ извѣстно, болѣе культурныхъ видовъ, чѣмъ Малая Бухарія.

Восточный Туркестанъ характеризуется отсутствіемъ луговыхъ мѣстъ, плохимъ состояніемъ обработки земли, безлѣсіемъ и безплодіемъ окружающихъ горъ. Причиною растительной бѣдности края нужно считать не высокое положеніе страны, растительность въ этой полосѣ можетъ быть на значительной высотѣ, чему служитъ доказательствомъ виноградъ и персики, созрѣвающіе на берегахъ Иссыкъ-куля, а въ свойствѣ почвы, которая никогда не увлажняется дождями, и въ недостаточной обработкѣ земли. Въ заключеніе о растительныхъ продуктахъ мы считаемъ нужнымъ сказать, что около Кашгара нигдѣ не растетъ сахарный тростникъ, о которомъ упоминаютъ китайскія лѣтописи въ I столѣтіи по Р. X. и на который Риттеръ совѣтуетъ обратить вниманіе. Мы думаемъ, что подъ этимъ названіемъ китаецъ разумѣлъ или сахарное сорго или джугару, которыхъ стебли заключаютъ сладкій сокъ, лакомый для туземныхъ дѣтей.

Царство животныхъ имѣетъ нѣсколько характерныхъ видоизмѣненій, въ горахъ много волковъ, лисицъ, шакаловъ, ры-

сей, медвѣдей, куницъ (бѣлодушки), горные козлы (Capra tatarica) и бараны (Ovis argali) живутъ на скалистыхъ вершинахъ. Олени скрываются въ лѣсахъ. Альпійскіе сурки покрываютъ своими норами Ю.-З. склоны всѣхъ возвышенностей въ высокомъ нагорьи Тянь-шаня; въ болотистыхъ мѣстахъ около истоковъ рѣкъ много крысъ. Въ песчаныхъ степяхъ, какъ говорятъ, бродятъ во множествѣ стада дикихъословъ (Equus Onager) и джейрановъ (Antilope subgutturosa), китайцы часто упоминаютъ объ охотѣ на дикихъ верблюдовъ, которою занимались владѣтели этихъ городовъ въ древнія времена. Хотя туземная рукопись, имѣющаяся у насъ, совершенно подтверждаетъ этотъ замѣчательный фактъ, по тѣмъ не менѣе туземцы не могли дать намъ положительныхъ извѣстій, и потому, надо полагать, что въ настоящее время дикіе верблюды или уничтожены, или удалились въ неприступныя страны Мало-Бухарской Сахары. Равнинной полосѣ свойственны лисицы-караганки (Canis melanotus) и корсакъ (Canis Corsac). Въ джengеляхъ водятся тигры, кабаны и зайцы (русаки). Птицы изъ отряда хищныхъ обитаютъ въ горахъ; извѣстныя намъ породы суть: ягнятникъ (Gypaetos barbatus), пріобрѣтшій въ описаніяхъ китайцевъ величину съ верблюда, грифъ (Vultur fulvus), беркутъ (Aqvila nobilis), соколъ, ястребъ и проч. Беркутъ единственная птица, употребляемая туземнымъ дворянствомъ для охоты на лисицъ и горныхъ козъ, получается преимущественно изъ Хотана; сокола и ястреба привозятся изъ хвойныхъ лѣсовъ Аксуйскаго округа и пріучаются для охоты кокандцами. Изъ породы куръ свойственны горамъ: уларъ величиною съ глухого тетерева съ пепельно-сѣрыми перьями и съ красными кругами около глазъ, и кикликъ, величиною съ куропатку, также сѣраго цвѣта съ двумя черными полосами около глазъ и съ черными и красноватыми полосками на груди. Эти птицы свойственны и другимъ горнымъ странамъ Азіи, особенно джунгарскому Алатау. Уларъ имѣетъ нѣжное мясо и считается въ Кокандѣ лучшимъ жаркимъ; кикликъ также имѣетъ вкусное мясо и пріучается, какъ пѣтухи въ Англіи, къ боямъ. Въ дженгеляхъ и камышахъ есть фазаны, перепелки, а на равнинѣ летаютъ стадами степные голуби

(Syrrhaptes paradoxus Jllig.) [1]). Въ городахъ видны вороны, грачи, сороки, воробьи, скворцы и проч.

Водяныхъ птицъ въ мѣстахъ населенныхъ и въ горныхъ озерахъ встрѣчается очень мало, и по большей части утки и гуси, но въ нижнемъ теченіи Тарима и особенно на озерѣ Лобнорѣ лебедей, гусей, утокъ и другихъ водяныхъ птицъ, по свидѣтельству туземцевъ и китайскаго писателя, такъ много, что туземцы одѣваются въ пуховые тулупы и спятъ на постеляхъ изъ птичьяго пуху. Замѣчательно, что Восточный Туркестанъ не посѣщается аистами, которые въ Западномъ Туркестанѣ покрываютъ своими гнѣздами мечети и зданія и гуляютъ по улицамъ вмѣстѣ съ домашними животными.

Рѣки Малой Бухаріи и озеро Лобноръ содержатъ въ себѣ много рыбы. Китайцы разсказываютъ, что лобнорцы, пріѣзжая по дѣламъ въ Корло (селеніе Кучасской округи), привозятъ съ собою для пищи рыбу, потому что другой пищи не могутъ ѣсть. Другіе туркестанцы почти не употребляютъ рыбную пищу. Судя по общему характеру естественныхъ произведеній этой страны, рыбы должны принадлежать къ тѣмъ же породамъ, какія водятся въ рѣкахъ Балхашской и Арамской системъ.

Песчано-глинистая почва Малой Бухаріи скрываетъ въ своихъ щеляхъ много ядовитыхъ паукообразныхъ, каковы: скорпіоны, фаланги и тарантулы, особенно много здѣсь разнообразныхъ ящерицъ, змѣй мы не видали, но говорятъ, что ихъ мало и случаи укушенія очень рѣдки. Лѣтомъ бываетъ много слѣпней, комаровъ и мошекъ, особенно въ болотистыхъ мѣстахъ, покрытыхъ камышемъ. Изъ полезныхъ насѣкомыхъ въ Малой Бухаріи существуетъ шелковичный червь, разводимый въ одномъ только Хотанѣ и его окрестностяхъ. Говорятъ, что около этого города водятся въ дикомъ видѣ шелковичныя бабочки.

Домашнія животныя Малой Бухаріи принадлежатъ къ породамъ, разводимымъ сосѣдними народами. Лошади принадлежатъ къ киргизской породѣ, пригоняются изъ Большой и Дикокаменной ордъ. Только богатые люди и извощики содержатъ ихъ десятками, потому что круглый годъ, по недо-

[1]) Tetrao Paradoxus Pall.

статку природныхъ кормовъ, нужно довольствовать скотъ сухимъ фуражемъ. По особому предубѣжденію, изъ подражанія китайцамъ, туземное дворянство предпочитаетъ киргизскихъ лошадей, а потому туркменскія лошади здѣсь рѣдки и содержатся только у кокандцевъ для верховой ѣзды; онѣ принадлежатъ или къ чистой крови—топчакъ, или къ смѣшанной—карабаиръ. Беки, слѣдуя китайской модѣ, употребляютъ въ упряжъ муловъ, которые въ другихъ мусульманскихъ странахъ считаются животными нечистыми и разведеніе ихъ принимается за большой грѣхъ. Верблюды принадлежатъ къ породѣ, разводимой въ Монголіи, и употребляются только китайцами для транспорта казенныхъ обозовъ и чайныхъ каравановъ и изрѣдка кокандцами. Туркестанцы занимаются только разведеніемъ овецъ, яковъ и ословъ.

Приступая къ топографіи городовъ и селеній Восточнаго Туркестана, мы, чтобы избѣжать повтореній, прежде всего укажемъ на общій ихъ характеръ. Внѣшній видъ городовъ Восточнаго Туркестана однообразенъ и печаленъ. Такъ какъ мечети въ Малой Бухаріи строются безъ минаретовъ—въ одномъ только Еркендѣ есть башня на старинной мечети регистанъ—и такъ какъ дома не высоки и имѣютъ плоскія крыши, то путешественникъ, подъѣзжая къ городу, видитъ только глиняныя стѣны одного цвѣта съ грунтомъ окружающей мѣстности и по угламъ ихъ легкія, рѣшетчатыя башни китайской архитектуры. Всѣ города Восточнаго Туркестана обнесены стѣной, которая кверху съуживается и имѣетъ около 5 саженъ толщины; высота ихъ бываетъ до 8 и болѣе саженей. Около воротъ и по угламъ сдѣланы контрфорсы. Ворота досчатыя и строятся въ три ряда. Вокругъ стѣны, съ наружной стороны окопаны рвы въ 3 сажени и болѣе глубины, чрезъ которые переброшены мосты. Дома строятся тоже изъ глины, не исключая и дворцовъ правителей, имѣютъ плоскія крыши и окружены стѣной. Внутренность ихъ заключаетъ открытую площадь съ бассейномъ, осѣненную нѣсколькими деревьями, жилье, конюшню и иногда садъ. Комнаты бываютъ большія и малыя; большія имѣютъ открытый верхъ; около стѣнъ сдѣланы изъ глины, замѣняющія мебель, возвышенія, надъ которыми по-

строены навѣсы. Внутреннія комнаты покрыты потолкомъ изъ тонкихъ вѣтвей, имѣютъ сверху маленькія отверстія для свѣта. Огонь разводится въ каминахъ, а зимой ставятъ среди комнаты еще жаровню съ углями. У богатыхъ людей внутреннія стѣны бываютъ выштукатурены, ниши въ стѣнахъ украшаютъ арабесками; многія дѣлаютъ китайскія окна и оклеиваютъ ихъ бумагой. Все это зависитъ отъ достатка хозяина. Стѣны одного дома плотно примыкаютъ къ стѣнѣ другого, отъ того съ улицы видны однѣ только стѣны и двери; только мечети, медресе и другія общественныя зданія однимъ фасомъ выходятъ на улицу и наружная сторона ихъ бываетъ выложена цвѣтными изразцами. Улицы неправильны и узки, только по главнымъ проходятъ двухколесныя арбы. Лавки, рестораны, цирюльни расположены по обѣимъ сторонамъ большихъ улицъ, т. е. улицъ, которыя идутъ изъ воротъ въ центръ города на торговую площадь. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ кроются навѣсомъ изъ циновокъ. Центръ города составляетъ обыкновенно соборная мечеть «регистанъ» или «айтга» и при ней базарная площадь, называемая обыкновенно «чарсу». Черезъ городъ проходятъ одинъ или два канала, обсаженные аллеями, которыя наполняются водой изъ нѣсколькихъ прудовъ. Зимой, когда вода въ каналахъ замерзаетъ и потому ихъ останавливаютъ, жители пользуются водою изъ прудовъ или привозятъ ее изъ рѣки.

Китайскія крѣпости, мань-чены или, какъ называютъ туземцы, гуль-баги, вооружены точно также, какъ мусульманскіе города. Если маньчены лежатъ близко къ туземному городу, то пространство между ними образуетъ улицу, на которой устроены китайскіе рестораны и лавки. Подобныя улицы называются гай-чанъ. Въ Еркендѣ и Хотанѣ гай-чанъ служитъ мѣстомъ для недѣльнаго базара. Въ Кашгарѣ, по дальному разстоянію, гай-чанъ остается пустымъ и незастроеннымъ. Туркестанскія селенія или деревни состоятъ изъ разбросанныхъ домовъ, стоящихъ отдѣльно одинъ отъ другого. Каждый домъ обнесенъ стѣной, окруженъ садами, огородами и хлѣбными полями. Нѣсколько такихъ хуторовъ, соединенныхъ аллеями тутовыхъ и джигдовыхъ деревьевъ, составляютъ селеніе. Въ

болѣе многолюдныхъ селеніяхъ дома группированы тѣснѣе, но нѣтъ стѣнъ. Китайцы большія селенія называютъ городами, но туземцы называютъ ихъ *язы*, т. е. деревня. Относительно туземной администраціи, шесть западныхъ городовъ Восточнаго Туркестана составляютъ независимыя одно отъ другого вѣдомства или округа; такъ какъ китайцы не имѣютъ непосредственнаго вліянія па управленіе, то мы предпочитаемъ туземное дѣленіе.

1-й округъ) Кашгарскій.

Кашгаръ одинъ изъ наибольшихъ городовъ Восточнаго Туркестана, имѣетъ 16 тысячъ домовъ, расположенъ между рѣкамп Кизылъ и Тюмень, окруженъ глиняной стѣной въ 6 саженъ вышины, ширины же въ основаніи около 10 аршинъ, а вверху до 5 аршинъ; стѣна въ окружности имѣетъ около 12 верстъ и вооружена шестью башнями. Городъ имѣетъ двое воротъ: на восточной и юго-западной сторонахъ; первые называются «Сувдавза», а вторыя «Кумъ-давза» (песочныя). Улицы, благодаря постоянной сухости воздуха, не грязны, но неправильны, узки и только по двумъ главнымъ улицамъ могутъ проходить двухъ-колесныя арбы. Дома глиняные, кромѣ четырехъ медресэ и одной надгробной молельни, которыя съ наружной стороны обложены глазированными на китайскій манеръ изразцами. Городъ раздѣляется на двѣ почти равныя части; на старый городъ «Куне-шааръ» и новый «Яны-курганъ», основанный въ 1838 году правителемъ Зурдунбекомъ. Старый городъ имѣетъ положеніе на высокомъ яру, между тѣмъ какъ новый занимаетъ мѣстность гораздо ниже. Центръ города составляетъ площадь передъ дворцомъ хакимъ-бека и лежащая около нея торговая площадь (айтга)—площадь соборной мечети. Старый городъ раздѣляется на два квартала: чарсу и амбаръ-ичи, а новый на четыре: урдаалды, устанъбуп, юмалакъ-шааръ и анджанъ-куча. Въ Кашгарѣ считается 17 медресэ, 70 школъ (мектебъ), 8 караванъ-сараевъ и 2 базарныя площади (айтга и чаръ-су),—первая передъ соборною мечетью, а вторая—въ старомъ городѣ; отъ двухъ воротъ до центральной площади «айтга» идутъ двѣ главныя улицы, за-

нятыя лавками съ мясомъ и готовыми кушаньями, цирульнями и лавками ремесленниковъ. Улица отъ площади айтга на чаръ-суйскій базаръ, покрытая сверху навѣсомъ, составляетъ гостинный рядъ. Иностранные купцы занимаютъ лавки въ сараяхъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшіе: а) Андчжанъ-сарай, самый большой и на центральной площади; при этомъ сараѣ находится кокандская таможня, для очищанія пошлиною привозимыхъ иностранцами товаровъ, и б) Кунакъ-сарай, въ недальнемъ разстояніи отъ вышеупомянутаго, на улицѣ, идущей изъ песочныхъ воротъ на айтга, занятаго по преимуществу маргеланцами, купцами изъ города Шахрисебза и авганами. Изъ другихъ сараевъ, которые всѣ расположены по вышеупомянутой крытой улицѣ, болѣе извѣстны: уртюпинскій, занятый бухарцами и уртюпинскими татжиками, еркендскій, аксуйскій и еврейскій, кромѣ этихъ пунктовъ, при песочныхъ воротахъ, имѣются постоянные базары для продажи хлопчатой бумаги подъ названіемъ пахта-базаръ и гунъ-данъ для оптовой продажи дабы. Скотъ продается въ гайчанѣ внѣ городскихъ стѣнъ, около песочныхъ воротъ. Для наблюденія за спокойствіемъ города и благочиніемъ, въ двухъ мѣстахъ имѣются «тынза» или «дынуза»—родъ полиціи, одна тюрьма и застава при гунъ-данѣ для взиманія пошлины съ туземцевъ за производство дабы; сверхъ того, въ городѣ есть два пруда и каналъ (устэнъ), проходящій через весь городъ. Одинъ прудъ лежитъ противъ дома хакимъ-бека, а другой—въ кварталѣ Джеу-малакъ-шааръ. Въ каждую пятницу въ городѣ бываетъ базаръ, на который ремесленники изъ окрестныхъ деревень и городскіе жители выставляютъ произведенія своего недѣльнаго труда. Изъ селеній, принадлежащихъ къ Кашгарскому округу, извѣстны по системѣ рѣки Артышъ:

1) Группа селеній Устюнъ-Артышъ (верхній Артышъ), верстахъ въ 25 отъ Кашгара на сѣверъ; небольшое селеніе Аргу на сѣверо-западъ отъ Кашгара и отъ него въ 95 верстахъ (190 ли), Сааранъ на рѣчкѣ Термечукъ; Астынъ-Артышъ (нижній Артышъ), иначе Алтынъ-Артышъ (золотой), на сѣверо-востокъ и отъ Кашгара въ 60 верстахъ, замѣчателенъ гробницей и мечетью, построенными на могилѣ султана Сутукъ-Баграханъ-

Гази, которыя служатъ мѣстомъ пилигримства для набожныхъ мусульманъ. Колъ-Тайлакъ при впаденіи рѣки Артышъ въ Файзбатъ-дарью въ 57 верстахъ отъ Кашгара на востокъ. Бишкеримъ въ 12 верстахъ на сѣверо-востокъ, между рѣками Артышемъ и Тюменью. По рѣкѣ Тюмень лежитъ селеніе: Муши отъ Кашгара разстояніемъ около 70 верстъ на сѣверо-западъ, Саменъ и Тегусташъ или Дчжанъ-курганъ, предмѣстья, окружающія Кашгаръ, первое съ сѣверо-западной, а второе съ западной стороны; Джинчке и Аббатъ въ 12 верстахъ на востокъ отъ Кашгара, на лѣвомъ берегу Тюмени; Шаптанъ, на правомъ берегу рѣки Файзбатъ-дарьи ниже соединенія Тюмени съ Кизыломъ въ 42 верстахъ отъ Кашгара на востокъ, имѣетъ переправу. Файзбатъ, большое селеніе въ 52 верстахъ на южномъ берегу Файзбатъ-дарьи, Янгабатъ на южномъ берегу этой же рѣки противъ Койтоалака въ 15 верстахъ ниже Файзбата. Селенія по рѣкѣ Кизылъ: Тугузакъ въ 25 верстахъ; Тузгунъ на правомъ берегу этой же рѣчки въ 9 верстахъ на югъ отъ Кашгара. Селеніе Ханарыкъ мѣстопребываніе алимъ-ахуна, который считается главой черногорской партіи, на юго-востокъ отъ Кашгара въ 40 верстахъ на рѣкѣ Усень или Ханарыкъ, или Яманъ-Яръ. Селеніе Бурахатай, Уфалъ и Ташмалыкъ лежатъ у подножья горъ къ западу отъ Кашгара; до Ташмалыка считается около 180 верстъ, а до Бурахатая 60 верстъ. Изъ всѣхъ селеній Кашгарскаго округа наибольшія: Файзбатъ до 2.000 домовъ, Ханарыкъ то же число, Астюнъ-Артышъ 1.500 домовъ; всѣ они управляются хакимами, правителями и имѣютъ своихъ алимъ-ахуновъ (духовныхъ начальниковъ). Въ Файзбатѣ бываетъ базаръ разъ въ недѣлю, въ понедѣльникъ, въ Ханарыкѣ два раза въ недѣлю, въ воскресенье и вторникъ. Въ окрестностяхъ Кашгара находится нѣсколько гробницъ святыхъ, пользующихся большимъ уваженіемъ туземцевъ и другихъ азіатцевъ. Гробница Аппакъ-ходжи лучшее зданіе во всемъ Кашгарскомъ округѣ, лежитъ въ 6 верстахъ отъ города, къ сѣверо-востоку, на лѣвомъ берегу рѣки Тюмени. Она построена изъ жженаго кирпича и украшена съ наружной и внутренней сторонъ цвѣтными изразцами; карнизы убраны рогами горныхъ барановъ,

козъ и оленей, принесенныхъ въ жертву; знамена и бунчуки украшаютъ входъ и самый склепъ. При гробницѣ находится большая мечеть, построенная однимъ изъ сыновей ходжи съ прекраснымъ сфероидальнымъ куполомъ. Гробница Акъ-мазаръ и Падшаханъ-ходжа на дорогѣ въ Артышъ, верстахъ въ 11 отъ Кашгара. Въ самомъ городѣ есть гробница Абразыкъ-казы-ходжа; кромѣ того, есть много другихъ, но поименованныя болѣе извѣстны. Китайскій городъ (Маньченъ) лежитъ въ 7 верстахъ на югъ отъ Кашгара, на правомъ берегу рѣки Кизылъ, окруженъ стѣной въ родѣ кашгарской, имѣетъ двое воротъ, съ сѣверной и южной сторонъ, гарнизонъ его простирается до 5.500 человѣкъ.

2-й) Янысарскій округъ.

Янысаръ имѣетъ до 8.000 домовъ, лежитъ въ 70 верстахъ [1]) на югъ отъ Кашгара, окруженъ стѣной, имѣетъ двое воротъ и два караванъ-сарая. Главная улица проходитъ отъ Еркендскихъ воротъ до дома правителя, предъ которымъ устроенъ прудъ и проходитъ каналъ; на этой улицѣ сосредоточены всѣ лавки, рестораны и проч.; здѣсь же расположены и сараи. Недѣльный базаръ бываетъ въ воскресенье внѣ города, передъ Кашгарскими воротами, называемыми гай-чакъ. Изъ селеній, принадлежащихъ вѣдомству этого города, болѣе извѣстны: Лаба въ 15 верстахъ отъ Янысары, на югъ, и Терекъ-текъ замѣчательное по производсту хашиша. Въ окрестностяхъ Янысара изъ священныхъ мѣстъ примѣчательны: Чиланъ-лыкъ на юго-востокъ въ 15 верстахъ и Мазаръ-Быгимъ въ 15 верстахъ, по тому же направленію. На дорогѣ въ Еркендъ есть садъ, принадлежащій хакимъ-беку, съ большимъ прудомъ, въ которомъ растетъ лотусъ. Китайскій городъ лежитъ въ полуторыхъ верстахъ на западъ, гарнизонъ его, говорятъ, простирается до 2.000 человѣкъ.

3-й) Еркендскій округъ.

Еркендъ самый большой изъ Туркестанскихъ городовъ, бывшая резиденція хановъ и потомъ ходжей, стоитъ между

---

[1]) По китайскимъ свѣдѣніямъ около 200 ли.

рукавами рѣчки Еркендъ-дарьи, вытекающей изъ Саркола. Главноуправляющій южной дорогой хэ-бэ-амбань имѣетъ мѣстопребываніе въ китайской крѣпости этого города. Въ Еркендѣ считается до 32.000 домовъ; городъ окруженъ стѣной до 8 саженъ высоты и до 25 верстъ въ окружности, съ 4 воротами, имѣетъ 4 сарая, 70 медресэ и 1 тынза (полиція). близъ большой мечети «регистанъ», по главной улицѣ отъ воротъ Алтынъ-давза до воротъ Кабагатъ расположены всѣ лавки, магазины, таверны, сараи и, наконецъ, торговая площадь чарсу. Изъ кварталовъ болѣе извѣстный Урда-алды-сока-куль, около котораго живутъ кашмирцы и индусы; Аксакалъ-кучесы, гдѣ живутъ бадахшанцы и анджанцы. Замѣчательнѣйшія зданія: дворецъ хакимъ-бека, близъ Хотанскихъ воротъ и регистанъ—древняя мечеть съ высокимъ минаретомъ. Базаръ бываетъ здѣсь каждый день съ 7 часовъ вечера, по улицѣ отъ регистана до пруда Насръ-ходжа-кулъ. Еженедѣльный базаръ бываетъ въ пятницу и происходитъ между китайскою цитаделью и городомъ. Изъ Алтынскихъ воротъ до воротъ китайской цитадели образовалась улица, на которой построены тунгенями рестораны; здѣсь сосредоточивается вся торговая дѣятельность.

Изъ иностранцевъ въ этомъ городѣ живутъ по преимуществу бадахшанцы, имѣющіе своего старшину, и торгующіе невольниками кашмирцы; кромѣ того здѣсь много жителей Малаго Тибета балти, которые нанимаются въ работу; большая часть извощиковъ и водовозовъ изъ этихъ горцевъ. Индусы также имѣютъ свой кварталъ.

Въ окрестностяхъ Еркенда поселено множество отпущенныхъ невольниковъ изъ горныхъ татжиковъ «Чатралъ» и «Ваханъ», извѣстные здѣсь подъ общимъ именемъ «рофизовъ». Изъ селеній, лежащихъ на сѣверной границѣ Еркендскаго округа, замѣчательны: Барчукъ, въ 380 верстахъ отъ Еркенда, при впаденіи Еркендъ-дарьи въ Таримъ, и Маралъ-баши, населенныя долонами, которые имѣютъ своего хакимъ-бека и китайскій гарнизонъ въ числѣ 300 человѣкъ. На западъ отъ Еркенда лежитъ селеніе Сарколъ, въ окрестностяхъ озера Саркола. Возвышенное положеніе мѣстности и постоянная

прохлада, которая тамъ господствуетъ и лѣтомъ, способствуетъ къ успѣшному разведенію тибетскихъ коровъ. На югѣ въ предгорьяхъ Куэнъ-Луна и при выходѣ рѣки Тызнабъ, лежитъ селеніе Янги-чупакъ. На дорогѣ изъ Хотана въ Еркендъ расположено извѣстное, въ торговомъ отношеніи, селеніе Гума въ 200 верстахъ отъ Еркенда, имѣющее до 200 домовъ и недѣльный базаръ въ субботу. Въ предгорьяхъ Куэнъ-Луна расположены селенія: Санчжу и Кильянъ, извѣстные по разведенію монгольскихъ коровъ. Изъ селеній, лежащихъ по рѣкѣ Тызнабу, извѣстны: Тагбуй, Кукъ-Яръ, Юларыкъ, Каргалыкъ, имѣющія своихъ хакимъ-беков. Изъ нихъ Каргалыкъ или Каргалы имѣетъ до 350 домовъ, замѣчательно производствомъ грецкихъ орѣховъ, которыхъ 1.000 стоитъ 30 коп. серебромъ. Въ окрестностяхъ Еркенда находится нѣсколько гробницъ. Гробница ходжи Мухамедъ-Ширифъ-пиръ, Алтынъ-Мазаръ, храмъ священнаго волоса (Муй-мубарракъ) и главнѣйшее святилище храмъ Афту-Мооданъ въ самомъ городѣ.

Китайская крѣпость лежитъ въ двухъ верстахъ на западъ отъ мусульманскаго города, окружена стѣной, которая выше и толще кашгарской и имѣетъ 2.200 человѣкъ гарнизона.

4-й) Хотанскій округъ.

Хотанъ у китайцевъ «Илца», лежитъ между рѣками Каракашъ и Юрункашъ, окруженъ низенькой стѣной, имѣетъ восемь сараевъ, изъ которыхъ три заняты иностранными купцами, а въ остальныхъ торгуютъ торговцы изъ Ильчи, Каракаша и Юрунъ-каша; домовъ считается 18.000. Китайскій городъ находится въ двухъ верстахъ къ западу, имѣетъ 1.400 человѣкъ гарнизону. Окрестности города покрыты садами; особенно населено пространство до китайскаго города, которое, какъ въ Еркендѣ, образуетъ улицу, гдѣ сосредоточена вся торговая дѣятельность. Хотанъ замѣчателенъ произведеніемъ шелковичныхъ червей, производствомъ тонкихъ войлоковъ, ковровъ, полушелковой матеріи машру, тонкой бязи и шелковой матеріи дараи.

Въ рѣкѣ Юрункашѣ добываютъ нефридъ, который считается лучшимъ и отправляется въ Пекинъ.

Изъ селеній замѣчательны: Ильчи, примыкающее съ восточной стороны къ городу, Каракашъ, Юрункашъ и проч. Эти селенія имѣютъ значительное населеніе и извѣстны въ торговомъ отношеніи.

5-й) Аксуйскій округъ.

Городъ Аксу имѣетъ 12.000 домовъ, расположенъ при соединеніи рѣки Аксу съ Кокшаломъ, окруженъ глиняной стѣной, по объему гораздо меньше кашгарской, но съ четырьмя воротами. Въ Аксу шесть караванъ-сараевъ; середину города составляетъ площадь чарсу, отъ которой на западъ до Темурчинскихъ воротъ и на востокъ до воротъ Акинъ идутъ главныя улицы, занятыя лавками, ресторанами и проч. Въ городѣ считается пять медресэ, базаръ бываетъ два раза въ недѣлю: въ четвергъ и пятницу. Аксу замѣчателенъ по централизаціи въ немъ китайской торговли; не менѣе важенъ и въ военномъ отношеніи, ибо дороги изъ внутренняго Китая и изъ Или соединяются въ немъ. Кромѣ того, Аксу извѣстенъ по производству дабы, хорошей доброты, называемой *шиша*, и кожъ, которыя вывозятся въ Хотанъ, Еркендъ и Кашгаръ. Къ Аксуйскому округу принадлежитъ селеніе Бай (по китайскому Пай) въ 205 верстахъ на сѣверо-востокъ, замѣчательное по обширному овцеводству и по производству войлока, имѣетъ до 500 домовъ. Въ 40 верстахъ отъ него на востокъ (на границѣ съ кучаскимъ округомъ) лежитъ Сайрамъ, имѣющій китайскій гарнизонъ. Изъ ближайшихъ къ Аксу селеній извѣстны Кумъ-Башъ и Айкулъ.

Китайская крѣпость расположена на разстояніи около одной версты на западъ, имѣетъ четверо воротъ. Въ Аксу живетъ много китайскихъ купцовъ изъ торговыхъ домовъ губерніи Шаньси и погонщики верблюдовъ, по преимуществу изъ китайскихъ мусульманъ (хой-хой). Гарнизонъ его состоитъ изъ 600 человѣкъ.

6-й) Турфанскій округъ.

Ушъ-Турфанъ, небольшой городокъ, или правильнѣе селеніе, состоитъ изъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ домовъ; стѣнъ и укрѣпленій не имѣетъ; въ немъ считается до 40 юзъ-

беги (сотенныхъ начальниковъ), слѣдовательно до 4.000 домовъ, по другимъ свѣдѣніямъ 6.000. Въ воскресенье бываетъ базаръ. Большихъ мечетей и медресэ въ немъ нѣтъ. Ушъ-Турфанъ извѣстенъ по пригону скота и по производству хорошаго табаку, который вывозится въ киргизскія орды. Въ историческомъ отношеніи городъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ 1765 году, вслѣдствіе бунта, всѣ жители были истреблены и на мѣсто ихъ переселено до 500 семействъ изъ разныхъ туземныхъ городовъ, которые были записаны землепашцами (таранчи). Китайская цитадель находится въ центрѣ мусульманскаго поселенія и имѣетъ 4 воротъ, и одной стѣной (сѣверной) примыкаетъ къ скалѣ, считается сильно укрѣпленной, имѣетъ до 800 человѣкъ гарнизону.

II. Историческій очеркъ.

Восточный Туркестанъ на сѣверѣ, западѣ и югѣ окруженъ необитаемымъ поясомъ горныхъ и негостепріимныхъ странъ. Это естественное свойство положенія, открытаго къ востоку и замкнутаго на западѣ, обусловливаетъ собой историческій ходъ событій и даетъ особенный характеръ туркестанской народности.

Исторія Восточнаго Туркестана показываетъ до какой степени пограничныя условія имѣли вліяніе на развитіе его народности. Съ весьма отдаленныхъ временъ, со временъ династіи Хань, въ Китаѣ за два вѣка до Р. Х., когда Джань-Цянь или Джань-Кань открылъ западный край, и до настоящаго времени, Восточный Туркестанъ былъ въ постоянной зависимости или отъ Китая, или же отъ кочевыхъ ордъ, господствовавшихъ въ Монголіи и, напротивъ, не подчинялся политическому вліянію западныхъ своихъ сосѣдей; даже знаменитый завоеватель Азіи Тамерланъ, прошедшій побѣдоносно Восточный Туркестанъ, не успѣлъ подчинить его своему владычеству.

Замѣчательно послѣ того, что Восточный Туркестанъ заимствовалъ религіозныя начала съ юга и запада. Буддизмъ господствовалъ уже здѣсь во время династіи Хань и держался до IX вѣка, пока не былъ вытѣсненъ исламомъ, проникшимъ

изъ Маврель-награ чрезъ Болоръ и Тянь-шань. Конечно, народныя учрежденія Восточнаго Туркестана должны были подчиниться законамъ ислама, но, подъ вліяніемъ противудѣйствующихъ началъ, эти учрежденія потеряли исключительно религіозный характеръ. За всѣмъ тѣмъ, вліяніе ислама не маловажно въ политической судьбѣ этой страны и только входя въ ближайшее разсмотрѣніе водворенія и развитія его, можно объяснить себѣ образованіе, духъ и значеніе существующихъ нынѣ въ этой странѣ политическихъ партій и открыть причины, вслѣдствіе которыхъ ходжи, производящіе въ наше время столько возстаній, могли пріобрѣсти то нравственное вліяніе, съ которымъ, даже въ изгнаніи, они не теряютъ своего политическаго значенія.

Нельзя положительно сказать, въ какое время буддизмъ водворился въ Восточномъ Туркестанѣ, но по свидѣтельству китайскихъ писателей, онъ существовалъ тамъ еще при династіи Хань. Въ 140 году города Восточнаго Туркестана составляли отдѣльныя владѣнія и исповѣдывали буддійскую вѣру. Гуэнъ-Чангъ, бывшій въ нихъ при династіи Танъ, въ 629 г. по Р. Х., также нашелъ всюду религію Будды, множество монастырей, учителей и святыхъ отшельниковъ, арановъ. Городъ Хотанъ особенно славится своей индійской культурой.

Очень натурально, что послѣ столь продолжительнаго господства буддизма, ученіе Магомета, проникшее въ Восточный Туркестанъ съ VIII вѣка, когда аравійскіе купцы стали посѣщать этотъ край, не могло скоро въ немъ водвориться. Аравитяне встрѣтили въ городахъ большое сопротивленіе и первыми послѣдователями ихъ были номады.

Китайцы упоминаютъ о кровопролитной войнѣ, которую въ VIII вѣкѣ вели аравитяне въ Восточномъ Туркестанѣ. Мусульманскіе историки утверждаютъ также, что Шамаръ, первый арабскій правитель Маврель-награ, былъ убитъ въ войнѣ съ китайцами. Въ IX вѣкѣ нѣсколькимъ мусульманскимъ проповѣдникамъ, изъ коихъ болѣе извѣстны: шейхъ Хассанъ-Басри и Абунасръ-Самани, удалось обратить въ исламъ хановъ кочевыхъ ордъ, которые владѣли городами Восточнаго Туркестана и были до такой степени сильны, что разрушили вла-

дычество Саманидовъ. Эти турки, съ ревностію новообращенныхъ, принялись съ мечемъ въ рукахъ вводить всюду ученіе Магомета. Гробницы туркестанскихъ царей того времени сохранили имъ титулъ *гази* (воителей за вѣру). Одинъ изъ нихъ, Сутукъ-Богра-ханъ, умершій въ 429 году геджры, распространилъ газатъ до Турфана и Комула. Обширныя мѣста религіозныхъ побоищъ около Хотана, а также между Еркендомъ и Янысаромъ, называемыя шайданъ, т. е. мѣстами успокоенія блаженныхъ, доказываютъ, что для введенія ислама нужно было много кровопролитія. Несмотря на это, область распространенія его долго ограничивалась только западными городами. По свидѣтельству Марко-Поло въ XIII вѣкѣ, жители Комула были идолопоклонниками. Около того же времени образовалось въ Восточномъ Туркестанѣ независимое владѣніе, подъ управленіемъ монгольскихъ хановъ изъ дома Джагитаева и тогда снова появился въ этой странѣ языческій элементъ.

Въ концѣ XIV вѣка, въ 754 году геджры, хотя одинъ изъ потомковъ Чингизъ-хана, Туглукъ-Тимуръ-ханъ, владѣвшій землями отъ Или до Болора и Куэнъ-Луна, принялъ исламъ отъ сеида Рашеддина [1]) и его примѣру послѣдовали многіе монгольскіе и уйгурскіе эмиры, но и въ слѣдующемъ еще столѣтіи буддизмъ держался въ восточныхъ городахъ, такъ что посольство Шахъ-Рока (сына Тамерлана) въ Китай встрѣтило въ 1420 году въ Комулѣ великолѣпныя мечети, а возлѣ нихъ языческій храмъ и только въ XVI столѣтіи мусульманство успѣло окончательно вытѣснить буддизмъ изъ предѣловъ Восточнаго Туркестана.

Впрочемъ, должно считать мусульманскую религію съ XIV вѣка господствующею въ западной части этой страны. Преемники Туглукъ-Тимуръ-хана были ревностные мусульмане и, кромѣ пожалованья потомкамъ Рашеддина богатыхъ земель, предоставили имъ особыя права и почетъ.

XIV и XV столѣтія особенно замѣчательны для средне-азіатскаго мусульманства появленіемъ многихъ учителей, которые пріобрѣли имя святыхъ и чудотворцевъ. Самаркандъ и

---

[1]) Сеидъ, шейхъ—потомокъ Магомета.

Бухара были средоточіемъ религіозной учености Востока и развившійся тамъ казуизмъ достигъ, наконецъ, и Кашгара. Одинъ изъ сеидовъ, потомковъ Магомета, происходившій въ ближайшемъ колѣнѣ отъ Имама-Ризы, ходжа Махтуми-Азямъ пріобрѣлъ богословскую извѣстность въ Бухарѣ. Пріѣхавши въ Кашгаръ, онъ былъ встрѣченъ народнымъ уваженіемъ и получилъ отъ кашгарскихъ хановъ богатыя помѣстья; а послѣ смерти Махтуми-Азями сыновья его: Имамъ-Калянъ и ходжа Исаакъ-Вали были почтены такимъ же уваженіемъ и сдѣлались религіозными патронами мусульманъ Восточнаго Туркестана. Съ этого времени ходжи начали пользоваться большимъ значеніемъ. Ханы воздавали имъ почести, а народъ оказывалъ имъ глубокое уваженіе. Каждый изъ двухъ сыновей ходжи Махтуми-Азяма былъ окруженъ толпою послѣдователей, а также множествомъ фанатическихъ суффи (наибовъ), дувана (дервишей) и послушниковъ. Такимъ образомъ, образовались двѣ партіи, отличавшіяся не столько существомъ ученія, сколько характеромъ и качествами лицъ, стоявшихъ въ главѣ ихъ. Послѣдователи Имама - Каляна назывались *Ишкія*, а послѣдователи ходжи Исаакъ-Вали называли себя *Исакія*; впослѣдствіи усвоены первымъ названія бѣлогорцевъ, а послѣднимъ черногорцевъ, которыя и понынѣ существуютъ.

Вскорѣ по зарожденіи этихъ партій, проявились и враждебныя между ними отношенія, конечно, сперва религіознаго характера, но когда кругъ каждой партіи значительно расширился, когда все населеніе шести городовъ раздѣлилось на два непріязненные лагеря, тогда къ религіознымъ распрямъ присоединились и стремленія къ политическому преобладанію. Такое направленіе ясно выразилось, когда ходжа Аппакъ, глава бѣлогорской партіи, достигъ чрезъ посредство джунгаровъ свѣтской власти, оно привело Восточный Туркестанъ къ потерѣ своей независимости, потому что какъ джунгары, такъ и китайцы умѣли воспользоваться взаимною ненавистью бѣлогорцевъ и черногорцевъ и, поддерживая одну изъ сторонъ, успѣли подчинить всю страну своей власти.

Аппакъ-ходжа пользовался большимъ уваженіемъ народа; громкая слава учителя и святаго привлекала въ Кашгаръ му-

сульманское юношество со всего Востока, чтобы подъ его руководствомъ изучать путь къ святости. Многія владѣтельныя особы Мавриль-награ были его учениками. Гробница его въ Кашгарѣ привлекаетъ множество пилигримовъ изъ разныхъ мусульманскихъ странъ и въ особенности восточно-туркестанцевъ, которые считаютъ его своимъ патрономъ и призываютъ имя его во время опасности.

Кашгарскій ханъ Измаилъ, ревностный черногорецъ, принудилъ Аппака оставить свое отечество; ходжа пробрался въ Кашмиръ и оттуда въ Тибетъ, представился Далай-Ламѣ и успѣлъ такъ ему понравиться, что тотъ отправилъ его къ джунгарскому хонъ-тай-дзи Галдану съ письмомъ, въ которомъ просилъ его, Галдана, утвердить Аппака въ Кашгарѣ и Еркендѣ. Галданъ, пользуясь этимъ случаемъ, въ 1678 году покорилъ Малую Бухарію и сдѣлалъ Аппака своимъ намѣстникомъ, назначивъ ему столицей Еркендъ, а семейство кашгарскаго хана увелъ плѣннымъ съ собою въ Или, гдѣ помѣстилъ ихъ въ мусульманскомъ городѣ Кульджѣ. Далай-Лама былъ такъ доволенъ послушаніемъ Галдана, что почтилъ его титуломъ бошекту (благословеннаго). Съ этого времени, до покоренія Малой Бухаріи китайцами, страна эта находилась подъ владычествомъ джунгаровъ, которые во внутреннее управленіе вовсе не вмѣшивались, а ограничивались данью 400.000 тяньга въ мѣсяцъ. Внутреннее управленіе имѣло съ древнѣйшихъ временъ ту же іерархію, какъ и теперь: каждый городъ имѣлъ хакима, правителя, ишкагу—его помощника, шанъ-беги, газначи, тысячниковъ, сотниковъ и проч. Вслѣдствіе этого внутренніе раздоры и борьба партій продолжались. По утвержденіи Аппака, черногорскіе ходжи, хотя были очень сильны (они имѣли богатыя вотчины: селеніе Файзбатъ въ Кашгарѣ, Тугусъ-кентъ въ Еркендѣ, Аксарай въ Хотанѣ и Акъ-Яръ въ Аксу), однакожъ вынуждены были оставить Еркендъ и ушли въ Кашмиръ.

Вскорѣ ходжа Аппакъ, должно быть для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ мусульманъ, которые смотрѣли на него какъ на предателя отечества, сложилъ съ себя свѣтскую власть, вызвалъ изъ Ушъ-Турфана брата хана Измаила Мухаммедъ-

Эмиля и, провозгласивъ его ханомъ, убѣдилъ его сдѣлать набѣгъ на джунгаровъ. Мухаммедъ-Эмиль вторгнулся въ калмыцкіе улусы, разбилъ ихъ стойбища и возвратился съ 30.000 плѣнныхъ обоего пола, скотомъ и имуществомъ; но потомъ до того напугался своего поступка, что бѣжалъ въ горы, гдѣ былъ убитъ однимъ изъ своихъ спутниковъ. Аппакъ снова принялъ свѣтскую власть. Послѣ смерти этого ходжи, вдова его, Ханымъ-Падша, дочь одного изъ хановъ, женщина властолюбивая и рѣшительная, желая доставить верховную власть своему сыну Мехди, при помощи фанатичныхъ дервишей, успѣла убить старшаго сына Аппака ходжу Яхъю, малолѣтній сынъ котораго Ахмедъ спасся бѣгствомъ въ горы, и наконецъ сама пала также подъ ножемъ этихъ дервишей. Пользуясь раздорами въ семействѣ Аппака, другой братъ Измаила хана Акбашъ утвердился ханомъ въ Еркендѣ, вызвалъ черногорскаго ходжу Даніеля, который находился въ Ходжандѣ. Кашгарцы, которые были всегда ревностные бѣлогорцы, призвали Ахмедъ-ходжу и провозгласили его ханомъ. Между Кашгаромъ и Еркендомъ завязалась кровопролитная война. Кашгарцы, вспомоществуемые дикокаменными киргизами, осадили Еркендъ, чтобы схватить Даніель ходжу; еркендскій ханъ Ашемъ, изъ киргизскихъ султановъ, призванный въ этотъ городъ послѣ того, какъ Акбашъ-ханъ неизвѣстно почему, вмѣстѣ съ сыномъ Аппака Мехди, уѣхалъ въ Индустанъ, разбилъ съ своими кайсаками на голову кашгарцевъ, но вскорѣ, по проискамъ ходжей, долженъ былъ уйти въ свои степи, и свѣтская власть городовъ Еркенда и Хотана сосредоточивалась въ рукахъ Даніель-ходжи. Въ это самое время калмыки, неимѣвшіе до сихъ поръ времени наказать Кашгаръ за набѣгъ, пришли съ большимъ войскомъ въ Еркендъ. Даніель-ходжа воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заслужить вниманіе джунгаровъ, со своими еркендцами онъ присоединился къ калмыцкому войску, которое направилось на Кашгаръ. Кашгарцы послѣ нѣсколькихъ сраженій должны были отворить ворота. Калмыки по выбору народа назначили хакимъ-бека, а кашгарскаго ходжу Ахмета увезли, вмѣстѣ съ союзникомъ и семействами ихъ, на Или.

Въ 1720 году Цабанъ-Раптанъ возвратилъ Даніель-ходжу въ отечество съ уполномочіемъ управлять шестью городами. По возвращеніи въ Еркендъ, ходжа назначилъ, по своему усмотрѣнію, правителей во ввѣренные ему города и опредѣлилъ свои доходы по возможности скромно, въ годъ 100.000 тяньга, между тѣмъ какъ Аппакъ-ходжа получалъ со 100.000 душъ 1.000 тяньга. Старшій сынъ его, ходжа Джеганъ, находился заложникомъ при джунгарскихъ ханахъ и самъ по временамъ ѣздилъ въ Или. Галданъ-Чиринъ по вступленіи на престолъ утвердилъ за нимъ прежнія права. Такимъ образомъ, владычество Малой Бухаріи перешло въ руки потомковъ ходжи Исаака, т. е. черногорской партіи. По смерти Даніель-ходжи, Галданъ-Чиринъ воспользовался случаемъ, чтобы раздѣлить власть въ Малой Бухаріи и потому прислалъ грамоты и печать дѣтямъ его, опредѣливъ старшему ходжѣ Джегану—Еркендъ, второму, Юсуфу — Кашгаръ, третьему, Аюбу — Аксу и младшему, Абдуллѣ—Хотанъ. Изъ нихъ особенно былъ извѣстенъ кашгарскій Юсуфъ. Мать его была дочь калмыцкаго нойона. Молодость свою Юсуфъ провелъ при ней, зналъ хорошо калмыцкій языкъ и грамоту.

Обязанный ханомъ Даваціемъ жить при немъ въ Или, Юсуфъ зналъ хорошо внутренніе раздоры, потрясавшіе Джунгарію и, какъ человѣкъ честолюбивый, рѣшился воспользоваться слабостью своихъ угнетателей, чтобы освободить свое отечество. Подъ предлогомъ того, что Кашгаръ находится въ опасности отъ дикокаменныхъ киргизовъ, онъ получилъ дозволеніе, отъ Даваціа, отправиться на родину. Здѣсь онъ началъ дѣятельно заниматься укрѣпленіемъ города и устройствомъ войска. Это было въ 1754 году, когда Амурсана обратился къ Богдыхану и просилъ у него войска для покоренія Джунгаріи. Въ послѣднее время калмыки въ правители (хакимъ-беки) назначали людей имъ преданныхъ и слѣдовательно связанныхъ съ ними интересами власти. Нѣкоторые изъ нихъ, Абдулъ Вахабъ аксуйскій, ходжа Сыбекъ ушъ-турфанскій (извѣстный въ китайской исторіи подъ именемъ Хадиса), донесли калмыкамъ о истинныхъ причинахъ военныхъ приготовленій въ Кашгарѣ. Въ тоже время по ихъ проискамъ кашгарскій ишкага

Худояръ-бекъ съ артышскимъ бекомъ Абсатаромъ составили заговоръ, чтобы убить Даніель-ходжу [1]) во время молитвы въ мечети и потомъ отдаться подъ покровительство того, кто побѣдитъ: Амурсана или Дебачи. Заговоръ былъ открытъ и виновникъ его Худояръ-бекъ казненъ. Абсатаръ и сынъ казненнаго Худояра успѣли спастись и, явившись къ Давацію, объявили, что кашгарцы и еркендцы совершенно отложились и что Даніель-ходжа [2]) казнилъ кашгарскаго ишкагу за преданность джунгарамъ. Калмыки, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они тогда находились, не имѣли возможности послать войско и потому Даваци рѣшилъ отправить посланника, чтобы узнать настоящій ходъ дѣла. Посланнику приказано было требовать возвращенія дикокаменныхъ киргизовъ племени Кипчакъ, которое за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ откочевало чрезъ Кучу въ Хотанъ, и просить дани, которую города Еркендъ и Кашгаръ не посылали за послѣдніе годы, вмѣстѣ съ тѣмъ послу дано было тайное повелѣніе, при помощи преданныхъ людей, схватить Юсуфа и еркендскаго ходжу Джегана и отправить ихъ съ семействами въ Или. Авторитетъ джунгаровъ былъ еще такъ силенъ, что Юсуфъ-ходжа приказалъ кашгарцамъ по прежнему обыкновенію встрѣтить посла внѣ городскихъ воротъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ 1.000 человѣкъ вооруженныхъ людей въ своемъ дворцѣ и поставилъ сильную стражу въ воротахъ. Замыселъ калмыковъ схватить ходжу въ Кашгарѣ не удался, за то въ Еркендѣ при помощи хакима Гази-бека калмыки успѣли обманомъ зазвать ходжу Джегана въ домъ Гази-бека и арестовать его. Извѣстіе это въ Кашгарѣ было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ. Юсуфъ-ходжа, собравши народъ, объявилъ, что теперь настало время освободиться отъ ига невѣрныхъ и представилъ все безнадежное положеніе Джунгаріи. Воззваніе было встрѣчено съ энтузіазмомъ. На городскихъ воротахъ ударили въ бубны, и кашгарцы дали клятву быть вѣрными этому рѣшенію. Потомъ ходжа Юсуфъ, какъ независимый и мусульманскій владѣтель, предложилъ народу привести въ Исламъ 300 человѣкъ калмыцкихъ купцовъ, которые стояли въ шатрахъ около города, приказавъ въ случаѣ

---

[1]) Слѣдуетъ: Юсуфъ-ходжу.—*Ред.*

[2]) Т. е. Юсуфъ-ходжа.—*Ред.*

сопротивленія предать ихъ избіенію. Небольшое число олотовъ, которые для полицейскаго надзора находились въ городахъ Малой Бухаріи подъ названіемъ караханъ, были отправлены во свояси, чтобы объявить джунгарскому хану о случившемся. Вмѣстѣ съ тѣмъ Юсуфъ ходжа послалъ 1.000 человѣкъ въ Бурчукъ, чтобы сдѣлать нападеніе на калмыцкаго посланника въ томъ случаѣ, если онъ возьметъ съ собою въ Или ходжу Джегана, и сталъ готовить большой отрядъ въ Еркендъ. Ходжа Садыкъ, сынъ ходжи Джегана, избѣгшій ареста, собралъ въ два дня въ Хотанѣ до 7.000 войска и подкрѣпленный киргизами выступилъ въ Еркендъ, взявъ съ собою въ цѣпяхъ семейство Гази-бека, который былъ хотанскій уроженецъ, для того, чтобы предать ихъ смерти, въ случаѣ если съ отцемъ его приключится несчастіе. Гази-бекъ, получивъ извѣстіе о судьбѣ своего семейства и о рѣшительныхъ мѣрахъ, принятыхъ Юсуфомъ, совершенно потерялся, тѣмъ болѣе его положеніе было критично, что жители Еркенда обнаружили общее неудовольствіе. Ему оставалось одно—просить прощенія у ходжи Джегана, который былъ человѣкъ крайне-добрый и слабый. Со слезами на глазахъ и съ кораномъ на головѣ явился онъ къ ходжѣ Джегану и получилъ отпущеніе своимъ грѣхамъ. Гази-бекъ объявилъ о происшествіяхъ въ Кашгарѣ и просилъ дозволеніе убить джунгарскихъ пословъ и поднять знамя Ислама. Ходжа отвѣчалъ, что убить невѣрнаго можно только въ сраженіи и приказалъ калмыковъ подъ конвоемъ проводить изъ города и объявить, чтобы впредь не смѣли посѣщать эти мѣста. Между тѣмъ, Юсуфъ-ходжа отправилъ пословъ въ Кокандъ и Бухару съ извѣщеніемъ о сверженіи ига невѣрныхъ и съ просьбою о помощи; также сдѣлано было имъ воззваніе къ вождямъ анджанскихъ киргизовъ и къ главѣ ихъ Кабатъ-мирзѣ. Независимость трехъ городовъ, сложившихъ съ себя джунгарское иго, продолжалась весьма недолго. Въ это время въ Джунгаріи произошли событія, имѣвшія впослѣдствіи вліяніе на судьбу Малой Бухаріи.

Амурсана съ китайскими войсками явился въ 1755 году въ Джунгарію. Даваци, не имѣя возможности сопротивляться, бѣжалъ съ тремя-стами человѣкъ чрезъ Музартскій проходъ

въ Ушъ-Турфанъ. Правитель этого города Ходжамъ-бекъ (Хадисъ) представилъ его въ китайскій лагерь, за что получилъ княжеское достоинство. Такимъ образомъ Джунгарія, бывшая нѣсколько лѣтъ грозою сосѣдей и опасною для Китая, была завоевана безъ всякаго сопротивленія.

Войска Поднебесной имперіи послѣ перой кампаніи возвратились обратно, оставивъ въ Или генерала Банди съ 500 манджуровъ, чтобъ при содѣйствіи Амурсаны ввести новый порядокъ. Амурсана, утвердившись въ Или, началъ думать о возвращеніи въ зависимость отложившихся городовъ: Кашгара, Еркенда и Хотана. Послать большое войско Амурсана находилъ невозможнымъ. Тогда аксуйскій правитель Абдулъ-Вахабъ и бекъ ушскій ходжа Сыбекъ объяснили, что для этого нужно употребить находящихся въ Или дѣтей кашгарскаго ходжи Ахмета. Они говорили, что если послать одного изъ дѣтей Ахмета съ небольшимъ отрядомъ и объявить, что они будутъ назначены владѣтелями, то Кашгаръ будетъ взятъ безъ сопротивленія, затѣмъ сдадутся и другіе города, ибо кашгарцы особенно преданы этимъ ходжамъ, и въ другихъ городахъ не мало ихъ послѣдователей. Съ согласія китайскаго генерала Банди дѣти Ахмета, Бурханеддинъ и Ханъ-ходжа, пріобрѣтшіе впослѣдствіи печальную извѣстность въ китайской исторіи подъ именами Буронидy и Ходжи-Чжана, были призваны въ Кульджу изъ Эренъ-Хабурга, гдѣ они находились въ ссылкѣ. Старшій изъ нихъ, Бурханеддинъ, съ войскомъ, состоявшимъ изъ олотовъ и туркестанцевъ, съ небольшимъ числомъ китайцевъ, отправился въ Аксу, а младшій Ханъ-ходжа остался заложникомъ въ Или. Бурханеддинъ усилилъ въ Аксу свои войска и пришелъ въ Ушъ, гдѣ былъ радостно встрѣченъ жителями.

Слухи о военныхъ приготовленіяхъ черногорскихъ ходжей до того испугали Бурханеддина и его сообщниковъ, что они не рѣшились идти далѣе и медлили. Силы Бурханеддина состояли изъ 5.000 мусульманъ изъ Кучи, Аксу, Турфана и долоновъ, изъ 1.000 джунгаровъ, подъ начальствомъ Даньчинъ зайсана, и изъ 400 человѣкъ китайцевъ, подъ командою Туруптай-даженя, и были далеко недостаточны, чтобъ

бороться съ многочисленнымъ ополченіемъ Еркенда, Кашгара, Хотана и Янысара, подкрѣпленныхъ сосѣдними ордами киргизовъ. Между тѣмъ извѣстіе о приходѣ войскъ въ Аксу достигло Еркенда. Жители этого города непремѣнно хотѣли послать на встрѣчу врагу большое ополченіе. Юсуфъ ходжа, кашгарскій, сложилъ съ себя управленіе и въ послѣднее время жилъ въ Еркендѣ; онъ рѣшительно отклонялъ еркендцевъ отъ этого намѣренія, говоря, что ходжа Бурханеддинъ самъ не рѣшится идти далѣе и что если посланное ополченіе потерпитъ пораженіе, что легко можетъ случиться, потому что бѣлогорцы могутъ измѣнить, а на киргизовъ нельзя надѣяться,— то неудача можетъ поощрить враговъ къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ; но еркендцы, побуждаемые ревностію къ своимъ ходжамъ, горѣли желаніемъ идти въ Аксу, взять этотъ городъ и тѣмъ разомъ пресѣчь замыслы бѣлогорскаго ходжи. Значительное ополченіе, состоявшее изъ хотанцевъ, еркендцевъ и киргизовъ, подъ начальствомъ ходжи Яхіи, старшаго сына Джегана, еркендскаго шанъ-беги Худа-Берды, каргалыкскаго правителя Миргузъ-бека направилось на Янысаръ и, присоединивши ополченіе этого города, чрезъ Артышъ вступило на ушскую дорогу.

Между тѣмъ, Юсуфъ-ходжа умеръ и на его мѣсто по обычаю страны подняли на коврѣ и провозгласили владѣтелемъ Кашгара, сына его ходжу Абдуллу подъ именемъ Патша-ходжи. Этотъ новый правитель въ помощь еркендцамъ послалъ кашгарскія войска, подъ начальствомъ брата своего ходжи Мулина. Соединенныя силы Кашгара, Янысара, Еркенда и Хотана чрезъ Аксай и Какшалъ достигнули Ушъ-Турфана и обложили этотъ городъ. Черногорскіе ходжи послали депутацію осажденнымъ, призывая ихъ кораномъ и именами общихъ предковъ забыть вражду, соединиться съ ними и общими силами идти на Или. Бурханеддину уступали Кашгаръ, Аксу и Турфанъ, а бекамъ этихъ городовъ предлагали наслѣдственныя права. Депутація нашла бѣлогорскаго ходжу, окруженнаго китайцами, калмыками и другими, по выраженію туземнаго писателя, нечестивыми, каковы: Абдулъ-Вахабъ бекъ аксуйскій, Алла-кули бекъ кучаскій, Абдрахимъ бекъ долонскій, кромѣ

того, при Бурханеддинѣ находилось много кашгарскихъ и еркендскихъ ахуновъ и бековъ бѣлогорской партіи, бѣжавшихъ къ нему. Бурханеддинъ отвѣчалъ, чтобы черногорскіе ходжи ѣхали лучше въ Или и вымолили прощеніе у намѣстника китайскаго императора и у Амурсаны. Въ лагерѣ осаждавшихъ было много бѣлогорцевъ, особенно между начальниками. Въ то время, когда шли переговоры, бѣлогорцы и киргизы сносились съ Бурханеддиномъ. Въ первомъ сраженіи киргизы предались на сторону непріятеля; а вслѣдъ затѣмъ и большая часть бековъ съ войсками, имъ подчиненными, такъ что сами предводители едва избѣгли плѣна и, преслѣдуемые киргизами, достигли Кашгара. Бурханеддинъ, ободренный успѣхомъ, выступилъ на Кашгаръ. Жители этого города толпами отправились на встрѣчу и совершенно отказались отъ повиновенія черногорскимъ ходжамъ; къ довершенію несчастія анджанскіе киргизы, призванные подъ предводительствомъ Кабатъ-мирзы для защиты города, объявили, что они не хотятъ сражаться противъ Бурханеддина. При такихъ обстоятельствахъ, черногорскимъ ходжамъ приходилось оставить Кашгаръ и они поспѣшили въ Еркендъ, а кашгарскій хакимъ-бекъ Хошъ-Кяфякъ, преданный черногорской партіи, эмигрировалъ въ Кокандъ. Такимъ образомъ, бѣлогорскій ходжа былъ принятъ въ Кашгаръ безъ сопротивленія, при радостныхъ крикахъ народа, который на городскихъ воротахъ билъ въ бубны и игралъ на трубахъ. Вскорѣ Бурханеддинъ двинулся въ Еркендъ, назначивъ киргиза Кабада кашгарскимъ хакимъ-бекомъ. Калмыковъ было при немъ уже только 600, а китайцевъ 200 человѣкъ. Черногорскіе ходжи, понимая всю критичность своего положенія, рѣшились оставить отечество и, подъ предлогомъ поклоненія въ Мекку, съ семействами приготовились къ путешествію.

Ходжа Джеганъ былъ человѣкъ добрый, благородный, поощрялъ науки, такъ что туземный писатель время его сравниваетъ съ вѣкомъ мирзы Гуссейна. Еркендцы большею частью были черногорцы и личныя качества этого владѣтеля еще болѣе привязывали ихъ къ нему. Когда онъ объявилъ о своемъ намѣреніи оставить отечество, то народъ со слезами просилъ

ходжу не оставлять ихъ въ трудный моментъ и далъ клятву до послѣдней капли крови защищаться противъ невѣрныхъ и нечестивыхъ бѣлогорцевъ. Народъ просилъ только, чтобы хакимъ-бека Гази и ишкагу Ніяза удалить отъ должностей, ибо первый уже разъ показалъ достаточно свое непостоянство; а второй былъ бѣлогорецъ и не скрывалъ своихъ убѣжденій и постоянно находился въ сношеніяхъ съ отцомъ Бурханеддина—Ахметомъ. Ходжа Джеганъ остался, но Гази-бека и Ніяза, по добротѣ и слабости, не хотѣлъ арестовать. Бѣлогорскій ходжа, явившись подъ стѣнами Еркенда, послалъ въ городъ депутацію и одного китайскаго мандарина, калмыцкаго засайна и нѣкоторыхъ изъ преданныхъ ему бековъ. Депутацію представили ходжѣ Джегану, подвергнувъ ее предварительно унизительной церемоніи облобызать порогъ. На предложеніе Бурханеддина именемъ Богды-хана и Амуръ-Сапы сдаться и принять покровительство Китая, ходжа отвѣчалъ, что онъ мусульманскій владѣтель и другихъ отношеній къ невѣрнымъ, кромѣ газата, не можетъ имѣть, а письмо велѣлъ разорвать и бросить въ огонь. Началась осада; вылазки, произведенныя осажденными, были всегда весьма удачны и осажденные одерживали верхъ, пока ишкага Ніязъ, прельщенный обѣщаніемъ получить мѣсто еркендскаго правителя, и другой Ашуръ-Кузи-бекъ, глава придворныхъ самого ходжи, не составили заговоръ, который хотя и былъ открытъ, но по слабости ходжи остался безнаказаннымъ, несмотря на то, что народъ требовалъ казни виновныхъ. Еще нѣкоторое время продолжалась безуспѣшная осада, пока при одной вылазкѣ одинъ изъ сыновей ходжи Джегана Инаятъ-ходжа былъ убитъ, тогда правитель Гази-бекъ, пользуясь всеобщимъ упадкомъ духа, рѣшился исполнить давно задуманный планъ—передать городъ въ руки непріятеля. Онъ тайно сносился съ Бурханеддиномъ и получилъ отъ него обѣщаніе сдѣлать его послѣ наслѣдственнымъ бекомъ въ Еркендѣ. Онъ представилъ необходимость сдѣлать общую и рѣшительную вылазку подъ предлогомъ того, что городъ претерпѣвалъ чрезвычайный недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; ходжа, не понимая коварныхъ намѣреній бека, сдѣлалъ воззваніе, чтобы всѣ жители города, отъ мала до велика

ополчились во имя газата, ибо умершіе на этомъ пути будутъ блаженны (шаидъ), а убившіе—гази (воители за вѣру); 40.000 человѣкъ еркендцевъ вышли за городскія ворота и отбросили непріятеля съ позицій; въ этотъ самый моментъ Гази-бекъ бросилъ знамя и обратился въ бѣгство и тѣмъ произвелъ всеобщее смятеніе. Киргизы, подъ начальствомъ Кабада стоявшіе въ резервѣ, ударили свѣжими силами на бѣгущихъ еркендцевъ, которые, столпившись въ городскихъ воротахъ, давили другъ друга и почти всѣ пали подъ копьями бурутовъ. Жители города пришли въ уныніе; Гази-бекъ продолжалъ свои козни. Ходжѣ Джегану оставалось одно: убить Гази-бека или оставить городъ, онъ избралъ послѣднее. Ночью чрезъ Махасарскія ворота вышли изъ Еркенда всѣ члены фамиліи черногорскихъ ходжей съ дѣтьми и женами и по каргалыкской дорогѣ направились въ горы, чтобъ пробраться въ Индію. На другой день жители города, узнавъ о бѣгствѣ ходжей, отворили ворота и Гази-бекъ торжественно ввелъ Бурханеддина въ Еркендъ. Новый ходжа тотчасъ послалъ пятисотенный отрядъ для преслѣдованія бѣжавшихъ подъ начальствомъ долонскаго бека Рахимъ-кулы и киргиза Абдуллы, которые догнали ихъ во время переправы чрезъ рѣку Заравшанъ. Ходжи защищались отчаянно; одинъ изъ нихъ, Эрке, сынъ Юсуфъ ходжи, палъ въ дракѣ; наконецъ, ходжи перешли рѣку, которая по берегамъ была покрыта льдомъ, но въ такомъ состояніи, что продолжать дальнѣйшій ходъ не имѣли возможности. Только одинъ молодой принцъ изъ этой фамиліи, Назаръ-ходжа, спасся съ двумя товарищами въ Индію, а остальные сдались. Киргизы, ограбивши ихъ до-чиста, привезли въ Еркендъ, гдѣ они чрезъ нѣсколько дней были казнены. Такимъ кровавымъ путемъ бѣлогорцы достигли снова всеобщаго преобладанія. Впослѣдствіи Бурханеддинъ, соединившись съ братомъ своимъ Ханъ-ходжой, поднялъ въ 1758 году возстаніе, которое хорошо извѣстно изъ китайскихъ историковъ. Послѣ трехлѣтней упорной войны Бурханеддинъ и ходжа Ханъ, разбитые илійскимъ цзянь-цзюнемъ Чжаохой и помощникомъ его Фудэ, бѣжали въ Бадахшанъ, гдѣ и были убиты правителемъ этой страны Султанъ-Шахомъ (у китай-

цевъ Султанъ-Ша), а головы ихъ представлены въ китайскій лагерь. Изъ всей фамиліи Аппаковъ спасся одинъ малолѣтній сынъ Бурханеддина — Сарымъ-Сакъ или Саали-ходжа, изъ остальныхъ: четыре убиты въ сраженіи, двое попались китайцамъ и отведены въ Пекинъ. Это случилось въ 1758 году.

Съ этого времени Малая Бухарія сдѣлалась провинціей Китайской имперіи. Чтобы упрочить свои завоеванія въ Западномъ краѣ, китайцы основали въ 1764 г. на рѣкѣ Или, на мѣстѣ, гдѣ былъ курень джунгарскихъ хановъ, городъ Хой-Юань-Чень, извѣстный у насъ подъ названіемъ Кульджи. Джунгарія, оставшаяся пустою, послѣ избіенія полумилліона олотовъ, была населена китайцами изъ провинціи Гань-су и для дальнѣйшей колонизаціи сдѣлано постановленіе, по которому эта страна сдѣлана мѣстомъ постоянной ссылки преступниковъ. Для охраненія страны переселены манджуры, солдаты зеленаго знамени, и образованы военныя поселенія въ Илійскомъ округѣ изъ Сибо, Солоновъ и Дауровъ. Для обработыванія земли 7 тысячъ семействъ мусульманъ записаны въ казенные землепашцы (таранъ), остатки истребленныхъ джунгаровъ получили опредѣленныя мѣста для кочевокъ. Для управленія завоеваннымъ краемъ назначенъ былъ цзяньцзюнь съ тремя товарищами, изъ которыхъ одинъ долженъ жить въ Тарбагатаѣ, а другой въ Малой Бухаріи. Относительно Малой Бухаріи, которая оказала болѣе сопротивленія, китайцы были осторожны: внутреннее управленіе оставлено на прежнихъ основаніяхъ, только для поддержанія внутренняго спокойствія, въ значительныхъ городахъ расположены гарнизоны, для охраненія границъ поставлены пикеты и для быстроты сообщенія устроены станціи. Столь успѣшное покореніе Джунгаріи и Малой Бухаріи возбудило въ китайцахъ воинственный духъ и жажду завоеваній. Въ правленіе Цянь-Луна, китайцы, повидимому, хотѣли повторить времена династіи Танъ. Въ 1756, 1758 и 1760 годахъ китайскіе отряды вступили въ земли Средней Орды. Паденіе сильной Джунгаріи, бывшей грозой для Средней Азіи, и, наконецъ, завоеваніе единовѣрной Малой Бухаріи, навели на всю Азію паническій страхъ, тѣмъ болѣе, что по господ-

ствовавшему преданію суевѣрные мусульмане вѣрили, что предъ окончаніемъ свѣта китайцы покорятъ весь міръ. Владѣтели киргизскихъ ордъ: Средней—Аблай, Малой—Нурали и бурутскіе старшины спѣшили войдти въ сношенія съ Поднебесной имперіей. Аблай въ 1766 году призналъ себя вассаломъ Богды-хана и получилъ княжескій титулъ. Нурали послалъ посольство въ Пекинъ. Кокандскій владѣлецъ Эрденя-бій (у китайцевъ Одона) въ 1758 году, а впослѣдствіи преемникъ его Нарбута-бій (у китайцевъ Налапота) также признали покровительство Сына Неба. Несмотря на эту видимую покорность, азіатцы были сильно встревожены, особенно когда въ 1762 г. явились къ хану Средней Орды Абуль-Мамету и султану Аблаю китайскіе послы съ 130 человѣками и объявили, что по волѣ Цянь-Луна они намѣрены, съ наступленіемъ весны, послать войско въ Туркестанъ и Самаркандъ и для препровожденія войска просили людей, лошадей, быковъ и барановъ. Эрденя-батыръ, овладѣвшій въ то время Ташкендомъ, владѣтель Ходжанда и Урятюпы Фазылъ-би и киргизскіе султаны послали письмо къ авганскому владѣтелю Ахметъ-шаху, сильнѣйшему изъ азіатскихъ владѣтелей въ это время, и просили его спасти мусульманскій міръ отъ нашествія невѣрныхъ.

Сынъ Бурханеддина и кашгарскіе эмигранты странствовали по всѣмъ мусульманскимъ владѣніямъ, также прося помощи противъ китайцевъ. Страхъ китайцевъ былъ такъ силенъ, что средне-азіатскіе владѣльцы забыли на время междуусобные раздоры и составили союзъ, во главѣ котораго явился Ахметъ, владѣтель Кандагара, основатель династіи Дураніевъ, сильнѣйшій владѣтель Средней Азіи. Весной 1763 г. пришли авганскія войска и стали между Кокандомъ и Ташкендомъ. Депутаціи отъ Ахмета были посланы во всѣ мусульманскія страны, приглашая всѣхъ правовѣрныхъ на газатъ «войну за вѣру». Торговыя сношенія средне-азіатцевъ съ Китаемъ были прерваны, къ чему убѣждали и киргизовъ. Посольство, отправленное отъ Ахмета съ требованіемъ отдать Восточный Туркестанъ ходжѣ, было дурно принято въ Пекинѣ. Туркестанцы ожидали своего избавленія и клятвенно обѣщались бороться

за независимость, а жители Ушъ-Турфана, надѣясь на помощь мусульманъ, произвели въ 1765 году возстаніе, вслѣдствіе котораго городъ этотъ былъ совершенно истребленъ. Авганскій шахъ былъ, однакоже, занятъ войною съ сейками, а другіе средне-азіатскіе владѣльцы были такъ слабы, что явно не смѣли враждовать съ Китаемъ и, такимъ образомъ, эта лига кончилась ничѣмъ; она имѣла, впрочемъ, то значеніе, что виды Китая распространить свои предѣлы до Ташкенда, Сайрама, Сузаа и Туркестана, принадлежавшихъ джунгарамъ, были остановлены, только Бадахшанъ, преданный проклятію за убійство ходжей, пострадалъ чувствительно. 15.000 авганскій корпусъ опустошилъ эту страну, а владѣлецъ его Султанъ-шахъ былъ казненъ. Поступокъ этого владѣтеля относительно ходжи былъ источникомъ всѣхъ несчастій, которыя до сихъ поръ тяготѣютъ надъ этой страной.

На западѣ распространеніе владычества Китая ограничилось естественными рубежами Восточнаго Туркестана и союзомъ, готовымъ къ сопротивленію. На сѣверо-западѣ граница Китая примыкала къ кочевьямъ киргизовъ и бурутовъ и представляла мало естественныхъ препятствій.

Менѣе фанатичные жители сѣверо-западныхъ границъ сами искали покровительства Богдыхана. Въ 1763 году, по просьбѣ киргизскаго посольства, Богдыханъ далъ грамоту, дозволявшую кочевать киргизамъ на мѣстахъ, остававшихся пустыми послѣ джунгаровъ, т. е. въ степяхъ между Балкашемъ и джунгарскимъ Алатау. Китайцы требовали за это, чтобы киргизы со 100 лошадей и рогатаго скота давали одну голову, а съ 1.000 овецъ одну. Для сбора этой дани ежегодно посылали отряды: два изъ Или и по одному изъ Тарбагатая и Кашгара. Одинъ изъ илійскихъ отрядовъ шелъ чрезъ Караталъ на Аягузъ, гдѣ соединялся съ тарбагатайскимъ, другой чрезъ Сенташъ обходилъ по сѣверному берегу озера Иссыкъ-куля, огибалъ западную его оконечность и потомъ по Заукинскому проходу шелъ вверхъ по теченію Нарына до впаденія въ него рѣки Шаръкратъ-ма (впадаетъ съ лѣвой стороны); здѣсь устроенъ былъ мостъ. Кашгарскій отрядъ чрезъ Теректы поднимался на Аксайское плато, потомъ чрезъ горы Бишъ-Билчиръ на р. Атбашъ

и тамъ по проходу, образуемому теченіемъ Чаръ-крома, выходилъ на Нарынъ. Отряды эти мѣнялись таблицами и возвращались по тому же пути обратно. Обыкновенно отрядъ сопровождали китайскіе купцы, которые на пути мѣняли свои товары на скотъ. Отряды эти назывались разъѣздными, а путь ихъ слѣдованія—разъѣздной границей. Кромѣ того, китайцы открыли въ Кульджѣ и Чугучакѣ торгъ съ киргизами. Богдыханъ утверждалъ грамотами ихъ хановъ и посылалъ чиновниковъ при отрядахъ для сжиганія траурной кущи по умершимъ султанамъ. Вслѣдствіе этого илійскій цзянь-цзюнь имѣлъ титулъ главнокомандующаго поколѣніями заграничныхъ хановъ, и въ китайскомъ уложеніи о внѣшнихъ сношеніяхъ появился параграфъ, опредѣляющій порядокъ посылки ко двору киргизовъ и бурутовъ и право наказывать смертью этихъ кочевниковъ за нарушеніе спокойствія.

Восточный Туркестанъ послѣ ужасныхъ послѣдствій ушскаго возстанія долженъ былъ покориться своей участи и нести налоги, опредѣленные Китаемъ. Таковъ былъ ходъ вещей до 1825 года, когда авторитетъ китайскаго могущества одновременно поколебался, какъ въ Малой Бухаріи, такъ и между бурутами и киргизами. Основаніе внѣшнихъ округовъ въ Средней Ордѣ и появленіе русскихъ отрядовъ на семи рѣкахъ и въ кочевьяхъ Багу уничтожили вліяніе Китая между киргизами и бурутами, а возстаніе въ Малой Бухаріи, произведенное потомкомъ Сарымъ-Сака, Дженгиръ-ходжей, показало средне-азіатцамъ, что китайцы не такъ страшны, какъ казались прежде.

Обращаюсь къ обзору дѣйствія этого ходжи, потому что они имѣли большое вліяніе на послѣдующія событія.

Изъ предыдущаго очерка видно, что города Восточнаго Туркестана, лежащіе на востокъ отъ Кучи, не принимали участія въ исторической ея жизни, особенно при ходжахъ. Вслѣдствіе близкаго сосѣдства Китайской имперіи, они подвергались болѣе ея вліянію. При династіи Хань здѣсь были военныя поселенія китайцевъ, потомъ въ Турфанѣ и Комулѣ образовалось турецкое владѣніе Ой-Хоръ, подъ владычествомъ Китая. При династіи Юань Комулъ и Турфанъ принадлежали къ удѣлу Хубелая, а другіе города Малой Бухаріи достались

въ наслѣдство дѣтямъ Джегатая. Впослѣдствіи, когда Малая Бухарія управлялась независимо, восточная часть еще признавала вассальство Минскаго дома, только въ послѣдніе годы этой династіи она была предоставлена собственнымъ силамъ и поневолѣ подчинилась владычеству джунгаровъ. Въ самомъ началѣ управленія Манджурской династіи, комульскій бекъ вступилъ въ подданство Китая, и императоръ Канъ-си былъ самъ въ этомъ городѣ, а Турфанъ съ бекомъ своимъ Амиль-ходжей, наказанные джунгарами, отдались подъ покровительство императора Юнъ-Чжена и были переселены въ города, лежащіе около китайской стѣны Аньси-чжеу и Ша-чжеу и только въ 1755 году возвращены въ свои земли. Вліяніе ходжей здѣсь не распространилось. По этимъ причинамъ китайцы всегда отдавали преимущество и исключительныя права туркестанцамъ восточныхъ городовъ. Князья двухъ городовъ получили наслѣдственные титулы цзюнъ-ванъ (князей), и императоръ Цянъ-Лунъ, желая привязать къ себѣ туркестанцевъ, женился на одной изъ комульскихъ княженъ. Если эта политика Китая имѣла успѣхъ въ восточной части Восточнаго Туркестана, за то западные города, пользовавшіеся большой свободой, не могли привыкнуть къ новому порядку вещей. Обуреваемые духомъ независимости, привыкшіе въ постоянныхъ раздорахъ и войнахъ къ безпокойствамъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ фанатическихъ сосѣдей западной части Восточнаго Туркестана, питали ненависть къ китайцамъ. Ушское возстаніе показало Китаю всю ненадежность этихъ городовъ, въ которыхъ только страхъ и крутыя полицейскія мѣры могли удержать спокойствіе народа. Не довѣряя туземцамъ шести городовъ, китайцы стали назначать въ высшія туземныя власти комульцевъ и турфанцевъ, несомнѣнно имъ преданныхъ, и держать сильные гарнизоны. Страхъ, возбужденный избіеніемъ ушъ-турфанцевъ, и вѣра въ непобѣдимость китайцевъ удерживала народонаселеніе шести городовъ отъ явнаго возмущенія, хотя жестокости и лихоимства правителей до крайности раздражали народъ. При такомъ положеніи дѣлъ ходжи въ своемъ изгнаніи сдѣлались для народа предметомъ особеннаго почитанія. Они поддерживали связи свои съ отечествомъ, благо-

даря тому, что китайцы хотя внесли вмѣстѣ съ своимъ владычествомъ извѣстную систему замкнутости, но по недостатку скотоводства въ предѣлахъ Малой Бухаріи и, наконецъ, изъ желанія сбывать свои произведенія, были поставлены въ необходимость открыть шесть городовъ Малой Бухаріи, лежащихъ близъ границъ, для торговли съ бурутами и жителями сосѣднихъ азіатскихъ странъ. Привиллегія, данная иностранцамъ, доказываетъ, между прочимъ, что китайцы хорошо понимали всю выгоду и необходимость этихъ торговыхъ связей. Тарифъ китайскій былъ таковъ: со скота, пригоняемаго иностранцами, брали натурой $^{1}/_{30}$, между тѣмъ какъ туркестанцы и кочевые подданные Китая платили $^{1}/_{20}$.

Право свободы иностранной торговли не распространялось на Комулъ, Турфанъ, Харашаръ и Куча. Это обстоятельство поддерживало въ шести городахъ связь съ изгнанными ходжами. Таковъ былъ ходъ вещей до 1825 года. Сильное неудовольствіе было скрываемо туркестанцами и они, повидимому, терпѣливо несли свою участь. Спокойствіе не нарушалось до 1816 г., но въ этомъ году Зіяведдинъ, ахунъ черногорской партіи, жившій въ селеніи Ташмалыкъ, въ 180 верстахъ отъ Кашгара, и происходившій отъ наиба черногорскихъ ходжей, поднялъ знамя возстанія и, удалившись въ горы, при помощи киргизовъ, дѣлалъ нападенія на китайцевъ. Хотя онъ и былъ пойманъ и казненъ, но возстаніе продолжалось подъ предводительствомъ сына его Ашрябъ-бека, который вскорѣ былъ пойманъ и подвергся той же участи. Малолѣтній сынъ Зіяведдина Субухеддинъ отвезенъ былъ въ Пекинъ и по совершеннолѣтіи казненъ. Возстаніе это не имѣло важныхъ послѣдствій, потому что глава его былъ не ходжа, но замѣчательно, какъ послѣдняя попытка черногорцевъ, составлявшихъ до сихъ поръ патріотическую партію, по вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ скажемъ ниже, сдѣлались противной стороной, т. е. болѣе преданными китайцамъ не изъ любви къ нимъ, а потому, что на сцену выступили бѣлогорскіе ходжи, какъ законные претенденты на кашгарскій престолъ. Черногорцы, хотя ненавидятъ китайцевъ, но еще болѣе ненавидятъ бѣлогорцевъ.

Сарымъ-Сакъ-ходжа, послѣ долгихъ странствованій по разнымъ средне-азіатскимъ владѣніямъ, въ концѣ своей жизни поселился въ Кокандѣ, чтобы быть ближе къ Кашгару и оттуда получать свои доходы. Бѣлогорцы стали эмигрировать въ Кокандъ и Средняя Азія наполнилась кашгарцами, которые вездѣ и всюду разсказывали съ преувеличеніями о несчастіяхъ своего отечества, о несправедливостяхъ, жестокостяхъ и притѣсненіяхъ китайцевъ, разсказывали, что невѣрные отнимаютъ у нихъ женъ и дочерей и препятствуютъ свободному отправленію вѣры. Несчастіе и кровавый конецъ двухъ кашгарскихъ ходжей всегда возбуждали въ азіатцахъ много сочувствія. Въ началѣ 1820 годовъ снова въ Азіи поднялся этотъ вопросъ. Кашгарцамъ оказывали всюду большое уваженіе. Эмигранты этой націи разъѣзжали изъ одного города въ другой, собирая приношенія для предполагаемаго газата. Разсказы ихъ о судьбѣ своей родины производили желанное дѣйствіе: исторгали слезы, увеличивали приношеніе и представляли ихъ самихъ мучениками въ глазахъ мусульманскаго народа. Въ Бухарѣ публичное чтеніе книги Абумуслимъ, въ которой говорится о томъ, какъ этотъ государь воевалъ съ невѣрными, было запрещено, потому что молодежь, подъ вліяніемъ впечатлѣнія этого чтенія, отправлялась въ Персію, чтобы достигнуть богоугоднаго званія гази или чтобы пріять блаженную смерть шеидовъ, которые, по корану, идутъ прямо въ рай. Бухара была въ мирѣ съ Персіей, а это увлеченіе грозило разрывомъ.

Кашгарскіе эмигранты своими разсказами производили впечатлѣніе въ этомъ же родѣ. Извѣстный Султанъ-ханъ умѣвшій соединить враждебныя колѣна туркменцевъ въ одно цѣлое и производившій набѣги на Персію, былъ, по свидѣтельству Муравьева, кашгарецъ.

Завоеваніе Бадахшана кундузскимъ эмиромъ, который переселилъ жителей этой прекрасной страны въ свои болота, было сдѣлано, какъ говорятъ азіатцы, вслѣдствіе памяти о ходжіяхъ, тѣмъ болѣе, что Муратъ-бекъ былъ въ родствѣ съ Сарымъ-Сакомъ. Сарымъ-Сакъ-ходжа имѣлъ трехъ сыновей: Мятъ-Юсуфъ-ходжа, Пахавведдинъ-ходжа и Дженгиръ-ходжа; старшій жилъ въ Бухарѣ.

Послѣ переселенія ходжей въ Кокандъ, китайцы вступили въ сношеніе съ кокандскимъ ханомъ. Китайское посольство, при помощи даровъ, убѣдило кокандскаго хана подвергнуть строгому надзору ходжей и обязалось ежегодно давать за то кокандцамъ по 200 ямбъ. Переводчикъ Назаровъ, бывшій въ Кокандѣ въ 1813 году, видѣлъ у кокандскаго хана Омара китайское посольство.

Дженгиръ-ходжа родился въ 1783 году, онъ былъ человѣкъ предпріимчивый и умный и, познакомившись съ состояніемъ Китая, зная преданность къ своей фамиліи туземцевъ, рѣшился поднять возстаніе. Пользуясь смертію хана Омара въ 1822 году, Дженгиръ бѣжалъ изъ Коканда въ кочевья дикокаменныхъ киргизовъ и тамъ началъ готовиться къ походу на Кашгаръ. Такимъ образомъ, Дженгиръ положилъ основаніе постояннымъ возстаніямъ, которыя не прекращаются до сихъ поръ. Они извѣстны у китайцевъ подъ названіемъ бунтовъ, а у азіатцевъ подъ почетнымъ названіемъ «газата». Въ первый разъ Дженгиръ, съ соколиной охоты въ окрестностяхъ Коканда, рѣшился вдругъ, безъ приготовленій, отправиться къ дикокаменнымъ киргизамъ и успѣлъ ихъ уговорить идти на Кашгаръ. Родоначальникъ киргизскаго колѣна Чонъ-Багышъ Суранчи подступилъ къ городу, ограбилъ окрестныя селенія, но скоро былъ прогнанъ. Эта первая попытка ходжи извѣстна у китайцевъ подъ названіемъ: «бунта бурута Суранчи». Послѣ этой неудачи, Дженгиръ странствовалъ въ горныхъ владѣніяхъ Болора и въ киргизскихъ улусахъ, пока не попалъ къ киргизамъ рода Саякъ. Значительные вожди этого племени Атантай и Тайлакъ сдѣлались ревностными его сподвижниками. Верховье р. Нарынъ, сборное мѣсто киргизскихъ стойбищъ, сдѣлалось мѣстомъ постояннаго пребыванія ходжи. Дженгиръ умѣлъ пріобрѣсти между киргизами славу святаго и боговдохновеннаго. Тянь-шанскіе киргизы всегда принимали ревностное участіе въ дѣлахъ Кашгара и потому заимствовали отъ кашгарцевъ уваженіе къ ходжамъ. Народныя легенды ихъ съ большимъ уваженіемъ говорятъ о ходжахъ; особенно о послѣднихъ бѣлогорскихъ братьяхъ и, вообще говоря, киргизы по преимуществу бѣлогорцы. Дженгиръ со своими кочевыми

партизанами дѣлалъ нѣсколько набѣговъ на Кашгаръ, всегда, впрочемъ, безъуспѣшно, но одинъ случай поощрилъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и увеличилъ число его сектаторовъ. Китайцы, чтобы окончить разомъ тревожившіе ихъ набѣги, отправили 500 человѣкъ солоновъ и сибо, подъ предводительствомъ амбаня, чтобы врасплохъ напасть на аулъ Атантая и захватить Джснгира. Замыселъ былъ веденъ съ большимъ искусствомъ. Киргизскіе вожаки провели отрядъ вверхъ по рѣкѣ Тоинъ чрезъ Чадыръ-куль на берега Нарына, нѣсколько ниже укрѣпленія Куртки, гдѣ стоялъ аулъ Атантая, китайцы шли только по ночамъ и никто не зналъ о ихъ движеніи, но къ счастію Джснгира, его въ это время не было у Атантая, а потому китайцы, ограбивъ аулъ, возвратились назадъ. Киргизы и Джснгиръ, бывшіе на какомъ-то торжествѣ, получили свѣдѣніе о случившемся въ аулахъ Атантая, настигли китайцевъ въ узкомъ проходѣ. Би-Чебылды, изъ рода Бассызъ, атаковалъ ихъ такъ стремительно, что только одинъ китаецъ могъ спастись, а остальные были изрублены вмѣстѣ съ своимъ генераломъ. Это дѣло было принято за чудо и Джснгиръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Онъ поспѣшилъ увѣдомить о своей побѣдѣ кокандскаго хана, уратюбинскаго владѣтеля, кундузскаго эмира; агенты его были разосланы въ разныя кочевыя племена узбековъ, кайсаковъ и бурутовъ. Весь 25 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ. Кашгарскіе эмигранты, кокандскіе сипаи, узбеки колѣнъ Юзъ, Кипчакъ, Тюркъ и другіе мусульманскіе воины, горные таджики въ своихъ черныхъ костюмахъ, спѣшили подъ знамя аппаковъ. Многіе кокандскіе чиновники оставили свои мѣста, чтобы идти въ газатъ.

Весной (въ маѣ) 1826 года Джснгиръ со своими войсками, которыми командовалъ бывшій комендантъ кокандскаго города Анджана Иса-датха, расположился лагеремъ въ селеніи Бишкиримъ и увеличивъ свои силы жителями селеній Кашгарскаго округа, на равнинѣ Давлетъ-Бахъ на правомъ берегу р. Тюмени разбилъ на-голову китайцевъ, вышедшихъ на встрѣчу подъ личнымъ наблюденіемъ илійскаго цзянь-цзюня.

При этомъ горные таджики дрались съ особеннымъ муже-

ствомъ—черное и узкое платье ихъ было причиной слуховъ, распространившихся въ то время объ участіи англичанъ, которыхъ никогда не было. Китайцы заперлись въ свою цитадель, а ходжа, при радостныхъ крикахъ народа, вступилъ въ Кашгаръ. Дженгиръ, занявшій Кашгаръ, принялъ титулъ сеида Дженгиръ-султана и учредилъ придворные и военные чины по образу кокандскому. Въ достоинство минъ-баши возвелъ кокандскаго датху Иса, всѣ кашгарскіе беки были оставлены при своихъ мѣстахъ, только китайскій колпакъ съ шарикомъ и павлинымъ перомъ они перемѣнили на чалму и стали ѣздить на кокандскомъ сѣдлѣ и кокандскихъ лошадяхъ. Правитель Кашгара Мятъ-Сеидъ-ванъ, комульскій уроженецъ, за оскорбительные отзывы о ходжѣ и за притѣсненіе народа, по суду ахуновъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. Города: Еркендъ, Янысаръ и Хотанъ возстали противъ китайцевъ, перерѣзали гарнизоны и разрушили до основанія китайскія крѣпости, а ополченія ихъ спѣшили въ Кашгаръ на службу къ ходжѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пришелъ кокандскій ханъ съ 15.000 войска, онъ жаждалъ славы и не могъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ этихъ происшествій. Неизвѣстно почему Дженгиръ встрѣтилъ его весьма неблагосклонно, такъ что ханъ, предоставленный собственнымъ средствамъ, сдѣлалъ нѣсколько штурмовъ на китайскую крѣпость и потерялъ до 1.000 человѣкъ своихъ солдатъ. Чрезъ 12 дней вернулся онъ обратно и началъ бить монету съ титуломъ гази. Между тѣмъ Дженгиръ велъ осаду китайской крѣпости. Лишенные воды и провизіи, китайцы на 70-й день осады должны были прекратить оборону. Мандарины лишили себя жизни, а остальные китайцы ночью успѣли выйдти изъ крѣпости и только за Тишикташскимъ карауломъ въ горахъ были настигнуты кашгарцами и избиты за исключеніемъ 400 человѣкъ тунгеней и китайцевъ, принявшихъ исламъ. Гарнизонъ въ Кашгарѣ состоялъ, по однимъ свѣдѣніямъ, изъ 10.000, а по другимъ—изъ 8.000 чел. подъ начальствомъ илійскаго цзянь-цзюня І-Я, имѣвшаго званіе гуна. Послѣ того ходжа отправилъ своихъ пословъ въ Кокандъ съ 400 человѣкъ китайцевъ, въ Бухару, Кундузъ,

Балхъ, Хиву и въ кочевыя племена. Эммисары ходжи доходили до киргизовъ Большой Орды. Въ ожиданіи помощи отъ средне-азіатскихъ мусульманъ, Дженгиръ не воспользовался своимъ успѣхомъ и, медля, далъ время китайцамъ собрать войска. Еслибъ Дженгиръ, послѣ взятія кашгарской крѣпости, двинулся прямо на Аксу, то, конечно, весь Восточный Туркестанъ былъ бы въ его рукахъ и даже Кульджа подверглась бы опасности. Дженгиръ умѣренной политикой умѣлъ привязать къ себѣ самыхъ усердныхъ приверженцевъ китайскаго правительства и многіе беки раздѣляли впослѣдствіи всѣ его бѣдствія; народъ питалъ къ нему неограниченную любовь. Наконецъ, Дженгиръ старался привязать къ себѣ и черногорцевъ, давая имъ должности. Если вѣрить разсказамъ, то калмыки пришли въ такое броженіе, что китайцы отказались употребить ихъ противъ ходжи, ибо они дезертировали въ большихъ массахъ. Мусульманское населеніе въ городахъ, оставшихся у китайцевъ, даже въ самой Кульджѣ, начало думать о избавленіи. Многіе заговоры были открыты китайцами и виновники ихъ сосланы въ южныя губерніи, между тѣмъ, происки кокандскаго хана произвели въ войскахъ ходжи раздоры, такъ что онъ долженъ былъ лишить Ису званія минъ-баши и назначить на его мѣсто кашгарца; но перемѣна эта не измѣнила положенія дѣлъ и медленность Дженгира лишила его плодовъ первыхъ удачъ, китайцы имѣли время оправиться и въ Кульджѣ стали сосредоточиваться ихъ войска.

Дженгиръ имѣлъ до 200 т. человѣкъ войска вооруженнаго чѣмъ попало, имѣлъ нѣсколько пушекъ, взятыхъ у китайцевъ, ружья обыкновенныя и китайскія крѣпостныя, которыхъ прислуга состоитъ изъ трехъ человѣкъ, кромѣ того, у него были замбураки, верблюжья артиллерія. Киргизы содержали разъѣзды, изъ нихъ были составлены партизанскіе отряды для грабежа китайскихъ транспортовъ съ провіантомъ и фуражемъ; глава ихъ Атантай имѣлъ большой вѣсъ въ совѣтѣ ходжи, который отдалъ ему дочь бывшаго хакимъ-бека.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пришли въ Аксу 70.000 китайцевъ, ими начальствовалъ джунъ-тапъ, высшій китайскій сановникъ. До февраля китайцы стояли въ Аксу, только послѣ новаго

года выступили въ Кашгаръ. Сильное ополченіе городовъ: Кашгара, Еркенда и Хотана, средне-азіатскіе волонтеры и дикокаменные киргизы, вспомогательные отряды изъ Кудусы, Урятюпы и таджиковъ выступили противъ китайцевъ. Китайцы шли въ стройномъ порядкѣ и встрѣтили непріятеля пушечной пальбой. Солдаты изъ провинціи Сы-чуань, одѣтые въ чалмы и кокандскіе халаты, смѣшались съ ополченцами Дженгира и произвели въ нихъ безпорядокъ. Кокандцы первые пришли въ замѣшательство и обратились въ бѣгство, а за ними и все ополченіе, такъ что ходжа едва успѣлъ спастись въ горы, потерявъ владычество, продолжавшееся 9 мѣсяцевъ. Китайцы, ободренные успѣхомъ, отправили для преслѣдованія Дженгира, большой отрядъ, который приблизился къ городу Ошъ. Это движеніе напомнило кокандцамъ опять кончину міра. Ханъ собиралъ войска и всѣ были подъ вліяніемъ фанатическаго страха. Между тѣмъ Дженгиръ, собравши полчище дикокаменныхъ киргизовъ, снова сразился съ китайцами и изрубилъ ихъ. Исхакъ-ваннъ, родомъ изъ Куне-Турфана, человѣкъ хитрый и вполнѣ преданный китайцамъ, назначенъ былъ правителемъ Кашгара; онъ деньгами склонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ дикокаменныхъ киргизовъ и чрезъ своихъ агентовъ увѣрилъ Дженгира въ своей преданности и готовности сдать ему Кашгаръ и, наконецъ, при помощи чонъ-богышскаго бія изъ рода Машакъ успѣлъ измѣннически захватить Дженгира и предать его въ руки китайцевъ. Отправленный въ Пекинъ, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ, какъ мятежникъ, изрѣзанъ на части.

Возстаніе Дженгира, окончившееся въ 1828 году, хотя продолжалось всего 9 мѣсяцевъ, имѣетъ чрезвычайное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Свои набѣги Дженгиръ облекъ въ законную форму домагательствъ претендента, ищущаго наслѣдственныя права, а имя «газата», священной войны, возбуждало сочувствіе фанатическихъ мусульманъ Средней Азіи. Послѣ дженгирскаго возстанія обнаружилась вся слабость китайцевъ, которые до тѣхъ поръ для азіатцевъ казались непобѣдимыми. Кашгарскіе патріоты ожили духомъ и получили новую и сильную надежду къ возвращенію само-

стоятельности своего отечества, а народъ Восточнаго Туркестана, переносившій съ такимъ терпѣніемъ всѣ несправедливости китайскихъ чиновниковъ и своихъ бековъ, смотрѣлъ на ходжей, какъ на вѣрныхъ защитниковъ, готовыхъ всегда, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивать его права.

Кокандцы пріобрѣли то политическое вліяніе, которымъ они пользуются нынѣ.

Полномочный Наянъ-Чэнъ, которому поручено было устроить западный край, принялъ крутыя мѣры къ прекращенію подобныхъ событій на будущее время. Вся тяжесть мѣръ пала на бѣдныхъ туземцевъ, которые подверглись казни, дома ихъ были раззорены, а имущество конфисковано. Зная коварные поступки кокандскаго хана и чтобы наказать его за участіе въ возстаніи, полномочный рѣшилъ арестовать всѣхъ кокандскихъ купцовъ, какъ мятежниковъ, и прервать всѣ сношенія съ этимъ владѣніемъ. Китайцы имѣютъ убѣжденіе, что всѣ народы зависятъ въ торговомъ отношеніи отъ нихъ, а потому полномочный считалъ лишеніе торговыхъ связей для кокандцевъ высшимъ наказаніемъ. Съ этою цѣлью устроены были въ селеніи Тугузакъ въ 20 верстахъ отъ Кашгара, и въ селеніи Лянгаръ, въ 40 верстахъ отъ Еркенда, таможенныя заставы и при нихъ торговые дворы. Съ приближеніемъ каждаго каравана къ пикету, встрѣчали его китайскіе солдаты при довѣренномъ офицерѣ, который еще внѣ аула записывалъ количество прибывшихъ людей, число тюковъ и товаровъ, препровождая ихъ на торговый дворъ; потомъ пріѣзжалъ другой чиновникъ, подъ надзоромъ котораго производилась разторжка. Во все время торга пріѣзжающіе купцы находились безвыходно подъ строгимъ карауломъ, и по окончаніи промѣна караванъ сопровождался обратно за черту китайскихъ владѣній, подъ конвоемъ того же офицера, который встрѣчалъ караванъ при въѣздѣ. Чтобы сдѣлать эти стѣсненія еще болѣе чувствительными, китайцы вошли въ сношеніе съ бухарцами и кундузцами и приглашали ихъ привозить свои товары, но эти купцы должны были также подвергаться всей стѣснительной системѣ, изобрѣтенный для анджанцевъ. Дикокаменные киргизы, хотя заслуживали наказанія наравнѣ съ кокандцами, но

такъ какъ, по недостатку скотоводства въ области шести городовъ, китайцы находятся постоянно въ зависимости отъ нихъ, то должны были допустить ихъ и даже приглашать къ пригону скота. Купецъ Пиленковъ разсказываетъ, что во время войны съ Дженгиромъ, въ Аксу сдѣлалась такая дороговизна, что китайцы двухъ барановъ покупали по ямбу (113 рублей), а въ Кашгарѣ по 30 рублей серебромъ. Мѣры китайскаго правительства достигли цѣли. Вся Средняя Азія и Авганистанъ пользовались чаемъ, привозимымъ чрезъ Кокандъ изъ Кашгара, и употребленіе чая вошло въ повсемѣстное употребленіе.

Въ 1829 году стѣсненія въ торговлѣ чаемъ до того сдѣлались обременительными, что кокандцы рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ открыть себѣ торговлю.

Мадали-ханъ, человѣкъ молодой, склонный къ роскоши и разврату, умѣлъ, однако жъ, выбрать такихъ способныхъ помощниковъ, какими были минъ-баши, Хакъ-кулы, узбекъ изъ племени Юзъ и кушбеги Ляшкаръ, персидскій рабъ, возведенный Мадали-ханомъ до высшихъ должностей и назначенный потомъ ташкендскимъ намѣстникомъ съ титуломъ беглеръбека. При помощи этихъ визирей Мадали завоевалъ горныя владѣнія: Каратигенъ, Дарвазъ, Кулябъ и распространилъ свое вліяніе на всѣ бурутскія племена, на Большую Орду и частью даже на Среднюю. Первая половина царствованія этого хана была блестящимъ временемъ военной славы кокандцевъ и потому понятно, что Мадали началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ китайцами. Чтобы не встрѣтить сопротивленія туземцевъ, которые вообще были тогда нерасположены къ кокандцамъ, и чтобы пользоваться ихъ содѣйствіемъ, Мадалиханъ вызвалъ, тайно отъ бухарскаго эмира, ходжу Мэдъ-Юсуфа, старшаго брата Дженгира, который постоянно жилъ въ Бухарѣ. Послѣ этого ханъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ жителямъ ханства, объявивъ, что онъ, какъ мусульманскій владѣтель и сосѣдъ, не можетъ быть равнодушнымъ зрителемъ тягостнаго ига невѣрныхъ, которые взимаютъ неправильные налоги, насильствуютъ женъ и дочерей мусульманъ и проч. Для вящшаго возбужденія сочувствія, онъ присовокупилъ къ этому небывалый фактъ, что китайцы оскорбляютъ мусульманскія

святыни и препятствуютъ свободѣ къ отправленію вѣры, и потому, внимая воплямъ правовѣрныхъ кашгарцевъ, онъ хочетъ освободить ихъ отъ рабства и возвести Мэдъ-Юсуфъ-ходжу на престолъ предковъ.

Въ сентябрѣ 1830 года Мэдъ-Юсуфъ-ходжа съ войсками кокандскими—20.000, ташкендскими—15.000 и горныхъ татжиковъ—2.000, изъ Каратигена, всего съ кашгарскими эмигрантами до 40.000 человѣкъ, при 10 замбуракахъ на верблюдахъ подъ начальствомъ самаго минъ-баши Хакъ-кулы, тестя ханскаго Мядъ-Шарифа и ташкендскаго кушъ-беги Ляшкара выступилъ въ походъ. Китайцы, знавшіе о военныхъ приготовленіяхъ кокандцевъ, вышли къ нимъ въ числѣ 3.000 человѣкъ на встрѣчу, чтобы не допустить къ границѣ, но были на-голову разбиты при урочищѣ Минъ-Юль. Послѣ того Хакъ-кулы, еще разъ разбившій китайцевъ, взялъ Кашгаръ и ввелъ Мэдъ-Юсуфа-ходжу въ управленіе. Кушъ-беги Ляшкаръ овладѣлъ Янысаромъ, Еркендомъ и Хотаномъ, прошелъ до Аксу, предавая мечу всѣхъ, которые оказывали сопротивленіе и распростеръ свои разъѣзды до Музартскаго прохода. Китайскія войска находились въ Карашарѣ и медлили выступленіемъ. Въ Кульджѣ стали собирать отъ калмыковъ верблюдовъ и торгоуты должны были дать до 2.000 человѣкъ, которые шли неохотно.

Между тѣмъ враждебныя дѣйствія бухарскаго эмира заставили кокандскаго хана отозвать Хакъ-кулы, занятаго осадою кашгарской цитадели, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ кокандскія войска возвратились обратно. Мэдъ-Юсуфъ-ходжа, видя невозможность удержаться одному и будучи человѣкомъ миролюбиваго характера, возвратился также въ Кокандъ. Владычество его продолжалось ровно 90 дней. Во время этой войны было переселено въ кокандскія владѣнія до 70.000 кашгарцевъ, которые были поселены на Сыръ-Дарьѣ, ниже Ходжанта, въ урочищѣ Далвасъ и въ Ташкендѣ, гдѣ они основали селеніе Янышаръ. Всѣ эти кашгарцы получили десятилѣтнюю льготу. Кромѣ того, кокандцы въ эту войну захватили до 500 человѣкъ китайцевъ, взяли множество оружія и награбили немалое количество чаю и серебра.

Положеніе западнаго Китая въ этомъ году было затруднительное. Въ губерніи Шанъ-Си обнаружилось возстаніе и инсургенты дѣйствовали съ успѣхомъ; Баркуль былъ взятъ магометанскими мятежниками и жители его побиты, поэтому только въ январѣ стали въ Или сосредоточиваться войска, въ то время уже, когда кокандцы оставили Кашгаръ.

Весною 1831 года кокандцы начали войну съ дикокаменными киргизами. Хакъ-кулы съ 7.000 сипаевъ разбилъ въ верховьяхъ Нарына улусы Саяковъ, взялъ въ плѣнъ предводителей ихъ: Атантая и Тайлака и возвратился съ множествомъ скота, имущества и плѣнниковъ обоего пола, а ташкендскій кушъ-беги преслѣдовалъ бугинцевъ и вторгнулся въ предѣлы Илійскаго округа до военныхъ поселеній Сибо. Эти обстоятельства заставили китайцевъ перемѣнить свою политику. Въ 1831 году, весной, пріѣхали четыре человѣка китайскихъ пословъ съ предложеніями о мирѣ. Кокандскій ханъ задержалъ троихъ изъ нихъ въ Кокандѣ, четвертаго отправилъ съ своими послами въ Пекинъ. Кокандскимъ полномочнымъ назначенъ былъ купецъ Алимъ-патша, который выговорилъ для своего владѣтеля слѣдующія права: 1) пошлина съ товаровъ, привозимыхъ иностранцами въ шесть городовъ Восточнаго Туркестана: Аксу, Ушъ-Турфанъ, Кашгаръ, Япысаръ, Еркендъ и Хотанъ, предоставляется кокандцамъ; 2) для сбора этой пошлины кокандцы будутъ имѣть въ каждомъ изъ вышеупомянутыхъ городовъ торговаго пристава «аксакала» подъ главнымъ надзоромъ кашгарскаго пристава, который долженъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическимъ представителемъ своего владѣтеля; 3) всѣ иностранцы, пріѣзжающіе въ шесть городовъ, должны зависѣть отъ кокандскихъ приставовъ въ административномъ и полицейскомъ отношеніяхъ. Съ своей стороны кокандцы обязаны наблюдать за ходжами и не дозволять имъ выѣзжать изъ границы своего владѣнія, а въ случаѣ бѣгства подвергать заточенію.

Въ 1832 году этотъ самый Алимъ былъ назначенъ кашгарскимъ аксакаломъ, получивъ этотъ городъ, какъ и всѣ должности въ Кокандѣ, на аренду.

Такимъ образомъ начались снова торговыя и политическія

сношенія Коканда съ западнымъ Китаемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе кокандцевъ, которые, пользуясь миролюбивой политикою китайцевъ, постепенно присваивали себѣ разныя привиллегіи и, какъ люди, не знающіе никакихъ правилъ народныхъ отношеній, дозволяли себѣ постоянно дерзости и наглости, которыя китайцы переносятъ съ большимъ терпѣніемъ.

Возстаніе Восточнаго Туркестана въ 1825 и 1830 годахъ и послѣдствія ихъ нанесли китайцамъ такой ударъ, отъ котораго до сихъ поръ они не могутъ оправиться; разъѣздная граница не посѣщалась китайцами съ 1825 года и для слѣдованія войскъ избранъ другой путь, чрезъ Музартскій ледникъ. Неудачная экспедиція за границу къ Нарыну, противъ Дженгира, на Манъ-Юль, привела китайцевъ въ то опасное состояніе относительно своихъ границъ, которымъ отличаются онѣ теперь. Кокандцы, подчинивъ дикокаменныхъ киргизовъ, опоясали границы Восточнаго Туркестана до самаго Хотана,— въ 1832 году на Нарынѣ основано было кокандцами укрѣпленіе Куртка, а потомъ на Памирѣ—Ташъ-курганъ.

Въ городахъ Восточнаго Туркестана кокандцы не менѣе сильны, потому что почти 1/4 часть населенія подчиняется имъ. Интересы Коканда требовали теперь принять мѣры къ прекращенію набѣговъ ходжей и потому учрежденъ былъ за ними надзоръ. До 1846 года Восточный Туркестанъ пользовался совершеннымъ спокойствіемъ подъ управленіемъ хакимъ-бека Зурдуна, человѣка справедливаго и защищавшаго интересы народа предъ китайскимъ правительствомъ. Зурдунъ-бекъ въ 1830 году эмигрировалъ въ Кокандъ, оттуда пробрался на сибирскую границу въ Петропавловскъ, былъ въ Казани и, возвратившись чрезъ Семипалатинскъ въ Кульджу, представился цзянь-цзюню. Зурдунъ объявилъ, что онъ убѣжалъ изъ кокандскаго плѣна, и на этомъ основаніи онъ получилъ должность кашгарскаго ишкаги, а потомъ хакимъ-бека. Зурдунъ-бекъ покровительствовалъ торговлѣ, любилъ нашихъ Татаръ и поощрялъ ихъ завести прямыя сношенія съ Кашгаромъ; ему обязанъ Кашгаръ устройствомъ стѣнъ и основаніемъ новыхъ кварталовъ.

Въ 1845 году начались смуты въ Кокандѣ съ возведе-

ніемъ на ханство 14-ти-лѣтняго Худояра, подъ опекою сильнаго временщика Мусульманъ-кула. Безпорядки въ Кокандѣ отражались и въ Кашгарѣ: аксакалы безпрестанно смѣнялись и даже одинъ изъ нихъ Абдулъ-Афуръ, вызванный въ Кокандъ, былъ повѣшенъ. Дикокаменные киргизы толпою врывались въ границы китайскихъ пикетовъ, а кокандскій аксакалъ бралъ дары, обѣщая остановить киргизовъ. Этими безпорядками воспользовались ходжи и съ небольшими силами, составленными большею частію изъ кашгарскихъ эмигрантовъ и дикокаменныхъ киргизовъ, подступили осенью 1847 года къ Кашгару. Правитель города Касимъ-бекъ рѣшился не сдавать города до тѣхъ поръ, пока ходжи не возьмутъ китайскую крѣпость. Китайцы, сдѣлавшіе вылазку, были разбиты, обратились въ бѣгство и, преслѣдуемые ходжами, были потоплены въ р. Кызылъ. Ходжи извѣстили городъ о своей побѣдѣ звукомъ трубъ, но беки продолжали защищаться и выгоняли народъ на городскія стѣны. Между тѣмъ кокандскій аксакалъ Намэдъ - ханъ изъ ташкентскихъ купцовъ, поставленный въ эту должность кипчаками, подземнымъ ходомъ вошелъ въ сношеніе съ ходжами о передачѣ имъ города. На второй недѣлѣ рано утромъ кокандцы отворили ворота и ходжи вступили въ городъ. Хакимъ-бекъ Касимъ и другіе беки успѣли спастись бѣгствомъ въ китайскую цитадель.

Возстаніе это извѣстно подъ названіемъ «бунта семи ходжей», потому что въ немъ участвовали 7 человѣкъ изъ фамиліи Аппаковъ. Старшій изъ нихъ Ишанъ-ханъ-тюря, извѣстный болѣе подъ именемъ Катта-хана, былъ провозглашенъ владѣтелемъ, а другіе ходжи назначены правителями въ окрестныя селенія.

Валиханъ-тюря, произведшій въ 1857 году послѣднее возстаніе, былъ правителемъ города Япысара и успѣлъ ознаменовать свое управленіе безпримѣрной жестокостію. Владычество семи ходжіевъ началось грабежомъ домовъ бековъ и составленіемъ обширнаго гарема. Получивши воспитаніе въ Кокандѣ, они чуждались обычаевъ своихъ соотечественниковъ и окружили себя анджанцами. Кокандскій аксакалъ Намэдъ-ханъ былъ возведенъ въ званіе минъ-баши. Вообще

Катта-ханъ не умѣлъ ни привязать къ себѣ народъ, ни даже внушить страхъ. Единственный способный человѣкъ въ это возстаніе былъ Тавеккель-ходжа, тоже потомокъ Магомета, но изъ другой линіи, поселившійся между болорскими таджиками. Этотъ ходжа, человѣкъ дѣятельный и необыкновенно храбрый командовалъ въ званіи батыръ-баши войсками, осаждавшими Кашгаръ, а потому отправленъ былъ въ Аксу. Между тѣмъ въ Кульджѣ стали готовиться къ войнѣ. Тотчасъ послѣ полученія извѣстія о бунтѣ, изъ Кульджи выступилъ отрядъ, который вскорѣ былъ возвращенъ обратно, чтобы не ослабить городъ и для отправленія въ Кашгаръ ожидали войскъ изъ Урумчи и Лянъ-чжеу. По прибытіи ихъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, выступили изъ Кульджи войска, состоявшія изъ нѣсколькихъ сотъ манджуровъ, солдатъ зеленаго знамени Сибо и Солоновъ, подкрѣпленные 1.000 человѣками торгоутовъ и 3.000 «чашпановъ», преступниковъ, сосланныхъ изъ южныхъ губерній, которые предъ выступленіемъ ограбили въ Кульджѣ лавки и частные дома. Войско это, подъ начальствомъ цзянь-цзюня Іо, расположилось на зимнія квартиры въ Маралъ-Баши. Передъ приходомъ китайцевъ, ходжа Катта-ханъ отправился для взятія Еркенда. Китайскіе преступники, несмотря на запрещеніе, напали на передовой отрядъ ходжи и разбили его на голову. Катта-ханъ поспѣшилъ въ Кашгаръ, но жители этого города, недовольные предпочтеніемъ, которое онъ оказывалъ анджанцамъ, и обремененные большими налогами, заперли городскія ворота. Сдѣлавши нѣсколько стычекъ съ китайцами, ходжа бѣжалъ въ Кокандъ, а китайцы безъ усилія заняли Кашгаръ. Говорятъ, что китайскихъ войскъ было до 64.000 и что въ Кульджу шли еще подкрѣпленія. Цифра эта, кажется, нѣсколько преувеличена; надо полагать, что другое извѣстіе, по которому считается посланныхъ войскъ изъ Урумчи 4.000, изъ Кульджи 6.000, изъ Лянъ-чжеу 20.000— болѣе вѣрно. На этотъ разъ изъ Кашгара эмигрировало болѣе 20.000 человѣкъ обоего пола, которые, большею частію, отъ сильныхъ морозовъ, погибли въ горахъ Теректы, гдѣ скелеты ихъ до сихъ поръ покрываютъ этотъ проходъ. Бѣгство происходило въ самое холодное время года, въ январѣ;

снѣжные обвалы не мало вредили бѣгущимъ: одинъ чайный караванъ былъ засыпанъ большимъ обваломъ и товары до весны оставались подъ снѣгомъ. Въ этомъ же году, по предложенію китайцевъ, снова были возобновлены торговыя и политическія сношенія на прежнихъ основаніяхъ. Кокандцы, понявши слабость Китая и всю свою силу надъ ними, имѣя въ рукахъ ходжей, стали слишкомъ безцеремонно обходиться съ богдыханскимъ правительствомъ. Намэдъ-ханъ, передавшій Кашгаръ ходжамъ и бывшій у нихъ минъ-башей, былъ снова назначенъ кокандскимъ ханомъ въ званіе аксакала. Всѣ кокандцы, служившіе ходжамъ, жили спокойно въ Кашгарѣ подъ покровительствомъ аксакала. Кокандцы стали мало обращать вниманія на дѣйствія ходжей, тѣмъ болѣе, что это не разрывало ихъ сношеній, а, напротивъ, еще болѣе утверждало ихъ вліяніе. Въ 1855 и 1856 годахъ Кичикъ-ханъ-тюря и Валиханъ-тюря предпринимали нѣсколько нападеній, но по малочисленности своихъ отрядовъ не могли проникнуть чрезъ границы пограничныхъ пикетовъ.

Въ 1857 г. происходило послѣднее возстаніе [1]). Весною 1857 г. мѣсяца рамазанъ, въ самый день праздника розговенья, ходжа Валиханъ-тюря бѣжалъ изъ Коканда въ сопровожденіи 7 человѣкъ кашгарскихъ эмигрантовъ. Ночью пріѣхавши въ кокандское укрѣпленіе Оксалуръ, лежащее на пути изъ Оша въ Кашгаръ, ходжа убилъ коменданта этой крѣпости, а гарнизонъ присоединилъ къ себѣ. Нѣсколько человѣкъ солдатъ, отправленныхъ кашгарскимъ аксакаломъ Наръ-Матъ-датха, для сбора зекета съ киргизъ рода Чонъ-Багышъ, кочующихъ по близости укрѣпленія, онъ также присоединилъ къ себѣ, поставилъ на всѣхъ дорогахъ, идущихъ въ Кашгаръ, караулы, чтобы киргизы не могли дать знать въ городъ и, оставшись тутъ, послалъ своихъ агентовъ собирать киргизское ополче-

---

[1]) Эпизодъ возстанія Валихана-тюря былъ уже напечатанъ съ нѣкоторыми сокращеніями въ 1-й книжкѣ Записокъ. Здѣсь онъ помѣщается снова, чтобы не нарушить цѣлости статьи, тѣмъ болѣе, что въ извлеченіи вкралась ошибка. На 22-й стр. Геогр. Лѣт. въ 1-й книжкѣ сказано: городъ Яркендъ (Эркендъ) былъ вскорѣ взятъ ходжей. Должно читать: городъ Япысаръ былъ и пр.—*Авт.*

ніе. Нѣсколько кашгарскихъ бековъ, посланныхъ китайцами по направленію къ Ошу для собиранія слуховъ о ходжіяхъ, были пойманы и представлены Валихану, который, не вступая ни въ какія разспросы, собственноручно отрубилъ имъ головы. На другой день, переночевавъ около переправы чрезъ Кызылъ, въ слѣдующую за тѣмъ ночь онъ достигъ перваго китайскаго пикета. Часовыхъ на стѣнѣ у воротъ не было. одинъ изъ спутниковъ ходжи перелѣзъ чрезъ стѣну и отворилъ ворота. Валиханъ-тюря, съ обнаженною саблею и въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, вошелъ въ казармы и изрубилъ всѣхъ безъ исключенія китайцевъ, которые лежали и курили опіумъ; той же участи подверглись и кашгарцы, бывшіе на пикетѣ. Покончивши съ пикетомъ, ходжа, въ 4 ч. утра, явился предъ юго-западными воротами Кашгара. Въ городѣ была совершенная тишина. Приверженцы ходжи собрали дрова, привезенныя для продажи въ городъ и оставшіяся внѣ стѣны, зажгли у воротъ большой кастеръ и употребили для взрыва ихъ порохъ, захваченный на пикетѣ. Ничто однакожъ не нарушало тишины города и никто не зналъ тамъ о происходившемъ. Когда обрушились ворота, одинъ изъ спутниковъ ходжи проскакалъ по улицамъ города съ крикомъ да здравствуетъ Бузрюкъ-ханъ-тюря [1]). Все вдругъ взволновалось, жители города взялись за оружіе и не медля перебили всѣхъ китайцевъ, разграбивъ ихъ лавки и дома. Ходжа, привѣтствуемый въ воротахъ кокандскимъ аксакаломъ, вступилъ въ городъ. Дворецъ хакимъ-бека, успѣвшаго убѣжать чрезъ другія ворота въ китайскій городъ, былъ очищенъ, и Валихана-тюря встрѣтили во дворцѣ со звукомъ трубъ и бубенъ. Всѣ беки, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были схвачены усердными жителями и ходжа доставилъ себѣ удовольствіе изрубить изъ нихъ своеручно нѣсколько человѣкъ. На другой день пришли жители селеній Артышей, Бишкиримъ, подъ начальствомъ вліятельнѣйшаго бѣлогорскаго

[1]) Бузрюкъ-ханъ единственный сынъ Дженгира. Этотъ ходжа еще не предпринималъ газата, но любимъ кашгарцами, которые ждутъ его какъ избавителя. Валиханъ воспользовался его именемъ, чтобы найти болѣе сочувствія.—*Авт.*

шейхъ-ахуна и двухъ своихъ бековъ: Халыкъ-бека и Таиръ-бека.

Хотя всѣ беки, служившіе китайцамъ и не успѣвшіе спастись бѣгствомъ въ китайскую цитадель, пали подъ ножами своихъ палачей, вмѣстѣ съ дѣтьми своими, а жены ихъ были отданы солдатамъ ходжи; но два поименованные бека изъ селенія Артышъ явились къ Валихану-тюря безъ опасенія, потому что, служа китайскому правительству, они были постоянно въ тайныхъ съ ходжами сношеніяхъ и высылали имъ большія деньги, на случай священной войны «газатъ».

Валиханъ-тюря тотчасъ учредилъ званіе минъ-баши, въ которое возвелъ кокандскаго аксакала Норъ-Мамэдъ (Мухаммеда); другія придворныя должности были также отданы кокандскимъ и кашгарскимъ эмигрантамъ.

Возстаніе распространилось весьма быстро и ходжа въ непродолжительное время составилъ войско изъ 70.000 сипаевъ (кавалеріи) и 4.000 сарбазовъ (пѣхоты), кромѣ ополченій составившихся въ городахъ и селеніяхъ изъ разныхъ искателей приключеній: дервишей, курильщиковъ хашиша и проч. Войско было одѣто однообразно, вооружено на счетъ ходжи и раздѣлялось на знамена по 500 человѣкъ въ каждомъ, подъ начальствомъ панъ-садовъ (пятисотенныхъ). Всѣ жители города ежедневно отправлялись съ заступами и лопатами и запруживали рѣку Кызылъ, чтобы направить теченіе ея на стѣны китайской крѣпости: кромѣ того, всѣ иностранные купцы вооружены были (отъ ходжей) короткими копьями и обязаны были являться на осадныя работы. Ходжа прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ для устройства своего войска, всѣ мастеровые въ Кашгарѣ были заняты работами и изготовленіемъ оружія, лошади отнимались у жителей и у иностранныхъ купцовъ и отдавались въ войско. Валиханъ безпрестанно увеличивалъ налоги. Ходжа устроилъ также артиллерію, составленную изъ 8 пушекъ, однако же довольно дурно дѣйствовавшую. Пушки выливались въ самомъ Кашгарѣ подъ надзоромъ какого-то авганца. По словамъ очевидцевъ, войска Валихана были гораздо лучше устроены и вооружены, чѣмъ даже у бухарскаго эмира, который въ этомъ отноше-

ніи считается въ Средней Азіи образцомъ. Китайцы пробовали дѣлать вылазки, чтобы остановить осадныя работы, но всякій разъ претерпѣвали пораженіе, такъ что въ послѣднее время только стрѣляли со стѣнъ изъ ружей, а Солоны и Сибо сыпали градомъ стрѣлы. Городъ Янысаръ былъ вскорѣ взятъ ходжей. Для осады Еркенда онъ послалъ своего любимца Тилля-хана, сына одного янысарскаго эмигранта, который для успѣха предпріятія ложно названъ былъ ходжей. Осада Еркенда предпринята была въ концѣ іюля мѣсяца. Хотя китайцы, вышедшіе на встрѣчу Тилля-хану изъ еркендскаго мань-чена (китайская цитадель), были разбиты и оружіе ихъ досталось въ руки побѣдителей, но городскіе жители рѣшились защищаться. Туземные беки, бухарцы, бадакшанцы и балтинцы убѣждали народъ, склонный къ ходжѣ, не принимать участія въ возстаніи и увѣряли ихъ, что Тилля-ханъ не принадлежитъ къ породѣ ходжей, а сынъ янысарскаго мясника. Замѣчательная рѣчь, которую говорилъ народу еркендскій хакимъ-бекъ Измаилъ-ванъ, не стѣсняясь присутствіемъ китайцевъ. Въ ней, между прочимъ, было выражено, что если бы пришелъ настоящій ходжа, то онъ самъ, Измаилъ-ванъ, не смѣлъ бы поднять противъ него оружія.

Несмотря на матеріальныя силы, поддерживавшія владычество ходжи, нужно было, однако же, много терпѣнія и преданности со стороны кашгарцевъ, чтобы вынести всѣ жестокости и несправедливости этого тирана. Какъ человѣкъ подверженный постоянному куренію хашиша, Валиханъ-тюря дошелъ до какого-то сумазбродства и неистово предавался своимъ страстямъ; манія его была жажда крови, онъ не могъ пропустить дня, чтобы собственноручно не изрубить нѣсколько человѣкъ. На берегахъ р. Кызылъ ходжа воздвигнулъ пирамиду изъ человѣческихъ головъ и тщательно заботился о возвышеніи этого достойнаго его монумента. Головы убитыхъ китайцевъ и мусульманъ собирали во всѣхъ мѣстахъ и отправляли къ пирамидѣ. Многія значительныя лица сдѣлались жертвою его лютости, въ числѣ ихъ безъ причины преданы были казни: Намэдъ-ханъ, бывшій нѣсколько разъ кашгарскимъ аксакаломъ и бѣжавшій изъ Коканда, чтобы вступить въ

службу ходжи; артышскій Халыкъ-бекъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и ревностныхъ сподвижниковъ, находившійся въ еркендскомъ осадномъ корпусѣ и, наконецъ, одинъ европеецъ-путешественникъ. Послѣдній пробирался въ Кокандъ и долженъ былъ на пути представиться ходжѣ; онъ просилъ одного моего знакомаго маргеланскаго купца Наманъ-бая, который былъ въ родствѣ съ ходжой, достать ему индійской золотой парчи, кашмирскихъ шалей, чтобы поднести въ подарокъ Валихану. Говорятъ, что этотъ европеецъ выдавалъ себя за англійскаго агента, отправляющагося изъ Бомбея къ кокандскому хану; ходжа потребовалъ бумагъ, но онъ отвѣчалъ, что вправѣ ихъ отдать только тому, кому онѣ адресованы. Этого отвѣта было достаточно для рѣшенія судьбы бѣднаго френга. Въ Кашгарѣ считаютъ его за англійскаго агента, но судя по времени и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя получены въ Европѣ, должно съ достовѣрностію заключать, что европеецъ, казненный въ Кашгарѣ въ лѣто 1857 года, былъ никто другой, какъ ученый прусскій путешественникъ Адольфъ Шлагинтвейтъ. Имущество его и бумаги достались въ руки ходжи и судьба ихъ неизвѣстна. Индусъ, пріѣхавшій съ нимъ, живетъ и до сихъ поръ въ Еркендѣ. О степени звѣрства этого ходжи можно судить по слѣдующимъ фактамъ: одинъ кашгарецъ, мастеръ, сдѣлавши нѣсколько сабельныхъ клинковъ, въ сопровожденіи сына, пришелъ къ ходжѣ, чтобы поднести свои произведенія. Представленный ему, онъ удостоился цѣлованія руки. Ходжа, взявши одну изъ сабель въ руки, спросилъ:— «остра ли?» Мастеръ отвѣчалъ утвердительно. «Попробуемъ», сказалъ ходжа, и однимъ взмахомъ отрубилъ голову сыну, сказавъ: «да, отличная сабля», и приказалъ наградить мастера почетнымъ халатомъ.

Разсказывали, что однажды Валиханъ-тюря пригласилъ къ себѣ почетнѣйшихъ лицъ Кашгара и анджанскихъ купцовъ. По кашгарскому обычаю были призваны музыканты. Въ самомъ разгарѣ пиршества, вдругъ раздался громовой голосъ ходжи: «палачъ»! Всѣ гости съ трепетомъ ожидали на кого падетъ его выборъ; явился палачъ, и онъ указалъ на одного музыканта, который имѣлъ неосторожность зѣвнуть. При всѣхъ

отрублена была голова и отправлена къ пирамидѣ. Женщины, мужчины, бѣлогорцы и черногорцы, солдаты и муллы равно подвергались кровожаднымъ наклонностямъ ходжи; тюрьмы были завалены арестантами и весь Кашгаръ представлялъ собою огромное лобное мѣсто, гдѣ повсюду валялись трупы. Обычаи кашгарскіе, отличные отъ кокандскихъ, не нравились и преслѣдовались ходжою. Національный костюмъ былъ изгнанъ: женщины должны были, по примѣру анджанскихъ, закрывать волосы бѣлымъ платкомъ и ни въ какомъ случаѣ не могли показываться на улицѣ съ открытыми лицами. Запрещено было заплетать косы, и полиція слѣдила за этимъ строго. У нарушительницъ этого указа обрѣзывали косы. Мужчины съ шестилѣтняго возраста должны были носить чалму и регулярно посѣщать мечети, къ чему кашгарцы не привыкли. Очень понятно, что послѣ всего этого, извѣстіе о движеніи изъ Или огромнаго китайскаго войска, было принято съ большою радостію. Съ нетерпѣніемъ ожидали скораго освобожденія отъ этого всепарализирующаго ужаса; притомъ же кашгарцы были оскорблены тѣмъ, что высшія должности въ войскѣ и при дворѣ были заняты анджанцами. Минъ-башой былъ прежній кокандскій аксакалъ Наръ-Магомедъ, михтяромъ — Мухаммедъ-Рахимъ, газначіемъ — Мэдъ-Каримъ-Кари, главою придворныхъ, въ званіи удайчи, былъ кипчакъ Сатыкулъ и кашгарскій эмигрантъ Муса-пансадъ, начальникомъ тѣлохранителей, курши, былъ сначала есаулъ Тохтаръ, потомъ другой также изъ кокандцевъ. Отдѣльными частями войскъ командовали: Абдула-ханъ-ходжа, изъ шейховъ при гробницѣ Шаймарданъ въ окрестностяхъ Маргелана, болѣе извѣстный подъ именемъ Акчепанъ-ходжи; осаднымъ корпусомъ въ Еркендѣ—бывшій мягремъ (въ родѣ турецкихъ чубукчи) Валихана Тилля-ханъ; а экспедиціонными отрядами, отправленными въ Аксу и Хотанъ, командовали: первымъ—чалгуртъ Тохта-Манджу, извѣстный разбойникъ и искатель приключеній, а вторымъ—какой-то маргеланскій мясникъ. Послѣдній успѣлъ овладѣть большимъ селеніемъ Гума на пути изъ Еркенда въ Хотанъ. Начальникъ аксуйскаго отряда, Тохта-Манджу, былъ когда-то за убійство китайца сосланъ въ южныя

губерніи имперіи и оттуда подъ видомъ манджурскаго чиновника пробрался въ Кашгаръ и служилъ простымъ солдатомъ у кашгарскаго аксакала. Изъ кашгарцевъ при ходжѣ пользовались нѣкоторымъ значеніемъ: шейхъ-ахунъ изъ селенія Астынъ-Артышъ, самый богатый и единственный значительный бѣлогорецъ въ Кашгарѣ; на его дочери женился Вали-ханъ-тюря. Въ войскѣ было много кашгарцевъ и чалгуртовъ, въ званіи пансадовъ (полковниковъ), но никто изъ нихъ не пользовался довѣріемъ ходжи и не имѣлъ даже къ нему свободнаго доступа. Такое обидное предпочтеніе анджанцамъ, которые были изъ простыхъ солдатъ, служившихъ при кокандскомъ аксакалѣ, возбудило при самомъ началѣ неудовольствіе кашгарскихъ патріотовъ. Одинъ кашгарскій ахунъ разсказывалъ мнѣ о томъ восторгѣ, съ которымъ встрѣтили ходжу. На другой день по взятіи Кашгара, бишкаримское и артышское ополченія подъ начальствомъ шейхъ-ахуна и двухъ бековъ, Тапра и Халыка, оглашая воздухъ радостными криками, вооруженныя чѣмъ могли, съ развѣвающимися знаменами и съ трубными звуками, пришли во дворецъ, чтобы видѣть ходжу и облобызать его руку. Видъ кокандцевъ, которые окружали дворецъ и не допускали ихъ видѣть ходжу, возбудилъ въ нихъ шумное неудовольствіе. Если мы призываемъ ходжу, жертвуемъ для него нашимъ достояніемъ, жизнію, то что же дѣлаютъ анджанцы? кричало ополченіе. Въ это время вышелъ отъ ходжи Муса-пансадъ и лаконически сказалъ: «если вамъ не тяжело носить вашихъ головъ, то, ради самаго Аллаха, молчите». Послѣ этого представленія всѣ кашгарцы разошлись молча и разочарованные.

Изъ фамиліи ходжіевъ въ послѣднее время прибыли къ Валихану Кичиганъ-тюря и тринадцати-лѣтній сынъ Катты — Ханъ-тюря.

Средства страны вскорѣ были истощены, остановка торговли и всякой промышленности сильно чувствовалась. Лошади, ослы были взяты для войска, мѣдные котлы, тарелки и всякая мѣдная посуда отбиралась для отливки пушекъ. Въ продолженіе ста дней весь народъ находился при осадныхъ работахъ, оставя свои домашнія заботы и обыденныя занятія.

Ко всему этому подозрительность и жестокость ходжи перешли всякія границы. Намэдъ-ханъ, командовавшій осадными работами, былъ убитъ, всѣ чиновники подверглись опалѣ; минъ-баши нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и за жизнь свою заплатилъ огромный выкупъ. Жизнь всѣхъ и каждаго находилась въ опасности. Бывшій при ходжѣ удайчи разсказывалъ, что онъ каждый часъ и минуту ожидалъ смерти. Такое напряженное состояніе не могло продолжаться долго; народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ взятія китайскаго города, стѣны котораго, отъ наплыва водъ рѣки Кизылъ, были близки къ паденію, но въ августѣ мѣсяцѣ вдругъ прибыли китайскія войска. Всѣ были обрадованы. Минъ-баши, приговоренный къ смерти, тотчасъ со всѣми войсками поспѣшилъ отступить и бѣжалъ въ Кокандъ.

Анджанскіе купцы, подверженные въ продолженіе ста пятнадцати дней тягостнымъ осаднымъ работамъ и также лишившіеся многихъ своихъ членовъ подъ ударами топора, послѣдовали за минъ-башой. Валиханъ, оставленный одинъ со своими приближенными, между которыми, надобно замѣтить, не оставалось ни одного кокандца, бѣжалъ въ горное владѣніе Дарвасъ, котораго владѣтель Измаилъ-шахъ обобралъ все, что привезъ ходжа изъ Кашгара, а его, по требованію кокандскаго хана, выдалъ. Отряды, оставшіеся въ Еркендѣ, обратились также въ бѣгство, а чалгуртъ Тохта-Манджу, отправленный въ Аксу, увелъ изъ Маралъ-Баши нѣсколько тысячъ долоновъ съ семействами и отъ своего лица представилъ ихъ кокандскому хану. Ханъ, несмотря на обязательныя отношенія свои къ китайскому правительству, дозволилъ ему управлять этими, насильственно приведенными, долонами и даже зекетъ отданъ былъ ему же. Изъ Кашгара въ это время эмигрировали добровольно въ Кокандъ до 15.000 человѣкъ. Китайцы, занявшіе Кашгаръ, неистовствовали не менѣе Валихана. Окрестныя деревни особенно пострадали отъ китайцевъ, которые забирали хлѣбъ, сѣно, скотъ и проч.; окна, двери и другія деревянныя части въ мечетяхъ и гробницахъ ходжіевъ, были, къ великой скорби мусульманъ, употреблены на дрова. Калмыки запирали въ мечетяхъ своихъ лошадей,

били безъ всякой особенной причины туземцевъ и насиловали женщинъ. Китайцы назначили исправляющимъ должность хакимъ-бека Кутлу-бека, бывшаго въ родѣ чиновника особыхъ порученій у прежняго хакима Аметъ-вана (Ахмеда), а бывшій хакимъ-бекъ Ахмедъ-ванъ за нерадѣніе и безпечность преданъ былъ суду и при насъ отправился въ Илю (Кульджу). Кутлу-бекъ, человѣкъ умный и энергичный, успѣлъ принять мѣры къ успокоенію города, онъ выгналъ изъ Кашгара калмыковъ и остановилъ въ городѣ ихъ безчинства. По его представленію, всѣ лица, принимавшія участіе въ возстаніи, были схвачены и, въ примѣръ другимъ, казнены. Шейхъ-ахунъ, о которомъ мы неоднократно говорили, и старшій сынъ его Казы-ахунъ, послѣ пытокъ и тюремнаго заключенія, были обезглавлены; двое его сыновей успѣли бѣжать въ Куртку, а оттуда перебрались въ Кокандъ.

Другими жертвами казни были лица незначительныя, подвергшіяся казни единственно потому, что были чалгурты, анджанцы или служили во время возстанія ходжамъ и ихъ сановникамъ. Головы этихъ казненныхъ въ особенныхъ клѣткахъ, въ видѣ аллей, украшаютъ и по нынѣ дорогу въ ворота Кашгара.

Дома анджанцевъ были заняты кульджинскими и еркендскими беками, пришедшими вмѣстѣ съ китайскими войсками. До августа мѣсяца 1858 года продолжались военныя экзекуціи китайцевъ, такъ что въ продолженіе почти двухъ лѣтъ Кашгаръ былъ театромъ кровавыхъ сценъ, пытокъ и казни. Торговля въ это время оставалась безъ движенія. Опасеніе за жизнь каждаго убивало всякую промышленность и занятія, а все, что оставалось отъ прежней дѣятельности, было ограблено калмыками. Хлѣбныя поля были вытравлены и на всѣхъ пашняхъ, садахъ и огородахъ паслись калмыцкіе табуны. Между тѣмъ, въ Кокандѣ, ханъ, недовольный ходжами, послѣ возвращенія Валихана въ Кокандъ, заточилъ его въ урду и просилъ улемовъ рѣшить, какому подлежитъ наказанію Валиханъ за убійство столькихъ безвинныхъ мусульманъ. Родственники убитаго ходжой Намэдъ-хана просили удовлетворенія; къ нимъ присоединились и другіе просители. Вслѣд-

ствіе этихъ жалобъ многіе кокандцы, служившіе ходжѣ, были лишены своихъ должностей, въ числѣ ихъ и кашгарскій аксакалъ Наръ-Магомедъ. Но дѣло самаго Валиханъ-тюря, несмотря на настоянія Худояра, приняло благопріятный для него оборотъ, потому что всѣ сеиды явились его защитниками. Члены фамиліи Сахибъ-Задде, пользующіеся во всемъ Туркестанѣ фанатическимъ благоговѣніемъ народа, дали дѣлу такой оборотъ, что Валиханъ не только не подвергся никакой отвѣтственности, но что были даже обвинены просители съ наложеніемъ на нихъ огромнаго штрафа. Дѣло противъ ходжи касалось всего привиллегированнаго сословія потомковъ Магомета, сеидовъ, которые по закону изъяты отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія. Опираясь на почтеніе народа и не боясь лишиться жизни, они дѣлаютъ упреки ханамъ и тѣ поневолѣ выслушиваютъ ихъ. Такимъ образомъ сеиды въ нѣкоторой степени ограничиваютъ деспотизмъ хановъ.

Послѣ всего этого очень понятно, почему Худояръ-ханъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны всѣхъ членовъ фамиліи Сахибъ-Задде и ходжей. Право наказанія, приведенное въ исполненіе въ первый разъ надъ Валиханомъ, могло быть примѣнено и къ другимъ сеидамъ. Однако жъ Худояръ подвергнулъ сильному надзору всѣхъ ходжей и въ пограничные города далъ приказъ, чтобы каждаго ходжу, который выѣдетъ за-городъ болѣе 10-ти разъ, представлять подъ конвоемъ въ Кокандъ.

Весною 1858 года отправленъ былъ въ Кашгаръ кокандскій посланецъ для возобновленія прежнихъ сношеній и извѣщенія китайскаго правительства, что ханъ былъ сильно огорченъ бѣгствомъ ходжи и бунтомъ, который ему удалось произвести въ Кашгарѣ и что въ настоящее время мятежникъ этотъ находится въ оковахъ и въ темницѣ (китайцы всему этому вѣрятъ, или по крайней мѣрѣ показываютъ, что вѣрятъ) и что ханомъ приняты мѣры къ пресѣченію подобныхъ случаевъ. Переговоры эти были возложены на Насырэддинъ Саркара шахриханскаго правителя, бывшаго и въ 1847 году посланцемъ послѣ возстанія 7 ходжіевъ. Дѣло скоро уладилось и коканд-

цамъ было дозволено имѣть своего аксакала и открыть торговлю на прежнихъ основаніяхъ. Въ должность аксакала былъ назначенъ этотъ же Насырэддинъ съ титуломъ датхи. Въ августѣ мѣсяцѣ кокандскій аксакалъ прибылъ въ Кашгаръ съ небольшимъ караваномъ и въ сопровожденіи до 5.000 кашгарцевъ, половину которыхъ составляли жены бековъ и другія женщины, насильно увезенныя солдатами Валихана и теперь отпущенныя за большой выкупъ. Около того же времени на мѣсто Кутлу-бека назначенъ былъ въ Кашгаръ новый хакимъ-бекъ, хотанскій уроженецъ, Алычъ-бекъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, но преданный необузданному разврату. Алычъ-бекъ считаетъ за особенное счастіе кланяться китайскимъ мандаринамъ. Его помощникомъ, ишкага-бекомъ, назначенъ былъ изъ Еркенда Сыпергу-бекъ. Хакимъ-бекъ имѣетъ красный шарикъ и званіе тайдзи, а Сыпергу имѣетъ свѣтло-синій шарикъ и считается въ 5 классѣ. Кутлу-бекъ, исправлявшій должность хакимъ-бека, получилъ мѣсто правителя селенія Файзбатъ и передъ нашимъ отъѣздомъ назначенъ былъ въ Ушъ-Турфанъ хакимъ-бекомъ.

Записки Имп. Русск. Геогр. Общества, 1861 г. кн. третья.

ЗАПИСКА

О СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ У КИРГИЗЪ СИБИРСКАГО ВѢДОМСТВА.

Въ послѣднее время правительство наше дѣятельно занялось преобразованіями въ нашей администраціи, въ судоустройствѣ и обратило особенное вниманіе на народное образованіе.

Нѣкоторыя изъ этихъ реформъ коснулись и нашей степи, какъ, напримѣръ, реформа судебная. Преобразованія въ судебной части, вѣроятно, поведутъ къ измѣненію прежняго административнаго строя нашей области и нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто сложнаго, обременительнаго, какъ для русскаго правительства, такъ и для киргизскаго народа, бюрократическаго хаоса, будетъ образовано въ округахъ управленіе болѣе раціональное и на началахъ самоуправленія, которое принято теперь и для русскихъ сельскихъ и городскихъ общинъ.

Въ виду такихъ важныхъ преобразованій, готовящихся для моей родины, я считаю долгомъ представить благоусмотрѣнію вашего высокопревосходительства нѣкоторыя мои соображенія и замѣтки.

Россія въ числѣ сыновей своихъ имѣетъ немало народностей иновѣрческихъ и инородческихъ, которыя ведутъ образъ жизни діаметрально противоположный образу жизни кореннаго русскаго населенія и имѣютъ нравы и обычаи діаметрально противоположные нравамъ и обычаямъ русскихъ славянскаго племени. Понятно, что преобразованія, проектированныя для христіанскаго и осѣдлаго русскаго населенія, по вышеизложеннымъ причинамъ, не принесутъ никакой пользы, если будутъ, всецѣло, примѣнены къ кочевымъ и бродячимъ инородцамъ Европейской и Азіатской Россіи.

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ соображеній и былъ командированъ совѣтникъ областнаго правленія Яценко, для отобранія «отъ свѣдущихъ въ законахъ и судебныхъ обычаяхъ біевъ и султановъ» ихъ мнѣній, относительно предполагаемыхъ для области преобразованій по судебной части.

Но мнѣніе народа, особенно народа невѣжественнаго и полудикаго, невсегда можетъ быть принято, какъ выраженіе дѣйствительной народной потребности. На мнѣнія же привилегированныхъ классовъ общества слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на отрицательное выраженіе истинныхъ народныхъ нуждъ, ибо интересы знатныхъ и богатыхъ людей, даже въ обществахъ высокоцивилизованныхъ, бываютъ, большею частію, враждебны интересамъ массы, большинства. Народъ грубъ и тупъ и вслѣдствіе этого пассивенъ, потому мотивъ и направленіе народныхъ мнѣній зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ, отъ обстоятельствъ, повидимому, мелкихъ, ничтожныхъ. Человѣкъ дикій и неразвитой подобенъ ребенку, не умѣющему вполнѣ владѣть своими внѣшними чувствами. Ему, какъ и ребенку, трудно согласовать ощущенія свои съ дѣйствіями. Хотя стремленіе къ улучшенію внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни и присуще человѣку и было ему присуще во всѣ вѣка и во всѣхъ степеняхъ человѣческаго развитія, но, тѣмъ не менѣе, цѣль эта рѣдко имъ достигалась. Не понимая самого себя и не имѣя никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ окружающей его природѣ, человѣкъ-дитя долженъ былъ въ стремленіи своемъ къ улучшенію идти ощупью, подобно слѣпому и понятно, что онъ долженъ былъ больше ошибаться, принимая ложь за истину, вредъ за пользу. Исторія представляетъ намъ въ этомъ отношеніи много поучительнѣйшихъ примѣровъ.

Посему нѣтъ вопроса общественнаго, который бы былъ такъ всемогуще-важенъ, какъ вопросъ о народныхъ реформахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ законодатели и реформаторы имѣли и имѣютъ въ виду общественную пользу, но понятія о томъ, что *полезно* и что вредно для общественнаго развитія въ разные вѣка были различныя и теперь между нами ходитъ много дикихъ гипотезъ, которыя по рутинѣ и по привычкѣ къ прошлымъ преданіямъ принимаются многими на вѣру, какъ

непреложныя аксіомы, хотя науки ясно доказали ихъ ошибочность и несостоятельность. Въ наше время самыми важными и близкими для народа, считаются реформы *экономическія* и *соціальныя*, прямо касающіяся насущныхъ нуждъ народа, а реформы политическія допускаются, какъ средства для проведенія нужныхъ экономическихъ формъ, ибо каждый человѣкъ отдѣльно и все человѣчество коллективно стремится въ развитіи своемъ къ одной конечной цѣли—къ улучшенію своего матеріальнаго благосостоянія и въ этомъ заключается, такъ-называемый, прогрессъ. Съ этой точки зрѣнія полезны только тѣ реформы, которыя способствуютъ улучшенію быта человѣка, и вредны тѣ, которыя почему-либо мѣшаютъ достиженію этой цѣли. Всякая реформа, имѣющая цѣлью общественное благосостояніе, тогда только можетъ достигнуть предположенной цѣли, не подвергаясь разнымъ случайностямъ,—когда извѣстны общественныя нужды и средства. Джонъ Стюартъ Миль совершенно правъ, говоря, что прежде, нежели давать новыя права людямъ какого-либо сословія, необходимо прежде сдѣлать точныя ученыя изслѣдованія объ умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ качествахъ людей этого сословія. И въ самомъ дѣлѣ, докторъ тогда только лечитъ больного съ увѣренностію въ успѣхѣ, когда ему извѣстны не только болѣзненные симптомы паціента, но и основныя причины болѣзни. Отъ незнанія общественныхъ нуждъ и отъ излишней ревности къ гуманнымъ теоріямъ очень часто вводятся у насъ нововведенія и реформы, совершенно ненужныя въ данный моментъ и при извѣстномъ положеніи дѣлъ. Избѣгнуть ошибокъ подобнаго рода очень легко, если при введеніи разныхъ реформъ неуклонно слѣдовать тому методу, который употребляется въ сельскомъ хозяйствѣ при культивированіи растеній. По этому методу, во-первыхъ, необходимо изучить вполнѣ самое растеніе, затѣмъ нужно знать, на какой почвѣ оно произрастаетъ, сколько требуетъ оно свѣта, теплоты и проч. Сущность теоріи заключается въ томъ, чтобы доставить растенію то, въ чемъ оно нуждается и устранить все то, что ему мѣшаетъ.

Условія племеннаго организма, среды, климата и почвы

должны быть всегда на первомъ планѣ, ибо всѣ человѣческія побужденія и мотивы обусловливаются совокупнымъ вліяніемъ физическихъ и соціальныхъ условій.

Я счелъ нужнымъ сдѣлать это длинное и можетъ быть нѣсколько докторальное вступленіе потому, что большинство членовъ комитета, составленнаго при областномъ правленіи для рѣшенія вопроса о судебной реформѣ въ области сибирскихъ киргизовъ, основало свой выводъ на однѣхъ только народныхъ мнѣніяхъ, собранныхъ притомъ отъ султановъ, біевъ и другихъ знатныхъ киргизовъ, не приняло во вниманіе не только научныхъ фактовъ, но вообще тенденцій и требованій нашего вѣка. Уже было замѣчено выше, что народныя мнѣнія рѣдко бываютъ самостоятельны, но и при несомнѣнной самостоятельности не могутъ быть данными для обсужденія важныхъ реформъ и серьезныхъ вопросовъ. Мнѣнія султановъ и біевъ еще менѣе заслуживаютъ уваженія, ибо интересъ цѣлой націи, по строгой справедливости, долженъ предпочитаться выгодамъ отдѣльнаго сословія. Вообще вопросы о реформахъ требуютъ большой осторожности и глубокихъ соображеній, ибо отъ нихъ зависитъ народное—«быть или не быть».

Изо всѣхъ инородческихъ племенъ, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, первое мѣсто по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждамъ на развитіе въ будущемъ, принадлежитъ намъ, киргизамъ. Мы занимаемъ одну обширную сплошную территорію, между тѣмъ какъ другіе инородцы разбросаны среди русскаго населенія. Насъ считается въ русскомъ подданствѣ до 800 тысячъ, а съ не вѣрноподданными нашими соплеменниками мы превышаемъ милліонъ, тогда какъ всѣхъ татаръ въ Европейской Россіи, включая въ это число башкиръ, ногайцевъ и киргизъ Букеевской орды полагается едва одинъ милліонъ. Вся, такъ-называемая, среднеазіатская торговля Россіи есть не болѣе, не менѣе, какъ торговля наша: на долю Бухаріи, Кокана и другихъ странъ Центральной Азіи приходится весьма незначительная пропорція въ общемъ торговомъ балансѣ. Народъ нашъ, наконецъ, не въ такой степени дикъ и грубъ, какъ думаетъ объ немъ большинство русскихъ. Говоря серьезно, киргизскій народъ принадлежитъ къ

числу наиболѣе миролюбивыхъ и, слѣдовательно, къ числу наименѣе дикихъ инородцевъ Русскаго царства. Въ этомъ отношеніи мы уступаемъ только бурятамъ, но и то потому, что буряты имѣли счастіе принять самое гуманное и высокое ученіе—буддизмъ, а мы же имѣли несчастіе подчиниться грубому исламу. Народъ нашъ имѣетъ богатую, нелишенную поэтическихъ достоинствъ, растительную литературу, болѣе близкую къ индогерманскому эпосу, чѣмъ къ восточнымъ произведеніямъ этого рода. Наконецъ, что всего важнѣе, формы нашего общественнаго развитія находятся въ томъ самомъ безъискусственномъ періодѣ, когда они представляютъ наибольшую аналогію съ результатами высшаго, культурнаго развитія. На этомъ фактѣ основаны всѣ наши надежды на будущее. Сверхъ того мы, какъ потомки батыевскихъ татаръ, связаны съ русскими историческимъ и даже кровнымъ родствомъ. Судьба милліона людей, подающихъ несомнѣнныя надежды на гражданственное развитіе, людей, которые считаютъ себя братьями русскихъ по отечеству и поступили въ русское подданство добровольно, кажется, заслуживаетъ большаго вниманія и большей попечительности въ такихъ рѣшительныхъ вопросахъ, которые формулируются въ шекспировское—быть, или не быть. Отсутствіе разумнаго самозащищенія и всякаго рода пассивность, по причинѣ неразвитости, обязываетъ начальство въ отношеніи насъ быть чрезвычайно внимательнымъ и крайне осторожнымъ.

Только вслѣдствіе невнимательности, которая, надо сказать, въ отношеніи насъ, киргизъ, вошла уже въ привычку областнаго начальства, комитетъ, бывшій при областномъ правленіи, могъ принять, безъ всякой критической оцѣнки, мнѣнія султановъ, біевъ и другихъ знатныхъ киргизъ за главное основаніе для своихъ работъ и только по укоренившейся невнимательности могъ утвердить въ своемъ проектѣ тѣ ненужныя и вредныя для большинства преобразованія и измѣненія, которыхъ добивался привилегированный классъ киргизскаго народа, и которыхъ не хотѣлъ простой, или, какъ выражаются степные аристократы, «черный» киргизскій народъ. Для правильной оцѣнки собранныхъ отъ народа мнѣній

стоило только комитету вникнуть въ сословныя отношенія киргизъ и въ отношеніи ихъ къ непосредственному русскому начальству. Наконецъ, комитетъ имѣлъ подъ рукою достаточно историческихъ и статистическихъ фактовъ, чтобы повѣрить эти голословныя мнѣнія. Статистика и тѣ данныя, которыя заключаются въ дѣлахъ областнаго правленія, при всей ихъ скудости, заслуживаютъ гораздо большаго уваженія и вѣроятія, чѣмъ мнѣнія невѣжественныхъ и полудикихъ аристократовъ невѣжественнаго и полудикаго народа.

Въ этой запискѣ я беру на себя смѣлость разъяснить и разсмотрѣть вопросъ о судебной реформѣ въ нашей области на основаніи болѣе точныхъ наблюденій и фактовъ, заимствованныхъ изъ дѣлъ областнаго правленія и окружныхъ приказовъ.

Чтобы дать правильный взглядъ на значеніе народныхъ мнѣній, чтобы выставить ихъ въ истинномъ свѣтѣ, я, какъ помощникъ и сотрудникъ г. Яценко, въ возложенномъ на него порученіи, считаю необходимымъ начать свою записку подробнымъ и точнымъ обзоромъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ходъ нашихъ занятій. Начинаю съ того, какъ отбирались нами народныя мнѣнія и при какихъ условіяхъ.

Показанія во время ревизіи г. военнымъ губернаторомъ окружныхъ приказовъ давали волостные управители, старшины, султаны, біи и богатые киргизы, другими словами, ордынскіе чиновники или ордынцы, имѣющіе въ виду быть чиновниками. Народъ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы, въ дачѣ мнѣній въ совѣщаніяхъ по этому предмету, участвовалъ очень мало, даже, можно сказать, вовсе не принималъ участія. Справедливость этого факта подтверждаютъ печати и тамговые знаки, приложенные къ показаніямъ: они принадлежатъ исключительно султанамъ и старшинамъ. Простые киргизы по отдаленности кочевокъ отъ мѣстъ, гдѣ учреждены приказы, пріѣзжаютъ на ревизію только по крайней необходимости и по окончаніи ревизіи, истощивъ свои скудные запасы, тотчасъ же уѣзжаютъ. Удерживать народъ для совѣщаній почетные киргизы, кажется, не старались, по привычкѣ заочно располагать голосами и мнѣніями своихъ

родичей, да и удержать голодныхъ киргизъ было бы для нихъ не такъ легко. Нѣкоторые султаны и біи, внесенные въ списокъ біевъ 1854 года и участвовавшіе при первыхъ совѣщаніяхъ по нашему дѣлу, черезъ день и два, уѣзжали, тайно, въ свои аулы, оставивъ печати въ чужія руки, чтобы приложить ихъ къ народному рѣшенію, каково бы оно ни было. Затѣмъ оставались при приказахъ, какъ было уже замѣчено, одни ордынскіе чиновники и честолюбивые богачи. И эти лица, при чтеніи проекта, обнаруживали непростительное равнодушіе, нѣкоторые даже засыпали. Вообще никто изъ киргизъ, за небольшимъ исключеніемъ, не понималъ или не хотѣлъ понять въ чемъ дѣло и что отъ нихъ хотятъ.

Причина такого непонятнаго равнодушія киргизъ въ столь важномъ народномъ дѣлѣ были: во-первыхъ, невѣжество и непониманіе своихъ интересовъ, во-вторыхъ, то, что киргизы не были заранѣе приготовлены къ пониманію того, что имъ читали и на что отъ нихъ требовали скораго отвѣта; равнодушествовали киргизы и вслѣдствіе недовѣрія къ русскому правительству. Они сомнѣвались въ нашей искренности и думали, что спросы наши дѣлаются для одной только формы или съ какой-нибудь другой, невыгодной для нихъ, цѣлью. Въ каждомъ дѣйствіи русскаго чиновника киргизы видятъ одно только зло, посягательство на ихъ свободу и льготы. И это очень понятно потому, что киргизы о русскомъ начальствѣ судятъ по дѣйствіямъ своихъ участковыхъ засѣдателей.

Объясненіе мое можетъ показаться для людей, малознакомыхъ съ киргизами, чѣмъ-то крайне сомнительнымъ, но тѣмъ не менѣе оно вѣрно: мнительность и недовѣрчивость киргизовъ была извѣстна еще Неплюеву. Генералъ Капцевичъ въ одной своей инструкціи окружнымъ приказамъ, говоритъ: «Киргизы такой народъ, который о вещахъ совсѣмъ не такъ думаетъ, какъ наши русскіе крестьяне: сіи послѣдніе, терпя какое-нибудь притѣсненіе, знаютъ отъ кого оное происходитъ и совсѣмъ не дѣлаютъ заключеній, чтобъ въ семъ участвовало и само правительство, между тѣмъ, какъ киргизы, народъ полвѣка мнительный и имѣющій право таковымъ быть по нашимъ прежнимъ несправедливостямъ, всякую нанесенную имъ, отъ

чиновниковъ нашихъ, обиду, тотчасъ припишутъ дѣйствію самого правительства нашего, а совсѣмъ не тому лицу, которое тутъ участвовало». Въ сороковыхъ годахъ поручено было одному изъ чиновниковъ бывшаго пограничнаго правленія Сотникову собрать юридическія преданія киргизъ и ихъ судебные обычаи. Этотъ чиновникъ, вѣроятно, желая начать сборникъ свой преданіями болѣе древними, сталъ разспрашивать киргизскихъ родоначальниковъ, предварительно собравши ихъ въ приказы, откуда происходитъ и какъ сформировался киргизскій народъ и что значитъ слово казакъ? (такъ сами себя называютъ киргизы). Киргизы стали разсуждать, къ чему все это отъ нихъ спрашиваютъ и какая можетъ быть польза русскому правительству отъ знанія ихъ происхожденія. Какой-то проницательный кайсакъ замѣтилъ, что, вѣроятно, ихъ хотятъ обратить въ казачество, такъ какъ предки ихъ, по преданію, были казаки. Мысль эта показалась для всѣхъ до того ясной и вѣроятной, что они скрыли отъ г. Сотникова настоящее преданіе «о казакахъ и трехъ сотняхъ» и показали себя выходцами изъ Турціи или Аравіи. Долго въ степи ходила молва, что Сотниковъ хотѣлъ обратить ихъ въ казачество.

Мы съ своей стороны не только не могли внушить киргизамъ должнаго довѣрія, но, говоря правду, сами возбуждали въ нихъ обычный ихъ скептицизмъ. Привожу факты: является многочисленная толпа киргизовъ знатныхъ и незнатныхъ, словомъ, всѣ киргизы, бывшіе въ это время въ станицахъ и городахъ, гдѣ расположены приказы.

Во всѣхъ округахъ первый отвѣтъ былъ одинъ и тотъ же и выражался всѣми собравшимися единодушно: «Судъ біевъ и съѣздовъ ихъ», говорилъ народъ, «существуетъ у насъ издавна и заключаетъ въ себѣ всѣ начала мироваго суда, предлагаемаго нынѣ русскимъ правительствомъ. Судъ этотъ», продолжали собравшіеся киргизы, «вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ нашего народнаго быта, поэтому судъ біевъ и съѣздовъ ихъ необходимо оставить въ древней народной формѣ». Это, очевидно, было рѣшеніе народа en masse, рѣшеніе круговъ. Но г. Яценко, вѣроятно, вслѣдствіе данныхъ ему инструкцій и указаній, замѣчалъ, что въ мнѣніяхъ своихъ они должны

соображаться съ основными положеніями общаго проекта преобразованія, напримѣръ: нужно, чтобы число біевъ было опредѣлено положительной цифрой, нужно, чтобъ біи были по выборамъ и проч. Киргизы смущались, недовѣріе быстро овладѣло толпой, начались споры, совѣщанія и народъ просилъ отсрочки. Съ шумомъ киргизы уходили на улицу, собирались въ новые круги и черезъ нѣсколько времени возвращались къ намъ въ другой разъ, но въ гораздо меньшемъ числѣ. Второе показаніе начиналось, обыкновенно, добавленіемъ, что «судъ біевъ и съѣздовъ ихъ необходимо оставить въ древней народной формѣ, допустивъ нѣкоторыя примѣненія и дополненія сообразно духу времени и обстоятельствамъ».

Добившись этой уступки, мы читали имъ пункты «проекта» относительно правилъ избранія и обязанностей мировыхъ судей.

Киргизы на каждый пунктъ давали свое мнѣніе и всегда противоположное смыслу перваго своего показанія, т. е. не добавляли и не примѣняли, а прямо разрушали и уничтожали судъ біевъ, о сохраненіи котораго, всецѣло, просили сами. Мнѣнія эти выражались устами нѣсколькихъ біевъ и чиновныхъ лицъ, а остальные почетные киргизы ограничивали свое участіе одними одобрительными жестами. По временамъ возникалъ въ средѣ представителей народа крикливый диспутъ. Біямъ хотѣлось, чтобъ ихъ избрали на болѣе продолжительный срокъ, чтобы имъ предоставили право принятія и рѣшенія дѣлъ по личному усмотрѣнію и право участвовать въ исполненіи рѣшеній; хотѣлось біямъ, чтобы рѣшенія ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ не подлежали обжалованію, словомъ, корпорація киргизскихъ судей стремилась къ тому, чтобъ киргизскаго бія, судебнаго практиканта обратить въ мироваго судью, судебнаго чиновника. Волостные управители, по инстинкту самосохраненія, горячо противились біямъ, видя въ нихъ прямое посягательство на чиновническую власть, принадлежащую теперь имъ.

Послѣ взаимныхъ уступокъ, дѣло, при посредствѣ старшихъ султановъ, улаживалось такимъ образомъ, что біи не могли мѣшать управителямъ, управители біямъ, а управители

и біи султанамъ. Почетные ордынцы—не чиновники были на все согласны, ибо для нихъ, для будущихъ кандидатовъ на всѣ эти должности, того и нужно было, чтобы степныя власти не мѣшали другъ другу эксплоатировать простой народъ.

Изъ приведеннаго очерка нашихъ работъ по судебной реформѣ въ области сибирскихъ киргизовъ можно ясно усмотрѣть, что желаніе большинства, массы народной, заключалось въ томъ, чтобы оставить судъ біевъ въ древней народной формѣ, а личный интересъ чиновныхъ, титулованныхъ и богатыхъ киргизовъ, напротивъ, въ томъ, чтобы измѣнить судъ біевъ въ его основѣ.

Фактъ этотъ требуетъ особеннаго вниманія при дальнѣйшемъ разсматриваніи вопроса о судебныхъ реформахъ въ степи и замѣчателенъ еще тѣмъ, что даетъ поучительныя данныя, какъ безцеремонно богатые и почетные киргизы относятся къ небогатымъ и непочетнымъ родичамъ. Краснорѣчивый примѣръ безцеремонности почетныхъ киргизовъ къ непочетнымъ я имѣлъ случай замѣтить въ Каркаралахъ. Тамъ біи и султаны дали мнѣнія свои, не посовѣтовавшись съ «чернымъ народомъ» и, между прочимъ, показали, что для ихъ округа нужно назначить четырехъ главныхъ біевъ, какихъ-то біевъ надъ біями. Мнѣніе это, какъ оно ни было нелѣпо, было внесено въ записку и когда записка эта переписывалась въ приказѣ, квартира моя была осаждена многочисленной толпой конныхъ и пѣшихъ киргизовъ. Народъ требовалъ уничтоженія статьи «о біяхъ надъ біями» и до тѣхъ поръ не расходился, пока требованіе его не было исполнено. Дѣло въ томъ, что двое какихъ-то почетныхъ старшинъ, имѣвшихъ должности: одинъ—засѣдателя, а другой—управителя, были удалены за лихоимство, по просьбѣ народа, отъ занимаемыхъ ими должностей, и вотъ киргизскія власти, вѣроятно, желая показать участіе къ собрату и пренебреженіе къ народу, рѣшились для этихъ лихоимцевъ выдумать должность «бія надъ біями» и тѣмъ самымъ вызвали демонстрацію со стороны простаго народа.

Можно надѣяться, что всѣхъ этихъ acta et facta достаточно, чтобы видѣть всю фальшивость и ложность знамени-

тыхъ народныхъ мнѣній. Комитетъ видѣлъ въ этихъ мнѣніяхъ потребность реформъ и преобразованій въ судѣ біевъ, который, по показанію знатныхъ ордынцевъ, не вполнѣ будто бы удовлетворялъ современному соціальному развитію киргизскаго народа; но очевидцы, имѣющіе право считать себя въ этомъ случаѣ судьями болѣе компетентными,—не могутъ не видѣть въ этихъ мнѣніяхъ: интригъ и низкихъ побужденій съ одной стороны, равнодушія и пассивности—съ другой, наконецъ, невѣжества и дикости съ обѣихъ сторонъ.

Упрекнувъ киргизскую знать въ голословности, я постараюсь подкрѣпить личное мнѣніе свое положительными фактами. Въ этихъ видахъ считаю необходимымъ, прежде всего, разсмотрѣть судъ біевъ въ его сущности, чтобы уяснить смыслъ и характеръ этого института; затѣмъ, на основаніи статистическихъ и другихъ достовѣрныхъ фактовъ, опредѣлить—въ какой степени судъ біевъ удовлетворяетъ или не удовлетворяетъ современному развитію киргизскаго народа и въ заключеніе, для окончательнаго вывода, сравнить—насколько судъ біевъ согласуется съ главными началами проектированнаго правительствомъ мироваго суда и въ какой мѣрѣ послѣдній примѣнимъ къ быту киргизъ.

Судъ біевъ въ древней народной формѣ.

1) Возведеніе въ званіе бія не обусловливалось у киргизовъ какимъ-либо формальнымъ выборомъ со стороны народа и утвержденіемъ со стороны правящей народомъ власти; только глубокія познанія въ судебныхъ обычаяхъ, соединенныя съ ораторскимъ искусствомъ, давали киргизамъ это почетное званіе. Чтобы пріобрѣсть имя бія, киргизу нужно было не разъ показать передъ народомъ свои юридическія знанія и свою ораторскую способность. Молва о такихъ людяхъ быстро распространялась по всей степи и имя ихъ дѣлалось извѣстнымъ всѣмъ и каждому. Такимъ образомъ, званіе бія было какъ бы патентомъ на судебную и адвокатскую практику. Дѣти лицъ, носившихъ званіе біевъ, имѣя большую юридическую практику, обыкновенно наслѣдовали знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ и званія

своихъ отцовъ. Мы можемъ представить многочисленные примѣры такой наслѣдственности званія біевъ въ киргизскомъ народѣ. Въ Каракисецкомъ родѣ Средней Орды, въ концѣ XVII вѣка, былъ извѣстный бій Казбекъ, потомство коего до сихъ поръ носитъ званіе біевъ.

Казбекъ
|
Бекбулатъ
|
Тленчи
|
Алчинбай.

Впрочемъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ думать, что званіе біевъ было у киргизовъ когда-либо наслѣдственнымъ. Бій Чорманъ, сынъ богатаго и знатнаго киргиза Карджаскаго рода, но не бія, Чорманъ, у котораго предки никогда не были біями, 13-ти лѣтъ пріобрѣлъ это званіе, выигравъ важный родовой процессъ на одномъ народномъ сеймѣ и до смерти своей назывался Чорманъ-мальчикъ. Я знаю много киргизъ, которыхъ отцы были извѣстными біями, но которые сами не носятъ этого званія.

2) Законъ родоваго быта, по которому члены одного рода считались какъ бы членами одного семейства, былъ причиною того, что бій-однородецъ, въ процессѣ своего родича съ членомъ другаго рода, могъ быть только адвокатомъ у своего однородца, но не судьей его. Понятія родства распространились у киргизъ и въ отношеніи отдаленнѣйшихъ поколѣній. Напримѣръ, Средняя Орда раздѣляется на 6 главныхъ родовъ: аргынъ, кипчакъ, конрадъ, найманъ, увакъ и кирей, которые находятся между собою въ отношеніи братьевъ, посему истецъ конрадскаго племени въ процессѣ съ отвѣтчикомъ изъ племени аргынъ имѣлъ полное право отстранить отъ суда всѣхъ біевъ области сибирскихъ киргизовъ, какъ однородцевъ, слѣдовательно, и приверженцевъ своего отвѣтчика, исключая біевъ баганалинскихъ, кипчаковскихъ, увакс履ихъ и киреевскихъ, составляющихъ всего около 15 волостей въ области. Эта особенность родоваго быта киргизъ послужила основаніемъ права свободнаго выбора со стороны тяжущихся, для разбора сво-

его дѣла, біевъ изъ всѣхъ лицъ, посящихъ это званіе па пространствѣ всей Киргизской степи, чтобъ доставить имъ полную возможность выбрать вполнѣ безпристрастнаго судью.

Такъ, въ 1758 году султанъ Баракъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ Средней Орды, убивъ Абульхаира, хапа Меньшей Орды, избралъ для суда надъ собою 4-хъ біевъ, изъ біевъ всего киргизскаго народа. Въ числѣ его судей были: Тулебій отъ Большой Орды и Айтекъ—отъ Малой.

Кочевой образъ жизни, способствующій быстрымъ передвиженіямъ съ мѣста на мѣсто и частымъ столкновеніямъ однихъ родовъ съ другими, привычка киргизъ къ разъѣздамъ и путешествіямъ, безпрестанные съѣзды біевъ и другихъ почетныхъ ордынцевъ изъ отдаленныхъ мѣстъ на поминки, байги и па другія народныя собранія и сборища—давали и даютъ теперь киргизамъ легкую возможность отдать свое дѣло на судъ инороднаго бія или на судъ какой-нибудь проѣзжей извѣстности. Вообще киргизы любили и любятъ судиться у проѣзжихъ біевъ или у лицъ совершенно имъ незнакомыхъ, чѣмъ у біевъ сосѣдняго племени, съ которыми у нихъ есть частыя сношенія, слѣдовательно и родовые счеты.

3) Изъ воззрѣнія на дѣло суда, какъ на дѣло частное, относящееся только до интересовъ тяжущихся, явился обычай за трудъ, принимаемый на себя біемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, вознаграждать его штрафомъ, «біиденъ-біилегы», съ тяжущагося, признаннаго по суду виновнымъ.

4) Этотъ же взглядъ на бія, какъ па частнаго практиканта, а на судъ, какъ на частное дѣло, было причиною того, что киргизскіе біи могли принимать къ своему производству и рѣшенію дѣла не иначе, какъ по просьбѣ тяжущихся или по сообщенію административной власти и по той же причинѣ не могли участвовать въ исполненіи своихъ рѣшеній.

5) Понятно, что такой свободный взглядъ на судъ и на судью не могъ ограничивать право обжалованья, и киргизамъ предоставлялось это право въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

6) Но самую замѣчательную черту суда біевъ составлялъ, конечно, слѣдующій обычай: когда не было противъ обвиняемаго явныхъ уликъ, но имѣлось только сильное подозрѣніе

въ учиненіи имъ проступка, то біи прибѣгали къ посредничеству честныхъ родовичей, которые присягой обвиняли или оправдывали подсудимаго. Число этихъ «присяжныхъ» и кругъ для ихъ выбора обусловливались важностью разсматриваемаго дѣла; такимъ образомъ, присяжные выбирались иногда изъ близкихъ соплеменниковъ подсудимаго, а иногда изъ цѣлой волости или изъ цѣлаго округа.

7) Судъ біевъ производился словесно, публично и во всѣхъ случаяхъ допускалъ адвокатуру. Онъ былъ въ такомъ уваженіи у народа, что не требовалъ и не требуетъ до сихъ поръ никакихъ дисциплинарныхъ мѣръ. Вотъ судъ біевъ, бывшій въ степи до основанія Окружныхъ Приказовъ въ кочевьяхъ Средней киргизъ-кайсацкой Орды.

Разсматривая внимательно судъ біевъ, дѣйствующій теперь у киргизъ нашей области, нельзя не видѣть при всемъ желаніи найти въ немъ что-нибудь новое, привитое, тѣ же формы, тѣ же начала древняго народнаго суда, которыя мною изложены выше. Судъ біевъ, несмотря на 50-лѣтнее русское вліяніе, остался такимъ, какимъ былъ онъ за сотни, можетъ быть за тысячу лѣтъ до насъ. Стало быть ни внутренняя инерція народа, ни вліяніе русскихъ учрежденій и законодательства не могли измѣнить его древнихъ и простыхъ формъ, хотя правительство не разъ думало дать ему болѣе прочную, болѣе оффиціальную организацію. Съ этою цѣлью въ 1854 г. былъ изданъ законъ, которымъ было постановлено: «званіе біевъ оставить за тѣми, кто имъ пользовался до 19-го мая 1854 года, на будущее же время предоставить оное только султанамъ и аульнымъ старшинамъ, прослужившимъ въ этихъ должностяхъ не менѣе 6-ти лѣтъ, и отправлявшимъ какія-нибудь должности или чѣмъ-нибудь Всемилостивѣйше награжденнымъ и не иначе, какъ по выбору общества и съ утвержденія окружнаго приказа (94 ст., томъ II, часть 2 учрежд. объ управленіи инородцами). Этотъ законъ, имѣвшій цѣлью возвысить званіе біевъ, давъ имъ чиновничье значеніе, но прямымъ послѣдствіемъ котораго было бы то, что званіе біевъ перешло бы непремѣнно въ руки честолюбивыхъ богачей, положительно не свѣдущихъ въ народныхъ обычаяхъ и пра-

вахъ,—къ счастію киргизовъ, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ народный судъ, потому что число лицъ, бывшихъ біями до 19-го мая, оказалось и оказывается до настоящаго времени достаточнымъ для отправленія у киргизскаго народа правосудія. Такимъ образомъ, древнѣйшій судъ біевъ дѣйствуетъ и понынѣ въ Киргизской степи на тѣхъ главныхъ началахъ, на которыхъ дѣйствовалъ онъ до принятія киргизами русскаго подданства.

Если 50-лѣтнее русское управленіе, внесшее много совершенно новыхъ элементовъ въ общественную жизнь киргизскаго народа, не имѣло никакого вліянія на древній киргизскій судъ біевъ, если судъ этотъ могъ устоять противъ неблагопріятныхъ условій русскаго законодательства (напримѣръ, закона 1854 г.), ясно, что онъ вполнѣ удовлетворяетъ настоящему развитію киргизскаго народа.

Удовлетворительность суда біевъ самымъ блистательнымъ образомъ доказывается оффиціальными источниками, именно, незначительностью жалобъ на первоначальное рѣшеніе біевъ и почти совершеннымъ отсутствіемъ просьбъ отъ киргизовъ о производствѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству біевъ, по русскимъ законамъ.

По справкамъ изъ дѣлъ окружныхъ приказовъ видно, что въ Каркаралинскомъ, Кокчетавскомъ и Баянъ-Аульскомъ округахъ жалобъ на несправедливое рѣшеніе біевъ и просьбъ о постановленіи рѣшеній по русскимъ законамъ въ приказы этихъ округовъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ вовсе не поступало, хотя судомъ біевъ было окончено въ Каркаралинскомъ округѣ: въ 1860 г.—72, въ 1861 г.—77 и въ 1862 г.—22 дѣла. Въ Атбасарскомъ приказѣ въ 1861 году была только одна жалоба и съ просьбой русскаго суда, но жаловался, впрочемъ, не киргизъ, а казакъ. Всего болѣе неудовольствій на рѣшенія біевъ встрѣчается за послѣднее трехлѣтіе въ Акмолинскомъ округѣ, въ границахъ котораго проживаетъ наиболѣе всего русскихъ, татаръ, ташкенцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Въ Акмолинскій приказъ поступило жалобъ: въ 1860 г.—2, въ 1861 г.—3 и въ 1862 г.—4. Только въ одной просьбѣ, поданной въ 1862 г., проситель желалъ, чтобы рѣшеніе было

постановлено по русскимъ законамъ. Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ Акмолинскимъ приказомъ по этому предмету, къ сожалѣнію, не показано племени и происхожденія лицъ, подававшихъ жалобы. Можно думать, что просители были не киргизы.

Мы знаемъ, однакожъ, нѣсколько примѣровъ, гдѣ киргизы дѣйствительно желали русскаго суда, но просители эти были ордынцы, заклейменные народнымъ презрѣніемъ, люди вполнѣ безнравственные, которые надѣялись незаконными путями, чрезъ засѣдателей, исправить проигранное на народномъ судѣ дѣло. Имъ нечего было терять. Такъ просилъ Каджукъ, извѣстный кишмурунскій конокрадъ, такъ просилъ Баубекъ, содержавшійся 2 года на гаубтвахтѣ въ Атбасарѣ по многократнымъ жалобамъ киргизъ своего и кокчетавскаго округовъ. По суду біевъ этотъ хищникъ, бывшій нѣкогда сподвижникомъ Кенесары, былъ приговоренъ къ уплатѣ нѣсколькихъ сотъ лошадей, но совершенно отказался отъ уплаты и, посаженный на гаубтвахту, просилъ русскаго суда. Въ пользу суда біевъ мы можемъ привести еще одинъ крупный фактъ, говорящій самъ за себя. Это то, что русскіе истцы или русскіе отвѣтчики во многихъ случаяхъ предпочитаютъ судъ біевъ русскому слѣдствію. Извѣстно достовѣрно, что въ Кокчетавѣ въ нынѣшнее лѣто было рѣшено нѣсколько десятковъ такого рода дѣлъ.

Теперь позволю себѣ приступить къ главнѣйшей задачѣ по вопросу о судебной реформѣ въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства, именно: къ сравненію главныхъ элементовъ киргизскаго суда біевъ съ основными началами мироваго суда, проектированнаго для русскихъ губерній. При первомъ, общемъ взглядѣ на эти два, повидимому, разнохарактерныя учрежденія, чувствуется, что между ними существуетъ большое сходство, много общаго въ идеѣ, но, разбирая каждый пунктъ отдѣльно, придется видѣть одну только разницу. Сходство заключается, напримѣръ, въ словесности и публичности дѣлопроизводства, но и здѣсь разница, если пускаться въ тонкости: мировые судьи рѣшенія свои постановляютъ на бумагѣ, а біи не всегда; мировые судьи дѣлаютъ разбирательства свои публично только

по дѣламъ гражданскимъ, а біи по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдомству.

Разница заключается: А) *по судоустройству*:

1) Біи существуютъ въ неопредѣленномъ числѣ, мировые же судьи полагаются по нѣскольку на каждый мировой округъ.

2) Біи ни кѣмъ формально не избираются и формально ни кѣмъ не утверждаются. Значеніе ихъ основано на частномъ авторитетѣ, который пріобрѣтаютъ они также, какъ въ Европѣ поэты, ученые и адвокаты. Шекспиръ и Гёте считаются всѣми за великихъ поэтовъ, но мнѣніе о геніальности ихъ основано не на декретахъ правительствъ и не на формальныхъ выборахъ народа. Для выбора же въ мировые судьи существуетъ опредѣленный порядокъ и цензъ.

3) Бій тогда только судья, когда къ нему обращаются тяжущіеся, обращаются же къ нему—пока онъ пользуется хорошимъ renommée; только потеря авторитета лишаетъ его бійскаго званія. Мировые судьи избираются на три года, и пока служатъ, пользуются постоянными правами и обязанностями.

4) Біи не получаютъ никакого содержанія ни отъ казны, ни отъ народа, но берутъ «бійденъ-бійлегы», а мировому судьѣ полагается изъ земскаго сбора опредѣленная сумма на содержаніе его самого и на расходы его по канцеляріи.

5) Съѣзды біевъ бываютъ не періодичные, а случайные, а на съѣзды же мировыхъ судей назначается опредѣленный срокъ.

6) Мировой судья рѣшаетъ дѣла единолично, а судъ біевъ одноличенъ можетъ быть только тогда, когда тяжущіеся принадлежатъ къ одному роду съ біемъ и сами пожелаютъ одного судью.

Б. *По судопроизводству*.

1) Мировымъ судьямъ подсудны: по уголовнымъ дѣламъ: маловажныя преступленія и проступки, означенныя въ 19 ст. Судопр. Уголов., и по гражданскимъ—иски, на сумму не свыше 500 руб. (ст. 1 Гражд. Судопр.). Біямъ же подвѣдомственны всѣ уголовныя преступленія и проступки, исключая, означен-

ныхъ въ 1167 ст., XV т., 2 кн. Уголов. Законовъ, прилож. къ 183 ст. того же тома 1 кн. Улож., § 1, пункт. 2 и дополненіе къ этому пункту по 2 продолженію, и всѣ дѣла гражданскія киргизовъ между собою и съ лицами иноплеменными, въ случаяхъ, когда послѣднія, будучи истцами, подчинятся сами суду біевъ (1177 ст., XV т., 2 кн. Уголов. Зак. и 1133 и 1134 ст., X т., II ч. Гражд. Судопр.).

2) Біи приступаютъ къ разбору дѣлъ только по жалобѣ частныхъ лицъ или по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей. Мировые судьи, кромѣ этихъ случаевъ, разбираютъ дѣла по преступленіямъ и проступкамъ и по личному своему усмотрѣнію и дознанію (24 ст., пунк. 3 Уголов. Судопр.).

3) Біи разбираютъ и рѣшаютъ дѣла на своемъ языкѣ, по своимъ обычаямъ и законамъ, мировые же судьи, хотя и дѣлаютъ разборъ дѣлъ на мѣстномъ нарѣчіи, но рѣшаютъ по совѣсти или на основаніи общихъ законовъ Имперіи (28 ст. Уголов. Суд.).

4) Рѣшенія біевъ могутъ быть всегда обжалованы, рѣшенія же мировыхъ судей, въ извѣстныхъ случаяхъ, считаются окончательными и не подлежатъ обжалованію (30 ст. Уголов. Зак. и 3 ст. Гражд. Судопр.).

5) Біи всѣ дѣла разбираютъ публично, мировые судьи дѣлаютъ разбирательство публичное только по гражданскимъ дѣламъ (5 ст. Гражд. Судопр.).

6) Во всѣхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ судомъ біевъ, допускается адвокатура, въ мировомъ же разборѣ упоминается о повѣренныхъ только по дѣламъ гражданскимъ (5 ст. Гражд. Судопр.).

7) Мировые судьи заносятъ рѣшенія свои въ установленную для сего книгу, у біевъ подобной книги нѣтъ.

8) Рѣшенія біевъ приводятъ въ исполненіе султаны, управители и старшины, а окончательный приговоръ мироваго суда исполняетъ самъ мировой судья.

9) Въ судѣ біевъ бываютъ случаи, допускающіе нѣчто въ родѣ участія «присяжныхъ» для рѣшенія, такъ-называемаго у англичанъ вопроса о фактѣ (question of fact); мировой же судъ обходится безъ присяжныхъ.

Изъ этого сравненія киргизскаго суда біевъ съ судомъ

мировымъ очевидно, что мировой судъ, несмотря на большую разницу въ частностяхъ, въ общей идеѣ и по практической цѣли своей, имѣетъ много общаго съ судомъ біевъ у киргизъ, только мировой судъ изобилуетъ большими формальностями и имѣетъ болѣе бюрократическихъ атрибутовъ. Судъ біевъ—и не удивительно, если принять во вниманіе аналогію высшаго развитія съ низшимъ—имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ судомъ мировымъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи киргизовъ. Я бы сказалъ: абсолютное превосходство, еслибъ не боялся, что меня могутъ заподозрить въ преувеличеніи. Вообще говоря, судъ мировой не есть еще судъ идеальный, лучше котораго нельзя было бы и ожидать. И въ Англіи, въ этой образцовой странѣ мироваго суда, по свидѣтельству новѣйшихъ изслѣдователей, много юристовъ и государственныхъ людей, которые не совсѣмъ довольны современнымъ состояніемъ англійскихъ мировыхъ учрежденій. Блекстонъ, Гнейстъ и Шарль Контъ, въ сочиненіяхъ своихъ, указываютъ на нѣкоторые положительные недостатки британскаго мироваго суда.

Главное достоинство суда біевъ заключается въ отсутствіи формальностей и всякой оффиціальной рутины. Значеніе бія основано на авторитетѣ и званіе это есть, какъ бы патентъ на судебную практику. Тяжущимся киргизамъ предоставляется свободное право обращаться къ любому изъ лицъ, пользующихся судейскимъ renommée, какъ у насъ больные обращаются къ медицинскимъ авторитетамъ, а подсудимые къ извѣстнымъ адвокатамъ. Оффиціальные выборы никогда не могутъ удовлетворять этимъ высшимъ условіямъ, а у насъ же въ Степи выборы, подъ вліяніемъ законовъ родоваго быта, въ настоящее время, ограничиваются одними родовыми интригами и служатъ только къ удовлетворенію тщеславія богатыхъ киргизъ и къ обогащенію русскихъ чиновниковъ, отлично умѣющихъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Если, согласно своекорыстному желанію киргизскихъ чиновниковъ и богатыхъ табуновладѣльцевъ, избраніе біевъ подчинить формальнымъ выборамъ, то отправленія правосудія въ Степи неминуемо перейдетъ, при помощи денежныхъ сдѣлокъ и разныхъ низкихъ

интригъ, что случается у насъ сплошь и рядомъ, въ руки табуновладѣльческой и торговой знати, положительно не свѣдущей въ нашихъ судебныхъ обычаяхъ и въ нашихъ юридическихъ правахъ. Свободный выборъ судей изъ всѣхъ лицъ, носящихъ званіе біевъ, предоставленный тяжущимся, вполнѣ замѣняетъ выборы и даже болѣе достигаетъ той цѣли, съ которою обыкновенно производятся выборы. Біи у насъ теперь занимаются своей профессіей по призванію и имѣютъ причины дорожить своею репутаціею. Сдѣлавшіеся же выборными чиновниками они во всемъ будутъ походить на нашихъ управителей, которые тянутъ со всѣхъ и всѣмъ сами платятъ.

Неблагонамѣренный судья, при настоящемъ положеніи дѣлъ, безъ всякихъ скандаловъ, можетъ быть обойденъ: къ нему никто не будетъ обращаться и дѣло кончено. Если же этотъ неблагонамѣренный судья будетъ выбранъ оффиціально и на срокъ, то киргизамъ придется сносить всѣ его гадости до выборнаго термина. Наконецъ, если судья будетъ человѣкъ богатый, то и выборы, пожалуй, не избавятъ народъ отъ его несправедливостей.

Преимущество имѣетъ судъ біевъ и въ томъ отношеніи, что онъ рѣдко бываетъ единоличенъ; въ немъ допускается безграничная публичность, а иногда и нѣчто въ родѣ участія присяжныхъ; рѣшенія его подлежатъ обжалованію, между тѣмъ какъ мировымъ судьямъ въ этомъ отношеніи дается слишкомъ большая власть, тѣмъ болѣе опасная, что судья можетъ руководствоваться во многихъ случаяхъ одними законами совѣсти, безъ всякой другой гарантіи.

Судъ біевъ, въ отношеніи киргизовъ, выигрываетъ окончательно потому, что другія статьи общаго проекта не примѣнены къ быту кочевника, особенно главныя статьи по мировому судопроизводству. Напримѣръ, киргизы не могутъ быть судимы по русскимъ законамъ—причина очень простая. Во-первыхъ, отъ киргиза, при другомъ племенномъ организмѣ и при другихъ условіяхъ среды и стихіи, нельзя требовать одинаковаго пониманія и взгляда на преступленія и проступки, какъ отъ русскихъ и отъ другихъ европейцевъ, и наконецъ, киргизы не знаютъ и не могутъ знать русскихъ законовъ,

хотя при слѣдствіяхъ они, наравнѣ съ русскими, не могутъ отзываться незнаніемъ закона. Киргизъ, не понимающій ни одного русскаго слова, не можетъ отзываться незнаніемъ русскихъ законовъ! Это, конечно, китаизмъ.

Выходитъ, что правительство наше, сознательно требуетъ отъ своихъ подданныхъ невозможнаго, какъ нѣчто очень возможное.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ законъ хорошъ для народа, который болѣе ему извѣстенъ. Законъ родной, подъ которымъ человѣкъ выросъ и воспитывался, какъ бы законъ этотъ ни былъ несовершененъ, долженъ казаться ему лучше, понятнѣе и яснѣе самыхъ мудрыхъ законодательствъ, взятыхъ извнѣ или навязанныхъ сверху. Между тѣмъ обычное право киргизъ, по той же аналогіи высшаго развитія съ низшимъ, на которое мы такъ любимъ ссылаться, имѣетъ болѣе гуманныхъ сторонъ, чѣмъ законодательство, напримѣръ, русское, по Русской Правдѣ. Въ киргизскихъ законахъ нѣтъ тѣхъ устрашающихъ мѣръ, которыми наполнены и новѣйшіе европейскіе кодексы. У киргизовъ тѣлесныя наказанія никогда не существовали. А законы родовые, по которымъ члены рода отвѣтствуютъ за своего родича, при родовыхъ отношеніяхъ, приносятъ много практической пользы. Начатіе дѣлъ по личному своему усмотрѣнію также неудобо примѣнимо къ киргизскимъ біямъ. Это право обратило бы киргизскаго бія, судью, въ полицейскаго сыщика, который бы сталъ невыносимо придирчивъ, чтобы получить побольше «біиденъ-біилегы», а участіе въ исполненіи рѣшеній дало бы бію до извѣстной степени предержащую власть. Такая посторонняя фикція прямо противорѣчитъ основной идеѣ суда біевъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ и доказательствъ видно:

1) Что начала мироваго суда, проектированныя для русскихъ губерній, во многихъ началахъ своихъ положительно непримѣнимы въ отношеніи киргизскаго народа.

2) Судъ біевъ, дѣйствующій у киргизовъ теперь, при господствующемъ у нихъ родовомъ бытѣ и родовыхъ отношеніяхъ, вполнѣ удовлетворяетъ развитію народа, какъ продуктъ непосредственно выработанный самимъ народомъ.

3) Что судъ біевъ имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ судомъ мировымъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи киргизъ.

4) Что желаніе большинства, массы киргизскаго народа, при отобраніи отъ нихъ мнѣній по вопросу о судебной реформѣ, было выражено въ пользу древняго суда біевъ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя причины и руководствуясь тою истиною, что для нормальнаго роста народа, на какой бы степени развитія онъ ни стоялъ, необходимы: саморазвитіе, самозащищеніе, самоуправленіе и самосудъ, мы приходимъ къ тому неотразимому заключенію, что судъ біевъ слѣдуетъ оставить, до поры до времени, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до изданія закона 1854 г., а законъ этотъ, какъ рожденный подъ вліяніемъ бюрократическихъ идей, единственно въ видахъ формализма и порядка, слѣдуетъ отмѣнить. Въ наше время на регламентацію и формализмъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на анахронизмъ, или какъ на 10 тысячъ китайскихъ церемоній. Формализмъ и бюрократическая рутина обусловливали собой одинъ только застой и служили до сихъ поръ китайской стѣной для всякой полезной общественной дѣятельности, останавливая свободное теченіе тѣхъ всечасныхъ и всеدневныхъ преобразованій и улучшеній, которыхъ требуетъ живая народная сила. Чтобы привить какое-либо преобразованіе и чтобы потомъ сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соотвѣтствовала матеріальнымъ нуждамъ и была бы приспособлена къ національному характеру того общества, для пользы котораго она предпринята. Всякое нововведеніе внѣ этихъ условій можетъ быть безусловно вредно, и какъ явленіе анормальное можетъ порождать только неизлечимыя общественныя болѣзни и аномаліи.

Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду біевъ тѣ преступленія и проступки, которые были судимы до сихъ поръ по русскимъ уголовнымъ законамъ и составляли предметъ особеннаго правительственнаго наблюденія. Уголовными преступленіями въ отношеніи къ сибирскимъ киргизамъ, согласно 1167 ст. Зак. Угол. Судопр., XV т., II ч.,

изд. 1857 г., считаются: «измѣна, убійство, разбой, баранта, возбужденіе своихъ соплеменниковъ противъ правительства, явное неповиновеніе установленнымъ властямъ, преступленія по должности, поддѣлка и умышленный переводъ фальшивыхъ государственныхъ бумагъ и монеты, поджогъ и принятіе ложной присяги по дѣламъ, судимымъ на основаніи общихъ россійскихъ законовъ; за сіи преступленія, а также за преступленія и проступки, учиненные киргизами не въ мѣстахъ кочевья ихъ, а въ городахъ и селеніяхъ, они приговариваются къ наказаніямъ по общимъ законамъ Имперіи». Справедливость требуетъ за убійства, грабежъ и хищничество судить киргизовъ по русскимъ законамъ, такъ какъ киргизскіе судебные обычаи въ этомъ отношеніи крайне неудовлетворительны, оцѣнивая жизнь человѣка во сто лошадей и въ 6 хорошихъ вещей. Но относительно баранты слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя смягченія и уступки. Въ нашихъ судахъ слово баранта имѣетъ какое-то роковое значеніе и считается самымъ важнымъ преступленіемъ послѣ измѣны и убійства. Между тѣмъ важность баранты основана у насъ на одномъ только преданіи, предразсудкѣ. Криминалъ заключается не въ фактѣ, а въ зловѣщемъ звукѣ этого слова. Спрашивается, что называется въ нашей криминалистикѣ барантой?—вопросъ о барантѣ не выясненъ и отвѣта положительнаго не можетъ быть. Областное Правленіе нѣсколько лѣтъ, какъ требуетъ отъ Приказовъ разрѣшенія этой загадки и не можетъ дождаться. Стряпчій Областнаго Правленія г. Кондратовичъ толмачитъ баранту словомъ: угонъ съ убійствомъ, но объясненіе это не болѣе не менѣе какъ бюрократическая догадка. Я постараюсь объяснить баранту такъ, какъ понимаютъ ее сами киргизы. У киргизъ баранта допускалась иногда и закономъ. За воровство, грабежъ, угонъ полагается аипъ (штрафъ), а за баранту — ничего. Барантой назывался захватъ чужаго скота или чужихъ вещей, вообще чужой собственности, за неуплоченный долгъ, калымъ или кунъ. Случалось въ старину, что сильный племеннымъ родствомъ киргизъ, совершивъ убійство или кровную обиду, не хотѣлъ идти на судъ. Тогда по рѣшенію родоваго сейма, оскорбленные и униженные шли

на баранту и, сдѣлавъ чувствительный захватъ, принуждали гордаго обидчика дать законное удовлетвореніе. Послѣ примиренія убарантованный скотъ возвращался сполна, но безъ всякаго аипа. Баранта производилась явно, т. е. днемъ и съ насиліемъ, въ случаѣ нужды, или же тайно, воровски, — въ послѣднемъ случаѣ барантачи обязаны были не позже 3-хъ дней извѣстить своихъ соперниковъ, что баранта затѣяна ими и за то-то. Иначе похищеніе, произведенное ими, считалось воровствомъ. Понятно, что при явной барантѣ, барантачи встрѣчали нерѣдко готовый отпоръ, бывали драки, убійства. Но все это можетъ случиться и при угонѣ, который однакожъ не считается уголовнымъ преступленіемъ. Угонъ—это просто набѣгъ, разбой, хищничество, когда безъ всякой причины и повода, съ одною лишь корыстною цѣлью, нападаютъ и угоняютъ табуны оплошныхъ киргизовъ. Въ наше время баранта производится за долгъ, за неуплаченный калымъ и большею частью тайно, воровски. Баранта, какая бы она ни была, какъ самоуправство, конечно, не можетъ быть терпимо нашимъ правительствомъ, но, принимая во вниманіе взглядъ народный на баранту и силу обычая, я осмѣливаюсь полагать, что правительство наше поступаетъ слишкомъ строго и, пожалуй, не совсѣмъ справедливо, придавая барантѣ первостепенную важность. Я думаю, что баранту тайную, воровскую можно было бы передать суду біевъ, какъ родъ воровства, а на баранту открытую смотрѣть болѣе снисходительно. Впрочемъ, почему бы и ее не передать въ вѣдомство біевъ, если она не сопровождалась убійствомъ, вѣдь это тоже, что угонъ.

Но чтобы ни было съ барантой, остается не мало другихъ уголовныхъ преступленій и проступковъ, за которые киргизы судились и, конечно, будутъ теперь судиться по общимъ уголовнымъ законамъ Имперіи.

Устройство судебныхъ мѣстъ для киргизскихъ областей представляетъ нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій, которыми я теперь займусь. Киргизы, при отобраніи отъ нихъ мнѣній объ этомъ предметѣ, старались только объ одномъ, чтобы уголовный судъ былъ отъ нихъ

какъ можно дальше. Опираясь на то, что у нихъ бываетъ очень мало дѣлъ, подлежащихъ уголовному производству, опи предположили основать судъ этотъ въ Акмоллахъ. Нѣкоторые указали, впрочемъ, и на Омскъ.

Дѣйствительно, уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ судебному рѣшенію палатъ, въ нашей области до сихъ поръ было очень мало.

Въ теченіе послѣдняго трехлѣтія поступило на рѣшеніе Областнаго Правленія дѣлъ:

Въ 1861 г.	45
» 1862 г.	27
» 1863 г.	39
Итого	111

Изъ этого числа поступило:

	Въ 1861 г.	Въ 1862 г.	Въ 1863 г.
Изъ Кокчетавскаго приказа . . .	31	7	13
» Атбасарскаго » . . .	1	3	2
» Акмолинскаго » . . .	3	5	4
» Баянъ-Аульскаго » . . .	2	5	4
» Каркаралинскаго » . . .	8	7	14

Изъ 111 дѣлъ рѣшено:

Въ 1861 г.	34
» 1862 г.	35
» 1863 г.	34
Итого	103

Мимоходомъ считаю нелишнимъ замѣтить, что въ зарѣшенныхъ дѣлахъ обнаружено преступленіе едва по 13 дѣламъ.

Но устройство суда въ Акмоллахъ для киргизъ и для русскихъ жителей степныхъ станицъ, по крайней незначительности дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству суда, будетъ только излишней и безполезной тратой денегъ, если же судъ этотъ будетъ, какъ предлагали нѣкоторые, разъѣздной, кочевой, то сверхъ траты казенныхъ денегъ, онъ будетъ невыносимо обременителенъ для киргизовъ. Ямская повинность, какъ извѣстно изъ опыта, была въ прошломъ столѣтіи одною изъ главныхъ

причинъ неудовольствія русскаго народа на правительство. Сибиряки и сибирскіе инородцы до сихъ поръ жалуются на тягостную для нихъ выставку подводъ подъ исправниковъ, засѣдателей и поповъ. У киргизъ же ямская повинность отправляется безъ всякаго порядка и крайне не равномѣрно. Многіе чиновники берутъ и теперь по 40 и 60 лошадей подъ одинъ экипажъ и ничего не даютъ подводчикамъ, кромѣ зуботычинъ. Послѣднее дѣлаютъ и частныя лица. Случается нерѣдко, что нѣкоторые «маіоры» (такъ киргизы называютъ русскихъ чиновниковъ) не возвращаютъ хозяевамъ взятыхъ ими въ подводы лошадей.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что нѣтъ никакой особенной надобности устраивать особый судъ для нашей Степи. Омскъ, гдѣ вѣроятно будетъ одна какая-нибудь степень суда, по географическому положенію своему, находится въ условіяхъ не менѣе выгодныхъ, чѣмъ Акмоллы. Если для баганалинцевъ, таминцевъ, кочующихъ по Чу и Сарысу, онъ будетъ значительно дальше Акмолловъ, за то для другихъ, болѣе населенныхъ округовъ, онъ будетъ ближе и удобнѣе. Во всякомъ случаѣ для киргизовъ гораздо выгоднѣе ѣздить въ Омскъ на судъ, чѣмъ принимать правосудіе въ своихъ волостяхъ. Еще вопросъ о выборѣ присяжныхъ. Признаться, трудно ручаться за безпристрастный выборъ этихъ лицъ и нельзя не бояться вліянія знатныхъ ордынцевъ, родовыхъ симпатій и антипатій. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, мнѣ кажется, можно бы выборъ присяжныхъ производить при судѣ, взявъ списокъ всѣхъ біевъ, рѣшавшихъ въ предъидущемъ году какія-либо дѣла и избравъ изъ нихъ, по жребію, присяжныхъ. Содержаніе присяжныхъ во время сессіи суда, конечно, ничего не будетъ стоить, если принять въ расчетъ ту экономію, которую пріобрѣтаетъ казна, не учреждая для Степи особаго окружнаго суда.

При дачѣ мнѣній по судебной реформѣ, киргизы всѣхъ округовъ нашей области, исключая, впрочемъ, Кокчетавскаго, просили: «дѣла о бракахъ и разводахъ, находящіяся теперь въ вѣдомствѣ муллъ, предоставить, попрежнему, суду біевъ». Причины, вызвавшія эту народную протестацію, объясняются нижеслѣдующими историческими фактами.

Киргизы, до вступленія въ русское подданство, были мусульманами только по имени и составляли въ магометанскомъ мірѣ особый суннитскій расколъ. Мусульманскіе законы никогда не были приняты киргизами и были введены въ степь путемъ правительственной иниціативы, вмѣстѣ съ прелестями внѣшнихъ Приказовъ. Вѣроятно, причиной, побудившей правительство дѣла о бракахъ и разводахъ предоставить мулламъ, былъ грубый обычай киргизъ отдавать дочерей своихъ въ замужество въ слишкомъ юныхъ лѣтахъ и большею частію безъ ихъ согласія. Киргизы сговаривали дѣтей своихъ иногда и въ колыбели.

Намъ кажется, что обычай этотъ могъ быть измѣненъ и безъ участія мусульманскаго духовенства: слѣдовало только предписать старшимъ султанамъ и управителямъ, подъ страхомъ отвѣтственности, имѣть строгое наблюденіе, дабы киргизы не выдавали дочерей ранѣе такихъ-то лѣтъ, дабы отцы не принуждали своихъ сыновей и дочерей вступать въ супружество безъ личнаго ихъ согласія и проч.

Полицейскій надзоръ и духъ времени сдѣлали бы свое дѣло, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалобъ, поступающихъ теперь по брачнымъ дѣламъ, показываетъ, что мусульманскій шаріатъ былъ совершенно безсиленъ противъ силы укоренившагося обычая.

Принимая во вниманіе изувѣрство и невѣжество татаръ, исключительно занимающихъ должности муллъ въ нашей степи, и вредное вліяніе ультра-клерикальнаго направленія на соціальное развитіе народовъ, я не могу не выразить своего мнѣнія, что для ослабленія вліянія муллъ и для умѣренія религіознаго фанатизма было бы очень возможно, согласно просьбѣ народа, дѣла о бракахъ и разводахъ предоставить попрежнему суду біевъ, тѣмъ болѣе, что бракъ у магометанъ не есть таинство.

Преобладаніе теологическаго духа и въ Европѣ проявлялось въ народномъ развитіи самымъ бѣдственнымъ образомъ.

Объ административной реформѣ пока еще нѣтъ рѣчи, и потому я не буду теперь затрогивать этотъ, по многимъ причинамъ, щекотливый для насъ предметъ.

Административный вопросъ для киргизъ имѣетъ слишкомъ большой интересъ, чтобы говорить объ немъ вскользь. Я думаю, однако, что такъ-называемое частное управленіе Оренбургской степи при административной реформѣ нашихъ областей можетъ быть съ большою пользою принято въ соображеніе, какъ уже испытанное на опытѣ. Оренбургское начальство, вѣроятно, имѣло время замѣтить его достоинства и недостатки. Самый капитальный недостатокъ оренбургскаго степнаго управленія, конечно, заключается въ томъ, что ордынскіе чиновники назначаются тамъ не по выборамъ народа, а по усмотрѣнію пограничнаго начальства. Право выбора своихъ властей, дарованное намъ, средне-ордынцамъ, есть такое право, которымъ мы не можемъ не дорожить, хотя пользуемся имъ теперь и дурно, и нечестно. Неправиленъ съ научной точки зрѣнія и тягостенъ для народа кибиточный сборъ, собираемый съ зауральскихъ киргизъ. Хотя налогъ этотъ не выдерживаетъ самой поверхностной критики, но нѣкоторые наши пограничные администраторы, по какимъ-то узкимъ соображеніямъ, увлекались имъ до того, что думали ввести подымную и въ нашу степь. Нѣтъ сомнѣнія, что ясакъ, платимый сибирскими киргизами по числу скота, есть единственно возможная и вполнѣ правильная, по новѣйшимъ теоріямъ налога, подать, которая можетъ быть, безъ отягощенія, наложена на кочевниковъ.

Подписалъ: штабсъ-ротмистръ Валихановъ.

28-го февраля 1864 г.
Омскъ.

Изъ черновыхъ бумагъ Чокана Валиханова[1]).

Записка № 1.

На пространствѣ юго-восточной части европейской Россіи и по тундрамъ, лѣсамъ и степямъ всей Сибири живутъ осѣдло, кочуютъ и бродяжничаютъ множество разноплеменныхъ народовъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ инородцевъ. Народы эти принадлежатъ къ финскому, тюркскому и монгольскому корню или же составляютъ любопытное соединеніе элементовъ отъ всѣхъ этихъ племенъ. Образъ жизни, языкъ этихъ народовъ почти неизвѣстны, хотя Импер. Геог. Общество въ своей полезной дѣятельности и старается собрать этнографическія свѣдѣнія о инородческихъ и иновѣрческихъ племенахъ Россіи, но до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одной капитальной статьи. Племена монголо-тюркскія, живущія въ юго-восточной Сибири, въ странѣ по Алтаю и Енисею,—въ странѣ, которая была колыбелью Тюрковъ и Монголовъ—сохраняя до сихъ поръ чистоту тюркскаго языка и обычаевъ, представляютъ обильную жатву наблюдательному филологу-монголисту. Академикъ Кастренъ, бывшій въ Сибири, многихъ изъ нихъ относитъ къ племени самоѣдскому *отуречившемуся* и Саянскія горы считаетъ колыбелью финновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пле-

---

[1]) Большая часть этихъ бумагъ переписана другимъ лицомъ, причемъ переписчикъ многія слова не разобралъ и оставилъ для нихъ пустыя мѣста, иныя переписалъ невѣрно. Къ сожалѣнію, самъ Валихановъ почти нигдѣ не сдѣлалъ исправленій и вставокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ, при печатаніи, многое измѣнилъ бы въ своихъ статьяхъ и пополнилъ пропуски, которые во многихъ случаяхъ возстановляются легко; но редакція не взяла на себя послѣднюю задачу, чтобы не вводить читателей въ заблужденіе.—*Ред.*

мена: финское, тюркское и монгольское имѣютъ нѣчто общее, какъ въ совокупномъ вліяніи ихъ на развитіе человѣчества въ разныя эпохи его жизни, такъ и въ . . . . [1]) языкѣ. Родство языковъ финскаго, тюркскаго и монгольскаго признано уже многими учеными, особенно-же двухъ послѣднихъ. Сибирскіе номады и бродячіе звѣроловы, тюркскаго и монгольскаго племенъ, исповѣдывая свое шаманство—жреческую вѣру,—имѣютъ въ характерѣ, жизни и языкѣ болѣе самобытства, нежели тюрки-османы и татары казанскіе. Мухамеданская религія (гаситъ) въ нихъ всякую искру самобытства, всякую національность:—возьмите казанскихъ татаръ, они, какъ гласитъ намъ исторія, потомки монголовъ Батыевыхъ или смѣсь воиновъ Батыя съ тюркскимъ . . . . Половцами. Скажите, пожалуйста, есть-ли что нибудь въ волжскомъ монголѣ напоминающее его происхожденіе?—Ничего. Казанцы, османы, крымцы такъ вдались въ коранъ и исламъ, что не имѣютъ ни одной народной сказки и не сохранили ни одну древнюю пѣсню. Единственное произведеніе казанской музы поэма . . . . имѣетъ содержаніе религіозное. Въ языкѣ ихъ вы встрѣчаете наполовину словъ арабскихъ и персидскихъ. Что ни говорите, ученіе Мухамеда вполнѣ достигаетъ своего назначенія: обратить всѣхъ послѣдователей въ арабовъ и заставить ихъ ни о чемъ не думать, ничего не уважать, кромѣ корана и его, Мухамеда. Въ тюркахъ мусульманахъ вы видите одну только односторонность направленія религіозно-схоластическаго; во всемъ же другомъ они до крайности тупы и не способны ни къ какой иной дѣятельности,—между тѣмъ ихъ языческіе собраты, находясь на гораздо низшей степени образованности, умственно стоятъ выше. Бродячій якутъ, ... , монголъ, не говоря о его народной характерности, имѣетъ свою поэзію, слѣдовательно, свою самобытную сферу, хотя и ограниченную, но свою сферу интеллектуальной, прогрессивной жизни. Прочитайте поэмы якутъ, кромѣ достоинствъ поэтическихъ, по свидѣтельству Щукина («Поѣздка въ Якутскъ»), имѣютъ и значеніе историческое.

[1]) Точками обозначены пробѣлы въ рукописи.—*Ред.*

Оногой-бай (герой поэмы того же названія) вышелъ, по преданію народа, изъ Алтая съ 150 челов. Миѳъ этотъ имѣетъ основаніе: между карагасскими татарами (въ Енисейской губ.) есть волость, называемая до сихъ поръ *Саха*; якуты тоже называются *Саха*. Такихъ поэмъ у якутъ много: «Элей-Батырь», начальникъ эмиграціи, послѣдовавшей за Оногой-баемъ, Басыни-Батырь, Немей-бай-тоёнъ. Каждая изъ нихъ обезсмертила для народа извѣстные случаи разныхъ эпохъ его исторіи. Поэмы, знакомящія съ вѣрой и религіозными обрядами народа,—это: Харыланъ, Мохсоголъ, Эбирень-Эмеяхсинъ, романтическая, воспѣвающая любовь Кланныхъ-кызъ-батырь (Замѣчанія о якутскомъ языкѣ Огородникова, «Отеч. Зап.» 1846). Карагасы (Енисейской губ., Минусинскаго уѣзда), телеуты, кераиты (Томской губ.) [1]) и другіе имѣютъ также много преданій и сказокъ. Поговорки ихъ заключаютъ въ себѣ много практическихъ истинъ; напр., пословица телеутовъ: «Рабъ знаетъ иногда больше князя, да говорить ему не позволяютъ», «Въ бородѣ ума нѣтъ», и проч. Языкъ у всѣхъ енисейскихъ и томскихъ инородцевъ, сколько можно судить по словамъ, чисто тюркскій, близкій, какъ справедливо замѣтилъ г. Чихачевъ, къ джагатайскому, который считается изъ изслѣдованныхъ діалектовъ болѣе кореннымъ, съ небольшою примѣсью финскихъ и обще-тюркско-монгольскихъ словъ. Это было бы особенно полезно для тѣхъ ученыхъ, которые стараются опредѣлить родство финско-тюрко-монгольскаго языка. Всѣ до сихъ поръ помѣщаемыя замѣчанія въ журналахъ и брошюрахъ о языкахъ якутскомъ («Замѣч. о языкѣ якутъ» въ «Отеч. Зап.» томъ XLVII, смѣсь; «Извѣстія Географич. Общ.» . . . .) и карагасскомъ (ibid., князь Костровъ) не даютъ никакого понятія. Выраженія звуковъ тюркскихъ русской азбукой, безъ особыхъ фонетическихъ знаковъ, чрезвычайно ихъ уродуетъ; сравненія же автора нѣкоторыхъ словъ съ словами турецкими или монгольскими по карикатурной . . . . послѣднихъ, заставляютъ заподозривать и точ-

[1]) Абуль-Гази говоритъ о послѣднихъ, какъ объ обитателяхъ этихъ мѣстъ еще . . . . Киргизы были въ союзѣ ойратовъ (Geschichte der Ost-Mongolen).

ность первыхъ. Для совершенной пользы науки желающіе познакомить насъ съ языкомъ этихъ народовъ, при составленіи словарей, что обѣщалъ относительно якутскаго языка г. Огородниковъ, авторъ статьи—«Замѣчанія о якутскомъ языкѣ», еще въ 1846 году, должны бы избрать или монгольскій, или арабскій алфавитъ, на которыхъ утвердилось . . . . этихъ языковъ: 1) для того, чтобы передача звуковъ была бы правильна; 2) для того, чтобы можно было легко видѣть уклоненія и различія отъ подобныхъ же словъ, существующихъ въ монгольскомъ и татарскомъ языкахъ. Не считаю нужнымъ говорить также, что для составленія хорошаго словаря или грамматики необходимо нужны фундаментальныя знанія монгольскаго, или одного изъ діалектовъ тюркскаго языка. Безъ этого ничего не будетъ дѣльнаго.

Г. Огородниковъ въ своей статьѣ дѣлаетъ слѣдующія сравненія для подтвержденія «весьма основательной *догадки* Шотта о *сходствѣ* языка тюркскаго съ якутскимъ». Вотъ его *доказки* [1])—Ueber die Iakutische Sprache (Archiv v. Erdman).

Турецкія.	Якутскія.
отъ aqhul должно быть *укулъ*	ol, киргизы говорятъ также öлъ.
arqur (?), не знаю.	or
kungis (?), не знаю что это за слово.	kümis — якутское, кажется, слово, нариц. имя напитка изъ кобыльяго молока.
elder, ilder — тоже Богъ знаетъ, что за слово.	eder
aral, должно быть *аралъ* островъ.	ary
mojun, bojun *муюнъ* шея.	moi

Прикажите послѣ этого судить о неизвѣстномъ языкѣ якутскомъ, когда нельзя узнать подъ французскими словъ турецкихъ. Это сравненіе принадлежитъ еще оріенталисту Шотту.

---

[1]) Выраженіе заимствовано отъ г. Огородникова (зри От. З.).

Г. Огородниковъ предлагаетъ азбуку изъ 21-й буквы и приводитъ примѣры, но отъ этого не легче. Однакожъ изъ всѣхъ примѣровъ и выписокъ очевидно, что преобладающій элементъ — тюркскій; есть, впрочемъ, слова неизвѣстныя, должно быть финскія; формы грамматическія обще-тюркскія. Вотъ склоненіе (см. ст. Огородникова):

	Единств. ч.	Множеств. ч.
им.	ого—мальчикъ (у Шотта ol, теперь же ого).	оголоръ и т. д.
род.	огону	
дат.	огого	
тв.	огононъ	Что-то не такъ; кажется, авторъ перемѣшалъ падежи: его творител. болѣе поход. на родит., а родит., кажется, вмѣсто винительнаго.

Вотъ мѣстоименія:

Личныя я—минъ у Т.
ты—энъ
онъ—кини (?)

Указательн. сей—субу, бу; — первое, кажется, происходитъ отъ . . . . киргизы говорятъ *усу*.

Притяжат. мой—міэнъ
твой—пенѐ
свой—беэмгенѐ— у киргизъ есть слово . . . собственно: *мое*.

Спряженіе:

Асыэкха—ѣсть.

Я ѣмъ—асыбынъ
Ты ѣшь—асыгынъ
Онъ ѣстъ—асыръ
Мы ѣдимъ—асабытъ (?).

Изъ этого запутаннаго изложенія ничего нельзя извлечь. Подобное руководство ни къ чему не ведетъ. Слова почти всѣ тюркскія, но обезображены ужасно. Вотъ одна якутская

поговорка: *Кимъ баръ бу ола эрегя сохъ бары тылынанъ капетяръ,—ойдарана.* Можно разобрать . . . . . что есть *бу* . . . . указат., *ола*—не знаю, *эрегя*—тоже, *сохъ*—тоже, *бары* отъ . . . . . (у киргизъ также . . . .) у слова *кепетяръ* оконч. турец. третьяго лица изъявит. накл., *ойдарана*, по увѣренію Огородникова, значитъ *эхо*; слово это, кажется, составное . . . . . ложбина, пещера, дупло и . . . . . крикъ. Въ сложности—крикъ ложбины, крикъ дупла. По автору вся поговорка значитъ вотъ что: *кто можетъ* (переводъ не буквальный) *не учась* (тамъ, какъ можно полагать по частицѣ указательной *бу*, этого нѣтъ) *говорить на всѣхъ языкахъ?*—эхо. *Бу ола эрегя*—кажется, близко татарскому . . . Тогда смыслъ будетъ таковъ: кто (есть) въ этихъ мѣстахъ (разумѣя свою землю) всѣ языки знаетъ?—эхо.

По всему видно, что авторъ самъ не очень силенъ въ языкѣ и не изучалъ его, а писалъ по разспросамъ. Черезъ подобныя замѣчанія мы никогда не узнаемъ языки инородческіе; надо ждать и ждать, когда какой-нибудь ученый, знающій языки тюркскіе и монгольскій, изслѣдуетъ и укажетъ только на особенности, больше, кажется, не нужно. Посѣщеніе кочевьевъ инородческихъ Енисейской, Томской и Иркутской губ. принесло бы и историческую пользу. Географическія свѣдѣнія восточныхъ историковъ достойны изслѣдованія. Открытіе урочища Дэлюнъ-Булдахъ, по указанію Абульгази, даетъ имъ большую цѣну [1]). Многія названія рѣкъ—Барфучинъ (Баргузинъ), Керуланъ, Ононъ и другія, существующія и теперь. Можетъ быть Икаръ-Мурунъ, о которомъ писали такъ много, названіе «10 рѣкъ», существуетъ также въ языкѣ туземцевъ?

Къ числу этихъ мало-извѣстныхъ народовъ принадлежатъ киргизы, народъ тюркскій. По свидѣтельству Абульгази, они жили въ южной Сибири по рѣкамъ Селенгѣ и Икаръ-Муруну (Ангарѣ) [2]). Онъ ихъ называетъ . . . . или киргизы . . . . и говоритъ, что они происходили отъ внука Угузова—Киргиза [3]). Рашидеддинъ относитъ ихъ къ числу лѣсныхъ

---

[1]) Вѣстникъ Р. Г. Общества. Банзаровъ, продолж.

[2]) Абуль-Гази. „Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1843 г. май.

[3]) Ibid.

народовъ, обитавшихъ въ странѣ Бархуджинъ Тукумъ. При Чингизъ-ханѣ, *Иналомъ* (такъ назыв., по увѣренію Абульгази, князья этого народа) киргизскимъ былъ Урусъ. Онъ покорился Чингисъ-хану и съ посломъ его Бору отправилъ бѣлаго сокола съ красными глазами и ногами. Въ китайскихъ лѣтописяхъ подъ 1207 г. нашей эры говорится, что Чингисъ-ханъ послалъ двухъ чиновниковъ своихъ, Алтаня и Бору, къ поколѣнію Киръ-цзисъ и что вслѣдствіе того Идыръ-нэрэ и Алдаръ (должно быть послы князей киргизскихъ) привезли лучшихъ соколовъ [1]). Послѣ Чингиса киргизы достались въ удѣлъ Тулую, слѣдовательно остались на прежнихъ мѣстахъ и не участвовали въ военной эмиграціи другихъ монголо-тюркскихъ поколѣній. Рубруквисъ, бывшій въ 1254 году у великаго хана Мункэ, говоритъ, что киргизы живутъ на сѣверъ отъ Каракорума.

Гдѣ бы ни былъ Каракорумъ,—въ истокахъ Селенги, или на верхнемъ ли Орхонѣ,—киргизы всетаки остаются обитателями южной части Сибири и могли . . . . . . до Байкала. Буряты до сихъ поръ курганы въ новой Сибири называютъ Киргизъ-гёръ (киргизскіе домы). Фишеръ (Сибирская исторія) полагалъ, что Икаръ-Мурунъ есть Хуанъ-хе, почему предполагалъ, что киргизы переселились въ южную Сибирь гораздо позже Чингиса. Клапротъ (Mémoires rétatifs à l'Asie) опровергнулъ эту . . . . . . , приводя выписки изъ исторіи династіи Юань (1280—1367) о народѣ Ki-li-ki-zse (читай Kirkis).

Послѣдующая исторія этого народа неизвѣстна до появленія въ Сибири русскихъ и до столкновенія казаковъ съ киргизами и урянхайцами. За то въ теченіе всего XVII столѣтія въ сибирскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ ихъ безпрестанно. То нападаютъ они на Томскъ, Кузнецкъ, то соединяются съ телеутами, съ урянхайскимъ Алтанъ-ханомъ или съ джунгарскимъ таишіемъ. Въ 1606 году Немча просилъ подданства и отправилъ для этихъ дипломатическихъ переговоровъ (жену свою), матрона повела дѣла не совсѣмъ удачно, ее оскорбили, и киргизы въ отмщеніе сдѣлали набѣгъ на Тару и Томскъ.

---

[1]) Исторія Четырехъ хановъ, стр. 40.

Въ 1607 году они были подданные русскіе, въ 1642 г.—подданные зюнгарскаго владѣльца Батора, а въ 1657 г.—(сына) Алтанъ-хана, урянхайскаго Лобзана. Кочевали они тогда по Бѣлому и Черному Юсамъ, Абакану, на югѣ до Саянскихъ горъ, на западъ до Томи и на востокъ до Енисея (О киргизахъ смотри Фишера, «Сибирская Исторія». Іакинѳа—«Историческое обозрѣніе Ойратовъ»).

Въ исходѣ XVII вѣка вдругъ совершенно исчезаютъ киргизы, и ихъ имя болѣе не встрѣчается въ Сибирскихъ лѣтописяхъ.

По свидѣтельству Фишера они были переселены зюнгарскимъ хонъ-тайдзіемъ, но куда, — онъ не зналъ, однакожъ предположилъ, основываясь на слухахъ, что новое ихъ мѣсто переселенія должно быть около Тибета и горъ Гинду-Кушъ. Левшинъ говоритъ, что шведскіе офицеры, бывшіе въ Сибири, первые внесли въ исторію это событіе (Левшинъ, «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей»). Клапротъ подтверждаетъ это извѣстіе, ясно указывая на новое ихъ мѣсто (Journal Asiatique, 1823 г.).

Чрезвычайно трудно предположить, чтобы цѣлое племя могло вдругъ исчезнуть и обратиться въ одинъ калмыцкій *отокъ* (отдѣленіе), какъ увѣряетъ отецъ Іакинѳъ. Іакинѳъ увѣренъ, что киргизы—буруты, когда послѣдніе есть совершенно отдѣльный отъ сибирскихъ киргизовъ народъ—тюркскаго корня, а имя ихъ Кэргызъ—есть турецкое. «Сибирскіе казаки, говоритъ авторъ, имѣли дѣло съ однимъ калмыцкимъ *отокомъ*, который наз. кыргызъ». Подобныя предположенія ни къ чему не ведутъ: въ числѣ башкирскихъ волостей есть родъ *Кирей*, у ногайцевъ крымскихъ и у кундуровскихъ татаръ астраханской губ. также, и у казаковъ (Киргизъ-Кайсаковъ)—тоже. Неужели изъ этого слѣдуетъ, что киргизы енисейскіе происходили отъ башкиръ, ногайцевъ или казаковъ, или обратно: башкиры, ногайцы и казаки происходятъ отъ киргизъ. Ученый монахъ не обратилъ вниманія ни на восточные, ни даже на свои китайскіе источники, откуда черпалъ такъ много. Киргизы подъ именемъ Хакасы, какъ народъ родственный съ тюркскими хойху, упоминаются у

историковъ поднебесной имперіи (Klaproth, Mém. rélatifs à l'Asie); въ его исторіи Чингисъ-хана говорится о посольствѣ къ народу Киръ-цзисъ. Отокъ же киргизъ между калмыками могъ образоваться изъ остатковъ киргизъ послѣ ихъ переселенія, или изъ военно-плѣнныхъ, какъ оно произошло у киргизъ-казаковъ [1]) и у кундуровскихъ татаръ; Георги въ своемъ описаніи народовъ изд. 1776 г. говоритъ, что между ними (кундуровскими татарами) находится нѣсколько бурутовъ, или большой орды киргизовъ (авторъ вездѣ мѣшаетъ, благодаря сосѣдству, большой орды кайсаковъ съ киргизами), которые въ 1758 г. съ нѣкоторымъ числомъ зюнгарцевъ соединились. У башкиръ и ногайцевъ (они) могли попасть по той-же причинѣ. Башкиры еще въ 1780 году угоняли скотъ изъ . . . . . волостей Средней кир.-каз. орды съ рѣки Аягуза, а ногайцы, какъ извѣстно изъ исторіи, такъ и согласно преданію, обитали въ степяхъ киргизскихъ до 1680 года—до движенія Хо-Урлука, главы торгоутовъ, изъ Тарбагатая. Баранта существовала у кочевыхъ степняковъ всегда, и для набѣговъ ихъ не было препятствій (?) (о ногайцахъ см. ниже примѣчаніе).

Китайская географія Дай-цин-и-тун-чжи говоритъ о какомъ-то народѣ тюркскаго племени *полу* или *пулу*, искони будто кочевавшемъ въ мѣстахъ нынѣшняго кочевья Черной орды, и что они, китайцы, современники династіи Тановъ, не имѣли съ ними сношеній (Tableaux histoir. de l'Asie; Journal Asiatique, 1823. Mémoires relatifs à l'Asie).

Основываясь на существованіи въ Кашгарѣ *пулу*, китайскій географъ выражаетъ слѣдующее предположеніе: «Имя полу, очевидно, сходное съ бару, и нѣтъ сомнѣнія, что народъ пулу есть буруты». Автору непремѣнно хотѣлось объяснить имя бурутъ, и только китаецъ можетъ изъ *полу* дѣлать *борута* (Описаніе киргиз. ордъ и ст. Левшина. Klaproth, Magasin asiatique).

Интересно знать, откуда происходитъ слово бурутъ; сами киргизы называютъ себя просто киргизъ или кара-кергизъ, а о полу, буру и о бурутахъ не знаютъ, кажется, ничего.

---

[1]) Смотри ниже о родовомъ раздѣленіи казаковъ.

Названіе это, какъ видно изъ вышеприведеннаго, совсѣмъ не китайское, а видно, что китаецъ хочетъ непремѣнно ученымъ, мудрымъ образомъ объяснить это слово. Если между киргизами есть родъ и отдѣленіе бурутъ, то по нашему мнѣнію, оно могло произойти только отъ выходцевъ изъ племени бурутъ, которые, по Рашидеддину, также, какъ и киргизы, были лѣсные народы и принадлежали къ ойратамъ (Ж. М. Народн. Просв., 1843 г., май).

Сохранились ли у потомковъ сказанія о прежнемъ кочеваніи ихъ на Енисеѣ и о движеніи на югъ—мы не знаемъ. Извѣстно намъ одно то, что преданіями они очень богаты. По свѣдѣніямъ, собраннымъ бывшимъ приставомъ отъ правительства при большой киргизской ордѣ маіоромъ Г. Франеломъ 1849 г. по разсказамъ, видно, что они почитаютъ себя потомками *ногайцевъ*, будто бы кочевавшихъ тутъ до нихъ. Киргизъ-бай, родоначальникъ ихъ, съ двумя сыновьями, Атыгеномъ и Тогаемъ, удалился отъ притѣсненія ногайскихъ князей, Манача и сына его Саметея, съ береговъ Или въ горы, лежащія на югъ. Старшій сынъ Киргизъ-бая сталъ кочевать по вершинамъ рѣкъ Аму и Сыра, въ возвышенной долинѣ Памиръ, что лежитъ между горами Бадакшана [1]), а младшій засѣлъ въ горныя долины Кунги и Терсъ-акай, образуемыя: 1-я—южнымъ склономъ горъ Кунги-алатау и сѣвернымъ берегомъ озера, 2-я—горнымъ берегомъ озера и сѣвернымъ склономъ Киргизынъ [2])—алатау вмѣстѣ съ теченіемъ озера. Намъ извѣстны только три рода собственно исыкъ-кульскихъ киргизъ, а о родовичахъ ихъ, живущихъ южнѣе, свѣдѣній не имѣемъ; впрочемъ, по увѣренію китайцевъ, они состоятъ изъ 15 поколѣній.

---

[1]) Борнсъ, „Пут. въ Бухару“, на стр. 297, т. III, говоритъ: „Возвышенная плоскость Памира лежитъ между Бадахшаномъ и Яркендомъ; на ней живетъ кочевое племя киргизовъ. Центромъ этой столовой земли служитъ озеро Сайрикулъ (Сары-куль), изъ котораго, какъ говорятъ, вытекаютъ Яксартъ, Оксъ и одинъ источникъ Инда. Бѣлаго и чернаго хлѣба въ этой странѣ нѣтъ никакого; киргизы питаются только мясомъ и молокомъ“; далѣе: „живутъ они въ круглыхъ *хиргахахъ* подобно тюркманскимъ племенамъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто“.

[2]) Въ рукописи это имя написано неразборчиво.—*Ред.*

Развалины древнихъ городовъ и башенъ, разбросанныя на берегу озера Исыка, также относятся народомъ ко временамъ ногайскимъ.

Вообще же, свѣдѣнія наши о дикокаменной ордѣ слишкомъ ограниченны; остается ожидать болѣе новыхъ свѣдѣній, собрать которыя теперь, послѣ вступленія богу въ наше подданство, предстоитъ возможность.

Озеро Исыкъ-куль, ... киргизскихъ, выбрасываетъ въ бурную погоду разныя принадлежности домашняго быта. Народъ разсказываетъ или объясняетъ это явленіе такъ: въ древнія, ногайскія времена было на берегу озера много цвѣтущихъ городовъ и селеній. Богъ наказалъ жителей за распутство и безвѣріе: восточная часть берега на значительное пространство оборвалась вмѣстѣ съ городами и селеніями, и озеро проглотило весь этотъ безбожный смрадъ ногайскій.

Преданія эти о ногайцахъ замѣчательны тѣмъ болѣе, что они почти общи для всѣхъ кочевыхъ средне-азійскихъ племенъ. Киргизъ-кайсаки тоже всѣ развалины въ южной и западной полосѣ своей земли приписываютъ также ногаямъ. Кара-катаки и башкиры также имѣютъ притязанія на ногаевъ. Пунктъ этотъ особенно достоинъ изслѣдованія, и я намѣренъ говорить о немъ болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ и при другомъ случаѣ, теперь же обратимся къ *казакамъ.*

Киргизъ-кайсаки принадлежатъ по языку къ народамъ тюркскимъ и почитаются многими и по происхожденію тюрками. Народность киргизская не была никогда предметомъ серьезнаго ученаго изслѣдованія, даже дѣльныхъ этнографическихъ и правоописательныхъ статей мы не читали, исключая Описанія Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей Левшина («Отеч. Зап.»), этого во многомъ достойнаго и замѣчательнаго труда, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, стоящаго ниже посредственности.

Многіе труженики въ области науки, говоря о гуннахъ, печенегахъ, узахъ, аварахъ, дѣлали прямыя заключенія: — киргизъ-кайсаки и калмыки, обитающіе въ странѣ, откуда вышли гунны, суть потомки послѣднихъ, возвратившіеся, послѣ паденія монархіи Атиллы, на Волгу и долго еще быв-

шіе извѣстными подъ именами кутп-гуровъ, арзи-гуровъ и проч. Дѣйствительно, трудно опредѣлить происхожденіе народа, подобнаго киргизамъ, народа кочеваго, который не имѣетъ письменности, слѣдовательно никакихъ памятниковъ прошедшаго. Не отрицаю, что такой предметъ, какъ исторія и происхожденіе кочующихъ народовъ, не представляя никакихъ данныхъ, фактовъ, можетъ повести только къ разнымъ темнымъ догадкамъ, не доказывающимъ ничего, но все-таки, изучая внимательно этнографію народа, мы можемъ открыть, если не истину, то, по крайней мѣрѣ, слабое отраженіе ея, сколько-нибудь раздирающее густой слой тьмы неизвѣстной. Если поэтическія сказанія Гомера и преданія, собранныя по слухамъ Геродотомъ, имѣютъ сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное преданіе имѣетъ въ основаніи своемъ происшествіе и истину, то, нѣтъ сомнѣнія, что положительныя и послѣдовательныя сказанія киргизъ, ихъ образъ жизни, обычаи и нравы современные, отражающіе бытъ ихъ предковъ и, при сличеніи, во всемъ согласные съ историческими указаніями, могутъ имѣть значеніе историческое. Какъ . . . . произведенія чисто-народнаго ума, обусловливающія чувствованія, жизнь и прогрессъ всей массы общества, наконецъ, какъ . . . . . . произведеніе вылившееся изъ устъ всего народа, какъ отъ лица одного существа, они не лишены какъ историческаго, филологическаго, такъ и психологическаго интереса.

Кочующіе татары хотя и исповѣдуютъ исламъ, но подобно языческимъ собратамъ составляютъ совершенный контрастъ съ осѣдлыми одноплеменниками. Мусульманская религія, принятая ими хотя и давно, не имѣла на нихъ разрушающаго вліянія, какъ на татаръ и др. Кайсаки были за 20 лѣтъ передъ симъ, до введенія Русскимъ правительствомъ . . . . правовѣрные по имени. Они попрежнему усердно продолжали свои шаманскіе обряды и заклинанія и чтили *баксу*, служителя духамъ. Ни одинъ батырь въ степи не зналъ, что за птица Магометъ. Разсказываютъ за фактъ, что знаменитый въ Средней Ордѣ султанъ

Баракъ (умеръ 1749 г.), слыша безпрестанно отъ татаръ и бухарцевъ восклицанія въ родѣ: «О, Мухаметъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Мухаметъ пророкъ его», такъ заинтерисовался имъ, что полюбопытствовалъ спросить: «Всѣ татары и сарты говорятъ: Мухаметъ, да Мухаметъ, должно быть былъ малый разбитной». Но теперь уже совсѣмъ не то: въ короткое время съ открытія первыхъ округовъ въ 1822 году, исламъ, благодаря заботамъ правительства, сдѣлалъ чудовищный прогрессъ. Въ каждомъ аулѣ есть мулла и подвижное медресе—школа; кто не содержитъ 30-ти-дневную уразу и 5-ти временный намазъ, тотъ не имѣетъ голоса и уваженія родичей; словомъ: киргизъ степнякъ въ фанатизмѣ ни сколько не уступаетъ какому нибудь стамбульскому дервишу, кувыркателю ордена Мевлеви . . . . Богъ знаетъ, лучше-ли будетъ для благополучія будущаго отъ ново-религіознаго направленія въ степи. Не лучше ли было-бы оставить ихъ при прежней терпимости? Киргизъ, какъ подобаетъ живо увлекающемуся сыну степи, по уши погрузился въ . . . . и не терпитъ ничего, что не согласно съ кораномъ. Пѣсни, древнія поэмы, борьба, свобода женскаго пола и участіе его въ публичныхъ увеселеніяхъ—все начинаетъ выходить изъ употребленія. Нашлось уже много ратоборцевъ гаремнаго заключенія и бѣдныя . . . . ихъ, заключенныя въ юртахъ, украдкой вырѣзываютъ войлокъ юрты, чтобы смотрѣть на бѣлый свѣтъ и на проходящихъ. Такова натура женщины: онѣ мучатся и страдаютъ до тѣхъ поръ, пока не вкусятъ запрещенный плодъ. Старики жалуются на новизну; женщины симпатизируютъ тайно мнѣнію стариковъ, молодежь большею частію колеблется—до женитьбы они вспоминаютъ старину, а съ женитьбою тотчасъ дѣлаютъ *таубя* (раскаяніе) и исправно совершаютъ требы; но заповѣди и высокое подражаніе пророку (суннѣ) оставляютъ въ сторонѣ. Не лучше-ли бы было оставить киргизъ такъ, какъ они были прежде. Природные ихъ таланты—усвойчивость, ихъ живой умъ—въ своей дѣятельности находятъ гранитный оплотъ въ вѣрѣ, и разбивается, и . . . . . прогрессъ массы ихъ, хотя и дѣлаетъ большіе шаги, но нѣкоторые изъ нихъ идутъ діаметрально противоположнымъ

ходомъ. Въ настоящее время, можно сказать, происходитъ незамѣтная, но сильная борьба старины съ новизной: мусульманской, подражающей востоку, и русской. Такъ теперь. Подобное явленіе представляютъ и ногайцы, башкиры, такъ недавно барантовавшіеся съ киргизами, въ настоящее время совершенно отатарились. Знаменитые въ степяхъ музыканты башкирскіе *Чибизгичи* [1]) не поютъ и не исторгаютъ болѣе взгляды удивленія и слезы умиленія отъ слушающихъ батырей. Не слышно больше «плача на паденіе Золотой орды» — свобода ихъ кончилась. Перерождаются и киргизы, вымираетъ племя Кара-Калпаковъ, и старина татарская грозитъ паденіемъ и совершеннымъ стираніемъ съ лица вселенной. «Будь воля Аллаха! Мы всѣ отъ Бога и къ нему возвратимся»!

Въ Европѣ до сихъ поръ господствуетъ ложное понятіе, представляющее кочевыя племена въ видѣ свирѣпыхъ ордъ и безпорядочныхъ дикарей. Понятіе о кочевомъ монголѣ или киргизѣ тѣсно связано съ идеей грубаго и скотоподобнаго варвара. Между тѣмъ большая часть этихъ варваровъ имѣетъ свою литературу и сказанія — письменныя или изустныя. Къ числу первыхъ принадлежатъ монголы и зюнгары, а къ числу вторыхъ — кочевыя орды монголо-тюркскаго корня. Степной ордынецъ-киргизъ стоитъ морально, по своимъ умственнымъ способностямъ, гораздо выше осѣдлаго простолюдина татарина или турка. Склонность къ поэзіи, особенно къ импровизаціи, отличаетъ всѣ кочевыя расы. Поэтическій умъ бедуиновъ и поэты-импровизаторы ихъ хорошо знакомы европейцамъ. Всѣ путешественники, посѣщавшіе аравійскія пустыни и шатры, писали съ удивленіемъ о голыхъ мальчишкахъ, которые на всѣ вопросы выстрѣливали правильно сложенными, размѣренными четырехстишіями. Такія же явленія представляютъ и монголо-тюркскія поколѣнія. Вліяніе ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцаніе природы, — всегда открытаго звѣзднаго неба и безпредѣльныхъ и зеленыхъ степей были причиною къ поэтическому и умозри-

---

[1]) Длинная деревянная или камышевая дудка.

тельному расположенію духа этихъ степныхъ кочевниковъ— намъ нѣтъ нужды знать: рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ ученымъ наблюдающимъ природу, ея вліяніе на человѣка и слѣдствія этого вліянія. Мы же представимъ только факты и данныя.

Изъ всѣхъ народовъ татарскихъ, относительно поэтическихъ способностей, киргизы занимаютъ едва ли не первое мѣсто. Объ нихъ можно сказать то же, что замѣтилъ нашъ заслуженный оріенталистъ Сенковскій о арабахъ: бедуинъ— стихотворецъ отъ природы и по преимуществу поэтъ. Хотя въ произведеніяхъ киргизскихъ бардовъ нельзя замѣтить, въ строгомъ смыслѣ, той правильности стиха, какъ въ поэзіи арабовъ, но все-таки и они имѣютъ извѣстное правило и риѳму. Языкъ киргизскій, какъ выдающійся изъ діалектовъ тюркскихъ, не имѣетъ той обработанности и, такъ-сказать, эластичности, какъ гиперболическій и фигулярный языкъ араба; слѣдовательно, и поэтическія достоинства ихъ должны быть различны. Какъ поэзія степей, она имѣетъ отношеніе къ поэзіи Аравіи, къ жизни пустыни—однообразіе сюжета— картины кочевой жизни, описаніе раздоровъ племенъ и вражда ихъ еще болѣе сближаютъ это сходство. Во всякомъ случаѣ поэзія киргизъ, какъ вѣрный очеркъ жизни, понятій и отношеній своего общества, чрезвычайно любопытна и представляетъ множество занимательныхъ сторонъ. Этимъ очеркомъ ограничимъ дальнѣйшіе толки о поэзіи и импровизаторахъ киргизскихъ. Обратимся къ нашей основной идеѣ. Въ историческомъ отношеніи поэтическій духъ народа замѣчателенъ: 1) потому, что, черезъ удивительную память импровизаторовъ, всѣ древнія поэмы, воспѣвающія подвиги героевъ, многія изъ нихъ, по древности языка, по многимъ словамъ, непонятны для новаго поколѣнія, и по историческимъ извѣстіямъ о своихъ герояхъ принадлежащія ко времени Золотой орды, сохранились до насъ безъ искаженія; 2) что импровизаторы, жившіе въ разныя времена, обезсмертили въ памяти народа замѣчательныя происшествія своей эпохи такъ, что всѣ онѣ въ совокупности составляютъ нѣчто цѣлое; 3) всѣ эти поэмы въ совокупности съ обычаями, пословицами, поговорками и

съ ихъ кодексомъ правъ народныхъ, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, даютъ намъ возможность къ пополненію извѣстныхъ историческихъ данныхъ и къ опредѣленію ихъ происхожденія. Изумительно съ какою свѣжестію сохранили киргизы свои древнія преданія и повѣрья, и еще изумительнѣе, что во всѣхъ отдаленнѣйшихъ концахъ степи, особенно стихотворныя саги, передаются одинаково, и приключенія были буквально тождественны, какъ списки одной рукописи. Какъ не странна кажется подобная невѣроятная точность изустныхъ источниковъ кочевій, безграмотной орды, тѣмъ не менѣе это дѣйствительный фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Записка № 2.

Мусульманство пока не въѣлось въ нашу плоть и кровь. Оно грозитъ намъ разъединеніемъ народа въ будущемъ. Между киргизами еще много такихъ, которые не знаютъ и имени Магомета и наши шаманы во многихъ мѣстахъ степи еще не утратили своего значенія. У насъ въ степи теперь періодъ двоевѣрія, какъ было на Руси во времена преподобнаго Нестора. Наши книжники также энергически, какъ книжники древней Руси, преслѣдуютъ свою народную старину. Подъ вліяніемъ татарскихъ муллъ, средне-азіатскихъ ишановъ и своихъ прозелитовъ новаго ученія, народность наша все болѣе и болѣе принимаетъ обще-мусульманскій типъ. Нѣкоторые султаны и богатые киргизы запираютъ женъ своихъ въ отдѣльныя юрты, какъ въ гаремы.

Набожные киргизы начинаютъ ѣздить въ Мекку; а баяны наши, вмѣсто народныхъ былинъ, поютъ мусульманскіе апокрифы, переложенные въ народные стихи. Вообще киргизскому народу предстоитъ гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизаціи не иначе, какъ пройдя чрезъ татарскій періодъ, какъ Русскіе прошли черезъ періодъ Византійскій. Какъ ни гадка византищина, но она все таки ввела христіанство, элементъ безспорно просвѣтительный. Что же можетъ ожидать свѣжая и воспріимчивая киргизская народ-

ность отъ татарскаго просвѣщенія, кромѣ мертвой схоластики, способной только тормозить развитіе мысли и чувства. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарскій періодъ и правительство должно намъ въ этомъ помочь. Для него это также обязательно, какъ для насъ спасеніе утопающихъ. Для совершенія этого человѣколюбиваго дѣла на первый разъ слѣдуетъ только снять покровительство надъ муллами и надъ идеями ислама и учредить въ его округахъ вмѣсто татарскихъ школъ русскія. Затѣмъ реакція обнаружится сама собою. Было время, когда русское правительство считало распространеніе европейскаго просвѣщенія между нѣкоторыми иноплеменными народами своими почему-то не выгоднымъ для себя. Покрайней мѣрѣ такой политики держалась она и въ отношеніи кавказскихъ мусульманъ и киргизъ. Горцы и киргизы не допускались въ кадетскихъ корпусахъ въ специальные классы и гдѣ преподаются военныя науки. Законъ этотъ теперь отмѣненъ, слѣдовательно признанъ ложнымъ. По нашему мнѣнію Шамили и Абделкадеры могутъ являться только въ странахъ мусульманскаго образованія. Только истинное знаніе даетъ спасительный духъ сомнѣнія и только оно научаетъ его цѣнить жизнь и матеріальное благосостояніе. Съ того времени, какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ стало цивилизовывать ирокезовъ, грековъ, шактоусовъ и другихъ краснокожихъ, индѣйскіе воины почти въ этой странѣ прекратились. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1858 года основано 162 школы для индѣйцевъ и образованъ индѣйскій фондъ для вспомоществованія дикимъ, желающимъ принять осѣдлость.

Исламъ не можетъ помогать русскому и всякому другому христіанскому правительству, на преданность татарскаго продажнаго духовенства расчитывать нельзя. Фактъ этотъ становится соблазнительно яснымъ, если принять во вниманіе отложеніе крымскихъ татаръ во время кампаніи 1854 года. Казанскіе татары расположены къ Россіи столько же, сколько и крымскіе. Распространенію въ Средней Азіи и въ Китаѣ нелѣпой басни о томъ, что султанъ раздаетъ короны европейскимъ государямъ, что русскіе платили Блистательной Портѣ

дань и проч., мы обязаны казанскимъ татарамъ. Эти несчастные фанатики смотрятъ на султана также глупо, какъ католики на папу и не понимаютъ, что нынѣшніе намѣстники Халифовъ столько же похожи на Солеймана и Амурата, какъ святѣйшій отецъ Пій на Григорія VII и Инокентія IV. Татары въ старое время, когда исламъ на берегахъ Волги не былъ въ такой силѣ, какъ теперь, служили Россіи и на ратномъ полѣ, и въ земскомъ дѣлѣ. Царь Шигалей командовалъ русскими войсками во время Ливонской войны, а царь Петръ казанскій былъ земскимъ царемъ во время опричины. По мѣрѣ распространенія ультра-мусульманскаго направленія участіе татаръ въ государственномъ дѣлѣ Русскаго царства замѣтно слабѣетъ. При Петрѣ татары пристаютъ къ партіи недовольныхъ. Въ наше время татарскіе князья и мурзы служатъ прикащиками у своихъ единовѣрцевъ, а если и вступаютъ въ государственную службу, то не иначе, какъ въ земскую полицію и вѣроятно потому, что здѣсь можно нѣкоторымъ образомъ подвизаться за вѣру. Словомъ, со времени присоединенія Казани и Астрахани къ царству Русскому, значитъ въ продолженіе 300 слишкомъ лѣтъ, не дали своему отечеству хоть сколько нибудь извѣстнаго дѣятеля. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что причиною отчужденія татаръ отъ русскихъ и причиною всѣхъ плачевыхъ явленій былъ магометанскій пуританизмъ, другой причины не могло быть.

И у насъ въ степи всѣ благодѣтельныя мѣры правительства, всѣ выгоды новыхъ учрежденій не приносятъ ожидаемыхъ результатовъ именно вслѣдствіе того, что они парализируются возрастающимъ религіознымъ изувѣрствомъ. Киргизы наши теперь болѣе чуждаются русскаго просвѣщенія и русскаго братства, чѣмъ прежде. О вредѣ мусульманскаго изувѣрства и вообще всякаго религіознаго фанатизма на соціальное развитіе народовъ, послѣ всего сказаннаго нами выше, мы считаемъ излишнимъ распространяться. Извѣстно, что и въ Европѣ преобладеніе теологическаго духа проявлялось въ народномъ развитіи самымъ бѣдственнымъ образомъ.

Въ послѣднее время сибирское начальство, кажется, начало сознавать ошибочность прежней покровительственной

системы въ отношеніи ислама. Въ этомъ также утверждаетъ насъ одна важная мѣра, принятая въ 1862 году областнымъ начальствомъ въ отношеніи киргизъ, принявшихъ христіанство. Въ учрежденіяхъ объ управленіи сибирскими киргизами было узаконено, чтобы крещенныхъ киргизъ записывать въ мѣщанское и казачье сословіе, если они того пожелаютъ, или не оставлять ихъ въ степи, на прежнихъ инородческихъ правахъ, но до 1861 года всѣхъ крещенныхъ киргизъ записывали въ мѣщане и въ казаки, вѣроятно для того, чтобы удалить ихъ отъ прежней среды и тѣмъ самымъ дать имъ возможность укрѣпиться на лонѣ новой вѣры. Мѣра эта похвальная въ христіанскомъ смыслѣ, въ политическомъ отношеніи была величайшей ошибкой, ибо примѣръ крестившихся киргизъ, съ удаленіемъ ихъ изъ степи, дѣлался для киргизскаго народа безпослѣдственнымъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о числѣ киргизъ, принявшихъ православіе со времени основанія внѣшнихъ округовъ, но надо думать, что число это было не незначительно. Въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ почти половина населенія состоитъ изъ крещенныхъ киргизъ, напримѣръ: въ Ямышевской, Чистой и въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ 1861 году или въ 1862 году, хорошо не помнимъ, областное начальство въ первый разъ дозволило нѣкоторымъ крещеннымъ киргизамъ оставаться въ степи на прежнихъ инородческихъ правахъ: мѣра эта, по нашему мнѣнію, должна въ будущемъ принесть не маловажную пользу киргизскому народу. Киргизы до сихъ поръ думали, что сдѣлаться христіаниномъ, значитъ сдѣлаться казакомъ или мѣщаниномъ. Теперь же вслѣдствіе совмѣстнаго житья и смѣшанныхъ браковъ, религіозная вражда будетъ смягчаться и крещеніе не будетъ, какъ прежде, разрывать родственныхъ связей.

Принявъ такую важную мѣру въ интересахъ христіанства, областное правленіе должно было принять вмѣстѣ съ тѣмъ и репрессивныя мѣры въ отношеніи ислама, ибо безъ этого не возможенъ успѣхъ христіанства. Мы далеки отъ того, чтобъ совѣтовать русскому правительству вводить въ степи христіанство какимъ бы то ни было энергическимъ путемъ, точно также

не предлагаемъ ему преслѣдовать исламъ, подобныя крутыя мѣры ведутъ всегда къ противнымъ результатамъ. Христіанство, вводимое между инородцами сибирскими черезъ нашихъ миссіонеровъ и священниковъ, по свидѣтельству компетентныхъ людей, идетъ крайне не успѣшно и, что всего важнѣе, оказываетъ на народъ несовсѣмъ благодѣтельное вліяніе. Остяки убѣгаютъ отъ православія въ лѣса и такъ боятся проповѣдниковъ русской вѣры, что скорѣе обращаются въ исламъ, чѣмъ въ православіе. Кастренъ говоритъ, что остяки потому только не селятся по берегамъ Оби, богатой рыбою, что боятся русской вѣры и русскихъ миссіонеровъ. Еще князь Щербатовъ говорилъ, что инородцы жаловались ему на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ своихъ, кои только грабить и мучить ихъ пріѣзжаютъ («Очерки Сибири», Библіотека для чтенія, октябрь 1862 года).

Гоненіе придаетъ преслѣдуемой вѣрѣ, какъ замѣчено не разъ, еще больше энергіи и жизненности. Русскій расколъ представляетъ въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ. Но мы просимъ и требуемъ, чтобы правительство не покровительствовало религіи, враждебной всякому знанію, и не вводило бы насильственно въ степь теологическихъ законовъ, основанныхъ на страхѣ и побояхъ. Въ силу представленныхъ нами аргументовъ, достаточно рельефныхъ, для пользы киргизскаго народа и въ интересѣ самаго правительства, по нашему мнѣнію, необходимо принять теперь же, по примѣру оренбургскаго начальства, систематическія мѣры, чтобъ остановить дальнѣйшее развитіе ислама между киргизами нашей области и чтобы ослабить, а если можно совершенно устранить вредное вліяніе татарскихъ муллъ и средне-азіатскихъ святошей, тѣмъ болѣе, что представляется правительству прекрасный случай сдѣлать важный шагъ на этомъ пути, уничтоживъ дѣйствіе мусульманскихъ законовъ въ нашей области, согласно желанію самаго киргизскаго народа. Затрудненія при исполненіи этой мѣры не можетъ быть, ибо бракъ у магометанъ не есть таинство, а есть частный договоръ.

Вѣроятно причиной, побудившей правительство дѣла о бракахъ и разводахъ предоставить мулламъ, былъ грубый

обычай киргизъ отдавать дочерей своихъ въ замужество въ слишкомъ юныхъ лѣтахъ и большею частію безъ ихъ согласія. Киргизы сговаривали дѣтей своихъ иногда въ колыбели. Намъ кажется, что обычай этотъ могъ быть измѣненъ и безъ участія мусульманскаго духовенства, слѣдовало только предписать старшимъ султанамъ и управителямъ, подъ страхомъ отвѣтственности, имѣть строгое наблюденіе, дабы киргизы не выдавали дочерей ранѣе такихъ-то лѣтъ, дабы отцы не принуждали своихъ сыновей и дочерей вступать въ бракъ безъ личнаго ихъ согласія и проч. Полицейскій надзоръ и духъ времени сдѣлали-бы свое дѣло, но конечно не скоро. Баснословное количество жалобъ, поступающихъ и теперь по брачнымъ дѣламъ указываютъ, что мусульманскій Шаріатъ былъ совершенно безсиленъ противъ укоренившагося обычая. Пользуясь возникшимъ вопросомъ о духовномъ судѣ, можно было бы предпринять коренныя реформы въ духовномъ управленіи нашей степи.

1) Отдѣлить киргизскую степь отъ вѣдомства оренбургскаго Муфтія, какъ народъ различествующій отъ татаръ по исповѣданію вѣры, и назначить особаго областнаго Ахуна, который бы состоялъ подобно совѣтнику отъ киргизъ при общемъ присутствіи областнаго правленія.

2) Утверждать въ званіи муллъ только коренныхъ киргизъ или киргизскихъ хожей, если будутъ настоятельныя просьбы о томъ со стороны народа.

3) Не назначать муллъ болѣе одного въ округѣ, а должность указныхъ въ волостяхъ упразднить.

4) Не дозволять ишанамъ и ходжамъ, пріѣзжающимъ изъ Средней Азіи и татарскимъ семинаристамъ жить въ кочевьяхъ киргизъ безъ опредѣленныхъ занятій, и имѣть строгое наблюденіе, дабы они не образовали между киргизами дервишескихъ и мистическихъ обществъ подобно тѣмъ, которыя существуютъ теперь въ баянъ-аульскомъ и каркаралинскомъ отрядахъ.

Но противъ такого зла, какъ исламъ, недостаточно однихъ паліативныхъ мѣръ. Отнятіе судейскихъ правъ не лишитъ муллъ того вліянія, которое они будутъ имѣть какъ священники. Кромѣ муллъ у насъ много и другихъ вредныхъ шарла-

таповъ. Мы говоримъ о татарахъ и средне-азіатцахъ, которые занимаются медицинскою практикою. Еслибъ они пользовали довѣрчивыхъ киргизъ безвредными травками, заговорами и амулетами, подобно русскимъ знахарямъ и лекаркамъ, мы не стали-бы объ нихъ и говорить. Но дѣло въ томъ, что господа эти лечатъ не иначе, какъ на смерть; отъ всѣхъ грудныхъ болѣзней употребляютъ они чилибуху, а иногда и сулему, отъ сифилитическихъ болѣзней даютъ ртуть и киноварь въ такой ужасной дозѣ, что больные большею частію отравляются. Кровопусканіе дѣлаютъ всѣмъ и каждому безъ всякой причины потому только, что Мохамедъ заповѣдалъ это въ коранѣ. Наконецъ, въ самомъ народѣ нашемъ таится много темныхъ предразсудковъ и вредныхъ обычаевъ. Вытравленіе плода, выдавливаніе его въ послѣдній періодъ беременности, убійство дитяти послѣ рожденія у насъ въ общественномъ мнѣніи преступленіями не считается. Отъ того по статистическимъ источникамъ преступленія эти между киргизами не значатся. Но мы бы мало согрѣшили противъ правды, еслибъ сказали, что половина совершеннолѣтнихъ киргизскихъ дѣвицъ, способныхъ къ плодотворенію не разъ были преступны въ дѣтоубійствѣ. Обычай этотъ тѣмъ болѣе ужасенъ, что прелюбодѣяніе въ дѣвичьемъ состояніи у киргизъ не составляетъ большаго порока и не приноситъ грѣшной такого позора и безчестія, какъ въ обществахъ европейскихъ. А что дѣлаютъ киргизы съ роженицами? Вслѣдствіе-ли раннихъ и излишнихъ половыхъ наслажденій или по узкости таза, что вѣроятно происходитъ отъ постоянной верховой ѣзды, роды у киргизокъ бываютъ большею частію трудные. Киргизы же ненормальные роды приписываютъ навожденію злаго духа и потому бьютъ, пугаютъ роженицъ, тянутъ имъ языкъ. Понятно, что при такихъ дикихъ понятіяхъ и наконецъ при совершенномъ отсутствіи акушерокъ и бабокъ, много беременныхъ женщинъ умираютъ отъ родовъ или побоевъ. Много гибнетъ народу отъ тифа, отъ простуды, отъ сифилиса и другихъ болѣзней отъ того только, что нѣкому подать больнымъ разумную медицинскую помощь. У насъ полагается одинъ докторъ на округъ и кажется для того только, чтобы писать медицинскія свидѣ-

тельства и разсѣкать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизамъ оспу, но киргизы боятся ихъ болѣе, чѣмъ остяки священника. На доктора киргизы смотрятъ, какъ на чиновника и пользы отъ него не ждутъ. Отъ оспопрививанія убѣгаютъ или откупаются.

Шуна Батырь.

(Авантюристъ XVIII ст.).

Киргизская степь не только въ прошломъ столѣтіи, но даже и теперь еще служитъ убѣжищемъ средне-азіатскихъ рефюжье; въ прошломъ столѣтіи здѣсь скрывались недовольные и обиженные со всѣхъ сторонъ свѣта, изъ Татарской Сибири, изъ Кокана, Джунгаріи и съ низовьевъ Волги; кромѣ множества дезертировъ изъ простого народа, здѣсь укрывались нерѣдко и люди аристократическаго происхожденія, принимались съ полнымъ гостепріимствомъ и даже всегда сохраняли свое высокое положеніе въ этой кочевой ордѣ. Такъ: Аблайханъ, туркестанскій принцъ, бѣжавшій въ степь. Въ половинѣ прошлаго столѣтія два несчастныхъ джунгарскихъ принца Дебачи и Амурсана бѣжали изъ своего отечества вслѣдствіе политическихъ событій, были гостепріимно приняты въ степи и получили тотчасъ цѣлое киргизское поколѣніе . . . [1]) въ управленіе.

Къ числу такихъ знаменитыхъ рефюжье принадлежитъ Карасакалъ, возмутившій башкирскій народъ въ 1740 г. и выдавшій себя въ степи за Шуну, брата тогдашняго джунгарскаго, контайши Галданъ Черена. Въ степи онъ нашелъ убѣжище у Кабакбай батыря изъ рода Кирей-Найманъ и помощью его получилъ въ управленіе небольшой удѣлъ изъ поколѣнія Наймановъ и принялъ новое названіе Кара-хана. Это былъ одинъ изъ загадочныхъ и счастливыхъ степныхъ авантюристовъ. Поселившись въ степи, онъ сдѣлался опасенъ, какъ для Россіи, такъ и для Джунгаріи; первая боялась, чтобъ онъ снова не возмутилъ башкирскаго народа, вторая была

[1]) Пропускъ въ рукописи для помѣщенія названія поколѣнія. И далѣе точками обозначены пробѣлы въ рукописи. *Ред.*

напугана его самозванствомъ: какой-то Шуна, погибшій претендентъ на джунгарскій престолъ, былъ такъ любимъ джунгарскимъ народомъ, что послѣдній готовъ былъ во имя его возстать противъ тогдашняго хана Галданъ-Черена. Джунгарскіе калмыки часто освѣдомлялись у русскихъ, не знаютъ ли они, гдѣ Шуна? Выбѣжавшій изъ Джунгаріи 1746 г. калмыкъ Монго Усюмовъ показалъ русскому начальству, что калмыки желаютъ имѣть своимъ владѣльцемъ Шуну-батыря, который будто бы командуетъ русскимъ войскомъ; а если русское войско придетъ въ Джунгарію безъ Шуны, то калмыки безъ бою не отдадутся [1]).

Въ 1748 г. у сержанта Камовщикова, бывшаго въ Джунгаріи, одинъ калмыцкій демичи, Генденъ, разспрашивалъ о бывшемъ братѣ Галданъ-Черена, Шунѣ-батырѣ, къ которому будто бы желали идти въ подданство нойоны Дебачи и Эмаккули, изъ которыхъ первый бѣжалъ изъ Джунгаріи въ Киргизскую степь [2]).

Очевидно, что это былъ ихъ мессія и когда Карасакалъ, убѣжавши въ степь, сталъ выдавать себя за Шуну, то Галданъ-Черенъ сталъ сильно опасаться за свое спокойствіе и даже подкупалъ одного значительнаго киргизскаго султана, Барака, убить этого самозванца. Впрочемъ, надо оговориться, что современники не могли опредѣленно рѣшить, дѣйствительно-ли онъ самозванецъ, или настоящій Шуна, и въ преданіяхъ настоящихъ жителей степи существуетъ только одинъ образъ Шуны, а имя Карасакала утратилось. Преданія эти очень замѣчательны. Шуну знаютъ на всемъ пространствѣ степей, которыя принадлежатъ Россіи; воспоминанія объ немъ сохранились въ поэтическомъ разсказѣ алтайскихъ калмыковъ и у киргизовъ, и у волжскихъ калмыковъ; киргизы говорятъ только, что Сна-батырь натягивалъ очень тугой лукъ, который пробивалъ . . . . ; у волжскихъ калмыковъ такъ же есть преданіе о немъ и между прочимъ о томъ, что онъ погибъ въ

---

[1]) Архивъ при областномъ правленіи Сиб. кирг. Рапортъ капитана Быкова, 30 октября 1746 г.

[2]) Тотъ же архивъ, рапортъ полковника Павлуцкаго, 22 апрѣля 1748 г.

черняхъ, т. е. грязяхъ устья Кумы. Самый большой разсказъ о Шунѣ сохранился у алтайскихъ калмыковъ. Мы заимствуемъ этотъ разсказъ изъ «Томскихъ Губ. Вѣдомостей» [1]).

По этому преданію Шуна былъ калмыцкій богатырь и мудрецъ. Отецъ его, Конгдайчь (т. е. джунгарскій ханъ) имѣлъ еще сына Калдана. Шуна жилъ съ наложницею Кара-кызъ, въ которую влюбился братъ его и женился на ней. Оскорбленный Шуна пригласилъ своихъ двѣнадцать друзей разгуляться по хребтамъ Алтая. Отъѣхавъ на одну версту отъ своего жилища, онъ разсказалъ имъ свое горе, натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу свою въ юрту брата, стрѣла вонзилась въ дверь; Калданъ узналъ по стрѣлѣ ея хозяина и пожаловался отцу. Вечеромъ Шуна возвратился съ охоты; Конгдайчь призвалъ его къ себѣ и велѣлъ, вырѣзавши ему лопатки и связавши сыромятными ремнями руки и ноги, бросить въ подземелье, глубиною въ 70 саженъ. Это сдѣлано было секретно, и никто не зналъ, куда дѣвался любимецъ народа, только одинъ старикъ, вхожій къ хану, догадался объ истинѣ, сдѣлалъ отъ своей юрты подкопъ къ темницѣ и впродолженіи 7-ми лѣтъ питалъ узника. Сильный сосѣдъ и данникъ Конгдайча, черный калмыкъ, узнавши, что не стало вѣщаго богатыря Шуны, присылаетъ къ нему двухъ сорокъ, изъ которыхъ одна была дѣйствительная, а другая превращенная волшебствомъ изъ вороны, съ условіемъ — если Конгдайчь отличитъ настоящую сороку отъ мнимой, то онъ, черный калмыкъ, будетъ платитъ ему дань попрежнему, если же не отличитъ, то перестанетъ. Конгдайчь запечалился. Но старикъ, принося Шунѣ пищу, разсказалъ ему о горѣ его отца; Шуна сказалъ: «велика-ли это мудрость отличить сороку отъ вороны! Ты посовѣтуй моему отцу поставить шестъ, а подлѣ него навѣсъ, и въ ненастное время выпустить птицъ; сорока полетитъ подъ навѣсъ, а ворона сядетъ на шестъ и закаркаетъ». Такимъ образомъ птицы были разгаданы и черный калмыкъ остался данникомъ Конгдайчу. Спустя два года послѣ этого, черный калмыкъ опять присылаетъ къ Конгдайчу пословъ съ таволожнымъ кустомъ,

[1]) 1858 г. № 29, ст. Вербицкаго подъ заглавіемъ: „Народныя легенды кузнецкихъ телеутовъ“.

чтобы отличить комель отъ вершины, опять Конгдаичь запечалился и старикъ разсказалъ объ этомъ Шунѣ; Шуна научилъ пустить кустъ на воду и тотъ конецъ, который пойдетъ впередъ будетъ вершина; а другой конецъ комель [1]).

Черный калмыкъ опять остался данникомъ, но черезъ годъ онъ уже не загадку задаетъ, а присылаетъ желѣзный лукъ, чтобъ натянуть его. Однако, лукъ былъ такой тугой, что никто этого сдѣлать не могъ, брались тридцать человѣкъ разомъ и все безуспѣшно. Тогда Шуна научилъ своего старика заплакать передъ ханомъ и сказать: «своего богатыря мы сами уничтожили, а теперь должны покориться даннику»! Да не живъ-ли онъ? спросилъ Конгдайчь. Надо посмотрѣть. Шуну вытащили изъ подземелья, онъ весь оброс мохомъ, плечи его зажили; но онъ отучился видѣть солнечный свѣтъ, упалъ ницъ и пролежалъ такъ цѣлыхъ полдня. Отецъ приказалъ вымыть его верблюжьимъ молокомъ и нарядить. Тогда Шуна спросилъ: «для чего ты, родитель, меня мертвеца пошевелилъ»? но отецъ, вмѣсто отвѣта, подалъ ему огромную чару вина. Богатырь выпилъ ее однимъ духомъ; подали другую чару и эту онъ выпилъ и закусилъ цѣлымъ бараномъ. Тогда отецъ передалъ ему свое горе. Неси, родитель, лукъ, сказалъ Шуна. Тридцать человѣкъ принесли лукъ. Онъ заложилъ тетиву однимъ мизинцемъ и лукъ погнулся. Тогда Шуна сказалъ отцу: «ну, родимый батюшка, благословляй меня на путь; я тебѣ болѣе не сынъ, ты мнѣ не отецъ». Съ этими словами онъ оставилъ отечество. Далѣе разсказывается, что онъ былъ ханомъ Коканіи, потомъ, посадивъ на кокanскій престолъ одного изъ своихъ друзей, онъ отправился въ Москву, къ Алексѣю Михайловичу, который полюбилъ его, назвалъ Краснощекимъ и подарилъ ему дворецъ. По другому преданію, также записан-

---

[1]) Миссіонеръ Вербицкій вѣроятно записалъ преданіе не вѣрно, по физическимъ законамъ должно было случиться наоборотъ. Эта же загадка встрѣчается въ другомъ калмыцкомъ преданіи о дѣвицѣ Коокю. Ханскіе судьи, испытывая мудрость этой дѣвицы, послали къ ней дерево, со всѣхъ сторонъ обтесанное, чтобъ узнала, гдѣ вершина, гдѣ корень. Коокю бросила его на воду, корень потонулъ, а вершина всплыла наверхъ. „Сынъ Отеч." 1822 г., № 7, статья Воейкова, „Описаніе калмыцкаго народа".

пому миссіонеромъ Вербицкимъ, это появленіе Шуны при дворѣ Алексѣя Михайловича объясняется бѣгствомъ. Конгдайчь имѣлъ двухъ женъ; отъ одной онъ имѣлъ сына Шуну и дочь Шюжды, отъ другой пятерыхъ сыновей. По смерти Конгдайча, между дѣтьми возгорѣлось несогласіе, братья составили заговоръ противъ Шуны, но сестра его, узнавъ объ немъ, предупредила Шуну, и онъ бѣжалъ подъ покровительство Алексѣя Михайловича; сестра была убита заговорщиками за открытіе ихъ замысла. Мы имѣемъ документъ прошлаго столѣтія, въ которомъ разсказывается почти тождественная исторія того же Шуны; именно: русское правительство, опасавшееся намѣреній Карасакала, отправило въ 1745 году въ Киргизскую степь башкира Тюкана . . . . . : разсказъ этого Тюкана свидѣтельствуетъ, что приключенія Шуны были тогда очень популярны и у киргизовъ. Вотъ вкратцѣ разсказъ Тюкана.

Карасакалъ, услыхавши, что Тюканъ привезъ Баракъ-Султану саблю и грамоту за его вступленіе въ подданство Россіи, пригласилъ Тюкана къ себѣ для переговоровъ о томъ же. Тюканъ прожилъ у него четыре дня. Карасакалъ, знатный старшина, Казбекъ-бій, Кабакбай батырь, послѣ народнаго совѣта, уполномочили Тюкана передать оренбургскому начальству свою просьбу о принятіи ихъ въ подданство Россіи, обѣщаясь оказать помощь въ случаѣ нападенія джунгарскаго владѣльца Галданъ-Черена. Тюканъ говоритъ даже, что они «того ради утвердились, дабы имъ къ тому во всякой готовности быть, и всѣмъ въ улусахъ своихъ около ихъ состоящимъ людямъ приказъ отдали, дабы они ѣздили и всякую потребность свою исправляли на жеребятахъ и къ дальней нуждѣ неспособныхъ лошадяхъ, а хорошихъ и къ войнѣ надежныхъ имѣли бъ въ береженіи».

«Что касается до состоянія онаго Карасакала, то онъ, какъ и сперва, въ киргизской ордѣ . . . . . о себѣ упоминаетъ, яко бы онъ умершаго зенгорскаго владѣльца контайши сынъ, именемъ Шуна, и баснословитъ . . . . и такой де силы нынѣ уже не имѣетъ». Чтобы онъ не убѣжалъ, контайша далъ ему сорокъ слугъ и приставилъ стражи тысячу человѣкъ; но Шуна, вмѣстѣ съ этими сорока слугами, отбился отъ стражи, бѣжалъ черезъ

Каракалпатскую и Киргизскую степи къ волжскимъ калмыкамъ, къ родной своей сестрѣ, отданной въ замужество за Аюку-хана, и поселился у ней. Контайша, провѣдавъ объ убѣжищѣ Шуны, (писалъ) къ Аюкѣ, чтобъ онъ выслалъ бѣглеца; калмыки, желая угодить контайшѣ, поймали Шуну и хотѣли уже выдать, но свѣдавъ то, означенная его сестра удавила одного калмыка и какъ Аюкѣ, такъ и прочимъ калмыкамъ сдѣлала такой видъ, яко бы тотъ мертвый—Шуна, и умеръ, между тѣмъ самъ Шуна съ шестью калмыками и однимъ киргизомъ Кабакомъ бѣжалъ къ кубанцамъ, а отъ нихъ къ туркамъ и принялъ исламъ съ страннымъ завѣтомъ никогда болѣе не говорить по-калмыцки». А изъ турковъ же нечаяннымъ случаемъ попалъ онъ къ такимъ людямъ, которые имѣютъ у себя песьи головы, а ноги скотскія и ѣдятъ людей, однако же и оттуда онъ ушелъ убѣгомъ и вышелъ въ Россію, и былъ въ Санкт-Петербургѣ и Москвѣ недолгое время; потомъ онъ пришелъ въ Башкирію и жилъ двѣнадцать лѣтъ на ногайской и сибирской дорогахъ, въ Ерматлинской и Каратабынской волостяхъ, наконецъ въ 1740 году сдѣлался виновникомъ народнаго возстанія. Въ Башкиріи «онъ сказалъ о себѣ башкирцу Аладжай Гулу, якобы онъ родомъ кубанецъ, имя ему Султанъ-Гирей, и съ нимъ согласились башкирцевъ въ бунтъ привесть». Испытавши неудачу, онъ бѣжалъ въ киргизскую орду; здѣсь онъ объявилъ себя Шуной, братомъ Галданъ-Черена, что подтверждали находившіеся при немъ калмыкъ и киргизъ Кабакъ, сопровождавшіе его во время всѣхъ его странствованій между кубанцами, турками и башкирцами. Киргизы и старшины ихъ повѣрили этому и предоставили ему въ управленіе двѣ тысячи годныхъ къ войнѣ людей изъ поколѣнія Найманъ, не считая женъ и дѣтей.—«Онъ же Карасакалъ разглашаетъ о себѣ, яко бы можетъ снѣгъ и дождь напустить, а когда оное случится, то сказываетъ, яко бы онъ напустилъ; такъ же больныхъ отъ разныхъ болѣзней вылечиваетъ, чѣмъ, понеже и другими своими . . . . довольно одариваютъ». По «происшедшей объ немъ славѣ», что онъ Шуна, изъ Джунгаріи выбѣжали къ нему три года назадъ Бакъ Кашка, а въ прошломъ году одноматерный братъ Шуны, Баргай, который бывъ еще въ дѣтствѣ по приказанію

контайши ослѣпленъ и сосланъ въ ссылку. Баргай спрашивалъ у Тюкана, признаетъ ли онъ Карасакала за Шуну, «размышляя по его Карасакаловой природѣ, что онъ не только на Шуну, но и на калмыка не весьма схожъ, и состояніе отъ калмыцкаго весьма разнствуетъ». Но Тюканъ уклончиво отвѣчалъ ему, что онъ своего брата лучше знать долженъ; въ самомъ же дѣлѣ и Тюканъ того мнѣнія, что это не Шуна, и что онъ его «инакого» не можетъ признать какъ башкирцемъ, потому что онъ по-калмыцки не говоритъ, «обхожденія ни мало не знаетъ», и рѣчь его «самая башкирская, сибирской дороги». Отъ роду ему, повидимому, лѣтъ сорокъ [1]).

Несмотря, однакожъ, на эту очевидность самозванства, Галданъ-Черенъ напугался этого авантюриста. Слухи, что Шуна живъ и находится въ степи, распространились до самой Джунгаріи, что свидѣтельствуютъ и выбѣжавшіе Бакъ Кашка и Баргай, а также и приведенные нами выше разспросы калмыковъ у русскихъ о достовѣрности слуховъ, что Шуна возвращается съ русскимъ войскомъ. При такомъ неспокойствіи умовъ въ Джунгаріи, Карасакалъ легко становился опаснымъ для Галданъ-Черена, такъ что послѣ сталъ искать смерти Карасакала и подговаривалъ къ тому (Баракъ-Солтана). Баракъ-Солтанъ и Карасакалъ были «между собою согласны», — но потомъ разсорились.

Когда Баракъ-Солтанъ послалъ къ Галданъ-Черену въ замѣну прежняго аманата своего сына Шигая, то Галданъ-Черенъ, обѣщалъ ему отпустить его сына Шигая, если онъ поймаетъ мнимаго Шуну, «на что онъ, Баракъ, якобы и склонился и умысливъ къ поимкѣ его, Карасакала, способъ сговоромъ за его, Каракасала, (сестру) его поймать». Баракъ дѣйствительно успѣлъ сговорить свою сестру за Карасакала, но послѣдній, узнавъ его намѣреніе, ѣздить къ нему «сталъ опасенъ» и «за страхомъ» откочевалъ отъ Барака въ отдаленную степь, въ близость къ поколѣнію Каракисетъ-Аргынъ, именно къ кочевьямъ Казбекъ бія. Этотъ бій, вмѣстѣ съ Кабакбаемъ, у котораго онъ и прежде съ «охраненій» жилъ и черезъ котораго больше

---

[1]) Архивъ при областномъ правленіи Сиб. киргизовъ, сообщеніе отъ Штокмана, 26 іюня 1745 г.

онъ и въ «усильство», и въ славу вошелъ, обѣщались защищать его отъ нападенія Баракъ-Солтана.

Нѣтъ сомнѣнія, что Карасакалъ и Шуна двѣ личности различныя; но тѣмъ еще загадочнѣе этотъ башкиръ, успѣвшій своими смѣлыми замыслами привести въ испугъ Галданъ-Черена. Преданіе волжскихъ калмыковъ указываетъ на устье Кумы, какъ на мѣсто смерти Шуны; но въ томъ же архивѣ мы нашли извѣстіе, что Карасакалъ умеръ спокойно въ степи; именно: выбѣжавшій изъ киргизской степи . . . . . Акбай Сундуковъ показалъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ изъ Грачевскаго станца киргизами вѣдѣнія Барина (Баргая), брата Карасакала, «башкирскаго возмутителя», *умершаго назадъ тому два мѣсяца* (изъ бумаги къ Неплюеву, 31 іюля 1749 года). И то, и другое извѣстія могутъ быть вѣрны, если они относятся къ различнымъ личностямъ.

Смерть Куко-тай хана и его поминки.

(Отрывокъ изъ героической саги Дикокаменныхъ Киргизъ Манасъ).

То была лука золотого сѣдла—то былъ отецъ многихъ народовъ, то былъ лукой серебрянаго сѣдла—былъ отцомъ густого, какъ темная ночь, Ногайскаго народа. Куко-тай ханъ собирался оставить нашъ свѣтъ.

«Сынъ Сары-Ногаевъ, густо-чупринный Яшъ-Айдаръ Чора! Садись на манекеря-коня и отъ начала до конца пройди густой и черный улусъ Ногайскій: скажи уйсунскому Амату, Аматъ-Кулу Яйгсангу, скажи біямъ съ отвислыми животами и толстобрюхимъ богачамъ, скажи рыжебородымъ и густоусымъ, скажи молодцамъ съ раздвоенными бородами и малыми усами, скажи всѣмъ и всѣмъ. Скажи также мурзамъ, пьющимъ медъ изъ чашекъ вѣсомъ въ батманъ, мурзамъ, шатающимся на ногахъ отъ много и много выпитаго меду, скажи темному какъ ночь Ногайскому народу, что Куко-таю стало дурно, что Куко-таю пришелъ конецъ. Бай-Мурза, сынъ богатаго отца! Я молодыхъ кобылъ велѣлъ привязать и кумызъ, подобный меду, собралъ. Хорошихъ кобылъ привязалъ,—крѣпкій кумызъ я собралъ. Съ закрытыми ребрами (т. е. жирный) скотъ—для

обѣда ихъ готовъ. Желтоногія кобылицы, недоенныя въ зиму— зарѣзаны. Изрѣзанное мясо уже на блюдахъ. Собирайте всѣхъ: многочисленный и черный юртъ Ногайскій обойдите отъ конца въ конецъ; я хочу исполнить первый мой долгъ—поминки, и второй долгъ—произвольный завѣтъ сказать».

Солнце затмѣвающая, густая толпа Ногайцевъ съ гуломъ упала на бѣлую Орду—ставку хана Куко-тая.

«Многочисленный народъ мой Ногайскій! Сердцемъ моимъ овладѣла болѣзнь, силы меня оставили, я долженъ оставить жизнь и васъ, мой добрый народъ! Я прожилъ 199 лѣтъ и челюсть моя изгнила».

Поставили мясо величиною съ гору и сдѣлали подливку обильную, какъ море. Такъ должную поминку сдѣлалъ и такъ должныя слова началъ говорить.

«Народъ! Когда меня не станетъ (когда мои глаза закроются): кумызомъ меня омойте, острой саблей оскребите, въ панцырь одѣньте и, кожею обвивши, подъ голову бѣлый саванъ положите и головой на востокъ обратите. Навьючьте красное сукно на краснаго нара (дромадера), на чернаго нара—черный бархатъ, и съ караваномъ на 40 верблюдахъ прійдите на мой срубъ (могила). Кучами бабы придутъ,—кусками раздайте имъ сукно. А черный сартъ, начальникъ каравана, пусть сдѣлаетъ кирпичи на жирѣ 80 козъ. На перекресткѣ большихъ и малыхъ дорогъ, подобный мѣсяцу бѣлый сарай соорудите, какъ голубое небо—голубой куполъ поставьте. Подобные дорогѣ желоба привѣсьте, завитками и карнизами одѣньте. Въ первую пятницу поставьте верблюда на призъ и, загнувъ потники, пустите кунановъ на бѣгъ. Народъ! Сослужите мнѣ службу и будьте распорядительны. Нѣтъ больше словъ и нѣтъ больше завѣтовъ. Будьте здоровы и счастливы, народъ! Будьте счастливы и здоровы, народъ! Батырь Бай-Мурза, сынъ богача! приложи ухо и обратись ко мнѣ: мышеловку выучилъ я ловить птицъ и сдѣлалъ птицей!

Собралъ шатающихся и обратилъ ихъ въ общество. Степного луня употребилъ на охоту и бродягъ обратилъ въ народъ. Когда меня не будетъ, мышеловку не презирай и прежде шатавшихся бѣдняковъ не распусти опять, и бродяги пусть не разбредутся опять: паси и держи ихъ. Батырь! Когда меня не будетъ: пѣшеходнымъ бѣднякамъ—лошади нужны для ѣзды, голо-тѣлымъ бѣднякамъ—сними халатъ съ плеча. И лѣтомъ и зимою пусть течетъ кумызъ мой рѣкою—для этихъ бѣдняковъ. Пусть льётся айранъ—для бѣдныхъ людей. Когда меня не будетъ: Букъ-Муруна (сопляка)-найденыша пестрымъ щенкомъ не называйте, ублюдкомъ не попрекайте; давайте ему, сиротѣ, хорошую лошадь, приличное платье и сытную пищу. Близко сказать черезъ годъ, много сказать черезъ два, онъ поднимется и будетъ человѣкъ; возмужавши, будетъ онъ батырь и съ батырскими дѣтьми равенъ. Тогда постелите шелковый коверъ и на мое мѣсто поставьте его ханомъ. Богача сынъ, батырь Бай-Мурза! Обратись сюда еще и приложи ухо: когда буде(шь) давать мою сороковую поминку—большеносому батырю Купурбаю хитайцу, Купурбаю, называемому гордецомъ, къ нему прикочуйте всѣмъ улусомъ и тамъ отъ долга сороковой моей поминки освободитесь. А когда нужно будетъ праздновать великую тризну, то отправляйтесь къ тому батырю, который въ Анджанѣ отжирѣлъ, спѣлыя анджанскія что грызъ яблоки и ѣлъ недопеченый хлѣбъ, который 12-ти лѣтъ пускалъ стрѣлу, тринадцати разбилъ народъ и ограбилъ юрту — словомъ, отправляйтесь къ сыну Якуба юному Манасу, только что начинающему отличаться, къ храброму Манасу,—Манасу, который въ лощинахъ разбиваетъ аулы и черезъ высокія горы угоняетъ скотъ, у котораго насуплены брови и холодно лицо, кровь черна, но тѣло блѣдно, животъ пестрый и хребетъ синій; къ высокорослому ступайте Манасу. Спросите меня: каковъ батырь Манасъ? Онъ подобенъ сивогривой щетинистой гіеннѣ. Къ этому-то Манасу кочуйте, у него мой главный завѣтъ, который исполнивъ, свалите съ плеча. Тамъ должны собраться кяфиры и мусульмане; среди ихъ великій праздникъ задайте и тѣмъ отъ завѣтовъ моихъ успокойтесь».

У Куко-тай-хана глаза закрылись и душа, устремляясь къ вѣчности, оторвалась. Темная, какъ ночь, толпа Ногайцевъ зарыдала-заплакала и измяла верхи урюковыхъ деревъ, заревѣла-закричала и изломала вѣтви яблонь. Горе погоревали и обряды исполнили: кумызомъ омыли, саблей оскоблили и сдѣлали все, что завѣщалъ старый ханъ. Наѣлся народъ и рвали сукно обильно. Подобно мѣсяцу бѣлый и съ куполомъ небеснымъ поставилъ народъ большой памятникъ, покрывъ его красками, украсивъ завитками и привѣшенными желобами, какъ по горамъ идутъ тропинки.

Много сказать шесть тысячъ, мало будетъ пять тысячъ кулановъ пестро-слякотной весной пускали въ бѣгъ и теперь только, на холодную осень, показалась пыль возвращающихся скакуновъ. Семью мѣшками зерна каждый день кормленный, родившійся въ горахъ и выросшій на камняхъ въ обществѣ съ дикимъ козломъ, въ пескахъ кормившійся съ дикимъ куланомъ, желѣзно-копытный и мѣдно-ногій, не знающій поту, ргаю-подобный Сѣрко—вышелъ первый первымъ. Отъ рожденія не показавшій спину батырь Иръ-Кокче сынъ Айдаръхана, сына Камбаръ-хана, подобно сѣропѣгому бѣгунцу, схватилъ коня первый изъ первыхъ, заплатилъ за него одну девятку скотомъ, верблюжицу съ жеребенкомъ и рабыню далъ съ сыномъ, и юрту далъ крытую сукномъ. Текече батырю принадлежавшаго желѣзно-копытаго и мѣдно-ногаго, съ шеею, подобною высохшему ргаю, такъ пріобрѣвши, Иркокче батырь уѣхалъ въ свой улусъ.

Все лѣто кочевали: стояли на Чибратчи—табунами кобылъ вязали, на Ибранче стояли—манекерь-конь не сходилъ съ коновязи. Бай-Мурза, сынъ богатаго отца, открылъ для всѣхъ свою сабу и кумызъ полился рѣкою для бѣдныхъ людей, полилъ айранъ ручьемъ для бѣдныхъ же людей. Сосредоточенныя на лѣтнихъ кочевьяхъ многочисленныя и густыя волости Ногайцевъ, единодушно поднявшись, къ ястребино-носому Кунуръ-бай батырю хитайцевъ цѣлымъ улусомъ прикочевали. Пестро-головый иноходъ и чубарая лошадь были поднесены

въ даръ батырю Купуръ-баю. Такъ кончилась 40-я поминка и съ ней первый завѣтъ Куко-тая.

Многочисленный народъ Ногайскій плотно юртами окружавшій себя у бѣлой сопки, пупа земли, остановился, и собравшись, всѣ держали совѣтъ. Біи съ отвислыми животами, толстобрюхіе богачи были на этомъ совѣтѣ. Но Бай-Мурза, сынъ богача, не могъ управиться съ народомъ. Однажды въ одинъ день замѣтили, что у 6-ти лѣтняго сопляка осѣдлана лошадь и семилѣтній Букъ-Мурунъ обучался у муллы. Бѣлымъ сѣдломъ съ золотою лукою коня манекеря осѣдлалъ; рожденный для власти Букъ-Мурунъ, осѣдлавши, сѣлъ и въ густую толпу собравшихся Ногайцевъ, въѣхавъ, далъ голосъ: «Братъ старшій, сынъ богача Бай-Мурза! Каждый день ты держалъ совѣтъ, о чемъ идетъ дѣло? На кольцѣ твоемъ золото и лука у сѣдла твоего золотая; подхвостникъ твой изъ литого же золота, уздечка твоя убрана чистымъ золотомъ! Старшій братъ! Есть у насъ толсто-губый сѣрый жеребецъ, на него я сѣсть тебѣ не позволю. Есть поминки по отцѣ моемъ—распоряжаться тебѣ ими не позволю. Къ отжирѣвшему въ Анджанѣ, что грызетъ анджанскія спѣлыя яблоки, къ самаркандскому сарту Манасу, карно-ухой рыжей собакѣ Манасу, для поминокъ народъ свой не пущу и самъ не поѣду, ты же самъ къ нему можешь итти, если хочешь. Я твердо рѣшился: завтра я подниму свой улусъ; безъ шума отвяжутъ бабы жерди, что на юртѣ, безъ клокоту поднимутъ на руки беркутовъ, барановъ погонятъ рано, чтобы не блеяли, навьючатъ тихо верблюдовъ, чтобы не ревѣли, дѣтей поднимутъ тихо, чтобы не плакали. Такъ подниму многочисленный народъ Ногайскій! Огни, что остаются на очагахъ, велю погасить, пѣшихъ надѣлю лошадьми, нищихъ—платьемъ, и пойду впередъ... На болотахъ Кузи-башскихъ остригу я овецъ, на большой Акъ-ташъ какъ пріиду—исправлю я кибитки. Оттуда впередъ я поднимусь, черезъ Тіекъ-Ташъ я пройду, на Джаланачѣ рѣкѣ оставлю табуны, озеромъ и по теченію рѣки,—рѣки Или широкой, все пойду впередъ, оставивъ тамъ хлѣбопашцевъ. У Калкана я пройду, черезъ рѣку на лодкахъ и плотахъ я переправлюсь,

на Акъ-Терскенъ поднимусь, здѣсь дамъ отдыхъ лошадямъ, не снимая сѣделъ. Черезъ Тургенъ-Аксу переправлюсь—верблюдамъ дамъ я отдыхъ, не снимая вьюковъ. Когда приду на соленое озеро: наварю соли и, 60 верблюдовъ ею навьючивъ, я пойду къ кочующему на солонцахъ Бутанынъ-Сазъ, каждый день азартно играющему, невѣрному хану храброму Джузаю, у котораго шапка, какъ черный котелъ огромна, который властенъ надъ всѣми имѣющими жизнь и кровь. Къ этому-то невѣрному хану Иръ-Чолану съ улусомъ прикочую я. Возлѣ стану ставкой и буду, какъ родной, вмѣстѣ стану кочевать и буду, какъ единородный братъ. Поднесу я ему пестроголоваго инохода и чубараго коня. Золотую курму надѣну и буду настоящій вельможа; на шапку красный шарикъ надѣну и павлиномъ украшусь—видимо тогда буду знатный вельможа. Съ калмыками, покрывающими Алтай, буду вмѣстѣ кочевать, съ калмыками, наполняющими Катай, вмѣстѣ буду улусами стоять. Съ знатными буду знаться—всѣхъ коней подарю, съ малыми буду знакомъ—халатами награжу. И оттуда поднимусь: подкую серебряною подковою бѣлую лошадь, по теченію рѣки пойду, по теченію верхняго Иртыша, днемъ и ночью буду идти. Въ верховьи Иртыша черезъ Биштерскіе хребты спущусь, черезъ воду Джурги перебредши, черезъ Ханскую гору пройду, на Мула-Хургой направлюсь и тамъ на верхнемъ Иртышѣ подъ Бурунъ-Ташемъ остановлюсь. Шесть дней будетъ—лошади отдохнутъ, семь дней пройдетъ—усталый народъ пусть отдохнетъ. А оттуда послѣ на 90 верблюдахъ рисъ вьюками получу, 90 иноходовъ выберу, пойду къ внутреннему хану и тамъ Кукотаевскія поминки устрою на весь міръ. Кукотаеву бѣлую орду подниму я на дорогу, Кукотаевы многочисленныя стада пригоню я для нужной требы. Устрою очаги, изрывши землю, и надъ ними соберу табунъ, безъ счету буду рѣзать, и мясо будетъ горой чернѣть. Шесть тысячъ молодцовъ, съ лицами и руками бѣлыми, какъ луковица, скромныхъ, какъ ходжи, читающіе намазъ—я соберу и, давши имъ въ руки анджанскіе ножи, заставлю мясо крошить; чтобы у нихъ не замозолились пальцы, я шелкомъ обверну и кожею обтяну, а чтобы крошители мои не уставали, для питья имъ

полный котелъ чернаго чая поставлю. Такъ я дамъ Кукотаевы поминки, и невѣрныхъ, и мусульманъ для этого соберу»!

Послали шолковый коверъ и на мѣсто Куко-тая, рожденнаго для власти Букъ-Муруна избрали, и собравшаяся темная, какъ ночь, толпа Ногайцевъ подняла хана.

Рано утромъ поднялъ Букъ-Мурунъ весь Ногайскій народъ. Отвязали безъ шума бабы жерди въ юртѣ, подняли на руки беркутовъ безъ клокота. Навьючили верблюдовъ,—верблюды не ревѣли, бараны не блеяли, дѣти не плакали. Пѣшимъ далъ Букъ-Мурунъ коней для ѣзды, бѣднымъ далъ одежду. Погасили костры, оставшіеся послѣ снятія шатровъ, и снялся улусъ ногайскій на кочевку. Какъ сказано—такъ и сдѣлано... Сталъ, наконецъ, онъ на верхнемъ Иртышѣ. Поставилъ бѣлую юрту Куко-тая, зарѣзалъ кобылъ жирныхъ, сложилъ гору изъ ихъ мяса и изрылъ землю на 10 верстъ подъ очаги, подобралъ 6 тысячъ крошителей, и былъ готовъ праздникъ; нужно собрать алповъ-великановъ, батырей храбрыхъ и коней ретивыхъ для бѣгу. Сталъ разъѣзжать Букъ-Мурунъ по темнымъ, какъ туча, улусамъ ногайскимъ, сталъ искать глашатая-посланца. Сынъ Сары-Ногаевъ густо-чупринный Яшъ-Айдаръ Чора, ловкій онъ былъ, хитрый онъ былъ рабъ. Вызвалъ его соплякъ. «Сынъ Сары-Ногаевъ батырь! ой, Яшъ-Айдаръ густо-чупринный! Если ты дома—дай скоро голосъ, не лживо и живѣе. Я даю Кукотаевы поминки и зарѣзалъ уже скотъ для того. Пригласи же ты батырей на поминки и бѣгунцовъ приведи»!

«Для власти рожденный Букъ-Мурунъ, мой тюрэ! Не пойду я къ батырямъ твоимъ, не пойду я за бѣгунцами конями. Не хочу я умереть отъ великановъ твоихъ! Кочевали мы вмѣстѣ, бараны наши зимовали въ одной оградѣ, пашни наши были вмѣстѣ, верблюды и лошади паслись на одномъ полѣ и охотились мы вмѣстѣ. Вижу я теперь, что за ребяческія игры и за шалости мои, ты сталъ рабомъ меня считать. Два мѣсяца мѣста 60 дней; пока я обращусь 6 разъ, 60-ти-лѣтній отецъ не оставитъ ли міръ сей? Семь концовъ земли

нужно 7 разъ обойти, то вѣрная старушка мать не умретъ ли въ это время? Я къ алпамъ твоимъ не пойду и за конями бѣгунцами итти не могу»!

«Густо-чупринный Яшъ-Айдаръ мой Чора! Если ты не пойдешь къ батырямъ сильнымъ и за конями быстроногими,— я самъ пойду къ батырямъ, самъ призову ихъ, я пойду за конями быстрыми и самъ ихъ приведу. Пока меня не будетъ, при устройствѣ поминокъ и байги, какая бѣда? ты будь распорядителемъ. Когда же я возвращусь—тебя, Чора, поставлю я главнымъ призомъ 1-му коню; стараго отца и старушку мать также поставлю на байгу на послѣдній призъ»!

Дома у себя дерзко и важно ходящій густо-чупринный Яшъ-Айдаръ лишился ума отъ страха, сильно задрожавъ.

— О, мой господинъ! Укажи мнѣ лошадей въ дорогу—на лучшую я сяду и поѣду на твою службу; на дѣтскія мои шутки напрасно ты, Букъ-Мурунъ-тюрэ, расходился. На шутки сказанныя изъ любви—напрасно ты раскудахтался. Скажи мнѣ, какую мнѣ надѣть шубу—я надѣну ее. Скажи мнѣ примѣты конямъ—я выберу себѣ въ дорогу!

— Есть у меня 60 коней аргамаковъ — любого выбирай, 90 есть крѣпкихъ коней—на любого садись; 70 скакуновъ обгоняющихъ вѣтеръ—возьми одного изъ нихъ. Много у меня въ табунахъ золотистыхъ коней, но золотоголовый саврасый лучше всѣхъ, хочешь—возьми его. Отецъ ѣздилъ на большомъ какъ шатеръ Сѣркѣ, матушка ѣздила на игривомъ Сѣркѣ, сестра моя, Карлысагъ, ѣздила на рѣзвомъ конѣ съ выгнутой какъ постель спиною,—изъ нихъ можешь выбирать. Есть во всемъ табунѣ первый, жеребецъ есть бѣлый, о жеребцѣ бѣломъ, если хочешь знать его достоинства, разскажу тебѣ ихъ: ребра его какъ щитъ крѣпки, хотя ханъ все лѣто ѣздилъ— не закроетъ ихъ; подъ хвостомъ его колодезь цѣлому стаду кулановъ можетъ быть водопоемъ, на головѣ его котловина— если ее наполнить водою, то стадо мораловъ не испило бы. Ѣзди на немъ, не сходя, 6 мѣсяцевъ—онъ не отощаетъ, вы-

рѣжь кусокъ мяса на спинѣ, и тогда не будетъ подпарины. Словомъ, нѣтъ возможности быть имъ недовольнымъ; пустивъ его въ бѣгъ,—онъ первый бѣгунецъ, для работы онъ крѣпокъ. Во всемъ моемъ стадѣ этотъ висло-губый бѣлый жеребецъ лучшій конь и славная лошадь. Хочешь? поѣзжай на немъ.

— Рожденный быть властителемъ, храбрый господинъ мой, Букъ-Мурунъ! Лучше я умру отъ тебя, нежели на жеребцѣ твоемъ умирать отъ великановъ-алповъ. Подъ тобою, султанъ, манекерь-конь, дай манекеря, я поѣду; на тебѣ, султанъ, бѣлый панцырь, дай—надѣну его. Тогда поѣду къ великанамъ всѣмъ и за конями для скачки; буду глашатаемъ!

На манекеря сѣлъ и бѣлый панцырь надѣлъ.

— Густо-чупринный Яшъ-Айдаръ Чора! Подъ тобою манекерь, я его не испыталъ и достоинствъ его не видѣлъ. Если высокія встрѣтятся горы, онъ цѣпляется какъ аркаръ— не скатись съ сѣдломъ назадъ. Въ глубокіе овраги онъ ныряетъ какъ утка—не упади черезъ голову его. Не испыталъ я его и не знаю я его. Знаю только, если хочешь знать: мы шли когда черезъ Талгаръ, Талгаръ тогда былъ въ разливѣ, когда вода Кинъ-мигинская выступила изъ береговъ, когда всѣ переправлялись на лодкахъ,—я переправился на немъ не прижимая погъ. Вотъ что я только знаю о достоинствахъ его. Когда недавно мы вторглись въ Самаркандъ, то изъ тысячи былъ первымъ—этотъ изъ тысячи одинъ, что подъ тобою конь. Недавно, когда въ Куркуль мы вторгались, изъ толпы людей и коней онъ вышелъ въ бѣгѣ первый—онъ красивѣйшій манекерь. Когда въ Туркестанъ мы вошли, когда тьма людей храбрыхъ и лошадей быстрыхъ въ сборѣ была—первымъ тогда былъ, что подъ тобою, безцѣнный конь манекерь! Больше его не знаю и достоинствъ его не вѣдаю! Погоди еще, густочупринный батырь мой, Яшъ-Айдаръ! Поддержи поводья коня своего, я хочу сказать еще нѣсколько словъ, хочу я сказать признаки алповъ и лошадей, которыхъ ты долженъ пригласить. Мы стоимъ улусомъ среди невѣрныхъ, какъ блоха въ густой гривѣ яка: собрать ихъ поблизости могу я самъ.

Отсюда ты иди къ тому батырю, который на Улутавѣ кочуетъ и золотоглаваго коня мадьяна постоянно на привязи имѣетъ, къ Иркошаю ты иди, который есть отецъ народа, къ Иркошаю подобному воротнику на халатѣ и подковѣ для ногъ лошади, къ Иркошаю, который открылъ запертыя двери въ раѣ и открылъ остановившійся путь въ Турфанъ, къ тому Иркошаю, который остановившемуся базару далъ новую жизнь. Когда невѣрный ханъ Мезъ-Кара въ темницу заточилъ Джангырова сына Белерека, что былъ родомъ изъ ходжей, когда никто изъ мусульманъ не отважился возстать—онъ, храбрый Кошай, храбростью устрашилъ и освободилъ того ходжу. Къ этому-то храброму батырю Кошаю ступай и скажи, чтобы самъ былъ на моихъ поминкахъ и лошадь на моей байгѣ. Если самъ не будетъ на поминкахъ и лошадь на байгѣ, то пусть не показывается передъ мои очи, и не обращается больше ко мнѣ. Кукотаево золотое цвѣтное красное знамя будетъ развѣваться надъ его юртой—этого пусть онъ ждетъ. Если я красные вьюки его не разобью, краснохвостыхъ наровъ не навьючу его же добромъ, если черные (полные) возы добычи не добуду, если развѣсистые сады его не опустошу, если я его корень и происхожденіе не оскверню, если не изрою могилъ его предковъ, если не сдѣлаю добычей женъ его, дѣтей, которыя въ пеленкахъ и которыя могутъ уже пасти барановъ, если скакуновъ его, которыхъ онъ не отдавалъ другу, не отниму я силой, если красавицъ дочерей, которыхъ онъ не отдавалъ за большой калымъ, не повлеку я дерзко за бѣлыя руки и не привяжу ихъ къ хвосту лошади—пусть будетъ проклято мое, Букъ-Муруна, имя, и не буду я Букъ-Муруномъ больше!

«Отъ него ты пойдешь, держа ровно повода; иди ты къ кочующему на Кичи-тавѣ горѣ батырю, имѣющему вороного вѣщаго коня. Вѣщій конь его подобенъ соловью, что живетъ въ рощахъ, и черенъ, какъ погасшій уголь. Къ сыну плѣшиваго Акъ-тора, къ храброму Урбэ ступай, Урбэ, который, одинъ будучи, добылъ себѣ богатство и силу, который никому не далъ и паршивую кобылу, какъ не даетъ никому вымолвить слово. Батырь—Урбэ по прозванію, а по имени Мунку, пусть

придетъ самъ особой своей и чародѣя коня пусть приведетъ для бѣга. Если самъ не придетъ и коня не приведетъ—Кукотаево красное знамя пусть ожидаетъ въ гости. Разобью вьюки съ богатствами его, размѣтаю по полю прахъ отцовъ его и сравняю съ землею садъ его цвѣтистый.... Не сдѣлаю этого—не буду я Букъ-Муруномъ! И его сильно напугавъ и какъ Иссыкъ-кульскія воды взволновавъ, отъ него ты пойдешь, поводами ровно. Камбаръ-хана сынъ, Айдаръ-ханъ Айдаръ-хановъ сынъ, храбрый Иркокче, не знающій бѣгства; Иркокче ты скажи: родившагося въ горахъ съ козломъ горнымъ вмѣстѣ, на пескахъ который гулялъ съ куланомъ вмѣстѣ, желѣзнокопытаго и мѣдно-ногаго Сѣрко пусть приведетъ на байгу; если конь на бѣгъ выйдетъ, то получитъ призъ, не выйдетъ—то пусть посмотритъ на наше веселье. Его также напугавъ и взволновавъ, какъ Иссыкъ-кульское озеро, собери. Оттуда ты пойдешь, повода держа ровно, къ Агышу съ Хожашемъ, Алеке съ Баубекомъ, Бетчу и Четчу, скажи имъ всѣмъ тоже, скажи золото-чупринным хватамъ и сѣро-чупринным мужамъ, скажи батырю Чугунное-Ухо, Дуюръ-Кулаку, тоже. Есть саврасая кобылица Урху и есть владѣлица ея Урунха-хатунъ, богатырь-баба. Всѣмъ имъ скажи, чтобы всѣ были на поминкахъ у меня,—не будутъ они, то увидятъ красное знамя Кукотая у себя. Всѣхъ ихъ тоже напугать и какъ Иссыкъ-куль взволновать.

«Отъ нихъ поѣдешь, держа ровно повода. Есть батырь Идне-Ичкіевъ сынъ. Ноги онъ сильно упираетъ въ стремя, а длинное копье въ небо. Есть у него сѣропѣгій конь-бѣгунецъ, рожденный отъ двухъ-годовалаго жеребенка, славная то лошадь, пусть пріѣдетъ съ нею на поминки наши.

«Отъ него ты пойдешь дальше, поводами ровно. На Семирѣкахъ, что кочевье имѣетъ Джебекеровъ храбрый Багышъ, говорятъ—батырь разбившій Ойратовъ, а лошадь его саврасый-кунанъ, хорошій, говорятъ, конь. Скажи ему, чтобы привелъ коня и пріѣхалъ самъ.

«Отъ него ты пойдешь дальше, къ батырю Карачу, подъ которымъ черная гора—не гора подъ нимъ, а черная лошадь, по прозванію «Гора». Славный конь, говорятъ, карачевскій Тау-

Кара. Пусть придетъ самъ и коня приведетъ. Отъ него какъ пойдешь, повода держи ровно. Плодъ нечестиваго мужа и незаконной жены, гибкій станъ котораго колышется какъ бай отъ тяжести пояса, съ длинными ногами обутыми въ сапоги, съ каменнымъ сердцемъ и жилами изъ металла—есть батырь Джаналы, въ гордости подобный Богу. Скажи ты этому Джаналѣ, что огне-рыжій конь его—скакунъ-лошадь. Пусть придетъ самъ и лошадь приведетъ. Отъ него ты иди дальше и повода держи ровно. Есть батырь, родившійся по долгимъ молитвамъ многихъ угодниковъ и по просьбѣ угодниковъ на свѣтъ происшедшій. Младшему изъ 9-ти сыновей стараго отца, Богомъ любимому храброму Тустуку скажи: конь его пламяхватъ, вѣрная лошадь, чтобы самъ пріѣхалъ и коня привелъ на бѣгъ. Въ средоточіи мусульманскихъ и невѣрныхъ улусовъ стою я ставкой, пусть будетъ хозяиномъ поминокъ, которыя я даю по отцѣ, по Куко-таѣ ханѣ, пусть выберетъ лучшій кусокъ мяса и почетную грудинку. Отъ него ты пойдешь: за ближними горами по ту сторону ихъ, подъ большими горами по сю сторону ихъ, среди двухъ хребтовъ, ты увидишь сына вонючаго старичишки, который всю жизнь *доилъ вонючую березу*, батыря Алнай-Мамета, по прозванію Сизый Заяцъ, ты увидишь. Бѣлый заяцъ его бѣгунецъ конь—пусть приведетъ онъ на байгу мою. Скажи ты всѣмъ алпамъ лошадей пусть ведутъ и сами пусть придутъ; выйдутъ кони—получатъ байгу, не выйдутъ—посмотрятъ на игры. Если сами не придутъ и коней не приведутъ, то увидятъ они красное знамя Куко-тая хана среди своихъ ауловъ. . . . . . Всѣхъ и всѣхъ напугать, какъ Иссыкъ-куль взволновать. Оттуда ты пойдешь, поводами ровно... Буюнъ-ханъ, отъ Буюнъ-хана Чаянъ-ханъ, отъ Чаяна храбрый сынъ Якубъ. Якубовъ сынъ юный Манасъ! 12-ти лѣтъ онъ уже стрѣлялъ изъ лука; 13-ти лѣтъ въ рукахъ копье имѣя, враговъ уже кололъ; изъ сѣдла уносилъ дѣтей, красавицъ дѣвицъ похищалъ много; 14-ти лѣтъ разбивалъ аулы, юрты бралъ въ добычу и храбрые отъ него кричали: куки! 15-ти лѣтъ былъ властителемъ сильнаго народа. Къ этому-то Манасу ступай и скажи ему, что конь его покрытый золотымъ сѣдломъ, въ бѣгѣ точно серна, скакунъ

съ копытами въ обхватъ, съ ушами точно камышъ скошенный перомъ, его желто-саврасый, отъ вѣтра происшедшій конь—бѣгунецъ лошадь. Пусть приведетъ для скачки скакуна своего, пусть посмотритъ на жилище мое. Ставкой я стою въ средоточіи мусульманъ и невѣрныхъ кяфировъ. Пусть выберетъ онъ лакомый кусокъ и пусть будетъ онъ хозяиномъ, распорядителемъ тамъ.

«Для дѣтей разныхъ отцовъ (разнымъ родамъ) нужно дать пестроголовыхъ иноходовъ и чубарыхъ коней и нужно мнѣ по достоинству и старшинству раздать имъ соотвѣтственныя части убитаго скота, поднести имъ обѣдъ и байгу нужно устроить. Проси его (Манаса) быть распорядителемъ. О, густочупринный Чора! Не тяни передъ нимъ крѣпко удила, не жалѣй ты талантливыхъ словъ своихъ, хорошія говори ему рѣчи! Мягко-говорящій ретивый Яшъ-Айдаръ Чора! Хорошія говори ему рѣчи, чтобы тебя не убилъ онъ и манекеря не зарѣзалъ. Сойди съ лошади, отдай ему селямъ, подойди къ нему пѣшкомъ и съ поклономъ отдай ему селямъ. Отъ него ты пойдешь дальше. . . . . Съ полнымъ приборомъ лукъ при бедрѣ, на самаркандскихъ горахъ кружится, Кожатай-Сайданъ при немъ—на бухарскихъ горахъ кружится. Въ бѣлой чалмѣ, огромной какъ котелъ, съ посохомъ въ рукѣ, въ устахъ его *призывъ* и самъ на *Божьей дорогѣ*, на сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, на великомъ Джуланѣ есть золотобородый ходжа по имени Ай-Ходжа. Ай-Ходжѣ тому скажи, чтобы бѣлаго Ай-бана на скачку бы пустилъ и самъ бы пріѣхалъ съ благословеньемъ для насъ. Для манекеря коня ты возьми отъ него бѣлую въ ладонь бумагу: пусть напишетъ онъ на немъ письмо. На холку ты прикрѣпи то письмо. Хочу знать число алповъ и число конямъ. Много алповъ на землѣ и подземныхъ много, не перечтешь ихъ, скажи всѣмъ, которыхъ я сказалъ. 6 концовъ камня на 6 разъ оберни, семь концовъ земли 7 разъ обойди и скоро воротись.

«Сдержи еще голову коня: остановись! О байгѣ я еще не сказалъ. Головой, что будетъ на моей байгѣ я скажу тебѣ: 9 шубъ парчевыхъ я выставилъ, 90 рабовъ я ставлю, тысячу ставлю рабынь, тысячу верблюдовъ молодыхъ, тысячу золото-

головыхъ кобылъ. Не буду пересчитывать послѣдующіе призы, мнѣ домой надо идти. Что будетъ въ хвостѣ, я скажу: пестроголовый иноходъ, 60 рабовъ на 60-ти коняхъ, ... [1], верблюдъ и съ ребенкомъ рабыня погайка и юрта, крытая сукномъ! Будь здоровъ и невредимъ, мой Чора, и скоро возвращайся, чтобъ не соскучились мы и чтобъ не испортилось зарѣзанное для гостей мясо».

На твердую какъ камень спину подобнаго манекеря впилась крѣпкая богатырская погайка. Сбросивъ . . . . [2], свой съ жеребенка вѣсомъ и сдѣлался тонокъ, какъ борзая собака, сбросивъ еще съ барана кусокъ, и сдѣлался легокъ, какъ заяцъ степной. Открывалъ ротъ точно змѣй-драконъ, кровавая пѣна забѣлилась подъ ребрами коня. Кой-гдѣ виднѣлся—инде растягивался, какъ синеватый дымъ. Топъ, топъ, копытами стучалъ, подъ собою пыль крутилъ.

Пріѣхалъ, наконецъ, къ кочующему на Улу-тавѣ горѣ отцу народа, старому Кошаю. «Да будетъ міръ съ тобой, храбрый Кошай-отецъ»! — «И надъ тобою тоже, сынъ мой, густо-чупринный Яшъ-Айдаръ Чора. Здоровъ ли ты и хорошо ли живетъ сынъ? Манекеря-коня по ногамъ течетъ потъ и по шеѣ струится;—почему и зачѣмъ ты ѣздишь, сынъ»?—«Старшій въ народѣ, отецъ мой, Иръ-Кошай, здоровъ и аманъ живу я—узнать о тебѣ пріѣхалъ, счастливъ живу я—соскучившись по тебѣ, пріѣхалъ. Старшій въ народѣ, храбрый Кошай, подобный воротнику халата, подковѣ подобный Кошай. Есть голова у сѣраго мерина, есть поминки по Кукотаѣ ханѣ, есть голова у вороной кобылицы, есть тризна по батюшкѣ ханѣ. Нужно сыновьямъ разныхъ отцовъ поднести пестроголовыхъ иноходей и приличные куски мяса, слѣдуетъ тарелки прилично поставить и нужно устроить при нихъ байгу. Если не будешь самъ на моей байгѣ и коня не приведешь, то не показывайся на мои глаза» [3]).

---

[1]) Въ рукописи пропускъ.—*Ред.*

[2]) Пропускъ. Вѣроятно стояло слово мясо или жиръ.—*Ред.*

[3]) Здѣсь въ рукописи въ скобкахъ написано: „Смотри угрозы Букъ-Муруна“.—*Ред.*

Старшій въ народѣ, храбрый Кошай, преважно шагавшій у себя дома, услышалъ букъ-муруновы слова, лишился чувствъ, задрожавъ. «Густо-чупринный Япъ-Айдаръ Чора! Званый я поѣду и незваный я поѣхалъ бы; отъ угрозъ его я ѣду и безъ угрозъ бы его поѣхалъ. Старѣйшій въ юртѣ Куко-тай жилъ 199 лѣтъ и челюсть его была ослабѣвши. За нимъ слѣдующій старѣйшій есмь я. Какъ ты говоришь мнѣ такія (грозныя) рѣчи, густо-чупринный Япъ-Айдаръ Чора! Такія рѣчи говори только мнѣ; есть алпы съ сильною властью, отъ гнѣва ихъ можешь умереть».—«Старшій въ народѣ, Иръ-Кошай отецъ! А скажу тебѣ какіе призы будутъ на байгѣ: 9 шубъ парчевыхъ стоятъ 90 рабовъ и 90 рабынь» и пр. [1])....

---

[1]) Въ рукописи помѣчено: „см. выше“.—*Ред.*

Идиге (джиръ).

Вступленіе.

Пѣснь, путешествуя по міру, однажды остановилась ночевать въ стойбищахъ Каракалпаковъ, по ту сторону р. Сыра. Вѣсть о прибытіи невиданной и неслыханной гостьи разнеслась съ быстротою стрѣлы во всѣ стороны. Безчисленное множество Каракалпаковъ, собравшись въ счастливомъ аулѣ, слушали дивную гостью съ самаго начала вечера и до самой утренней зари, пока наконецъ Пѣсня устала и легла спать. Тысячи разсказовъ, повѣстей, пѣсенъ и исторій голосистой гостьи сохранили въ памяти безчисленные Каракалпаки. Киргизы и Трухменцы, стоявшіе далеко вверхъ по р. Сыру на краю стойбища,—всѣ родныя племена тогда кочевали вмѣстѣ,—прибыли поздно ночью и слышали только окончаніе чудныхъ звуковъ. Вѣсть о прибытіи Пѣсни къ Каракалпакамъ достигла даже до Сартовъ, жившихъ по сю сторону р. Сыра; но пока они собирались по своимъ городкамъ и пока успѣли доѣхать до Сыра, заря взошла, и Пѣсня уже опочивала. Сарты, остановившись на берегу рѣки, услышали вой нѣсколькихъ собакъ въ Каракалпакскихъ аулахъ и, принявъ эти звуки за голосъ Пѣсни, со вниманіемъ слушали вплоть до восхожденія солнца. Поэтому то Каракалпаки почитаются въ степяхъ первыми поэтами или пѣсенниками, потомъ Киргизы и Трухменцы, а пѣсни Сартовъ никто *не можетъ слушать безъ смѣху.*

—

Въ первый разъ я услышалъ эту рапсодію въ Амакъ-карагайскомъ округѣ въ кочевьяхъ небольшаго аула Керлеумъ Кыпчаковъ отъ акына Джумагула въ 1841 году. Изобрѣтеніе этой рапсодіи, по всѣмъ вѣроятностямъ относящееся къ

XV вѣку, чрезвычайно меня поразило. Существованіе Идыге также несомнительно, какъ существованіе Тохтамышъ-хана и Тамерлана. Оно подтверждается не только народными преданіями, но и письменными фактами. Ибнъ Арабша говоритъ объ Идыге, что онъ былъ одипмъ изъ дьяволовъ Тамерлана. Въ хрестоматіи Хальфина находится родословная Идыге, составленная по преданіямъ казанскихъ татаръ. Западная часть горы Улутавъ, въ Средней Ордѣ, составляющая совершенно отдѣльный утесъ отъ главнаго хребта, называется Идыге. На вершинѣ этого утеса есть курганъ, сложенный изъ плитняку и буту; курганъ этотъ, имѣющій форму всѣхъ оба (помонгольски обо), т. е. кургановъ, воздвигнутыхъ въ честь и воспоминаніе падшихъ или умершихъ героевъ, называется *Идыгеевымъ обасы*, самая гора называется просто Идыге. Киргизы, почитая его какъ національнаго героя и святого по происхожденію, часто приносятъ на могилѣ его жертвы. Иногда рѣжутъ скотъ, что теперь очень рѣдко, а большею частью привязываютъ къ растущему тутъ кустарнику лоскутки одежды или конскіе волоса. Александръ Ивановичъ Шренкъ былъ на этомъ курганѣ и очень вѣрно срисовалъ видъ этого утеса.

Неизвѣстно гдѣ находится могила Тохтамышъ-хана. Современники его и Идыге: Кенъ Джанбай, кара-кипчакъ Кублинъ, Кіенъ-бай, о которомъ, впрочемъ, не говорится въ этой рапсодіи, Худайберды, Косъ Девлетъ, Кара Коджа, этому послѣднему киргизы приписываютъ, что онъ былъ родоначальникомъ Аргыновъ. Кара Коджа былъ сынъ святого Оккесы Сабага. Кажется, Рашидъ Эддинъ говоритъ, что Кара Коджа былъ посланникомъ отъ Тохтамыша къ Тамерлану.

Курганы этихъ героевъ находятся на правой сторонѣ рѣки Ишима, могилы ли это ихъ или только памятники, опредѣлить невозможно до тѣхъ поръ, пока эти курганы не будутъ раскопаны.

Первый списокъ съ рапсодіи Идыге дѣланъ былъ Султаномъ Чингизомъ Валихановымъ со словъ . . . . . . кыпчака, Джумагула, второй сдѣланъ имъ же съ добавленіями изъ изустныхъ преданій разныхъ лицъ, третій списокъ сдѣланъ

былъ со словъ Арсланъ-бая и, наконецъ, изъ этихъ трехъ списковъ, вмѣстѣ съ Чингизомъ, мы составили въ 1842 году сводъ, переписанный Ахмедъ . . . . , съ котораго уже переведена настоящая рапсодія.

Джиръ собственно значитъ рапсодія. Глаголъ джирламакъ значитъ говорить речитативомъ. Всѣ степные джиры обыкновенно поются речитативомъ подъ акомпаниментъ кобыза. Предметами джира обыкновенно бываютъ жизнь и подвиги какого нибудь извѣстнаго въ древности народнаго витязя. При этомъ должно замѣтить, что событія жизни витязя, его подвиги, словомъ все, что составляетъ собственно повѣствованіе, разсказывается прозою, стихи же употребляются только въ то время, когда герой поэмы или главныя участвующія въ ней лица должны говорить.

Между киргизами мнѣ извѣстны еще два джира, одинъ называется Эркокчи - Эркосай. Въ немъ описываются подвиги витязя изъ рода Уваковъ, Эркокчи и сына его Эркосая, въ войнѣ противъ сильнаго кипчакскаго племени. Эта рапсодія не имѣетъ никакого историческаго интереса, самыя имена витязей, въ ней дѣйствующихъ, совершенно намъ незнакомы, между тѣмъ, стихи чрезвычайно сильны и звучны, вся рапсодія заключаетъ въ себѣ безпрерывный интересъ, и еще тѣмъ болѣе замѣчательна, что герой первой ея части проигрываетъ сраженіе и умираетъ покрытый ранами. Сынъ его Эркосай отомщаетъ потомъ кипчакамъ. Эта рапсодія занимательна была бы только развѣ потому, что въ ней подробно излагается вся тактика и стратегія древнихъ степныхъ воиновъ.

Въ мое время въ степи помнилъ эту рапсодію одинъ только человѣкъ, кыргызъ Кокчетавскаго округа, Коплы Атагаевской волости, Арсланбай. Къ несчастію я не имѣлъ времени списать эту занимательную рапсодію.

Другой джиръ называется Уракъ-батырь. Въ немъ повѣствуются похожденія Уракъ-батыря, родомъ Караульца, который, отправившись въ набѣгъ на Россію, былъ взятъ русскими въ плѣнъ и содержался въ тюрьмѣ 10 лѣтъ, потомъ женился въ Россіи, прижилъ дѣтей, но соскучился по родномъ аулѣ, опять уѣхалъ въ степь и тамъ остался.

Кажется, что у насъ есть фамилія Ураковыхъ. Джиръ Урака-батыря знаютъ многіе кыргызы, но только отрывками, всю же поэму я слышалъ однажды въ малой Ордѣ отъ пѣсенника Нурумбая, онъ родомъ Алчинъ, но почти постоянно живетъ въ кочевьяхъ кипчаковъ при султанѣ Ахметѣ Джантюринѣ. Чтобы дать понятіе о мѣрѣ стиховъ, которые употребляются въ джирахъ, я привожу здѣсь примѣръ. Девять Тохтамышевыхъ богатырей догнали Идыге, и Кенъ-Джанбай говоритъ ему:

Ай Идыге сен енди кайтсана.
Кайтупъ эдиль утсена,
Енгсесп біикъ бозъ орда
Энгкіипъ салямъ берсена,
Эрипп джука сар'аякъ
Эръ сарыктанъ ичсена;—
Джавурундары джакталы,
Тюйме баву тартмалы
Устюнге Алъ кара кисъ.
Тон биреди кійсена.
Кокгъ ала джорга
Кӧнъ дабылбазь байлянупъ
Тутамъ бавы сомъ алтунъ
Акъ сункаръ кусъ биреди,
Куль айляна чюйсена! и т. д.

Джиръ Идыге по событіямъ относится къ концу XIV вѣка, долженъ быть составленъ въ началѣ XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которыхъ теперь нѣтъ въ языкѣ, примѣчательно такъ же и то, что въ цѣлой рапсодіи нѣтъ ни одного персидскаго или арабскаго слова, тогда какъ теперь съ распространеніемъ магометанской религіи, даже въ обыкновенномъ разговорѣ, между простымъ народомъ, вошли въ употребленіе слова изъ этихъ языковъ.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ степи, джиры почитались уже устарѣлою формою поэзіи. Форма джировъ, какъ и самый кобызъ, осталась теперь только достояніемъ баксы. Они только еще сохраняютъ эту форму стиховъ, употребляя ее при заклинаніи джиновъ. Можно утвердительно сказать, что форма джира и употребленіе кобыза вышли изъ

моды со смертію знаменитаго пѣвца импровизатора Джапака, онъ былъ родомъ Кара-Кисекъ, отдѣленія Камбаръ, состоящаго теперь въ составѣ Каркаралинскаго округа.

Хотя существующіе теперь пѣвцы употребляютъ его напѣвъ и повторяютъ слово въ слово его . . . . импровизаціи, но для акомпанимента употребляютъ наиболѣе балалайку о двухъ струнахъ.

Кобызъ родъ двухструннаго альта, струны дѣлаются изъ конскихъ волосъ, и играютъ на нихъ смычкомъ. Кобызъ имѣетъ ту разницу противу нашихъ струнныхъ инструментовъ, что у него нѣтъ верхней деки, корпусъ имѣетъ фигуру круглую, ручка такъ выгнута, что струнъ нельзя къ ней прижимать, берутся же разные тоны флажолетомъ. Вообще это очень трудный и пріятный инструментъ, хотя онъ не очень звученъ.

Балалайка и новѣйшія пѣсни выжили теперь совершенно джиръ и кобызъ. Въ степи существуютъ теперь слѣдующія формы поэзіи:

1. Джиръ, который достаточно объясненъ мною.

2. Джиравъ—надгробная пѣснь. Она обыкновенно изобрѣтается женщинами и очень часто импровизируется. Размѣръ употребляется тотъ же, какъ и въ джирѣ. Между всѣми извѣстными джиравами, самые трогательные и извѣстнѣйшіе въ Средней Ордѣ суть: Плачь матери ханши Айханымъ Валіевой о смерти старшаго ея сына Мамеке, умершаго отъ оспы въ 1833 году, и джировъ, извѣстной впослѣдствіи пѣвицы импровизатрисы, импровизированный ею на поминкахъ ея мужа, когда ей было только 14 лѣтъ.

3. Каимъ—пѣсни, употребляемыя при свадьбахъ, состоящія въ вопросахъ и отвѣтахъ между молодыми людьми и дѣвицами, онѣ состоятъ изъ четырехстишій, въ которыхъ риѳмуютъ первые два стиха съ четвертымъ. Эти пѣсни заключаютъ иногда въ себѣ загадки, эпиграммы и наконецъ шуточную брань, доходящую до самаго отчаяннаго цинизма выраженій.

4. Кара-улёнь: обыкновенная пѣсня, она состоитъ изъ четырехстишій, заключающихъ въ себѣ каждая отдѣльную идею. Эти пѣсни поются болѣе для голоса. Часто четырехстишіе не имѣетъ никакого смысла.

5. Улёнъ. Эта форма употребляется теперь всѣми новѣйшими поэтами, какъ для импровизацій, такъ и для поэмъ, наиболѣе введена въ употребленіе пѣвцами Орунбай, рода Караулъ, отдѣленія Атке-Дживиръ, и слѣпымъ пѣвцомъ Чоджи, рода Атагай, отдѣленія Джана Кыргызъ, постоянно находящимися при султанѣ Абулхаирѣ Гоббасовѣ. Предметомъ этихъ пѣснъ есть большею частью какое нибудь религіозное повѣствованіе. Они поютъ теперь подвиги Сеитъ Баталя ходжи и любовь Юсупа и Зюлейки, жизнь Ибрагима и проч., всѣ эти повѣсти, по фанатизму идей и чудовищности изображенія, чрезвычайно скучны.

Форму улёна пѣвцы употребляютъ такъ же для импровизаціи, какъ самую удобную и къ которой они теперь какъ бы болѣе привыкли. Извѣстная поэма Кузу-Курпечь и Баянъ Сулу пересказаны мнѣ были знаменитымъ Джинакомъ въ формѣ улёна.

Для примѣра, какую форму имѣетъ улёнъ, выписываемъ вступленіе въ поэму Кузу-Курпечь:

Мекинъ пздебъ Джигиттеръ кель кителы
Ортасында копъ тюбе бильгэ икалы,
Азаматтаръ принбай тынласанызъ
Кузу-Курпечь, Баянды тир баталы

Въ Хрестоматіи Ибрагима Хальфина, изд. 1822 года, въ главѣ IV находится слѣдующая родословная Идыге бія:

«Правитель правовѣрныхъ Абубекеръ-сыддыкъ, да спасетъ его Богъ, имѣлъ четырехъ сыновей, третій сынъ его былъ государемъ въ Дамаскѣ (Шамъ); сынъ его, султанъ Кабъ, тоже царствовалъ въ Дамаскѣ; его сынъ, султанъ Хермузъ—тоже, сынъ его султанъ Халидъ царствовалъ въ Серсерѣ; его сынъ султанъ Валидъ—тоже; его сынъ султанъ Кайдивулъ тоже; его сынъ султанъ Мувлюдъ царствовалъ въ Серсерѣ; его сынъ Абулбазъ царствовалъ въ Этекіе; его сынъ султанъ Селимъ тоже; его сынъ султанъ Садакъ; его сынъ Абулхакъ царствовалъ въ Мединѣ; его сынъ султанъ Османъ тоже; его сынъ султанъ Джелялэддинъ царствовалъ въ Константиніи; у него было два сына, одинъ назывался Ибрагимъ, а другой *Баба Токласъ*, этотъ послѣдній былъ государемъ въ Меккѣ; сынъ его Термеулъ явился на

Волгѣ и на Джаикѣ, его сынъ Кызычи тоже тамъ жилъ; его сынъ Islямъ-Кая тоже; его сынъ Кадыръ-Кія тоже; его сынъ Кутлукеба былъ въ Темгенѣ; *его сынъ—Идыге бій*, да помилуетъ его Богъ. Кутлукеба былъ убитъ *Урусъ ханомъ*. Кромѣ этого, у *Баба Токласа* было четыре сына; одинъ былъ государемъ въ Меккѣ и похоренъ съ правой стороны Каабы, другой похороненъ въ Хивѣ, третій въ Керманѣ и четвертый въ Учьутлукѣ. Въ другомъ повѣствованіи говорится, чту у Баба-Токласа было только три сына, одного изъ нихъ имя Аббасъ, который похороненъ съ правой стороны Каабы, другой назывался Абдурахманъ ходжа, который тоже похороненъ въ Каабѣ; третьяго имя Тырме, онъ жилъ или обладалъ Волгою и Яикомъ. Сначала обыкновенно поклоняются гробу пророка, да будетъ съ нимъ благословеніе Божіе, потомъ гробу Алемъ Муртазы сеида, потомъ гробу святого чудотворца *Баба Токласа*».

«Узбекъ ханъ, сдѣлавшись правовѣрнымъ, посылалъ въ благородную Мекку витязя Урака, который привелъ съ собою этихъ трехъ святыхъ и потомъ народъ сдѣлался правовѣрнымъ».

«При Тохтамышъ ханѣ Идыге бій управлялъ улусами; потомъ сынъ Идыге бія—*Нуразинъ*». Подъ словомъ Idegou въ Bibliothèque Orientale p. 447 находимъ слѣдующее: Un autre Idegou fut un des principaux capitaines de Tamerlan et fit plusieurs mechant actions pour le servie de son maitre. Ebu-Arabschah l'appele un des sehiatin de Timour, c'est à dire, un de diables de Tamerlan. Il fut gouverneur de Kerman».

Вотъ все, что при ограниченности моихъ средствъ извѣстно мнѣ объ Идыге. Соображая народное казанское преданіе, сохраненное Хальфинымъ, и показанія Ибнъ-Арабшаха, почерпнутое мною не изъ самаго источника, съ этою степною рапсодіею, можно съ достовѣрностію заключить только то, что Идыге былъ происхожденія духовнаго, что онъ занималъ при Тохтамышѣ значительную должность, потому что самъ Тохтамышъ поручалъ ему и «крымскія споры и военныя дѣла», и потомъ же онъ называетъ его біемъ по преимуществу, говоря: «видано ли было, чтобы ханъ бѣжалъ, а бій его преслѣдовалъ»?

Пребываніе Идыге при дворѣ Тамерлана также весьма вѣроятно, съ Тимуромъ они были одного происхожденія и даже какіе нибудь дальніе родственники.

Отдѣльныя замѣтки [1]).

На первомъ листкѣ:

Самый замѣчательный историческій джиръ киргизскій, это— Идиге, тотъ самый Идиге, Эдеку и Идней, о которомъ говорится въ ярлыкѣ Тохтамыша, тотъ самый бекъ, mangab и темникъ, который разилъ Витовта при Ворсклѣ и управлялъ ордой безотчетно при четырехъ ханахъ. Уракъ, Иръ Кокче [2]), Иръ Косай [3])—изъ временъ перваго ногайскаго народа, но герои другихъ эпическихъ поэмъ, также джиры ихъ замѣчательны только по любопытному описанію племенныхъ волненій, ханскихъ битвъ, батырскихъ набѣговъ въ смутную послѣ тохтамышевскую эпоху ордынскую. Поэтическія произведенія киргизъ: эпосы, похвальныя оды, плачи [4])—такъ называется пѣсня по умершемъ мужѣ жены . . . . . даже пѣсни импровизаторовъ, имѣютъ риѳму и размѣръ и передаются изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, особымъ сословіемъ *пѣвцовъ ахуновъ*, какъ въ древней Греціи передавались пѣсни Гомера рапсодами; ахуны эти пользуются особымъ уваженіемъ народа и похвальными словами богатымъ султанамъ и біямъ наживаютъ себѣ извѣстность и богатство. Хотя въ настоящее время этихъ ахуновъ нынче въ степи и много, но они болѣе импровизаторы, и древніе джиры по непонятности своей для новаго поколѣнія, съ году на годъ выходятъ изъ употребленія,

---

[1]) *Ч. Валихановъ* съ особенною любовью занимался легендой объ Идиге: въ его черновыхъ бумагахъ сохранилось нѣсколько начальныхъ набросковъ, которые заслуживаютъ вниманія, а потому здѣсь приводятся. *Ред.*

[2]) Никоновская лѣтопись подъ 1423 годомъ, говоря о нападеніи царя Кундадата, упоминаетъ: „тогда же убили и Когчю, богатыря татарскаго, велика суща тѣломъ и силою“. *Ч. В.*

[3]) Въ Сборникѣ лѣтопис. на стр. 156 говорится, что во время битвы Кадиръ-берды хана съ Едигеемъ на Илекѣ, былъ убитъ и Эръ-Куше. *Ч. В.*

[4]) Въ правописаніи этихъ стиховъ я старался по возможности передать такъ, какъ говорятъ сами киргизы. *Ч. В.*

и самыхъ знатоковъ ихъ остается очень мало. Собрать ихъ также трудно: при всемъ стараніи я успѣлъ достать полный списокъ Козу-Курпеча, небольшой отрывокъ изъ Едиге и Урака, но впрочемъ надѣюсь въ скоромъ времени найти всѣ древніе джиры отъ одного знающаго ихъ ахуна, съ которымъ познакомился недавно.

Древнія . . . . . преданія и поэмы и особенно названія родовъ, изъ которыхъ составляется союзъ трехъ ордъ киргизскихъ, заставляютъ думать, что дѣйствительно казаки . . . . .

На второмъ листкѣ:

Эдыге происходилъ отъ Баба-Тукласъ (Чачты-Азизъ) въ 9-мъ колѣнѣ.

Преданіе Ногайцевъ о происхожденіи Баба-Тукласъ слѣдующее: нѣкто увидѣлъ на пути черепъ съ надписью на лбу: «я живой убилъ несмѣтное число людей, мертвый могу убить 40». Нашедшій человѣкъ сжегъ черепъ, пепелъ взялъ въ узелокъ, привезъ домой и отдалъ дочери на храненіе. Дочь изъ любопытства развернула тряпку и, увидѣвши бѣлый порошокъ, взяла на палецъ и попробовала вкусъ, отчего сдѣлалась беременною, родила сына, который и былъ Баба-Тукласъ.

Мальчикъ, будучи еще ученикомъ, обнаруживалъ необыкновенную проницательность ума. Однажды ханъ той страны видѣлъ сонъ: будто онъ сидѣлъ на мосту черезъ большую рѣку и изъ рѣки высунулись драконы, 20 съ одной стороны моста и 20 съ другой, которые хотѣли его пожрать. Ханъ созвалъ своихъ ученыхъ и требовалъ чтобъ они объяснили его сонъ. Ученые пришли въ тупикъ, тогда Баба-Тукласъ предложилъ имъ, что онъ бы разрѣшилъ сонъ ханскій. Ученые привели его къ хану. Баба-Тукласъ сталъ просить хана, чтобъ удалить ученыхъ, такъ какъ онъ смущается присутствіемъ своихъ учителей, и когда они вышли, онъ сказалъ хану, что драконы—его 40 ученыхъ, которые находятся въ связи съ его женой и ходятъ къ ней по очереди въ видѣ черныхъ старухъ. Ханъ велѣлъ наблюдать. Оказалось, что толкованіе Бабы-Тукласа справедливо. Ученыхъ убили и тѣмъ исполнились слова, написанныя на черепѣ, относительно 40 жертвъ.

Отъ этого и называются потомки Эдыге-бія *аксуяками*, бѣлою костью.

Однажды Баба-Тукласъ (святой мужъ) встрѣтилъ на берегу моря дѣвицу, которая, прилетѣвъ въ видѣ голубя, обратилась въ дѣвицу и, сидя на берегу, золотымъ гребнемъ расчесывала свои золотые волосы, но лишь только онъ приблизился къ дѣвицѣ на недалекое растояніе, она, увидѣвъ его, погрузилась въ воду, оставивъ на берегу голубиную шкуру наз. кебъ. Это была по мнѣнію однихъ дочь солнца (Кунъ-сулу), другіе считаютъ ее дочерью духа Албасты.

Оставшись на берегу, Баба-Тукласъ сказалъ: развѣ я не Баба-Тукласъ Чачты-азизъ, что не могу нырнуть за нею? сказалъ и вслѣдъ за дѣвицей бросился въ воду.

Шестьдесятъ бѣлыхъ отавовъ [1]) стоятъ подъ водою, въ одномъ изъ нихъ сидитъ дѣвушка, сказалъ-бы солнце—глаза есть, сказалъ-бы мѣсяцъ—есть ротъ . . . . . она была такой удивительной красоты. Баба-Тукласъ, взглянувъ на нее, бѣжалъ изумленный назадъ. Но дѣвушка, схвативъ за полу, удержала, говоря: куда же ты бѣжишь, джигитъ? [2]) «Я не могу говорить съ тобою, отвѣчалъ Баба-Тукласъ, если заговорю, то приму на себя большой грѣхъ, лучше пусти меня, я убѣгу отсюда».

Но дѣвушка сказала: «я искала подобныхъ тебѣ и нашла; если ты уйдешь отсюда, на мнѣ не женившись, то возмешь на себя еще больше грѣховъ».

На третьемъ листкѣ:

Идиге происходитъ отъ Баба-Тукласъ-аза въ 9-мъ колѣнѣ, отецъ его былъ Кутлу-кія (аза). Однажды этотъ святой мужъ встрѣтилъ дѣвицу, которая, прилетѣвъ въ видѣ голубя, погрузилась въ воду, оставивъ голубиную шкуру на берегу (это была по мнѣнію однихъ дочь солнца Кунъ-слу, другіе думаютъ, что это была дочь духа . . . . .). Кутлу-кія завладѣлъ кебаной. «Пусти»!—«Нѣтъ».—«Ты не съумѣешь владѣть мной». Уго-

---

[1]) Отавы—вообще юрты новобрачныхъ, названіе это сохраняется. Въ степи отавами называютъ юрты женатыхъ сыновей, относительно юрты отца. *Ч. В.*

[2]) Джигитъ—юноша. *Ч. В.*

воръ—не смотри мнѣ на голову, подъ мышку и на пятки. Далѣе, какъ въ киргизкой редакціи. Нашедши сына, Кутлу-кія направился въ улусъ къ Тохтамышу, у котораго онъ былъ приближеннымъ. У Тохтамыша была птица . . . . . Са-Темиръ ханъ просилъ у Тохтамыша яйцо этой птицы, чтобы (вывести) у себя птенца. Тохтамышъ не далъ; тогда Са-Темиръ обратился къ Кутлу-кію, который укралъ яйцо и послалъ Са-Темиру. Птица эта приносила три яйца, украденное было показано (гнилымъ). Тохтамышъ, узнавши объ этомъ, отсѣкъ голову Кутлу-кіѣ и хотѣлъ убить его сына Эдигу, но бій, которому Кутлу-кія поручилъ его воспитаніе, далъ своего сына на убійство. Эдиге пасъ барановъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Затѣмъ слѣдуетъ первое разбирательство Идыге по поводу утки, застрѣленной въ чужомъ озерѣ. Вслѣдствіе этого дѣла Тохтамышъ призвалъ мальчика, какъ годнаго на . . . . . дня. Находясь у хана, онъ рѣшилъ еще два дѣла, которыя самъ ханъ и всѣ біи не могли рѣшить. 1-е, споръ между двумя женщинами о ребенкѣ, два бія о (верблюженкѣ). О ребенкѣ тоже, что у киргизъ, о верблюженкѣ—бросить въ воду, куда воспослѣдовала и матка его. Ханша (говорятъ одни, вслѣдствіе отвергнутой любви) снова говоритъ хану, что онъ, юноша, человѣкъ опасный для хана и затемнитъ современемъ его величіе, ибо когда онъ входитъ, то ханъ невольно содрогается и вскакиваетъ со своего . . . . . (подушкой). Тогда Тохтамышъ созвалъ народъ и потребовалъ чтобы . . . . . ему народу этого юноши, такъ какъ онъ по своимъ доблестямъ долженъ быть не простого рода, а самъ между тѣмъ поставилъ нѣсколько человѣкъ своихъ . . . . . другой . . . . . все это провѣдалъ Идыге, чтобъ убить Идыге, напоя его пьянымъ. Никто не могъ . . . . .

а) Идыге [1]).

Въ древнія времена жилъ одинъ святой, называемый Баба-Умуръ. Будучи 15-ти лѣтъ, онъ началъ производить чудеса.

[1]) Извлеченіе изъ этой рукописи Г. Н. Потанинъ напечаталъ въ „Живой Старинѣ" (1891 г., вып. IV) подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записей Ч. Валиханова", стр. 156—163.

Въ это время ему приглянулась одна дѣвушка, дѣвушка приглянулась и стала беременна, сдѣлавшись беременною, родила сына, которому дали имя Баба-Токты-Чачты-Азизъ. Достигши 25-ти-лѣтняго возраста, Баба-Токты отправился въ міръ производить чудеса, и пришедъ къ текучему морю, увидѣлъ сидящую на берегу дѣвицу, золотымъ гребнемъ расчесывающую свои золотые волосы, но лишь только онъ приблизился къ дѣвицѣ на недалекое разстояніе, она, увидавъ его, нырнула и спряталась подъ водой. «Развѣ я не Баба-Токты-Чачты-Азизъ, сказалъ святой, что не могу нырнуть за нею»?—сказалъ и вслѣдъ за дѣвицей бросился въ воду. Шестьдесятъ бѣлыхъ отавовъ стоитъ подъ водою, въ одномъ изъ нихъ сидитъ дѣвушка, сказалъ бы солнце — глаза есть, сказалъ бы мѣсяцъ—есть ротъ... она была такой красоты удивительной.

Баба-Токты, взглянувъ на нее, бѣжалъ изумленный назадъ. Но дѣвушка, схвативъ его за полу, удержала, говоря: «Куда же ты бѣжишь, джигитъ»?—«Я не могу говорить съ тобою, отвѣчалъ Баба-Токты, если заговорю, то приму на себя сильный грѣхъ, лучше пусти меня, я убѣгу отъ сюда».

Но дѣвушка сказала: «я искала подобныхъ тебѣ и нашла; если ты уйдешь отъ сюда, на мнѣ не женившись, то возьмешь на себя еще больше грѣховъ». Баба Токты остановился, началъ думать думу: «если не возьму я этой дѣвушки, больше грѣха мнѣ будетъ, нежели какъ возьму, лучше взять»—и положилъ своимъ разсудкомъ жениться.

Обвѣнчавшись, дѣвушка говоритъ молодому: «теперь, когда ты сталъ моимъ мужемъ, а я твоею женою, прошу тебя исполнить только три моихъ завѣта: когда я буду скидать сапоги—не смотри мнѣ на ноги; когда буду скидать рубаху, не гляди подъ мышку и когда буду мыть мои волосы, не гляди на голову».

Однажды Баба-Токты видѣлъ, какъ она скидала сапоги и, взглянувъ на ноги, увидѣлъ, что ноги у нея съ копытами (козлиныя), въ другой разъ, когда скидала она рубаху, заглянулъ ей подъ мышку и сквозь тѣло увидѣлъ ея внутренности (легкія). Жена догадалась объ этомъ и поднялась къ небу, закричавъ: «о, мой любезный», и снова упала на землю. Но

черезъ нѣсколько времени послѣ того Баба-Токты, войдя въ комнату, увидѣлъ, что жена его, снявъ кожу, вымывъ волосы, расчесываетъ ихъ золотымъ гребнемъ, — онъ взглянулъ на темя и сквозь кожу увидѣлъ ея мозгъ.

Жена узнала это и, поднявшись къ небу, сказала своему мужу: «Эй, молодецъ, во чревѣ у меня шестимѣсячное дитя, оно улетитъ вмѣстѣ со мною, но на берегу Нила-рѣки, подъ стѣнами Кумъ-Кентъ города, я оставлю дитя наше, сама же должна летѣть дальше; иди ты самъ и найди его въ сказанномъ мною мѣстѣ».

И такъ женщина улетѣла. Баба-Токты-Чачты-Азизъ, отыскивая свое дитя, пошелъ къ берегамъ Нила-рѣки и при верховьи Нила-рѣки, подъ стѣнами Кумъ-Кента города, нашелъ ребенка, завернутаго въ шелковый платокъ. И такъ какъ ребенокъ этотъ безвременно рожденъ въ безлюдной пустынѣ, то и назвалъ его Идыге.

Привязавъ ребенка на спину, Баба-Токты принесъ его во владѣнія Тохтамыша хана, повелителя сильнаго народа. Ногайскаго поколѣнія былъ этотъ народъ.

До трехъ лѣтъ воспитывалъ при себѣ Идыге Баба-Токты-Чачты-Азизъ, отдавъ его учиться біямъ, самъ, исполня первую обязанность отца, улетѣлъ неизвѣстно куда.

Идыге учился до 8-ми лѣтъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, которыхъ было всѣхъ девяносто и однажды, зазвавъ всѣхъ дѣтей въ поле бороться, поборолъ ихъ всѣхъ и, собравъ ихъ одежды, сложивъ въ кучу, сѣлъ на верхъ этой кучи и сказалъ: «Вотъ я сѣлъ на тронъ Тохтамышъ хана». Случилось также въ одинъ день, когда Идыге гулялъ съ дѣтьми въ полѣ, увидѣли они двухъ пожилыхъ людей, къ нимъ идущихъ; Идыге сказалъ дѣтямъ, чтобы они первые не привѣтствовали идущихъ. «Если же пришедшіе будутъ первые привѣтствовать, то примите ихъ привѣтствіе и отдайте имъ селямъ. Если же они будутъ спрашивать, отъ чего мы не первые сказали имъ селямъ, то я за васъ дамъ отвѣтъ». Двое идущихъ приблизились, но дѣти не сказали имъ селяма. «Отъ чего вы насъ не привѣтствуете, дѣти», спросили пришедшіе, «развѣ не видите, что мы старѣе васъ лѣтами»? — «Кто изъ насъ старше, спросилъ Идыге,

вы-ли двое или насъ 90 дѣтей»?—«Разумѣется, мы старше, потому что вы всѣ дѣти»; отвѣчали пришедшіе.—«Нѣтъ, если я сложу вмѣстѣ всѣхъ 90 дѣтей, то выйдетъ, что мы несравненно старше васъ обоихъ и потому-то вы первые должны сдѣлать намъ привѣтствіе». Двое пришедшихъ растерялись въ словахъ послѣ этого отвѣта. Тогда одинъ изъ пришедшихъ началъ говорить другому: «каково будетъ разсказать этому ребенку нашъ споръ, пусть онъ насъ разсудитъ. Эй, дитя, мы идемъ къ Тохтамышъ-хану на судъ въ одномъ спорѣ, между нами происшедшемъ, окончишь-ли ты наше дѣло»?—Если Богъ вложитъ мнѣ въ уста мудрость, окончу,—отвѣчалъ Идыге.

«Вотъ это отецъ Алчина, Кокджалды (Синяя грива) стрѣлокъ, я же Кенеса — Кенъ-Джанбай. Эдыль и Джаикъ принадлежатъ мнѣ; даже заяцъ, который бѣгаетъ по землямъ этимъ—мой. На берегахъ Джаика, близъ бѣлаго озера увидѣлъ я лежащаго бѣлаго зайца и пошелъ домой за ружьемъ въ намѣреніи застрѣлить зайца. Но въ то время, какъ я ходилъ за ружьемъ, Кокджалды убилъ зайца и взялъ его себѣ. Разсуди ты теперь: кому долженъ принадлежать заяцъ»?

Идыге спросилъ тогда у Кокджалды: на какомъ разстояніи ты стрѣлялъ въ зайца? Кокжалды указалъ примѣрно разстояніе; Идыге сказалъ: «Если я вамъ обоимъ скажу рѣшеніе, будете-ли вы съ нимъ согласны»?—«Согласны», отвѣчали оба. Тогда Идыге одному изъ дѣтей далъ держать зайца и поставилъ его въ полѣ на такое разстояніе, съ котораго стрѣлялъ въ зайца Кокджалды и сказалъ Кенъ-Джанбаю: «Стрѣляй, попадешь въ ребенка,—давай кунъ, въ поле пустишь стрѣлу,—откажись отъ зайца; попадешь въ зайца,—онъ твой». «Недоволенъ я твоимъ рѣшеніемъ», сказалъ Кенъ-Джанбай и, осердясь пошелъ было къ Тохтамышъ-хану, но опять возвратился: «Заставь ребенка держать зайца, я буду стрѣлять», и нисколько не тронувъ ребенка, попалъ въ зайца какъ разъ въ то мѣсто, которое выдавалось на поле. «Заяцъ, тобою прежде видѣнный, принадлежитъ тебѣ», сказалъ Идыге. Но Кокджалды, стрѣлокъ, рѣшеніемъ сталъ недоволенъ и осердясь ушелъ. Кенъ-Джанбай и Кокджалды-стрѣлокъ пошли къ Тохтамышъ-хану и Кокджалды началъ говорить ему о спорѣ и рѣшеніи

мальчика, а Кенъ-Джанбай сказалъ . . . . дѣло было рѣшено; Тохтамышъ спрашиваетъ, какое рѣшеніе было, тогда Кенъ-Джанбай разсказалъ рѣшеніе мальчика. Тохтамышъ-ханъ, выслушавъ его, сказалъ: «это рѣшеніе справедливо, лучшаго и я не могу сказать».

Идыге, достигши 8-ми-лѣтняго возраста, совершенно вышелъ изъ науки и, надѣясь пріобрѣсти себѣ какое-нибудь состояніе, нанялся у одного человѣка пасти барановъ. Будучи въ полѣ, онъ увидѣлъ 4-хъ человѣкъ, ведущихъ въ серединѣ хромую скотину. Четыре человѣка, увидѣвъ Идыге, сказали между собою: «разскажемъ наше дѣло вотъ этому пастуху съ грязной задницей; пусть онъ разберетъ насъ». Четверо приблизившись сказали: «всѣ мы четверо братьевъ, у всѣхъ насъ единственное имущество, доставшееся намъ въ наслѣдство—вотъ эта хромая скотина. Голова скотины принадлежитъ старшему брату, каждому изъ насъ на долю осталось по одной ногѣ. Эта хромая скотина зашла на пашнѣ одного каура̀ (невѣрнаго) и теперь за четыре слѣда, проложенные ею на пашнѣ, требуютъ съ насъ 400 тилля. Отъ этого-то мы теперь споримъ, разсудишь-ли ты нашъ споръ»? сказали. Идыге отвѣчалъ: «если Богъ поможетъ мнѣ, то я рѣшу это дѣло».

«Хромая нога кому изъ васъ принадлежитъ»? спросилъ Идыге. «Мнѣ», отвѣчалъ самый младшій изъ братьевъ.—«Ну, такъ ты отъ платежа свободенъ. Старшій братъ, которому принадлежитъ голова хромой скотины, долженъ заплатить 200 тилля, потому что глаза видѣли, а голова вела все тѣло; двое среднихъ братьевъ должны заплатить каждый по сто тилля, владѣлецъ же хромой ноги ничего не долженъ платить, потому что здоровыя ноги увлекали больную и сдѣлали 4 слѣда на пашнѣ». Трое старшіе братья, будучи не довольны этимъ рѣшеніемъ, пошли къ Тохтамышъ-хану, но лишь только объявили, что они просятъ правосудія, какъ младшій сказалъ хану, что они получили рѣшеніе. Ханъ спросилъ, какъ ихъ рѣшили, и когда младшій разсказалъ, то Тохтамышъ сказалъ, что «лучшаго рѣшенія и я дать не въ состояніи». Съ тѣмъ и ушли четверо братьевъ.

Еще случилось, что два человѣка вели въ поводу четы-

рехъ-лѣтняго верблюда самца и, увидѣвъ въ полѣ Идыге, сказали другъ другу: «пусть разсудитъ насъ этотъ пастухъ съ грязно́й задницей». Приблизившись сказали: «Эй, пастухъ, споръ у насъ вотъ за этого вереблюда, разбери насъ и скажи рѣшеніе».—«Согласенъ», сказалъ Идыге. Тогда одинъ изъ спорящихъ сказалъ: «Верблюженкомъ одного года пропалъ у меня этотъ верблюдъ и теперь я узналъ его уже четырехлѣтнимъ, воръ, укравшій у меня верблюженка, вотъ этотъ человѣкъ». «Ну-ка ты теперь говори», обращаясь къ другому, сказалъ Идыге.—«Отъ собственной моей верблюдицы родился этотъ верблюдъ, моего же жеребца-верблюда онъ сынъ; споръ со стороны этого человѣка напраслина». Тогда Идыге сказалъ обоимъ спорящимся: «есть-ли у васъ верблюдица, мать этого верблюда»? и когда оба они сказали, что есть, онъ приказалъ привести обѣихъ матерей и, взявъ арканъ, обернулъ имъ заднія ноги атана (4-хъ лѣтній верблюдъ) и началъ завязанную веревку скручивать палкой; на крикъ мучимаго верблюда одна изъ верблюдицъ отвѣчала крикомъ, тогда Идыге сказалъ ея хозяину: возьми атана, онъ твой, и этотъ человѣкъ воръ дѣйствительно. Но воръ, недовольный рѣшеніемъ Идыге, пошелъ къ Тохтамышъ-хану, которому разсказали они рѣшеніе пастуха, и Тохтамышъ-ханъ сказалъ: лучше этого рѣшенія и я дать не могу.

Въ тоже время, какъ Идыге ходилъ за баранами, случилось, что шли двѣ женщины, двое мущинъ и одно дитя между ними, шли степью и спорили, но увидѣвъ Идыге, сказали: «каково будетъ, если разсудитъ насъ этотъ пастухъ съ грязной задницей»? «Пусть разсудитъ», сказали другіе и всѣ четверо вмѣстѣ приблизились къ Идыге: «Эй, пастухъ, вотъ мы между собою въ спорѣ и хотимъ судиться, не рѣшишь-ли ты нашего спора»? Идыге согласился. Тогда одинъ мужчина и женщина сказали, что это дитя еще въ колыбели потеряно ими и что теперь они признаютъ его за собственное; между тѣмъ другая женщина начала говорить: это мой собственный ребенокъ, десять мѣсяцевъ я носила его въ животѣ, десять мѣсяцевъ сгибался мой крестецъ отъ него, а слова этой женщины чистая напраслина. Тогда Идыге взялъ ребенка, далъ держать его за руку обѣимъ женщинамъ, изъ которыхъ каж-

дая называла себя матерью, и вынувъ мечъ поднялъ его надъ ребенкомъ говоря: «я раздѣлю вамъ пополамъ этого ребенка», намѣреваясь его разрубить; тогда первая женщина сказала: «дѣлайте что хотите», а другая сказала: «не убивайте ребенка, отдайте лучше ей, когда дитя выростетъ, оно найдетъ меня, настоящую свою мать». Тогда Идыге сказалъ: «возьми своего ребенка, онъ дѣйствительно твой»; но первая женщина сказала, что она недовольна этимъ рѣшеніемъ и пошла на судъ къ Тохтамышъ хану. Когда же всѣ четверо пришли къ хану и объявили какое имъ произнесено пастухомъ рѣшеніе, то ханъ сказалъ, что «рѣшеніе это настоящее рѣшеніе и я лучшаго дать вамъ не могу».

Тохтамышъ ханъ, наконецъ, сказалъ: «кто же это такой, рѣшившій такія замысловатыя дѣла уже четыре раза? позвать мнѣ его». Тотчасъ приближенные хана пошли и привели Идыге. «Ты-ли четыре раза рѣшившій въ степи дѣла»? спросилъ ханъ. «Я, нижайшій рабъ вашъ», отвѣчалъ Идыге. «Какъ тебя зовутъ»? «Идыге». Худую его одежду ханъ приказалъ съ него снять.

Джиръ: Надѣлъ на него широкое платье съ завязками на груди.

Чернаго соболя шубу подарилъ, чтобы носить ее поверхъ платья.

Далъ ему сѣраго иноходца, къ которому привязанъ былъ кожаный литавръ.

Бѣлаго кречета—птицу посадилъ на руку, у него путцы на цѣлую ладонь—чистаго золота.

Поѣзжай ты вокругъ неперелѣтимаго моря, вокругъ озера прохлаждайся.

Если изъ Крыму придутъ споры, рѣшай ихъ, Идыге.

Если изъ степи наѣдетъ непріятель, раздѣлывайся съ нимъ.

Онъ споры кончилъ, непріятелей побилъ; Тохтамышъ ханъ началъ жить спокойно, управляя только своимъ народомъ. Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ въ одинъ изъ дней жена Тохтамышъ хана сказала своему мужу: «Этого наемщика предназначеніе вашего предназначенія выше».—«Эй, глупая жен-

щина, откуда же это ты могла узнать, что предназначеніе моего наемщика моего выше»? сказалъ ханъ. «Когда по утру онъ входитъ въ кибитку, говоря «алланызъ джяръ булсунъ» (пусть Богъ будетъ вашимъ спасителемъ), вы сами не замѣчаете, какъ пугаясь его словъ, вздрагиваете; если вы мнѣ не вѣрите, то хотите ли, передъ тѣмъ какъ наемщику должно прійти въ кибитку, я большой иглой приколю полу вашего платья къ полу, тогда вы сами замѣтите, что съ вами дѣлается». Едва только приколола она большою иглою платье Тохтамышъ-хана къ полу, Идыге, входя въ дверь кибитки, «Алланызъ-джяръ булсунъ» сказалъ, то Тохтамышъ такъ вздрогнулъ, что большая игла переломилась на двое и куски ея полетѣли вверхъ. «Поняли-ли вы теперь, сказала ханьша. что его предназначеніе тяготитъ надъ вашимъ»? Чтобы уничтожить его предназначеніе, она, тотчасъ взявъ деревянную чашку, налила въ нее устоявшагося катыку [1]) и, помочившись въ катыкъ, все это смѣшала вмѣстѣ. Когда Идыге пришелъ опять въ кибитку и сѣлъ на правой сторонѣ, ханша поднесла ему ту чашку катыку и дала въ руки. Посмотрѣвъ пристально на катыкъ, Идыге, вынувъ ножъ и разрѣзавъ катыкъ на крестъ, средину смѣшалъ ножемъ во кругъ, потомъ, приподнявъ чашку, выпилъ. «Хорошъ-ли катыкъ»? спросила ханьша. «Еслибы посуда не такъ была стара, то былъ бы порядочный», отвѣчалъ Идыге и вышелъ изъ кибитки. Тохтамышъ сказалъ своей женѣ: «еслибы не старая посуда, то былъ бы порядочный» это значитъ, что еслибы не старой бабы моча, то былъ бы очень вкусенъ». Потомъ ханъ спросилъ, «что же значитъ, что онъ накрестъ разрѣзалъ ножемъ катыкъ»?—«Это значитъ, что онъ раздѣлилъ народъ твой на 4 части, сказала ханьша, середину катыка, смѣшавъ, потомъ выпилъ, значитъ, что народъ твой такимъ образомъ взбунтуетъ».—«Какъ бы его убить»? сказалъ ханъ. «Не убить его вамъ спроста; а лучше приготовить арабъ и сарабъ, выставить шестидесяти-головую [2]) кибитку на краю стойбища, со-

---

[1]) Катыкъ—квашеное коровье молоко. *Ч. В.*

[2]) Головами въ юртѣ или кибиткѣ называются верхніе свободные концы у керегъ (рѣшетка), къ которымъ привязываютъ ууки. *Ч. В.*

брать весь ногайскій большой народъ, а Идыге сдѣлать разносчикомъ напитковъ, народъ будетъ его подчевать [1]), «пей, батырь, пей, батырь», когда онъ одурѣетъ, тогда только его убить можно». Но разговоръ этотъ слышалъ 6-ти-лѣтній ребенокъ, по имени Ангусынъ, другъ Идыге. Выйдя изъ кибитки, онъ сказалъ Идыге: «смотри, на пиру не пей, когда будутъ тебя подчивать; возьми этотъ мѣхъ сшитый изъ козла и подвяжи его себѣ подъ платье, когда будутъ заставлять тебя пить, то вино выливай въ мѣхъ сшитый изъ козла, я же у всѣхъ гостей съ лѣвой стороны подрѣжу стремена, и когда это я успѣю сдѣлать, то тебѣ дамъ знать пѣснею».

Поставили бѣлую кибитку, наготовили арабъ и сарабъ, созвали весь большой ногайскій народъ; девять богатырей Тохтамышъ поставилъ у входа въ кибитку, 60 силачей посадилъ въ степи въ засадѣ; а между тѣмъ дитя Ангусынъ, другъ Идыге, подрѣзалъ у всѣхъ лошадей лѣвое стремя. Идыге сдѣлали подносчикомъ, но онъ подвязалъ козій мѣхъ подъ платье, и когда его начали гости подчевать, «пей, бàтырь»—приговаривали, онъ половину только пилъ, а другую скрытно выливалъ въ козій мѣхъ; уже всѣ поднесли ему по чашкѣ питія, и едва Идыге раскраснѣлся отъ выпитаго имъ, какъ Ангусынъ, другъ его, взлѣзши на верхъ кибитки запѣлъ. *Джиръ*:

Готовъ твой конь больше-копытный, бѣлый съ пятнами.
Готовъ бѣжать онъ ночь до исхода дня, но выдержитъ-ли онъ?
Надѣтой на тебѣ шубою покрытой камкою —
Едва-ли придется насмѣхаться
Тѣмъ изъ біевъ, которые сидятъ на почетномъ мѣстѣ въ кибиткѣ.
Ангусынъ я называюсь; не заставляй меня говорить долго.
Припомни послѣднее сказанное между нами условіе.

Припомнилъ Идыге условіе и, бросившись какъ стрѣла, одною только ногою коснулся порога, другая была уже въ стремени коня Тарланбоза [2]). Поставленные на караулъ у входа девять богатырей Тохтамышъ хана, одинъ другого поразили ножами. Выскочивъ изъ кибитки, Идыге палъ на коня Тар-

[1]) Т. е. народъ пусть будетъ его насильно подчевать. *П. М.*
[2]) Т. е. бѣлаго съ крапинками. *П. М.*

ланбоза, поднявъ съ земли на скаку лукъ со стрѣлами; только добрый конь разъ коснулся земли ляшкою, ускакалъ. Шестьдесятъ силачей Тохтамышъ хана настигли Идыге, но побоялись вступить съ нимъ въ бой. Такимъ образомъ Идыге ушелъ отъ Тохтамышъ хана. Остановился онъ въ степи между Ураломъ и Волгою съ намѣреніемъ узнать новости, что дѣлается у Тохтамышъ хана... между тѣмъ—

Джиръ: Ногайскій сильный народъ смѣшался, растерялся,
Растерявшись, не нашелъ разумнаго совѣта,
Тохтамышъ своихъ девять богатырей поставилъ у порога.
И по одиночкѣ звалъ ихъ, спрашивалъ ума разума.

* * *

Тохтамышъ говорилъ:

Джиръ: Въ дни благополучія если давалъ я старое платье, ты не сердился,
Еслибы ногою ударилъ тебя по шеѣ, ты бы не гнѣвался,
Сынъ Эссентая, Худай-Берды-батырь,
Взойдя, скажи намъ твой совѣтъ!

* * *

Едва только, наклонясь, взошелъ онъ въ кибитку
И, сложивъ подъ грудью руки, началъ слова,
Тохтамышъ ханъ смысла не понялъ и словъ не слыхалъ
И выгналъ вонъ изъ кибитки Худай-Берды-батыря.

* * *

Ножи у васъ съ боковъ парные,
Отавы ваши стоятъ вмѣстѣ,
Чей кочъ [1]) всѣхъ богаче, кто ханскихъ дѣтей превзошелъ изобиліемъ—
Происходящіе вмѣстѣ изъ рода Муйтанъ два,—какъ одинъ, Косъ-даулета,
Взойдите и начните говорить вмѣстѣ!

* * *

Едва оба они взошли въ бѣлую кибитку
И, сложивъ руки, остановились, и начали пѣть,
Обоихъ ихъ слова хану не понравились,

---

[1]) Кочъ—кочевка, рядъ телѣгъ-таратаекъ о двухъ колесахъ во время кочевки. *Ч. В.* Кочъ=кошъ. *Ред.*

Не понялъ онъ ихъ смыслу и не разслушалъ словъ.
«Выйдите оба вонъ»!—сказалъ имъ ханъ.

* * *

Объѣзжался во время кочевки кочъ твой, опоясывался ты на боку твоемъ острымъ мечемъ,

Едва ты увидишь вдали чернѣющагося непріятеля, какъ дождливый день заволокнешься тучами,

Какъ птица приготовляется къ полету,—Богомъ уважена твоя молитва,

Родоначальникъ всѣхъ Аргыновъ, Кара-Коджа, мой батырь, скажи мнѣ свое слово!

* * *

Едва онъ взошелъ въ кибитку, сложилъ руки и началъ пѣть,
Тохтамышъ ханъ словъ его не слышалъ,
Не понялъ смыслу его совѣтовъ
И выгналъ его вонъ изъ юрты.

* * *

Ты, въ потемкахъ находящій дорогу, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ—слово,

Плечи твои, какъ крышка большого казана,
Айдаръ твой, какъ токбакъ деревянный [1]),
Безъ своей доброй воли не слушавшій ничьихъ совѣтовъ и труднымъ путемъ неходившій,

Кара-кыпчакъ, мой Кобланды, взойди, скажи мнѣ твой совѣтъ!

* * *

Едва лишь взошелъ онъ въ кибитку и, сложа руки, началъ говорить,

Тохтамышъ ханъ словъ не слышалъ, смысла не понялъ
И приказалъ выйти ему вонъ.

* * *

Какъ старый заяцъ, бѣгущій врагу навстрѣчу,
Ты, показавшій дорогу въ темнотѣ безчисленному войску,
Каждый день ломающій по копью и тогда только успокаивавшій свое молодецкое сердце,

---

[1]) К а з а н ъ--котелъ, а й д а р ъ—коса, т о к б а к ъ—колотушка. *Ч. В.* Айдаръ въ данномъ случаѣ чубъ. *Ред.*

Когда сажалъ по человѣку на копье,

Не оставлявшій врага, не взявъ его въ плѣнъ, никогда не насыщавшійся кровью,

Милый въ народѣ и веселый въ войнѣ,

Акъ-Балтыра сынъ, Увакъ мой, и Мунжура сынъ, Чувакъ мой,

Взойдите оба и скажите свой совѣтъ!

* * *

Едва оба они взошли въ юрту и, сложа руки, оба начали пѣть,

Ихъ слова Тохтамышу не полюбились.

Не понялъ онъ смыслу, не разслышалъ словъ,

И обоихъ ихъ выгналъ вонъ.

* * *

Лукъ со стрѣлами везутъ у тебя сорокъ верблюдовъ,

Богатство твое неисчислимо, у тебя есть драгоцѣнныя ткани,

Ты, бывшій ласковымъ на пиру,

Ты, алтайская красная шапка, нужная моей головѣ,

Совѣта моего, широкаго живота моего желудокъ,

Эй, Дюль-дюль [1]) мой, Кенеса сынъ, Кенъ-Джанбай,

Войди въ кибитку, посовѣтуемся съ тобою.

* * *

Едва онъ вошелъ въ кибитку и, сложа руки, началъ пѣть,

Его слова Тохтамышу не понравились,

Смысла ихъ не понялъ, словъ не разслушалъ

И выгналъ его вонъ изъ кибитки.

* * *

Ногайскій сильный народъ закружился, разстерялся. Растерявшись, не могъ найти разумнаго совѣта.

Привели, наконецъ, старика тонконогаго, въ высокой шапкѣ, весь высохшій, по имени Супъ-Джирау. Тридцать зубовъ у него изо рта уже выпали, подвязали ему отвисшую челюсть шелковыми нитками и дорогія ткани подъ него подостлали. Тохтамышъ ханъ приказалъ его подвести ближе.

Джиръ: Тонконогій въ высокой шапкѣ, весь высохшій Супъ-Джирау,

---

[1]) Дюль-дюль—лошадь Алія, зятя пророка. *Ч. В.*

Наклонившись, вошелъ въ кибитку и, сложа руки, началъ пѣть,

Началъ онъ пѣть протяжнымъ голосомъ, протяжно поетъ, джиръ говоритъ.

Джиръ говоритъ, а безчисленные ногаи его окружили.

Понявшіе смыслъ его добрые люди, «это что за чудо» — сказали, сами плачутъ,

А глупые, не понявшіе, «что за вздоръ болтаетъ отъ старости этотъ»,

Проходя мимо, удивлялись.

* * *

Старъ я, старъ я, чего не видѣлъ я, доживши до такой старости,

Сначала былъ Бастыкъ-ханъ; его я, старикъ, видѣлъ,

Послѣ него былъ Кидей-ханъ, его я, старикъ, видѣлъ,

Послѣ того Ала-ханъ, его, старикъ, я видѣлъ,

Послѣ него Кара-ханъ, его, старикъ, я видѣлъ,

Послѣ него былъ безухій Назаръ-ханъ и этого я видѣлъ,

Храбраго Чингиза, натягивавшаго въ двѣнадцать ладоней стрѣлу, я видѣлъ,

Въ сорокъ саженей выстроившаго мунару [1]) султана Джанака я видѣлъ,

Прадѣда твоего, Домбаула, и того, старикъ, я видѣлъ.

Хоть молодъ ты, Тогумъ-ханъ [2]), и тебя, старикъ, я видѣлъ.

Достигши ста-восьмидесяти-пяти лѣтъ, съ душею, едва держащеюся въ тѣлѣ,

Когда у меня уже нѣтъ силы и власти, и тогда ты, Тохтамышъ, въ полной силѣ,

Я, пережившій столько хановъ: противу вчера ушедшаго высокоплечаго, отвислогубаго и блѣднолицаго джигита,

Такого мужа не видѣлъ я, старикъ.

Оглянусь-ли я на прошлое, будетъ-ли польза отъ гнѣва?

Испытаю-ли будущее, отъ угрозъ и брани выйдетъ-ли что-либо?

Этотъ одинъ—уйдетъ онъ, достигнетъ Сатемиръ-хана,

---

[1]) Мунара—башня. *Ч. В.*

[2]) Тогумъ—ласкательное имя Тохтамыша. *Ч. В.*

И если Сатемиръ-ханъ дастъ ему войско, и Богъ ему поможетъ,

То высокія вершины горъ онъ пройдетъ попирая стопами,

Въ сорокадневныхъ безводныхъ степяхъ онъ откроетъ свѣтлые источники,

Сядетъ онъ на свою караковую лошадь, стегнувъ ее плетью по закрытымъ кожею ляшкамъ,

Безъ сѣделъ будутъ при немъ двѣ заводныхъ гнѣдыхъ лошади.

Какъ снѣговая туча онъ обойдетъ тебя и сзади, и спереди

И вы, ногаи, сильный народъ, спокойный пѣшій народъ,

Поджарый, какъ голодный хорекъ, рысью голоднаго волка прибѣжитъ онъ

И съ края стойбищъ раздастся его могучій крикъ.

На Ишимѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго красивые обрывы, съ обѣихъ сторонъ сдѣлаетъ онъ водопой

И отъ истока Иртыша, называемаго Кара-дунъ, погонитъ васъ между двумя рѣками,

Золотомъ насѣченную твою бѣлую орду, изъ серебра выбитыя двери

Онъ подыметъ холоднымъ лезвіемъ булатнаго копья,

На почетномъ мѣстѣ кибитки постелитъ онъ постель свою,

И не жалѣя полногрудой твоей красавицы, покроетъ своею грудью,

Изрубитъ онъ твои кереги и отдастъ на топливо, изрѣзавъ твои верхніе войлоки, сдѣлаетъ себѣ потники,

И въ шестидесяти-стрѣльной твоей кибиткѣ безъ грабежа станетъ хозяиномъ,

Гнѣдые твои табуны калмыцкой породы соберетъ и возьметъ онъ,

Прекрасную Ханекею, знатную Тенекей, посадивъ сзади себя на лошадь,

Сотри съ лица ихъ алыя румяна, даромъ сдѣлаетъ своею добычею!

И тотъ бѣжавшій одинъ еще не ушелъ,

Черезъ Волгу еще не переправился.

Пошли своихъ девять богатырей, пусть уговорятъ его словами.

Воротится онъ назадъ—держи его при себѣ,

Держи его при себѣ и сруби ему голову.

Если же онъ благополучно уйдетъ и переправится черезъ Волгу,

То этотъ врагъ не останется безъ того, чтобъ тебя не взялъ.

* * *

Сказавъ это, опрокинувшись назадъ, старикъ умеръ.

Тогда ханъ Тохтамышъ обратился къ девяти богатырямъ, сказалъ:

Джиръ: Девять богатырей моихъ, девять богатырей,

Всѣ вы девятеро поѣзжайте, обманите, уманите и привезите Идыге,

Привезите! возьму я его къ себѣ въ приближенные,

А взявъ въ приближенные, срублю ему голову.

Девять богатырей (мужей) пошли со страхомъ, говоря: «одинъ Богъ»! утѣшая себя, что помощь отъ Бога. Прибывъ на берегъ Волги, увидѣли сидящаго Идыге, восклицающаго: «одинъ Богъ»! Ѣхавшіе девять богатырей, достигши до Идыге, приблизиться къ нему не посмѣли, они, боясь одного, не рѣшились съ нимъ заговорить. Идыге, одинъ не боясь девяти богатырей, сморщилъ брови. Четверо изъ нихъ другъ передъ другомъ хотѣли заговорить съ Идыге, но наконецъ сынъ Кепеса, Кенъ Джанбай, сказалъ:

Джиръ. «Эй, Идыге, ты однако (кажется) воротишься и переплывешь назадъ Волгу [1]).

«Въ высоко-верхой бѣлой ордѣ, склонясь [2]), отдай-ка ты свой салямъ.

«Изъ тонкогубой деревянной чашки ты опять будешь пить остатки хана.

«Онъ дастъ тебѣ чернаго соболя шубу, которой спина и плечи вышиты, а на груди завязки, надѣнь ты ее.

---

[1]) На полѣ рукою Валиханова поправлено: „Эй, Идыге, возвратись назадъ, перейди Волгу". *Ред.*

[2]) Орда—юрта хана или султана. *Ч. В.* Орда=ставка. *Ред.*

«Ты сядешь на сѣропѣгаго иноходца и, привязавъ къ сѣдлу кожаный дабылбазъ [1]),

«Вокругъ скакать огромнаго озера, съ бѣлымъ кречетомъ, имѣющимъ золотыя путцы, ты будешь наслаждаться охотою.

«Изъ перегоняющихъ [2]) самыхъ красивѣйшихъ лошадей аргамака онъ тебѣ дастъ, возьми себѣ на здоровье!

«Какъ шипья остры у нихъ уши, челки расчесаны, какъ косы дѣвицъ, въ бѣгу они кажутся длинными, но хорошо подъярованы.

«Тонкая какъ змѣя, дрожатъ (?) у нея ноздри [3]), какъ ковшъ ея губы, копыта какъ обгорѣлое мѣсто очага, срѣзанный камышъ ея уши, плоскокопытую въ бѣлыхъ пятнышкахъ лошадь тебѣ дастъ, садись только.

«Отдѣлитъ онъ тебѣ кобылъ, завѣдуй ими и пей кумызъ, сколько хочешь [4]).

«Тобою взятая дѣвица, дочь Ал-Умуръ-хана, прекрасная, какъ полная луна, изорвала свое тканье, соскучилась, и пожелтѣла, поѣзжай передъ вечернимъ холодомъ.

«Войди и посмотрите другъ на друга, поговорите, полюбуйтесь, посмѣйтесь, и лёжа подъ чіемъ, потихоньку перепѣваясь, что говоритъ она, узнай [5])!

«Тохтамышъ-ханъ, жалѣя тебя, на тебя сердится, смирись передъ его гнѣвомъ и изъ собственныхъ устъ проси прощенія.

«Иди, Идыгеу! (о Идыге), возвратись, оставь свой гнѣвъ.

* * *

«Не ворочусь я не ворочусь, не переплыву назадъ Волгу, не войду въ вашу высокоплечую бѣлую кибитку, склонившись, и не отдамъ саелямъ, послѣ того какъ мнѣ попало по загривку дубиною (когда бы даже по груди моей ударили чокбаромъ) дубовою, твердою, какъ булатъ.

«Не буду пить остатковъ Тохтамыша изъ тонкогубаго деревяннаго ковша, когда мои губы теперь на затылкѣ, не буду

---

[1]) Дабылбазъ—литавры. *Ч. В.*

[2]) Сбоку написано: изъ „плавно-бѣгающихъ". *Ред.*

[3]) Сбоку написано: „кежекъ на подобіе луки". *Ред.*

[4]) На поляхъ прибавлено: „управляй ими, ты самъ будешь царствовать съ нимъ пополамъ". *Ред.*

[5]) Сбоку написано: „соединившись подъ покровами, передавайте тайны другъ другу и узнай, что она думаетъ". *Ред.*

носить его дорогой шубы, такъ какъ у меня плечи покрыты сыпью.

«Не сяду я на сѣропѣгаго иноходца, не привяжу кожаннаго дабылбаза и не поѣду наслаждаться охотою вокругъ озера неперелетнаго, не возьму я бѣлаго кречата съ золотыми путцами, не поѣду вокругъ озера, потому что рука моя была несчастлива.

«Не хочу я на бѣговыхъ, быстро бѣгающихъ лошадяхъ раздѣлять славу и почести, потому что слава и почести отъ меня улетѣли.

«Уши, торчащія какъ шило, расчесанная, какъ косы дѣвушекъ, челка, кажущаяся длинная въ бѣгу и тонкая подъярованная какъ змѣя, въ ноздри ея проходитъ кулакъ и губы ея какъ ковшъ, клыки ея какъ чеснокъ (лукъ), копыта какъ сожженное очага мѣсто и какъ скошенный камышъ уши,—если такую лошадь онъ дастъ, не сяду, потому что несчастлива была задница.

«И если дадутъ мнѣ кобылъ, я ихъ не привяжу и не буду пить кумызу.

«Если самъ Богъ не дастъ мнѣ, я не буду просить у васъ половины власти царствованія, если Богъ аруаха [1]) не дастъ.

«Я взялъ дочь у Ал-Умуръ-ходжа хана, какъ бы она не соскучилась, не пожелтѣла до наступленія холодовъ, до того какъ потемнѣютъ пригоны барановъ.

«Не буду я пѣть съ нею вмѣстѣ, ни разговаривать, ни смѣяться, не обниму я ее подъ воротникомъ за голую шею [2]) и не лягу подъ чій перешептываться, я совершенно оглохъ съ нѣкотораго времени.

«Къ Тохтамышу я не пойду кланяться и прощеніе передъ нимъ не устрою, а стрѣла черезъ кереге. Какъ мущина, сѣвъ разъ на лошадь, однажды принявъ какое нибудь намѣреніе, я, сдѣлавшись бабою, не возвращусь.

«Потихоньку, потихоньку я поѣду трусцою на Сарыазбанѣ [3])

---

[1]) Т. е. помощи. *П. М.*

[2]) Сбоку рукою Валиханова противъ этого написано: „соединенныя подъ рукавами". *Ред.*

[3]) Азбанъ—лошадь меринъ. *Ч. В.*

и поведу мой кошъ; полечу—думаю, такъ крыльевъ нѣтъ, сяду—думаю, хвоста нѣтъ!

«Эй, одинъ я лучше возвращусь, бѣдный одинъ я, лучше возвращусь; нѣтъ: хоть одинъ я, не возвращусь!

«Я достигну до Сатемиръ хана и, если Сатемиръ ханъ дастъ мнѣ войско, Великій Богъ благословитъ мой путь и исполнитъ мои желанія, я перейду эти сорокъ горъ покрытыхъ точильнымъ камнемъ въ сорокъ прыжковъ. Сяду я на бураго коня, у котораго ляжки закрыты кожей и вытяну его плетью.

«Два луга полные гнѣдыми лошадьми развѣ не будутъ служить мнѣ помощью? я усмирю ихъ безъ сѣдла.

«Какъ небо покрытое изорванными мелкими тучами, когда оно похоже бываетъ на пеструю суку, я обложу васъ сзади и спереди.

«Какъ голодный хорекъ, какъ воинъ бѣгущій рысью, я нападу на многочисленный ногайскій народъ, спящій безпечно, ворвусь, издавая дикіе и рѣзкіе крики.

«Между красными берегами Ишима и Иртышемъ, котораго истокъ называется Кара-дунъ, по двумъ потокамъ я на двое погоню васъ; съ золотою насѣчкою твою бѣлую юрту, изъ серебра кованныя двери я отворю холоднымъ лезвіемъ на видъ страшнымъ булатнаго копья.

«На почетномъ мѣстѣ постелю я себѣ постель и любимую твою красавицу я покрою моею широкою грудью. Изрублю твои кереги и разведу ими огонь, изъ турлуковъ [1]) твоихъ я вырѣжу себѣ потники.

«Возьму твою 90-главую орду и, окруживъ твои гнѣдые табуны, захвачу ихъ. Прекрасную Ханекей и благородную Тенекею я посажу сзади себя на лошадь, даромъ сдѣлаю ихъ своею добычею.

«Всё, что я сказалъ, возьму въ добычу, отомщу за сдѣланную мнѣ обиду, исполню все обѣщанное мною и все сказанное сдѣлаю.

«Развѣ я даромъ утруждалъ благороднаго мужа? заболѣла у него спина и плечи покрылись ранами. На верховьяхъ рѣки

---

[1]) Турлукъ—кошма, которою покрываютъ кереге. *Ч. В.*

Иила, вблизи города Кумкента отецъ мой Баба-Чачты-Токты-Азизъ нашелъ меня и назвалъ меня Идиге; если это имя дано мнѣ ложно, не въ добрый часъ, то да будетъ оно проклято!

«Я есмь вотъ, я вамъ докажу, что я изъ числа тѣхъ мужей, которые поклялись не хвастать. Я погашу огни моихъ друзей и зажгу огонь моихъ враговъ [1]).

«Я сдѣлаю себѣ дубовый чокбаръ.

«Еще болѣе этого я скажу: съ натягивавшимъ двѣнадцатихвостную стрѣлу, давно умершимъ храбрѣйшимъ Чингизомъ я поспорю и сравняюсь. Я молодой соколъ, выросшій въ горномъ гнѣздѣ, я возвращаюсь въ мои родныя горы; я куланъ, выросшій безъ цѣпей, тарлаусысъ [2]) я пасусь и отдыхаю; я горче полыни.

«Мой бѣгъ быстрѣе бѣга молодого верблюда, въ ноздри котораго не пройдетъ конскій волосъ. Я бѣшенъ, какъ молодой верблюдъ и меня не остановить перетянутой веревкой.

«Съ тѣмъ, который слишкомъ на себя полагается, я буду браниться до смерти. Вода да вода все будетъ вода. Твои пустыя слова, твои пустыя рѣчи мнѣ вовсе не нужны [3]).

«Выше сосны я выросъ, высокая осина; ударитъ ли ураганъ въ мою вершину, не содрогнусь; я смолистый черный сукъ сосновый, руби топоромъ его, не перерубишь. Я раздвоенная дубовая вѣтвь, которая хотя и гнется, но никогда не сломится. Я сосновая длинная вѣтвь, которая хотя и согнется, но выправляется [4]).

«Бѣшеную буланную лошадь не разъ преслѣдуя, я повергалъ на земь; не одинъ шитый золотомъ воротникъ я раздиралъ въ

---

[1]) Противъ этого Валихановымъ написано: „Тѣмъ батырямъ, которые не за меня, не дамъ спать; на бѣлыхъ лошадей непремѣнно пришедшихъ при ихъ положеніи, не дамъ имъ ѣсть. Не возьму провожатыхъ — не узнавъ прежде кто ихъ отцы. Батырей, которые противъ меня—сяду на грудь ихъ“. *Ред.*

[2]) Тарлаусысъ (sic)—путы, цѣпи. *Ч. В.*

[3]) Противъ этого Валихановымъ сбоку написано: „Тѣ, которые теперь за меня—до смерти не буду ругать. Твои дерзкія слова къ чему мнѣ, твои хвастливыя слова къ чему мнѣ? слова, которыми ты меня заманиваешь, къ чему мнѣ“? *Ред.*

[4]) Сбоку Валихановымъ написано: „Я вѣтка, выросшая на соснѣ и пригнувшаяся къ ней, если столкнусь съ нею, то выпрямлюсь снова“. *Ред.*

схваткѣ. Во многихъ мѣстахъ не разъ я надѣвалъ мою бѣлую купе [1]) съ девяноста завязками. И колчанъ мой полный стрѣлъ я шутя часто опоражнивалъ.

«Я тяжелѣе верблюда мерина, лошадью меня не стянешь съ мѣста.

«Вы постойте, девять богатырей, я вамъ разскажу про свой родъ и происхожденіе. Разскажу и потомъ уѣду. Моего дѣда Баба Умура я еще ребенкомъ видѣлъ и не разъ носилъ я на плечахъ Баба-Токты-Чачты-Азиза.

«Что жъ вы стоите, девять богатырей, васъ девятеро, а я одинъ, но хоть васъ девятеро—приближьтесь, свиньи!

«Довольно ли длинны ваши плети; не будутъ ли окровавлены ваши воротники, чтожъ вы не нападаете на меня, когда я отдыхаю.

«Эй! ты, сынъ Кеноеса, Джанбай, въ поле выгнанный изъ совѣта, г....о Джанбай. Не раскрывай глазъ, я выколю тебѣ, не говори ни слова, языкъ отрѣжу.

«Твой отецъ подлецъ [2]), онъ былъ рабъ купленный за нѣсколько барановъ, и мать твоя подлая [3]), она была рабыней, подающей пищу. Я поѣду потихоньку и полегоньку на Сарыазбанѣ, не разобью моего коша [4]). Богъ благословилъ путь мнѣ одному, буду ли я бояться смерти, имѣя бѣдную душу величиною съ муху»?

Вотъ!.. Онъ поѣхалъ и отправился, а девять не посмѣли его преслѣдовать, остались! Въ разныхъ мѣстахъ Идиге набралъ себѣ семнадцать человѣкъ, самъ восемнадцатый.

Но товарищи его не могли выдержать ѣзды Идыге и голодали отъ его воздержанія. Идыге понялъ это и сказалъ: «эй, семнадцать друзей, я восемнадцатый! плечи мои устали отъ ѣзды, пересохло горло отъ жажды, подтянулось брюхо отъ голода; если у насъ истощатся съѣстные припасы, я достану, дамъ я вамъ платье, если это износится, и заплачу за лоша-

---

[1]) Купе—шуба. *Ч. В.*

[2]) Сбоку написано: „простой“. *Ред.*

[3]) Сбоку: „простая“. *Ред.*

[4]) Сбоку написано Валихановымъ: „повезу кошъ — небольшая юрта“. *Ред.*

дей, если эти издохнуть, если же кто изъ васъ умретъ, что мнѣ дѣлать? Зарѣжемъ мы тогда худыхъ лошадей, изъ Кизылъ-гаки [1]) отъ дождя мы сдѣлаемъ сырбетъ и напьемся; если кто изъ васъ умретъ, товарищи, мы прочтемъ молитву, зажжемъ огонь изъ баялыша [2]) и, омывъ тѣло, похоронимъ. Не говорите въ половину, говорите сразу, а пока я живъ, вы не умрете».

Однажды Идыге увидѣлъ сонъ и, испугавшись, проснулся: «Эй, семнадцать товарищей, суюнчи—радость [3]), вставайте одѣвайтесь, опоясывайте сабли, умойте лица и руки: я сегодня сонъ видѣлъ. Да будетъ этотъ сонъ хорошимъ предзнаменованіемъ, и да обратится все худое на худого толкователя; объясните мнѣ этотъ сонъ, товарищи [4])! Видѣлъ я во снѣ сначала, что садился я на бѣлую лошадь съ позлащенною гривою, потомъ, сдѣлавшись бѣлымъ кречетомъ, я взлетѣлъ на небо и разговаривалъ съ летающими тамъ персте [5]), оттуда спустясь, я погнался за сѣрымъ гусемъ и, схвативъ его, унесъ на Торъ-горы и началъ клевать его грудь. Что этотъ сонъ значитъ о, семнадцать друзей» [6])?

17 друзей долго думали, толковали другъ другу; но не нашли никакой разгадки, наконецъ, одинъ изъ нихъ, весьма старый бѣднякъ, поумнѣе другихъ, нашелъ разгадку: «Ѣздилъ ты на бѣлой лошади, значитъ достигнешь своихъ желаній, былъ ты кречетомъ и леталъ въ небѣ, разговаривая съ ангелами, и оттуда спустясь, поймалъ ты сѣраго гуся, котораго клевалъ грудь на вершинахъ Торъ-горы, значитъ, что ты разоришь и истребишь выжившаго тебя изъ народа Тохтамышъ-хана» [7]).

---

[1]) Сбоку написано: „Кизылъ-гакъ — вода, оставшаяся въ низкихъ мѣстахъ на солончаковомъ грунтѣ“. *Ред.*

[2]) Баялышъ—растеніе. *Ч. В.*

[3]) Суюнчи—радостная вѣсть. *Ч. В.*

[4]) Сбоку написано: „Если это хорошій сонъ, то перетолкуйте мнѣ, въ хорошую сторону. Если этотъ сонъ нехорошій, то вы отчего всѣ караулите другъ друга“? *Ред.*

[5]) Персте (ферипте)—ангелы. *Ч. В.*

[6]) Сбоку: „И къ персте (ангелъ) полетѣлъ до гусей, находящихся надъ головой и, подъ небомъ схвативъ, сѣлъ на Торъ-тау (гора) и наѣлся мясомъ груднымъ“. *Ред.*

[7]) Сбоку: „Значитъ они тебя поддерживаютъ подъ мышки, и ежели.

Вотъ!.. разгадавши сонъ, они поѣхали далѣе. Въ одинъ день они увидѣли вдали два шатра, бѣлый и синій. Идыге, тотчасъ оборотившись въ желтого борзаго кобеля, пошелъ въ шатеръ и все видѣлъ [1]). Дочь Сатемиръ-хана, къ которому онъ ѣхалъ, находилась въ этомъ шатрѣ, будучи похищена сыномъ Деу-Кабантинъ-Алпъ [2]). Гналъ онъ также насильно отнятыхъ сорокъ кобылъ, съ нимъ же было сорокъ кошчей [3]). Все это разсмотрѣвъ, Идыге возвратился къ своимъ товарищамъ. «Эй 17 товарищей! Въ этомъ шатрѣ находится дочь Сатемиръ-хана, къ которому я ѣду; ее похитилъ Алпъ. Теперь я пойду къ нему въ кошчи, вы же оставайтесь и слѣдуйте за нами; тамъ, гдѣ мы будемъ ночевать сегодня, ночуйте и вы; мы будемъ полдничать, полдничайте и вы, я вамъ буду оставлять съѣстные припасы, спрятанные въ землѣ». Самъ же, возвратясь къ Алпу, сдѣлался у него кошчи; онъ его полюбилъ болѣе всѣхъ сорока кошчей [4]). Для всѣхъ сорока человѣкъ одинъ Идыге натаскивалъ изъ колодцевъ воду и заставилъ ихъ разбивать шатеръ отдѣльно отъ Алпа. Самъ же украдкою каждый день рѣзалъ по кобылѣ и оставлялъ ее подъ небольшимъ камышемъ, для товарищей, которые оставленное находили и тѣмъ питались, сами же шли по мѣстамъ Алпа, кочуя и полдничая на его мѣстахъ.

Однажды Идыге спросилъ у дѣвушки похищенной Алпомъ, чья она дочь? Дѣвушка отвѣчала: «Я дочь Сатемиръ-хана, этотъ Алпъ похитилъ меня насильно». «Если я убью этого Алпа и благополучно доставлю тебя къ твоему народу, твой отецъ будетъ ли доволенъ мною»? «А! сказала дѣвушка, если меня благополучно доставишь народу, то отецъ мой послѣ себя тебя сдѣлаетъ ханомъ». «Хорошо, ты скажи мнѣ, когда Алпъ будетъ

вы полетѣли выше, то помогаетъ тебѣ Хизыръ—странствующій пророкъ. Если ты схватилъ гуся и сѣлъ на Торъ-тау и клевалъ грудь его—то". *Ред.*

[1]) Сбоку: „Идыге, отдавъ свою лошадь 17 друзьямъ, вымаралъ себѣ лицо грязью солончака, принялъ видъ плѣшиваго раба и пошелъ". *Ред.*

[2]) Деу—богатыри, великанскія горы; алыпъ—тоже великанъ кошши—вожаки, спутники. *Ч. В.*

[3]) Косши—рабы, служители, прислуга. *Ч. В.* Кошши=кошчи. *Ред.*

[4]) Сбоку написано: „заставилъ Алпъ 40 человѣкъ изъ колодца воду таскать". *Ред.*

спать». «Я тебѣ дамъ знать это посредствомъ баурсаковъ». Въ одинъ день она дала Идыге семь съ половиною баурсаковъ; онъ догадался, что черезъ семь дней въ осьмой день въ половинѣ Алпъ долженъ заснуть. По прошествіи семи дней въ осьмой день Идыге отдалъ дѣвушкѣ половину баурсака, сказалъ ей: «теперь я пойду къ моимъ товарищамъ и возвращусь съ одною стрѣлою на тетивѣ, съ другою стрѣлою въ зубахъ; ты постарайся открыть Алпу грудь, въ это время я выстрѣлю». Когда же она вынесла ему лукъ и стрѣлы Алповы, Идыге натянулъ лукъ и сказалъ [1]): «напрасно же я его боялся: у него столько же силы сколько и у меня, не болѣе», и пошелъ къ товарищамъ, а 40 кошшей онъ послалъ за водою; 17 его товарищей прибыли, они очень пожирпѣли отъ мяса, которое Идыге оставлялъ имъ по дорогѣ. «Молитесь Богу, товарищи—сказалъ онъ имъ—нынче будетъ веселье». Потомъ, взявъ одну стрѣлу въ зубы и другую положивъ на тетиву, онъ приблизился къ шатру Алпа и сказалъ дѣвушкѣ, чтобы она открыла ему грудь, потомъ, натянувъ стрѣлу съ вороньими перьями, съ наконечникомъ подобнымъ бараньей лопаткѣ, до самаго желѣзка, Идыге пустилъ ее и перебилъ Алпа пополамъ такъ, что нижняя его половина осталась на мѣстѣ. Несмотря на это, Алпъ одною рукою успѣлъ еще схватить за хвостъ коня Тарланбоза, но обезсилѣвъ, упалъ. «Гадатели земли моей мнѣ говорили, гадая, что я погибну отъ витязя подобнаго мнѣ рожденнаго отъ Перп по имени Идыге [2]), вѣрно (это) ты трусъ [3])—Идыге», сказалъ онъ и выпустилъ душу.

Тогда Идыге собралъ 40 кошшей и сказалъ имъ: «что вы до сихъ поръ дѣлаете, идите, васъ зоветъ Алпъ онъ въ бѣшенствѣ сказалъ, что васъ всѣхъ перерубитъ». Кошши, испугавшись, заплакали.

«Гдѣ ты, подпора слабаго; посохъ пѣшаго Идыге, гдѣ ты, гдѣ ты? гдѣ ты голодному пища, пѣшему лошадь; пріидешь ли ты спасти насъ»? заплакавъ, говорили.

---

[1]) Сбоку: „Выходя изъ юрты, онъ замѣтилъ лукъ Алпа и началъ его пробовать“. *Ред.*

[2]) Сбоку: „что родившійся отъ дочери Перп именемъ Идыге будетъ моя смерть“. *Ред.*

[3]) Сбоку: „потому что во время сна убилъ“. *Ред.*

«Если бы Идыге пришелъ теперь къ вамъ, убивши Алпа, чтобы вы ему дали»? «Мы наградили бы его нашею молитвою». «Ну, такъ храбрый Идыге—я, я пришелъ къ вамъ, убивши Алпа». «Витязь! каждый изъ насъ единственный сынъ въ семействѣ, мы тебѣ дадимъ напутственную молитву; возвратясь благополучно, да возрадуемъ нашихъ матерей». «Въ такомъ случаѣ, поѣзжайте, скажите отъ меня молитвы и поклонъ Сатемиръ-хану, скажите, что Идыге убилъ Алпа и, взявъ дочь Сатемиръ-хана, возвращается къ нему здравъ и невредимъ». Всѣ кошши произнесли молитву: «да будетъ ему счастіе въ походахъ, да сопутствуетъ ему Хыдыръ», отправились обратно. Молитва этихъ 40 мужей была въ пользу Идыге, онъ самъ сдѣлался мужемъ храбрымъ. Сорокъ мужей, возвратясь домой, сказали Сатемиръ-хану: «Идыге храбрый проявился, онъ убилъ Алпа и взялъ твою дочь, возвращается теперь къ тебѣ съ нею».

Сатемиръ-ханъ тотчасъ послалъ безчисленное множество отрядовъ, съ тѣмъ, чтобы въ тотъ же день доставили къ нему Идыге.

Безчисленные отряды, ѣхавшіе полторы сутки, не встрѣтивъ ни одного верховаго человѣка, сказали: «пославшій ли насъ въ поискъ ханъ безуменъ, или мы погонщики безумны» и съ тѣмъ возвратились. Идыге узнавъ объ ихъ отбытіи, разгнѣвавшись, сказалъ: «когда нибудь я васъ всѣхъ не уничтожу ли?»—сказалъ.

Самъ же, достигнувъ кочевья (фланга) Сатемиръ-хана, послалъ къ хану людей съ извѣстіемъ и разбилъ не въ далекѣ отъ него кибитку (орду), зарѣзалъ бѣлопятную во лбу кобылу, выкопалъ четырехъ-мѣстный очагъ; созвалъ кого нѣтъ и кто есть изъ Сатемирова безчисленнаго отряда и устроилъ большой пиръ; арабаномъ и сарабаномъ напоилъ народъ. И облекаясь въ святое супружество, легъ съ дѣвушкою спать; но дѣвушка сказала: «прежде этого со мною Алпъ уже наслаждался, я помню, что въ тотъ день эта кобыла играла тоже съ этимъ жеребцомъ, если она не беременна, то и я тоже». Кобылу выдоили, посмотрѣли молоко и оказалось, что она не беременна, а холостая; «я тоже не беременна» сказала дѣвушка [1]). Дѣвушка,

[1]) Сбоку написано: „то значитъ моя переселитъ: послѣ меня родится ребенокъ—сказалъ Идыге—и оставилъ“. *Ред.*

ставъ беременною и достигши своихъ мѣсяцевъ, родила сына. Она завернула его въ черный старый соболь, но потомъ у нихъ это унесено—завернула въ молодого [1]). Изъ золота сдѣлала ему колыбель (чумекъ) и изъ серебра сдѣлала (тюбекъ—пологъ) [2]). Такъ какъ онъ родился около хана, то Ханъ-Нуралинъ дали ему имя. Ханъ-Нуралинъ, Сатемировы безчисленныя войска собравъ, зарѣзалъ кобылу, накормилъ всякаго, напоилъ арабомъ и сарабомъ, сдѣлалъ большой пиръ.

Нуралинъ, будучи уже 12-ти лѣтъ, игралъ въ бабки; однажды, охотясь за жаворонками, у стараго бѣдняги, пробивающагося со дня на день, выигралъ *битку*. Старикъ сказалъ ему: «эй, бѣглецъ, вмѣсто того, чтобы выигрывать мою битку, не лучше ли бы было отмстить тебѣ хану Тохтамышу, который изгналъ тебя изъ твоего народа» [3]). Нуралинъ, разсердившись, пришелъ домой: «о, отецъ мой!—сказалъ—у тебя не осталось ли въ какой нибудь старой обиды»?

Идыге долго не могъ вспомнить. Но потомъ, вспомнивъ старую клятву, просилъ у Сатемира войска и:

«Черезъ сорокъ черныхъ горъ пошелъ широкими шагами, въ сорокадневной безводной степи въ одинъ мѣсяцъ открылъ колодцы. Покрытый кожею задъ бурой лошади онъ ударилъ плетью и два луга полные гнѣдыхъ лошадей взялъ въ заводные [4]), спереди заставлялъ идти дождю и, изрѣдка только испивая воду изъ блестящихъ озеръ, ѣдетъ и спрашиваетъ своихъ товарищей: «что это значитъ, нѣтъ ни зимнихъ загородокъ, нѣтъ никакихъ признаковъ кочевавшаго народа, что за рабы такіе? Около всѣхъ окрестныхъ озеръ не заготовлено на зиму кабурги; несчастныя эти озера» [5])!—(миражъ).

---

[1]) Это мѣсто П. М. Меліоранскій переводитъ такъ: „Она завернула его въ черный соболій мѣхъ; говоря: „черный соболь—богатырскій“, она завернула дитя въ черный соболій мѣхъ“. *Ред.*

[2]) Чумекъ—трубка для стока мочи и кала; тюбекъ—ночной дѣтскій горшокъ. *П. М.*

[3]) Сбоку написано: „Одинъ разъ онъ случайно попалъ въ ногу одного бѣднаго старика.—У тебя хватаетъ только силы ломать мою ногу“. *Ред.*

[4]) Сбоку: „двѣ парныя гнѣдыя лошади его (?) взялъ“. *Ред.*

[5]) Сбоку: „чтобы барановъ, которыхъ пригоняли для ..... (*не разобрано*), нѣту джакена (трава), какія это озера!—Нѣтъ камышу, это безкамышныя—обманчивыя озера“. *Ред.*

Одинъ отрядъ, слѣдуя за Идыге и не могши выдержать его ѣзды, приставъ, отправился назадъ. Другой санъ (отрядъ) увидѣлъ въ сторонѣ воду и, думая утолить свою жажду, совершенно истребился. Остальные два сапа, сдѣлавшись не болѣе сложенныхъ пальцевъ одной руки, погибли въ походѣ. Отецъ съ сыномъ отправились далѣе [1]). Идиге и Нуралинъ [2]) подошли къ черной горѣ и Идиге сказалъ Нуралину: «Это—сторожевая гора Тохтамыша, самъ онъ въ полуторыхъ дняхъ пути; на вершинѣ этой горы сидитъ Тохтамышева черная старуха съ вороньими ногами; поднимись на гору»! Нуралинъ поднялся, старуха увидѣла его, но не могла разобрать: человѣкъ это или орелъ, и съ этой неопредѣленной вѣстью отправила гонца къ своему народу, совѣтуя быть на сторожѣ. По совѣту Нуралина Идиге и сынъ его взяли за два конца черный плащъ и, размахивая имъ, перешли черезъ гору. Старуха окончательно увѣрилась, что это былъ орелъ и послала гонца съ успокоительною вѣстью, такъ что отецъ съ сыномъ неожиданно появились «на краю народа» [3]). Народъ всполошился, а Тохтамышъ велѣлъ ему зарѣзать барановъ и выйти на встрѣчу Идиге и Нуралину, скрестивъ руки (т. е. подчиниться); самъ-же рѣшилъ разстаться со своимъ народомъ и бѣжать. Слѣдуетъ его прощальная пѣсня, въ которой онъ вспоминаетъ, что Идиге былъ однимъ изъ его мужей (т. е. героевъ), ѣздилъ на мухортой лошади съ бѣлой мордой, отличался почтительностью къ старшимъ и деликатно останавливалъ младшихъ, не спуская имъ; что у нихъ старинная вражда съ Идиге и что теперь исполняется слово (пророчество) Сыпра-Джирау. Затѣмъ Тохтамышъ велѣлъ привести своего гнѣдка, къ гривѣ котораго была привязана колотушка [4]), подать себѣ свой девятиглазый (т. е. съ девятью бляхами) панцырь и сосновое копье и, окончательно изготовившись и сѣвъ на лошадь, опять запѣлъ, прощаясь со своимъ царствомъ и народомъ, которому придается цѣлый рядъ эпитетовъ (богатый молокомъ и кумысомъ, породнившійся

[1]) Отсюда содержаніе утраченныхъ двухъ листовъ, 10-го и 11-го, возстановлено П. М. Меліоранскимъ по киргизскому оригиналу. *Ред.*

[2]) Въ текстѣ пишется Нуралинъ и Нуръ-Эддинъ. *Ред.*

[3]) Т. е. на границѣ его становища. *П. М.*

[4]) Это дѣлается для усмиренія очень горячихъ жеребцовъ. *П. М.*

съ моимъ отцомъ и матерью, относившійся ко мнѣ почтительно, ѣздившій на бѣлыхъ коняхъ и т. д. и т. д.; есть неясности и въ текстѣ повидимому необходимы перестановки, что видно и изъ размѣтокъ и вопросительныхъ знаковъ). Самъ Тохтамышъ выражаетъ въ этой пѣснѣ желаніе ѣхать въ Тилькюль, а если тамъ будетъ грозить опасность, то въ Кюкюльскій кюль, выражаетъ надежду найти себѣ помощь и вернуться черезъ тринадцать лѣтъ. Тохтамышъ отправился, по дорогѣ напился кумысу у одной старухи; ѣдучи дальше, запыхался и снялъ свой девятиглазый панцырь; пріѣхалъ въ Тилькюль, но и тамъ на него напалъ страхъ и онъ поѣхалъ въ Кюкюльскій кюль.

Между тѣмъ Идиге взялъ одну изъ дочерей Тохтамыша самъ, а другую предназначилъ въ жены своему сыну Нуръ-Эддину, котораго напередъ послалъ преслѣдовать и убить Тохтамыша, поручивъ дѣвушку ему, Идиге. Нуръ-Эддинъ заѣхалъ сначала къ той же старухѣ, у которой пилъ кумысъ Тохтамышъ, потомъ нашелъ и надѣлъ снятый Тохтамышемъ панцырь, и поѣхалъ дальше.

У Тохтамыша, находившагося въ Кюкюлькюлѣ, сердце дрогнуло, копье закачалось, въ озерѣ вода всколыхнулась, птица-чибисъ закричала, а Тохтамышъ, испугавшись, плача и жалуясь, запѣлъ: «Не стой спокойно на пастбищѣ, гнѣдко! когда я проѣду на тебѣ безъ отдыха день и ночь,—настоишься; напрасно не колотись, удрученное сердце! когда мы сшибемся одинъ на одинъ съ Идиге, я успокоюсь [1]); не шатайся, мое бѣлое копье! при кровавой встрѣчѣ ты сломаешься. Напрасно растешь, ты, Кокурай, трава зеленая, напрасно шумишь ты колыхаемый вѣтромъ; если послѣ этой встрѣчи я живъ останусь, я приду сюда съ великимъ ногайскимъ народомъ, и богачи мои, разъ прикочевавши, примнутъ тебя къ землѣ своими стадами и табунами. Не волнуйся, глупое озеро! если разъ только мы напоимъ въ тебѣ табуны наши, то ты сдѣлаешься грязнымъ болотомъ. Не кричи ты, чибисъ-птица, уйми свой голосъ бѣдная птица, сложи свои крылья, пусти вольно шею! у меня вѣдь нѣтъ табуновъ, пасущихся на берегу, нѣтъ сына,

---

[1]) Здѣсь оканчивается пересказъ П. М. Меліоранскаго.

который бы могъ взять изъ гнѣзда твои яйца въ свои полы. Я разлучился съ своимъ народомъ, если и ты принуждена бы была оставить это озеро, то будешь несчастна такъ же, какъ и я. Если послѣ этой встрѣчи жизнь во мнѣ останется, то я прійду сюда съ моимъ народомъ, заставлю моихъ прислужниковъ спустить на тебя чернаго сокола, тогда испугавшись, надѣюсь, ты уймешься».

Нуралинъ прискакалъ къ тому мѣсту, надъ которымъ вился, кружился чибисъ.

Ханъ поднялся съ земли, и отдавши салямъ другъ другу, Нуръ-Эддинъ сказалъ своему тестю: «стрѣляй ты прежде»! «Нѣтъ, ты стрѣляй прежде», отвѣчалъ ханъ. Наконецъ, послѣ переговоровъ ханъ выстрѣлилъ три раза, но стрѣлы не могли пробить девятиколечную потерянную кольчугу, которую Нуръ-Эддинъ надѣлъ. «Я погибаю отъ моего же оружія», сказалъ ханъ и склонилъ голову. Нуръ-Эддинъ отрубилъ ему голову и, привязавъ ее къ канджега (ремни у сѣдла), поѣхалъ на рысяхъ назадъ. Къ полудню онъ остановился въ осиновой рощѣ далеко видной въ степи. Подъ одною осиною онъ увидѣлъ спящаго человѣка и возлѣ него спутаннаго чернаго аргамака. Сначала Нуръ-Эддинъ думалъ убить этого человѣка, но потомъ, сомнѣваясь не женщина ли это [1]), разбудилъ его. Мужчина поднялся и запѣлъ: «Эй, Нуреддинъ, Нуреддинъ! исполнилъ ли ты твое назначеніе, что ты сдѣлалъ съ девятиколечною кольчугою? Изобиліе процвѣтало въ народѣ при Тохтамышѣ ханѣ, знамя его было счастливо, что же ты сдѣлалъ съ этимъ любимымъ ханомъ»? Нуреддинъ отвѣчалъ: «Я сѣлъ на широковыйную гнѣдую лошадь, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обнажилъ трупъ Тохтамыша, девятиколечную кольчугу надѣлъ я, когда убилъ его. Что мнѣ нужды, что при немъ было изобиліе въ народѣ и знамя его было счастливо? Нашелъ его слѣдъ къ Телькулю, нашелъ его на берегахъ Кокюльскаго озера и, сразившись въ честномъ бою, взялъ его голову». «Эй, Нуралинъ, Нуралинъ, не сбудутся твои желанія; посмотри на эти четыре звѣзды, поднявшіяся высоко на небѣ; онѣ предсказываютъ, что при-

---

[1]) Эта фраза зачеркнута Валихановымъ и карандашемъ написано: „убить спящаго человѣка, это было бы . . . . .“. *Ред.*

детъ время, когда снова въ народѣ будетъ властвовать храбрый султанъ. Сзади тебя взошли шесть звѣздъ, будетъ время — и надъ тобою ты увидишь повелителя; (сзади тебя шесть звѣздъ, какъ шесть непобѣдимыхъ богатырей, четыре звѣзды обѣщаютъ скорый разсвѣтъ). Сзади тебя Алатау (гора), придетъ время (что), черезъ эту гору придетъ батырь. Настанетъ время, и Кадыръ-Берды султанъ [1]), сѣвъ на гнѣдую со звѣздочкой во лбу и длиннымъ (?) хвостомъ лошадь, прiѣдетъ къ ожидающему его народу, который и изберетъ его ханомъ; попрежнему собравъ народъ, онъ выступитъ, развернувъ свое счастливое знамя День, наступившiй для насъ — наступитъ когда нибудь и для васъ; взявъ въ руки топоръ, сѣвъ на спину твоему пучеглазому отцу, будетъ колотить его по затылку. Сохрани ты въ памяти этотъ день и мое предсказанiе. Во время бери сѣкиру въ руки, во время садись на лошадь. Прошедшаго времени никогда не воротишь».

Человѣкъ сѣлъ на чернаго аргамака, уѣхалъ, а Нуралинъ не посмѣлъ его преслѣдовать, думая, что это пророчество свыше и что онъ виновенъ въ томъ, что не исполнилъ завѣта отца не убивать Тохтамыша хана. Онъ не зналъ, что Кадыръ-Берды султанъ, сынъ Тохтамыша, бѣжалъ съ сотнею людей въ то время, когда Идыге явился въ народѣ. Между тѣмъ по отъѣздѣ Нуреддина, Кенъ-Джанбай тайно замыслилъ поссорить отца съ сыномъ. Онъ пришелъ къ Идыге и сказалъ ему: «Зачѣмъ ты веселишь только одну дѣвушку, а другую сушишь печалью, возьми и ее въ жены, а если она отдана тобою твоему сыну, то развѣ не все равно, она не выйдетъ изъ вашего семейства». Идыге, не подозрѣвая злого умысла въ Джанбаевыхъ словахъ, раздѣлилъ ложе и съ другою дѣвушкою, и все богатство, драгоцѣнности и скотъ раздѣлилъ имъ обѣимъ по ровну, отдалъ имъ на руки. Въ это время Нуралинъ возвратился, губы его были окровавлены, глаза блистѣли гнѣвомъ, когда же онъ увидѣлъ, что отецъ сидитъ между двумя дѣвушками, обнявши ихъ, то гнѣвъ его вышелъ изъ мѣры и, обратясь къ отцу: «А»! закричалъ онъ — у Идыге выскочилъ

---

[1]) Кадыръ-Берды султанъ — сынъ Тохтамыша-хана.

глазъ. «Ма»! сказалъ Нуралинъ— у Идыге переломилась рука. Тогда Идыге голосомъ закричалъ на Нуралина:

«Эй, бездѣльникъ, бездѣльникъ, гдѣ такой ты у меня родился! При твоемъ рожденіи, Нуралинъ, не я ли зарѣзалъ лучшую кобылу, не я ли (устроилъ?) очагъ, и созвалъ весь безчисленный народъ Сатемиръ-хана, кто былъ и кого не было, никого не оставилъ, бѣдныхъ и богатыхъ до пресыщенія напоилъ арабомъ и сарабомъ. Крошечнаго тебя, какъ ты родился, я завернулъ въ чернаго соболя, но когда увидѣлъ, что ты тонешь въ его высокой шерсти, я завернулъ тебя въ шкуру маленькаго соболя. Изъ золота я сдѣлалъ тебѣ чумекъ, изъ серебра вылилъ твой горшокъ. И потому, что ты родился близъ хана, я и имя далъ тебѣ Ханъ-Нуралинъ. Я самъ опоясалъ тебя лукомъ со стрѣлами и, чтобы сердце твое пристрастилось къ войнѣ, я сначала посылалъ тебя преслѣдовать только бѣгущаго непріятеля. На черное дерево, на которое не смѣла сѣсть ворона, ты посадилъ гуся, на дуплистое дерево, на которое воронъ не садился, посадилъ лебедя. Нуралинъ! изъ мелкихъ сухихъ щепокъ сдѣлавъ плотъ, ты переплылъ черезъ Волгу, широкую какъ небо. Ты напустилъ въ озеро крови, откуда теперь будешь пить воду? чернаго аргамака ты заморилъ, гдѣ ты возьмешь теперь лошадей? ты упустилъ чернаго сокола, гдѣ ты найдешь птицу, чтобы охотиться? Одинъ я, какъ одна душа, былъ твоимъ роднымъ отцемъ, но ты и мнѣ сначала вышибъ глазъ, потомъ переломилъ руку, куда бы ты ни поѣхалъ, гдѣ бы ты ни скрылся, гдѣ и когда ты успокоишься»? Тогда Нуралинъ сказалъ: «Я посадилъ гуся на черное дерево, на которое не смѣла садиться ворона, для народа, и на высокое дерево, на которомъ не смѣлъ сѣсть воронъ, посадилъ лебедя—для народа же, я переплылъ Волгу, широкую какъ небо, и на плоту, сдѣланномъ изъ сухихъ щепъ, для его же. Если въ воду мою я пролилъ кровь, то вмѣсто воды буду пить сырабъ, если я заморилъ чернаго аргамака, то я засѣдлаю тулпара [1]. Если я упустилъ чернаго сокола, то поѣду на охоту съ кречетомъ. Если я и выжегъ прошлогоднюю траву въ полѣ,

[1]) Тулпаръ — лошадь, которая, сколько ни ѣздить, не знаетъ устали. *Ч. В.*

я буду пасти лошадей на пахотныхъ нивахъ. Если же я тебѣ въ гнѣвѣ вышибъ глазъ и сломалъ руку, хотя ты и единственный, какъ душа, отецъ мой, то я пойду въ Мекку, обойду три раза храмъ Создателя и совершенное мною преступленіе мнѣ будетъ прощено». Сказавъ эти слова, Нуралинъ раздѣлилъ народъ на двѣ равныя части и покочевалъ особо по одной сторонѣ рѣки, а Идыге остался на другой. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого событія Идыге, соскучившись о своемъ единственномъ сынѣ, сказалъ:

«У меня потникъ не изъ золота, чтобы могли ѣздить такъ племянники хана, сынъ бія Нуралинъ не сдѣлался ханомъ.

«Что же хорошаго быть ханомъ, когда будущимъ поколѣніямъ мы не оставимъ хорошихъ примѣровъ!

«Когда показывался вдали непріятель, вступавшій съ нимъ въ бой—мой храбрый сынъ Нуралинъ.

«Когда показывался вблизи непріятель, его останавливалъ храбрый мой сынъ Нуралинъ. Проводникомъ служащій до темныхъ . . . . . мой храбрый сынъ.

«Черезъ рѣки, полныя весною отъ потоковъ, переправлялся, какъ легкій челнокъ, храбрый мой сынъ Нуралинъ.

«Идущій на непріятеля, какъ снѣгъ, все болѣе и болѣе падающій—храбрый мой сынъ Нуралинъ.

«Когда на него летѣли, какъ потокъ, стрѣлы непріятеля—онъ былъ своимъ (войскамъ) булатной кольчугой».

* * *

Жена Нуралина уколола сына своего шиломъ, Нуралинъ пришелъ въ гнѣвъ. Тогда жена говоритъ: завернувшій тебя въ чернаго соболя, сдѣлавшій изъ золота чумекъ, лелѣялъ тебя отецъ, что ты ему сдѣлалъ, такъ же можетъ быть сдѣлаетъ и нашъ сынокъ. Тогда Нуралинъ заставилъ одного изъ своихъ косшей колотить себя плетью и гнать себя къ Идыгею. Они помирились.

Собравъ остатки народа, Кадыръ-Берды-султанъ сдѣлался ханомъ. Одна лошадь, родившаяся отъ куулыки (кобыла 4-хъ лѣтъ)—кулаша (Савраска)—кулуномъ и таемъ [1]) сосала молоко,

[1]) Т. е. по первому и по второму году. *П. М.*

когда же сдѣлалась кунаномъ, сдѣлалась ардой (и все) сосала, дуненомъ (4-хъ лѣтъ) ее стали учить ѣздѣ, 5-ти лѣтъ таскала на шеѣ шелковый арканъ, 6-ти лѣтъ сдѣлалась годною на племя лошадью (совершенною лошадью), 7-ми лѣтъ вошла въ тѣло, 8-ми лѣтъ скакала, какъ дикій кулапъ, 9-ти лѣтъ достигла совершенства, когда достигла 10-ти лѣтъ — какъ сѣрая выдра блестѣла, когда 11-ти лѣтъ, могла скакать, какъ стрѣла. Тогда Кадыръ-Берды-султанъ надѣлъ на себя лукъ со стрѣлами, говоря, что будетъ для народа жертва, объѣхалъ 3 раза свой народъ—намѣренія свои таилъ—поѣхалъ искать Идыгэ, и въ полдень доѣхалъ до краевъ ауловъ, и спросилъ: «гдѣ юрта Идыге»? Тогда одинъ человѣкъ показалъ: «вотъ юрта Идыге». Рысью подъѣхавъ къ юртѣ, слѣзъ съ лошади и вошелъ въ нее и сѣлъ на грудь лежавшему на почетномъ мѣстѣ Идыге. Послѣдній спросилъ: «кто ты такой, сѣвшій на мою грудь?» Кадыръ Берды отвѣчалъ ему, что онъ тотъ самый его побѣдоносный врагъ, о которомъ ему было въ свое время предсказано, послѣ чего слѣзъ и ушелъ. Это происшествіе такъ подѣйствовало на Идиге и сына его, что оба они съ горя умерли, а Кадыръ Берды воцарился надъ своимъ народомъ. Впослѣдствіи и онъ умеръ.

Эдигей[1]).

Эдиге происходилъ отъ Баба Тукласъ (Чачли-азиза) въ 9-мъ колѣнѣ; отецъ его былъ Култу-кая (ази). Однажды этотъ святой мужъ встрѣтилъ дѣвицу, которая прилетѣла въ видѣ голубя, обратилась въ дѣвицу и погрузилась въ воду, оставивъ голубиную шкуру на берегу, наз. кебъ. Это была. по мнѣнію однихъ, дочь солнца (Кунъ-сулу), другіе думаютъ, что была дочь духа Албасты. Култу-Кая завладѣлъ кебомъ. — Пусти!—Нѣтъ. — Ты не сумѣешь владѣть мной, Уговоръ: не смотрѣть мнѣ на голову, подъ мышку и на пятки.—Далѣе что въ киргизской редакціи. Нашедши сына, Култу-кая отправился въ улусъ, къ Тохтамышу, у котораго онъ былъ приближеннымъ. У Тохтамыша была птица Тукли-аякъ (космоногая). Сатемиръ-ханъ просилъ у Тохтамыша яйцо этой птицы, чтобы вывести у себя птенца. Тохтамышъ не далъ; тогда Сатемиръ обратился къ Култу-Каю, который укралъ яйцо и послалъ Са-Темиру. Птица эта принесла три яйца, украденное было показано хану гнилымъ. Тохтамышъ, узнавши объ этомъ, отсѣкъ голову Култу-Кая и хотѣлъ убить сына его Эдигу, но бій, которому Култу-Кая поручилъ его воспитаніе, далъ своего сына на убійство. Эдиге пасъ барановъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми.— Затѣмъ слѣдуетъ первое разбирательство Эдиге по поводу утки, застрѣленной въ чужомъ озерѣ. Вслѣдствіе этого дѣла Тохтамышъ призвалъ мальчика, какъ годнаго на улусныя

[1]) Это—небольшая тетрадка почтовой бумаги и носитъ слѣдующее заглавіе: „Джиръ Эдигей. Переводъ Чокана Валиханова". Она вмѣстѣ съ киргизскимъ текстомъ была найдена мною въ бумагахъ В. В. Григорьева; но при какихъ обстоятельствахъ поступила къ послѣднему рукопись Валиханова, мнѣ неизвѣстно.—*Ред.*

дѣла. Находясь у хана, онъ рѣшилъ еще два дѣла, которыя самъ ханъ и всѣ біи не могли рѣшить. Первое—споръ между двухъ женщинъ о ребенкѣ; второе—о верблюженкѣ. О ребенкѣ тоже, что у киргизъ, а верблюжонка велѣлъ бросить въ воду, куда воспослѣдовала и матка его. Ханша (говорятъ одни: вслѣдствіе отверженной любви) стала говорить хану, что любимый имъ юноша человѣкъ опасный для хана и затмитъ со временемъ его величіе, ибо, когда онъ входитъ, то ханъ невольно содрагается и вскакиваетъ со своего м е н д ы р ъ (подушки-сидѣлки). Тогда Тохтамышъ созвалъ народъ и потребовалъ, чтобы они доставили ему породу этого юноши, такъ какъ онъ по своимъ доблестямъ долженъ быть не простого рода. А самъ между тѣмъ поставилъ нѣсколько человѣкъ своихъ, съ ножами въ рукавахъ, чтобы убить Эдиге, напоивъ его пьянымъ. Другъ Эдиге А н г с ы н ъ все это передалъ Эдиге. Здѣсь спрашиваются всѣ богатыри—никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта и въ концѣ ихъ спрашивается Кемельдынъ углы Кенъ-Джанбай, т. е. сынъ взрослой дѣвки безъ отца. «Сынъ Кемеля Кенъ-Джанбай, ты есть начало моихъ совѣтовъ, коръ [1]) большой моей сабы, огонь хорошаго джира, кончикъ моей пики, лезвіе моей сабли, скажи-ка мнѣ о предкахъ блѣднолицаго юноши»—сказалъ ханъ. «Высокопочтенный ханъ! я тоже не знаю, но есть человѣкъ, знающій болѣе меня, прожившій пятьсотъ лѣтъ, у котораго пошатнулись во рту всѣ зубы, по имени С а б р а жирау, можетъ быть онъ знаетъ», сказалъ онъ.—Веди его.—Послали людей. Привели и посадили на у ч к и б а с ъ (то, что у киргизъ тöръ).

Дали три чашки меду; когда медъ вступилъ въ почки, почки согрѣлись медомъ, старый Сабра жирау началъ джиръ, треся головой, моргая глазами, шумя какъ телѣга.—«Дальній ханъ, ближній ханъ—лошади не выдерживавшія на спинѣ Сагай хана, его пережившій—старикъ я. Имѣвшій золотой потникъ и золотой т е б ы н г е [2]) Джанибекъ ханъ, и его пережившій—старикъ я. Имѣвшій золотые стремена Узбекъ ханъ,

[1]) Закваска для кумыза. *Ч. В.*

[2]) Пахвы—кожаныя накладки подъ сѣдло.—*Ред.*

и его переживший—старикъ я. Зачѣмъ перебирать всѣхъ хановъ, изъ большихъ хановъ тридцать хановъ, изъ малыхъ хановъ двадцать пять хановъ, и ихъ переживший—старикъ я. Что много говорить! Тохтамышъ ханъ торе (султанъ), и васъ переживу я».—«Мырылдама (не болтай), старая собака! Я тебя не о ханахъ спрашиваю, говори: кто такой этотъ юноша»? Между тѣмъ народъ, собравшійся на торжествѣ, имѣлъ въ рукавѣ по ножу. Эдиге съ двумя подобными ему юношами разносилъ медъ. Старикъ сталъ смотрѣть на этихъ трехъ блѣднолицыхъ юношей и началъ: «Тотъ юноша, этотъ юноша, по срединѣ ихъ съ мясистой шеей блѣднолицый юноша, съ тонкими губами, съ длиннымъ языкомъ—долженъ быть краснорѣчивымъ блѣднолицый юноша. Широкъ въ плечахъ, шея длинна—долженъ быть сильнымъ блѣднолицый юноша». «Мырылдама! сказалъ на это ханъ опять, я тебя просилъ не выхвалять его. Говори его происхожденіе».—«Перерѣжетъ задъ твоей телѣги—юноша; перерѣзавъ, остановитъ ходъ, юноша. Изъ блѣднаго тѣла сдѣлаетъ курукъ [1]) блѣднолицый, юноша. Твой сѣропестрый многочисленный табунъ угонитъ и возьметъ блѣднолицый юноша. Раздѣлитъ на два народъ твой и, подогнавъ къ горѣ, запретъ васъ тамъ онъ. Тотъ блѣднолицый юноша, этотъ блѣднолицый юноша! Происхожденіе блѣднолицаго юноши—Баба-Тукти-Чачли-азп; отъ Чачли азія происходитъ блѣднолицый юноша. Ставъ на кадушку, однимъ скачкомъ выскочивъ черезъ чанаракъ, уйдетъ онъ». Тогда Эдиге, ставъ на кадушку, выскочилъ изъ чанарака. Говорятъ, что въ это время пришла его волшебница мать и навела тьму, а девять его нукеровъ (саклау) [2]) подрѣзали стремена у храбрыхъ. Народъ въ смятеніи перерѣзали сами себя. Эдиге бѣжалъ, богатыри ударились подбородками о луки сѣделъ.—«Возвратись, душка, возвратись! Въ высокую бѣлую юрту иди и войди»! Здѣсь какъ у киргизъ.

Эдиге поѣхалъ. Дорогой его девять товарищей стали думать: Эдиге одинъ, бездомный, для него мы оставили родину, племя. Эдиге, какъ человѣкъ святой, узналъ это. До-

---

[1]) Курукъ-укрюкъ, которымъ ловятъ лошадей.—*Ред.*

[2]) Тѣлохранители. *Ч. В.*

рогой они встрѣтили змѣю съ 9-ю головами. Змѣя бросилась въ нору, но одна голова не вошла, другія мѣшали. Онъ убилъ. Встрѣтили змѣю съ 9-ю хвостами. Она ушла въ нору. Тогда Эдиге сказалъ: «видите»! И товарищи успокоились. Доѣхавши до гробницы Баба Тукты, Эдиге остановился. Сталъ молить. Товарищи стали торопить. Эдиге сталъ настоятельно молить. Баба Тукты самъ далъ отвѣтъ: «сынъ мой, поторопилъ меня! Я просилъ Бога за все твое потомство, но теперь ты самъ будешь счастливъ и могуществен, но твои потомки будутъ львами, тиграми, волками, и концы попадутъ во власть невѣрныхъ». Хабардинъ Алыбъ везъ дочь Са-Темира хана. Эдиге узналъ объ этомъ отъ дѣда своего, велѣлъ своимъ товарищамъ ѣхать за нимъ. Выѣхавъ отъ дѣда, поѣхалъ барсуковой рысцей и на Какъ-Лябе догналъ Хабардина; догнавъ Хабардина, сдѣлалъ богатырскій подвигъ. Дочери Темира, Бердазизъ красавицѣ, заставивъ поднять полы бѣлаго шатра храбреца, тутъ же, стоя лицомъ къ лицу, застрѣлилъ. Раздѣлилъ пополамъ позвоночный хребетъ, и кровь поплыла какъ вода. Саклау (спутники, слуги) его перерѣзалъ какъ барановъ, пригнанныхъ на убой, и дочь Темира Бердазизъ красавицу съ помощью стрѣлы сдѣлалъ даромъ добычей. Пріѣхалъ къ Са-Темиру съ дочерью. Темиръ отдалъ ее ему.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Эдиге съ войсками Са-Темира выступилъ въ свой юртъ [1]). Тохтамышъ ханъ съ народомъ и біями стоялъ на равнинѣ. Послышался бой барабановъ (дабылбазъ). Всѣ изумились. Джанбай началъ: «Большая гнѣдая лошадь — Сова подъ нимъ, на вершинѣ большой горы; многочисленное войско съ нимъ; одѣтъ онъ (въ) тонъ (халатъ вышит.), съ золотымъ воротникомъ. Въ рукѣ лукъ съ золотыми концами. Спины и бока ихъ въ пыли. Бурулъ сакалъ (борода съ просѣдью) Джанбай говоритъ вамъ: вставайте»! На проходѣ Кепау, въ широкомъ тогаѣ [2]) велѣлъ положить провизію. Манпе тогай на Волгѣ велѣлъ наполнить войскомъ. Сказалъ: это дорога блѣднолицаго юноши.

---

[1]) Народъ. *Ч. В.*

[2]) Мѣстность, обросшая таломъ. *Ч. В.*

Вчера сказанное слово ты не удержалъ. Что-же дѣлать? Не удержалъ—сказалъ Джанбай. Ханъ бѣжалъ. Нуръ Адиль, сынъ Эдиге, родившійся еще на родинѣ отъ сестры Тохтамыша, вышелъ отцу навстрѣчу и сказалъ, что ханъ бѣжалъ. Эдиге послалъ Нуръ Адиля за Тохтамышемъ и сказалъ ему, что Узке, старшую дочь Тохтамыша, возьметъ самъ, а ему отдастъ младшую—Канке. Тохтамышъ перешелъ Яикъ и Волгу и побѣжалъ къ Уртеленнынъ басы кара-агачь (у киргизъ къ Серъ-карапынъ кара-агачь). Джаурунчи [1]) хана говоритъ, что враги преслѣдуютъ. Джаурунчи Нуръ-Адиля, что враги впереди. Онъ посовѣтовалъ ему пересѣдлать переднюю луку обративъ назадъ, такъ какъ Джаурунчи узнаетъ по лукѣ. Сдѣлали. Тогда хана Джаурунчи сказалъ, что враги возвратились.

Нуръ-Адиль настигъ. Товарищи хана остались, но самъ ханъ на джелъ-джетбезѣ убѣжалъ. Нуръ-Адиль выстрѣлилъ, но выстрѣлъ «сорока гвоздную кольчугу не пробилъ, хотя и не пробилъ, но ударъ былъ такъ силенъ, что не осталось безъ послѣдствія». Изрыгая кровью, дошедши до каравана, отдалъ каравану свое оружіе, кольчугу и лошадь, а самъ легъ межъ деревьями. Нуръ-Адиль узналъ оружіе хана и лошадь, отобралъ все это отъ каравана, который указалъ ему мѣсто убѣжища. Нуръ-Адиль не можетъ найти между камышемъ и лѣсомъ. Тогда чибизъ сталъ летать надъ ханомъ. Слѣдуетъ джиръ. Нуръ-Адиль по птицѣ узналъ убѣжище хана и заставилъ его сдѣлать двухъ рекатный намазъ. «А, старый кабанъ (картъ кабанъ), лежишь»! «Лежу, голубчикъ»! Голову хана привязалъ къ сѣдлу, но боясь потерять, завернулъ въ б ѣ л у ю о л д е [2]) и повѣсилъ на локоть.— Между тѣмъ Джанбай началъ строить сѣти, чтобы поссорить Эдигу съ сыномъ. Онъ посовѣтовалъ дочерямъ хана положить на брюхо подушки, чтобы Нуръ Адиль принялъ ихъ за беременныхъ. Нурали, черезъ шесть мѣсяцевъ пріѣхавши, увидѣлъ, что обѣ дочери хана кажутся беременными, между тѣмъ какъ отецъ одну обѣщалъ ему. Раздраженный Ну-

---

[1]) Гадатель по лопаткамъ. *Ч. В.*

[2]) Кусокъ матеріи. *Ч. В.*

рали отправился къ отцу и бросился на него съ саблею въ рукахъ, отецъ молитвой обратилъ въ безчувствіе. Нурали, очнувшись, снова бросился на отца, который наконецъ снова обратилъ въ безчувствіе. Эдиге до трехъ разъ останавливалъ сына дуновеніемъ, но въ концѣ сѣлъ на тарланъ-боза и уѣхалъ изъ орды.—Прошли года. Исторія его жены съ сыномъ. Нурали раскаялся.

Одинъ старикъ имѣлъ трехъ сыновей, онъ, умирая, оставилъ одну козу, которую они раздѣлили съ матерью такимъ образомъ. Мать и двое сыновей взяли три здоровыя ноги, а младшему досталась больная нога, обернутая въ тряпку. Тряпка какъ-то загорѣлась, когда коза проходила черезъ огонь, отъ тряпки загорѣлся домъ чей-то. Погорѣлый пошелъ къ Нуръ-Адилю. Нуръ-Адиль положилъ удовлетвореніе (съ) владѣльцу (а) больной ноги, такъ какъ отъ тряпки, бывшей на ней, произошелъ пожаръ. Владѣлецъ больной ноги бѣжалъ, не имѣя чѣмъ заплатить за убытки. Ему встрѣтился человѣкъ въ бѣлой чалмѣ, который спросилъ его, отъ чего онъ грустенъ. Онъ объяснилъ дѣло. Чалмоносецъ сказалъ ему: любезный, отправляйся теперь къ своему судьѣ и скажи ему что . . . . только говори отъ себя: «отъ туречи (судья) не остались туре (рѣшеніе), а отъ даучи (истецъ) остались дау (искъ)». Нуръ-Адиль потребовалъ, что бы онъ сказалъ отъ кого этому выучился. Тотъ сказалъ. Тогда Нурали отправился къ отцу и поклонился ему. Отдалъ ему одну изъ дочерей хана.

Въ это время одинъ изъ сыновей Тохтамыша, Кадыръ-Берды собралъ войско и выступилъ противъ Нурали и Эдиге. Джанбай зналъ все и былъ съ нимъ въ сношеніи. Когда Кадыръ-Берды былъ близокъ, Джанбай уговорилъ Нурали ѣхать на охоту на озеро Кугалы-куль, гдѣ будто много лебедей (ку). Онъ постарался, чтобы Нурали не надѣлъ на себя кольчугу и взялъ оружіе. Когда они доѣхали до озера, Нурали увидѣлъ «Бѣло-пестрые, сине-пестрые шатры и многочисленное войско». «А! Джанбай, твои лебеди—это»?—Что видно струсилъ стрѣлъ?—Ну, собака ты, тебя и убивать не стоитъ—руки значитъ марать»,—и поѣхалъ прямо въ шатеръ. Но ты назади—смерть мнѣ. По дорогѣ къ шатру Кадыръ-

Берды былъ постланъ пестрый войлокъ (кали кiизъ), а подъ ними гвозди заколены на медвѣжьей спинѣ. Нурали пошелъ по нимъ, выступая твердо. Поздоровался съ Кадыръ-Берды, сдѣлалъ знакъ (приложилъ руку къ губамъ, потомъ къ уху), садясь, и Кадыръ Берды указалъ ему подушку, подъ подушкой были два ножа, ножи вошли черезъ ляшку.

«Шесть телѣгъ, вышедшiе изъ Арка, полныя казной, что съ ними сдѣлалъ, Нуръ-Адиль? Семь телѣгъ, вышедшiя изъ дневки, полные казной, что съ ними сдѣлалъ, Нуръ Адиль? Быстрѣе и быстрѣе бѣгала, когда бѣгало это животное, укрощала далекiй путь; кормясь высокою, сочною травою полнѣла; съ низко опустившеюся грудью и во время бѣга перескакивающая черезъ большiя рытвины, большими, съ чашку глазами гнѣдко, что съ ней сдѣлалъ, Нуръ Адиль? Красавица Узке, хорошенькая Канке, что съ ними сдѣлалъ, Нуръ Адиль? И въ заключенiе спрошу: управлявшiй народомъ, у котораго девять предковъ были такъ-же правители, ханъ Тохтамышъ, что съ нимъ сдѣлалъ, Нуръ Адиль»? «Когда Богъ далъ мнѣ счастье, я взялъ его казну; взявши казну, чтобы привлечь къ себѣ людей, роздалъ бѣднымъ и нуждающимся. Когда Богъ далъ мнѣ счастье, чтобы осчастливить свою задницу, я самъ сѣлъ на гнѣдко. Когда Богъ далъ мнѣ счастье, я красавицу Узке отдалъ отцу, а хорошенькую Канке взялъ себѣ и обвѣнчался съ ней. Заставивъ кричать подобно бѣлому атану[1]), снялъ ему[2]) голову, привязалъ къ сѣдлу, но боясь потерять, завернулъ въ бѣлую олде и повѣсилъ на локоть. Привезъ домой ее, думая, что она голова хана, и если съ ней обращаться непочтительно то впослѣдствiи можетъ меня постигнуть несчастье. Я есмь мука, очищенная отъ отруби; верблюжонокъ между двумя нарами; крукъ накинутый на шею лошади; качаганъ срыкъ[3]), оправленный въ олово,—бѣлой, большой юрты. Если накинешь на шею бугалыкъ[4])—оборву; пробью себѣ дорогу, подобную канавѣ,

---

[1]) 4-хъ лѣтнiй верблюдъ. *Ч. В.*

[2]) Т. е. Тохтамышу. *Ред.*

[3]) Шестъ, юрту подпирающiй. *Ч. В.*

[4]) Арканъ. *Ч. В.*

вырытой по срединѣ аула для стоковъ дождевой воды. Не то что черезъ ляшку, даже если бы и черезъ носъ пропустилъ ты ножъ и тогда-бы даже не смутился я. Я родился отъ матери матво-чернымъ, будешь мыть мыломъ и тогда не побѣлѣю, а султановъ, подобно тебѣ поступающихъ подло, даже ударомъ въ поясницу раздѣлю пополамъ». Сказавъ это, бросился на султана, тотъ упалъ съ сидѣлки. Нуръ Адиль не сталъ добивать, и сѣвши, уѣхалъ. Между тѣмъ Эдиге узналъ о томъ, что Джанбай съ сыномъ его уѣхали, онъ заподозрилъ что дѣло . . . . (*пропускъ*).

Нурали съ восходомъ звѣздъ умеръ. Кадыръ Берды тогда объявилъ, что онъ дастъ дочь Эдиге тому, кто принесетъ его голову. Погнались двое, Барынъ и Сарынъ, догнали они вмѣстѣ, но Барынъ отсѣкъ; дорогой Сарынъ взялъ у него подержать и убѣжалъ. Онъ получилъ дочь, отсюда поговорка: «Чѣмъ быть головой Барына, лучше быть задницей Сарына».

Черезъ нѣсколько лѣтъ Джанбай пригласилъ Мансуръ бія, сына Эдиге отъ дочери Са-Темира, которая оставалась у Са-Темиръ хана, тотъ пріѣхалъ и вывели войска. Но послѣ переговоровъ они рѣшили на миръ: «ты будешь ханъ, а я бій». Джанбая, какъ виновника всѣхъ этихъ несчастій, убили.

Мансуръ имѣлъ двухъ сыновей: Муса и Ямбура. Муса имѣлъ 12 сыновей: 1) Иге Мамай, 2) Свекъ-Мамай, 3) Алчагиръ, 4) Сидакъ, 5) Калго, 6) Сыры Юсупъ, 7) Алчи-Силамь, 8) Айдинъ Уракъ сынъ Алчагира, 9) Агычъ сынъ единственный Ямбура, 10) дѣти Урака: Кази, Карасай и Ибасъ—бездѣтенъ.

Преданіе Ногайцевъ о происхожденіи Баба Тукласа.

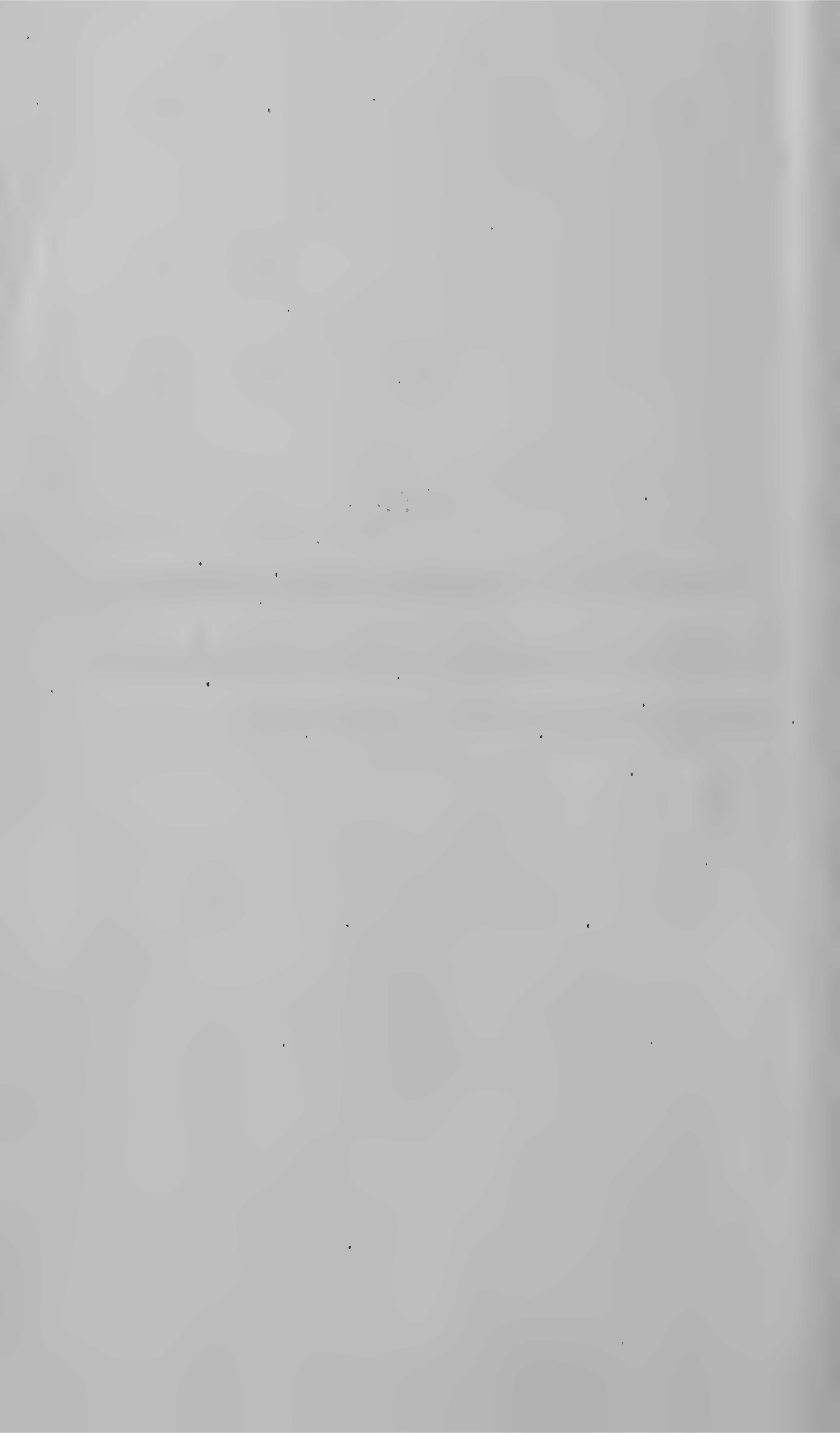
Нѣкто увидѣлъ въ пути черепъ съ надписью на лбу: «я живой убилъ несмѣтное число людей, мертвый могу убить 40».

Нашедшій человѣкъ сжегъ черепъ и пепелъ взялъ въ узелокъ и привезъ домой, отдалъ дочери на храненіе. Дочь изъ любопытства развернула тряпку и, увидѣвши бѣлый порошокъ, взяла на палецъ и попробовала вкусъ, отчего сдѣ-

лалась беременна и родила сына, который и былъ Баба Тукласъ.

Мальчикъ, будучи еще ученикомъ, обнаруживалъ необыкновенную проницательность ума. Ханъ той страны видѣлъ сонъ; во снѣ онъ сидѣлъ на мосту черезъ большую рѣку и изъ рѣки высунулись драконы, 20 съ одной стороны моста и 20 съ другой, которые хотѣли его пожрать. Ханъ сзываетъ своихъ ученыхъ и требуетъ, чтобы они объяснили его сонъ. Ученые пришли въ тупикъ, тогда Баба Тукласъ предложилъ имъ, что онъ бы разрѣшилъ сонъ ханскій. Ученые его привели къ хану. Сталъ онъ просить хана, что смущается присутствіемъ своихъ учителей, и когда они вышли, онъ сказалъ хану, что драконы суть его 40 ученыхъ, которые находятся въ связи съ его женой и ходятъ къ ней по очереди въ видѣ черныхъ старухъ. Ханъ велѣлъ наблюдать. Оказалось, что такъ. Ученыхъ убили, и тѣмъ исполнились слова, написанныя на черепѣ относительно 40 жертвъ. Отъ этого черепа и называются потомки Эдиге-бія акъсуяками—бѣлою костью.

Поэма «Йдиге», отличающаяся нѣсколько иной редакціей, напечатана въ сокращенномъ переводѣ на русскій языкъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» Спасскаго за 1820 годъ, ч. X, стр. 189—204.



Тенкри (Богъ).

Огонь почитается за ауліе (святой) . . . . Проклятіе[1]).

Въ огонь нельзя плевать, нельзя наступать на очагъ.

Невѣста, поступая въ новое семейство, должна войти въ юрту отца, принести въ жертву огня ложку масла, дѣлаетъ селямъ (преклоненіе колѣна) и бьетъ головой (падаетъ навзничь), приговаривая: «аруахъ разы болсынъ»—аруахъ (духъ предковъ), будь доволенъ! Во время горѣнія жертвы мать или кто нибудь изъ женщинъ, нагрѣвая ладонь на огнѣ, водитъ по лицу новобрачной и новобрачная отдаетъ въ честь огня халатъ, который беретъ хозяинъ (отецъ мужа) юрты, какъ владѣлецъ очага, и заставляетъ ее сѣсть на баранью шкуру, говоря при этомъ: будь мягка, какъ кожа. Для того, чтобы дать джанъ (присяги), разводятъ въ двухъ мѣстахъ огонь, проводятъ между этихъ двухъ огней и заставляютъ цѣловать дуло ружья, изъ котораго убитъ человѣкъ [2]).

Лечатъ огнемъ такъ: изъ семи частей тѣла скота вырѣзываютъ куски, бросаютъ въ огонь и грѣютъ больное мѣсто. Преимущественно въ ревматизмахъ. Очищаютъ отъ болѣзни въ этомъ жертвенномъ огнѣ, бросаютъ въ огонь жестяной ковшъ, раскаляютъ его до-красна, потомъ кладутъ въ него масло и синюю тряпку; когда это загоритъ, то подносятъ подъ самый носъ больного и наливаютъ холодную воду—выходитъ ужасный паръ. Способъ леченія называется джелу-шунъ. .

---

[1]) Точками обозначены пробѣлы въ рукописи. Очень дурной черновикъ.—*Ред.*

[2]) Противъ этой статьи рукою Валиханова сдѣлана карандашная помѣтка: „сомнительно“.—*Ред.*

Когда увидятъ новую луну, то три раза прискакиваютъ и три раза дѣлаютъ поклонъ, потомъ срываютъ траву и, принеся домой, бросаютъ въ огонь.

Арвахъ . . . . : духъ предковъ, во всѣхъ трудныхъ житейскихъ случаяхъ обращаются къ нимъ, говоря: «арвахи, держите меня за руку и поддерживайте подъ мышки», и приносятъ жертву; изъ коровъ такую корову: съ рогами на подобіе луны и копытами на подобіе сергеи (юрту поддерживаетъ); изъ барановъ—бѣлаго съ полоской на лбу и бѣлаго съ желтой головой, синяго барана съ ушами на подобіе баурсаковъ—съ раздвоенными ушами и двумя зубами и совершенно бѣлаго, какъ . . . съ полоской на лбу—и также первенца въ стадѣ. Если пожалѣютъ первенца, то вымазываютъ слюной обѣщаннаго животнаго голову другого барана и приносятъ въ жертву. Когда умираетъ человѣкъ, то его аруаху (духу) зажигаютъ по одной свѣчкѣ каждый день до сорокового дня, или только 10 дней, четыре дня. Свѣчи ставятъ у праваго порога. Потому полагаютъ, что до сорока дней духъ умершаго посѣщаетъ свою юрту и узнаетъ о расположеніи своихъ дѣтей; для того каждый день до зажженія свѣчи въ сумерки отворяютъ дверь, наполняютъ одну чашку кумысомъ и въ дверяхъ постилаютъ бѣлую кошму, готовятъ пріемъ для покойника. Всѣ присутствующіе въ юртѣ, прочитавъ коранъ, выставляютъ чашку аруаху и зажигаютъ свѣчку.

При выносѣ покойника говорятъ: «отъ Бога цѣлымъ тѣломъ далекъ», и обводятъ около его домашнюю утварь, съѣстное.

Земля не имѣетъ почтенія, не ходятъ по мѣсту, гдѣ была стоянка аула, почитая его мѣстомъ сбиранія духовъ, боясь арваховъ, и вообще болѣзни ревматизма, которую приписываютъ неосторожному похожденію. Только не рвутъ первую траву.

Звѣзды почитаютъ душами людей, если видятъ паденіе звѣздъ, то говорятъ: «моя звѣздочка стоитъ еще»! и дѣлаютъ два раза воздушное . . . . думая, что одна душа . . . . . . и слѣдовательно индивидуумъ долженъ умереть. Часто приходится слышать отца при входѣ его вечеромъ въ юрту: «Сегодня двое должны умереть».—Какъ?—Двѣ звѣзды пали.

Всѣ необыкновенныя явленія природы считаютъ за мѣста священныя, освященныя пребываніемъ ауліи (мух.), всѣ курганы называются оба, что значитъ куча. Дерево, одиноко растущее въ степи, или уродливое растеніе съ необыкновенно кривыми вѣтвями служатъ предметомъ поклоненія и ночевокъ. Каждый, проѣзжая, навязываетъ на это дерево куски отъ платья, тряпки, бросаетъ чашки, приносятъ жертвы животныхъ, или же навязываютъ гриву лошадей.

Соленое озеро тоже наз. Кепъ, мѣсто, куда брошенъ взглядъ аруаховъ или ауліе.

Вообще скотъ, какъ единственное средство народа, ведетъ къ разнымъ поклоненьямъ къ нему: не наступаютъ на кости животныхъ; если прольется молоко, киргизъ все . . . . ., чтобы не оставилъ ихъ . . . . . и чтобы умилостивить . . . . дѣлая крестъ и поклонъ . . . . правую руку . . . . къ лбу, подбородку, правому плечу, потомъ лѣвому. Тоже дѣлаютъ, когда переходятъ черезъ скотскія джеили, говоря, что джеили имѣютъ кіё, и дѣлаютъ таутъ . . . . Если увидятъ кузнечную наковальню, то тотчасъ подходятъ и дѣлаютъ крестъ. Не переходятъ черезъ укрюкъ, топоръ и баканъ[1]), говоря: переступившій черезъ баканъ не разбогатѣетъ, переступившій черезъ топоръ никогда не будетъ довольствоваться. Лошади, верблюды, бараны, коровы. Послѣднее животное, если попадется ночью, то киргизъ долженъ ударить плетью, ибо это есть сѣдалище злыхъ духовъ. Козы также не уважаются. Если животное имѣетъ какую нибудь особенность, то его называютъ ауліе и почитаютъ выраженіями счастья; лошади съ гнѣздами на гривахъ и хвостахъ, которыя дѣлаютъ по понятію киргизъ злые духи, шайтанъ, почитаются также за предметъ счастія, такихъ животныхъ никому не отдадутъ: «счастье уйдетъ»; если отдаютъ, только берутъ такъ наз. слѣкей—слюну. Напр., у лошадей вырываютъ клочекъ гривы, ослюниваютъ въ слюнѣ животнаго и кладутъ въ колту. Не стрѣляютъ лебедей, боясь кіе, и называютъ его царемъ птицъ. Не бьютъ сову, филина, дятла, куюрга (синяя ворона) и ку-

---

[1]) Баканъ подпираетъ чангаракъ—круглый сводъ. *Ч. В.*

кушку. Послѣднее былъ человѣкъ. Пріѣхалъ женихъ, у него потерялась лошадь, сестра невѣсты отправилась въ поискъ и въ торопяхъ надѣла одинъ сапогъ жениха, другой свой; это было весной: вотъ отчего у кукушки одна нога красная, другая синяя, и вотъ почему кричитъ Атъ-жокъ-кококъ (нѣтъ лошади, ку-ку). Кукушка имѣетъ хасіетъ (священное). Берутъ вѣтку, на которой сидѣла кукушка и бросаютъ въ сабу съ молокомъ, говорятъ, что дастъ обильное масло [1]).

Мухамендапская вѣра . . . . . единобожіемъ вѣру въ танкріевъ и, допуская существованіе безплотныхъ душъ, джинъ, феріевъ и шайтановъ, не могла уничтожить злыхъ духовъ шаманскихъ. Пери бываютъ мусульмане и кафиры. Пери всегда дѣлаютъ зло и бываютъ въ образѣ коршуновъ, орловъ; вторые дѣлаютъ зло тогда, когда человѣкъ самъ . . . . . . они кочуютъ, какъ киргизы дѣлаютъ такъ и . . . . . бывшихъ въ ихъ аулахъ.

Джинъ, это—духъ, къ которому обращаются баксы, это—бѣсъ, который имѣетъ свои имена; они бываютъ мужчины и женщины, молодые и старые и, по увѣренію баксовъ и народа, они имѣютъ образъ человѣческій, о нихъ скажемъ въ статьѣ о баксахъ.

Альбасты—духъ, вредящій при родахъ. Ихъ называютъ также Джестернакъ—съ мѣдными когтями. Ихъ глава—сорель, величиною 3 сажени, небольшая грудь, а остальное все ноги, копыта очень тонки. Болѣзни у мусульманъ назыв. джанадахъ. Онъ имѣетъ видъ рослой дѣвки съ распущенными волосами, съ грудями такой величины, что всегда бросаетъ на плечи. Сорелъ, это—лѣшій, по нѣкоторымъ сказкамъ мужъ Албасты; по нѣкоторымъ сказкамъ онъ принимаетъ всевозможныя формы; говорятъ, что онъ живетъ въ дремучихъ лѣсахъ, имѣетъ видъ человѣка; человѣческое туловище его такъ длинно, что онъ бываетъ равенъ съ лѣсомъ. Убиваетъ человѣка, измучивъ его щекотаньемъ, это—русскій лѣшій.

Конъ-аякъ, это—человѣкъ, вмѣсто ногъ имѣетъ ремни, живетъ въ лѣсахъ и островахъ. Призвавъ неосторожнаго пу-

---

[1]) Предназначенный для масла и сырниковъ. Это молоко называется эркытъ. *Ч. В.*

тешественника, садится на шею, обвязываетъ его ремнями и ѣздитъ на немъ до тѣхъ поръ, пока (тотъ), выбившись изъ силъ, не падетъ.

Джесъ-терпакъ—мѣдные когти. Это духъ въ образѣ женщины, живетъ также въ лѣсахъ. Преданіе о Джесъ-терпакъ.

Въ сказкахъ существуютъ людоѣды; преданіе о Батырь ханѣ.

При рожденіи дитяти бросаютъ жертву въ огонь, бросаютъ сало, говоря: «у бѣлаго верблюда брюхо распоролось».

Если человѣкъ умретъ въ походѣ, то весь отрядъ, подъѣзжая къ аулу съ крикомъ аі баурумъ (о, мой родственникъ, бауръ — печень), устремляется на юрту и начинаетъ стрѣлять, колоть косяки и рубить дерево юрты (бусаки—косяки).

Есть жертва круговая айнальмакъ, жертва три раза обходитъ существо, для котораго люди дѣлаютъ. Такъ, схватываютъ птицу, окружаютъ три раза вокругъ головы и отпускаютъ. Она беретъ все мое несчастіе и болѣзни на себя. Человѣкъ, дѣлая тоже, принимаетъ и предлагаетъ себя духамъ. Для выраженія любви они говорятъ айналаенъ—обойду вокругъ. Нѣжная мать говоритъ любимому сыну: айналаинъ карагымъ (зрачекъ), чарогымъ (свѣтильникъ), т. е. обойду вокругъ зрачекъ, свѣтильникъ.

Всѣ предсказатели у киргизъ называют(ся) Бакши...... и всѣ предсказанія свои они говорятъ отъ лица своихъ духовъ, которыхъ они, примѣняясь къ настоящему мусульманству, называютъ перете аплеками, а народъ, какъ правовѣрные, хотя и не вѣруетъ въ священность ихъ ..... и хотя называетъ ихъ джинами, но вѣруетъ въ ихъ могущество, въ могущество творить зло, слѣдовательно, всѣ болѣзни и напасти суть вліяніе и порча духовъ; а бакши, ихъ любимцы, могутъ упросить своихъ патроновъ оставить особу, которую онъ беретъ подъ свое покровительство. Впрочемъ, много еще такихъ, которые безусловно вѣрятъ въ сверхъестественность и божественность бакшіевъ. Духи эти бываютъ ...... великіе, средніе и мелкіе, отчего бакши ...... и ихъ силы бываютъ разныя. Великіе лечатъ всѣхъ больныхъ ...... рѣжутъ животы, помогаютъ при родахъ, заставляя своего духа узнать

альбасты, гадаетъ, призывая духа своего игрою. Признаки большаго бакши суть слѣдующіе: во время игры—вкладываетъ саблю въ животъ, впускаетъ до эфеса въ горло, лижетъ раскаленное желѣзо, бьетъ изъ всей силы себя въ грудь топоромъ, и все это сопровождается игрою на кобызѣ, назыв. инструментѣ, принадлежавшемъ аулiе Коркоту, и пѣніемъ, которое называется с а р н ъ. Игра, это—призываніе духовъ, кличка ихъ; во время игры все болѣе и болѣе дурѣетъ, дѣлается неистовѣе и падаетъ. Черезъ нѣсколько времени онъ встаетъ и говоритъ то, что сказалъ ему во время этого обморока его духъ. Это—пророчество. У нѣкоторыхъ еще во время игры являются на лбу, на щекахъ желѣзныя иглы и на рукахъ вмѣсто ногтей ножи. Духи эти имѣютъ имена, какъ отдѣльные индивидуумы повсюду и представляются своимъ бакшіямъ въ видѣ бабы, стариковъ, ходжей и дѣвокъ.—Сары-Кызъ, желтая дѣвка.

Г а д а т е л и. Всѣ бакшы суть гадатели не на собственномъ ихъ способѣ гаданія—игрой съ плетью, держа ее между двухъ пальцевъ . . . . . равновѣсія.

Женщины, имѣющія духовъ, наз. И л ь т ы. Это тоже бакшы.

Гадатели: Д ж а у р у н ч и—по бараньей лопаткѣ, К о м о л а к ч и—раскладываютъ извѣстнымъ образомъ круглые шарики. Число шариковъ 41. Это два рода общеупотребительные. Шарики, говорятъ, употреблялъ пророкъ Данiилъ (Даніеръ). Первое основывается на наблюденіяхъ линій, которыя образуются отъ линій при ея обжиганіи. Баксы говорятъ, что лопатка всегда показываетъ полную судьбу семи народовъ: смерть царей этихъ народовъ, смерть людей, басбаки и судьба путешественниковъ.

Сильнѣе тѣ, которые гадаютъ по необожженной лопаткѣ.

Для гаданія употребляется лопатка; вываривъ, мясо съѣдаютъ, но до кости не должно касаться зубами; когда бросаютъ въ огонь, то около не должно быть желѣза. Анекдотъ о предсказаніи одного кумалакчи и о объясненіи джаурунчи.

Ильты гадаютъ обыкновенно по цвѣту пламени, бросая въ огонь жиръ: если горитъ свѣтло—значитъ предзнаменованіе хорошее, темно и красно—нехорошо. При этомъ джинъ тре-

буетъ какой нибудь эксцентричности отъ бакши. Она все время пьетъ воду—ведро, или цѣлый рогъ табаку.

Предсказатели метеорологіи называются исабчи—числитель. По ихъ мнѣнію и погода имѣетъ извѣстный оборотъ, смотря по созвѣздію: такъ, берутъ всегда за алфу саратанъ, апрѣль, и созвѣздіе джауза (ракъ), его 1-е число соотвѣтствуетъ первому числу мѣсяца карача (октябрь) и созвѣздію каусъ (августъ).

Изъ бакши прославились боганалинецъ Койулубай, это патронъ всѣхъ бакшей. (Еще Балокай, боганалинецъ, и въ настоящее время въ кокчетавскомъ округѣ бакши Чуменъ). Кокаманъ и Иръ-Шайланъ—это его духи. Иръ-Шайланъ главный Надыръ-Чулакъ. Разсказываютъ, что онъ на одну байгу поставилъ свой кобузъ, предварительно съ мѣста приказалъ его привязать. Когда показалась далекая пыль байги, Койлубай съ саблею въ рукахъ началъ свою игру и пѣніе сарнъ, вдругъ со стороны байги показался страшный ураганъ и подулъ порывистый красный вѣтеръ, наконецъ въ хаосѣ пыли и тьмы показались первыя лошади и впереди саксауловое дерево съ огромнымъ корнемъ, задѣвая то однимъ концомъ, то другимъ землю и волоча за собою длинный арканъ. Это былъ кобызъ Койлубая. Вѣтеръ и ураганъ это были силы его духа Кокамана. Призъ былъ полученъ.

Ни одинъ духъ баксія изъ албасты, давителя при родахъ, не (имѣя власти?) Койлубая: для албасты слѣдовало Койлубаю послать только плеть или шапку, тотчасъ оставлялъ. Въ народѣ до сихъ поръ есть сказаніе объ одномъ случаѣ, когда на лбу появились морщины . . . . . Глава духовъ его изъ періевъ былъ Надыръ Чулакъ, изъ джиновъ—Кокаманъ и изъ шайтановъ – храбрый Чайланъ. Духовъ своихъ онъ держалъ въ строгомъ порядкѣ: они составляли три курже и по его требованію обязаны были выставить хорошо вооруженный отрядъ.

Все это сказаніе изъ устъ народа:

Однажды во снѣ по обыкновенію съ докладомъ явился Надыръ Чулакъ, глава періевъ, и объявилъ ему, что черезъ нѣсколько дней при родахъ одной женщины будетъ самъ царь

албастыевъ и совѣтовалъ ему туда не ѣздить, говоря, что уже довольно мы возстановили на себя собраніе духовъ, ради прихотей человѣка. Вставшій на утро Койлубай, при разговорѣ, сообщилъ поверхностное замѣчаніе, что на дняхъ будутъ страшные роды. Дѣйствительно, черезъ два дня явился гонецъ отъ такого-то бія, прося помощи Койлубая. Всѣ киргизы были увѣрены, что пока есть Койлубай, они защищены отъ всѣхъ напастей, кромѣ смерти, такдыря (судьба), и гонецъ явился очень веселый, въ полной надеждѣ на могущество Койлубая. Не ѣхать—значитъ потерять авторитетъ и показать свое безсиліе противъ такихъ ничтожныхъ чертей, каковы албасты, ѣхать—значитъ не уважить просьбы и совѣтовъ Надыря и рисковать собой. Но честолюбіе, великій двигатель народа киргизскаго, взяло верхъ, Койлубай отправился въ путь, отпустилъ гонца впередъ и приказалъ ему собрать двѣсти человѣкъ около юрты больной, отворить въ юртѣ двери и тюндукъ (верхъ юрты). Два вторыхъ куряна въ полномъ вооруженіи подъ начальствомъ Кокомана и Чайлана, при немъ Надыря не было: онъ былъ оскорбленъ и не поѣхалъ. Подъѣзжая къ юртѣ, поднялъ гвалтъ и, размахивая саблей, въѣхалъ въ юрту и устремилъ глаза полные гнѣва и безстрашія на чапаракъ юрты, размахнулъ саблей, сабля ударилась обо что-то, звонъ былъ металлическій . . . . . Койлубай крикнулъ и упалъ бездыханный съ лошади, терзаемый ужасными конвульсіями. изо рта и ушей струилась черная запекшаяся кровь. Больная, лежавшая прежде въ самоуныніи, упала въ обморокъ. Когда Койлубай увидѣлъ на чапаракѣ царя албастіевъ на черной, какъ черный бархатъ, лошади, закованнаго съ головы до ногъ въ синее желѣзо, (съ) однимъ глазомъ, огромнымъ, какъ чашка для кумысу, торчавшимъ на срединѣ широкаго лба,—онъ злобно улыбался на Койлубая и говоритъ: «тебя мы уважали и дали много, но дай же хоть разъ намъ» и въ рукахъ держалъ огромное красное знамя—атрибутъ своей побѣды. Металлическій звонъ былъ звономъ его панцыря, онъ побѣдилъ Койлубая.

Народъ былъ въ ужасѣ: Койлубай лежалъ, какъ издохшая лошадь среди степи, въ юртѣ—какой-то туманъ покрывалъ

юрты, и страшный сверхъестественный шумъ и гулъ смущали души людей. Это была ужасная битва между курянами духовъ Койлубаевскихъ и одноглазымъ царемъ албастіевъ. Черный скакунъ игриво вертѣлся надъ духомъ и онъ твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ. Вдругъ вдали подулъ страшный вѣтеръ, огромная черная туча съ страшнымъ громомъ, съ ужасной быстротой неслась по воздуху и надъ юртой вдругъ опустилась: мракъ покрылъ воздухъ, шумъ усилился, раздался трескъ, туча быстро направилась на западъ. Это былъ Надыръ Чулакъ, онъ не могъ перенести бѣду своего любимца, съ отборной дружиной, съ короткимъ сосновымъ кольемъ, груда-ломомъ, явился и вонзилъ копье въ самую грудь одноглазаго шайтана. Албасты бѣжалъ. Лишь только прояснилась туча, Койлубай вскочилъ съ мѣста, крича: «айналаенъ Надыръ Чулакъ (буду кружиться), я твоя жертва»! Схватилъ кобызъ, началъ играть, крича во все горло: «схвати его живого и приведи его ко мнѣ». Больная тоже вошла въ себя: «иншъ Аллахъ, тауба» (слава Богу, прости, Боже!). Албасты были разбиты на голову, царь ихъ полоненъ и связанный представленъ къ Койлубаю: его приняли въ службу, назначивъ начальникомъ албасты.

Преданія и легенды Большой Киргизъ-Кайсацкой орды.

Киргизы Большой орды производятъ себя отъ древняго монгольскаго рода Уйсуновъ, родоначальникомъ своимъ— Майки бія, современника Чингизъ-хана.

О происхожденіи же народа киргизскаго Казакъ, о соединеніи своемъ въ союзъ трехъ ордъ казачьихъ имѣютъ весьма темное понятіе. Одни изъ нихъ говорятъ, что киргизы произошли отъ Ногайцевъ, заблудившихся въ степяхъ Ишимскихъ. Говорятъ, что предки ихъ не имѣли ни рода, ни племени, долго скитались по степи, пока не похитили себѣ женъ отъ какого-то невѣрнаго народа Чегенъ; а такъ какъ ногайцы были мусульмане, а жены ихъ невѣрныя, то и народъ киргизскій, произошедши отъ нихъ смѣшенія . . . . въ себѣ и въ своей религіи смѣшеніе двухъ элементовъ. Надо сказать вообще, что преданія этой орды носятъ на себѣ слѣды тюркестанскаго вліянія и сами киргизы опираются на ихъ сказанія; такъ говорятъ узбеки, такъ мы слышали въ Коканѣ. Вотъ другое преданіе, очевидно произшедшее подъ религіознымъ вліяніемъ среднеазіатскихъ мусульманъ. Родоночальникомъ Средней Орды былъ товарищъ, сахаба, Мухаммеда «избраннаго». Пророкъ, по откровенію архангела Гавріила, узнавъ о скоромъ своемъ оставленіи правленія сего тлѣннаго міра, чтобы тамъ въ Эдемѣ, на лонѣ Гуріи отдыхать вѣчно и вѣчно, призвалъ своихъ друзей и товарищей и сказалъ имъ объ этомъ, прося прощенія, если онъ сдѣлалъ кому нибудь изъ нихъ обиду. Всѣ плакали и говорили: «ты другъ Аллаха, какъ же могъ ты сдѣлать обиду»! Только одинъ сахаба, по имени Оксе, объявилъ претензію, что пророкъ при осадѣ какого-то города безвинно

ударилъ его въ спину. Мухаммедъ дѣйствительно вспомнилъ свою ошибку и въ возмездіе предложилъ ему свою спину. Абубекръ, Омаръ, (Османъ), Али и другіе вельможи тщетно отговаривали Оксу оставить безразсудное свое намѣреніе, Оксе ничего не хотѣлъ слушать и, при общемъ проклятіи народа, подошелъ съ плетью къ священной спинѣ любимца Аллаха и просилъ его обнажить тѣло. Пророкъ снялъ свое верхнее платье: Оксе того и нужно было: онъ зналъ, что на спинѣ «избраннаго» есть Божія печать, приложившись къ которой смертный дѣлается недоступнымъ адскому огню. Оксе вмѣсто ожидаемаго удара только наклонилъ голову, поцѣловалъ и отошелъ прочь. Но за неудовольствіе, причиненное имъ пророку и по . . . . . общественнаго проклятія Богъ обрекъ его и его потомковъ бродяжничеству, благословивъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на довольство и безбѣдность. Отъ него происходитъ . . . . . . родоначальникъ . . . . . и всего народа.

Родоначальникомъ . . . . . поколѣнія Большой орды Уйсуновъ считаютъ они какого-то Тобея, жившаго еще задолго до . . . . . . Тобей имѣлъ, по преданію, четырехъ сыновей— Коёлдера, Мекрепа (sic), Майки и Когама. От Коелдера произошли Катгомы, что впослѣдствіи . . . . . . вошли въ составъ новаго народа Узбековъ (. . . . главный родъ . . . . .). Отъ Мекрепа произошли . . . ., отъ Майки—собственно Уйсуны. (Когами) былъ родоначальникомъ Канглoвъ. Абакъ, сынъ Майки, отъ старшей жены имѣлъ сына Байде бека, отъ второй . . . . . . и отъ рабыни . . . . ., у Байкекъ старшій сынъ былъ Сары . . . . . ., второй же, Джоркча, былъ сынъ второй жены, по киргизскому—ауліе, святая. Отъ Джоркчаковыхъ трехъ дѣтей произошли, отъ перваго, Албака—Адбаны, отъ 2-го Дулата—Дулеты и Сувана—Суваны. Меркесъ родоначальникъ . . . . имѣлъ двухъ сыновей: Чуманыка и Свamанока. (Сбоку написано: Адбагъ имѣлъ двухъ сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркулъ и Таубазаръ, у Чебеля . . . . .). Дѣти назывались . . . . . .; а дѣти Майки носятъ собирательное имя—Абакъ. Названіе же . . . . . даваемое всей ордѣ, употребляется по большинству

. . . . . . собственно Уйсуновъ, но употребленіе въ строгомъ смыслѣ преданіе не допускаетъ. Сказанія орды говорятъ, что они были отдаленнымъ народомъ до . . . . ., что Майки бій уйсуновъ участвовалъ . . . . . при избраніи . . . . . на ханство.

Что же касается до соединенія ихъ въ составъ народа . . . . . они говорятъ такъ: Золотая и Джагатайская . . . . внутреннія безпокойства разъединили единство племенъ, некому было содержать властей и заботиться объ обществѣ, каждый родъ долженъ былъ думать о себѣ; тогда въ степяхъ Ишимскихъ собравшійся народъ . . . .
. . . .

Старики говорятъ, что Ногай было общее названіе . . . . . . кочевыхъ татаръ, для отличія отъ полуосѣдлыхъ. Ногай ли, Узбекъ ли . . . . . . ихъ называли Ногай.

Дѣйствительно . . . . . не мудрено при этомъ дѣлать гипотезу, что Ногай, «собака», дано было кочевникамъ ихъ же собратьями, которые принявъ въ Золотой Ордѣ при Узбекѣ и въ . . . . при . . . . . ханѣ мусульманство и . . . . . называли улусниковъ за ихъ пристрастіе къ древнѣйшимъ повѣріямъ и старымъ обычаямъ—собаками.

У киргизовъ, Наймановъ и крымскихъ Ногайцевъ остатки магометанства (должно быть: язычества) все еще въ . . . . . и время не могло истребить ихъ до насъ. Что же касается послѣдующей исторической судьбы этого народа, какъ орды . . . . . преданіе говоритъ такъ: До . . . . . храбраго (1636) всѣ орды были . . . . . и управлялись однимъ ханомъ. Уй . . . . за-Чуйскихъ и находились въ сосѣдствѣ съ резиденціей хановъ . . . . . непосредственно . . . . . самого хана. При . . . . . ханѣ (. . . . .) они брали съ нимъ вмѣстѣ Ташкентъ.

Киргизское родословіе [1]).

Вотъ родоподраздѣленіе киргизъ въ томъ строго неизмѣнномъ порядкѣ, какъ принято у нихъ. Самый порядокъ раздѣленія, обусловливая собою право старѣйшинства и силу племени, что и по понятію киргизъ выражается правомъ физическаго первородства предка, имѣетъ большое значеніе въ ихъ родовомъ правѣ и принимается совершенно въ генеологическомъ смыслѣ: посему форма отношеній ордъ къ ордамъ и родовъ одной орды между собою соотвѣтствуютъ правамъ кровнаго братства, а отношенія родовъ къ своей ордѣ — отношенію сына къ отцу, къ старшему роду старшей орды— отношеніемъ племянника къ дядѣ, всего болѣе характеризуется этотъ патріархальный родовой бытъ—отношеніемъ въ диспутахъ степныхъ импровизаторовъ изъ разныхъ родовъ о превосходствѣ и старѣйшинствѣ своего предка. . . . . . . ; но здѣсь не мѣсто о томъ говорить, а потому возвратимся опять къ племенамъ киргизскимъ. Къ киргизамъ принадлежали и принадлежатъ еще по общему имени казакъ, племена Кангли, Чапчклы и Керейты, которые отдѣлились отъ ордъ послѣ смерти хана Ишима (жившаго около 1630 г.) и теперь вмѣстѣ съ родомъ Средней орды Конрадъ, отдѣлившимся при ханѣ Валіи . . . . . кочуютъ въ Бухарѣ, Кокапѣ, Ташкентѣ и всего болѣе на горахъ Кара-тау и по рѣкѣ Таласъ съ узбекскими родами . . . . Не считаю нужнымъ говорить о древности Кипчаковъ, Кангли, ... Джалаировъ, Наймановъ, Керейтовъ, Киритовъ, это должно быть извѣстно сколько-нибудь знакомымъ съ исторіею Чингиса и его завоеваній. Кангли и Кипчаки, какъ сильные народы тюркскіе, упоми-

[1]) Черновой набросокъ съ многочисленными пропусками.—*Ред.*

наются восточными историками, еще въ баснословную эпоху Огуза. Канглы, по свидѣтельству Абуль-гази, еще до нашествія монголовъ, жили по Иссыкъ-кулю, Джуду и рѣкѣ Тапасу [1]), а кипчаки, со времени Огуза до Чингисхана въ продолженіе 400 лѣтъ жили на пространствѣ рѣкъ Дона, Волги и Урала, почему и страна ими обитаемая получила названіе Дешти Кипчакъ. Константинъ Багрянородный называетъ турецкій народъ Пацинаковъ старожилами земель по рѣкамъ Атиль, Геихъ и Танаисъ; вообще же Пацинаки, Куманы, Узы, какъ народы сродные, единоплеменные были совершенно извѣстны византійцамъ въ концѣ VII вѣка, а о Куманахъ-половцахъ, принимаемыхъ многими учеными за кипчаковъ, упоминается подъ 1078 годомъ.

Въ царствованіе Ботандата (Извѣстія визант. историковъ, ч. 4, стр. 134) Найманы, Джалаиры и Кирейты были народы монгольскіе по свидѣтельству восточныхъ историковъ и имѣли еще до Чингиса своихъ хановъ. Найманы жили около Каракорума, Джалаиры большіе и малые . . . . составляли по . . . . Керейты были сосѣди Наймановъ, и по словамъ Абуль-гази, было самое сильное изъ всѣхъ племенъ. . . . . Конрады были монголы . . Кіяты были въ родствѣ съ Чингисъ-ханомъ и съ его послѣдующими потомками, черезъ что беки ихъ. . . . . имѣли большое политическое значеніе и силу, Дуланы, Суваны и Уйсуны встрѣчаются въ . . . . подъ именами . . . . . . и являются въ числѣ 10 племенъ монгольскихъ, происшедшихъ отъ Норуновъ и Кіятовъ (. . . . .). О

[1]) Озеро Иссыкъ-куль лежитъ на точкѣ совпаденія границъ Китая, Коканда и земель Большой киргизской орды. Въ долинѣ его, образуемой на сѣверѣ горами снѣжными Кунега и на югѣ Курпечъ-Алатау, кочуютъ собственно киргизы, для отличія отъ степныхъ кайсаковъ назыв. Дикокаменными, черными и Бурутами.

Рѣка Чу (. . . . . Абуль-гази я принимаю за эту рѣку) вытекаетъ изъ сѣверной покатости горъ Курпечъ-алатау. Рѣка Таласъ впадаетъ въ озеро Кара-куль и беретъ начало изъ снѣжнаго хребта, раздѣляющаго эту рѣку отъ Чу. Въ степной долинѣ между рѣкъ Чу и Сыръ по теченію Таласа въ горахъ Кара-тау кочуютъ и теперь киргизскіе . . . . У Абуль-гази названія этихъ мѣстъ написаны такъ . . . . *Ч. В.*

движенiи народа Усунь съ сѣверо-западныхъ границъ Китая въ нынѣшнiй Илiйскiй округъ (въ нынѣшнiя мѣста кочевья Большой Киргизской орды) упоминаютъ китайскiе историки еще за два вѣка до Р. Х. (От. Дж. и Вост. Туркестана). Племя Аргынъ встрѣчается очень поздно въ числѣ народовъ монгольскихъ Джагатайской орды. У Гулаку была жена изъ племени Аргунъ.

Именъ Уакъ Кирей, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ между древними племенами монголо-тюркскими, но въ киргизской поэмѣ Эдиге въ числѣ бековъ Тохтамыша есть представитель Уаковъ. О происхожденiи именъ Алчинъ, Байулы, Алимъулы см. ниже.

Курлауты (древнее монгольское племя, см. . . . .) составляютъ теперь между киргизами отдѣленiе отъ рода Кипчакъ. Подобное соединенiе племени монгольскаго Курлаутовъ къ народу турецкому Кипчакъ, въ видѣ или качествѣ вѣтви его, дѣйствительно странно, но говоритъ Левшинъ (Опис. киргизъ-кайсацкихъ степей, стр. 42), а есть союзъ разныхъ монгольскихъ и турецкихъ племенъ отъ Золотой . . . . и Джагатайской орды, соединившiеся вслѣдствiе общихъ интересовъ и извѣстныхъ обстоятельствъ въ одно политическое тѣло. Примѣры подобныхъ союзовъ въ исторiи монголо-тюрскихъ племенъ нерѣдки, мы знаемъ монгольскiй союзъ ойратовъ и турецкiй уйгуровъ.

Въ смутныя времена, предшествовавшiя основанiю ханствъ Казанскаго, Крымскаго и Астраханскаго, первыя племена Золотоордынскiя и Джагатайскiя, раздробленныя и разбросанныя грабительскими смутами въ разныя стороны и страны для обезпеченiя своихъ правъ въ мѣстахъ своего кочевья составляли союзы и, пригласивъ какого-нибудь принца Чингисовой крови, провозглашалъ его ханомъ. Такимъ образомъ, изъ разноплеменныхъ родовъ составилась политическая отдѣльная община . . . . независимо . . . . Такъ основались и утвердились орды . . . . Ногайская въ Сарыйчакѣ, Могулъ-улусъ—въ Ташкентѣ и Казакъ — въ степяхъ за-Сейхунскихъ. Всего больше утверждается это предположенiе замѣчательнымъ составомъ родовъ киргизскихъ:

между ними вы встрѣчаете Кипчаковъ, племени золото-ордынскаго, Аргыновъ—племени Джагатайскаго, Уйсуновъ—сосѣдей Уйгуровъ и Джунгаровъ. Для большей ясности разсмотримъ самое преданіе ихъ о своемъ «народоначалѣ».

Народъ казакъ (такъ называютъ себя и зовутся отъ своихъ азіатскихъ сосѣдей киргизы) раздѣляется на *три сотни—юзъ*, которыя русскіе называютъ ордами и которыя по старшинству у нихъ наз. большая, средняя и меньшая сотня, или, какъ принято, орда составляется изъ четырехъ главныхъ основныхъ родовъ: Дулатъ, Джалаиръ, Абданъ и Суванъ, всѣ они совокупно, въ видѣ нарицательнаго имени, называются Уйсунъ; названіе, происшедшее отъ имени сильнаго племени Уйсуновъ, принадлежавшихъ прежде къ союзу вышепоименованныхъ родовъ этой орды, но впослѣдствіи присоединившихся къ Джунгарамъ и Уйгурамъ; собственно же остатки ихъ существуютъ и нынѣ и принадлежатъ въ качествѣ отдѣленія къ роду Дулатъ и называются Сары-Уйсунъ. Среднюю орду составляютъ основные роды: Аргинъ, Кипчакъ, Конратъ, Найманъ, второстепенные, присоединившіеся послѣ—такіе роды у киргизъ называются . . . . . . Джетыру Али роды—Уакъ и Кирей. Меньшая орда состоитъ изъ двухъ коренныхъ родовъ: Алимъ-улы, Бай-улы и изъ одного . . . . джетыру: Алчинъ, собирательное имя всѣхъ родовъ меньшей орды, также какъ Уйсунь—Большой.

Начало народа *Казаковъ* или *Алачъ*, какъ *казаковъ*, преданіе это опредѣляетъ довольно положительно: если Тамерланъ, въ первый свой походъ въ 1392 г. на Тохтамыша, убилъ дѣтей *Алача* и перваго хана казачьяго, то приблизительно можно полагать, что самъ Алачъ могъ жить въ срединѣ XIV ст. Нѣтъ сомнѣнія, что *казачество* началось и развилось въ Азіи и перешло къ Русскимъ отъ Татаръ;—въ русскихъ лѣтописяхъ (въ Псковской), рязанскіе казаки упоминаются въ 1444 году, когда они пришли на помощь къ Москвѣ и (сражались) противъ татаръ, а въ украйнѣ 1517, по свидѣтельству . . . . Окольскаго, они ходили тогда на Бѣлгородъ (Аккерманъ) подъ начальствомъ гетмана своего Предслава Ланцкоронскаго (см. Карамзина. Прим. 411 къ V т.

и IV гл.). У татаръ они должны были развиться ранѣе. Привольныя и обширныя степи Киргизскія, какъ Украйна для Руси, сдѣлались мѣстомъ стеченія удальцовъ и батырей, искавшихъ свободу и богатство въ добычахъ. Если Русскіе казаки, Запорожскіе и Донскіе, очень скоро составили отдѣльную и характерную народность, болѣе или менѣе различную отъ велико-русскаго населенія, то нѣтъ сомнѣнія, что смутныя времена междоусобій орды, выгоняя не отдѣльныя личности, какъ на Руси, а цѣлыя племена, способствовали къ образованію отдѣльной казачьей общины изъ разнородныхъ племенъ;—какъ русское казачество составилось изъ союза только разнородныхъ и разноплеменныхъ личностей. А потому начало союза *Алачъ*, татарскихъ казаковъ, какъ казачества, я принимаю вполнѣ и думаю, что миѳъ киргизскій о Алачѣ и Аласѣ, какъ выраженіе этого начала, имѣетъ основаніе. У народовъ азіатскихъ, свобода и независимость могли обусловливаться только въ лицѣ отдѣльнаго хана и своего родоначальника. Усиленіе казаковъ союзомъ разныхъ выбѣжавшихъ племенъ отъ ордъ Кипчаковской и Туркестанской, конечно, дѣлалось и образовалось постепенно—исподволь. По старшинству племенныхъ союзовъ они составляютъ старшія орды — большую и среднюю (см. выше родоподраздѣленіе Киргизъ) передъ-казачествомъ (Малая орда, какъ мы замѣтили выше, происходитъ отъ первыхъ бродягъ основателей). Можно полагать, что казаки присоединились къ союзу племенъ образов. въ степяхъ киргизскихъ. Кочевая степная жизнь и хищнич. наклонности—общее свойство и наслѣдіе племенъ степныхъ, кочевыхъ могло утвердить за новымъ союзомъ ихъ новыхъ поколѣній имя *казакъ*, которое, какъ можно полагать изъ Шейбани-намэ . . . . . въ то время имѣло значеніе довольно почтенное и означало возвышенность духа, здравость—соотвѣтствовала европейскому рыцарству [1]).

Кочевой степнякъ, для отличія отъ своихъ городскихъ родовичей-сосѣдей, Узбековъ и Ногайцевъ, гордился именемъ

---

[1]) Въ Шейбаніадѣ очень часто говорится, что Мурза такой-то, Багадуръ такой-то были славны въ казачествѣ.

Не даромъ Запорожцы называли себя рыцарями!

казака, — свободнаго степняка, кочеваго человѣка. Г. Левшинъ говоритъ утвердительно, что въ XVI столѣтіи, въ степяхъ Кипчака и Чете, были два сильныя владѣнія: Улусъ-Могулъ подъ владычествомъ хана Дадана и *Казакъ* и что въ это-то время къ Казакамъ присоединились, или силою были присоединены разныя отпавшія отъ Золотой орды отдѣленія многихъ народовъ, какъ-то: Кипчаки, Найманы, Конрады, Джалаиры, Канлы и другія отрасли, коихъ названія нынѣ носятъ сильнѣйшія поколѣнія, роды и отдѣленія ордъ Киргизъ-кайсаковъ . . . . сообразивъ образованіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ родовъ киргизскихъ, при послѣднихъ ханахъ, его можно легко объяснить или даже привести общее правило племенному образованію и соединенію ордъ казаковъ. Аблай-ханъ въ одномъ изъ своихъ чапу на киргизовъ . . . . (для отдѣленія отъ киргизъ-кайсаковъ, русскіе народу этому даютъ прилагательное дико-каменными, черными, а китайцы назыв. Бурутъ) вывезъ въ свою орду нѣсколько сотъ *джесырей* (плѣнниковъ); эти Буруты, кочуя вмѣстѣ съ Атыгаевскимъ родомъ средней орды отъ племени Аргынъ, постепенно сливались и теперь составляютъ отдѣленіе этого рода подъ именемъ *Янà-Киргизъ* и *Бай-Киргизъ* и, для полученія генеалогическаго права братства родовъ, производятъ себя отъ одного изъ 12 сыновей Даута (родоначальника Атыгаевъ). Другой примѣръ: родъ большой орды—Керейтъ отдѣлился отъ союза казаковъ и соединился съ узбекскими родовичами Керейтами, а небольшой остатокъ его, впослѣдствіи возвратившійся въ степь, присталъ по сосѣдству къ Малой ордѣ къ Се(миродскому) поколѣнію и теперь составляетъ его отдѣленіе и производитъ себя отъ родоначальника этого поколѣнія Каракат . . . а (?).

Сами же киргизы, какъ я замѣтилъ выше, названія своихъ родовъ объясняютъ именами родоначальниковъ, предковъ; но о Кипчакахъ, Найманахъ, Конрадахъ и о другихъ основныхъ родахъ говорятъ, какъ народахъ древнихъ, временъ чингисовскихъ, а современное соединеніе ихъ въ общій союзъ ордъ—каждое племя присоединившихся принимается за нѣчто недѣлимое . . . . и принимаетъ значеніе ге-

неологическое. Собственно прямыми потомками первыхъ казачествующихъ батырей [1]), давшихъ первичную самобытную жизнь союзу ихъ, почитаютъ меньшую орду, основываясь на древне-монгольскомъ законѣ, который, надо замѣтить, имѣетъ у нихъ до сихъ поръ наибольшую силу и значеніе, — что право на наслѣдіе родителей, на ихъ имущество . . . . принадлежитъ младшему сыну, или младшему члену фамиліи *Кендре* (?) Посему, названіе *Алчинъ*, собственное имя племенъ всей этой орды, производятъ отъ имени перваго законника-бія шайки казаковъ. *Алача*, одно отдѣленіе этой орды— байулакскаго рода называется прямо *Алача*.

Узбеки Туркестанскіе, какъ видно изъ родоваго дѣленія ихъ, составляли также союзъ племенъ, но союзъ гораздо обширный, нежели союзъ казаковъ. Вотъ роды Узбековъ бухарскихъ: *Конратъ* — въ Карши, *Мангитъ* — въ Бухарѣ, *Хитай*—въ Яртъ-Курганѣ, *Кипчакъ* — въ Талакѣ (?), *Найманъ* — въ Зеодинѣ, *Джалаиръ*—въ Пянджшамба, *Сарай* и *Ябу*—въ Карши, *Сары-Кита*—въ Курганѣ, *Діахли*, *Мингъ*, *Митна*, *Бахринъ*, *Баркутъ*, *Катганъ*, *Чендеръ*, *Кара-Калпакъ* и др. Кромѣ Бухарскихъ родъ Юзъ—въ Коканѣ, Лакай и Ютъ—въ Гисарѣ, Конратъ—въ Байрунѣ и Ордіандръ (?)— Хивѣ, Дурш(м)анъ — Кауадіанѣ, Катганъ — въ Ку...., Монтанъ — въ Кулумѣ, Канезы—въ Гейбакѣ и Ташкентѣ, Кипчакъ—въ Бухарѣ (?), Хивѣ, Коканѣ, Ябу тоже—въ Бухарѣ. Между племенами крымскихъ и кубанскихъ Ногайцевъ есть племена Найманъ, Кипчакъ и Конратъ и, что особенно замѣчательно, роды Киргизъ и Казаковъ [2]) (у Ногайцевъ Кавказскихъ). Въ числѣ волостей Башкирскихъ есть родъ *Кипчакъ*, который относительно коренныхъ волостей составляетъ башкирское отродье.

---

[1]) См. ниже преданіе киргизовъ о своемъ происхожденіи.

[2]) Извѣстно, что Ногайцы въ XVI вѣкѣ имѣли города и кочевали въ степяхъ, которыя теперь извѣстны подъ наз. Киргизъ-Кайсацкихъ. Границей ихъ земель на востокѣ были, какъ можно полагать по сохранившимся преданіямъ и остаткамъ мечетей—имъ приписываемыхъ,— горы *Алатау*. Дико-каменные киргизы, живущіе въ горахъ и долинахъ *Иссыкъ-куля*, говорятъ, что въ земляхъ ихъ прежде кочевали Ногаи и что сами они частію происходятъ отъ смѣшенія съ этими ногайцами. Гово-

Соединеніе почти однихъ и тѣхъ же племенъ Монголо-Тюркскаго корня въ составѣ трехъ разныхъ народовъ, родовыя права союза, обусловленное въ параллель братскаго союза, наконецъ, подтверждающія преданія и историческія показанія Шейбаніяды и Абульгази о войнахъ Узбековъ, гдѣ, сохраняя ихъ родовыя права и старшинство отъ . . . . . родовъ и дѣйствуя . . . . . чуждымъ . . . . . , каждое племя въ лицѣ родоначальника бія, дѣйствуетъ отдѣльно, сообразуясь только съ общимъ интересомъ олицетвореннаго союза въ лицѣ *хана.* Все

рятъ также, что на берегу ихъ озера прежде было нѣсколько городовъ ногайскихъ, но землетрясеніе оборвало берегъ. Озеро Иссыкъ-куль въ бурные и вѣтренные дни очень часто выбрасываетъ на берегъ принадлежности домашней жизни. Сказаніе о ногайскихъ городахъ могло быть послѣднимъ объясненіемъ этого явленія. Какъ бы то ни было, Ногаи съ Казаками, своими сосѣдями на юго-западѣ и Киргизами на сѣверо-востокѣ (Киргизы жили по Енисею, Томи и рѣкамъ Черная и Бѣлая Юса и на востокъ могли простираться до р. Абакана и Ангары) были въ отношеніяхъ близкихъ и пріязненныхъ, по крайней мѣрѣ, преданія Киргизъ, гдѣ говорятъ о *блаженныхъ* временахъ сосѣдства Ногаевъ и Казаковъ и всѣ джиры ихъ близкіе этому времени начинаются такъ: . . . Ногаи въ срединѣ XVII столѣтія тѣснимые съ востока калмыками, въ движеніи своемъ на западъ могли увлечь за собою небольшую часть совмѣстно кочевавшихъ Казаковъ и Киргизъ. Хотя въ книгѣ Б. Чертежа сказано, что Ногаи Большіе кочевали по Уралу до Синяго моря, но основываясь на извѣстіяхъ Миллера, что въ пространствѣ степи Тарской было нѣсколько улусовъ ногайскихъ, платившихъ дань русскимъ и, наконецъ, на томъ, что волости и городки сибирскіе: Мерзлый городокъ, Турашъ и Малогородскія волости (за Тарой, вверхъ по Иртышу) и Вузюковы волости (близъ озера Чанъ), городокъ Тунусъ (. . . . . по р. Турѣ . . . .) волости на Убинскомъ озерѣ въ Барабѣ: Чангула, Лугуй, Келема и пр. въ 1594 году платили дань Алею-Мурзѣ ногайскому. (Истор. Миллера, изд. 1750 г. стр. 272 и 295). Можно полагать, что кочевья Ногайскія простирались гораздо далѣе на западъ отъ Ишима, гдѣ были предѣлы одной Ногайской орды, куда бѣжалъ въ послѣдній разъ Кучумъ.

Довольно странно и замѣчательно, что всѣ почти кочевые народы среднеазіатскихъ степей все древнее приписываютъ Ногаямъ и многіе почитаютъ ихъ своими предками. Такъ говорятъ Кара-Калпаки, Дикокаменные Киргизы, которые, судя по скуднымъ фактамъ исторіи этого народа, особеннаго родства и сосѣдства имѣть не могли. Отчего или откуда происходитъ имя Ногай?

Въ 1-й четверти XVI столѣтія въ . . . . нашихъ степяхъ было большое броженіе кочевыхъ племенъ — независимость перекочевокъ; готовился переворотъ, нужна была новая жизнь.

это, очевидно, подтверждаетъ мое предположеніе о происхожденіи ихъ, какъ союза племенъ, отъ Золотой и Джагатаевой ордъ, которыя вслѣдствіе смутъ и безпорядковъ въ XV вѣкѣ, сдвинуты съ коренныхъ мѣстъ жительства и приведены въ смутное, безпорядочное движеніе или бѣгство (бусу [1]))— совершенно раздробились на части и попали въ разныя мѣста и земли въ смѣшеніи съ . . . . . . отдѣльными частями другихъ племенъ. Сначала . . . . самохран. . . . и сообразно съ мѣстными условіями мелкія части племенъ или искали защиты у болѣе сильныхъ, присоединяясь къ нимъ въ качествѣ . . . . . части, или входили въ болѣе тѣсныя, братскія отношенія подъ-отдѣленія между собою, составляя общество, массу людей, для обезпеченія себя отъ насилія племенъ сильныхъ, т. е. менѣе раздробленныхъ. Такъ могли образоваться первые союзы . . . . . . ; какое бы то ни было соединеніе племенъ турецкихъ Кипчаковъ и Аргуновъ, племенъ образовавшихся очень поздно, при Гулау, ясно указываетъ на позднѣйшее происхожденіе казаковъ и на происхожденіе ихъ отъ смѣшенія Тюрковъ и Монголовъ, но съ значительнымъ перевѣсомъ монгольскаго корня. Чрезвычайно трудно, почти невозможно, достовѣрно опредѣлить время начала самостоятельной, новой жизни этого союза, появленія этого союза, какъ независимо цѣлаго народа, хотя народное преданіе относительно этого пункта и представляетъ довольно точныя показанія, но все они не факты историческіе. Народныя преданія всякой жизни, особенно преданія историческія, чрезвычайно любопытны, не хочу сказать важны; въ этомъ отношеніи преданія киргизъ занимаютъ почетное мѣсто, по своей чрезвычайной простотѣ, ясности и по отсутствію сверх-

---

[1]) Для выраженія разстроеннаго и безалабернаго бѣгства кочующихъ племенъ отъ нашествія или грабежа, или же по однимъ только слухамъ о предстоящей опасности, существуютъ въ языкѣ татарскомъ характеристичные глаголы: . . . . . .

Примѣровъ подобныхъ движеній у Киргизъ было нѣсколько разъ: однажды Средняя орда отъ рѣки Чу *прибѣжали* подъ Ор. . . . по слухамъ о движеніи Зюнгарцевъ сдѣлать чапу, а Большая въ то же время дошла съ Балхаша до Бухары.

естественнаго и баснословнаго, и во многомъ подтверждаются извѣстіями Абульгази и особенно . . . . . , которая замѣчательна уже тѣмъ, что написана киргизъ-кайсакомъ. Несмотря на изустную передачу, въ продолженіи многихъ лѣтъ и черезъ уста многихъ поколѣній, всѣ древніе джиры и преданія, благодаря удивительнымъ способностямъ и памяти импровизаторовъ и любви самаго народа до пѣсенъ, джировъ, преданій и сказокъ о подвигахъ своихъ предковъ, сохранились до сихъ поръ довольно чисто и всѣ ихъ списки, собранные изъ разныхъ отдѣльныхъ частей обширной части степей, чрезвычайно сходны. О киргизахъ можно положительно сказать, что они сохранившійся остатокъ древней татарщины, со всѣми ихъ повѣрьями, обычаями, увеселеніями, но съ болѣе умственными достоинствами—съ огромнымъ запасомъ историч. преданій поэтическаго свойства, съ пѣснями импровизаторовъ, бывшихъ въ разныя времена, съ любовью къ музыкѣ и увеселеніямъ и съ огромныхъ кодексомъ опредѣленныхъ народныхъ правъ, судебныхъ разборовъ и полицейскихъ мѣръ. Нѣтъ ни одного достопамятнаго событія, ни одного замѣчательнаго человѣка со времени самобытной жизни этого народа, воспоминаніе о которомъ не осталось бы въ народной памяти. Одинъ воспѣтъ импровизаторомъ, имя другаго обезсмертилъ въ памяти предковъ какой нибудь безсмертный, знаменитый музыкантъ — чебезгичи или кабузчи. Каждый почетный киргизъ-родоначальникъ знаетъ всю генеалогію своего рода и чтобы быть благовоспитаннымъ и порядочнымъ человѣкомъ усердно изучаетъ народное право подъ руководствовомъ стараго бія, пользующагося въ народѣ репутаціей, юридическою извѣстностью, и совершенствуется въ краснорѣчіи, пріобрѣтая на память множество поговорокъ, пословицъ, забавныхъ анекдотовъ и употребляя ихъ для украшенія своихъ рѣчей, а послѣднее обстоятельство — сообщеніе имъ занимательности и отчасти забавнаго юмористическаго характера, до котораго киргизы большіе охотники. [1]) Но, увы, черезъ десять лѣтъ мы

[1]) Киргизская поговорка употребляется, какъ поразительное доказательство аргумента чрезвычайной древности: . . . .

можемъ сказать только: такъ *было прежде*; такъ сильно измѣняется народъ нашъ.

Изъ преданій о происхожденіи киргизъ замѣчателенъ джиръ Ахуна изъ племени Аргынъ, изъ рода Атыгай и поколѣнія Худай-берды и отдѣленія его Босембетъ-Чала, современника прадѣда моего, хана Аблая. Знающихъ эту эпопею теперь очень мало, по крайней мѣрѣ я до сихъ поръ не имѣлъ случая ее слышать. Говорятъ, что Чалъ въ своемъ джирѣ собралъ всѣ народныя сказанія, относящіяся до происхожденія киргизъ и составилъ полную генеологію хановъ, родоначальниковъ и племенъ, происшедшихъ отъ Алача (разумѣется весь народъ) включительно до Худай-берды батыря, одного изъ 12 сыновей Даута, родоначальника 12 поколѣній Атыгаевскаго рода. Мы не имѣемъ подъ рукою этого эпоса, да къ настоящему случаю и не считаемъ его нужнымъ, а потому вниманію вашему предложимъ общее народное сказаніе, извѣстное каждому киргизу, питающему хоть малую претензію на *бѣлобородство* и старое ухо (коре-кулахъ—много-слышавшій [1]).

Давно, очень давно, былъ въ Туранѣ государь по имени Абдулла, а по другимъ Абдулъ-Азисъ-ханъ, у этого государя былъ прокаженный сынъ, названный потому *Алача*—пестрый. Отецъ его, исполняя древній обычай изгонять всѣхъ одержимыхъ этой прилипчивой язвой, изгналъ и сына своего. Въ то же время многіе подданные, не довольные жестокостью Абдуллы и побуждаемые *голодомъ*, отправлялись въ степи, лежащія на сѣверъ отъ р. Сыръ, въ пески *Кара-кумъ* и Бурсукъ и начали *казачествовать*. Храбрые и удалые батыри усилились до 3-хъ сотенъ и пріобрѣли въ скоромъ времени

[1]) Преданія, сообщенныя Левшинымъ въ его Опис. Кир. К. ордъ и ст., совершенно не существуютъ между киргизами, одно изъ нихъ есть передѣлка нашего. Киргизы никогда не сообщаютъ русскимъ своей старины и всегда выдумываютъ совершенно противное. Когда Погранич. Упр. Сиб. Кирг., желая сложить для нихъ сводъ законовъ народныхъ, отправило чиновника Сотникова, поручило, для совершеннаго знакомства съ духомъ и обычаями, спрашивать о преданіяхъ, то киргизы, боясь, чтобы ихъ, какъ народъ казачества, не обратили въ казаковъ, говорили совершенно противное, производя себя отъ Мухамеда и Арабовъ.

извѣстность, силу и богатство. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, начинаются бѣдствія: шайка казаковъ всюду терпитъ безпрестаное пораженіе отъ сосѣдей. Степная вольница чувствуетъ голодъ, а безначаліе и несогласіе членовъ братства приводитъ ихъ въ разстройство и междуусобіе. Къ довершенію несчастія самъ Абдаллахъ, пользуясь временемъ, начинаетъ поиски и только сила провидѣнія спасаетъ ихъ отъ конечной гибели. При такомъ плачевномъ ходѣ дѣлъ, среди 2-хъ сотенъ, является мудрый старецъ Алачъ [1]) (иностранецъ, чуждый) и говоритъ имъ рѣчь до того сильную и убѣдительную, что казаки провозглашаютъ его своимъ родоначальникомъ и судьей, а по совѣту его приглашаютъ прокаженнаго сына Абдуллы Алача и ставятъ его ханомъ. Такимъ образомъ степные бродяги-казаки, сдѣлавшіеся уже благоустроеннымъ обществомъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ націей (если слово это можно примѣнить къ народности кочевой), въ ознаменованіе своей независимости, отдѣльности, въ память именно своего хана Алачà и отца-судьи Алàча, назвались *Алачъ*, или по числу сотенъ — *Учъ-Алачъ* (три сотни). (Довольно хитрое сплетеніе Алачей!). Но, несмотря на внѣшнее перерожденіе, сосѣди и самъ Абдулла смотрѣли на нихъ все еще какъ на бродягъ, разбойниковъ и названіе ***казакъ*** осталось за ними и тогда, когда Алàчъ, съ сыномъ Алачà, въ полномъ составѣ всѣхъ 3-хъ сотенъ, пользуясь голодомъ и болѣзнями въ народѣ Абдуллы, заставилъ его ***письменно*** признать ихъ независимость. Такъ Алачъ сдѣлался народомъ Алача его ханомъ.

Далѣе преданіе говоритъ опредѣленнѣе: Аксакъ-Темиръ (Тамерланъ) въ первый свой походъ на Тохтамыша, проходя черезъ кочевье казаковъ Кара-кума, замѣтилъ ихъ, разгромилъ ихъ улусы и повѣсилъ двухъ хановъ — ***Амета*** и ***Самета*** и отправилъ къ нимъ для распространенія истинныхъ правилъ вѣры и для искорененія шаманства учителей Машаиха. Всѣ развалины мечетей, надгробныхъ и могильныхъ гробницъ принадлежатъ какъ этимъ, такъ и впослѣдствіи . . . .

. . . .

[1]) Объ Алачѣ . . . . . преданіе—по всему видно, что оно происхожденія позднѣйшаго и сильно . . . .

въ степь . . . . [1]). До Тамерлана киргизы поклонялись духу предковъ — арваху, огню, какъ очистительной силѣ, лунѣ, солнцу, землѣ и животнымъ, составляющимъ ихъ богатства, обоготворяя каждую породу въ индивидуальномъ лицѣ, такъ называемыхъ: Конскій отецъ, ... Онаръ-ата (отецъ коровъ) и проч. не почитали за священность, но поклонялись всѣмъ . . . . . . вещамъ, приносящимъ человѣку пользу.

По преданію Киргизъ неизвѣстно, когда явилась къ нимъ фамилія Уруса и кто изъ дѣтей его былъ 1-мъ ханомъ киргизскимъ. Преданія Киргизъ, хотя и говорятъ о Джанибекѣ, какъ о своемъ ханѣ, но не менѣе того не сообщаютъ ничего яснаго на вопросъ: самъ ли онъ пришелъ къ нимъ первый, или его предки? Въ . . . . . мы не находимъ также ничего опредѣленнаго, только на стр. 14 говорится, между прочимъ, что правое крыло войскъ Уруса составляли Канглы въ числѣ 2000, а лѣвое народъ ***Алачъ-Мены*** [2]). По преданіямъ извѣстно, что Джанибекъ былъ государь мудрый. . . . . вотъ

[1]) Въ киргизской степи очень много развалинъ: остатки городовъ лагерей . . . . , такъ наз. *бастіоны*, разбросанныхъ по рѣкамъ южной и западной части степи и приписываются преданіемъ первые, т. е. города—Ногаямъ; сѣверная полоса богата курганами, каменными обелисками съ изображеніемъ человѣчьяго образа и бабами въ родѣ тѣхъ, которыя въ Малороссіи наз. татарскими, а въ Сибири—чудскими. Въ восточной кромѣ. . . . . . . похожихъ на ногайскіе, встрѣчаются курганы съ обелисками. . . . . . . бабы и нѣсколько ламайскихъ китовъ. Одинъ изъ нихъ, такъ наз. Аблай, на рѣкѣ (Аблай-Киткѣ) въ 70 вер. отъ Усть-Каменогорская, построенный въ XVII столѣтіи . . . . . прозванъ Аблаемъ, описанъ подробно Палласомъ (P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs) и у Левшина (Описаніе Кирг.-Кайсац. степей и ордъ, т. I, стр. 203).

[2]) *Алачъ* какъ говорено было выше, есть общее нарицательное имя, союза казаковъ. Слово это съ подобнымъ эпитетомъ какъ здѣсь—Тысяча Алачей (Алачъ-Мены) у киргизъ никогда не употребляется; они говорятъ о своемъ народѣ, какъ союзѣ: Учъ-Алачъ, Алты-Алачъ, Учъ-Менъ-Алачъ, Алты-Менъ-Алачъ. Какъ бы то ни было, прибавленія . . . къ Алачъ не всегда принято въ значеніи числительномъ, ибо вслѣдъ за нимъ тотчасъ говорится что въ народѣ Алачъ-Мены было . . . . . душъ; но по употребленію слова Мены, въ другомъ мѣстѣ этой книги, (стр. 30) говорится о потомкахъ . . . . что „всѣ *тысячи* міра (. . .) находятся на лицѣ земли (т. е. у потомковъ . . . .) въ своемъ вѣдѣніи имѣя, управляли престоломъ . . . .

отчего киргизы называютъ его не иначе, какъ съ эпитетомъ *азъ* . . . . и извѣстно, что визиремъ его былъ умный и краснорѣчивый Джиренче-Чеченъ [1]). Изрѣченія, уподобленія его, какъ пословицы, употребляются киргизами и теперь, а самое названіе его сдѣлалось нарицательнымъ именемъ оратора. На вопросъ, когда пришли султаны фамиліи Уруса, преданія, какъ я уже замѣтилъ, отвѣчаютъ совершеннымъ молчаніемъ—извѣстно, что подданство ихъ хана Алача прекратилось вмѣстѣ съ убіеніемъ его сыновей Тамерланомъ и извѣстно также, что степь ихъ служила мѣстомъ укрывательства для всѣхъ разбитыхъ и изгнанныхъ изъ Орды принцевъ.

Но несмотря на это совершенное безвѣдѣніе преданій Абульгази, ... и, наконецъ, русскія лѣтописи представляютъ нѣсколько хронологическихъ данныхъ, приблизительно объясняющихъ и опредѣляющхъ эту эпоху и годину Джанибека, перваго извѣстнаго хана по преданію Киргизъ. Общество казаковъ, уже однажды имѣвшее хана, не могло, какъ въ видахъ своей самостоятельности, такъ по общепринятому мангольскому принципу, непремѣнно имѣть среди себя представителей бѣлой . . . . . кости [2]), существовать безъ

. . . . указываетъ на собпрательное значеніе этого слова, какъ толпы, кучи общества. Если тысяча міра . . . . означàетъ всю массу человѣчества, то и Алачъ-Мены—тысяча Алачіи, значитъ союзъ, общество, Алачъ. . . . . никогда не употребляетъ названіе своего народа; говоря о султанахъ и ханахъ киргизскихъ, онъ говоритъ: въ томъ народѣ царствовалъ, у того народа . . . . , только въ концѣ повѣствуетъ, что Джалаиры были почетное племя у народа Алачъ-Мены.

[1]) Чеченъ или Сеченъ значитъ мудрый, употребляется Киргизами и теперь. Слово это древне-монгольское и имѣло такое значеніе: одинъ изъ предковъ Чингисъ-хана, извѣстный у восточныхъ подъ именемъ . . . . , названъ у Сананъ-Сецена Пибибагай-Сэцэнъ. (Gesch. der Ost. M.). Сѣверные монголы Халхасцы выговариваютъ слово это *Соценъ*, Сэценъ.

[2]) Бѣлая кость, такъ назыв. у киргизъ султаны, ханы — потомки Чингиса и Ходжи—потомки Мухамеда. Простой народъ, для отличія отъ нихъ, называетъ себя—*кара* (черный). Султаны никогда не принадлежали и теперь не принадлежатъ къ союзу *Алачъ*. При собственно

хановъ или султановъ. Послѣ дѣтей Алача были у нихъ ханы—это несомнѣнно, но кто они? О фамиліи Уруса историч. извѣстно вотъ что: фамилія, изъ которой происходитъ Урусъ по свидѣтельству Абульгази, была младшая отрасль Джучи-ханидовъ; родоначалникъ ея былъ Тогай-Тимуръ [1]). По пре-

---

народныхъ сходкахъ въ оныя времена на крикъ уранъ—Алачъ обязались всѣ казаки чистой *черной крови*,—а султаны и рабы ихъ, которые были всегда изъ калмыковъ и киргизъ, составляли другой кругъ и кричали Аркаръ. Хотя пословица киргизская—„безъ султановъ не можетъ быть народа, какъ безъ поддержки не можетъ стоять юрта"—и показываетъ понятіе народа о необходимости для отдѣльнаго народа *илъ* отдѣльной главы, но тѣмъ не менѣе относительно вліянія на . . . . . . султаны не значили ничего. Киргизы говорятъ: ходжи—сарты, а султаны наши рабы, объясняя это низкое уподобленіе своихъ главъ . . . . . . намекомъ на то, что они рабамъ, обязаннымъ пасти стада и пугать своимъ присутствіемъ . . . . поставлены для той же цѣли у нихъ. Все управленіе народа находилось въ рукахъ старѣйшихъ родоначальниковъ и ханы ихъ были только исполнители воли народной. Вслучаѣ же неудовольствія черная кость . . . . Султаны значеніемъ своимъ въ послѣднее время обязаны хану Аблаю, который нѣсколько разъ разбилъ народное ополченіе . . . . и тѣмъ уничтожилъ ограниченность власти, совершенно утвердился въ ордѣ и первый деспотически властвовалъ и пріобрѣлъ право смертной казни, которая прежде принадлежала приговору всего народа.

[1]) Абул. стран. I. Царствованіе—Чингисъ-ханъ, его сынъ Джучи, его сынъ Тогай-Тимуръ, его сынъ Узъ-Тимуръ, его сынъ . . . . ходжа, у него сынъ Бадакулъ Угланъ, а его сынъ *Урусъ-ханъ*, его сынъ Коюрчикъ-ханъ, его сынъ Баракъ-ханъ, его сынъ Абусаидъ—прозванный Джанибекъ-ханъ, у него 9 сыновей въ слѣдующемъ порядкѣ: Ирандэки, Махмудъ, Касимъ, который сразившись съ Мухамедъ-ханомъ, Шейбанскимъ . . . . . былъ виновникомъ его смерти. Итикъ, Джанишъ Канбаръ, Танишъ, Усакъ, Джаукъ. Мухамедъ-Шайбани ханъ былъ убитъ не Касимъ-ханомъ, а шахомъ Измаиломъ въ 1510 г., слѣдовательно здѣсь ошибка: должно быть Касимъ-ханъ самъ сдѣлался шахидомъ въ этой битвѣ, но никакъ не Шейбани ханъ Узбековъ. . . . . Точно также Джадекъ . . . . черезъ . . . . 9) Джаукъ или Джавекъ. . . . . 38) Мухамедъ сынъ Тимуръ хана. . . . . Въ исторіи этотъ Варохъ, мы совершенно узнаемъ нашего Барака, который по свидѣтельству Абульгази былъ изгнанъ Махметомъ, сыномъ хана Ичкили *) Гасанъ Оглана изъ фамиліи также Тогай-Тимуровской, но . . . . . .

---

*) Родосл. Ист. о Татар. Т. II, стр. 100. Это извѣстіе въ Румянцевскомъ изданіи Абульгази, на русскомъ яз. нѣтъ. Вообще въ этомъ переводѣ много . . . . . .

кращенія царствованія линіи-Бату-ханидовъ, домъ этотъ, въ лицѣ хана Уруса, объявляетъ вмѣстѣ съ Тохтамышемъ, представителемъ другой отрасли этого рода, Джучи-ханидовъ, претенденство на Сарайскій столъ и впервые выступаетъ на ханство въ лицѣ Уруса, царствовавшаго до 1360 г. (См. Карамзина «Ист. Р. Г.» прим. 87 къ V т. глава I и Дербело, Bibliothèque Orientale). По времени царствованія и по сходству имени его можно принять за того хана, который царствовалъ послѣ Кульпы, но извѣстенъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Науруза и былъ убитъ сыномъ своимъ . . . . ханомъ Хидыремъ; по крайней мѣрѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ никакого хана Уруса нѣтъ [1]).

[1]) Вообще въ исторіяхъ объ этомъ ханѣ у восточныхъ историковъ много противорѣчій: Григорьевъ (исторія Монголовъ, стр. 41) говоритъ, что Урусъ по прямой линіи происходитъ отъ Батыя и что онъ велъ войну съ Тамерланомъ, мстя за смерть сына своего Бугай Салтана. Далѣе говоритъ, что Тимуръ-Кутлукъ былъ сынъ Бугай-Салтана. Эти извѣстія діаметрально противоположны показаніямъ Абульгази; по автору. . . . . Урусъ былъ потомокъ не Батыя, а Токай-Тимура, а Тимуръ-Кутлукъ, хотя и происходилъ отъ рода Токай-Тимура, но отъ другой линіи: Джучи, Токай-Тимуръ, Узъ-Тимуръ, у него два сына: Ходжа и Абой. Урусъ былъ внукъ Ходжи, а Тимуръ-Кутлугъ сынъ Али-Тимуръ-бека былъ праправнукъ Абоя. (Абульгази, стр. 111). Абульгази говоритъ (Абульгази, стр. 91): Какъ бы то ни было, Урусъ родоначальникъ Киргизовъ былъ ханомъ Золотой орды во время царствованія и изгнанія изъ орды Тохтамыша, который бѣжалъ къ Тимуру и жилъ у него до тѣхъ поръ, пока по низверженіи Мамая, при помощи его, могъ сдѣлаться ханомъ, и Урусъ былъ побитъ въ войнѣ съ Тохтамышемъ, и его потомки, по увѣренію г. Григорьева (см. статью Исторія Монголовъ), укрываясь отъ преслѣдованія Тамерлана, должны были бѣжать въ разныя стороны; сынъ его Койручукъ былъ также ханомъ въ ордѣ. Карамзинъ, основываясь на переводѣ Шерефеддина-Али-Эзди, говоритъ, что Тамерланъ при второмъ походѣ своемъ въ 1395 г. на Тохтамыша поставилъ въ ордѣ ханомъ Койручукъ Углана, сына Урусова. Баракъ, сынъ его, по словамъ Абульгази, былъ ханомъ Золотой орды. Извѣстно и изъ Русскихъ лѣтописей, что въ 1422 г. (примѣчаніе 24-е къ 5-му тому II главы Исторіи Карамзина) приходилъ къ Одоеву царь Баракъ съ какимъ-то ханомъ Куйдодатомъ, или Chudandach. (Исторія Р. Соловьева прим. 27-е т. IV). Шильдбергеръ въ своемъ путешествіи говоритъ, что послѣ изгнанія Керей Бердея Кибакомъ (Thebac) Идигей взялъ царство Зегре, который былъ изгнанъ какимъ-то Маслиседомъ, но вскорѣ царь Waroch изгналъ его и самъ также былъ изгнанъ имъ же, пришелъ взять Зегре и убилъ Махмута). . . . . называютъ этого Барака сыномъ Кырджака

. . . былъ нѣкто Кутлукъ Саба, онъ имѣлъ одного сына и одну дочь, которую взялъ одинъ изъ сыновей Эмиръ-Тимура, Тимуръ-Кутлукъ отъ нихъ произошелъ на свѣтъ. Это извѣстіе явно противорѣчитъ его показаніямъ, очевидно, что имя Эмиръ - Тимуръ . . . . описка переписчика вмѣсто Кутлукъ . . . . Кутлукъ-Темуръ, по Абульгази имя дѣда Темуръ-Кутлукова. Отецъ его по Абульгази . . . . былъ Али - Темуръ-бекъ Огланъ. . . . . . . послѣдній называлъ его просто Темуръ-бекомъ. . . . . миѳъ, о происхожденіи Казаковъ мы не имѣемъ никакой возможности: Абульгази, историкъ Моголо - Тюркскаго корня, въ своемъ . . . . не обратилъ никакого вниманія на киргизъ, что и вызвало справедливое негодованіе почтеннаго описателя моей родины, г. Левшина; какъ ближайшій сосѣдъ киргизъ, онъ имѣлъ къ тому удобный случай и поводъ, наконецъ, въ видахъ благодарности за гостепріимство хана киргизскаго Ишима, укрывавшаго его во дни его казачества въ резиденціи своей, Туркестанѣ. Онъ долженъ былъ сказать что нибудь подробное и обстоятельное, а не нѣсколько брошенныхъ вскользь родословій султановъ киргизскихъ отъ Чингиза до Джанибека . . . . Рашиддина и Джувейни и другихъ восточныхъ писателей, судя по времени и по содержанію, свѣдѣнія болѣе . . . . Джагатайскихъ и о Ильханахъ, ничего о Киргизахъ не можетъ быть. Въ Шейбани-намэ мы не нашли также ничего, кромѣ нѣкоторыхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя, впрочемъ, не показываютъ рѣшительно ничего: Шейбани-намэ стр. . . . . Мухамедъ Шейбани ханъ передъ походомъ своимъ на Мервъ въ 1510 г. загналъ Казаковъ на гору Улутавъ.

. . . . Нѣтъ сомнѣнія, что въ отношеніи свѣ-

(нѣтъ сомнѣнія испорченное Койручукъ) и ставятъ его 36-мъ ханомъ въ ордѣ. Вотъ порядокъ хановъ послѣ Керей-Берды: 28) Керимъ-берды, 29) Кебекъ (Тохтамыша сынъ), 30) Чегре, 31) Джебаръ-Керей Берды (сынъ Тохтамыша), 32) Сеидъ-Ахмедъ, 33) Дервишъ сынъ Илаги, 34) Магомедъ, 35) Даулетъ Берды сынъ Ташъ Тимура, 36) Баракъ сынъ Кыртджака, 37) Геясъ-уд-Динъ Шади-бекъ, 38) Мохаммедъ сынъ Тимуръ хана.

дѣній о Киргизахъ самое первое мѣсто занимаетъ Сборникъ лѣтописей изданія Березина (Казань 1851 г.) замѣчательныхъ тѣмъ болѣе, что представляетъ единственные памятники прошедшей жизни Казаковъ, хотя историческихъ фактовъ въ немъ и нѣтъ; но полная генеологія султановъ и хановъ казачьихъ даетъ намъ возможность провѣрить современными данными хоть одно изъ . . . . сказаній Киргизъ и повѣрить достовѣрность свѣдѣній самой книги съ извѣстіями русскими, находящимися въ посольскихъ бумагахъ и актахъ сношеній съ Ногайцами. Сборникъ лѣтописей . . . . написанъ въ концѣ царствованія Бориса Годунова, около 1000 г. геджры. Когда султанъ Уразъ Мухамедъ, съ которымъ неизвѣстный . . . . Хроника эта написана, чисто татарскимъ языкомъ и . . . . . переводнымъ словомъ, за то узбековскихъ, степныхъ уподобленій, поговорокъ бездна . . . . раздѣлялъ изгнаніе, авторъ былъ сдѣланъ ханомъ . . . . . Авторъ говоритъ, что онъ написалъ эту хронику во имя гостепріимства и покровительства царя Бориса . . . . Извѣстно, что Уразъ Мухамедъ-султанъ, впослѣдствіи ханъ касимовскій, былъ сынъ султана Ондана и племянникъ киргизскаго и калмыцкаго хана Тауке. 1587 г. султанъ этотъ былъ взятъ воеводою Даниломъ Чулковымъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ царевичемъ сибирскимъ Сейдякомъ [1]). Въ Сибирскихъ лѣтописяхъ онъ просто называется царевичемъ Киргизской орды Салтаномъ. Въ томъ же году онъ отправленъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ ласково царемъ Борисомъ и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣланъ ханомъ касимовскимъ. Авторъ этой книги, какъ видно изъ словъ его былъ землякъ Султана Уразъ-Мухамеда и принадлежалъ къ роду (гребне-тамговаго [2]) изъ) Джалаировъ . . . . и

---

[1]) Обстоятельство этого плѣненія по сказанію лѣтописи чрезвычайно обстоятельно. . . . . См. Описаніе Кирг. Кайсац. ордъ и степей, стр. 50. Покореніе Сибири, Небольсина. Строевъ, Есиповская лѣтопись: По не многихъ же днѣхъ князь Сейдякъ изыде изъ града Сибири, съ нимъ же царевичъ Казачей орды Салтанъ.

[2]) Тамга,—у Киргизъ разные роды имѣютъ свою тамгу и уранъ, всякій (военный?) крикъ. Уранъ всѣхъ Киргизъ есть Алачъ.

товарищъ его неволи. Благодѣянія и милости Бориса Федоровича къ его хану и ему были причиною появленія этой книги. Основываясь на этихъ указаніяхъ автора о себѣ, ясно, что былъ онъ землякъ султана Уразъ - Мухамеда и былъ изъ главнаго рода Джалаировъ . . . . Джалаиры принадлежатъ къ старшимъ родамъ . . . . киргизскимъ и состоятъ въ Большой ордѣ.

— —

Въ союзѣ узбековъ были Манкиты (каракалпаки) и киргизы. Отличительная черта народовъ, происшедшихъ изъ узбекскихъ поколѣній, выражается явно родоподраздѣленіями, въ которыхъ вы видите названіе разныхъ монголо-тюркскихъ народовъ.

Кипчаки существуютъ между узбеками, киргизами, ногаями, найманами, тоже Керейты, и т. д. По преданіямъ узбековъ вотъ названіе перваго союза, т. е. 96 племенъ. Три поколѣнія Мынъ, Юзъ и Кыркъ подъ общимъ именемъ Тюркъ (это потомки древнихъ тюрковъ), Уки,Ункоджи, Джалаиръ и проч. Собственно отдѣльный союзъ *казаковъ* произошелъ вторымъ изъ поколѣній . . . . и узбекскихъ; время этого переворота неизвѣстно, но было незадолго передъ Тамерланомъ, который въ походѣ своемъ на Тохтамыша (1392) убилъ дѣтей перваго киргизскаго хана Алача.

Послѣ пресѣченія потомковъ Алача-хана, преданіе киргизъ считаетъ своимъ ханомъ Джанибека, сына..... Во всякомъ случаѣ по преданію Джанибекъ былъ первымъ ханомъ казаковъ изъ фамиліи Джучи-хана. Абульгази сыновей Джучи называетъ ханами казаковъ. Время управленія Джанибека, когда двѣ родныя орды Ногаевъ и Казаковъ жили вмѣстѣ, воспѣвается въ киргизскихъ поэмахъ, какъ золотой вѣкъ. Къ этому времени принадлежитъ большая часть преданій, нравственныя изреченія джауенчи-чечена (мудраго). . . . . Джанибека и ногайскаго философа Асана- Горемычнаго (Асанъ-Кайгы) употребляются степняками до сихъ поръ. По преданіямъ въ то время было движеніе . . . . . съ юга на

сѣверъ. Первое должно относиться къ эмиграціи узбекскаго хана всей . . . . . , а второе могло произойти отъ усиленія . . . . . , и отъ расширенія ихъ предѣловъ къ Или и Балкашу.

XVIII-е столѣтіе было временемъ ужасовъ и внутреннихъ войнъ. Преданія, относящіяся къ этому времени, отличаются мрачнымъ, погребальнымъ характеромъ. Чужеземные враги стѣсняютъ ихъ съ родныхъ мѣстъ, исторгаютъ, разрываютъ родственный (союзъ) казакъ и ногай. Ногайцы, стѣсненные калмыцкимъ Хо-Урлукомъ, уходятъ за Уралъ и Волгу, а казаки на югъ, и въ 1636 г. мы видимъ хана киргизскаго Ишима и Турупа—одного въ Туркестанѣ, другого въ Ташкентѣ. Знаменитый въ степяхъ «плачъ» на раздвоеніе ногаевъ и казаковъ играется до сихъ поръ степными музыкантами на . . . . . и исторгаетъ слезы у старыхъ аксакаловъ. «Когда сто тысячъ ногайцевъ взволновались, когда Урамбетъ-бій умеръ и самые черные лѣса загорѣлись»—поетъ степной баянъ.

Поговорка: «намутилъ, какъ пестрый жеребенокъ» объясняется преданіями калмыковъ. Въ Кульджѣ я говорилъ съ однимъ старымъ . . . . . знатокомъ ойратской старины. Онъ пѣлъ мнѣ всѣ свои древнія пѣсни о движеніи Хо-урлука, о побѣдахъ надъ ногаями и казаками. Въ какой степени унылы и мрачны преданія киргизъ объ этой эпохѣ, въ такой степени восторженны и исполнены гордости преданія калмыковъ. Въ этой пѣснѣ я нашелъ ключъ къ объясненію вышеприведенной поговорки. Ногайцы въ страхѣ каждый день ожидали нападенія калмыковъ; калмыки, боясь силы ногайцевъ, не смѣли на нихъ нападать. Вдругъ ночью въ улусахъ ногайскихъ отрывается отъ привязи пестрый жеребенокъ и производитъ суматоху въ стадѣ. Ногайцы . . . . . въ страхѣ бѣгутъ, оставляя родную землю, скотъ, и послѣ этого калмыцкій тайша Сары-Манджу сдѣлалъ . . . . . въ лѣсахъ . . . . ., что отнынѣ земля принадлежитъ имъ.

Черновой набросокъ [1]).

Въ числѣ фамильной старины, оставшейся отъ моихъ предковъ, хановъ Средней Киргизской орды, Аблая и Валія, сохранилось нѣсколько грамотъ китайскихъ императоровъ Цянъ-Луна, Цзя-Цина. Такъ какъ источники для изученія Киргизской степи очень скудны и главнѣйшимъ образомъ въ тѣхъ разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ и слухахъ, которые записывались въ Оренбургѣ и на Сибирской линіи, то акты эти, какъ новыя данныя для быто-описанія киргизскихъ ордъ, безспорно заслуживаютъ вниманія отечественныхъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ народовъ Средней Азіи и отношеніями нашими къ Китаю, и тѣмъ болѣе, что они могутъ служить къ разъясненію положенія Китайцевъ въ отношеніи сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Сверхъ того, грамоты эти писаны на манджурскомъ, калмыцкомъ и на такъ мало извѣстномъ (тюркскомъ) языкѣ, на которомъ говорятъ жители Малой Бухаріи или Китайскаго Туркестана и потому имѣютъ не малый интересъ для нашихъ оріенталистовъ.

Мы предлагаемъ на этотъ разъ: 1) тарханную грамоту джунгарскаго хана Тайджи-Галданъ-Церена, данную киргизскому родоначальнику, вождю (бію и батырю) Малай Сарѣ, грамота писана по-калмыцки.

2) Грамоту императора Цянъ-Луна . . . . . къ султану (впослѣдствіи хану) Аблаю, на манджурскомъ и калмыцкомъ языкахъ.

3) Грамоту того же Цянъ-Луна хану Средней орды Валію на трехъ языкахъ: манджурскомъ, калмыцкомъ и на тюркскомъ мало-бухарскомъ нарѣчіи.

---

[1]) Точками обозначены пустыя мѣста въ рукописи. *Ред.*

4) Грамота императора Цзя-Цина къ хану Валію и сыну его султану Аббасу, признаннымъ китайскимъ правительствомъ наслѣдникомъ Валія и гуномъ; на трехъ выше объясненныхъ языкахъ.

5) Грамота императора Дао-Гуана (Гао-Канану) къ султану Абайдуллѣ на ханское званіе послѣ смерти Валія, на трехъ языкахъ. Изъ этихъ грамотъ только 2, 3 и 4 принадлежатъ собственно намъ. Первая же калмыцкая получена нами отъ потомковъ Малай-Сары, а съ 5-й грамоты полученъ нами тюркскій списокъ, съ котораго нами и сдѣланъ переводъ. Всѣ же прочія переведены съ манджурскаго и калмыцкаго текста другомъ нашимъ . . . . Габбасовымъ, а переводъ . . . . . . калмыцкой грамоты, заключая въ себѣ много идіотизмовъ, сверхъ того провѣренъ по моей просьбѣ. . . . .

Первая грамота писана на бумагѣ, вѣроятно, китайской или тибетской фабрикаціи, имени хана въ грамотѣ не означено, въ концѣ словъ приложена небольшая круглая печать, кажется, съ изображеніями, потому что не всѣ знаки однообразны.

2) Цянъ-Луна къ султану Аблаю, писана на продолговатомъ листѣ изъ тонкой шелковой матеріи, навощенной какимъ-то составомъ желтаго цвѣта, съ разукрашенной каймой, на которой изображены драконы.

3) Грамота писана на оранжевой бумагѣ съ золотыми прошивками, кайма изъ драконовъ, рисованныхъ золотомъ. При переплетѣ ея возстановлены Г(аббасовымъ) красными чернилами нѣкоторыя слова, не уцѣлѣвшія по причинѣ хрупкости бумаги и неосторожнаго съ нею обращенія.

4) Писана на желтой бумагѣ съ золотой же каймой, какъ третья грамота; она сохранилась лучше, хотя тоже по краямъ оборвана.

5) О наружности пятой грамоты мы не можемъ сказать рѣшительно ничего, мы ее не видали. Вообще надо замѣтить, что во всѣхъ грамотахъ послѣ каждаго текста приложена квадратная печать. Первая строка, заключающая слова: Волею неба императоръ такой-то къ такому-то — отдѣлено и стоитъ выше второй строки, съ которой собственно начи-

нается непрерывный текстъ; затѣмъ съ третьей всѣ идутъ ровно. Послѣдняя строка . . . . . отдѣльно и проходитъ . . . . . она отстоитъ ниже всѣхъ строкъ. . . . . . сдѣлалъ при переводѣ весьма . . . . . Заключеніе, что хотя существенной разницы между манджурскимъ и калмыцкимъ текстомъ мало, но при всемъ томъ замѣтна нѣкоторая подчиненность калмыцкаго языка манджурскому, что заставляетъ думать, что грамота сначала была написана на манджурскомъ языкѣ и потомъ переведена съ онаго на калмыцкій, или же лучше сказать, подлинникъ писанъ на китайскомъ языкѣ, потому что въ манджурскомъ языкѣ грамоты замѣтна такая подчиненность вліянію китайскаго. Мы свѣрили тюркскій текстъ съ переведенными и смѣемъ думать, что послѣднее мнѣніе его весьма основательно, ибо текстъ заключаетъ въ себѣ очень много китайскихъ словъ и имѣетъ совершенно китайскую конструкцію словорасположенія, которая, впрочемъ, теперь окончательно принята въ Китайскомъ Туркестанѣ для бумагъ.

Нѣкоторыми необходимыми примѣчаніями, которыя сдѣланы частью . . . . . . частью мною, я старался по возможности указать тѣ мѣста, гдѣ несогласіе въ текстахъ; особенно я обратилъ вниманіе на слова тюркскаго текста, принимая во вниманіе малоизвѣстность этого нарѣчія.

1. Тарханная грамота Галданъ Черена.

Текстъ. . . . .

Переводъ. . . . . .

Примѣчанія къ этой грамотѣ.

Малай-Сара—по калмыцкому произношенію (Малая Шора) былъ одинъ изъ самыхъ . . . . . біевъ и батырей Средней орды во времена хановъ . . . . . и Аблая. Малай-Сара происходилъ изъ . . . . . рода, ... племени. Въ то смутное время для киргизскихъ ордъ, когда послѣ смерти хана Тауки появилось въ степи нѣсколько хановъ . . . . . . въ Средней и какой-то—въ Большой, съ которыми спорили о титулѣ и значеніи султаны Баракъ, признаваемый ханомъ въ . . . . . и . . . . . родахъ, и султанъ Батыръ, отецъ хи-

винскаго хана (Нурали), провозглашенный ханомъ, и впослѣдствіи Аблай . . . . . въ то время, когда сильные родоначальники изъ народа . . . . . бій изъ Большой, ... изъ Средней, владѣтель большей части . . . . . , видя раздоры между представителями бѣлой кости, стали сами . . . . , поддерживая то одного, то другого султана. Когда джунгары, буруты, кара-кипчаки, ... , русскіе казаки, волжскіе калмыки со всѣхъ сторонъ тѣснили и грабили беззащитный народъ,—въ это-то время неурядицы, смутъ, голодныхъ годовъ и начинаетъ возвышаться Малай-Сара, одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ султана Аблая. Неизвѣстность въ званіи . . . . . . старѣйшина . . . . . Изъ бумагъ оренбургскаго архива (Вельяминовъ, «Историческія Извѣстія») видно, что въ срединѣ XVIII вѣка въ Средней ордѣ господствовалъ de facto этотъ султанъ Аблай, сильный своимъ моральнымъ вліяніемъ на орду, хотя de jure былъ . . . . . . Около Аблая сгруппировалось тогда нѣсколько партій. Патріотическая, поддерживаемая . . . . . была самая многочисленная, во главѣ . . . . . , и партія была сильна тѣмъ, что ею руководилъ этотъ Малай-Сара. Русская партія была ничтожна и предводителями ея были родоначальники наименѣе сильныхъ и потому наиболѣе . . . . родовъ . . . . и еще какой-то . . . . съ сыномъ и тархановъ. Эти послѣдніе біи, хотя и были Средней орды, но постоянно держали сторону . . . . . и потому не были популярны. Значеніе этихъ партій вмѣстѣ съ возваніемъ Аблая потеряло свою силу, и самъ Малай-Сара впослѣдствіи умеръ въ походѣ противъ своихъ друзей калмыковъ. Малай-Сара пользовался уваженіемъ въ народѣ и у самаго Аблая, ибо былъ богатъ, уменъ и храбръ — достоинства, которыя рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Есть преданіе, что когда Аблая спрашивали, кто былъ выше изъ всѣхъ его сподвижниковъ, то онъ сказалъ: Малай-Сара. При этомъ надо замѣтить, что тарханныя грамоты . . . . . хановъ, Кабчи . . . . . . русское правительство въ то время не имѣло никакого значенія въ ордѣ и было . . . . . киргизцами развѣ только для свободнаго разъѣзда по русской и джунгарской границѣ. Старѣйшій изъ народныхъ родоначаль-

никовъ - вождей того времени и старшина . . . . . батырь съ сыномъ Сери-Кули батыремъ.

2. Грамота императора Цянъ-Луна къ султану Аблаю.

Текстъ манджурскій. . . . .

Текстъ калмыцкій. . . . .

Переводъ.

Примѣчаніе первое. О султанѣ и впослѣдствіи ханѣ Аблаѣ см. мою статью . . . . . . [1]).

Аблай вступилъ въ сношеніе съ китайцами тотчасъ послѣ завоеванія имп Джунгаріи и въ 1756 г. получилъ отъ нихъ календарь, знакъ китайскаго вассальства. Настоящая грамота, судя по году и содержанію, вѣроятно, та самая, о полученіи которой говоритъ переводчикъ Гордѣевъ, посланный въ 1763 г. изъ Оренбурга къ Аблаю султану для развѣдыванія о состояніи Средней орды и окрестныхъ земель, въ особенности же о китайцахъ.

. . . . . была привезена въ мартѣ 1763 г. племянникомъ Аблая Довлетъ (Герей) султаномъ, который былъ отправленъ ко двору сына неба.

Грамота эта была писана, по словамъ переводчика, на тонкой бумагѣ, наклеенной на желтую тафту (наша грамота писана просто на тафтѣ), она составляла свертокъ въ 2 аршина длины и 1 арш. ширины (это похоже) и имѣла внутри 5 большихъ красныхъ печатей (на нашей всего двѣ), («Извѣстія», 109 стр.). Хотя это наружное описаніе и содержаніе грамоты, сообщенныя Гордѣевымъ, но . . . . . джунгарца, жившаго въ аулѣ Аблая, во многомъ противорѣчитъ нашему и заключаетъ много такого, чего нѣтъ на нашей грамотѣ, но тѣмъ не менѣе не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что грамота, видѣнная Гордѣевымъ, есть именно переводимая теперь нами, потому что наша грамота писана въ 1762 г., именно въ то время Д(овлетъ) Герей былъ въ Пекинѣ. Вѣроятно, Аблай . . . . бы скрыть то, что было непріят-

[1]) Очевидно рѣчь идетъ о статьѣ Аблай въ Энциклопедическомъ Словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами. *Ред.*

но для него въ письмѣ, прихвастнулъ тѣмъ, чего не было. Въ грамотѣ Цянь-Лунъ пишетъ, чтобы киргизы не переходили черезъ Тарбагатай, а Гордѣеву, напротивъ, сообщили, что императоръ дозволилъ киргизамъ занять кочевьями земли, оставшіяся пустыми послѣ избіенія олётовъ.

Примѣчаніе второе. Это начальная форма и во всѣхъ другихъ китайскихъ грамотахъ, есть, вѣроятно, установленная формула, употребляемая богды-ханомъ при сношеніяхъ его съ тѣми азіатскими владѣльцами, которые называются въ уложеніи трибунала . . . . . иностранными или заграничными ханами, но которые, тѣмъ не менѣе . . . . . сына неба. Бухарскій эмиръ, кокандскій ханъ и другіе средне-азіатскіе владѣльцы причислены китайцами къ этой категоріи иностранныхъ вассаловъ. При переводѣ этой вступительной формы, мы вмѣсто манджурскаго *обки*, калмыцкаго . . . . . и турецкаго *худа* употребили слово небо, такъ какъ это слово соотвѣтствуетъ китайскому тянь, которое, вѣроятно, и было въ китайскомъ подлинникѣ.

3. Въ калмыцкой грамотѣ сказано: «держащій за подолъ моего платья», впрочемъ, то и другое выражаетъ покровительство хуандія. Примѣчаніе Г. Гордѣева.

4. Манджурское *нукте* и калмыцкое *нутокъ* означаетъ вообще землю, родину, кочевье, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ мѣсто постоянныхъ кочевокъ, мѣстъ неоспоримо принадлежащихъ извѣстному роду, гдѣ у современнаго поколѣнія умерли отцы и дѣти. Впослѣдствіе богдыханъ дозволилъ киргизамъ кочевать на Тарбагатаѣ, но съ условіемъ платить въ его казну ежегодное число лошадей.

5. Амбань слово манджурское, значитъ—господинъ, вельможа. Всѣ манджуры, имѣющіе красный шарикъ, называются этимъ именемъ. Здѣсь, подъ именемъ . . . . . разумѣются, вѣроятно, илійскій цзянъ-цзунъ и тарбагатайскій хебе (амбань). Въ калмыцкомъ текстѣ слово Асабека переведено черезъ слово Саиду вельможѣ.

6. Грамота эта дана въ 1762 году въ царствованіе императора Цянъ-Луна.

Черновыя замѣтки къ статьѣ Аблай-ханъ.

1-е. Аблай-ханъ, въ одномъ набѣгѣ на джунгаровъ, отправилъ впередъ для развѣдыванія 1,000 ч., раздѣливъ на два отряда подъ начальство двухъ храбрыхъ батырей: Кара-Бужуръ, Канджигалинца Джанитая и изъ того же рода Букенбая—Старшаго. Батыри долго не возвращались; Аблай началъ безпокоиться не на шутку; о судьбѣ этихъ батырей спросилъ у *барда* (пѣвца) [1]) своего Бухаръ-Джирау: что сдѣлалось съ моими молодцами? и отъ чего они такъ долго не возвращаются? Бухаръ отвѣчалъ:

Джанитай пройдетъ черезъ Талкеынъ, Букембай пройдетъ Кульджаномъ. А ханъ-Баба назадъ прибѣжитъ. У Джанитайева Талкына, проходы тесны и опасны; Джанитай мой въ бѣду попался, думаетъ Аблай. Джанитай пойдетъ, пройдетъ въ улусы и возьметъ, отъ края оторветъ. Джанитаемъ взятую бѣлолицую дѣвицу—ханъ-Аблай-Султанъ да возьметъ. Самъ Аблай говоритъ, что только однажды, именно тогда, когда сбылось это предсказаніе, ему казалось, что отъ радости макушка его задѣваетъ небо [2]).

2-е. Однажды Аблай долженъ былъ ретироваться отъ отряда китайцевъ и былъ ужасно печаленъ и сердитъ, зная какое можетъ имѣть вліяніе на легкомысленныхъ киргизъ эта маленькая неудача. Тогда одинъ изъ *бардовъ* его Тати-кара Джирау, для одобренія бѣгущихъ кайсаковъ и для самаго Аблая пѣлъ такъ:

---

[1]) Курсивомъ обозначены слова, подчеркнутыя въ рукописи. *Ред.*

[2]) Задѣвать небо „тубя-си-кукеджетеръ“ выраженіе, означающее верхъ радости, чести и славы. *Ч. В.*

«Бѣжавшіе китайцы, снова начали движеніе, натянулась тетива изъ *куланьева* хребта. Крѣпко-рёберный и широко-желудочный Аблай, перенеси это одно дѣльцо. У врага-китайца *клячи*, какъ копчикъ изловчились; нѣтъ—ханъ-Аблай не бѣжалъ, не хорошее слово «бѣжалъ»:—онъ двигался только косо. Басентинизъ Серымбетъ, стрѣлы бросая, *бился.* Не ищи ума при бѣгствѣ! нѣтъ хладнокровія при торопливости! Баянъ уаковцевъ [1]), да мы и это видѣли! когда онъ, поворачиваясь назадъ, копьемъ работалъ».

3-е. Аблай собиралъ народъ, чтобы предать на *разграбленіе* (чапу) аулъ одного *уйсунскаго* бія *Эрденэ*—батыря за какой-то относительно его проступокъ. Ханъ былъ на этотъ разъ такъ недоступенъ, что никто не рѣшался вымолвить словечко въ пользу виновнаго, тогда по просьбѣ народа Бухаръ-пѣвецъ рѣшился и затрубилъ такъ:

«О Аблай! Аблай! Подобно Ари и Гури [2]) возносится и соперничаетъ съ горами твоя слава; не помѣщаются въ пяти воротахъ отпущенники-рабы твои [3]). Перейдите за Ала-тау,—потушите гнѣвъ, если потушите, то не прійдетъ ли съ 80 вьюками вещей [4]) Арденэ называемый, твой *пестро-халаточный* рабъ».

4. По преданію Аблай, выѣхавшій изъ Туркестана въ степь къ Абуль-Маметъ хану, какъ къ самому близкому родственнику, пріѣхалъ съ дядькой своимъ Уразомъ на одной лошади, и обстоятельства заставили его жить нѣсколько времени инкогнито у одного богатаго киргиза Караульскаго рода отдѣленія Якишлыкъ Даулетъ-бая, гдѣ онъ, какъ говорятъ нѣкоторые, былъ при табунѣ лошадей. Жена Даулетъ-бая не безъ удивленія замѣтила, что молодой иностранецъ никогда не проситъ пищи, пока не дадутъ, и что тогда беретъ очень

---

[1]) Это любимецъ Аблая и первый храбрецъ того времени. Родомъ былъ изъ рода Уакъ-Кирей и былъ убитъ въ одномъ изъ набѣговъ на калмыковъ съ братомъ своимъ батыремъ Сары: отчего часто называютъ ихъ вмѣстѣ Сары-баянъ.

[2]) Ари-Гури—*сфера абсолютнаго*—пространство, что за 7-мъ небомъ.

[3]) Отпущенники-рабы. Отпущеніе рабовъ есть на Востокѣ одинъ изъ 1-хъ добродѣтелей и есть 1-й признакъ великодушія.

[4]) *Штрафу* (*аибъ*). *Ч. В.*

неохотно; а изъ нечистыхъ чашекъ совершенно не пьетъ. Это совершенно не киргизское поведеніе; эксцентричность обратили вниманіе хозяина, который тогда черезъ распросы у Ураза узналъ о его происхожденіи, тотчасъ увезъ его къ хану Абуль-Мамету, одаривъ его лучшею лошадью изъ табуна. Этотъ-то выбранный конь былъ тотъ знаменитый Чалъ-Куйрукъ (*пламя-хвостъ*), первый сподвижникъ похода молодого султана, Ч.-Куйрукъ, на которомъ Аблай составилъ себѣ имя батыря и уваженіе киргизъ.

5. Плѣнъ Аблая у Галданъ-Черена. Въ одномъ изъ нашествій Джунгаровъ на киргизъ Аблай убилъ на единоборствѣ сына Галданова Чарча. Галданъ, узнавъ о смерти любимаго сына своего, приказалъ виновника его, кто бы онъ ни былъ, гдѣ бы онъ ни находился, схватить.

Калмыки, посланные для сего, настигли его врасплохъ на охотѣ, схватили съ нѣсколькими біями, съ знаменитымъ *батыремъ Худай-берды атыгаевского* рода *Джанекомъ* и привели къ Галдану.

На вопросъ, гдѣ ты убилъ моего сына, Аблай отвѣчалъ: обвиненіе пало на меня, а былъ убитъ народомъ, черезъ меня исполнилась воля народа надъ *сыномъ* твоимъ *Чарчемъ*. Галданъ былъ такъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, что нѣсколько разъ повторилъ: мöнъ, мöнъ, остановилъ палачей и велѣлъ *запереть* въ юрту и имѣть строгій надзоръ. Тогда-то начались мученія Аблая: мать *Чарча* каждый день ходила смотрѣть на убійцу сына *казаковъ* (киргизовъ), каждый день исправно мучила ихъ угрозами и проклятіями, отпускала изрядную порцію энергическаго проклятія, сопровождала ихъ не менѣе энергическими жестами и приговаривала: «какъ ты могъ убить его? Развѣ можно было убить его»? Аблай не вытерпѣлъ и однажды, когда по обыкновенію послѣ предварительныхъ сентенцій, скрежеща зубами, поднесла кулакъ свой къ его лицу, сдѣлала обычный свой вопросъ, онъ отвѣчалъ: «гдѣ не умиралъ такой блудный рабъ, какъ твой сынъ, старая калмычка»! Она бросилась къ мужу, требуя смерти дерзкаго *казака*, и Галданъ, боясь, чтобы она въ самомъ дѣлѣ не убила бы Аблая, отпустилъ его и Джанека-батыря, взявъ въ ама-

наты (заложникъ) сына послѣдняго, который по ловкости своей на охотѣ и храбрости прослылъ подъ именемъ Рыжаго-*киргиза* (Сары-казака).

6. Когда спросили у Аблая, кого онъ изъ батырей болѣе уважаетъ изъ всѣхъ 3-хъ ордъ, онъ отвѣчалъ: изъ «предшествовавшихъ мнѣ мужей двое заслуживаютъ удивленіе: Козыбекъ *Каракисековецъ*, который возвратилъ отъ Галдана 90 своихъ плѣнныхъ и Дерпсалы-Уаковецъ, такъ же возвратившій своихъ плѣнныхъ. 1-й взялъ просьбой и былъ самъ у Галдана, а послѣдній устрашилъ врага, сидя въ своемъ аулѣ. Изъ моихъ батырей Басентинецъ Малай Сары по богатству, храбрости и по характеру и *Уаковецъ* Боянъ по уму и храбрости стоятъ выше всѣхъ».

7. *Байгоза* батырь Тарактинецъ. Во время преслѣдованія Торгоутовъ, бѣжавшихъ изъ Россіи, киргизы расположились на бивакъ, варили въ своихъ походныхъ котлахъ сушеное конское мясо, разводили въ турсукахъ *куртъ* съ водой; словомъ завтракали и подкрѣплялись на цѣлый день. Въ палаткѣ сидѣлъ Аблай и въ другой *Джаныбекъ батырь Чакчаковецъ* — Аргынъ извѣстный по своей черезвычайной гордости. Батырь сидѣлъ молча и курилъ табакъ, тогда молодой киргизъ дерзко подъѣхалъ къ его палаткѣ и, съ лошади протягивая руку, сказалъ: «Джаныбекъ батырь, дай-ка трубку»! Джаныбекъ не обратилъ на него вниманія и, чтобы показать совершенное презрѣніе, съ достоинствомъ выколотилъ трубку о каблуки своихъ красныхъ сапоговъ, бережно и медленно положилъ въ свою кальту (карманъ). Скоро ханъ снялся съ поля и каждый родъ сгруппировался подъ своимъ значкомъ, выѣхали впередъ батыри въ кольчугахъ, въ шлемахъ съ перьями, съ луками и стрѣлами подошли къ хану и образовали тоже кружекъ—*Такъ вели*—совѣтъ: рѣшено сдѣлать нападеніе на непріятеля хотя и въ превосходномъ числѣ. Для разслѣдованія рѣшено было послать караулъ, вызывали охотниковъ, первый вышелъ тотъ молодой человѣкъ, который просилъ трубку у Джаныбека. На вопросъ Джаныбека батыря у посланныхъ послѣ возвращенія ихъ съ разъѣзда, тотъ же молодой киргизъ отвѣчалъ «не много и не мало». Бой

начался, *калмыковъ* было 10 тысячъ; киргизы потерпѣли ужасный *уронъ*, наконецъ не выдержали и бросились бѣжать. Впереди всѣхъ одинъ высокій калмыкъ на черной, какъ ночь, лошади съ знаменемъ въ рукѣ вбивался въ ряды киргизъ, сбросилъ многихъ съ сѣдла. Джаныбекъ находился при этой ретирадѣ, кажется, въ доброй средѣ бѣжавшихъ, но говорилъ громко: «жаль, что не родилось ни одного киргиза, который могъ бы убить этого болвана». Тогда нашъ знакомецъ, тотъ молодой человѣкъ, о которомъ мы уже говорили, выѣхалъ впередъ, обернулся, натянулъ стрѣлу; тетива взвизгнула, калмыкъ закачался на лошади и упалъ, стрѣла завязла въ шелку (?) и пошла *зигзагами*. Молодой батырь былъ такъ недоволенъ, что стрѣла его пошла не прямо, проговорилъ: этотъ, кажется, былъ въ шкурѣ самого Аллаха. Смерть знаменосца произвела смятеніе въ рядахъ непріятеля. Киргизы воспользовались, ударили назадъ и обратили калмыковъ въ бѣгство и такимъ образомъ вырвали побѣду изъ рукъ непріятеля. Тогда Байгоза (это было имя молодого человѣка), закуривъ трубку и подходя къ Джаныбаю батырю сказалъ «батырь, вотъ время, когда можно курить». Такъ началъ свое батырство Байгоза Тарактинецъ и съ этого времени всѣ узнали имя его.

8. Балталинецъ Уразумбетъ батырь славился удивительною ловкостью и быстротою дѣйствія. Баенбой батырь *Ноглинецъ* (?) разсказывалъ, что ему однажды случилось быть вмѣстѣ съ Уразумбетомъ: ночью поѣхали они на аулъ калмыковъ изъ 8 юртъ: они рѣшились напасть—сказано и сдѣлано; пока онъ, Баенбой, успѣлъ перебить калмыковъ въ двухъ юртахъ, какъ явился Уразунбетъ батырь, объявилъ, что онъ доканалъ всѣхъ. Онъ получилъ двойную добычу.

9. Въ одной изъ пещеръ въ степи засѣли калмыки. У входа сидѣлъ одинъ стрѣлокъ съ знаменитымъ тогда корама чернымъ ружьемъ (калмыкъ изъ него стрѣлялъ сайгъ черезъ Иртышъ); послѣ смерти нѣсколькихъ смѣльчаковъ, никто изъ батырей не смѣлъ идти. Вдругъ выѣзжаетъ на буланой лошадкѣ *Сыргелинецъ* Илчибекъ батырь и отправляется на калмыка мелкой рысцой. Всѣ ожидаютъ съ трепетомъ,

что онъ сейчасъ падетъ. Ильчибекъ, доѣхавъ такимъ образомъ довольно близко, вдругъ устремился, калмыкъ приложилъ фитиль — осѣчка и не успѣлъ приложить еще разъ, какъ былъ изрубленъ батыремъ.

Когда его спрашивали о причинѣ того, что онъ ѣхалъ все рысью, онъ отвѣчалъ: калмыкъ хотѣлъ моей лошади и дожидался, чтобы я подъѣхалъ ближе, я же расчитывалъ, что пока я буду ѣхать, на фитилѣ образуется большой нагаръ и послѣ дастъ осѣчку. У киргизъ вошло въ пословицу—фитиль съ нагаромъ курунова чернаго ружья.

10. Валиханъ въ молодости былъ извѣстенъ за большого чудака и «*тентека*». Онъ былъ причиной одной войны съ калмыками, которые покорились Аблаю и пришли въ степь, чтобы остаться при немъ. Поспоривъ съ молодымъ *нойономъ* за дѣвушку, Вали *пнулъ* его и изломалъ тяжелыми каблуками тогдашнихъ античныхъ сапоговъ, ребра бѣднаго калмыка.

11. Между башкирцами извѣстенъ во время Аблая *Исетъ* батырь; разсказываютъ будто онъ имѣлъ однажды встрѣчу съ Аблаемъ, схватилъ его подъ мышку и понесъ съ такою же легкостью, какъ бы свою шапку.

12. Киргизы Средней орды сдѣлали *набѣгъ* на дикокаменныхъ киргизъ, «киргизы» были предувѣдомлены и были готовы для встрѣчи извѣстныхъ гостей. Кайсаки бѣжали. Непріятель преслѣдовалъ ихъ до рѣки *Или*. Казаки переплавились вбродъ. Киргизъ *Темиръ*-джанъ батырь, увлекшись, *зашелъ* съ малымъ числомъ удальцевъ, преслѣдовалъ ихъ на киргизскій берегъ за Или. Тогда Канджигалинецъ Томача батырь, видя, что манапъ увлекся слишкомъ далеко и не имѣлъ товарищей, повернулъ назадъ и воткнулъ копье подъ самую грудинку лошади съ такой силой, что благородное животное разомъ сѣло на заднія ноги. Манапъ быстро соскочилъ съ лошади и бросился на Сергелинца Даулубой-батыря: Канджигалинецъ Исетъ батырь, увидѣвъ опасность товарища, далъ ударъ копьемъ — манапъ повалился на землю: *Томача* батырь, онъ былъ низкаго росту, но съ великой душой, онъ сѣлъ на него и распоролъ животъ— это былъ соколъ, затравившій лебедя. Бѣлое обнаженное тѣло

батыря осталось въ полѣ, бѣлѣя подобно бѣлому сазапу [1]). (Манапами назыв. родонач. дикокаменныхъ кирзизъ). *Темиръ Джанъ* былъ красивъ въ полномъ смыслѣ: бѣлъ и дороденъ. Киргизы увидѣли смерть любимаго *манапа*, начали преслѣдовать съ ожесточеніемъ. Сергелинецъ Даулу-бой былъ взятъ въ плѣнъ, сошелъ съ лошади, чтобъ стрѣлять, затѣмъ взяты киргизъ Усенъ батырь и Алтай *Байгузы* батырь. Байгузы батырь, былъ выбранъ по жребію, какъ жертва за смерть манапа. Его спросили: кто убилъ батыря? онъ отвѣчалъ твердо: я не хочу быть доказчикомъ ни на кого.

Его посадили, обративъ лицомъ къ Востоку, отмѣрили 40 шаговъ, и бурутъ съ длиннымъ ружьемъ сѣлъ напротивъ и началъ медленно наводить оружіе.

Самъ Байгузы разсказывалъ послѣ, что онъ рѣшительно ничего не думалъ и не боялся: «завязавъ крѣпко на головѣ я сидѣлъ, ожидая выстрѣла, но не замѣчая того, когда братъ покойника пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «братъ мой былъ шаптъ, я не хочу крови, ты казакъ свободенъ». Я не могъ подняться, кровь въ жилахъ совершенно остановилась и потъ градомъ лилъ съ лица». Онъ былъ вымѣненъ на одного изъ братьевъ Темиръ Джана, бывшаго въ плѣну у Аблая, и Джаулубай вышелъ съ обѣщаньемъ доставить выкупъ, за него *жизнію* поручился товарищъ по плѣну киргизъ Усенъ. Онъ пасъ барановъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ при благопріятномъ случаѣ бѣжалъ.

Вотъ плачъ сестры по *Темиръ Джану.*

«Въ табунѣ сивая лошадь, у которой если поворочу—будетъ болѣть шея. Подобный ханскому сыну братецъ, если не потяну, будетъ болѣть у него сердце; братецъ—что же я сдѣлаю? Боже, какъ *боякъ въ бокшѣ*, какъ саякъ (лошадь незаржала) въ табунѣ, какъ мапатъ (кит. матерія). Подобный ханскому сыну, брата не помяну—будетъ болѣть сердце, охъ, братецъ, что я сдѣлаю Боже»!

13. Послѣднее преслѣдованіе бѣжавшихъ Торгоутовъ въ преданіяхъ народа извѣстно подъ именемъ «*тыльнаго похода*».

---

[1]) Бѣлый жиръ.

Въ этомъ походѣ пароду было болѣе *санъ* (безъ счета), ханъ стоялъ на сборпомъ мѣстѣ, не двигаясь; онъ дожидался храбраго батыря Баяна, не смотря на ропотъ другихъ батырей. Наконецъ явился съ 540 человѣками и онъ предсталъ передъ ханомъ: «куда, что прикажешь, я *исполняю*». Ханъ обратился къ народу и сказалъ: «вотъ зачѣмъ я такъ долго ожидалъ Баяна». Въ это то время Канджигалинецъ Джанатай батырь, державшій передовой караулъ съ отрядомъ въ 500 человѣкъ въ разстояніи суточной ѣзды, былъ убитъ калмыками. Это случилось такъ: братъ Джанатая, Уйсенбай, дѣлая разъѣзды, взялъ у калмыковъ 3-хъ верблюдовъ; когда по возвращеніи у него братъ же его *Аркандаръ* батырь попросилъ должную *саугу* (добычу), Уйсунбай батырь отвѣчалъ: «у калмыковъ верблюдовъ много, есть у тебя руки—можешь самъ взять: болѣзни у тебя нѣтъ». Аркандаръ, глубоко оскорбленный этими грубыми словами, чтобы въ свою очередь доказать брату свое удальство, съ 7-ю товарищами, съ знаменитымъ *Конайемъ*, сыномъ Куянъ Кузды (заячьи глаза), напали на стадо калмыкъ, взяли 9-ть верблюдовъ. Аркандаръ отправилъ добычу съ 7-ю товарищами впередъ, самъ отсталъ, чтобы остановить или заманить въ противную сторону направляющуюся погоню.

Сначала товарищи видѣли какъ Аркандаръ искусно умѣлъ заманить ихъ въ противную сторону, потомъ видѣли, какъ будто батырь окруженъ вокругъ. Взошедши на гору, увидѣли: наконецъ показалось: со всѣхъ сторонъ идутъ—туй: Аркандаръ убитъ. Когда узналъ Джанатай о смерти любимаго своего брата, сдѣлалъ *проклятіе и поклялся* противъ убійцъ: «или умру, или напьюсь вашей кровью»! Велѣлъ подать лошадей, съ 500 человѣкъ отряда ворвался въ ставку калмыковъ, ихъ было 10 тысячъ, и утонулъ въ битвѣ—битва была страшная, киргизы шли на смерть. Уйсумбай съ распоротымъ животомъ, держа внутренности въ полахъ своего халата, дрался и спрашивалъ: «а что, Джанатай батырь, съ распоротымъ животомъ можно ли жить»? Всѣ пали, остался Джанатай и 8 человѣкъ и сынъ его Токышъ. Джанатай слѣзъ съ лошади, подалъ ее сыну, говоря: «отправляйся домой, пробейся, ибо не будетъ человѣка, который при случаѣ могъ бы за меня отмстить», и

палъ. Когда Аблай узналъ о смерти Джанатая, плакалъ неутѣшно, говоря: «не дававшій себя точить, черный булатъ мой»!

Все войско (*ходомъ чабдулъ*) быстро устремилось на Илю и до прихода калмыкъ окружили всѣ броды.

Калмыки остановились, послали семь человѣкъ пословъ, во главѣ которыхъ высокій черный калмыкъ въ огромной какъ котелъ лисьей шапкѣ, сошедъ съ лошади за нѣсколько саженъ, подошелъ къ хану и привѣтствовалъ: «Алла джаръ (Богъ помощникъ)! Уса и *Серенъ* ханъ послали меня: калмыки и казаки были братья, будемъ же и теперь ими, примите *бѣлыя юрты*— дань и будемъ *мирны*»! «Пошелъ»! сказалъ ханъ, собралъ батырей и началъ совѣщаніе, выразивъ свое мнѣніе: «*Бѣлыя юрты* надо взять, обнадежить и потомъ уже разграбить».

Баянъ отвѣчалъ: «нѣтъ! не берите бѣлыхъ юртъ, не старайтесь обманывать: Уса и *Серенъ* обманули верхній и нижній Китай, обманутъ и тебя».

Ханъ два раза повторялъ свое, онъ два раза отвѣчалъ свое. Ханъ остался на своемъ.

Калмыки стали въ разстояніи *коча* барановъ (переходъ 8 и 9 вер.). Два дни ждали, нѣтъ калмыковъ, нѣтъ и бѣлыхъ юртъ, узнали, что прошло два дня, какъ они снялись и ушли. Баянъ взялся преслѣдовать съ 1000 человѣкъ, догналъ въ то время, когда они вошли въ Китай и не успѣлъ захватить только 40 саженями; на возвратномъ (пути) отъ воды, испорченной трупами калмыковъ, они заболѣли болѣзнью кара тышкакъ (черныя испражненія) и погибли, и погибъ знаменитый Баянъ.

14. Галданъ спрашивалъ Аблая, когда тотъ былъ у него въ плѣну: какіе государи выше другихъ?—«Кондакеръ, Русскій бѣлый царь, Изасно (?) ханъ, Галданъ, послѣ я самъ». «Мêнъ мêнъ»! говорилъ Галданъ.—«Управляешь малымъ народомъ, но достоинъ большого народа», сказалъ Аблай.

О кочевкахъ киргизъ.

Киргизы Семипалатинской области исключительно живутъ скотоводствомъ. Въ сѣверной полосѣ преобладаетъ табуноводство, въ южной овцеводство, соединенное съ разведеніемъ верблюдовъ. Баянъ-Аульскій округъ принадлежитъ къ числу округовъ, занимающихся преимущественно табуноводствомъ.

У киргизъ скотъ лѣтомъ и зимою ходитъ въ степи и какъ лѣтомъ, такъ и зимою добываетъ себѣ пищу съ поля.

При такихъ условіяхъ производства промыселъ этотъ, предоставленный попеченію самой природы, зависитъ всего болѣе отъ состоянія погоды, отъ качества почвы. Человѣкъ играетъ здѣсь самую пассивную роль: онъ нуженъ для того, чтобы скотъ не пошелъ по вѣтру и для того, чтобы отогнать хищнаго звѣря. Случайностей физическихъ, отъ которыхъ можетъ страдать скотоводство, а особенно табуноводство, такъ много, что трудно исчислить. Все, что вредитъ хлѣбопашеству, вліяетъ не менѣе неблагопріятно и на скотъ, напримѣръ: засуха, напольные пожары и саранча. Глубокіе снѣга и въ особенности такъ называемая гололедица обусловливаютъ собой неизбѣжный упадокъ скота. Бураны и холода, эпидемическія и другія заразительныя болѣзни дѣйствуютъ крайне опустошительно, ибо киргизскій скотъ, находясь круглый годъ на подножномъ корму, не можетъ быть защищенъ ни отъ непогоды, ни отъ заразы. Голодные годы (называется у киргизъ «джутъ») представляютъ собой совокупное дѣйствіе всѣхъ вышеозначенныхъ бѣдствій. Изнуренный голодомъ скотъ дѣлается необыкновенно чувствительнымъ къ стужѣ, недостаточное питаніе развиваетъ малокровіе и опасныя болѣзни, причемъ наблюдаются безпрестанные выкидыши и совершенное безпло-

діе. Этими обстоятельствами объясняется тотъ громадный уронъ въ скотѣ, который былъ въ Семипалатинской области въ голодную зиму 1862 года.

Но, несмотря на всѣ препятствія, представляемыя внѣшней природой, скотоводство, какъ и всякая другая промышленность, должно имѣть извѣстныя условія, отъ которыхъ зависитъ его успѣшное движеніе, иначе оно не могло бы существовать. Въ чемъ заключаются эти условія? Опредѣлить эти условія не трудно, если принять во вниманіе:

1) Что въ старыя времена, во времена опустошительныхъ войнъ и вседневной баранты киргизы были богаче, чѣмъ теперь, и повсемѣстные упадки случались рѣдко. Народная память, изъ событій прошлаго столѣтія, сохранила воспоминаніе только о двухъ голодныхъ годахъ, но въ эти годы причиною нашихъ бѣдствій была не столько гололедица, сколько огонь и мечъ, заклятые киргизскихъ враговъ калмыковъ. Что сибирскіе киргизы до основанія внѣшнихъ приказовъ были богаче, это фактъ неподверженный ни малѣйшему сомнѣнію: стоитъ только посмотрѣть на число скота, который былъ пригоняемъ на оренбургскую и сибирскую линіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и на офиціальныя исчисленія 20 и 30 годовъ. Въ эту послѣднюю эпоху было не мало киргизъ, имѣвшихъ 10-тысячные табуны лошадей.

2) Что въ наше время число скота у киргизъ все болѣе и болѣе уменьшается и падежи дѣлаются чаще и опустошительнѣе. Въ этомъ можно вполнѣ убѣдиться, если сравнить исчисленія 20 и 30 годовъ съ исчисленіями 40 и 50 годовъ.

Правда, что въ прошлыя времена киргизы продавали своихъ дѣтей въ русскія станицы и за одинъ куль муки, но причиною голода были: не гололедица, не суровая зима, а войны и баранта. Въ старину исходнымъ пунктомъ всѣхъ киргизскихъ мотивовъ и заботъ былъ скотъ. Мы устраивали свою жизнь, принаравливаясь къ требованіямъ скотоводства. У нашихъ предковъ постоянныхъ зимовокъ не было, точно также какъ и пріуроченныхъ мѣстъ для лѣтнихъ пастбищъ. Когда въ одномъ мѣстѣ былъ голодъ, киргизы уходили на другія болѣе благопріятныя, не стѣсняясь никакими разстояніями.

Киргизы меньшой орды лѣто кочевали подъ Оренбургомъ и въ горахъ Мугоджара, а зиму проводили на Сырѣ и въ пескахъ Бурсукъ и Каракумъ. Киргизы средней орды въ одно лѣто изъ подъ Семипалатинска шли къ Троицку и обратно. При такомъ образѣ жизни понятно, что голодныя зимы не имѣли такого роковаго характера, какъ теперь.

По сему обширный районъ кочевокъ должно считать самымъ важнымъ и главнымъ условіемъ для скотоводства. Земля, достаточная для прокормленія цѣлаго города, не будетъ удовлетворять одного киргизскаго аула, ибо каждый аулъ долженъ имѣть особое зимовое мѣсто (зимовку) съ зимними пастбищами, особыя пастбища для весеннихъ, осеннихъ и лѣтнихъ стойбищъ. Для зимовокъ требуются густыя лѣса, или лѣсистыя горы, вообще мѣста, которыя могутъ защищать скотъ отъ зимнихъ непогодъ. Для лѣтнихъ кочевокъ, напротивъ, мѣста открытыя, привольныя и обильныя текущими водами или озерами. Лѣтнія кочевки выжигаются осенью для уничтоженія личинокъ насѣкомыхъ, безпокоющихъ стада въ лѣтнія жары, между тѣмъ какъ зимнія остаются все лѣто нетронутыми, такимъ образомъ киргизы, занимая, повидимому, огромныя пространства земли, въ сущности пользуются въ данный моментъ только незначительною частью и потому постоянно нуждаются въ землѣ.

На основаніи этихъ фактовъ можно думать, что раздѣленіе земель нашихъ по округамъ и пріуроченіе лѣтнихъ и зимнихъ пастбищныхъ мѣстъ извѣстнымъ родамъ и личностямъ должно считать одною изъ главныхъ причинъ, вредящихъ скотоводству. Теперь нужно изъ малаго пространства земли извлекать наибольшую пользу, а это совершенно невозможно, пока скотоводство будетъ въ киргизской степи единственнымъ средствомъ существованія.

Устраивать конюшни на нѣсколько сотъ лошадей также невозможно, какъ приготовлять на это число фуражные запасы. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для успѣха скотоводства необходимы:

1) Обиліе земли и большой районъ для кочевокъ.

2) Густые лѣса или лѣсистыя горы для зимовокъ и открытыя

привольныя, безлѣсныя мѣста, обильныя водою для лѣтнихъ пастбищъ. Качество лѣтнихъ пастбищъ и удобство зимовыхъ стойбищъ имѣетъ громадное вліяніе на развитіе скотоводства, но важнѣе всего для киргизъ зимовыя мѣста. Безъ теплыхъ зимовокъ табуноводство существовать не можетъ. Оттого эта отрасль скотоводства процвѣтаетъ только въ тѣхъ округахъ, которые имѣютъ наиболѣе мѣстъ, удобныхъ для зимнихъ стойбищъ. Кокчетавскій округъ, сѣверная часть Акмоллинскаго и Внутренній округъ Семипалатинской области, покрытые сплошными лѣсами и тучными лугами, считаются самыми богатыми округами Сибирской степи. Въ Атбасарскомъ бывшемъ округѣ и въ южной части Акмоллинскаго округа табуноводство уже уступаетъ мѣсто овцеводству и разведенію верблюдовъ, ибо песчаныя и солончаковыя равнины этой части степи производятъ растенія, употребляемыя исключительно овцами и верблюдами. Каркаралинскій округъ имѣетъ всѣ условія, требуемыя скотоводствомъ: лѣтнія кочевки по Нурѣ и Баканасу и уютныя зимовки въ лѣсистыхъ горахъ Кентъ и Казулыкъ и въ камышистыхъ прибрежныхъ Балхаша. Баянъ-Аульскій округъ безъ сомнѣнія самый бѣдный въ области Сибирскихъ киргизовъ. Киргизы, кочующіе въ Баянъ-Аульскомъ округѣ, хотя и владѣютъ прекрасными лѣтними пастбищами въ верховьяхъ Нуры и Ишима, но не имѣютъ самого важнаго—зимовокъ. Территорія округа представляетъ холмистую и каменистую равнину, въ которой растительность держится только въ ложбинахъ, глубоко забиваемыхъ зимою снѣгомъ. Лѣсистыя горы Баянъ-Аулъ и Эрейменъ кажутся среди этой печальной равнины какъ бы оазами въ негостепріимной пустынѣ. Горы эти дѣйствительно имѣли для киргизъ значеніе оазисовъ, они служили зимовками для всѣхъ Туртугулевскихъ волостей. Баянъ-Аулъ никогда не зналъ повальныхъ упадковъ скота, въ немъ Азнабай пріобрѣлъ 17 тысячъ лошадей. Защищенный отъ непогодъ и въ самые безкормные года выносилъ кое какъ зиму, питаясь иногда прутьями лиственныхъ деревьевъ. Не даромъ дано группѣ этихъ горъ названіе Баянъ-Аулъ, что по-калмыцки значитъ: благополучная гора (Баянъ-ала). Эрей-менъ теперь

уже не принадлежитъ намъ: онъ занятъ киргизами Акмоллинскаго округа, хотя за него было пролито нами не мало крови. Баянъ-Аулъ принадлежитъ станицѣ; за Иртышъ же, куда пригоняли наши предки часть скота на зиму, не пускаютъ насъ казаки. Такимъ образомъ киргизы Туртугульскихъ волостей остаютя совершенно безъ зимовокъ и вслѣдствіе этого болѣе другихъ страдаютъ отъ зимнихъ непогодъ и отъ глубокихъ снѣговъ. Также безвыходное положеніе въ отношеніи зимовокъ заставляютъ Туртугульскихъ киргизъ откочевывать для снисканія себѣ пропитанія въ другіе округа, въ русскія станицы; такихъ, безвѣстно отлучившихся, по послѣднему исчисленію оказалось болѣе 500 семействъ, не считая Конджигалинскихъ и Козагаловскихъ киргизъ, которые поступили оффиціально въ Акмоллинскій и Атбасарскій округа.

Повергая такое бѣдственное положеніе народа Туртугульскаго участка на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, я рѣшаюсь изложить здѣсь нѣкоторыя мои соображенія относительно мѣръ, какими можно было бы отвратить неизбѣжное раззореніе, грозящее Туртугульскимъ волостямъ Баянъ-Аульскаго округа.

Такъ какъ киргизы эти страдаютъ единственно отъ неимѣнія зимовыхъ мѣстъ и такъ какъ въ границахъ округа, кромѣ горъ Баянъ-Аульскихъ, нѣтъ другихъ урочищъ, могущихъ быть надежными зимовками киргизамъ, то я осмѣливаюсь просить ваше высокопревосходительство упразднить Баянъ-Аульскій приказъ, приписавъ подвѣдомственныя ему волости въ составъ другихъ округовъ или же отъ имени народа перенести на урочище Бель-Агачъ, лежащее на тракту, на половинѣ дороги между г. Акмоллы и Каркаралинской станицей и имѣющее всѣ удобства для поселенія приказа: плодородную почву, сѣнокосные луга и положеніе на торговомъ пути и среди лѣтнихъ кочевокъ Баянъ-Аульскихъ киргизъ, послѣднее обстоятельство особенно важно для народныхъ сборовъ во время ревизіи г-на военнаго губернатора. Киргизы Баянъ-Аульскаго округа готовы взять на себя часть расходовъ не только по перенесеніи приказа на другое мѣ-

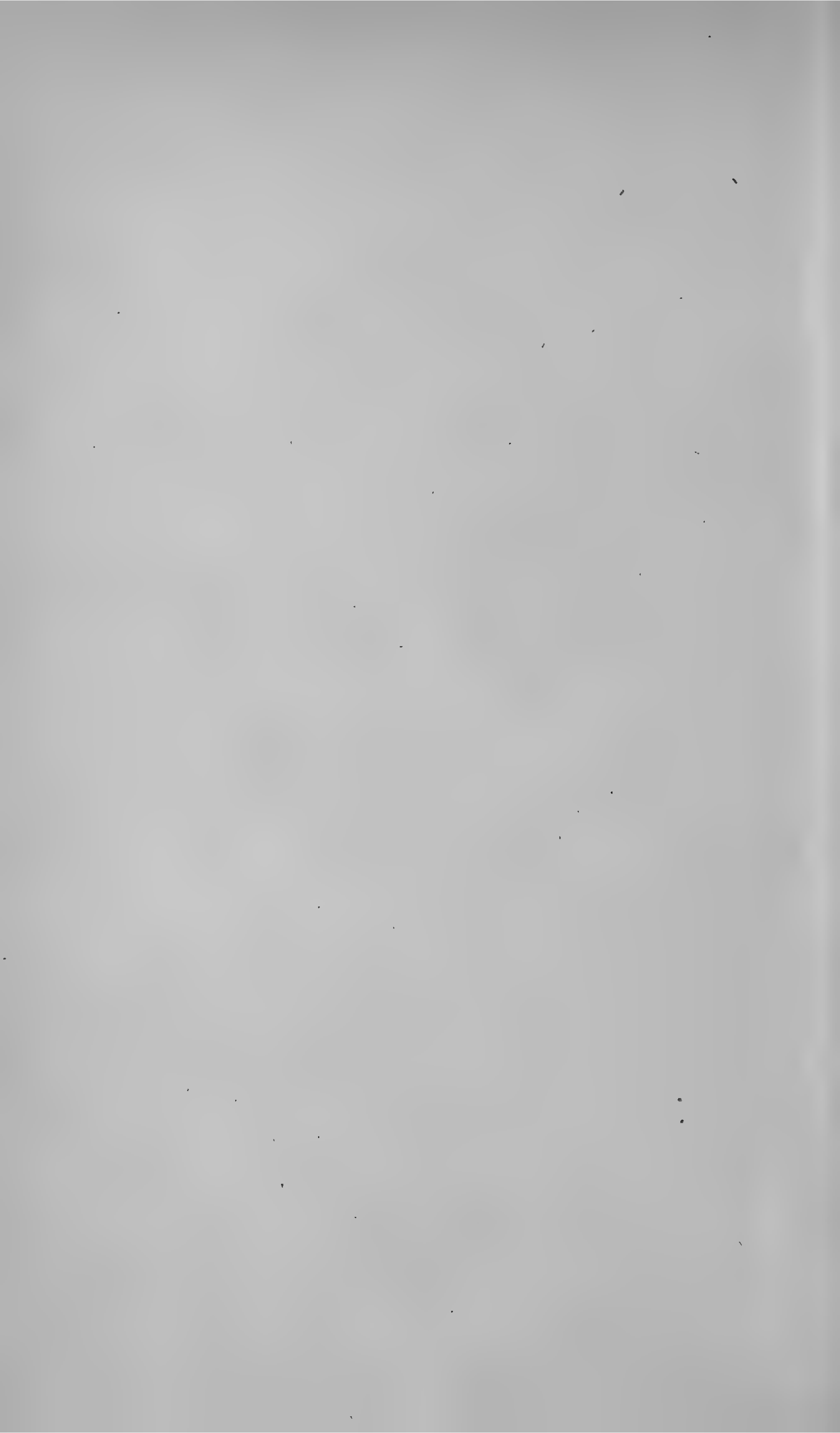
сто, но и для переселенія казачьей станицы, давъ каждому казачьему семейству по три лошади.

Казаки Баянъ-Аульской станицы хлѣбопашествомъ не занимаются, а живутъ только оброкомъ, который берутъ съ киргизъ, отдавая имъ въ временное пользованіе станичные свои участки, слѣдовательно перенесеніе приказа и станицы на хлѣбородныя мѣста будетъ одинаково выгодно, какъ для казаковъ, такъ и для киргизъ.

Въ заключеніе всего считаю долгомъ заявить вашему высокопревосходительству, что при предстоящемъ размежеваніи земель для Баянъ-Аульской станицы я полагалъ бы справедливымъ прежде всего надѣлить зимовками и лѣсными участками коренныхъ жителей киргизъ, а затѣмъ оставшіяся мѣста отдать казакамъ, такъ какъ по закону казаки должны быть надѣляемы землей безъ стѣсненія киргизъ въ ихъ пастбищахъ [1]).

[1]) Подлинникъ, написанный писарской рукой, полученъ мною отъ Мусы Черманова, дяди Чокана Валиханова. Хотя онъ имѣетъ видъ оффиціальной записки, поданной степному начальству отъ имени Мусы Черманова, но я полагаю, что черновикъ былъ написанъ для дяди племянникомъ. *Г. Потанинъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.



Извлеченіе изъ дѣла объ отправленіи поручика Чокана Валиханова въ Кашгаръ [1]).

Волненія, начавшіяся въ 1857 году въ Восточномъ Туркестанѣ вслѣдствіе «бунта» ходжи Валихана-тюри, въ связи съ другими политическими обстоятельствами въ сосѣднихъ съ нами областяхъ Азіи, настолько встревожили генералъ-губернатора Западной Сибири Гасфорта, что онъ нашелъ необходимымъ послать въ Кашгаръ, для развѣдокъ на мѣстѣ, тайнаго агента, который могъ бы сообщить русскому правительству дѣйствительное положеніе дѣлъ въ этой китайской провинціи. Осуществить эту мысль было тѣмъ легче, что въ Омскѣ находился человѣкъ, какъ нельзя болѣе пригодный къ такой роли—Чоканъ Валихановъ, и Гасфортъ началъ дѣйствовать. Онъ обратился въ министерства иностранныхъ дѣлъ и военное съ ходатайствомъ разрѣшить отправить въ Кашгаръ офицера для собранія точныхъ свѣдѣній о странѣ.

Въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находится дѣло о поѣздкѣ Валиханова въ Восточный Туркестанъ, озаглавленное такъ: «Объ отправленіи въ Кашгаръ секретнаго агента поручика Султана Чокана Велиханова вмѣстѣ съ купеческимъ караваномъ 1857 г. Тутъ же о награжденіи Велиханова и лицъ, способствовавшихъ успѣху экспедиціи, а именно полковника Гутковскаго, семипал. купца Букаша и караванъ баши Муса-бія, а также нѣсколькихъ киргизовъ и ташкендцевъ». Началось 1857 г.—кончилось 1861 г.

---

[1]) По документамъ Архива министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Ред.

Оно начинается слѣдующей запиской Гасфорта:

«Положеніе дѣлъ въ Кашгарѣ и наши къ нему отношенія.

Возмущеніе въ Кашгарѣ, какъ и должно было ожидать, вспыхнуло и угрожаетъ вскорѣ принять обширные размѣры. Чтобы показать всю важность его для дѣлъ Средней Азіи и для нашихъ пограничныхъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи его и отношеніи къ китайскому правительству и сосѣдственнымъ ханствамъ.

Завоеваніе Кашгара стоило Китаю кровопролитной войны съ Чжангеръ ханомъ, прежнимъ его владѣтелемъ. Чжангеръ ханъ былъ схваченъ и варварски умерщвленъ, но дѣти его спаслись бѣгствомъ въ Хокандъ, одинъ изъ нихъ просилъ генералъ-губернатора Западной Сибири о покровительствѣ Россіи, въ которомъ, къ сожалѣнію, ему тогда было отказано. Теперь они, какъ слышно, отправились въ Кашгаръ, чтобы воспользоваться возстаніемъ его.

Для насъ вопросъ состоитъ въ томъ: должны ли мы оставаться равнодушными зрителями событій, происходящихъ въ Кашгарѣ?

Кашгаръ, обширная и плодоносная провинція, въ которой считается болѣе милліона жителей, отдѣленъ отъ Китая проходами Мусъ-Дага, которые весьма легко преградить: съ юга онъ отдѣленъ отъ англійскихъ владѣній въ Индіи (отъ Лагора, въ недавнее время съ такими усиліями завоеваннаго Англіею) незначительнымъ, хотя и горнымъ пространствомъ; далѣе къ западу граничитъ съ Авганистаномъ и Хокандскими владѣніями, и наконецъ на сѣверѣ примыкаетъ части нашихъ сомнительныхъ владѣній Дикокаменныхъ киргизовъ (Бурутъ). Географическое положеніе указываетъ уже на важность Кашгара въ политическомъ значеніи какъ для Россіи, такъ и для Англіи, и этимъ объясняется стараніе той и другой имѣть въ немъ своихъ агентовъ, въ чемъ однако по сіе время они не успѣли, по случаю подозрительности и недовѣрчивости китайскаго правительства. Русское правительство, продолжая линію своихъ укрѣпленій и военныхъ поселеній отъ Семипалатинска до Или, дѣлаетъ этотъ путь болѣе для себя доступнымъ.

Теперь, когда военное занятіе китайскихъ постовъ на Амурѣ угрожаетъ разрывомъ Россіи съ правительствомъ Китая, конечно мы должны обратить особенное вниманіе на западные предѣлы Китайской имперіи. Въ западной Сибири мы имѣемъ болѣе средствъ вести войну, значительное число войскъ и артиллерію, которая нѣсколько разъ была въ дѣлахъ; наконецъ, легкость сообщенія съ Семипалатинскомъ представляетъ чрезвычайно важное преимущество предъ отдаленнымъ и едва доступнымъ Амурскимъ краемъ; а потому съ этой стороны должны быть направлены главнѣйшія дѣйствія наши противъ Китайской имперіи, въ случаѣ разрыва съ нею. Наконецъ, здѣсь мы имѣемъ и мѣстный поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, это—разграбленіе Чугучакской факторіи. Можетъ быть замѣтятъ, что въ такомъ случаѣ всего удобнѣе занять Илійскую провинцію Китая; но тутъ рождается вопросъ,—что дѣлать съ нею по окончаніи войны? Возвратить китайцамъ,—но какую пользу извлечемъ мы изъ временнаго владѣнія ею? Раздраженіе и неудовольствіе ея жителей противъ Россіи будутъ послѣдствіями этого занятія. Не такимъ представляется вопросъ военныхъ дѣйствій въ Кашгарѣ: образовавъ изъ Кашгара отдѣльное отъ Китая ханство, подъ владѣніемъ одного изъ сыновей Чжангера, или другого претендента, и принявъ его подъ покровительство Россіи, мы окажемъ важную услугу народу, для котораго тиранія Маньчжуро-Китайцевъ сдѣлалась невыносимою. Можетъ быть замѣтятъ, что это потребуетъ усилій гораздо большихъ чѣмъ занятіе Илійскаго края; но за то мы достигаемъ результатовъ положительныхъ и чрезвычайно важныхъ: мы пріобрѣтаемъ совершенное господство въ Средней Азіи и можемъ угрожать изъ Кашгара по своему произволу, каждому изъ хановъ, и облегчаемъ себѣ путь далѣе. Если уже разрывъ и война съ Китаемъ должны послѣдовать, то по крайней мѣрѣ эта война, которая повлечетъ за собою важныя столкновенія и неизбѣжные расходы, должна выкупиться подобными результатами. А потому казалось бы необходимо нужнымъ заранѣе озаботиться военными приготовленіями въ Западной Сибири, на случай, если дѣйствія нашихъ войскъ на Амурѣ

повлекутъ за собою разрывъ съ Китайскою имперіею, и употребить всѣ усилія какъ для собранія свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Кашгарѣ, такъ и для повѣрки тѣхъ, которыя мы имѣемъ о путяхъ къ нему; для сего казалось бы необходимымъ послать опытнаго и надежнаго офицера въ Кашгаръ: знаемъ, что достиженіе его сопряжено со многими трудностями, но важность событіи, кажется, требуетъ, чтобы рѣшились на эту мѣру».

На этой запискѣ помѣта: Передано воен. м—ру, который и доложилъ Его Императорскому Величеству 22 апр. 1857 г. Распоряженіе сдѣлано по воен. м—ству по предварительному совѣщанію съ м—вомъ ин. д.

Военный министръ писалъ Гасфорту, отъ 28 августа 1857 г. № 80.

Вашему высокопревосходительству извѣстно, какое вниманіе со временъ Екатерины II обращало постоянно наше правительство на установленіе политическихъ или торговыхъ связей съ Кашгаромъ, и изъ дѣлъ, въ вашемъ управленіи находящихся, вы знаете, что еще въ послѣднее время (при заключеніи Кульджинскаго трактата) мы домогались объ учрежденіи факторіи въ Кашгарѣ, но и эта попытка не удалась.

Нынѣ нельзя не воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ коемъ находится Кашгаръ въ отношеніи къ Китаю, о чемъ и вамъ сообщено надворнымъ совѣтникомъ Захаровымъ, а потому правительство наше рѣшилось опять возобновить стараніе свое къ учрежденію хотя нѣкоторыхъ сношеній съ названною провинціею. Для осуществленія этой цѣли прежде всего необходимо узнать въ подробности и съ точностію настоящее положеніе дѣлъ въ Кашгарѣ, степень силы и важность возстанія, всѣ случайности успѣха въ отдѣльномъ существованіи этого владѣнія и сочувствіе народа къ прежней магометанской династіи. Въ сихъ видахъ Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Командировать опытнаго и надежнаго человѣка въ Кашгаръ, для разъузнанія о ходѣ происшедшаго тамъ возстанія.

По взаимному обсужденію моему этого вопроса съ ми-

нистромъ иностранныхъ дѣлъ предполагалось бы: послать довѣренное лицо негласнымъ образомъ, но подъ видомъ купца или купеческаго прикащика въ небольшомъ караванѣ, составленномъ изъ татаръ или нашихъ ташкентцевъ. Караванъ этотъ должно отправить подъ военнымъ прикрытіемъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ ему не будетъ болѣе угрожать опасность отъ хищниковъ киргизскихъ или коканскихъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ избѣгать всякаго нарушенія нашихъ сношеній съ Китаемъ. Впрочемъ представляется вашему ближайшему усмотрѣнію избрать другой способъ для достиженія указанной цѣли. Должно соблюсти только, чтобы посылаемое лицо получило отъ васъ наставленія *не иначе* какъ изустно, и чтобы ни подъ какимъ предлогомъ никакихъ бумагъ, могущихъ обнаружить его положеніе и званіе, при немъ не находилось. О возвращеніи же суммы, которая будетъ вами израсходована для поѣздки въ Кашгаръ довѣреннаго лица, вы не оставите войти въ свое время съ представленіемъ.

2) Усилить отряды наши въ Заилійскомъ краѣ, по усмотрѣнію вашего высокопревосходительства, какъ выставлено уже не далеко отъ китайской границы на урочищѣ Айдарлы и рѣчкѣ Чарынѣ, такъ и къ югу отъ укрѣпленія Вѣрнаго по направленію къ Кашгарской границѣ. Хорошо расположенные отряды могутъ принести двоякую пользу: 1) чрезъ подобные передовые посты скорѣе можно получить свѣдѣнія о происходящемъ въ Кашгарѣ и 2) въ случаѣ вторженія въ наши предѣлы вооруженныхъ шаекъ — скорѣе можно будетъ дать имъ надлежащій отпоръ.

3) Если бы по возстановленіи въ Кашгарѣ прежней династіи, независимой болѣе отъ китайскаго правительства, представители этой династіи обратились къ вамъ съ просьбою о помощи или содѣйствіи, то не отвергая ихъ просьбы и принявъ благосклонно посланцевъ новой власти въ Кашгарѣ, вы испросите разрѣшеніе правительства на дальнѣйшій ходъ этого дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду предстоящихъ обстоятельствъ должны быть готовымъ къ оказанію содѣйствія.

Хотя со стороны военнаго министерства и дѣлаются распоряженія объ усиленіи въ Омскѣ запасовъ пороху, снаря-

довъ и оружія, но при этомъ я покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня: на основаніи вашихъ соображеній по поводу сего отзыва, всѣ ли запасы должны быть доставлены только въ Омскъ, или также и въ другіе пункты Заилійскаго края?

О вышеизложенной Высочайшей волѣ и изъясненныхъ указаніяхъ сообщая вашему высокопревосходительству, я остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что ваше благоразуміе и опытность укажутъ вамъ надежнѣйшій путь къ достиженію предположенной цѣли.

О послѣдующихъ вашихъ по сему отзыву распоряженіяхъ я имѣю честь ожидать своевременныхъ увѣдомленій, для представленія оныхъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

Въ отвѣтъ на это командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса рапортомъ, отъ 30 октября 1857 г. № 31, на имя военнаго министра доносилъ:

Высочайшее повелѣніе Его Императорскаго Величества, о мѣропріятіяхъ по поводу возмущенія въ Кашгаріи, объявленное мнѣ въ отзывѣ вашего высокопревосходительства отъ 28 августа № 80, мною получено 17 числа текущаго октября съ начальникомъ инженеровъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, полковникомъ Клименко.

Въ это же время прибылъ въ Омскъ отозванный изъ Кульджи консулъ нашъ Захаровъ, который подтвердилъ всѣ прежде сообщенныя мною министерству иностранныхъ дѣлъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Кашгаріи, заключающіяся въ сущности въ томъ, что возмущеніе, вспыхнувшее въ началѣ сего года въ Яркентѣ и въ Кашгарѣ, распространилось уже до г. Аксу, и что первая попытка китайцевъ къ подавленію возстанія была безуспѣшна, потому что посланный въ первый разъ отрядъ разбѣжался отъ недостатка содержанія и вооруженія, и по полученіи сего извѣстія къ Кульджѣ, хотя Илійское начальство приступило къ снаряженію новаго отряда изъ всѣхъ полковъ понемногу и изъ калмыковъ, но недостатокъ въ денежныхъ средствахъ можетъ весьма затруднить и парализовать и это новое предпріятіе.

Слухи объ участіи въ возстаніи ходжей, потомковъ Джан-

гера, весьма правдоподобны, однако же не выяснилось надлежащимъ образомъ, и неизвѣстно при томъ, какими они располагаютъ средствами и въ какой мѣрѣ сочувствуетъ кашгарское населеніе дѣлу возстановленія прежней мусульманской династіи.

При настоящемъ затруднительномъ положеніи китайскаго правительства можно съ большою вѣроятностью ожидать отторженія Кашгаріи, но для упроченія самостоятельности этого владѣнія необходимо, чтобы содѣйствіе другой державы было оказано оному во-время, ибо иначе существованіе его не можетъ быть продолжительно, при значительной несоразмѣрности силъ Кашгаріи съ силами, которыя огромная Китайская имперія, не смотря на разстройство ея дѣлъ, можетъ противупоставить для возстановленія тамъ своего владычества. Подобныя попытки ходжей и сартовъ обнаруживались уже нѣсколько разъ, но были усмирены китайцами съ употребленіемъ самыхъ жестокихъ мѣръ наказанія.

Соображая все вышеизложенное и имѣя въ виду высочайшую волю Его Императорскаго Величества, оказывается необходимымъ: во 1-хъ, собрать подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ Кашгаріи и слѣдить за ходомъ событій до окончательной ихъ развязки и 2) усилить военные способы наши въ Заилійскомъ краѣ, для поддержанія, если повелѣно будетъ, независимости Кашгаріи по возстановленіи прежней мусульманской династіи.

По первому предмету честь имѣю сообщить вашему высокопревосходительству, что съ своей стороны я также признаю за лучшее, для собранія свѣдѣній, послать въ Кашгаръ при торговомъ караванѣ довѣреннаго чиновника, подъ видомъ купца или прикащика; но снаряженіе и отправленіе каравана не можетъ быть предпринято раньше наступленія весны будущаго года. При томъ я не могу быть увѣренъ, что найдутся теперь охотники отправить свои товары въ страну, объятую возмущеніемъ, опасеніе подвергнуться разграбленію можетъ удержать нашихъ азіатскихъ торговцевъ отъ рѣшимости, въ которой я не сомнѣвался бы при другихъ обстоятельствахъ, и не безъизвѣстно министерству иностранныхъ

дѣлъ, что возмущеніе Кашгаріи въ 1847 г. заставило предмѣстника моего, князя Горчакова, отказаться отъ посылки каравана, который предполагалось тогда отправить для извлеченія изъ Кашгара свѣдѣній, до торговли относящихся.

Во всякомъ случаѣ я попытаюсь всѣми зависящими отъ меня способами склонить нѣсколькихъ торговцевъ къ снаряженію хотя небольшаго каравана, для вящаго же успѣха въ прінсканіи охотниковъ, я покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство испросить на сей случай Высочайшее разрѣшеніе на освобожденіе отъ таможенныхъ пошлинъ въ опредѣляемомъ величиною каравана количествѣ товаровъ какъ тѣхъ, которые будутъ отправлены отсюда, такъ и тѣхъ, которые вывезутся оными изъ Кашгаріи (на подлинномъ собственною Его Величества рукою написано: «снестится съ министерствомъ финансовъ»), ибо хотя въ укрѣпленіи Вѣрномъ,—пунктѣ ближайшемъ въ Кашгаріи,—водворились уже многіе азіатскіе торговцы и чрезъ снаряженіе тамъ каравана выигралось бы время, но какъ они окончательно еще не успѣли устроиться и не имѣютъ запаса русскихъ товаровъ, то необходимо въ настоящемъ случаѣ обратиться къ азіатцамъ, проживающимъ въ Семипалатинскѣ, извѣстнымъ своею предпріимчивостью и для которыхъ облегченіе въ таможенныхъ пошлинахъ было бы немаловажною приманкою.

Разсчитывая время, которое потребуется для прохода каравана отъ Семипалатинска до Кашгара и обратно до нашихъ предѣловъ, я нахожу, что если онъ выступитъ въ первыхъ числахъ апрѣля, то нельзя ожидать возвращенія его, а слѣдственно и полученія желаемыхъ свѣдѣній, раньше конца лѣта будущаго года; съ отозваніемъ же консула Захарова изъ Кульджи, мы лишены всякой возможности получать послѣдовательныя извѣстія о ходѣ событій въ Кашгаріи. По симъ соображеніямъ я признаю необходимымъ нынѣ же отправить къ границамъ Кашгаріи въ кочевья дикокаменныхъ киргизовъ довѣреннаго чиновника съ тѣмъ, чтобы онъ, не обнаруживая своего порученія и дѣйствій, слѣдилъ за дѣлами въ Кашгаріи и вообще въ Западномъ Китаѣ до времени отправленія предполагаемаго каравана, такъ какъ нѣкоторые изъ родовъ сихъ

киргизовъ, подобно Атбанамъ Большой орды, кочуютъ въ нашихъ и китайскихъ предѣлахъ.

Въ выборѣ чиновника для сего порученія я остановился на состоящемъ при мнѣ для особыхъ порученій поручикѣ Валихановѣ. Офицеръ этотъ сынъ достойнѣйшаго киргизскаго султана, полковника Чингиса Валиханова, нынѣ старшаго султана Кокчетавскаго округа, воспитывался въ Сибирскомъ Кадетскомъ корпусѣ, несомнѣнной преданности правительству, съ очень хорошими дарованіями и на расторопность его вполнѣ можно положиться, сверхъ того онъ хорошо ознакомился съ исторіею и нынѣшнимъ состояніемъ средне-азіатскихъ владѣній и, будучи самъ мусульманинъ, скорѣе русскаго чиновника можетъ снискать довѣріе своихъ единовѣрцевъ.

Для содѣйствія Валиханову въ возлагаемомъ на него порученіи я предоставляю въ его распоряженіе проживающаго постоянно въ Дикокаменной ордѣ по моему порученію касимовскаго татарина Файзулу Ногаева, бывшаго еще въ 1824 г. съ гг. Мейендорфомъ и Негри въ Бухарѣ и Хивѣ въ качествѣ переводчика и удостоившагося получить въ награду званіе тархана. Какъ человѣкъ бывалый въ дальнихъ азіатскихъ странахъ и ознакомившійся, во время долголѣтняго пребыванія между дикокаменными киргизами, съ посѣщающими иногда страну эту кашгарскими купцами,—Ногаевъ можетъ быть употребленъ въ этомъ дѣлѣ съ особенною пользою, а къ тому же вліяніемъ своимъ на старѣйшинъ дикокаменныхъ киргизовъ обезопаситъ проживаніе Валиханова посреди этихъ необузданныхъ дикарей.

Не обязывая поручика Валиханова проникнуть въ самую Кашгарію, я однако же увѣренъ, что, при свойственномъ ему самоотверженіи, онъ не преминетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, коль скоро таковой представится, въ противномъ случаѣ онъ будетъ ожидать снаряжаемаго каравана и если не будетъ особыхъ препятствій, присоединится къ нему въ качествѣ прикащика или родственника начальника каравана. Согласно повелѣнію Его Величества всѣ мои наставленія посылаемому чиновнику будутъ словесныя и никакихъ бумагъ онъ при себѣ имѣть не будетъ.

Въ отношеніи каравана остается мнѣ присовокупить, что для препровожденія онаго чрезъ кочевья дикокаменныхъ киргизовъ до предѣловъ Кашгаріи, я полагаю назначить до ста казаковъ, которые останутся въ кочевьяхъ рода Богу до возвращенія каравана. Благовиднымъ предлогомъ къ посылкѣ сего отряда послужитъ недавно полученная мною просьба отъ манаповъ рода Богу о присылкѣ къ нимъ военной команды для защиты отъ набѣговъ Сарыбагышей [1]).

Отъ министра иностранныхъ дѣлъ на имя генералъ-губернатора Западной Сибири послѣдовало слѣдующее отношеніе, отъ 1 декабря 1857 г. за № 331:

Ваше превосходительство уже получили подробное наставленіе отъ военнаго министерства касательно возбужденнаго вами вопроса о командированіи въ Кашгаръ секретнаго агента. Мнѣ остается только повторить мое мнѣніе, удостоившееся Высочайшаго одобренія и сообщенное уже вамъ въ прежнемъ отношеніи военнаго министра.

Правительство наше, не предпринимая наступательныхъ дѣйствій, должно быть готово ко всѣмъ случайностямъ, которымъ могутъ быть подвержены дѣла наши съ Китаемъ при ихъ теперешнемъ натянутомъ положеніи. Вашему превосходительству совершенно извѣстно, какъ полезно для насъ въ настоящую минуту имѣть точныя свѣдѣнія о всемъ, что дѣлается на Западѣ Китая, въ сопредѣльныхъ съ нами провинціяхъ его, и какую важность для насъ составляетъ положеніе Кашгара, о которомъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій. Проникнуть нашему агенту въ Кашгаръ необходимо. Средства, вами избранныя для сего, намъ кажутся удобными. Предметъ порученія назначаемому вами поручику Валиханову долженъ заключаться въ собраніи вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о положеніи Кашгара.

Что касается до предложенія вашего превосходительства, чтобы караванъ, который пойдетъ въ Кашгаръ, былъ освобожденъ отъ уплаты пошлинъ, то министерство иностранныхъ

---

[1]) Далѣе рѣчь идетъ о военныхъ дѣлахъ и объ усиленіи нашихъ отрядовъ въ Заилійскомъ краѣ, чтобы быть готовыми ко всякимъ случайностямъ въ пограничныхъ съ нами владѣніяхъ.

дѣлъ не замедлитъ войти по сему предмету въ надлежащее сношеніе съ министерствомъ финансовъ.

Отъ военнаго министра командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, отъ 2 декабря 1857 г. № 118:

Представленіе вашего высоко-ва отъ 30 минувшаго октября № 31 о мѣропріятіяхъ по поводу возстанія въ Кашгарѣ, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше повергнуть на высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

Его Императорское Величество высочайше соизволилъ одобрить соображенія ваши объ отправленіи каравана въ Кашгаръ и повелѣлъ приступить къ приведенію сей мѣры въ исполненіе.

Объ освобожденіи каравана отъ пошлинъ министерство иностранныхъ дѣлъ войдетъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ, который вѣроятно не встрѣтитъ съ своей стороны затрудненій къ полному удовлетворенію вашего ходатайства. Опредѣляемая вами численность конвоя для сопровожденія каравана и предлогъ удержанія онаго въ кочевьяхъ дикокаменныхъ киргизовъ—признаются весьма основательными. Государю Императору благоугодно только, чтобы къ конвою были присоединены два ракетныхъ станка.

Его Императорское Величество равномѣрно высочайше соизволилъ одобрить предположеніе ваше объ отправленіи, не ожидая снаряженія каравана, въ кочевья дикокаменныхъ киргизовъ, къ границамъ Кашгаріи, состоящаго при васъ по особымъ порученіямъ поручика Валиханова, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе касимовскаго татарина Файзулу Ногаева, поручикъ Валихановъ долженъ стараться проникнуть въ самую Кашгарію, если не представится къ тому какихъ либо особыхъ препятствій.

О томъ, какія необходимо дать ему наставленія, вы получите подробное увѣдомленіе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

На снаряженіе каравана и отправленіе поручика Валиханова предоставляется вамъ позаимствовать деньги изъ состоящихъ въ вашемъ вѣдѣніи суммъ гражданскаго вѣдомства. Суммы эти по полученіи отъ васъ свѣдѣній о произведен-

ныхъ издержкахъ по означеннымъ предметамъ тотчасъ же будутъ пополнены [1]).

Командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса писалъ министру иностранныхъ дѣлъ 31 декабря 1857 г., № 69:

Вслѣдствіе секретнаго отношенія вашего сіятельства № 331 и одновременно съ нимъ полученнаго отъ г. военнаго министра, мною сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Для снаряженія каравана въ Кашгаръ я командировалъ въ Семипалатинскъ товарища военнаго губернатора области сибирскихъ киргизовъ полковника Гутковскаго, поручивъ ему совмѣстно съ военнымъ губернаторомъ Семипалатинской области генералъ-маіоромъ Пановымъ устроить предпріятіе это, не обнаруживая истинной цѣли, а подъ предлогомъ учрежденія прибыльной торговли, въ поощреніе коей имъ предоставлены таможенныя облегченія. Объ успѣхѣ предпріятія этого я уже имѣлъ честь сообщить вашему сіятельству за № 1144 и ожидаю отъ министерства финансовъ утвержденія предложенныхъ мною для каравана этого облегченій въ оплатѣ привозной пошлины.

2) Состоящій при мнѣ поручикъ султанъ Валихановъ отправленъ уже въ кочевья дикокаменныхъ киргизовъ для ближайшаго наблюденія о ходѣ дѣлъ въ частяхъ Западнаго Китая прилежащихъ къ южной нашей границѣ; о движеніяхъ кашгарскаго возстанія, о мѣрахъ правительства китайскаго къ подавленію онаго, и о духѣ народонаселенія возлѣ городовъ Кульджи и Аксу, а именно: китайскаго племени, киргизовъ и сартовъ, которые, какъ извѣстно, всѣ болѣе или менѣе недовольны Манжурской династіей. Для воспособленія поручику Валиханову въ собраніи этихъ свѣдѣній, одновременно съ нимъ посланъ татаринъ Файзулла Ногаевъ къ тѣмъ же дикокаменнымъ киргизамъ, къ манапу Бурумбаю рода Богу, въ коемъ Ногаевъ пользуется особымъ уваженіемъ.

Кромѣ того Валиханову даны подарки для Бурумбая и другихъ старшинъ на 160 р. 75 к. и деньгами 200 р. Пріѣздъ поручика Валиханова къ дикокаменнымъ киргизамъ имѣетъ

---

[1]) Далѣе рѣчь идетъ о военныхъ дѣлахъ.

предлогомъ необходимость личнаго совѣщанія съ манапами рода Богу̂, по поводу просьбы ихъ объ оказаніи имъ помощи противъ Сары-Багышцевъ.

Ко времени прибытія въ укрѣп. Вѣрное снаряжаемаго каравана, поручикъ Валихановъ возвратится туда же и, переодѣвшись въ киргизское платье, будетъ находиться при караванѣ, какъ родственникъ начальника онаго. Проникнувъ такимъ образомъ въ Кашгаръ, онъ повѣритъ на мѣстѣ извѣстія прежде собранныя имъ у дикокаменныхъ киргизовъ и будетъ пріобрѣтать по возможности вѣрныя и точныя свѣдѣнія, какъ о движеніи и характерѣ возстанія, о средствахъ онаго, о предводительствующихъ лицахъ, о ходжахъ прежней династіи, равно и о самой странѣ, доселѣ намъ мало извѣстной. Усердіе и способности этого офицера даютъ мнѣ поводъ надѣяться, что подробныя наставленія, данныя мною ему по этому предмету, будутъ выполнены [1]).

Онъ же писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, 12 февраля 1858 г. № 14:

Состоящій при мнѣ для особыхъ порученій поручикъ султанъ Валихановъ, командированный мною для собранія свѣдѣній относительно настоящаго положенія дѣла въ Кашгарѣ, по прибытіи въ укр. Вѣрное донесъ мнѣ, что, вслѣдствіе суровой зимы и чрезвычайно обильно выпавшаго снѣга, всѣ пути и проходы чрезъ Алатавскія горы закрылись съ ноября мѣсяца и едва ли откроются ранѣе конца февраля, а потому всѣ сношенія съ дикокаменною ордою, съ самаго начала зимы прекратились и неизвѣстно положительно, гдѣ именно въ настоящее время стоятъ на кочевьяхъ родъ Богу̂, начальника коего Бурумбая онъ долженъ былъ предварительно посѣтить [2]).

Изъ письма Гасфорта министру иностранныхъ дѣлъ, 31 августа 1858 № 95, видно, что слухъ о смутахъ въ дикокаменной ордѣ, вызванныхъ смертью старшаго манапа Бурумбая, достигши до Семипалатинска, встревожилъ купцовъ, участвовавшихъ въ снаряженіи каравана, и они начали отказы-

---

[1]) Далѣе сообщаются слухи о событіяхъ въ Средней Азіи.

[2]) Далѣе приводятся собранныя Валихановымъ отъ ташкентскихъ и кокандскихъ торговцевъ слухи о возстаніи въ Кашгарѣ.

ваться отъ этого предпріятія. Для вторичнаго ихъ соглашенія Гасфортъ вынужденъ былъ командировать въ Семипалатинскъ, предварительно своего туда прибытія, полковника Гутковскаго, знавшаго всѣхъ этихъ торговцевъ.

Это повело къ увеличенію расходовъ по экспедиціи, такъ какъ Гутковскому пришлось дать 120 р., кромѣ прогоновъ, на расходы по снаряженію каравана.

Въ письмѣ, отъ 28 октября 1858 г. № 137, Гасфортъ сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ:

«Букашъ, для исполненія выраженнаго правительствомъ желанія, вызвался снарядить караванъ безъ всякаго обезпеченія и рискуя собственнымъ и товарищей его капиталомъ».

Расходы по снаряженію каравана съ нашей стороны составили 2486 р. 55 к., изъ нихъ 2111 р. 66 к., съ разрѣшенія военнаго министра, были заимствованы изъ мѣстныхъ источниковъ (изъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса) съ тѣмъ, что будутъ возмѣщены изъ суммъ военнаго министерства; но впослѣдствіи были покрыты изъ суммъ Государственнаго казначейства.

Купецъ Букашъ Аупаевъ, взявъ на себя предпріятіе организовать караванъ, пригласилъ, по недостаточности собственныхъ средствъ, нѣсколькихъ торговцевъ бухарцевъ. Благодаря его стараніямъ образовался караванъ въ 100 верблюдовъ и 50 лошадей, съ соотвѣтствующимъ числомъ людей, съ товаромъ на сумму 18.300 р. 11 к.

Въ караванѣ находилось 8 торговыхъ хозяевъ.

Самъ Букашъ, вслѣдствіе преклонности лѣтъ, съ караваномъ не пошелъ. Караванъ-башемъ былъ ташкентецъ Муса-бай, проживавшій въ Копалѣ.

Валихановъ присоединился къ каравану подъ именемъ Алимъ-бая.

Ему было выдано деньгами 550 р., прогоновъ до укрѣпленія Вѣрнаго 126 р. 88 к., и отъ Вѣрнаго до Копала 33 р. 18¾ к.

Караванъ шелъ тремя отдѣленіями и они соединились на

Каратал 25 іюня, откуда должны были слѣдовать черезъ Алтынъ-Емель къ проходу Сенташъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, 13 іюля 1859 г. № 43, писалъ князю Горчакову:

Караванъ, посланный въ маѣ минувшаго года въ Кашгаръ, окончивъ успѣшно свои торговыя дѣла, возвратился въ Семипалатинскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибылъ въ г. Омскъ и находившійся при этомъ караванѣ поручикъ султанъ Чоканъ Валихановъ, на коего, согласно высочайшей воли, возложено было извѣстное вашему сіятельству тайное порученіе. Изъ словъ сего офицера видно, что несмотря на опасное положеніе, въ которомъ онъ находился, бывъ узнаннымъ нѣкоторыми торговцами, непріязненно расположенными къ начальнику нашего каравана, успѣлъ однакоже собрать многія полезныя и желательныя правительствомъ свѣдѣнія. Я приказалъ поручику Валиханову набросать ихъ на бумагу въ возможно отчетливомъ порядкѣ для представленія вашему сіятельству. Но какъ всего видѣннаго и слышаннаго не перепишешь, то полагалъ бы полезнымъ послать означеннаго офицера въ С.-Петербургъ для изустныхъ поясненій въ Азіатскомъ департаментѣ, что и исполню, какъ только записка имъ будетъ составлена и онъ поправится въ здоровьѣ, разстроенномъ отъ многихъ лишеній, коимъ подвергся въ теченіе года.

Начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса извѣщалъ директора азіатскаго департамента 25 сентября 1850 г. № 1026, что «нынѣ поручикъ Валихановъ отъ трудовъ понесенныхъ имъ при исполненіи его порученія, заболѣлъ, почему и поѣздка его по распоряженію г. корпуснаго командира отложена впредь до его выздоровленія».

Резолюція. Отвѣчать, что министерство ожидаетъ высылки отчета Валиханова для представленія Государю Императору объ экспедиціи, въ которой принимаетъ такое живое участіе.

На это командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторъ Западной Сибири отвѣчалъ: «отчетъ о

поѣздкѣ поручика Валиханова въ Кашгаръ, составляющійся подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ и при содѣйствіи исправляющаго должность военнаго губернатора области сибирскихъ киргизовъ, полковника Гутковскаго, уже оканчивается и будетъ вскорѣ за симъ доставленъ, такъ какъ здоровье поручика султана Чокана Валиханова, разстроенное въ этой затруднительной поѣздкѣ, уже начало поправляться и онъ теперь усиленно занимается окончаніемъ своихъ замѣтокъ».

24 января 1860 г. № 155, Гасфортъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ:

Въ исполненіе Высочайшей Государя Императора воли, объявленной мнѣ въ секретномъ предписаніи господина военнаго министра, отъ 28 августа минувшаго 1857 г. № 10, по распоряженію и убѣжденію моему семипалатинскій купецъ изъ ташкентцевъ Букашъ снарядилъ на свой счетъ торговый караванъ въ Кашгаръ, избравъ начальникомъ онаго (караванъ-башею) проживающаго на Копалѣ ташкентца Мусса-бея. Съ этимъ караваномъ, вышедшимъ изъ Семипалатинска 15-го іюня и перешедшимъ въ началѣ сентября 1858 г. Заукинскій горный проходъ, былъ отправленъ секретнымъ агентомъ состоящій при мнѣ поручикъ Султанъ Чоканъ Валихановъ (потомокъ послѣдняго владѣтельнаго хана Средней орды) переодѣтый въ азіятское платье, и называясь родственникомъ караванъ-баши.

Послѣ многихъ испытанныхъ затрудненій и опасностей караванъ этотъ благополучно возвратился 12 апрѣля сего года въ укрѣпленіе Вѣрное. Товары, вывезенные отсюда, были проданы въ Кашгарѣ частью на серебро, а частью вымѣнены на чай и нѣкоторыя мѣстныя шолковыя матеріи, — выгоды, пріобрѣтенныя хотя не были значительны, но при представленной Букашу облегчительной пошлинѣ, покрыли сдѣланныя имъ издержки.

Возвратившійся съ караваномъ агентъ нашъ, поручикъ Валихановъ, вслѣдствіе испытанныхъ въ теченіе продолжительнаго путешествія лишеній, физическихъ трудовъ, неудобствъ и нравственныхъ потрясеній отъ опасностей, кото-

рымъ подвергался, рискуя жизнію если бы настоящее званіе его сдѣлалось извѣстнымъ, о чемъ уже высказывалось нѣкоторое подозрѣніе, прибывъ въ Омскъ, сильно занемогъ, такъ что при его природной слабой организаціи нельзя было опредѣлить исходъ этой болѣзни, долго продолжавшейся. По этимъ причинамъ, замедлившимъ составленіе отчета сдѣланныхъ имъ наблюденій и собранныхъ свѣдѣній, я поручилъ товарищу военнаго губернатора области Сибирскихъ киргизовъ, полковнику Гутковскому, пособить поручику Валиханову въ составленіи его замѣтокъ, что по причинѣ той же болѣзни, конечно, не могло скоро подвигаться. По собраніи этихъ свѣдѣній, они приведены нынѣ подъ моимъ наблюденіемъ, въ систематическій порядокъ, и я имѣю честь представить вашему сіятельству для всеподданнѣйшаго Государю Императору доклада,—это описаніе, по многимъ отношеніямъ въ высшей степени занимательное и полезное для правительства и для науки, ибо оно знакомитъ довольно отчетливо съ военнымъ, политическимъ и торговымъ состояніемъ мало извѣстной страны и выказываетъ слабое и ошибочное знаніе оной тѣми немногими географами, свѣдѣніями которыхъ мы доселѣ руководствовались. При редакціи этихъ замѣтокъ конечно можно было бы соблюсти болѣе полноты, послѣдовательности въ изложеніи, въ слогѣ, но поспѣшность, съ какою онѣ составлялись, дабы вознаградить время, промедленное по причинѣ болѣзни г. Валиханова, служитъ тому извиненіемъ. Впрочемъ, многія не вполнѣ изложенныя обстоятельства могутъ быть дополнены въ С.-Петербургѣ изустно самимъ Валихановымъ.

Если принять во вниманіе, что столь многообразныя относящіяся почти всѣхъ отраслей науки и государственнаго устройства свѣдѣнія, отчетливо составлены молодымъ человѣкомъ, недавно еще окончившимъ воспитаніе въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ и по происхожденію киргизомъ, между коими весьма трудно встрѣтить людей даже съ обычнымъ начальнымъ образованіемъ, что для собранія этихъ свѣдѣній слѣдовало провести продолжительное время, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ и даже опасенію позорной смерти; далѣе, что свѣ-

дѣнія эти, объявленныя печатно, пріобрѣли бы ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, извѣстность, лестную для благороднаго честолюбія, и наконецъ, что такимъ образомъ, съ полнымъ желаннымъ успѣхомъ исполнилось важное это порученіе, Его Императорскимъ Величествомъ на меня возложенное, по отзыву г. военнаго министра № 80, то я считаю справедливымъ долгомъ ходатайствовать о испрошеніи во всемилостивѣйшее вознагражденіе поручику султану Чокану Валиханову производство въ слѣдующій чинъ. (Далѣе идетъ рѣчь о наградахъ).

Гасфортъ ходатайствовалъ у министра иностранныхъ дѣлъ о слѣдующихъ наградахъ:

Валиханову слѣдующій чинъ штабъ-ротмистра, орденъ св. Анны 3 степени и 500 рублей сер. единовременнаго пособія, независимо выданныхъ ему при отправленіи 257 руб., которые, равно какъ и уплату позаимствованныхъ имъ во время пребыванія въ Кашгарѣ и Яркентѣ у караванъ-баши Мусы бея 900 руб., принять на счетъ казны въ числѣ общихъ издержекъ по этой экспедиціи.

Семипалатинскому купцу Букашу Аупову («единственный вызвался снарядить караванъ, принявъ на себя всѣ издержки»)—золотую медаль па владимірской лентѣ и чинъ хорунжаго.

Муса-бею Тохтубаеву, караванъ-башу—золотую медаль на станиславской лентѣ.

Полковнику Гутковскому, заботившемуся о снаряженіи каравана,—единовременно годовой окладъ жалованья 687 р. сер.

Вслѣдствіе этого представленія Валиханову пожалованы чинъ-штабсъ-ротмистра, орденъ св. Владиміра 4 ст. и 500 р. сер. единовременнаго пособія.

Прочіе были награждены согласно представленію Гасфорта.

По ходатайству самого Валиханова въ Петербургѣ получили награды слѣдующія лица:

Касимовскій татаринъ Гильдеевъ—золотую медаль на шею на анненской лентѣ.

Ташкенецъ Иръ Назаръ—золотую медаль въ петлицу на владимірской лентѣ.

Ташкенецъ Мухамедъ Разыкъ Пирназаровъ — золотую медаль въ петлицу на владимірской лентѣ.

Киргизъ большой орды рода Адбаиъ Джексенбе — серебряную медаль на шею на владимірской лентѣ.

Ташкенецъ Азимъ Джанъ Саримсаковъ—такую же медаль на анненской лентѣ.

Киргизъ Юсуфъ Агисовъ—серебряную медаль въ петлицу на анненской лентѣ.

Ташкенцы Абду Керимъ Шарифъ Баевъ и Мирза Мухсинъ Сагитовъ—такія же медали на станиславской лентѣ.

Киргизъ Джулай Матаевъ, Сары Хаджи Итемгеновъ, Мухаммедъ Джанъ Кульджановъ, Кутлубай Касимовъ, Мирза Магруфъ, Кара-Кули, Кенджe Сары Хаджимъ, Ходжа Койгельдинъ, Хуанъ Али Миръ Азимовъ—почетные халаты. Киргизы: Чалку-бай, Майка Кабиловъ по 25 руб. сер.; Кабилъ Байровъ, Кашгаръ Бай-Кіятовъ, ташкенецъ Биръ Мулла Кулбаевъ—по 20 руб. сер.

Валихановъ пріѣхалъ въ Петербургъ больнымъ, какъ видно изъ слѣдующаго черноваго письма, находящагося въ дѣлѣ (безъ подписи), къ И. И. Лиліенбергу:

«Пріѣхавшій въ СПб. по дѣламъ службы поручикъ Валихановъ, состоящій при ген.-губ. Западной Сибири, нуждается въ медицинскомъ пособіи, и такъ какъ онъ не имѣетъ здѣсь знакомыхъ, то я поручаю его вашему особенному попеченію. Поручикъ Валихановъ лично извѣстенъ г-ну министру ин. дѣлъ, какъ полезный на службѣ офицеръ, и Иванъ Матвѣевичъ особенно поручаетъ его вамъ». 14 марта 1860 г. № 981.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Валихановъ состоялъ въ вѣдомствѣ азіатскаго департамента.

Маршрутъ.

Р. Казиль-су.
Заукинскій проходъ.
Джитымъ-асу.
Р. Нарынъ.
Плоская возвышенность Тарагай.
Гора Чжау-Чжуракъ.
Проходъ Чахыръ-гурумъ.
Косогоръ Килинъ-Тайгакъ.
Возвышенность Кубергенты.
Р. Колмакъ-учакъ.
Урочище Чатырташъ.
Долина р. Аксай (нижнее теченіе его назыв. Какшалъ).
Переходъ на правый берегъ Аксая.
Горы Кокъ-Кія.
Р. Казыль-су.
Въ 4 дня до Терекъ-даванъ.
Копалъ.
Урочище Карамула.
Алтынъ-имельскій пикетъ.
Проходъ Якши Алтынъ-имель.
Переправа черезъ Или.
Кочевья Адбановскихъ киргизъ на Каркарѣ и Кегени.
Р. Текесъ.
Проходъ Учь-Какпакъ (сборное мѣсто).
Съ вершинъ Текеса въ два перехода достигли прохода Сенташъ.
Перевалъ черезъ Кизиль-Кія.
Долина р. Джиргаланъ.
» » Терсекей.
Р. Джеты-огузъ.

Выписка изъ отчета о путешествіи въ Кашгаръ поручика Валиханова [1]).

Поручикъ Валихановъ отправился 28-го іюня 1858 г. изъ урочища Карамулы въ 30 верстахъ отъ г. Копала, вмѣстѣ съ купеческимъ караваномъ, въ Кашгаръ, и принялъ изъ предосторожности имя Алимбая, кокандскаго подданнаго. Весь составъ каравана заключался, кромѣ караванъ-баши, въ семи прикащикахъ и 34 человѣкахъ прислуги; при немъ было 101 верблюдъ и 65 лошадей.

Въ послѣднихъ числахъ августа караванъ, по совѣту киргизовъ, присоединился къ кашгарцамъ, покончившимъ свои дѣла въ Дикокаменной ордѣ. Число людей отъ этого увеличилось до 60. Оставалось избрать путь самый удобный на Кашгаръ. Послѣ долгихъ соображеній рѣшено было пуститься по Аксайской дорогѣ, какъ представляющей наименѣе трудностей сравнительно съ остальными караванными путями.

Аксайскій путь, начинаясь ровною и плодоносною долиною Иссыкъ-куля, смѣняется вскорѣ горами, проходъ въ которыя дѣлается крутъ и тѣсенъ и образуетъ террасы съ двумя альпійскими озерками. Обломки скалъ лежатъ большими массами въ хаотическомъ безпорядкѣ, загромождая дорогу. Ущелье (Заукинское) оканчивается крутымъ подъемомъ около 800 сажень высоты. Остовы разныхъ животныхъ, покрывающіе эту кручу, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно преодолѣть ее. Караванъ не успѣлъ взобраться на гору въ теченіе одного дня и часть его ночевала на полъ-дорогѣ, на небольшомъ болотистомъ возвышеніи (plateau). Правда, снѣгъ, падавшій обильно, значительно способствовалъ трудности подъема: вьючныя лошади и верблюды скользили по мокрымъ камнямъ и даже срывались не рѣдко на ходу и разбивались, скатываясь внизъ. Такимъ образомъ погибло 5 верблюдовъ и 2 лошади.

Отъ Заукинскаго ущелья до Кашгара 150 верстъ по Сырту (спинѣ), какъ называется страна по причинѣ ея возвышен-

[1]) См. выше, стр. 56, 75—78.

наго положенія. Киргизы представляютъ себѣ ее какимъ-то царствомъ вѣчной зимы.

15 сентября караванъ вступилъ въ эту негостепріимную область, бѣлѣвшую сплошнымъ снѣгомъ. Озеро, по берегу котораго шла дорога, было покрыто льдомъ. При вторичномъ переходѣ черезъ горы, караванъ потерялъ до 200 барановъ, которые, при темнотѣ вечера, попадали въ пропасть. Далѣе, послѣ опаснаго косогора, дорога представляетъ нагоріе, пересѣкаемое долинами, и проходы хоть и трудны, но возможны для верблюдовъ. Вездѣ есть вода; но нѣтъ другаго топлива, кромѣ помета животныхъ. Погода была ясная, хоть и холодная, и только однажды поднялся снѣжный буранъ, прекратившійся къ вечеру. Вьючный скотъ одинъ сильно страдалъ отъ частыхъ переваловъ и холода, и въ Кашгаръ пришло только 36 верблюдовъ изъ 101.

Киргизы, не безпокоившіе ни разу каравана, сдѣлали нападеніе при спускѣ въ долины съ высоты Теректинскаго ущелья, принявши путешественниковъ за татаръ. Впрочемъ, они ограничились самымъ скромнымъ выкупомъ, благодаря занесенному передовымъ караваномъ слуху, будто бы 200 человѣкъ русскихъ подвигалось не въ дальнемъ разстояніи и самые верблюды были навьючены разнаго рода оружіемъ. Эти же слухи заставили придорожные аулы откочевать всторону и не безпокоить каравана.

Въ Теректинскомъ ущельѣ опять появилось лѣто: травы были зелены и лѣса, состоявшіе изъ тополя, ивъ, барбарису и розы, были покрыты листьями.

Между тѣмъ киргизы, не видя нигдѣ военнаго русскаго отряда, догадались, что были обмануты и пустились въ погоню за караваномъ; нагнали его, проскакали мимо и заняли проходъ ущелья къ послѣднему перевалу (Кокъ-Кія). Караванъ, не видя возможности сопротивляться, вступилъ уже было въ невыгодные переговоры, когда подоспѣлъ на выручку отрядъ изъ 5 человѣкъ кокандскихъ сипаевъ, высланныхъ навстрѣчу изъ Кашгара. Соединенныя силы торговцевъ и вооруженныхъ людей отразили киргизовъ. Тутъ же были надѣты на гостей халаты, присланные кашгарскимъ аксакаломъ,

въ изъявленіе его добраго расположенія къ иностранцамъ.

Караванъ вступилъ въ предѣлы Китайской имперіи и остановился въ 50 саженяхъ отъ китайскаго пикета. Глиняная стѣна съ четырьмя башнями по угламъ и тутовыя деревья, насаженныя передъ воротами, составляли его укрѣпленія. Такъ какъ офицера, наблюдающаго за проходящими караванами и записывающаго количество людей, верблюдовъ и лошадей, не было на этотъ разъ у пикета, то каравану пришлось ждать его 12 часовъ, и всетаки понапрасну: офицеръ не явился. Наконецъ бошко, исправлявшій его должность, за небольшой подарокъ позволилъ каравану сняться. Толмачъ записалъ всѣ имена и число рабочихъ, также количество вьючнаго скота и барановъ, и вѣроятно въ отмщеніе за то, что и ему тоже не дали подарка, записалъ всего 14 человѣкъ народа, прибавивъ, что всѣхъ было 100, но караванъ не хотѣлъ показать всѣхъ и что эти 100 человѣкъ были вооружены ружьями. Это ничтожное повидимому обстоятельство не обошлось безъ послѣдствій.

На слѣдующія сутки, къ вечеру, караванъ достигъ предмѣстья Кашгара и, разбивъ лагерь въ 12 верстахъ отъ города, проводилъ караванъ-баши съ небольшимъ отрядомъ къ тамошнему аксакалу съ подарками.

Распространенные прежде слухи о русскомъ отрядѣ и донесеніе толмача такъ напугали китайскія власти, что на крѣпостныхъ стѣнахъ Кашгара поставлена была стража, всю ночь разъѣзжали патрули, а въ караванъ были командированы опытные чиновники для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Но аксакалъ, знавшій лично караванъ-баши, не обратилъ на это вниманія и принялъ посланныхъ отъ каравана весьма ласково. Китайскіе чиновники между тѣмъ пріѣхали, посмотрѣли свысока на мирный лагерь и вернулись успокоивать встревоженный городъ.

Пройдя еще черезъ нѣсколько осмотровъ и взиманія пошлинъ какъ законныхъ, такъ и произвольныхъ, караванъ вступилъ въ городъ, обнесенный высокой глиняной стѣной. По угламъ стояли башни легкой китайской архитектуры. Ни

садовъ, ни зданій изъ за стѣны не было видно. Таковы и всѣ города Восточнаго Туркестана. Выстроенные изъ глины, не исключая самыхъ дворцовъ, они могутъ быть размыты продолжительными дождями, которыхъ по этой причинѣ очень боятся туземцы [1]).

Дорога къ воротамъ уставлена была жердями, въ видѣ аллей, и украшена висящими клѣтками съ головами преступниковъ, казненныхъ послѣ возстанія 1857 года [2]).

Пройдя мимо возмутительныхъ остатковъ этой эпохи бѣдствій Кашгара, караванъ, въ сопровожденіи кашгарскихъ и хокандскихъ чиновниковъ, прошелъ прямо къ таможнѣ. Тутъ уже были аксакалъ и два кашгарскихъ бека. Первый былъ особенно любезенъ, приглашалъ гостей къ себѣ и обѣщалъ стоять за нихъ горою. При осмотрѣ товаровъ русскіе желѣзные заступы возбудили подозрѣніе потому, что показались черезъ чуръ воинственными мѣстнымъ властямъ. Даже послано было къ амбаню (главному китайскому начальнику города) въ видѣ улики нѣсколько образчиковъ этого опаснаго оружія.

Начались требованія въ канцелярію, допросы. Послѣ многочисленныхъ вопросныхъ пунктовъ, пріѣзжимъ оставалось отвѣчать на послѣдній, который долженъ былъ, по мнѣнію допрашивавшаго ихъ бека, окончательно сразить хитрыхъ иностранцевъ: «а зачѣмъ привезли вы такое множество этого оружія»? Спросилъ онъ и указалъ на заступъ, лежавшій почетно на столѣ. Китайскій ярлычекъ, привѣшенный къ нему, показывалъ, что онъ успѣлъ побывать уже въ китайскомъ судѣ. Беку объяснили употребленіе оружія и даже, во избѣжаніе всякихъ отъ него опасностей, предложили купить весь запасъ, чѣмъ и успокоили его. На другой день пріѣзжіе были у амбаня, который, посмотрѣвъ на нихъ, сказалъ: «это не русскіе и не татары»! и затѣмъ принялъ ихъ очень ласково.

Черезъ нѣсколько дней пріѣзжіе должны были вступить въ браки на время своего пребыванія въ Кашгарѣ. Этотъ законъ непреложенъ для всякаго иностранца. Охотницы быть

---

[1]) Въ городѣ Кашгарѣ считается 16.000 домовъ. *Ч. В.*

[2]) Далѣе излагается возстаніе ходжей 1857 года. См. выше, стр. 140—147. *Ред.*

замужемъ на извѣстный срокъ, выходятъ на особый базаръ, гдѣ и вступаютъ въ переговоры съ охотниками жениться ненадолго. Вѣнчальный обрядъ, по формѣ, скрѣпляетъ этотъ союзъ, налагающій на мужа единственную обязанность кормить и одѣвать свою временную супругу.

На первой же недѣлѣ товары были распроданы на серебро и золото. Вообще иностранные купцы принимались съ раскрытыми объятіями. Русскіе товары покупаются гораздо охотнѣе англійскихъ, привозимыхъ сюда изъ Индіи.

Поручикъ Валихановъ прожилъ въ Кашгарѣ 5 мѣсяцевъ, посѣтилъ и окрестные города; успѣлъ многое изучить и замѣтить.

Во всѣхъ шести городахъ Восточнаго Туркестана только 15.000 китайскаго войска. Туземцы военной службы не несутъ. Солдаты вооружены луками и стрѣлами и только небольшая часть ружьями; артиллеріи почти нѣтъ вовсе. Люди эти курятъ опіумъ и отличаются слабостію и неспособностью къ серьезному сопротивленію. При возстаніяхъ китайцы тотчасъ запираются въ своихъ глиняныхъ крѣпостяхъ и не выходятъ изъ нихъ, пока не подоспѣетъ откуда нибудь выручка. Караваны то и дѣло подвергаются нападеніямъ, и китайскія войска, въ отвѣтъ на просьбу о пособіи, говорятъ: «драться не хорошо»! и не двигаются съ мѣста. Жизненныхъ припасовъ для войска вездѣ мало.

Ненависть туземцевъ къ китайцамъ непримирима, и не мудрено: китайскіе чиновники грабятъ и оскорбляютъ народъ, забираютъ даромъ товары; всякій китаецъ почитаетъ себя вправѣ бить кашгарца, который, при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, не сойдетъ съ лошади. Вообще состояніе Восточнаго Туркестана самое плачевное и вдобавокъ безвыходное, благодаря враждѣ разныхъ партій, не позволяющей народу соединиться для сверженія съ себя ненавистнаго ига.

Все вниманіе китайскихъ властей сосредоточено на томъ, чтобы не допустить русскихъ и особенно англичанъ проникнуть въ Кашгаръ. Здѣсь существуетъ увѣренность, что англичане подсылаютъ агентовъ для возбужденія ходжей, которымъ даже будто-бы обѣщаютъ свою помощь.

Торговля находится въ рукахъ хокандцевъ. Но Россіи легко завладѣть ею, учредивъ прямыя сношенія въ Восточномъ Туркестанѣ, потому что продовольствіе хокандцевъ скотомъ въ рукахъ у русскихъ.

Съ февраля началась въ Кашгарѣ весна; но проходы по прежней дорогѣ были совершенно завалены снѣгомъ, и потому оставалось избрать путь на укрѣпленіе Куртку. Продлить пребываніе въ Кашгарѣ не было возможности: слухи о присутствіи въ караванѣ русскаго агента сильно тревожили городъ и за пріѣзжими дѣятельно слѣдили. Караванъ вышелъ въ обратный путь 11-го марта.

Погода стояла теплая. Природа только что пробудилась съ весною: травы зазеленѣли и снѣгъ лишь кое-гдѣ бѣлѣлъ въ ущельяхъ. Путь по долинѣ рѣки Тоина весьма легокъ, изобилуетъ растительностью, и только по мѣрѣ подъема къ верховьямъ рѣки природа бѣднѣетъ, снѣга и льды мѣшаютъ мѣстами подвигаться каравану и приходится разбивать снѣгъ лопатами, чтобы прочищать тропинку. Есть нѣсколько переваловъ весьма трудныхъ: это тропинки, проходящія на спускахъ по краю высокихъ горъ. Вьючный скотъ очень изнурился и обратнымъ путемъ.

При выходѣ изъ одного ущелья (Зауки), сдѣлавъ около 530 верстъ въ 23 перехода отъ Кашгара, караванъ былъ встрѣченъ киргизами, знавшими о присутствіи въ немъ поручика Валиханова. За это караванъ поплатился подаркомъ въ 300 руб. сер. и всѣми возможными униженіями: киргизы снимали съ плечъ каждаго халатъ, если только онъ имъ приходился по вкусу; грозили разграбить караванъ, а Валиханова свезти въ Хокандъ. Къ счастью русскій отрядъ, высланный навстрѣчу, выручилъ снова караванъ изъ затруднительнаго положенія. 12-го апрѣля Валихановъ уже былъ въ укрѣпленіи Вѣрномъ, послѣ 10 мѣсяцевъ и 14 дней труднаго путешествія.

Далѣе слѣдуетъ подробный отчетъ Валиханова, состоящій изъ пяти отдѣловъ, подъ заглавіемъ:

Описаніе Алтышара или Кашгара.

Западныя провинціи Китайской имперіи, покоренныя въ 1758 и 1764 годахъ, въ правленіе Цянь-Луна, на оффиціальномъ языкѣ поднебесной имперіи, называются Си-юй (Западный край) и раздѣляются, принимая за раздѣльную черту хребетъ Тянь-шань, на двѣ части: Тянь-шань-бэйлу и Тянь-шань-нань-лу, т. е. на сѣверную и южную тянь-шанскія линіи. Южная линія, которую составляетъ страна извѣстная подъ названіемъ Малой Бухаріи, Восточнаго или Китайскаго Туркестана и наконецъ Кашгаріи, раздѣлена китайцами на два княжества: Хами (Комулъ) и Пичанъ (Куне Турфанъ) и на пять военныхъ округовъ: Харашарскій, Кучаскій, Аксуйскій, Еркендскій и Кашгарскій.

Это дѣленіе, какъ большая часть китайскихъ учрежденій, существуетъ только на бумагѣ, какъ пустая канцелярская форма, и имѣетъ нѣкоторое примѣчаніе въ томъ отношеніи что обусловливаетъ ранги китайскихъ чиновниковъ: такимъ образомъ экспедиторъ въ Хотанѣ считается рангомъ ниже мандарина этого же званія, служащаго въ Яркендѣ, хотя ни въ какомъ отношеніи ему не подчиненъ; но въ сущности по системѣ туземной администраціи Восточный Туркестанъ имѣетъ другой порядокъ, по крайней мѣрѣ западная часть Южной линіи раздѣляется на 6 независимыхъ одинъ отъ другого округовъ: Аксуйскій, Ушъ-Турфанскій, Кашгарскій, Янысарскій, Еркендскій и Хотанскій.

Туземцы южной линіи общаго названія для выраженія своей родины не имѣютъ [1]), но азіятскіе сосѣди употребляютъ слово «Алты-шааръ», т. е. шесть городовъ, разумѣя подъ этимъ назва-

---

[1]) Въ XIV, XV и XVI вѣкахъ страна эта называлась *Джете* и *Могулъ-улусъ*, но эти названія распространялись не на всю территорію Восточнаго Туркестана, а ограничивались пространствомъ отъ Кашгара и Ташкенда до Харашара и Турфана, которые носили имя *Сары Уйгуръ* (Желтыхъ Уйгуровъ). *Ч. В.*

ніемъ только города: Ушъ-Турфанъ, Аксу, Кашгаръ, Еркендъ, Янысаръ и Хотанъ [1]). Названіе Алты-шааръ принято также туземцами. Дѣйствительно, границы Аксуйскаго округа съ Кучаскимъ дѣлитъ Восточный Туркестанъ на двѣ части, которыя по причинамъ, ниже изложеннымъ, рѣзко отличаются одна отъ другой. Города Хами, Турфанъ, Харашаръ и Куча, которые мы будемъ называть впредь восточными или внутренними, вслѣдствіе сосѣдства съ внутреннимъ Китаемъ, издавна подчинились вліянію Срединной имперіи. Это вліяніе особенно сильно выразилось въ княжествахъ: Хами (Комулъ) и Турфанъ, которыя управляются наслѣдственными князьями 2-го класса цзюнь-ванъ, обложены облегченными налогами и пользуются нѣкоторыми другими привилегіями. Эти города Южной линіи по политическимъ расчетамъ Пекинскаго кабинета недоступны для иностранцевъ, между тѣмъ какъ западнымъ городамъ, имѣющимъ собирательное названіе Алтышаръ, предоставлено право свободной торговли и политическихъ сношеній съ азіятскими сосѣдями. Комульцы и Турфанцы отличаются непоколебимой вѣрностью Цинскому дому, въ подданство котораго вступили добровольно еще при владычествѣ Джунгаровъ; а западные города ведутъ политическую борьбу за независимость, которая выражается частыми возстаніями въ пользу прежней династіи ходжей, управлявшихъ Малой Бухаріей до покоренія ея китайцами. Сношенія между восточными и западными округами весьма незначительны, потому что южная линія подчиняется въ администраціи своей илійскому цзянъ-цзуну и прямыхъ сношеній съ Пекиномъ не имѣетъ, кромѣ ежегодныхъ депутацій ко двору. Сношенія же съ Или (Кульджой) производится прямо чрезъ Аксу. Отчужденіе жителей западныхъ городовъ отъ восточныхъ всего болѣе выражается названіемъ «Алтышаръ», которое, конечно, явилось не случайно. Въ этой статьѣ мы будемъ заниматься преимущественно территоріей «Шести городовъ».

---

[1]) Баронъ Мейендорфъ названіе это нѣсколько переиначилъ и совершенно ошибается, причисляя къ „шести городамъ" какіе-то два города въ Или. См. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, Paris 1826, стр. 121.

Описаніе пути въ Кашгаръ и обратно въ Алатавскій округъ.

28-го іюня я присоединился къ каравану на урочищѣ Карамула, въ 30 верстахъ отъ г. Копала. Караванъ былъ снаряженъ семипалатинскими азіятцами и принадлежалъ 7-ми лицамъ. Походный составъ его былъ слѣдующій: 1 караванъ баши, 7 прикащиковъ и 34 челов. прислуги. При караванѣ было 6 походныхъ юртъ, верблюдовъ 101, лошадей 65 и товаровъ на 18.545 руб. сер. Послѣ совѣщанія съ караванъ башей я принялъ имя Алимбая и назвался хокандскимъ подданнымъ, сыномъ маргеланскаго выходца. Въ качествѣ родственника караванъ-баши я получилъ въ свое управленіе отдѣльную часть и одну походную юрту. Для предупрежденія разногласія членамъ каравана было объявлено мое новое имя и происхожденіе.

1-го іюля караванъ выступилъ въ походъ, и въ 10-ть умѣренныхъ переходовъ достигли береговъ р. Или. До Алтынэмильскаго пикета мы шли по пикетной дорогѣ, не доходя этого пикета повернули налѣво и черезъ проходъ Якши-алтынъ-эмель прикочевали на переправу черезъ р. Или, которую содержатъ адбанскіе киргизы. Переправа производится на плоскодонныхъ судахъ, способъ перевоза общій на всемъ Востокѣ: судно привязывается къ хвосту лошадей, которыя тянутъ его вплавь. Судно было очень вѣтхое: одинъ лодочникъ правилъ рулемъ, а другіе выливали воду, которая втекала чрезъ дурно конопаченныя войлокомъ щели. Цѣлыхъ три дня посвящено было нами на перевозку товаровъ чрезъ рѣку. 14-го числа караванъ оставался на мѣстѣ и праздновалъ курбанъ-байрамъ.

Съ береговъ р. Или въ 7 дней достигли мы ауловъ адбановскихъ киргизъ Большой орды, стоявшихъ на лѣтнихъ пастбищахъ по рѣчкамъ Каркара и Кегень. Шесть городовъ Восточнаго Туркестана: Кашгаръ, Еркендъ, Янысаръ, Хотанъ, Аксу и Турфанъ открыты китайскимъ правительствомъ для торговли съ сосѣдними азіатскими народами и дикокаменными

киргизами. Русскіе татары посѣщали эту страну всегда подъ именемъ Анджанцевъ [1]). Кокандцы въ Восточномъ Туркестанѣ пользуются особенными правами. Съ 1850 года китайскимъ правительствомъ уступлено имъ право брать въ свою пользу пошлины съ товаровъ, привозимыхъ иностранцами, и всѣ иностранцы подчинены во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ полицейскомъ—кокандцамъ. Кокандскій ханъ имѣетъ въ Кашгарѣ особаго чиновника, аксакала, съ правами консула и политическаго резидента. Сношенія кокандцевъ производятся съ Кашгаромъ и другими пятью городами чрезъ Терекъ-даванъ, извѣстный намъ болѣе подъ названіемъ Кашгарской тѣснины. Пути же, ведущіе чрезъ Тянь-шань съ долины Иссыкъ-куля и Текеса, открыты китайцами исключительно для пригона скота изъ Дикокаменныхъ ордъ. По этой причинѣ намъ для успѣха предпріятія нужно было продать часть товаровъ на барановъ, тѣмъ болѣе, что разныя желѣзныя и чугунныя вещи: котлы, таганы, заступы и проч. портили спину верблюдовъ, безъ того сильно изнуренныхъ экзоотическимъ воспаленіемъ копытъ (Panaritium).

По принятому обычаю, и наконецъ для удобства мѣновой торговли караванъ раздѣлился на части и откочевалъ въ разные аулы. Я съ своимъ кошемъ попалъ случайно въ аулъ киргиза, прежде знавшаго меня очень хорошо. Вслѣдствіе этого въ продолженіи 12 дней, которые мы стояли въ его аулѣ, я долженъ былъ, чтобы не быть имъ узнаннымъ, не выходить изъ своей палатки, подъ предлогомъ болѣзни.

Въ первыхъ числахъ августа киргизы, опасаясь, вѣроятно, какого нибудь набѣга, вдругъ снялись съ Кегена и форсированными кочевками стали спускаться на Илійскую долину такъ поспѣшно, что около 4 августа на Кегенѣ и Каркарѣ не осталось ни одного аула, хотя пастбища были еще не совсѣмъ вытравлены. Торговля наша съ киргизами шла успѣшно и въ короткое время мы успѣли пріобрѣсти до 900 барановъ. Число это было далеко недостаточно для нашего каравана.

[1]) Анджанцами называютъ въ Малой Бухаріи кокандцевъ, бухарцевъ и другихъ средне-азіатцевъ.

Слухи о высокихъ цѣнахъ на барановъ и о большой потребности на нихъ въ Кашгарѣ заставляли желать моихъ караванныхъ товарищей производить мѣновой торгъ въ возможно большихъ размѣрахъ.

Въ этихъ видахъ мы направились въ улусы Дикокаменныхъ киргизъ рода Богу̀, которые кочевали тогда вверхъ по рѣкамъ Кегеню и Текесъ. 6 августа караванъ вступилъ въ крайнія волости Бугинцевъ и былъ очень радушно принятъ родоначальникомъ племени Салмеке манапомъ Чонъ-Карачъ. Здѣсь, какъ и въ волостяхъ Большой орды, караванъ раздѣлился. Главнѣйшіе родоначальники орды, предупрежденные алатавскимъ начальствомъ, сами пріѣхали въ нашъ лагерь и развели насъ по своимъ ауламъ. На этотъ разъ я былъ болѣе счастливъ: мой кошъ поступилъ подъ покровительство старѣйшины бѣднаго поколенія Кыдыкъ, который, не будучи по происхожденію своему манапомъ, не участвовалъ въ народныхъ совѣщаніяхъ и котораго я не зналъ прежде. Бурсукъ, нашъ хозяинъ, обыкновенно выбиралъ для своихъ стойбищъ самыя отдаленныя мѣста отъ общихъ кочевокъ. Во все время нашего пребыванія онъ скрывался въ ущеліяхъ Мусарта, по теченію верхняго Текеса; между тѣмъ какъ другія племена были въ сборѣ и раскинувъ свои аулы на широкой долинѣ Кегена, готовились дать торжественную байгу и пиршество въ день годовой тризны старшаго манапа Бурумбая, умершаго въ 1857 г.

Между дикокаменными киргизами вскорѣ послѣ прихода нашего каравана распространился слухъ, что мы идемъ въ Кашгаръ и что въ караванѣ есть русскій офицеръ. Замѣчательно, что слухъ этотъ распустили ташкендцы, пріѣзжавшіе изъ Кульджи,—слѣдовательно они въ Кульджѣ были въ ходу и по всей вѣроятности доходили до свѣдѣнія илійскихъ властей. Молодой ташкенецъ изъ нашего каравана, имѣвшій въ своей юртѣ желѣзную кровать и самоваръ, былъ признанъ киргизами за лицо подозрительное. Въ Бугу̀ въ это время было много кашгарскихъ торговцевъ, которые все это слышали и конечно съ добавленіями, до которыхъ киргизы большіе охотники.

Въ Дикокаменной ордѣ мы жили почти мѣсяцъ, перекочевывая вмѣстѣ съ ними и производя постоянную торговлю, и вымѣняли 3026 барановъ, 6 лошадей, 11 лисьихъ шкуръ и 44 мерлушки.

Въ послѣднихъ числахъ августа кашгарцы покончили свои дѣла и стали собираться обратно въ Кашгаръ. Киргизскіе друзья совѣтовали намъ присоединиться къ каравану кашгарцевъ, потому что дорога для малочисленнаго каравана была небезопасна отъ набѣговъ хищныхъ киргизъ. Убѣждаясь этимъ совѣтомъ и, наконецъ, по приглашенію общества кашгарскихъ купцовъ, мы рѣшились идти съ ними вмѣстѣ. Берегъ Текеса у подножія прохода Учъ-Какпакъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Ко 2-му сентября собралось на этомъ мѣстѣ до 60 палатокъ (кошъ) или, какъ принято въ торговомъ языкѣ азіатцевъ, до 60 огней, въ числѣ которыхъ 3 коша принадлежали петропавловскимъ татарамъ. 2-е число было посвящено на совѣщаніе, какой избрать путь предпочтительно. Караванныхъ путей чрезъ Тянь-шань съ долины Иссыкъ-куля въ Кашгаръ и Турфанъ много. Главнѣйшіе и болѣе посѣщаемые пути три: первый пролегаетъ чрезъ проходы Учъ-Какпакъ и Кокъ-Жаръ по теченію Текеса въ Турфанъ, поэтому пути считается 10 дней караваннаго ходу и представляются три весьма трудныхъ перевала: Куялы, Ишагартъ и Кайчи. Дорога камениста и мѣстами встрѣчаются пихтовые лѣса. Второй, называемый Аксайскимъ, идетъ чрезъ проходы Тургенъ-Аксу, Зауку, Кашкасу, Зауку-Чакъ, Дунгурома и Баскаунъ на Тарагай. На этомъ пути, не считая подъемовъ, только два трудные перевала: Джетимъ-Асу и Чахыръ-Корумъ, и одинъ косогоръ Килинъ-Тайгакъ. Чахыръ-Курумъ имѣетъ чрезвычайно крутой спускъ. До Кашгара по этому пути нѣтъ другого топлива кромѣ засохшаго помета животныхъ. Третій — чрезъ проходы: Алабашъ и Джуванъарыкъ на Нарынъ и Чадыркуль въ Кашгаръ; на этомъ пути три значительныхъ перевала: Улакъ-Колъ, Баипче и Ташърабатъ; ходу караваннаго до Кашгара считается 16 дней. Топливо на пути въ обиліи, только при переходѣ между Баипче и урочищемъ Балгыномъ нѣтъ растеній годныхъ на

дрова, но есть кизекъ. Въ нагоріи Сыртъ всѣ три пути скрещиваются, такъ что чрезъ Учъ-Какпакъ можно пройти въ Кашгаръ, а чрезъ Чадыръ-куль на Турфанъ; но всѣ они болѣе или менѣе трудны. Впрочемъ, аксайская дорога представляетъ для каравановъ, идущихъ въ Кашгаръ, болѣе удобства: во первыхъ, потому что до Зауки идетъ по ровной и плодоносной долинѣ Иссыкъ-куля и во вторыхъ потому, что имѣетъ только два перевала. Между тѣмъ кашгарцы предлагали идти чрезъ Учъ-Какпакъ, — слѣдовательно безъ всякой особенной нужды пришлось бы до выхода на кашгарскую дорогу проходить вмѣсто ровной долины Иссыкъ-куля, самыми трудными и гористыми мѣстами. Кашгарцы хотѣли, во чтобы то ни стало, миновать Иссыкъ-куль, который все лѣто оставался не занятымъ кочевками и потому былъ открытъ для разъѣздовъ и набѣговъ сарыбагышей, бывшихъ тогда въ распрѣ съ бугинцами. По понятіямъ киргизъ сарты [1]) составляютъ собственность киргиза, у котораго они торгуютъ. Вслѣдствіе такихъ странныхъ понятій, сарыбагыши, чтобы сдѣлать оскорбленіе бугинцамъ, притѣсняютъ караваны, идущіе изъ ихъ волостей, берутъ съ нихъ большіе подарки, иногда и грабятъ.

Неожиданное обстоятельство вдругъ измѣнило наши намѣренія. Въ бугинскихъ родахъ былъ въ это время кокандскій юзъ-баши (сотникъ), присланный изъ Пишпека для собиранія зекета. Узнавши о сборѣ большаго каравана, юзъ-баши съ 6 своими солдатами явился въ караванъ и потребовалъ, чтобы ему заплатили полный зекетъ: $^1/_{40}$ часть или $^1/_2$ процента съ капитала. Какъ кокандскіе подданные, мы дали ему и его свитѣ трехъ барановъ на обѣдъ и объявили, что мы въ Кашгарѣ должны будемъ заплатить пошлину кокандскому аксакалу, но что готовы исполнить и его требованіе, если онъ дастъ намъ въ томъ законное свидѣтельство (патта). На это онъ не рѣшился и ограничилъ свое домогательство небольшими подарками. Кашгарцы, не признавая законнымъ требованіе кокандскаго юзъ-баши, отказались отъ удовлетворенія, отвѣчали насмѣшками и бранью. Оскорбленный кокан-

[1]) Сартами киргизы называютъ бухарцевъ, кокандцевъ, хивинцевъ и другихъ средне-азіатцевъ. *Ч. В.*

децъ рѣшился наконецъ принудить ихъ дать зекетъ силою. Кокандцы напали на караванныя стада и отбили 300 барановъ. Кашгарцы вступили въ драку, вооружившись кольями отъ своихъ шатровъ, и очень скоро обратили въ бѣгство кокандцевъ. Между кашгарцами было много раненыхъ сабельными ударами, а кокандцы, не исключая и юзъ-баши, были жестоко избиты, одинъ изъ нихъ, имѣвшій какой-то маленькій чинъ, получилъ нѣсколько опасныхъ ранъ въ голову. жизнь его находилась въ опасности. Юзъ-баши обратился къ бугинскимъ старшинамъ и требовалъ, чтобы они заставили кашгарцевъ заплатить за кровь раненаго солдата, а въ противномъ случаѣ грозилъ имъ местью ташкендскаго парваначи. Киргизы и кашгарцы увидѣли, что дѣло принимаетъ худой оборотъ, вступили въ переговоры. Кокандцы требовали огромную сумму, которую кашгарцы были не въ состояніи заплатить. Надо было полагать, что дѣло протянется на нѣсколько дней, а время намъ дорого: приближалась осень, въ горахъ начали падать снѣга.

Вслѣдствіе этихъ причинъ мы перемѣнили планъ пути и рѣшились идти чрезъ Сенташъ на Иссыкъ-куль, чтобы подняться Заукинскимъ ущельемъ на Аксайскую дорогу. 3 коша татаръ и нѣсколько человѣкъ кашгарцевъ, не принимавшихъ участія въ дракѣ, присоединились къ нашему каравану. Такимъ образомъ соединенный нашъ караванъ состоялъ изъ «10 огней», и число людей увеличилось до 60 человѣкъ. Съ вершинъ Текеса въ два перехода мы перешли проходъ Сенташъ, представляющій ровное плато и небольшой перевалъ Кизиль-Кія и вышли на долину рѣки Джаргаланъ. Во время ночлега на этой рѣчкѣ мы дали знать о прибытіи каравана казачьему отряду, назначенному для нашего охраненія и стоявшему на рѣкѣ Кара-Батпакъ, на сѣверномъ берегу Иссыкъ-куля. Чтобы конвоированіе каравана русскимъ отрядомъ не возбудило подозрѣнія кашгарцевъ и татаръ, бывшихъ съ нами, мы просили начальника отряда идти вслѣдъ за караваномъ подъ предлогомъ рекогносцировки мѣстъ. Отъ этого ночлега путь нашъ лежалъ по ровной и плодородной долинѣ Терсекей, покрытой пашнями бугинцевъ. На рѣкѣ Джетыогузъ мы нашли

нашихъ кыдыковъ, прикочевавшихъ сюда для сбора хлѣба, и еще нѣсколько ауловъ того же роду, принадлежащихъ бію Самсалы и Джанету, которые лѣто провели на Тянь-шанѣ. Послѣднiй изъ нихъ былъ извѣстенъ за батыря и пользовался большою разбойническою славой. При жизни Бурумбая онъ былъ имъ преслѣдуемъ и скрывался между тянь-шанскими киргизами и только послѣ смерти этого родоначальника могъ вернуться къ своимъ родовичамъ.

9-го числа караванъ, снявшись съ рѣки Кызылъ-су, вступилъ въ Заукинское ущелье, а отрядъ возвратился обратно. Чрезъ два дня послѣ ухода отряда, мы имѣли первую стычку съ киргизами. 9-го числа ночью изъ каравана потерялась лошадь; наши служители по слѣду поднялись на гору и въ глубинѣ дремучаго лѣса отыскали воровъ, которые лежали около костра. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были схвачены, между ними братъ извѣстнаго Джепета, а другiе успѣли бѣжать, и одинъ изъ нихъ на караванной лошади. Дженетъ былъ въ это время въ караванѣ. Онъ показалъ видъ, что сильно огорченъ легкомысленнымъ поступкомъ брата, поѣхалъ въ свой аулъ съ обѣщанiемъ немедленно привести украденную лошадь, а брата оставилъ на нашихъ рукахъ заложникомъ. Черезъ два дня явился Дженетъ съ вооруженной шайкой человѣкъ въ 70, съ двумя значками и атаковалъ караванъ въ узкомъ проходѣ. Ружейные выстрѣлы заставили киргизъ отступить. Въ этой схваткѣ мы взяли трехъ киргизъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и одного батыря со значкомъ; съ нашей стороны двое татаръ попали въ руки хищниковъ и двое рабочихъ получили небольшiя раны въ голову и руки. Дѣло кончилось размѣномъ людей. Бiй Борсулъ, взятый нами для охраненiя каравана, былъ этимъ происшествiемъ такъ сконфуженъ, что уѣхалъ, не прося даже подарковъ, которые мы ему обѣщали, и, какъ мы узнали, послѣ сдѣлалъ набѣгъ на Джанета. Заукинское ущелье образуется теченiемъ рѣки Зауки; рѣчки: Заукучакъ, Кашкасу, Дунгурума, впадающiя въ нее, также теченiемъ своимъ образуютъ проходы. Мы прошли по теченiю главной рѣки Зауки. Рѣка Заука поднимается до впаденiя рѣчки Дунгрума постепенно только въ трехъ мѣ-

стахъ преграждается поперечными мысами. Рѣка въ этихъ мѣстахъ течетъ по широкой и ровной долинѣ, скаты горъ покрыты густымъ пихтовымъ лѣсомъ, а берега рѣки разными кустарниковыми растеніями: барбарисомъ, жимолостью и шиповникомъ. Выше впаденія Дунграмы проходъ дѣлается крутъ и тѣснѣе и образуетъ террасы съ двумя альпійскими озерками. Обломки скалъ лежатъ большими массами въ хаотическомъ безпорядкѣ и особенно затрудняютъ дорогу. Заукинское ущелье оканчивается крутымъ, около 800 саженей высоты подъемомъ. Остовы разныхъ животныхъ, покрывающіе этотъ подъемъ, свидѣтельствуютъ о его трудности.

13-го числа мы ночевали на берегу озера у подножія подъема. Цѣлый день перевозились на вершину прохода, но все-таки не успѣли, такъ что часть каравана оставалась внизу, а другая ночевала на небольшомъ болотистомъ плато, которымъ оканчивается Заукинскій проходъ. Снѣгъ, шедшій въ продолженіе этого дня, всего болѣе затруднялъ нашу транспортировку; вьючныя лошади и верблюды скользили по мокрымъ камнямъ и нѣкоторые, сорвавшись на ходу, катились до самого лагеря и разбивались на смерть. На этомъ подъемѣ караванъ потерялъ пять верблюдовъ и двухъ лошадей.

Киргизы, все пространство отъ Заукинскаго прохода до Теректы-даванъ (въ 150 верстахъ отъ Кашгара), представляли намъ высокой, гористой и холодной страной. Страну эту они называли Сыртъ (спина) по причинѣ ея возвышеннаго положенія. Киргизы и кашгарцы разсказывали чрезвычайно много о Сыртѣ, между прочимъ, что тамъ постоянно господствуетъ значительный холодъ, въ лѣтнее время падаютъ снѣга, бываютъ продолжительные бураны, которые по нѣскольку дней задерживаютъ ходъ каравановъ, бураны тѣмъ болѣе опасные, что на всемъ пространствѣ караванной дороги нѣтъ другого топлива, кромѣ высохшаго помета животныхъ (кизекъ). Они говорили также, что на Сыртѣ чувствуется особенная удушливость въ воздухѣ, что люди и животныя дѣлаются жертвою *тутека* [1]). Совѣтовали для предохраненія себя отъ тутека

---

[1]) Такъ называютъ они это явленіе. *Ч. В.*

держать діету, употреблять съ пищей какъ можно болѣе чеснокъ. По этимъ разсказамъ я полагалъ, что Сыртъ должно быть большое нагоріе, хотя неодинаковой, но весьма значительной абсолютной высоты. Дѣйствительно, въ верхнихъ частяхъ Заукинскаго прохода, особенно на плато, которымъ онъ оканчивается, было очень холодно, цѣлый день и ночь шелъ снѣгъ, ночью даже былъ легкій морозъ, рѣчка покрывалась тонкимъ льдомъ и земля мѣстами была мерзла. Окрестныя горы были покрыты огромнымъ слоемъ вѣчнаго снѣга. Особенной тягости отъ недостаточнаго давленія воздуха не чувствовали.

15-го сентября мы вступили въ эту негостепріимную страну. День былъ холодный. Караванъ шелъ по болотисгой долинѣ съ нѣсколькими озерами и ночевали на южномъ склонѣ прохода Джитымъ-асу. Проходъ этотъ имѣетъ незначительную, сравнительно съ окружающей долиной, высоту, но былъ одѣтъ до самаго подножія снѣжнымъ покровомъ. Небольшое озеро, лежащее въ срединѣ прохода и по берегу котораго проходила дорога, было покрыто льдомъ, вѣчный снѣгъ въ огромныхъ массахъ лежалъ въ лугахъ ниже его уровня, на высотѣ прохода дулъ порывистый, холодный вѣтеръ, и термометръ Реомюра спустился на 3°. Джитымъ-асу самое высокое мѣсто въ Тянь-шанѣ, которымъ проходилъ нашъ караванъ. На другой день мы перешли Нарынъ, истокъ р. Сыръ-Дарьи, и пройдя плато Тарагай, имѣющее радіусъ около 12 верстъ, ночевали у выхода въ горы Чжау-Чжурекъ. 17-го числа караванъ по сухому руслу поднялся въ горы, перешелъ съ большимъ трудомъ Чатыргурумскій проходъ, имѣющій чрезвычайно крутой и трудный спускъ. Горы этого прохода состоятъ изъ мелкаго конгломерата, который ежегодно все болѣе и болѣе размывается водой. Здѣсь караванъ потерялъ до 200 барановъ, которые взошли на высокія скалы и попадали въ пропасть. Вечеръ былъ теплый.

18-го числа прошли опасный косогоръ Килинъ-Тайгакъ и холмистую возвышенность Кубергенты, покрытую снѣгомъ. Здѣсь беретъ начало нѣсколько рѣчекъ, впадающихъ въ Аксу. Дорога направилась по долинѣ рѣчки Колмакъ-учакъ, имѣю-

щей теченіе на западъ. 20-го числа перешли небольшой подъемъ Гечжге и 21-го вышли при урочищѣ Чадыръ-ташъ на долину р. Аксай. Аксай течетъ на востокъ и въ нижнемъ теченіи называется Какшалъ. Въ урочищѣ Чадыръ-ташъ дорога переходитъ на правый берегъ Аксая и по подножію горъ Кокъ-Кія направляется на юго-западъ, переходитъ нѣсколько рѣчекъ, имѣющихъ общее названіе Кизылъ-су. Четыре дня караванъ шелъ по этому пути, крутые лога, въ которыхъ текутъ Кизылъ-су, затрудняли нашъ ходъ. 26-го числа, повернувши на югъ, достигли горъ Терекъ-даванъ, составляющихъ южный склонъ Тянь-шаня. Подъемъ на Теректы съ высоты Аксайскаго плато незначителенъ, но имѣетъ спускъ, превосходящій длиной Заукинское ущелье. Отъ долины Иссыкъ-куля отъ р. Чжетыгузъ до вершины Терекъ-даванъ караванъ сдѣлалъ 11 переходовъ и прошелъ разстояніе около 175 в. Пространство отъ высоты Заукинскаго прохода до Терекъ-давана представляетъ нагоріе, прорѣзанное поперечными долинами значительной абсолютной высоты, имѣющими характеръ небольшихъ плато. Долина верхняго теченія р. Аксай отъ горнаго озера Чадыръ-куля до ущелья Кокъ-Кія, гдѣ Аксай поворачиваетъ на югъ и выходитъ на Мало-Бухарскую равнину, образуетъ самое широкое и обширное плоскогоріе въ нагоріи Сыртъ. Проходы на этомъ пространствѣ довольно трудны, но проходимы на верблюдахъ, вода встрѣчается повсюду, только нѣтъ другого топлива, кромѣ кизека. Во все время пути судьба намъ видимо благопріятствовала: дни стояли ясные, хотя было довольно холодно. Въ урочищѣ Гечжге сдѣлался снѣжный буранъ, который продолжался до вечера; ауловъ дикокаменныхъ киргизъ на пути не было и разбойничьихъ ихъ шаекъ не встрѣтили. Еще на второмъ переходѣ съ Зауки киргизы наши замѣтили свѣжій слѣдъ каравана, прошедшаго двумя днями раньше насъ; по признакамъ павшей на ночлегѣ лошади, кашгарцы наши узнали, что это тотъ самый караванъ, который мы оставили на Тексѣ. Они шли усиленнымъ ходомъ и были такъ осторожны, что на ночлегахъ не разводили огней. Мы также принимали мѣры осторожности. Киргизскихъ путешественниковъ, при-

соединившихся къ каравану, не отпускали до тѣхъ поръ, пока аулы ихъ не оставались позади насъ на такое разстояніе, что нельзя было ждать погони. Частые перевалы и холодъ изнурили нашъ вьючный скотъ; лошади и верблюды разбиты были на ноги и отощали въ такой степени, что каждый день мы оставляли на пути по одному, а иногда по нѣскольку животныхъ. Такимъ образомъ изъ 101 верблюда въ Кашгаръ пришло только 36.

Съ высоты Теректинскаго ущелья до китайскаго пикета Ислыкъ считается около 60 верстъ, а до Кашгара 135. На такомъ близкомъ разстояніи отъ цѣли путешествія предстояла намъ новая серьезная опасность. Въ проходѣ Теректы кочевалъ въ это время извѣстный грабитель, киргизъ изъ племени Чонъ-багышъ, Атеке, гроза кашгарскихъ каравановъ, разбившій только что передъ нами на большой дорогѣ изъ Аксу въ Кашгаръ, въ виду китайскаго пикета, казенный ихъ обозъ. По совѣту кашгарцевъ, бывшихъ въ нашемъ караванѣ, мы послали гонцовъ къ кокандскому аксакалу съ извѣщеніемъ о приходѣ каравана и съ просьбою выслать къ намъ навстрѣчу нѣсколькихъ человѣкъ своихъ солдатъ. Опасенія наши относительно киргизъ были справедливы: лишь только караванъ спустился въ ущелье, какъ начали показываться группами вооруженные киргизы. Надо сказать, что эти киргизы признаютъ власть хокандскаго хана, и потому подданнымъ Хоканда рѣдко дѣлаютъ притѣсненія, но за то кашгарцевъ и татаръ считаютъ чуть не своими рабами. Киргизы принимали насъ за татаръ, но взяли съ насъ 8 штукъ красной кожи, между тѣмъ какъ съ предшествовавшаго намъ каравана взяли большой выкупъ на свободный проѣздъ и украли до 500 барановъ. Причина такой скромности, какъ мы узнали послѣ, заключалась въ томъ, что прошедшій передъ нами караванъ распространилъ слухъ, что вслѣдъ за нами идетъ 200 челов. русскихъ и что въ сундукахъ, навьюченныхъ на нашихъ верблюдовъ, хранятся разнаго рода оружія. Вслѣдствіе этихъ слуховъ аулы, стоявшіе на большой дорогѣ, откочевали въ боковыя ущелья.

Отдѣлавшись такъ легко отъ самыхъ дерзкихъ и хищныхъ

киргизъ, караванъ считалъ себя внѣ всякой опасности и шелъ тихо, наслаждаясь теплотою дня. Послѣ входа въ Теректинское ущелье мы опять увидали лѣто: дни были ясные, теплые и берега рѣки были покрыты ярко зеленымъ лѣсомъ, состоявшимъ изъ тополя, ивъ, барбарису, розы, гребенщика и разныхъ родовъ чилиги. Между тѣмъ киргизы успѣли одуматься, разъѣзды, посланные ими на Аксай, донесли, что русскаго отряда нигдѣ вблизи нѣтъ. Киргизы увидѣли, что они обмануты, и рѣшились насъ нагнать. Караванъ приближался къ послѣднему перевалу Кокъ-Кія, когда раздался за нами военный крикъ. Толпа киргизъ проскакала впередъ и заняла проходъ. Караванъ принялъ оборонительное положеніе, а толпа киргизъ стала болѣе и болѣе увеличиваться.

Занятіемъ прохода киргизы лишили насъ возможности сопротивляться, а потому мы сочли за благо вступить въ переговоры. Киргизы требовали 10 девятокъ краснаго сукна, кожи, столько же плису, ситцевъ и проч. Въ эту критическую минуту подоспѣли къ намъ изъ Кашгара 5 челов. кокандскихъ сипаевъ; появленіе ихъ оживило падшій духъ каравана, и подъ покровительствомъ кокандцевъ мы скоро разсѣяли шайку хищниковъ. Токсоба (военный чинъ) собственноручно надѣлъ на насъ халаты, присланные въ знакъ особенной милости аксакаломъ, и вручилъ караванъ-башу письмо, въ которомъ аксакалъ-датха выражалъ свое благорасположеніе. 27 числа мы вступили въ границы Китайской имперіи и оставались въ 50 саженяхъ отъ китайскаго пикета, который стоитъ при входѣ въ ущелье. Пикетъ былъ обнесенъ глиняной стѣной съ четырьмя башнями по угламъ, передъ воротами были насажены тутовыя и тополевыя деревья. Офицера, который наблюдаетъ за входящими караванами, записываетъ число людей, верблюдовъ и лошадей, на этотъ разъ не было на пикетѣ, а потому мы, несмотря на раннее время, остановились на ночлегъ и до 12 часовъ утра слѣдующаго дня оставались на пикетѣ въ ожиданіи офицера. Наконецъ бошко [1]), исправлявшій его должность, по настоя-

---

[1]) Китайскій чинъ, имѣетъ золоченый шарикъ. *Ч. В.*

нію кокандцевъ и за небольшой подарокъ, далъ дозволеніе каравану сняться. Кашгарецъ толмачъ записалъ наши имена, число рабочихъ, верблюдовъ, лошадей и барановъ, и должно быть за то, что ему не дали подарка, назвалъ насъ татарами, хотя кокандскіе солдаты и караванъ-баши показали, что мы анджанцы; притомъ вмѣсто 57 человѣкъ показалъ только 14, съ замѣчаніемъ, что мы не хотѣли показать болѣе. Ко всѣмъ своимъ выдумкамъ толмачъ присовокупилъ еще и то, что насъ въ самомъ дѣлѣ болѣе 100 человѣкъ вооруженныхъ ружьями.

Выѣхавъ изъ пикета, караванъ шелъ по безплодной мѣстности, покрытой изрѣдка колючей травой янтакъ и изрытъ логами, впереди виднѣлись гряды низкихъ и песчаныхъ горъ. За этой грядой, состоящей изъ пластовъ слоистой глины и лишенной всякой растительности, лежитъ группа селеній Устунъ-Артышъ. Устунъ-Артышъ собирательное названіе нѣсколькихъ деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Артышъ или Тоинъ. Деревни, составляющія Устунъ-Артышъ, имѣютъ отъ 30 до 50 мазанокъ, окруженныхъ садами и огородами. Зеленыя рощи, въ которыхъ купаются эти деревни, среди безплодной пустыни, производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Переночевавъ близъ деревни Игзекъ, на слѣдующій день, 19 числа, перешли рѣчку Артышъ у урочища Учь-Бурханъ. На высотѣ глинистой скалы, у переправы, высѣчены три входа, которые сохранились до сихъ поръ. Туземцы говорятъ, что это остатокъ языческихъ временъ и что въ скалѣ есть кумирня съ идолами. Входъ въ Учь-Бурханъ неприступенъ и, кажется, никто не интересуется его изслѣдовать. Поднявшись на другую глинистую гряду, мы увидѣли вдали синеву садовъ, окружающихъ предмѣстія Кашгара. Къ вечеру караванъ достигъ предмѣстія и разбилъ лагерь у гробницы Куфалла-ходжа, въ 12 верстахъ отъ Кашгара. Караванъ-башъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей поѣхалъ къ аксакалу отдать салямъ. Нелѣпые слухи, распространенные предшествовавшимъ намъ караваномъ и наконецъ донесеніе пикета, не на шутку напугали китайское правитель-

ство. Китайскій генералъ и хакимъ-бекъ (туземный правитель) командировали опытныхъ чиновниковъ для изслѣдованія и осмотра каравана.

Разсказываютъ, что послѣ полученія донесенія пикета, на городскихъ стѣнахъ поставили стражу и цѣлую ночь разъѣзжали верховые разъѣзды. Кокандскій аксакалъ, лично знавшій нашего караванъ-баши, не обращалъ никакого вниманія на тревогу, поднятую туземными властями, принялъ нашихъ депутатовъ чрезвычайно ласково и послалъ въ караванъ закетчи (чиновникъ для взиманія пошлины) и сына своего. Въ то время, когда кокандцы считали барановъ и взыскивали зекетъ, пріѣхалъ кашгарскій чиновникъ, поговоривъ съ нами и посмотрѣвъ на вьюки и нашъ лагерь, тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Кашгаръ и успокоилъ городъ, ожидавшій нападенія. Покончивъ зекетъ, на другой день прислугу со скотомъ отправили въ деревню Тозгунъ, а сами съ товарами поѣхали въ городъ. На половинѣ дороги выѣхали намъ на встрѣчу нѣсколько кашгарскихъ чиновниковъ, одѣтыхъ совершенно по-китайски; одинъ изъ нихъ, Измаилъ-бекъ, имѣющій значительную должность, потребовалъ развязать вьюки и показать, что хранится въ сундукахъ, а въ противномъ случаѣ грозилъ что караванъ будетъ отправленъ обратно. Было 8 часовъ вечера, а потому, по указанію бековъ, мы расположились на ночлегъ на полѣ, засѣянномъ кормовой травой, называемой му-сюй, чтобы осмотръ начать на слѣдующее утро. За чаемъ и ужиномъ мы успѣли сойтись съ нашимъ слѣдователемъ.

При помощи кокандскаго закетчи и наконецъ подарками склонили Измаилъ-бека не дѣлать отдѣльнаго осмотра вьюкамъ, а просили его, чтобы при взиманіи пошлины въ кокандской таможнѣ присутствовалъ чиновникъ, котораго угодно будетъ назначить анбаню. Утромъ Измаилъ поѣхалъ въ городъ, увѣрилъ начальство, что пришедшій караванъ состоитъ изъ анджанцевъ, торгующихъ въ Семипалатинскѣ, представилъ примѣры, что семипалатинскіе караваны прежде пріѣзжали очень часто, и исходатайствовалъ дозволеніе вступить каравану въ городъ.

Приближаясь къ городу, мы перешли рѣку Тюмень по деревянному мосту. Городъ окруженъ высокой глиняной стѣной. Издали виднѣлись однѣ только стѣны и по угламъ ихъ легкія башни китайской архитектуры. Зданія и сады закрыты, не видны. Дорога около воротъ уставлена въ видѣ аллей жердями, на которыхъ повѣшены клѣтки съ головами преступниковъ, казненныхъ послѣ возстанія 1857 года.

1 октября 1858 г. караванъ вступилъ въ Кашгаръ, сопровождаемый кашгарскими и кокандскими чиновниками. Въ воротахъ насъ остановили. Чиновники поѣхали къ хакимъ-беку и наконецъ возвратились съ извѣстіемъ, что можно войти. Юго-восточными воротами мы прошли прямо въ сарай «Анджанъ», при которомъ устроена таможня «зекатъ-хана».

При описи товаровъ присутствовали аксакалъ и два кашгарскихъ бека: ишкага и нашъ пріятель Измаилъ. Аксакалъ былъ чрезвычайно любезенъ, просилъ насъ къ себѣ и объявилъ, что онъ, какъ представитель хана, будетъ стоять за насъ горой.

Кашгарскіе чиновники съ своей стороны обратили особенное вниманіе на желѣзные заступы и взяли образчикъ, чтобы показать анбаню. Вниманіе аксакала еще болѣе усиливало недовѣрчивость туземныхъ властей, потому что съ 1825 года кокандцы принимали участіе во всѣхъ возстаніяхъ. На слѣдующій день, въ день джумы потребовали насъ въ канцелярію хакимъ-бека и спросили, кто мы, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Отвѣты наши были записаны и насъ отпустили.

3 числа потребовалъ насъ дорга-бекъ, одинъ изъ высшихъ чиновниковъ въ Кашгарѣ, онъ имѣетъ красный коралловый шарикъ, извѣстенъ своимъ умомъ и способностями.

Въ 1857 г. послѣ изгнанія ходжи дорга-бекъ исправлялъ должность хакимъ-бека, ему было поручено окончательное рѣшеніе нашего дѣла. Аксакалъ былъ недоволенъ, что китайцы допрашиваютъ его подчиненныхъ, приказалъ написать анбаню, что онъ лично знаетъ всѣхъ насъ, что мы анджанцы и за насъ во все время нашего пребыванія будетъ отвѣчать

онъ, а пока послалъ съ нами самыхъ почтенныхъ купцовъ, чтобы они сопровождали насъ при допросахъ. Надо сказать: кокандскіе купцы принимали въ насъ живѣйшее участіе и оказывали намъ чрезвычайно много дружбы и покровительства.

Между дорга-бекомъ и караванъ-баши былъ слѣдующій разговоръ: «кто вы такіе и зачѣмъ пріѣхали»?—«Мы анджанцы, уроженцы Маргелана, Ташкенда и Бухары; по торговымъ дѣламъ ѣздили въ Россію, продали тамъ свой товаръ, купили на нихъ русскія произведенія и, узнавши о торговыхъ выгодахъ, поѣхали въ Кашгаръ».—«Если вы анджанцы, почему пріѣхали не той дорогой, которая открыта для вашей націи»?—«Потому, что мы были на Иссыкъ-кулѣ, чтобы вымѣнять барановъ».—«Въ сколько дней пришли вы изъ Семипалатинска»?—«Въ 75».—«Зачѣмъ вы прошли чрезъ пикетъ безъ разрѣшенія и ложно показали число людей»? Караванъ-баши объяснилъ, что офицера не было на пикетѣ и что исправлявшій его должность далъ намъ пропускъ, а число людей мы показали вѣрно, но толмачъ самъ не хотѣлъ этого сдѣлать; доказательствомъ ложности его донесеній служитъ то, что онъ написалъ число людей нашихъ до 100, между тѣмъ какъ по удостовѣренію вашихъ чиновниковъ въ караванѣ только 57 человѣкъ.

Потомъ дорга-бекъ обратился къ татарамъ, пріѣхавшимъ съ нами, спросилъ ихъ, имѣютъ ли они виды отъ русскаго правительства? Татары отвѣчали, что они родились въ Ташкендѣ отъ татарскихъ выходцевъ и въ Россіи никогда не бывали. Въ заключеніе бекъ спросилъ насъ, зачѣмъ привезли такъ много этого оружія и показалъ на заступъ, лежавшій на столѣ; китайскій ярлычекъ, привѣшенный къ нему, показывалъ, что онъ побывалъ въ китайскомъ судѣ. Мы отвѣчали, что это товаръ для продажи; а одинъ изъ кокандцевъ замѣтилъ, что если бекъ опасается за употребленіе этого оружія, то можетъ купить. Этимъ кончился второй допросъ. Такое неблагопріятное начало крайне насъ безпокоило, особенно когда на 4-й день пріѣхалъ ишкага и нѣсколько другихъ бековъ и объявили, что насъ требуетъ амбань. Осѣдлавъ на-

скоро лошадей, мы послѣдовали за беками и, выѣхавъ изъ городскихъ воротъ, увидѣли нѣсколько палатокъ и какіе-то переклады, весьма похожіе на висѣлицы; насъ подвели къ дверямъ палатки, въ которой сидѣли въ большихъ креслахъ четыре мандарина, съ красными и свѣтлосиними шариками на шапкахъ. Одинъ изъ нихъ былъ главный кашгарскій амбань, другой—кашгарскій хакимъ-бекъ; оба имѣли красные шарики; два чиновника съ синими шариками были китайскіе пристава.

Насъ ввели въ палатку; мы, какъ иностранцы, привѣтствовали амбаня, сложивши руки на груди. Амбань, посмотрѣвъ на насъ пристально, замѣтилъ по-китайски: «это не русскіе и не татары, а анджанцы», и потомъ, обращаясь къ намъ, сдѣлалъ обычный вопросъ китайскихъ чиновниковъ: «благополучно ли пріѣхали, черезъ какія мѣста, какіе привезли товары»? Освѣдомился о спокойствіи народовъ, кочующихъ на пути, и потомъ вступилъ въ частный разговоръ о Кульджѣ, сталъ спрашивать караванъ-баша о знакомыхъ ему илійскихъ мандаринахъ. На прощанье амбань пожелалъ намъ хорошей торговли и вообще обращеніе его было очень ласково. Послѣ представленія амбаню и вслѣдствіе отзыва, даннаго аксакаломъ, насъ оставили въ покоѣ и болѣе не требовали къ допросу, хотя не переставали имѣть надзора.

Какъ анджанцы, мы совершенно зависѣли отъ кокандскаго аксакала, который управляетъ иностранцами, живущими въ Кашгарѣ, независимо и имѣетъ даже свою полицію, а потому намъ необходимо было сблизиться съ иностраннымъ купечествомъ и пріобрѣсть благорасположеніе аксакала. Члены нашего каравана были большею частію маргеланцы и бухарцы и нашли въ Кашгарѣ много родственниковъ и знакомыхъ. Родственники и земляки нашего караванъ-баши маргеланцы: Номанъ-бай, Саадатъ-бай и Асанъ-Джанъ, бухарецъ Кори и другіе богатые купцы пользовались уваженіемъ кокандскихъ и туземныхъ властей, при помощи ихъ намъ было легко свести близкое знакомство съ аксакаломъ и кашгарскими беками. Освободившись отъ допросовъ туземныхъ китайскихъ властей, мы отправились къ аксакалу, чтобы благодарить его

за участіе и поднести, по принятому обычаю, пешкешъ. Подарки были незначительны, но превосходили сравнительно то, что обыкновенно приносятъ кокандцы. Аксакалъ принялъ насъ очень благосклонно и обѣщалъ свое покровительство. Съ сыномъ его, который управлялъ дѣлами, мы сдѣлались пріятелями, дѣлали для него пирушки «базмъ» въ кокандскомъ вкусѣ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Взаимные подарки и угощенія сблизили нашъ караванъ со всѣми болѣе или менѣе значительными лицами. Кашгарскіе беки, сохраняя китайскую важность, хотя и не бывали у насъ на квартирѣ, но посѣщали наши лавки и приглашали насъ на чай. Такимъ образомъ мы успѣли пріобрѣсти всеобщее благорасположеніе и почетъ. Аксакалъ всякій разъ просилъ насъ на обѣды и въ важныхъ случаяхъ, когда происходили совѣщанія, приглашалъ нашего караванъ-баши.

На первой же недѣлѣ товары наши были съ большой выгодой проданы на серебро и золото, частію на наличныя деньги, частію въ долгъ, съ условіемъ заплатить ихъ тотчасъ, когда мы вздумаемъ ѣхать. Караванъ нашъ занималъ одиннадцать лавокъ въ сараѣ «кунакъ», кромѣ того мы имѣли квартиры на улицахъ Устэнъ-буи и Джанъ-куче. Въ Кашгарѣ и вообще въ шести городахъ существуетъ обычай, по которому всѣ иностранцы на время пребыванія въ нихъ вступаютъ въ бракъ. Жители Малой Бухаріи, хотя послѣдователи ученія имама Ханифи, по которому временные браки не допускаются, но тѣмъ не менѣе обычай этотъ господствуетъ въ полной силѣ. Бракъ совершается по формѣ и отъ жениха требуется только одѣвать жену. Чтобы не выходить изъ общаго порядка и по настоянію нашихъ знакомыхъ, мы должны были также подчиниться этому обычаю. Въ Кашгарѣ наши татарскіе халаты и шапки обращали всеобщее вниманіе, а потому первымъ долгомъ нашимъ было перемѣна платья. Мы стали, какъ анджанцы, носить чалму (кашгарцы не носятъ чалмы, кромѣ духовныхъ) и бухарскіе халаты.

Скотъ нашъ былъ до того изнуренъ, что нужно было для того, чтобы совершенно откормить его, не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Пользуясь этимъ временемъ, я рѣшился посѣтить

Еркендъ. Въ караванѣ оставалось непроданной нѣсколько юфты, которую хозяинъ, бухарецъ Мухсинъ-Сагитовъ, и я повезли въ Еркендъ. Чтобы поѣздка наша не возбудила подозрѣнія китайцевъ, мы до времени не разсказывали о своемъ намѣреніи и получили билеты отъ аксакала вмѣстѣ съ другими бухарцами, а товаръ отправили впередъ съ подрядчикомъ.

10 октября выѣхали мы въ числѣ 6 человѣкъ, предъявили на станціи между Тазгуномъ и китайскимъ городомъ билеты туземному юзбеги и ночевали на половинѣ пути на одномъ лянгарѣ (хуторѣ). На другой день, въ полдень пріѣхали въ Янысаръ. Дорога до Янысара идетъ по мѣстамъ населеннымъ, только подъѣзжая къ городу, встрѣчаются небольшіе песчаные бугры. Оставивъ лошадей въ Гайчанѣ, гдѣ есть особенный сарай для извощиковъ, мы въѣхали въ городъ и остановились у одного нашего знакомаго. Такъ какъ въ городѣ было много анджанскихъ купцовъ, съ которыми мы познакомились въ Кашгарѣ, то они два дня не отпускали насъ далѣе, дѣлая обѣды и вечера. На 5-й день, послѣ обѣда, выѣхали мы далѣе и ночевали, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до станціи Топлыкъ. 14 числа, вставши рано, мы стали собираться въ путь, чтобы форсированной ѣздой достигнуть 3-й станціи Кокравать. Мѣстность отъ Янысара до 1-й станціи густо населена, дорога идетъ между рощами, хуторами и пересѣкается множествомъ рѣкъ и арыковъ; но приближаясь ко 2-й станціи, Кизылъ, населеніе постепенно дѣлается рѣже и уже около этой станціи окрестности представляютъ безплодную степь. Въ параллели Кизыла на Востокъ лежитъ песчаная степь Кумъ-шайданъ, священное мѣсто для мусульманъ; здѣсь, по преданію, происходило сраженіе за вѣру, и предводитель правовѣрныхъ Арсланъ ханъ-гази палъ шеидомъ. Надгробная молельня на могилѣ этого хана посѣщается всѣми мусульманами, пріѣзжающими въ Кашгаръ и Еркендъ. Станція Кокравать есть оазисъ, осененный купой деревъ, въ ней около 30 домовъ. За Кокраватомъ начинаются пески, имѣющіе всхолмленный видъ и направленіе отъ запада къ востоку; на пути встрѣчается много озеръ съ горькосоленой

водой, около которыхъ растетъ камышъ. Не успѣли мы выѣхать нѣсколько верстъ отъ станціи Топлыкъ, какъ нагналъ нарочный изъ Кашгара, посланный нашими товарищами съ письмомъ, въ которомъ опи сообщали о пріѣздѣ въ Кашгаръ туземнаго агента съ извѣстіемъ о взятіи Кокана Мали-бекомъ и о тревожномъ состояніи Кашгара вслѣдствіе слуховъ о бѣгствѣ ходжи Валихана-тюре, и просили скорѣе пріѣхать въ Кашгаръ. Мы спѣшили переѣздомъ обратно, чтобы избѣгнуть столкновенія непріятныхъ случайностей.

Еще въ Дикокаменной ордѣ носились слухи о сомнительныхъ дѣлахъ въ Кокандѣ. Въ Теректинскомъ ущельѣ тяньшанскіе дикокаменные киргизы окружили нашъ караванъ, не боясь послѣдствій. Издавна въ Кокандѣ существуетъ обычай, по которому всѣ происшествія въ междуцарствіе предаются этимъ правомъ, происходятъ въ подобныхъ случаяхъ грабежи, называя ихъ ханъ-талау (ханскій грабежъ).

Происшествія въ Кокандѣ, начиная съ соры Малибека съ братомъ своимъ Худояръ-ханомъ, наконецъ до взятія Малибекомъ Коканда доходили въ Кашгаръ послѣдовательно и своевременно двоякимъ путемъ: чрезъ оффиціальныхъ гонцовъ Худояра и Малибека и чрезъ кашгарскихъ тайныхъ агентовъ (танъ-шанъ).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ получены были въ Кашгарѣ извѣстія о возстаніи Малибека. Вскорѣ прибыли гонцы отъ Худояра и Малибека съ требованіями прислать, какъ можно скорѣе, всю сумму зекята. Положеніе аксакала было чрезвычайно затруднительно: исполнить волю одного значило бы подвергнуться гнѣву другого, а дѣло могло рѣшиться и такъ, и иначе.

Въ этотъ нерѣшительный моментъ, 15 числа пришло оффиціальное извѣстіе о водвореніи на ханство Малибека, и аксакалъ получилъ ханскій ярлыкъ, въ которомъ его оставляли на своемъ мѣстѣ съ увѣреніями о благосклонности къ нему хана; но это былъ только обманъ, съ цѣлью, чтобы Насырэддинъ не могъ скрыть деньги. Черезъ день пріѣхали довѣренные новаго аксакала Норъ Магомета дотхи, взяли Насырэддина подъ стражу и забрали рѣшительно все, не исключая и его собственности. Въ управленіе вступилъ Сулейманъ-кулъ,

родственникъ новаго аксакала, недавно только выпущенный изъ темницы, гдѣ онъ сидѣлъ со времени возстанія.

Перемѣны властей въ Кокандѣ никогда не обходятся безъ подобныхъ обмановъ и униженій, которымъ подвергаетъ новое начальство своихъ предшественниковъ. Насъ поразила перемѣна обращенія всѣхъ кокандцевъ съ бывшимъ аксакаломъ и его сыномъ: всѣ лица, бывшія съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, уже не узнавали его, и сынъ его нуждался въ деньгахъ на мелкіе расходы. Напротивъ, Сулейманъ-кулъ, довѣренный новаго аксакала, до сихъ поръ никѣмъ незамѣчаемый, вдругъ сдѣлался предметомъ уваженія и подобострастія, для него устраивали загородныя гулянья, пиршества и всѣ дѣлали ему болѣе или менѣе драгоцѣнные подарки. Лазутчики новаго начальника тщательно разыскивали, не успѣлъ ли Насырэддинъ спрятать часть своего имущества и съ этой цѣлью у насъ также потребовали списокъ подаркамъ, поднесеннымъ прежнему аксакалу. Мы дали требуемый списокъ, не упомянувъ въ немъ, по просьбѣ сына Насырэддина, о часахъ и пистолетѣ. Туземныя власти и купечество были также очень довольны паденіемъ Насырэддина, хотя онъ возстановилъ спокойствіе и былъ человѣкъ прямой и рѣшительный въ сношеніяхъ съ туземными властями и справедливый въ отношеніи къ купечеству, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными.

25 ноября пріѣхалъ новый аксакалъ Норъ-Магометъ-дотха и съ нимъ посланникъ Мали-бека для извѣщенія начальства Южной линіи о перемѣнѣ правленія. Кашгарское посольство, отправленное еще къ прежнему хану, возвратилось вмѣстѣ. По распоряженію Сулейманъ-кула всѣхъ иностранцевъ обязали выйти навстрѣчу новаго начальника, болѣе почетныя лица, между ними нѣкоторые изъ моихъ товарищей, встрѣчали его на первомъ пикетѣ; китайское правительство выслало съ своей стороны ишкагу. Аксакалъ, сопровождаемый своими подчиненными, съ полной торжественностію, которою руководствуются кокандскіе сановники, въѣхалъ въ городъ. Впереди кортежа ѣхалъ сипай и очищалъ дорогу крикомъ: «берегите поводья»! А за нимъ ѣхали пажи и вели нѣсколько аргама-

ковъ въ золотой и серебряной збруѣ, покрытыхъ богатыми чепраками. На другой день послѣ пріѣзда всѣ иностранцы, въ томъ числѣ и мы, отправились къ саляму съ плиткой фу-чаю, которую обязали насъ, какъ повинностію. Еще прежде взято было со всѣхъ иностранцевъ по штукѣ этого чаю за радостныя извѣстія о восшествіи Малибека. Сверхъ этого мы чрезъ нѣсколько дней отправились къ аксакалу съ подарками собственно отъ себя. Подарки наши состояли: изъ бархатнаго халата, сукна, желѣзной кровати, золотыхъ часовъ, чаю, сахару и проч., приближенныя ему лица также получили подарки.

Новый аксакалъ былъ человѣкъ обходительный и вѣжливый въ обращеніи, какъ только возможно кокандцу. Норъ-Магометъ имѣлъ придворный чинъ ишкаги-сы достоинство датхи, и былъ въ 1856 г. кашгарскимъ аксакаломъ, а при ходжѣ — минъ-башей. Дотха любилъ горячіе напитки и веселую компанію, вслѣдствіе чего всѣ богатые купцы обращались съ нимъ крайне безцеремонно. Дѣлами самъ занимался мало и ничего не дѣлалъ безъ совѣта купцовъ и Сулейманъ-кула, съ которымъ мы еще прежде, когда онъ былъ частнымъ лицомъ, были въ дружбѣ. Это обстоятельство способствовало нашему сближенію съ новымъ аксакаломъ. Каждый вечеръ аксакалъ приглашалъ насъ къ себѣ или посылалъ сказать, что онъ будетъ у насъ. Безпрестанно дѣлалъ подарки и одному изъ товарищей нашихъ подарилъ лошадь съ прибо-ромъ, парчевый халатъ и военные сапоги, которые выражаютъ то, что онъ считаетъ его своимъ приближеннымъ. Подозрѣнія туземныхъ властей къ намъ перемѣнились уже въ нѣкоторую степень довѣрія и намъ позволялось ходить по ночамъ, что вообще строго воспрещено.

Между тѣмъ лошади и верблюды совершенно оправились, и мы стали думать о возвращеніи; ѣхать черезъ Аксай, т. е. по тому пути, которымъ пришли, нельзя было потому, что проходы завалены были снѣгомъ, и притомъ совершенное безлѣсіе при страшномъ холодѣ и буранахъ, свирѣпствующихъ въ этой горной странѣ, всякое путешествіе дѣлаетъ невозможнымъ. Черезъ Кокандъ мы боялись, потому что тогда путе-

шествіе продолжилось бы слишкомъ долго и наконецъ потому, что тамъ могли встрѣтиться люди, знающіе меня. Наконецъ положили ѣхать чрезъ Ушъ-Турфанъ. Собираніе долговъ замедлило наши путевыя приготовленія, а билетъ отъ китайскаго правительства на выѣздъ былъ полученъ только въ срединѣ февраля. Между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства заставили насъ отказаться отъ предположенія нашего пути, а думать о томъ, чтобы скорѣе достигнуть нашихъ границъ. Въ концѣ января пріѣхали въ Кашгаръ нѣсколько кашгарскихъ купцовъ изъ Кульджи и ташкенцевъ, выѣхавшихъ изъ Семипалатинска послѣ насъ. Чрезъ нихъ распространились слухи, что при караванѣ есть русскій агентъ. Норъ Магометъ, зная всѣхъ насъ коротко, не находя въ насъ никакихъ данныхъ, оправдывающихъ эти слухи, смѣялся и находилъ ихъ въ высшей степени неправдоподобными; въ Кокандѣ между купечествомъ также поговаривали объ этомъ предметѣ съ добавленіями, что русскій агентъ находится внѣ города на хуторѣ, гдѣ мы держали верблюдовъ, такъ что кокандскій михтаръ поручилъ своему чиновнику, посланному въ Кашгаръ, осмотрѣть хуторъ и нашихъ рабочихъ. Слухи эти преимущественно ходили между кокандскимъ купечествомъ, но никто имъ не вѣрилъ, а кашгарцы были заняты новыми извѣстіями о бѣгствѣ ходжи Валихана и о томъ, что онъ пошелъ на Турфанъ. Ночью по городу разъѣзжали конные патрули, на стѣнахъ и у воротъ усилили караулы и по границамъ объѣзжали наблюдательные отряды.

Въ дынзэ, въ родѣ полиціи, собирали копья и дротики, и чиновники дежурили на стѣнахъ. На насъ, казалось не обращали вниманія, но тѣмъ не менѣе нужно было думать о возвращеніи, пока не были получены достовѣрные слухи о причинѣ снаряженія каравана.

Съ февраля началась въ Кашгарѣ весна, а потому въ мартѣ можно было надѣяться на возможность проѣхать благополучно черезъ нагоріе Сыртъ. 7-го марта караванъ выступилъ изъ Кашгара по направленію на Теректы, а мы остались въ городѣ, чтобы получить другой билетъ отъ китайскаго правительства на выѣздъ. Наши люди, осмотрѣвши до-

рогу, пріѣхали съ извѣстіемъ, что Теректы совершенно непроходимъ отъ снѣгу, что только открытъ путь чрезъ кокандское укрѣпленіе Куртку. Аксакалъ убѣждалъ насъ остаться до половины марта, когда откроются всѣ пути, но мы рѣшились во что бы то ни стало выѣхать. Мы хорошо знали, что комендантъ Куртки вмѣстѣ съ тѣмъ и главный начальникъ тянь-шанскихъ киргизъ, имѣлъ въ Кашгарѣ своихъ агентовъ для наблюденія за нами. Бугинцы, пріѣхавшіе въ улусы подчиненныхъ ему киргизъ, разсказывали съ большими преувеличеніями о нашемъ богатствѣ, напримѣръ, что караванъ-баши возсѣдаетъ на желѣзной доскѣ, что у насъ есть чудный ящикъ съ золотымъ деревомъ, на которомъ порхаетъ и поетъ соловей, и другія басни въ этомъ родѣ. Курткинскій дотха, не видавши ничего кромѣ киргизскихъ барановъ, повѣрилъ всѣмъ этимъ нелѣпостямъ и непремѣнно хотѣлъ получить съ насъ зекетъ, хотя онъ имѣлъ право брать не зекетъ, а особенную пошлину по числу вьючныхъ животныхъ. Нашъ другъ аксакалъ, узнавши о нашемъ рѣшеніи ѣхать чрезъ вѣдомство Куртки, былъ такъ любезенъ, что далъ для препровожденія каравана одного изъ своихъ воиновъ и снабдилъ насъ рекомендательнымъ письмомъ и посылкою Мамразыку, коменданту Куртки, въ которомъ просилъ Мамразыка принять насъ, какъ его друзей.

11 числа изъ дому аксакала, въ сопровожденіи огромною толпою народа, провожавшихъ насъ, выѣхали мы изъ Кашгара.

Пріѣхавъ въ караванъ, стоявшій между селеніями Устунъ-Артышъ и китайскимъ пикетомъ Ислыкъ мы нашли артышскаго Изъ-беги, командированнаго хакимъ-бекомъ для препровожденія каравана за границу. Обыкновенные караваны не пользуются этой честью, мы были въ исключительномъ положеніи. Путь нашъ лежалъ по теченію рѣки Тоинъ на караулъ Тешыкъ-ташъ, но такъ какъ билетъ былъ намъ данъ чрезъ Ислыкъ, то мы должны были сдѣлать небольшой кругъ, чтобы войти на настоящую дорогу. На пикетѣ китайскій бошко—офицера опять не было—сосчиталъ число верблюдовъ, лошадей и выпросилъ юсунъ (подарокъ); кашгарскій чиновникъ взялъ тоже юсунъ. Караванъ ночевалъ въ горахъ, въ

8 верстахъ отъ пикета. На другой день шли на западъ по сухому и широкому руслу, и пройдя одинъ маленькій перевалъ, вышли на долину рѣки Тоинъ. Дни были очень теплы, природа только что пробудилась; снѣгу въ ущельи оставалось очень мало, кое-гдѣ зеленѣлись травы и вечеромъ слышны были звонкіе крики лягушекъ. Три дня караванъ поднимался вверхъ по теченію Тоина по направленію на С. и С.З., и 17 числа ночевалъ при истокахъ этой рѣки въ урочищѣ Торгатъ. Рѣка Тоинъ имѣетъ широкую долину, путь по ней чрезвычайно удобенъ. На берегахъ рѣки растетъ тополь, только на первомъ ночлегѣ облепиха.

На Торгатѣ уже нѣтъ кустовъ. По мѣрѣ того, какъ дорога поднималась по теченію рѣки все выше, и погода становилась холоднѣе. Въ верхнихъ частяхъ рѣка была покрыта льдомъ, а въ логахъ лежалъ снѣгъ, такъ что караванъ долженъ былъ разбивать его лопатами, чтобы проложить тропинку. 18 числа мы вышли на довольно обширную долину горнаго озера Чадыръ-куль, окруженную со всѣхъ сторонъ горами и одѣтую глубокимъ снѣжнымъ покровомъ. Здѣсь было такъ холодно, какъ въ Кашгарѣ не бывало въ январѣ.

Караванъ пробирался по снѣжнымъ сугробамъ съ большимъ трудомъ и, пройдя по льду озеро, ночевалъ въ горахъ Ташъ-рабатъ, окружающихъ долину съ сѣверной стороны. Озеро Чадыръ-куль имѣетъ около 10 верстъ ширины и около 20 длины, оно должно имѣть высокое положеніе, не менѣе 7000 футовъ абсолютной высоты. На слѣдующій день перешли горы Ташъ-рабатъ и разбили лагерь на широкой и ровной долинѣ рѣки Атбашъ. Проходъ Ташъ-рабатъ имѣетъ одно чрезвычайно трудное мѣсто для прохода каравана на верблюдахъ; на спускѣ тропинка проходитъ по краю высокой скалы, но подъемъ незначителенъ. Такъ какъ рѣка, по теченію которой проходитъ дорога, была замерзшая, то мы избѣгли опасное мѣсто и прошли по льду. Близъ выхода дороги изъ ущелья есть каменное зданіе Ташъ-рабатъ, отъ котораго горы получили свое названіе. Рабатомъ называются на востокѣ зданія, устроенныя на большихъ дорогахъ для доставленія крова путешественникамъ. Они устраиваются съ

богоугодной цѣлью, какъ мечети, училища, караванъ-сараи, фонтаны и колодцы въ пустыняхъ. Одинъ изъ бухарскихъ хановъ, Абдулла, особенно любилъ постройки этого рода и потому основаніе этого рабата приписываютъ ему. Зданіе сложено изъ плитъ глинистаго сланца, имѣетъ около 12 саженъ длины и около 7 ширины. Длинный корридоръ ведетъ въ круглый залъ (въ 5 аршинъ въ радіусѣ) съ сфероидальнымъ куполомъ, по бокамъ корридора сдѣланы маленькія низкія двери, въ которыя нельзя войти иначе, какъ сильно нагнувшись; двери эти ведутъ въ маленькія квадратныя и продолговатыя комнаты. Внутри и снаружи зданіе это было когда-то выштукатурено, арабески, окружающія ниши, сохранились мѣстами и теперь. По стилю Ташъ-рабатъ принадлежитъ къ древней архитектурной эпохѣ. Азіатцы по своей лѣности и невѣжеству считаютъ все, что требуетъ большаго труда или искусства, сверхъ-естественнымъ. Ташъ-рабатъ имѣетъ также свою легенду, напримѣръ, говорятъ, что если разъ насчитать сорокъ комнатъ, то въ другой разъ выйдетъ число 41, и такъ далѣе. Для дикокаменныхъ киргизъ это зданіе служитъ предметомъ поклоненія и мѣстомъ для жертвоприношеній. Нужно сказать, что на ночлегѣ при урочищѣ Торгатѣ присоединились къ нашему каравану два кокандскихъ сипая, посланные въ Кашгаръ комендантомъ Куртки для тайнаго наблюденія за нашимъ выѣздомъ. Одинъ изъ нихъ былъ родственникъ коменданта, а другой, по имени Асанбай, служилъ приставомъ, иль-беги, въ улусахъ Чириковъ. Кокандцы въ киргизскихъ родахъ имѣютъ своихъ чиновниковъ; иль-беги, киргизскій приставъ, долженъ кочевать въ ихъ улусахъ и обязанъ быть посредникомъ въ тяжебныхъ дѣлахъ и собирать съ виновныхъ штрафъ въ пользу казны.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нашъ лагерь, расходятся нѣсколько дорогъ, между прочимъ двѣ въ Куртку; болѣе удобная дорога по долинѣ Атбаша, была отвергнута нашими кокандцами, потому что въ это время на ней стояли Чирики, которые, хотя принадлежатъ къ вѣдомству Куртки, но повидимому мало слушаютъ кокандцевъ. Асанбай иль-беги такъ боялся Чириковъ, что киргизскихъ путешественниковъ, быв-

шихъ съ нами, не пустилъ въ свои аулы, чтобы они не дали знать Чирикамъ, и заставилъ ихъ, противъ воли, свершить поѣздку въ Куртку.

Въ нагоріи Сыртъ только на низменныхъ и теплыхъ долинахъ Атбаша, Арпа и Нарына произростаютъ пшеница и ячмень. Надо полагать, что въ древнія времена мѣста эти были населены осѣдлымъ или полуосѣдлымъ народомъ, ибо, какъ говорятъ киргизы, внизъ по Атбашу есть развалины большаго города, а на Нарынѣ мы сами видѣли слѣды древняго хлѣбопашества. Развалины на Атбашѣ соотвѣтствуютъ по положенію своему городу Чигу: столицѣ Усуни, которая по свидѣтельству китайской исторіи, лежала на СЗ. отъ Аксу и на югъ отъ Темурту-нора (Иссыкъ-куля). Съ береговъ рѣки Атбаша мы направились на С., прошли нѣсколько незначительныхъ переваловъ, изъ коихъ послѣдній Байбче имѣетъ на южномъ склонѣ хвойный лѣсъ, а около водъ жимолость, барбарисъ и другіе кустарники. Мѣстность между Торатомъ и Байбче безлѣсна. 21 марта караванъ остановился въ 10 верстахъ отъ Куртки, на рѣкѣ Акъ-талъ, около аула киргизъ изъ племени Мунулдыръ. Вечеромъ пріѣхавшій изъ Куртки солдатъ привезъ нашимъ сипаямъ радостное извѣстіе, что комендантъ ихъ получилъ надняхъ милостивую грамоту отъ хана, почетный парчевый халатъ и что Чирики возвратились изъ Хоканда безуспѣшно. Чирики. о которыхъ мы уже говорили, просили хана, чтобы въ ихъ кочевьяхъ, на рѣкѣ Атбашѣ, основать укрѣпленіе и сдѣлать ихъ независимыми отъ курткинскаго коменданта. Въ заключеніе объявилъ, что изъ Анджана пріѣхалъ зекатчи. Это обстоятельство огорчило нашихъ кокандцевъ, они боялись, чтобы зекетъ съ нашего каравана не поступилъ въ распоряженіе этого чиновника. Куртка принадлежитъ Анджанскому намѣстничеству, которымъ управляетъ братъ хана, Суфи-бекъ. Каждый годъ весною пріѣзжаетъ отъ намѣстника сборщикъ и получаетъ отъ коменданта весь сборъ киргизскаго зекета.

29 числа часу въ десятомъ караванъ снялся; сдѣлавши около 10 верстъ, остановился на берегу рѣки Нарына. Такъ какъ на рѣкѣ по берегамъ еще оставался ледъ и сообщеніе

съ укрѣпленіемъ производилось вплавь (рѣка глубока), то по усиленной нашей просьбѣ, чтобы не замочить при переправѣ своихъ товаровъ, намъ было сдѣлано снисхожденіе остаться на этой сторонѣ. Въ 4-хъ верстахъ отъ укрѣпленія мы разбили свои юрты въ сосѣдствѣ съ ауломъ одного изъ сильныхъ біевъ рода Соякъ, Османа, облеченнаго кокандцами въ званіе датхи. На другой день, 25 марта, мы отправились въ укрѣпленіе, чтобы отдать салямъ коменданту. Укрѣпленіе Куртка стоитъ на правомъ берегу Нарына, имѣетъ поперечникъ въ 200 саженей, окруженъ съ трехъ сторонъ стѣной, а четвертая опирается въ крутой берегъ. Высота стѣнъ около 3 саженей, ширина до 2 аршинъ, съ восточной стороны пробиты въ стѣнѣ главныя ворота, а съ сѣверной другія, ведущія въ мѣсто, гдѣ прежде былъ домикъ Дженгиръ ходжи; тамъ устроена молельня, посажено нѣсколько деревьевъ и какъ на всѣхъ священныхъ мѣстахъ водружены бунчуки и развѣшены въ большомъ количествѣ рога барановъ, принесенныхъ въ жертву. Въѣхавши въ ворота, мы увидѣли войлочныя кибитки, окруженныя земляными валами, и нѣсколько мазанокъ. Комендантскій домъ состоялъ также изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мазанокъ подъ пышными названіями пріемной, гарема, мечети и проч.; въ серединѣ двора стояло нѣсколько киргизскихъ юртъ. На небольшомъ возвышеніи изъ глины сидѣлъ смуглый сартъ съ бѣлой бородой, одѣтый въ бумажный старый халатъ и въ киргизскихъ сапогахъ изъ красной кожи. Намъ сказали, что это самъ комендантъ Мамразыкъ датха. Послѣ привѣтствія посланный отъ аксакала поднесъ ему письмо и подарки. Прочитавъ письмо, Мамразыкъ сталъ распрашивать объ аксакалѣ, съ которымъ былъ старый товарищъ, потомъ спросилъ, сколько мы дали зекету; сказалъ, что до сихъ поръ онъ считалъ насъ за татаръ и слышалъ отъ дикокаменныхъ киргизъ, что мы осматриваемъ земли.

Часу во второмъ пріѣхалъ въ караванъ сынъ коменданта въ сопровожденіи одного андʼжанскаго купца, который, какъ видно, пользовался довѣренностію датхи и употреблялся имъ въ случаяхъ, требующихъ ума и смѣтливости. Напоивъ го-

стей чаемъ и угостивъ хорошимъ пилавомъ, мы приступили къ дѣлу. Кокандцы предполагали у насъ большія богатства и не хотѣли вѣрить, что мы въ Кашгарѣ дали въ зекетъ 124 золотыхъ и потому объявили, что будутъ осматривать вьюки. На другой день, развязавъ вьюки, нашли только то, что было показано нами прежде и получили въ зекетъ двѣ ямбы, двадцать лановъ серебра и въ подарокъ пять халатовъ и фунтъ чаю. Послѣ зекета мы опять представлялись датхѣ. Мамразыкъ принялъ насъ благосклонно, поднесъ по чашкѣ зеленаго чаю, пожелалъ хорошей дороги и далъ для конвоированія каравана, чрезъ подвѣдомственные ему улусы, нашего стараго пріятеля ильбеги Асанбая и поручилъ насъ покровительству бія Наймана, который отправился въ свои улусы. Укрѣпленіе Куртка основано въ 1832 году, въ годъ дракона, во время хана Мадали минъ-башей Хакъ-Кулы. Первая половина правленія Мадали хана была ознаменована счастливыми войнами съ Китаемъ, покореніемъ Каратигина, Дарваза и подчиненіемъ дикокаменныхъ киргизъ. Два полководца: минъ-баши Хакъ-Кулы, узбекъ изъ племени Юзъ, и кушбеги Ляшкаръ, изъ персидскихъ рабовъ, подчинили всѣ киргизскія племена; Хакъ-Кулы усмирилъ и обложилъ ясакомъ восточныя племена дикокаменныхъ киргизъ, а кушбеги Ляшкаръ киргизскія и китайскія племена, кочующія отъ Чу до Или. Хакъ-Кулы въ 1832 г. разбилъ Саяковъ, предводителя ихъ Атантая и Тайлака взялъ въ плѣнъ и привезъ въ Кокандъ, обложилъ ясакомъ Чериковъ, Басьцевъ, Монульдыровъ и основалъ Куртку. Укрѣпленіе Тугузъ-Турау было построено еще прежде. Атантай и его братъ Тайлакъ не хотѣли подчиняться кокандцамъ и послѣ освобожденія изъ плѣна откочевали на Илю къ киргизамъ Большой орды, но впослѣдствіи, разграбленные кайсаками, возвратились на родовыя кочевья.

Въ укрѣпленіи считается до 200 человѣкъ сипаевъ, набранныхъ изъ анджанскихъ киргизъ, кокандцевъ не болѣе 50 человѣкъ. Нынѣшній комендантъ былъ первый разъ назначенъ на этотъ постъ въ концѣ 30-хъ годовъ, когда анджанскимъ намѣстничествомъ управлялъ Иса-датха, и во второй разъ утвердился со времени паденія кипчаковъ. Къ вѣдомству его

принадлежатъ: три рода изъ племени Саякъ, Чирики и небольшая часть рода Богу. Роды Саяковъ, подчиненные Курткѣ, суть: 1) Чора, ими управляетъ Османъ, сынъ Тайлака, самый сильный родоначальникъ, 2) Кульчугачь, ими управляетъ Тюлеке, сынъ Ералы, 3) Иманъ, которымъ начальствуетъ Байтуры Джалапаковъ. Эти три рода ведутъ междуусобную вражду. Чирики раздѣляются по своимъ кочевьямъ на два отдѣла. Одинъ отдѣлъ кочуетъ по Атбашу, Арпа и Аксаю, другой по рѣкѣ Какшалъ. Въ первомъ отдѣлѣ каждый родъ имѣетъ своего отдѣльнаго вождя, изъ нихъ болѣе влiятельны Урусъ-бiй, Сасыкъ Урусъ, Кондожесь и сильнѣйшiй—Сарыжакъ; второй отдѣлъ признаетъ власть одного верховнаго бiя Турдуке. Турдуке имѣетъ отъ китайцевъ красный шарикъ, извѣстный грабитель, не слушаетъ кокандцевъ, зекетъ и подать беретъ къ себѣ.

Къ вѣдомству Куртки подчиняются также киргизы колѣна Тенымъ Сеитъ изъ рода Богу, отдѣленiя Калмакы, кочующiе въ верховьяхъ Нарына и на плато Таргай. Ими управляетъ фамилiя Мамеке Шопакъ. Изъ нихъ влiятельнѣе: Найманъ, сынъ Буйдаши, Алджанъ и Табулды, дѣти Алеке. Куртка беретъ также зекетъ съ киргизъ Моныдыръ, Бассызъ и другихъ родовъ. Укрѣпленiе Тугузъ Тарау и Джумгалъ прежде занимали отъ курткинскаго коменданта, но теперь изъ нихъ сдѣланы отдѣльныя вѣдомства. Между курткинскими и сипаями этихъ укрѣпленiй очень часто происходятъ сшибки за зекетъ въ родѣ тѣхъ, какъ въ старой Сибири враждовали за ясакъ мангазейскiе и красноярскiе казаки. Саяковъ, подчиненныхъ Курткѣ, считаютъ до 600 юртъ, Чириковъ вѣдѣнiя Туртуки 1500, Чириковъ родовъ, кочующихъ по рѣкамъ Атбашу и Арпа, до 1300 и Богу 1200. Зекетъ съ этихъ киргизъ собирается Курткой двоякимъ образомъ или, по показанiю самихъ киргизъ, «улфанъ», или же посредствомъ счисленiя; въ первомъ случаѣ берутъ съ 40 головъ одну, а при счисленiи—съ 100 головъ двѣ. Сверхъ того киргизы должны снабжать хлѣбомъ гарнизонъ укрѣпленiя. Независимо отъ зекета съ каждаго рода разъ въ годъ, а иногда и два раза берутъ «салыкъ» въ неопредѣленномъ количествѣ. Въ

нынѣшнемъ году на Богу положили этой подати 60 лошадей. Вообще власть кокандцевъ между этими киргизами поддерживается лживой и хитрой политикой, къ которой нынѣшній комендантъ повидимому привыкъ. Для поддержанія своей власти онъ имѣетъ аманатовъ изъ хорошихъ фамилій и поддерживаетъ постоянную вражду между родоначальниками. Мамразыкъ возвысилъ Османа, вступилъ съ нимъ въ родство для того, чтобы посредствомъ его наказывать другихъ киргизъ. Для возбужденія ревности онъ называетъ Османа понсадомъ (полковникомъ) и дотхой, что очень льститъ честолюбію этого киргиза. Османъ содержитъ 500 человѣкъ, постоянно готовыхъ къ услугамъ коменданта. Съ Богу обращается Мамразыкъ осторожно, задабриваетъ щедрыми подарками изъ біевъ. Эта политика, какъ говоритъ самъ Мамразыкъ, основана на долгомъ опытѣ, ибо силой съ киргизами ничего нельзя сдѣлать по малочисленности гарнизона. Во время кипчаковъ киргизскій родоначальникъ Алимбекъ - дотха, нынѣ кокандскій визирь, враждуя съ кипчаками, ушелъ на Нарынъ и поднялъ всѣхъ киргизъ. Куртка была осаждена, комендантъ кипчакъ вызванъ на переговоры и измѣннически убитъ. Мамразыкъ самъ подвергался неоднократно осадѣ. Въ послѣднее время Турдуке совершенно не сталъ платить зекетъ, а другіе Чирики, хотя и платятъ, но неисправно. Мамразыкъ два года обращается къ анджанскому намѣстнику съ просьбой прислать для наказанія киргизъ до 700 человѣкъ войска, но напрасно. Во время смутъ въ Хокандѣ, киргизы совершенно не слушались курткинскаго коменданта, потому что вмѣстѣ съ перемѣной хана обыкновенно обновляются и всѣ власти. Съ возвышеніемъ ихъ родовича Алимбека въ званіе визиря, киргизы, надѣясь на его покровительство, продолжаютъ безпорядки. Чирики, какъ мы уже говорили, посылали депуцію съ просьбою дать имъ отдѣльнаго начальника; депутація эта вернулась только что передъ нами; Мамразыкъ говорилъ намъ, что домогательства ихъ были безуспѣшны, но тѣмъ не менѣе сильно безпокоился, что Чирики не являлись на его приглашеніе. Киргизы, подвѣдомственные Курткѣ, сравнительно съ Богу и Сарыбагышами, бѣдны, малочисленны, а взаим-

ные кровавые раздоры дѣлаютъ ихъ еще болѣе безсильными. Наши Бугинцы всегда одерживаютъ надъ ними верхъ и нѣсколько разъ жестоко наказывали Саяковъ и Чириковъ,

24 марта караванъ оставилъ Куртку. Въ долинѣ Нарына весна открывается въ началѣ марта, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Сырта, напримѣръ: на плато Торгай и Аксай, снѣгъ остается до половины апрѣля. Въ пребываніе наше въ Курткѣ стояли теплые, весенніе дни. 24 числа на рѣкѣ уже не было льдовъ и поля были покрыты свѣжими отростками артемизіи и тюльпанами. Караванъ шелъ посреди киргизскихъ ауловъ и пашенъ. Киргизы пахали землю. Османъ, предводитель Саяковъ, разъѣзжалъ по пашнямъ и раздѣлялъ ихъ на участки. Увидѣвъ караванъ и зная прежде о его прибытіи въ Куртку, Османъ послалъ къ намъ одного изъ своихъ рабовъ съ приглашеніемъ заѣхать «въ гости» въ его аулъ. У киргизскихъ родоначальниковъ образавались систематическія правила, освященныя временемъ, по которому они грабятъ караваны, но грабятъ по своему законно, основываясь на древнихъ обычаяхъ и правахъ. Эти обычаи или права суть: 1) Караванъ, проходя чрезъ улусы киргизскаго родоначальника, долженъ заплатить зекетъ (это право отмѣнено кокандцами и считается теперь грабительствомъ), 2) должно дать выкупъ за свободный проѣздъ, 3) поднести подарки соотвѣтственно значенію и силѣ родоначальника, 4) не долженъ обходить ауловъ знатныхъ вождей и обязанъ останавливаться въ ихъ улусахъ для того, чтобы воспользоваться ихъ гостепріимствомъ. 2-й и 3-й пункты этихъ обычаевъ не поощряются кокандцами, хотя и совершенно не преслѣдуются; но 4-й пунктъ сохранилъ законность, признанную и кокандцами. Заѣхать «въ гости» значитъ то, что каравану дадутъ одного или двухъ тощихъ барановъ на ужинъ, а на другой день потребуютъ подарковъ «за гостепріимство», и если подарки окажутся не соотвѣтственными значенію родоначальника - хозяина (каждый киргизскій родоначальникъ считаетъ себя первымъ въ родѣ), караванъ неизбѣжно подвергается штрафу. Вотъ образчикъ хваленаго восточнаго гостепріимства. Зная хорошо это обстоятельство, нашъ кара-

ванъ-баши, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ среднеазіатской вѣжливости, отказался отъ предложенія Османа тѣмъ болѣе, что мы сдѣлали только 10 верстъ и было очень рано. При другихъ обстоятельствахъ мы на это не рѣшились бы, но имѣя при себѣ чиновника отъ Мамразыка и находясь въ 10 верстахъ отъ укрѣпленія, мы думали, что киргизы не осмѣлятся ничего намъ сдѣлать и беззаботно продолжали свой путь. Другой киргизъ, посланный Османомъ, повторилъ отъ имени своего господина тоже самое приглашеніе и объяснилъ, что благородная фамилія ихъ родоправителя съ древнѣйшихъ временъ славится своимъ гостепріимствомъ и дорожитъ этой священной славой. Караванъ-баши опять въ отборныхъ, вѣжливыхъ фразахъ благодарилъ Османа, объявивъ, что для насъ каждый часъ дорогъ и что такъ рано останавливаться не расчетъ и въ заключеніе сказалъ нѣсколько похвальныхъ словъ о славѣ предковъ Османа и о его собственной храбрости и добродѣтеляхъ. Караванъ-баши надѣялся на свое краснорѣчіе и увѣрялъ, что теперь Османъ оставитъ насъ въ покоѣ; но видно мало зналъ киргизъ. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ изъ одного аула выскочила толпа пьяныхъ киргизъ, пившихъ бузу, бросилась въ карьеръ на нашъ караванъ и заставила насъ бранью и угрозами повернуть въ аулъ. Османъ былъ сильно оскорбленъ: онъ требовалъ съ каждой палатки по ямбѣ серебра, какъ штрафъ за покушеніе нарушить силу древнихъ правъ его фамиліи. Нашъ кокандецъ, хотя ѣздилъ самъ къ Осману, но ничего не могъ сдѣлать. Кто-то изъ нашихъ замѣтилъ изъ разговоровъ киргизъ, что Асанъ-бай ильбеги дѣйствовалъ заодно съ Османомъ, это показалось намъ правдоподобнымъ. Мы, оставивъ въ сторонѣ киргизъ, начали дѣйствовать на нашего воина. Караванъ-баши объявилъ ему, что не намѣренъ ничего давать добровольно Осману, грозилъ, что будетъ жаловаться хану на курткинское управленіе и прилагая къ слову дѣло, велѣлъ одному изъ нашихъ товарищей готовиться ѣхать съ просительнымъ письмомъ къ кашгарскому аксакалу. Кокандецъ нашъ послѣ этого принялъ нашу сторону и дѣло пошло на ладъ. Къ нашему счастію вечеромъ пріѣхалъ солдатъ требо-

вать Османа въ укрѣпленіе. Кончилось все это тѣмъ, что Османъ получилъ отъ насъ подарокъ цѣною не болѣе 25 руб. серебромъ, но передъ отъѣздомъ заѣхалъ въ караванъ и объяснилъ намъ, что онъ кокандскаго хана не боится, но съ Мамразыкомъ не хотѣлъ бы ссориться, потому что онъ его родственникъ и человѣкъ ему нужный, и что если онъ насъ не ограбилъ, то этимъ мы обязаны Мамразыку. Рѣчь свою закончилъ словами: «Поѣзжайте съ Богомъ и молите Аллаха, дабы онъ продлилъ славу мою и родственника моего Мамразыка»!

На другой день съ восходомъ солнца снялись мы съ лагеря и два дня шли форсированнымъ маршемъ и на третій день вступили въ кочевья Саяковъ враждебныхъ Осману, а потомъ въ улусы Богу, которыхъ родоначальникъ Нойманъ былъ при нашемъ караванѣ. Несмотря на то, что Нойманъ былъ при насъ, но мы не рѣшились нарушить въ другой разъ обычай гостепріимства и 26 числа ночевали въ аулѣ родственника Ноймана Табылды, тѣмъ болѣе, что этотъ родоначальникъ пользуется славою батыря. Табылды молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, но замѣтно стремится къ преобладанію надъ всѣми родами Богу. Онъ имѣетъ, подобно Осману, отрядъ джигитовъ, постоянно готовыхъ къ набѣгу или къ преслѣдованію враговъ. Этотъ киргизъ два года былъ въ ссорѣ съ Мамразыкомъ, не платилъ ему зекетъ, откочевалъ на Таргай и, какъ самъ разсказывалъ, хотѣлъ ѣхать въ укрѣпленіе Вѣрное, чтобы просить покровительства русскихъ. Вообще тяньшаньскіе Богу много говорятъ и распрашиваютъ о условіяхъ русскаго подданства и, какъ кажется, готовы послѣдовать примѣру своихъ Иссыкъ-кульскихъ родовичей, но не находятъ случая. Мамразыкъ особенно дорожитъ этими бугинцами; они, сравнительно съ другими киргизами его вѣдѣнія, очень богаты. Ночью въ аулѣ поднялась тревога. Чирики отогнали изъ сосѣдняго аула нѣсколько сотъ лошадей. Табылды со своими джигитами отправился по свѣжимъ слѣдамъ въ погоню и, какъ узнали послѣ, нагналъ хищниковъ, отбилъ скотъ, взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и самъ поѣхалъ въ набѣгъ на Чириковъ. Аулъ Ноймана былъ въ 8 верстахъ и въ сторонѣ

отъ дороги, но мы на другой день поѣхали къ нему и разбили палатки въ недалекомъ разстояніи отъ его кибитки.

Улусы бугинцевъ были крайніе предѣлы кочевокъ киргизъ вѣдѣнія Куртки и потому нашъ кокандецъ долженъ былъ здѣсь остановиться. Отсюда начинается страна безлюдная и подверженная разъѣздамъ барантачей. Нойманъ вызвался проводить насъ до Иссыкъ-куля и просилъ за это подарковъ на сумму 120 рублей. Мы боялись, что киргизы курткинскаго управленія будутъ насъ преслѣдовать и потому съ радостію согласились на его предложеніе. Нойманъ, державшій себя въ дорогѣ очень просто, въ аулѣ своемъ сдѣлался гордъ и важенъ; онъ заставилъ насъ простоять на мѣстѣ 29 число потому только, что дни 27-го и 28-го чиселъ были неблагопріятныя для путешествія. Асанбай, получившій 30 рублей за службу, сдѣлалъ съ нами еще одинъ переходъ, по собственному сознанію для того, чтобы въ послѣдній разъ поужинать хорошимъ пилавомъ.

Выѣхавши 9 верстъ изъ аула Ноймана, мы пришли къ сліянію Большаго и Малаго Нарына (Малый Нарынъ впадаетъ съ правой стороны), отсюда мѣстность получаетъ другой характеръ. Отъ Куртки до сліянія этихъ рѣкъ, по моему расчету, 150 верстъ. На этомъ пространствѣ долина Нарына имѣетъ отъ 5 до 2 верстъ ширины, путь ровный и удобный, особенно по лѣвому берегу. На дорогѣ, идущей по лѣвому берегу, есть только въ одномъ мѣстѣ, противъ аула Тобылды, поперечный мысъ Теке-Сингиръ; а правый берегъ отъ моста (который построенъ китайцами и отстоитъ отъ селенія внизъ въ 27 верстахъ), вверхъ имѣетъ много подъемовъ и спусковъ, но не значительныхъ. Мы, боясь полноводія, перешли Нарынъ около моста въ бродъ на правый берегъ. Въ Нарынъ впадаетъ съ правой и съ лѣвой стороны много рѣчекъ, образующихъ проходы. Изъ впадающихъ съ правой стороны замѣчателенъ Онъ-арча (въ 50-ти верстахъ выше Куртки), образующій истоками два прохода, изъ которыхъ одинъ черезъ Джунанъ арыкъ, впадающій въ Кочкаръ, а другой черезъ Улакъ-колъ и Ала-башъ ведутъ на Иссыкъ-куль. Съ лѣвой стороны Нарынъ принимаетъ Атъ-башъ и Шаркрала. По ущелью этихъ

рѣкъ выходитъ путь на Атбашъ и Аксай. Горы, идущія по правому и лѣвому берегу рѣки, покрыты еловымъ лѣсомъ и богаты звѣрями. Берегъ рѣки сопровождается уремой изъ облепихи, тополя, ивы и чилиги; урема выше впаденія Атбаши дѣлается рѣже, а за мостомъ вовсе прекращается. Отъ сліянія Малаго Нарына рѣка одѣвается въ скалистые берега, мѣстность дѣлается выше, потому что ель и казачій можжевельникъ, свойственный въ Тянь-шанѣ высокимъ альпійскимъ зонамъ, растутъ уже на самомъ берегу этой рѣки. Теченіе Нарына отъ впаденія Малаго Нарына до плато Таргай киргизы называютъ Капчагай (скалистыми). Мѣстность здѣсь гориста, рѣки имѣютъ высокое паденіе и быстрое теченіе. Дорога идетъ сначала по правому берегу, потомъ переходитъ на лѣвый; подъемы и спуски встрѣчаются очень часто и изнуряютъ вьючный скотъ; есть также опасные косогоры и узкія тропинки, мѣстами путь преграждается обломками скалъ. Капчагай поднимается крутыми уступами и поднимается замѣтно высоко. На сѣверо-восточномъ склонѣ горъ лежитъ еще снѣгъ, а юго-западные испещрены норами альпійскихъ сурковъ. Рѣка мѣстами покрыта льдомъ. Горы богаты пастбищами и лѣтомъ служатъ кочевками Богу. Три дня (около 70 верстъ) поднимались мы по трудной для ѣзды и гористой мѣстности; но далѣе дорога стала болѣе удобной, долина сдѣлалась шире и ровнѣе; теченіе рѣки не такъ быстро, глубина ея незначительна и окрестныя горы безлѣсны. 2 апрѣля караванъ вышелъ на плато Таргай. День былъ холодный, шелъ снѣгъ и дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Ночевали въ горахъ Джетымъ-Асу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли лагеремъ въ передній путь. Отсюда караванъ шелъ по прежней, описанной нами дорогѣ. На Джетимъ-Асу лежалъ глубокій снѣгъ, на Зауку снѣгу было менѣе. Спустившись на сѣверный склонъ Заукинскаго ущелья, мы увидѣли совершенную весну: кусты барбарису и шиповника уже распустили листья, и поля были покрыты ярко-зеленымъ ковромъ свѣжихъ травъ.

От Кашгара до Зауку мы сдѣлали 23 перехода, около 530 верстъ. Въ Куртку пришли мы въ 10 перегоновъ (250

верстъ), отъ Куртки до Капчага около 150, по пустой мѣстности или 70 вер., далѣе до Зауку сдѣлали около 60 вер.

Всего отъ Кашгара до озера Иссыкъ-куль, надо полагать, по обратному нашему пути, 580 верстъ. Еще 30 числа мы встрѣтили на пути маленькій караванъ, шедшій въ Куртку, и узнали, что Иссыкъ-куль занятъ кочевками Сары-багышей. Извѣстіе это было для насъ непріятно. Нойманъ, узнавши это, отказался идти далѣе Торагая, несмотря на условіе, и посовѣтовалъ послать напередъ гонца къ Урману или Тургельды и просить ихъ покровительства. Урманъ, Тургельды и Джатаи три сильнѣйшіе родоначальника въ колѣнѣ Сарыбагышъ; послѣдніе двое кочевали въ то время на Иссыкъ-кулѣ. Проходя черезъ киргизскіе аулы, караванъ непремѣнно долженъ прибѣгнуть къ покровительству одного изъ сильныхъ вождей, иначе въ каждомъ аулѣ его будутъ останавливать, требовать подарковъ и настаивать на право гостепріимства. Товарищъ Ноймана за небольшую плату взялъ доставить письмо къ тому изъ двухъ вышеупомянутыхъ родоначальниковъ, котораго аулы будутъ на нашемъ пути.

Когда караванъ вышелъ въ ущелья Зауки, выѣхали навстрѣчу къ намъ посланные Тургельдой сынъ его и братъ. Къ крайнему моему удивленію киргизы эти знали о моемъ присутствіи въ караванѣ и первымъ словомъ ихъ былъ вопросъ обо мнѣ. Имъ отвѣчали, что въ караванѣ такого лица нѣтъ, но одинъ сарыбагышъ, видавшій меня въ Вѣрномъ, удовлетворилъ ихъ любопытство. Тургельды былъ самый дерзкій киргизъ и притѣснялъ караванъ болѣе всѣхъ изъ своихъ собратій. Онъ взялъ подарковъ на 300 р. и взялъ самымъ наглымъ образомъ; если ему нравился халатъ, онъ говорилъ: «эй, сними халатъ и дай намъ». Безпрестанно грозилъ, что онъ разграбитъ караванъ, а меня отправитъ въ Кокандъ. Въ этихъ видахъ онъ нѣсколько дней держалъ насъ въ своемъ аулѣ и не хотѣлъ пускать. Къ счастію подошелъ на Иссыкъ-куль отрядъ, высланный навстрѣчу каравана, и Тургельды, будучи въ ссорѣ съ Кокандцами и Джантаемъ, боялся русскихъ и потому припужденъ былъ отпустить насъ добровольно. Чтобы исправить свою неделикатность относительно каравана,

онъ на прощанье подарилъ караванъ-баши и мнѣ по одной лошади.

12-го апрѣля 1859 года пріѣхалъ я въ укрѣпленіе Вѣрное. Путешествіе мое продолжалось съ 28 іюня 1858 г. до 12 апрѣля 1859 г., 10 мѣсяцевъ и 14 дней.

Въ Кашгарѣ мы жили около 5 мѣсяцевъ, съ 1 октября до 13 марта. Торговыя операціи нашего каравана въ этомъ городѣ имѣли вообще удовлетворительный результатъ. Изъ счетовъ, сообщенныхъ мнѣ караваномъ-башей, видно, что караванъ при снаряженіи имѣлъ товаровъ на сумму 19 тысячъ р. серебромъ; въ Большой киргизской и Дикокаменной ордѣ продано товаровъ на 3026 барановъ (считая въ этомъ числѣ дву-годовыхъ барашковъ); эти бараны и остальные товары проданы въ Кашгарѣ на 4.068½ кокандскихъ золотыхъ [1]). Скорый сбытъ нашихъ товаровъ и при томъ на серебро и золото нужно приписать особеннымъ благопріятнымъ случаямъ. Послѣ возстанія 1857 г. сношенія Кашгара съ Кокандомъ были прерваны, нашъ караванъ былъ первымъ, привезшимъ товары на значительную сумму. Особенно выгодно проданы были бараны: по 63 на ямбу, каждый баранъ стоитъ болѣе ½ золотаго. Принимая во вниманіе излишніе расходы и подарки, большею частію вынужденные; и наконецъ то, что караванъ по недостатку вьючныхъ животныхъ не могъ вывезти оттуда товаровъ . . . . . . [2]) вполнѣ воспользоваться торговыми выгодами кашгарскаго базара. Расходы караванные были слѣдующіе: зекету дано въ Кашгарѣ 622 р. 50 к., въ Курткѣ 360 р., подарковъ дано на 1302 р. Немаловажный расходъ для каравана составляло содержаніе прислуги и вьючнаго скота. Кокандцы и другіе народы, имѣющіе торговлю съ Кашгаромъ, вслѣдствіе удобствъ пути, товары свои отправляютъ съ подрядчиками и прислуги болѣе одного человѣка не имѣютъ, между тѣмъ какъ въ караванѣ нашемъ было 32 челов. киргизской прислуги, много верблюдовъ и лошадей. Прислуга нанята была по усиленнымъ цѣ-

---

[1]) Каждый золотой имѣетъ вѣсу 1 золотникъ 10 долей, по среднему курсу онъ въ Кашгарѣ идетъ въ 3 р. 70 коп. на наши деньги.

[2]) Въ рукописи пробѣлъ. *Ред.*

намъ, такъ что на одежду и въ жалованье получили 1036 р. 13 коп. Содержаніе и прокормленіе скота въ Кашгарѣ чрезвычайно дорого. По недостатку подножныхъ кормовъ, животныя круглый годъ довольствуются сухимъ фуражомъ, а въ нашемъ караванѣ для откормленія до крайности истощенныхъ лошадей и верблюдовъ давали усиленную дачу корма. Жизненные припасы также недешевы. Такимъ образомъ израсходовано караваномъ на пищу, на угощенія и кормъ скоту и проч. 4067 р.

Отъ дальности дороги и трудности пути караванъ до пріѣзда въ Кашгаръ потерялъ 60 верблюдовъ и 8 лошадей. Недостатокъ вьючнаго скота былъ причиною того, что караванъ не могъ вывезти изъ Кашгара дабу, несмотря на видимую выгоду этой операціи. Въ Кашгарѣ главный предметъ вывоза есть чай, по преимуществу зеленый, который не имѣетъ сбыта у насъ; а главныя туземныя произведенія: даба, хлопчатая бумага, шелкъ требуютъ много вьючныхъ животныхъ и не могутъ вознаградить убытку отъ потери животныхъ. Оттого караванъ вывезъ 11 ящиковъ чаю, дабы, кокандскихъ полушелковыхъ матерій и машоу всего только на сумму 14.051 р. 75 к. и долженъ былъ купить 11 верблюдовъ. Нѣкоторые вывезли серебро. Изъ Кашгара вывезено нашимъ караваномъ 27 ямбъ. Принимая во вниманіе всѣ эти расходы, мы думаемъ, что караванъ невполнѣ доволенъ своимъ оборотомъ, по крайней мѣрѣ не столько имѣлъ барыша, сколько бы могъ имѣть, еслибъ былъ при другой обстановкѣ. Присутствіе мое, повидимому, стѣснило свободу ихъ дѣйствій. Они боялись, чтобы кокандцы не узнали о участіи русскаго правительства въ отправленіи каравана, потому давали подарки тамъ, гдѣ обыкновенные караваны не даютъ, или болѣе, чѣмъ даютъ другіе. Въ Кашгарѣ все купечество совѣтовали имъ ѣхать черезъ Кокандъ и вывезти товаръ на всю сумму, ибо изъ Кашгара до Семипалатинска черезъ Кокандъ и Ташкентъ меня могутъ узнать, тогда, какъ подданные кокандскаго хана, могутъ лишиться жизни. По этимъ причинамъ караванъ не могъ также воспользоваться милостію правительства относительно освобожденія его отъ пошлины,

а съ 11 ящиковъ чаю, привезенныхъ имъ, взяли пошлину.

Что касается до моихъ дѣйствій, то я во время пребыванія въ Кашгарѣ старался всѣми мѣрами собрать возможно точныя свѣдѣнія о краѣ особенно о политическомъ состояніи Малой Бухаріи, для чего заводилъ знакомство съ лицами всѣхъ націй, сословій и партій, и свѣдѣнія, полученныя отъ одного, свѣрялъ показаніями другого; сверхъ того я имѣлъ случай пріобрѣсти нѣсколько историческихъ книгъ, относящихся къ періоду владычества ходжей и пользовался дружбой нѣкоторыхъ ученыхъ ахуновъ. Изъ этихъ источниковъ заимствованы мною факты, касающіеся вліянія ходжей до временъ джунгарскаго владычества и послѣ до паденія страны подъ иго Китая. Свѣдѣнія о возстаніяхъ, бывшихъ съ 1825 г., получены отъ лицъ достойныхъ довѣрія: отъ кокандцевъ, участвовавшихъ лично въ «газатѣ» и занимавшихъ значительныя должности, и отъ кашгарскихъ ахуновъ, бывшихъ свидѣтелями этихъ переворотовъ. Кашгарскій аксакалъ Норъ-Магометъ дотха принималъ дѣятельное участіе въ попыткѣ ходжей возвратить независимость отечества. Нашъ вожатый въ Куртку, есаулъ Тохтаръ, родомъ изъ сибирскихъ киргизъ, былъ въ 1857 г. у ходжи начальникомъ дворцовой стражи, потомъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ при осадѣ Еркенда. Тохтаръ уже преклонныхъ лѣтъ, но фанатически преданъ интересамъ ходжей, участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ съ 1825 до 1857 г. и готовъ участвовать въ будущихъ. Я былъ знакомъ съ однимъ кипчакомъ, который въ послѣднее возстаніе у ходжи Валихана занималъ придворную должность удайчи. Что касается до ходжей и ихъ значенія въ Кокандѣ, объ отношеніяхъ ихъ къ кокандскому и кашгарскому народу и объ ихъ фамильныхъ отношеніяхъ, то обо всемъ этомъ я узналъ отъ маргиланскаго купца Ноиманбая, котораго сестра замужемъ за ходжей Кятта-ханомъ и въ гаремѣ его пользуется первенствомъ. Факты, относящіеся къ территоріи шести городовъ и туземнаго его населенія пріобрѣтены отъ кашгарскихъ бековъ, шейховъ, ахуновъ и отъ моихъ кашгарскихъ родственниковъ, людей свѣдующихъ въ

этомъ дѣлѣ. Имѣя постоянныя и короткія сношенія съ кокандцами, я получилъ много данныхъ о состояніи этого ханства и особенно о послѣднихъ событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ паденіе хана Худояра.

Географическія свѣдѣнія, маршурты, собранные мною, имѣютъ значеніе въ связи съ существующими изслѣдованіями и требуютъ предварительнаго знакомства съ источниками, а потому оставляю ихъ, какъ и свѣдѣнія о Кокандѣ, предметами отдѣльной статьи, а теперь прилагаю записку о Алты-шаарѣ или о шести западныхъ городахъ Восточнаго Туркестана. Записка раздѣлена мною на 5 частей. Продолжительная болѣзнь не позволила мнѣ вполнѣ обработать эту записку, но она содержитъ въ себѣ факты до сихъ поръ вовсе неизвѣстные.

ОТЧЕТЪ

о состоянии Алтышара или шести городовъ Восточнаго Туркестана въ 1858—9 годахъ [1]).

Исправленія и дополненія къ напечатанному тексту (стр. 79—150):

Страница 79. Восточный Туркестанъ лежитъ въ центрѣ Восточно-азіатскаго нагорья. Гумбольдтъ, основываясь на отношеніяхъ воздѣланія растеній, полагалъ, что Мало-Бухарская равнина, и т. д.

Стр. 80, строка 4-я. Обширную песчаную степь Гоби...

— 9—10. И засыпаетъ цѣлые города. *Далѣе Валихановымъ вставлено*: Исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ событій. Въ XIV столѣтіи погибли такимъ образомъ города Лобъ и Кедекъ, лежавшіе около озера Лобъ-норъ (См. Тарихи-Рашиди, рукопись Академіи Наукъ).

— 17—18. Оазисы образуютъ дугу по подножію Тянь-шаня.

— 22. Лишенныя рѣзкихъ орографическихъ рельефовъ. *Далѣе особо прибавлено*: небольшіе глинистые холмы, которыми оканчиваются предгорія окружающихъ горныхъ цѣпей, вдаются иногда въ равнину, они, какъ и песочныя горы въ Мало-бухарской Сахарѣ, имѣютъ незначительную высоту, но тѣмъ не менѣе въ общей картинѣ страны составляютъ своеобразную характерную черту. Три великія цѣпи горъ, знаменитыя по вліянію своему на развитіе среднеазіатскихъ народностей и на ихъ историческую судьбу. Небесныя горы, священныя для Гунновъ и для турковъ Тюгю; Болоръ и Куэнъ-

---

[1]) Этотъ Отчетъ въ дѣлѣ о поѣздкѣ Валиханова занимаетъ листы съ 197 по 389. Мѣстами онъ имѣетъ поправки, сдѣланныя рукою Валиханова. *Ред.*

Лунъ съ особой группой любопытныхъ народовъ, производящихъ себя отъ Александра Македонскаго, огибаютъ Восточный Туркестанъ колоссальной дугой. Такъ какъ горы эти лежатъ внѣ политическихъ предѣловъ страны, то я въ настоящемъ случаѣ буду говорить о нихъ въ той связи, которую имѣютъ въ Малой Бухаріи въ отношеніи дорогъ и проходовъ. Дороги, ведущія въ Восточный Туркестанъ или все равно идущія изъ Восточнаго Туркестана, пролегаютъ частію по ущельямъ, частью по горнымъ плато. Въ первомъ случаѣ представятъ много трудностей и опасностей. Путникъ долженъ безпрестанно то подниматься, то опускаться, долженъ идти по узкимъ и извилистымъ тропинкамъ, иногда по краю глубокой пропасти и нерѣдко по опаснымъ косогорамъ. Когда же дорога проходитъ по плоскогорію, тогда встрѣчаютъ только незначительные округленные подъемы и небольшіе овраги, удобные для ѣзды всякаго рода. Тянь-шань относительно путей сообщенія...

Стр. 81, стр. 9, вм. «представляетъ» поправлено: обращается въ . . . .

— стр. 12. Сыртъ безлѣсенъ вслѣдствіе постоянной низкой температуры.

— стр. 17. Горы здѣсь одѣты лѣсомъ. Рѣки вырываютъ углубленное ложе и береговыя долины ихъ большею частію сопровождаются уремой. Но подъемы дѣлаются выше. На этомъ пространствѣ есть много конныхъ дорогъ и двѣ караванныя дороги изъ Ферганской долины въ Кашгаръ: одна изъ Анджана черезъ Узгендъ, Чадыръ-куль и по рѣкѣ Топнъ-баши въ Кашгарѣ, а другая черезъ проходъ Теректы-даванъ. . . .

— стр. 20. По первому пути.

— стр. 24 . . . . въ самыя отдаленныя времена; Птоломеева дорога въ Серы.

— стр. 25. . . . въ Туранъ. Дорога эта обставлена со времени основанія и усиленія города Кокана (въ концѣ XVII вѣка) и теперь по ней ходятъ изрѣдка небольшія партіи анджанскихъ торгашей, вымѣнивающихъ у киргизъ барановъ. Значеніе ея перешло теперь па Теректинскій путь, идущій

изъ Оша въ Кашгаръ. По послѣдней дорогѣ идутъ круглый годъ, почти каждый день вереницы вьючныхъ лошадей. Теректинскій путь. . . .

— стр. 31. . . . Плоскогоріе Памиръ.

Стр. 82, стр. 1. . . . въ Каратегинъ и Дарвазъ. Въ Куэнъ-Лунѣ есть также нѣсколько дорогъ: 1) изъ Кашгара черезъ Далримъ на Кучу и Яркендъ, 2) изъ Яркенда на Канджутъ и Гундзе и потомъ въ Искардо, но болѣе всѣхъ извѣстенъ одинъ доступъ—

— стр. 6, вм. Туркестанскій—Теректинскій проходъ.

— 10, вм. представляютъ очень мало доступовъ—имѣютъ немного хорошихъ доступовъ. Только по линіи Тянь-шана, отъ Аксу до пересѣченія его съ Болоромъ, находятся наиболѣе удобныя сообщенія.

— стр. 13, въ настоящее время Теректинскій. . . .

— стр. 16, ... не проходилъ караванъ. Во время зимы, особенно въ тѣ года, когда выпадаютъ большіе снѣга, горы, окружающія Малую Бухарію, бываютъ непроходимы и всѣ проходы закрываются, исключая Теректинскаго и Музартскаго. Закрываются въ ноябрѣ, иногда даже въ началѣ октября, открываются нѣкоторые въ мартѣ, а другіе и гораздо позже.

— стр. 20, Главныя рѣки . . . .

Стр. 83, стр. 3, въ горахъ Алай изъ вершины Тянгри-тюбе.

— стр. 13—14, слова: «Къ системѣ Кашгаръ-дарьи принадлежитъ» зачеркнуты. Далѣе: Рѣка Янысаръ-Устэнъ беретъ начало изъ окрестностей. . . .

— стр. 17, Ерекендъ-дарьи, которая течетъ изъ озера Саркола и въ вершинахъ носитъ названіе: Саръ-кола и Заравшанъ, и изъ рѣки Тынзапъ.

— стр. 23, Аксу . . . .

— стр. 27, вм. правой—съ лѣвой стороны.

Стр. 85, стр. 5—6, Хурхараусу.

— стр. 11—12, топи, продолжающіяся на западъ до города Бюгура, гдѣ устроена земляная насыпь.

Стр. 86, стр. 3, вм. 170—140.

— стр. 14, вм. Бокчанъ—Борчанъ.

— стр. 26, вм. закрытъ—забытъ.

— стр. 27—28, вм. закрыта—забыта.

Стр. 87, стр. 20, въ каналахъ ночью вода . . . .

Стр. 90. стр. 32—33, въ горахъ Мирджай, и *суташъ*, добываемый. . . .

Стр. 93, стр. 12, каковы чи (ирисъ)

Стр. 94, стр. 15—16, дыни нѣсколькихъ породъ отмѣннаго вкуса, арбузы . . . .

— стр. 21, съ серебристыми листьями, тутовыя деревья, *и т. д.*

Стр. 100, стр. 9 снизу, торговая площадь.

Стр. 101, стр. 2, мастерскими и лавками, въ которыхъ продаютъ мясо, сало и готовыя кухонныя произведенія.

— стр. 7—8, привозимыхъ и отвозимыхъ.

— стр. 12. На этой же улицѣ есть еще одинъ небольшой Сарай. Другіе караванъ-сараи расположены по вышеупомянутой крытой улицѣ.

— стр. 17, купъ-данъ.

— стр. 6 снизу, на рѣкѣ Артышъ или Тоинъ небольшое селеніе Аргу.

Стр. 102, стр. 7, Тогузташъ.

— стр. 14, Янгибатъ.

— стр. 17, въ 25 верстахъ отъ города.

— стр. 17, Тазгунъ.

Стр. 103, стр. 4. Гробницы.

— стр. 5, лежатъ на дорогѣ.

— стр. 20 и 21. Недѣльный базаръ бываетъ въ воскресенье внѣ города въ тайчанѣ передъ кашгарскими воротами.

Стр. 104, стр. 10—11, Урда-алды, Сока-куль.

— стр. 17, и происходитъ въ гайчанѣ между китайской цитаделью и городомъ.

— стр. 4—3 снизу, имѣютъ своихъ правителей, а въ Барчукѣ расположенъ китайскій гарнизонъ въ числѣ 300 человѣкъ.

— стр. 2—1 снизу, озера Сары-куля.

Стр. 106, стр. 2, Юрункашъ, Карія и проч.

— стр. 21, въ 205 верстахъ отъ Аксу.

— стр. 9 снизу, на западъ отъ Аксу.

— » 9 » въ Аксуйскомъ маньченѣ живетъ.

Стр. 107, стр. 10, (таранчи) и образовано военное поселеніе изъ китайцевъ.

— стр. 24, Хань въ Китаѣ, за два вѣка до Р. Х.

Стр. 108, стр. 17, въ 140 г. до Р. Х.

— стр. 22, славился.

Стр. 109, стр. 5 снизу, почетъ. Слѣдовательно вліяніе ходжей началось вмѣстѣ съ введеніемъ мусульманства, и религіозное вліяніе ихъ, какъ патроновъ и духовниковъ, развивалось единовременно со свѣтскою властію монгольскихъ хановъ.

Стр. 112, стр. 1, Эмина.

— стр. 2, Мухаммедъ-Эминъ.

— стр. 2 снизу, ходжу Ахмета и союзника своего Даніеля съ семействами ихъ увезли въ Илю.

Стр. 114, стр. 2, убить Юсуфа-ходжу.

— стр. 7—8, Юсуфъ-ходжа.

Стр. 116, стр. 1—2, Ходжа-Сыбекъ (Хадисъ).

Стр. 117, стр. 27, ходжи Мумина.

Стр. 121, стр. 17, Дауровъ и Чахаровъ.

Стр. 122, стр. 25, страхъ отъ китайцевъ.

Стр. 123, стр. 9, Сузака.

Стр. 124, стр. 1, Чаръ-Крама.

— стр. 6 снизу, восточные города подвергались.

— стр. 2 снизу, Комулъ принадлежалъ.

Стр. 125, стр. 13, не распространялось.

Стр. 126, стр. 15—16, съ изгнанными ходжами. Пожертвованія (ніязъ), приношенія посылались имъ постоянно: сильное неудовольствіе . . . .

Стр. 129, стр. 1, со своими кочевыми партизанами изъ поколѣнія Саякъ, Бассызъ-Каба.

— стр. 6, подъ начальствомъ Батыръ-амбаня.

— стр, 10, укрѣпленія Куртки, въ урочищѣ Макаты.

— стр. 27. Послѣ словъ: «подъ знамя аппаковъ» Валихановъ сдѣлалъ примѣчаніе: «Горные таджики или гальча, живущіе въ горахъ Болора, производящіе себя отъ Александра Македонскаго, носятъ черные узкіе кафтаны, почему азіатцы ихъ обыкновенно называютъ Сіяхпушами. Это обстоятельство было поводомъ къ распространенію слуховъ на

Сибирской границѣ, что въ войскѣ ходжи учавствуютъ европейцы».

— стр. 2 снизу. Илійскаго цзянь-цзюна, при чемъ оружіе досталось въ руки побѣдителей.

Стр. 132, стр. 18. И изрубилъ ихъ. Это былъ послѣдній его подвигъ.

— стр. 20, правителемъ Кашгара и смѣнилъ Касимъбека, правившаго 4 мѣсяца эту должность, а въ Яркендъ—Паянды бекъ. Иссакъ Ванъ деньгами склонилъ.

— стр. 24, чопъ-багышскаго бія.

Стр. 134, стр. 4. Купецъ Пеленковъ.

Стр. 135, стр. 14, Минъ-Юлъ.

Стр. 137, стр. 13. Минъ-Юлъ.

Стр. 139, стр. 7, а потомъ отправленъ.

— стр. 15, чампановъ.

Стр. 140, стр. 4, возобновлены съ кокандцами.

Стр. 141, стр. 13, въ 4 часу утра.

— стр. 5 снизу, Бишкеримъ.

— Стр. 143, стр. 24, чтобы вынести въ продолженіи ста десяти дней всѣ жестокости.

Стр. 144, стр. 12, онѣ адресованы.

Стр. 146, стр. 8 снизу, Кичиханъ-тюря.

Стр. 150, стр. 10, Алычъ-бекъ человѣкъ слабый и считаетъ за особенное счастіе.

III Отдѣлъ.

Народонаселеніе [1]).

На всемъ мусульманскомъ востокѣ Коранъ служитъ основаніемъ учрежденій гражданскихъ, имъ опредѣляются обычаи, законы и всѣ отношенія, какъ общественныя, такъ и

[1]) Отчетъ о поѣздкѣ Валиханова, находящійся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣетъ противъ напечатаннаго въ Запискахъ И. Р. Г. О. три лишнія главы: 1) народонаселеніе, 2) правительственная система и политическое состояніе края, 3) промышленность и торговля. *Ред.*

международныя, отчего управленіе и жизнь народовъ въ мусульманскихъ странахъ болѣе или менѣе сходны; но Восточный Туркестанъ представляетъ замѣчательное въ этомъ отношеніи исключеніе. Здѣсь мусульманинъ долженъ былъ подчиняться мѣстнымъ обычаямъ страны и ослабить свои фанатическія основы; одна уже свобода женщинъ — явленіе, которое не встрѣчается въ другихъ мусульманскихъ странахъ, служитъ достаточнымъ тому доказательствомъ.

Причина неразвитія мусульманскаго фанатизма въ Восточномъ Туркестанѣ конечно заключается въ условіяхъ географическаго его положенія. Разобщенный непроходимыми горами съ своими фанатическими сосѣдями, Восточный Туркестанъ открытъ напротивъ со стороны Поднебесной имперіи и населеніе его, свободно сообщаясь съ китайцами, усвоило себѣ отчасти ихъ вѣротерпимость.

Въ этой статьѣ мы постараемся представить особенности характера и учрежденій Мало-Бухарцевъ и ихъ отличіе отъ обще-мусульманскихъ. Исходнымъ пунктомъ нашихъ сравненій будутъ Хокандъ и Бухара.

Туземные жители Малой Бухары общаго народнаго имени не имѣютъ, а называютъ себя по городамъ: кашгарлыкъ (кашгарецъ), хотанлыкъ (хотанецъ), комуллукъ (комульскій житель) и проч., или же просто ерликъ—туземецъ. Китайцы называютъ ихъ Чань-ту[1]) (обвернутая голова), калмыки—хотань, а среднеазіатцы, киргизы и буруты распространяютъ имя кашгарцевъ на все населеніе Восточнаго Туркестана. Коренные жители этой страны говорятъ особеннымъ діалектомъ тюркскаго языка, который извѣстенъ у оріенталистовъ подъ названіемъ уйгурскаго; физическій типъ ихъ лица представляетъ одно племя, но по происхожденію, небольшимъ уклоненіемъ въ языкѣ и образѣ жизни раздѣляется на три народности, которыя суть:

1) Потомки древнихъ Уйгуровъ въ княжествахъ Хами и Турфанъ и въ селеніи Лобноръ, на берегу озера того же названія; къ этому разряду надо отнести и туркестанцевъ Сѣверной линіи, т. е. мусульманское населеніе города

1) Слѣдуетъ: Чань-тоу. *Ред.*

Кульджи, лежащее вверхъ по р. Или въ 40 верстахъ отъ китайскаго города того же названія.

2) Долоны принадлежатъ къ вѣдомству Аксуйскаго, Еркендскаго и Харашарскаго округовъ. Аксуйскіе, еркендскіе Долоны занимаютъ теченіе рѣкъ Кашгаръ-дарьи и Еркендъ-дарьи; имѣютъ нѣсколько большихъ селеній, изъ которыхъ замѣчательны: Барчукъ съ китайскимъ гарнизономъ и Маралъ-баши. Харашарскіе Долоны занимаютъ селеніе Корла и Бугуръ. Долоны были въ родѣ крѣпостныхъ людей у ходжей, отличаются отъ другихъ туркестанцевъ акцентомъ и тѣмъ, что женщины обертываютъ головы, подобно киргизскимъ и бухарскимъ женщинамъ, бѣлыми платками.

3) Нюгейтъ полукочевое племя, происходитъ, какъ говорятъ, отъ бурутовъ, поселены въ подножіяхъ Музарта и принадлежатъ къ вѣдомству Турфанскаго округа, занимаются скотоводствомъ и лѣтомъ живутъ въ вьючныхъ юртахъ. Нюгейты обязаны отъ китайскаго правительства, какъ повинностію, вырубать лёдъ въ музартскомъ проходѣ. Затѣмъ остальное населеніе представляетъ рѣдкое на Востокѣ единообразіе.

Всѣ Мало-бухарцы исповѣдуютъ мусульманскую вѣру ханифитскаго толка, исключая жителей селенія Лобъ-норъ, религія которыхъ неизвѣстна, и ведутъ осѣдлую жизнь, кромѣ вышеупомянутыхъ Нюгейтъ.

Изъ иноплеменныхъ народовъ въ составъ народонаселенія «шести городовъ» входятъ:

1) Манджуры, Сибо, Солоны, Дахуры, Китайцы и Тунгени.

2) Дикокаменные киргизы племени Турайгыръ-Кипчакъ.

3) Азіатскіе иностранцы и Чалгурты (смѣшанная порода, происходящая отъ иностранцевъ и туземныхъ женщинъ).

Непосредственные подданные Цинскаго дома, Манджуры, Сибо, Солоны и Дахуры и жители Срединной имперіи—Китайцы и Тунгени, суть представители Китая. Манджуры всѣ безъ исключенія чиновники или солдаты; высшіе мандарины, стоящіе во главѣ управленія Малой Бухаріи, принадлежатъ къ этому племени. Сибо, Солоны и Дахуры составляютъ нѣчто въ родѣ нашихъ казаковъ и приходятъ на годовую

службу изъ военныхъ поселеній въ Илійскомъ округѣ, куда они были переселены, при началѣ завоеванія Джунгаріи, съ береговъ Уссури, Зунгари и Амура. Китайцы большею частію солдаты, такъ называемые зеленаго знамени, частію чиновники, купцы, ремесленники и другія частныя лица принадлежать къ этой націи и всѣ они уроженцы провинціи Шань-си и Гань-су. Тунгени, по-китайски Хой-хой, китайскіе мусульмане изъ провинціи Шань-си, Гань-су и Си-чуэнь: всѣ тунгени живутъ въ Малой Бухаріи по частнымъ дѣламъ, они содержатъ ресторапы (фузулъ) или же промышляютъ извозомъ по порядку для доставки чайныхъ транспортовъ [1]).

Китайское правительство послѣ покоренія Малой Бухаріи основало при всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ, въ разстояніи отъ 2-хъ до 7 верстъ, крѣпости или

[1]) Объ этомъ любопытномъ народѣ до сихъ поръ было очень мало извѣстно. Члены нашей миссіи постоянно смѣшивали ихъ съ малобухарцами и называютъ обыкновенно туркестанцами. Путинцовъ и Боренсъ сообщаютъ о нихъ извѣстія не совсѣмъ точныя, а потому считаемъ не лишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько подробно. Китайцы называютъ ихъ хой-хой, что значитъ мусульманинъ,—сами себя они называютъ дунгена или тунгеня. Переселеніе этого народа въ Китай, какъ говорятъ ихъ ученые, происходило въ разное время и изъ разныхъ мусульманскихъ странъ, что доказывается тѣмъ, что одни изъ нихъ слѣдуетъ ученію имама Ханифи, другіе имама Шафи. Тунгени носятъ китайскую одежду, имѣютъ китайскій типъ лица, говорятъ китайскимъ языкомъ. Въ своихъ ли-бай-сы (мечетяхъ) читаютъ молитвы на арабскомъ языкѣ съ китайскими комментаріями. Тунгени ревностные магометане: подстригаютъ усы, не курятъ табакъ, не пьютъ вина и чувствуютъ омерзеніе къ свининѣ, но это не мѣшаетъ имъ вступать въ бракъ съ китаянками, тѣмъ болѣе охотно, что при этомъ пользуются правомъ воспитывать дѣтей въ своемъ законѣ. Тунгени напоминаютъ собой польскихъ татаръ и подобно имъ отличаются особенной честностію, такъ что китайское правительство ими преимущественно замѣщаетъ полицейскія должности. Характеристическую черту этой націи составляютъ промышленный духъ, развитый въ высшей степени. Надо полагать, что общество тунгеней многочисленно, потому что нѣтъ уголка имперіи, гдѣ бы ихъ не было. Въ Кульджѣ и Чугучакѣ они составляютъ значительную массу населенія: миссіонеръ Де ла Брюньеръ говоритъ, что 1/3 населенія города Ляодунъ въ Манджуріи магометане. Не смотря на единство религіи Тунгени чуждаются малобухарцевъ и другихъ среднеазіатцевъ, которые въ свою очередь мало отличаютъ ихъ отъ китайцевъ. Въ послѣднее возстаніе въ Кашгарѣ рѣзали ихъ на одинаковыхъ правахъ съ невѣрными. *Авт.*

цитадели, которыя извѣстны у нихъ подъ названіемъ маньчень, а у туземцевъ подъ именемъ гульбага или янышара (новаго города). Всѣ солдаты и частныя лица изъ поименованныхъ племенъ живутъ въ этихъ крѣпостяхъ и сообщаются съ туземными городами только днемъ. Кромѣ того китайцы, Сибо, Солоны занимаютъ караулы на пограничныхъ мѣстахъ и на станціяхъ. Въ туземныхъ городахъ состоятъ нѣсколько человѣкъ китайскихъ полисменовъ и, по особому разрѣшенію, проживаютъ въ нихъ постоянно содержателями винныхъ лавочекъ.

Бурутскій родоначальникъ Акимъ за услуги, оказанныя имперіи во время войны 1758 г. былъ пожалованъ китайцами въ правители (хакимъ-беки) города Ташмалыкъ. Потомокъ его Садыкъ-бекъ получилъ послѣ возстанія въ 1857 г. за вѣрность и усердіе красный шарикъ на шапку и пользуется у кашгарскаго амбаня большимъ почетомъ. Подчиненные ему буруты принадлежатъ къ роду Турайгиръ-Кипчакъ. Садыкъ-бековскіе буруты единственные представители киргизской расы, находящіеся въ совершенномъ подданствѣ отъ Китая на общихъ правахъ съ туркестанцами.

Вслѣдствіе особенныхъ правъ, предоставленныхъ иностранцамъ, и вслѣдствіе торговыхъ выгодъ въ Малой Бухаріи живетъ постоянно много купцовъ, ремесленниковъ и частныхъ лицъ изъ сосѣднихъ азіатскихъ владѣній; по численности и значенію первое мѣсто принадлежитъ кокандцамъ, потомъ бухарцамъ, затѣмъ слѣдуютъ бадахшанцы, кашмирцы и Бальти. Послѣдніе три народа живутъ преимущественно въ Еркендѣ и Хотанѣ. Кромѣ того много авгановъ (кабульцы и логаны), евреевъ (бухарскихъ), индусовъ, персіянъ, ширванцевъ и татаръ. Всѣ иностранцы, кромѣ бадахшанцевъ, кашмирцевъ и Балти, которые имѣютъ своихъ старшинъ,—всѣ иностранцы извѣстны китайцамъ подъ именемъ «Аньцзиджанъ» (кокандцевъ) и согласно договору подчинены кокандскому аксакалу, живущему въ Кашгарѣ, который имѣетъ право резидента и консула. Къ категоріи иностранцевъ по правамъ принадлежитъ смѣшанная порода: чолгуртъ, дѣти иностранцевъ отъ туземныхъ женщинъ и ихъ потомства. Бла-

годаря обычаю, по которому всякій иностранецъ мусульманской вѣры можетъ вступать въ бракъ съ женщинами туземнаго происхожденія на болѣе или менѣе продолжительное время,—сословіе это распространилось до огромныхъ цифръ. Чолгурты по языку, жительству принадлежатъ малой Бухаріи и всѣ они независимы отъ китайцевъ и туземныхъ властей и составляютъ самое свободное сословіе.

Число народоселенія «шести городовъ» опредѣлить съ точностію невозможно. Оффиціальная перепись, сдѣланная китайскимъ правительствомъ при покореніи этой страны, по которой до сихъ поръ получаютъ подати и налоги, служитъ единственнымъ фактомъ для опредѣленія численности туземнаго населенія. По ней число семействъ въ шести городахъ опредѣляется такимъ образомъ: Кашгаръ 16,000 домовъ или семействъ, Янысаръ 8,000, Еркендъ 32,000, Хотанъ 18,000 Аксу 12,000 и Турфанъ 6,000. Главныя массы населенiй сосредоточены въ городахъ; селенія, хотя занимаютъ и обширное пространство, но мало населены. Самыя большія изъ нихъ, которыя китайцы называютъ городами, имѣютъ незначительное число жителей; напримѣръ, значительнѣйшіе въ Кашгарскомъ округѣ Файзбатъ, Ханъ-Арыкъ имѣютъ только до 2,000 домовъ, Астынъ-Артышъ 1,500, Устунъ-Артышъ 500; Еркендской округи: Бай 500, а потому, полагая въ семействѣ круглымъ счетомъ 4 челов., а жителей деревень считая равными половинѣ городскаго населенія и присоединяя къ этому до 27,000 Долоновъ (Аксуйскаго и Еркендскаго округовъ), мы получили для всего туземнаго населенія «шести городовъ» такую цифру: 570,000. Ташмалыковскихъ киргизъ по списку Цзянь-Луна считается 500 семействъ, слѣдовательно до 2,000 душъ.

Населеніе восточныхъ округовъ еще бѣднѣе; Куча считается наиболѣе населенной.

Китайскіе гарнизоны расположены въ Малой Бухаріи въ такомъ количествѣ: въ Кашгарѣ 5500 челов., въ Еркендѣ 2200, въ Хатанѣ 1400, въ Аксу 600 и въ Турфанѣ 800. Присоединяя къ этому гарнизоны въ значительныхъ селеніяхъ Бурчукѣ 300 челов., въ Сайрамѣ тоже число и считая команды

на пограничныхъ караулахъ и на станціяхъ, купцовъ и частныхъ лицъ, нужно полагать, что оно не превышаетъ 15,000. Число иностранцевъ опредѣлить еще труднѣе. Самое большое число ихъ въ Кашгарѣ. При встрѣчѣ новаго аксакала было большое стеченіе людей этого разряда и полагали до 6000 однихъ анджанцевъ, не считая чалгуртовъ. Послѣ Кашгара второе мѣсто по распространенію иностранцевъ принадлежитъ Хотапу, потомъ Еркенду, менѣе всего иностранцевъ, равняется ¼ части туземнаго населенія, слѣдовательно около 145,000 душъ.

Жители Малой Бухаріи, по ихъ общественному положенію и значенію раздѣляются на три класса: чиновниковъ (бековъ), духовныхъ (ахуновъ) и на простой народъ (албонъ-кашъ). Первыя два сословія освобождены отъ податей, а послѣдніе раздѣляются на горожанъ и земледѣльцевъ.

Нѣкоторые изъ фамилій бековъ имѣютъ наслѣдственныя права, данныя имъ китайскимъ правительствомъ, какъ напримѣръ: комульскіе и турфанскіе князья. Другіе, хотя положительнымъ закономъ не опредѣлены ихъ права, но вслѣдствіе богатства и связей сохраняютъ во всей фамиліи званіе бековъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Всѣ хакимъ-беки принадлежатъ къ наслѣдственнымъ родамъ. Духовенство въ Малой Бухаріи состоитъ изъ наслѣдственныхъ шейховъ и должностныхъ муллъ; послѣдніе хотя участвуютъ въ земскомъ управленіи, не пользуются тѣмъ вліяніемъ и обширными привиллегіями и уваженіемъ, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ.

Вслѣдствіе обременительныхъ налоговъ за право торговли и вслѣдствіе другихъ повинностей капиталисты изъ туземцевъ охотнѣе водворяются внѣ своего отечества, въ Кульджѣ и Урумчи, или же скрываютъ свое достояніе; потому въ Восточномъ Туркестанѣ купечества, какъ сословія, не существуетъ и такъ какъ духовенство не имѣетъ вліянія, то между дворянствомъ и народомъ лежитъ неодолимая преграда. Дворянство отчуждено отъ народа интересами, привиллегіями и происхожденіемъ; слѣдуя китайскимъ церемоніямъ, оно избѣгаетъ связи съ народомъ, который хотя встрѣчаетъ его поклонами

и уваженіемъ, но ненавидитъ безконечно. Податной классъ народа находится въ Восточномъ Туркестанѣ въ самомъ жалкомъ состояніи, китайцы, беки и даже азіатскіе иностранцы, которые въ городахъ Малой Бухаріи составляютъ по независимому своему положенію свободный классъ, всѣ равно его презираютъ и всѣ требуютъ, чтобы имъ каждый гражданинъ и земледѣлецъ дѣлалъ поклонъ. Китайскіе чиновники и беки, даже манджурскіе солдаты раздѣлили народъ между собою. Каждый изъ нихъ имѣетъ кліентовъ. Кліентъ горожанинъ обязанъ доставлять патрону мясо, сало и другіе жизненные припасы, а кліенты изъ деревень пашутъ землю и по очереди обязаны являться на службу къ своему господину, гдѣ исполняютъ его домашнія работы. Чиновники ничего не дѣлаютъ, получаютъ жалованье отъ китайцевъ, поборы съ туземцевъ; а народъ трудится, чтобы уплатить законные налоги, насытить корыстолюбіе китайцевъ и бековъ и чтобы не умереть съ голоду. Вслѣдствіе этихъ причинъ чиновники съ правами наслѣдственными, другимъ словомъ, туземное дворянство имѣетъ большіе капиталы, собранные съ народа въ продолженіи многихъ лѣтъ путемъ притесненія и лихоимства владѣютъ обширными землями, садами, имѣютъ по нѣскольку домовъ. Земли и сады разрабатываются безплатно и изъ даровыхъ матеріаловъ. За полученіе мѣстъ правителей дворяне даютъ китайцамъ огромныя деньги и въ годъ управленія успѣваютъ ихъ пополнить даже съ процентами. Мелкіе чиновники обезпечены не менѣе дворянъ, хотя родовыхъ имѣній не имѣютъ. Хлѣбъ, пищу, деньги доставляютъ имъ кліенты. Всѣ чиновники, какъ только достигаютъ до 5-й степени (родъ чина), тотчасъ пріоорѣтаютъ земли, дома и деньги, при помощи которыхъ ихъ потомки получаютъ наслѣдственность. Народъ живетъ бѣдно, терпитъ нужду и трудится вѣчно. Еслибъ Туркестанцы могли пользоватся плодами своихъ трудовъ, то они были бы однимъ изъ богатыхъ восточныхъ народовъ, какими они были прежде. Непомѣрные налоги, система кліентизма и насиліе бековъ отнимаютъ у нихъ почти все достояніе. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ капитала какого нибудь лица равномѣрно возрастаютъ налоги на его личность и притѣсненія, и насилія властей.

Оттого всякій туземецъ, имѣющій состояніе, оставляетъ отечество, чтобы пользоваться удобствами жизни, соотвѣтственно средствамъ. Тѣ же изъ нихъ, которые остаются въ отечествѣ, тщательно скрываютъ все и живутъ бѣдно. Много туркестанцевъ оставляютъ отечество, потому что не имѣютъ средствъ платить подать, увеличенную въ три раза беками противъ законной, которая сама по себѣ тягостна. Китайцы берутъ 10-ю часть урожая. Духовенство наслѣдственное, шейхи при гробницахъ святыхъ пользуются доходами съ земель, принадлежащихъ гробницамъ и потому они очень богаты. Самымъ богатымъ человѣкомъ въ Кашгарѣ считался шейхъ гробницы Сутукъ-Бугра-хана въ деревнѣ Алтынъ Артышъ; шейхъ гробницы хана, который былъ первымъ апостоломъ мусульманства въ Малой Бухаріи. Послѣ казни, постигшей его въ 1857 г., имущество его было конфисковано въ пользу казны. Шейхъ ахунъ оставилъ огромныя земли, нѣсколько домовъ, огромные запасы хлѣба и, по завѣренію туземцевъ, нѣсколько десятковъ тысячъ ямбъ. Другіе шейхи стали теперь осторожнѣе и ведутъ скромную жизнь боясь подвергнуться участи собрата.

Самое образованіе кладетъ между этими сословіями неизмѣримую бездну и отчуждаетъ ихъ еще болѣе. Въ Азіи существуетъ образованіе исключительно религіозное. Въ бухарскихъ медресэ преподаются однѣ религіозныя тонкости необходимо нужныя мулламъ, потому большая часть народа даже чиновники, совершенно не знаютъ грамоты, хотя доступъ въ медресэ предоставленъ всѣмъ классамъ. Самый образованный классъ въ Кокандѣ и Бухарѣ есть духовенство и потомъ купечество. Кто исполняетъ наружные обряды вѣры, умѣетъ уснащать свою рѣчь цитатами изъ Хафиза, Мавлеви Джами и знаетъ разные анекдоты и героическія повѣсти въ родѣ Абумослима и проч., считается человѣкомъ свѣдующимъ и образованнымъ. Для подобнаго образованія совершенно ненужно учиться въ школахъ, а стоитъ потолкаться на базарахъ, гдѣ дервиши разсказываютъ все то очень краснорѣчиво. Отъ людей административныхъ и военныхъ, даже отъ самаго визиря требуется имѣть хорошаго мирза-баши (письмоводи-

теля). Но въ Малой Бухаріи всякій дворянинъ долженъ знать догматы религіи, отечественную исторію и имѣть свѣдѣнія въ китайскомъ и манджурскомъ языкахъ. Не имѣя возможности вполнѣ усвоить китайскую мудрость, беки хватаютъ одни верхи и вслѣдствіе полуобразованія усвоиваютъ однѣ темныя стороны китайской цивилизаціи, пристращаются къ внѣшнимъ китайскимъ формальностямъ, научаются ловко приcѣданіямъ, дѣлать земные поклоны, чтобы не показаться невѣжей передъ китайскими чиновниками. Желая подражать во всемъ китайцамъ, они берутъ примѣръ съ чиновниковъ Южной линіи, которые большею частію выслуживаются изъ солдатъ и проводятъ дни свои въ пьянствѣ и развратѣ. Въ этой школѣ они получаютъ понятіе, что единовѣрные ихъ подчиненные нѣчто среднее между человѣкомъ и животнымъ.

Образованіе народа здѣсь въ такомъ же упадкѣ, какъ въ Кокандѣ и другихъ владѣніяхъ Средней Азіи. Правда дѣти мужскаго и женскаго пола ходятъ въ медресэ, но изучивъ главныя начала Закона Божія, оканчиваютъ курсъ наукъ только тѣ, которые готовятся въ званіе ахуновъ, занимаются персидскимъ и арабскимъ языками. Духовенство знаетъ основательно коранъ, коментаріи, отечественную исторію, имѣютъ болѣе правильный и умѣренный взглядъ на вещи, чѣмъ бухарскіе муллы. Вообще грамотность развита преимущественно въ городахъ; жители же деревень почти не имѣютъ времени для своего образованія и рѣдко можно встрѣтить земледѣльца, умѣющаго читать.

Литература ново-уйгурскаго языка, который господствуетъ въ Восточномъ Туркестанѣ, довольно богата переводами. Незнаніе персидскаго языка заставило мало-бухарцевъ перевести на свой языкъ всѣ лучшія произведенія религіознаго содержанія съ персидскаго и арабскаго языковъ. Насколько литература Малой Бухаріи богата переводами, настолько же бѣдна самобытными произведеніями. Нѣтъ ни одного поэта и извѣстнаго писателя изъ мало-бухарцевъ. Самобытныя произведенія ихъ ограничиваются нѣсколькими руководствами Закона Божія, которыя, надо сказать, лучшія изъ всѣхъ мусульманскихъ сочиненій въ этомъ родѣ, не заражены фанатизмомъ и

отличаются ненавистью къ обрядностямъ, сочиненіями о жизни туземныхъ святыхъ, нѣсколькими историческими сочиненіями. За неимѣніемъ своихъ поэтовъ, въ Восточномъ Туркестанѣ изучаютъ Миръ-Алишира. Единственное проявленіе поэзіи— это народныя пѣсни; онѣ составляются четырехстишіями, и сюжетами служатъ политическія событія или любовь; общій характеръ пѣсенъ уныніе и грусть.

Относительно музыки мало-бухарцы пользуются у всѣхъ средне-азіатцевъ почетомъ. Музыкальный хоръ ихъ составляютъ: двухъ-струнная лютня, дутаръ и ситаръ; послѣдній инструментъ имѣетъ 18 металлическихъ струнъ; на немъ играютъ смычкомъ; гджакъ съ волосяными струнами, его держатъ какъ віолончель, рабабъ или калунъ, въ родѣ цимбаловъ, на которыхъ играютъ палочками, и маленькія бубны (чермендэ или дабъ). Въ Малой Бухаріи въ каждомъ городѣ есть оффиціальная музыка, которая состоитъ изъ китайскаго гонгонга и большаго бубна. Во время обѣда правителя на особенной башнѣ играетъ эта оглушительная и крайне непріятная музыка, кромѣ нѣкоторыхъ дней, въ которые по китайскому календарю нужно печалиться. На пиршествахъ всегда должна быть музыка; одинъ или два пѣвца подъ удары ручныхъ бубновъ читаютъ стихи сначала изъ Алишира, а потомъ любовныя и патріотическія пѣсни. Говоря вообще, нравственныя качества жителей Малой Бухаріи заслуживаютъ болѣе похвалы, чѣмъ порицанія. Китайцы обвиняютъ туркестанцевъ въ недовѣріи, лукавствѣ, лживости, лѣности и невѣжествѣ; азіатцы говорятъ, что они трусливы, не набожны и развратны. Постоянное порабощеніе, насилія и несправедливости, которымъ подвергается этотъ народъ, способствовали развитію многихъ дурныхъ качествъ характера, какъ напр. недовѣрчивости, строптивости и лживости, но всетаки туркестанцы имѣютъ много прекрасныхъ началъ, которыхъ лишены всѣ другіе мусульманскіе народы и которыя служатъ залогомъ, что при другой обстановкѣ этотъ народъ опередилъ бы всѣхъ своихъ единовѣрцевъ.

Кашгарцы характера добраго, общительнаго, радушны, трудолюбивы и до крайности вѣжливы. Всѣ классы педанти-

чески соблюдают формы вѣжливости. Всякій обязан подробно знать и неизмѣнно исполнять уставы приличія, а у беков доходит это до мелочности.

Убійства в Малой Бухаріи почти не существуют, воровство рѣдко. Обвиненіе их в лѣности несправедливо; что касается до трусливости, в которой упрекают этот народ, то мы можем сказать, что по мягкости характера кашгарцы не отличаются свирѣпой храбростію и хвастовством кокандцев, но авганы говорят, что во время возстанія кашгарцы казались на их взгляд болѣе стойкими, чѣм кокандцы. Азіятцы в сужденіях своих руководствуются понятіем, общим многим полуобразованным народам, которые считают себя выше всѣх и порицают все то, что не так, как у них. Кокандцы говорят, что кашгарцы не набожны и развратны, послѣднія обвиненія нѣкоторым образом справедливы. В Азіи соблюденіе внѣшних обрядов религіи доведено до фанатизма. Владѣтели заботятся об этом и, как говорит Борнс, в Бухарѣ законы Магомета точно также хорошо соблюдаются, как будто под его собственным надзором. В этих государствах существует особенный духовный чиновник, за которым как за римскими ликторами носят палки. Он может остановить всякаго правовѣрнаго на улицѣ и экзаменовать его из Закона Божія, — в случаѣ незнанія наказать на мѣстѣ. Послѣ призыва к молитвѣ полиція выгоняет всѣх в мечети, она также наблюдает за благонравіем, чтобы не курили, не пили вина. В Кашгарѣ в мечеть отправляется тот, кто хочет, полиція не обращает вниманія на куреніе хашиша и питье вина, а наблюдает, чтобы не было безчинств и арестует пьяных только на улицах.

Всего лучше кашгарская умѣренность выражается выгодным положеніем женщин в домашнем и общественном быту. Женщины в Малой Бухаріи занимают почетное мѣсто, и многія из них пріобрѣли историческую извѣстность. Жепма, жена еркендскаго хакима Авдэя, в 1765 г. установила порядок в Еркендѣ; Секина-хан, жена кашгарскаго правителя Юнус-вана, была казнена китайцами.

Женщины принимаютъ участіе въ удовольствіяхъ своихъ мужей, и въ собраніяхъ присутствіе ихъ считается необходимымъ. Примѣры многоженства между туркестанцами довольно рѣдки, потому что жена можетъ оставить мужа, когда ей угодно. Если жена желаетъ развода, то не можетъ взять ничего изъ дому, если же мужъ, то онъ долженъ обезпечить ея существованіе. Замѣчательно также одно уклоненіе отъ мусульманскихъ обычаевъ, это—временные браки, тѣмъ болѣе замѣчательно, что кашгарцы—сунниты ханифитскаго ученія, которымъ временные браки не дозволены. Обычай этотъ остатокъ языческихъ временъ. Марко Поло говоритъ, что комульцы, принимая гостя, оставляли его съ своими женами и, чтобы онъ могъ пользоваться совершенной свободой, уходили изъ домовъ, и что когда Хубилай [1]) уничтожилъ этотъ обычай, комульцы депутаціями своими тревожили этого монарха до такой степени, что онъ долженъ былъ отмѣнить свой эдиктъ. Въ настоящее время обыкновеніе это подчинено мусульманскимъ формамъ: бракъ совершается по формамъ, положеннымъ шаріатомъ и разводы тоже. Временные браки господствуютъ въ области шести городовъ, которые посѣщаются иностранцами, а на Востокѣ отъ Кучи обычай этотъ вывелся, потому что они не посѣщаются иностранными караванами. Условія этихъ браковъ немногосложны: отъ мужа требуется одѣвать и кормить свою жену. Въ Хотанѣ, для того, чтобы пріобрѣсти жену, нужно сдѣлать расходы на 1 р. 50 к. серебр. на наши деньги. Въ Еркендѣ есть особенный базаръ, гдѣ можно встрѣтить женщинъ, ищущихъ замужества и заключить условіе; въ Аксу и Турфанѣ женитьба стоитъ дороже. Вслѣдствіе этого обычая, хотя предоставлена женщинамъ полная свобода выбора и чувствъ, но по отсутствію образованія и понятій о чести проистекаетъ неуваженіе къ брачному союзу, и женщины въ Восточномъ Туркестанѣ не отличаются особенной чистотой нравственности.

Магометъ, исключивъ женщинъ изъ общества и запретивъ

---

[1]) Марко Поло приводитъ имя не Хубилая, а Мангу-хана.

Н. В.

вино, думалъ гарантировать нравственность своей паствы, но изъ этого источника проистекъ развратъ гораздо сильнѣйшій. Мусульмане вино замѣнили опьяняющими куреніями и экстрактами, которые дѣйствуютъ болѣе разрушительно чѣмъ вино. Средне-азіятцы, для того, чтобы подгулять, употребляютъ хашишъ, опіумъ и кокнаръ, сокъ изъ нарѣзныхъ маковыхъ головокъ. Люди, подверженные страсти къ употребленію этихъ вещей, составляютъ многочисленное безполезное сословіе бэнги.

Губительная страсть къ одуряющимъ экстрактамъ соединяется съ физическимъ разслабленіемъ и особеннаго рода сумасшествіемъ. Бэнги изъ низкаго сословія дѣлаются для прокормленія себя дервишами и живутъ подаяніемъ. Въ Кашгарѣ чрезвычайно много записныхъ бэнги, и весь простой народъ употребляетъ хашишъ. Чиновники, подражая китайцамъ, пьютъ вино и курятъ опіумъ по китайскому способу. Употребленіе вина и бузы въ Кашгарѣ не преслѣдуется правительствомъ. Китайцы содержатъ питейныя лавочки, а внѣ города въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены заводы для приготовленія бузы. Таверны съ бузой постоянно полны посѣтителями. Иностранцы, живущіе въ Кашгарѣ, пользуясь свободой мѣстныхъ нравовъ, необузданно предаются разврату, потому что для нихъ, привыкшихъ къ постоянному страху деспотическаго абсолютизма своихъ владѣтелей, вино и женщины имѣютъ особенную заманчивость. Игра въ кости распространена между всѣми сословіями въ Малой Бухаріи, даже женщины подвержены этому пороку. Бэнги курильщики и кумарбазъ—азартные игроки составляютъ самый буйный и строптивый классъ народа и во всѣхъ революціяхъ принимаютъ дѣятельное участіе.

Въ Бухарѣ и Кокандѣ, хотя женщины вообще не отличаются примѣрною чистотою, но вслѣдствіе внѣшней обстановки: запертыя и окруженныя ревнивыми стражами, ограничиваются гаремными интригами; публичныхъ женщинъ тамъ нѣтъ, ибо страхъ наказанія удерживаетъ ихъ отъ распутства въ Бухарѣ и Кокандѣ за прелюбодѣяніе избиваютъ каменьями. Въ Малой Бухаріи женщины, какъ мы сказали выше, сво-

бодны въ своихъ поступкахъ, оттого и число распутныхъ женщинъ, извѣстныхъ полиціи, въ Шести городахъ развито до такихъ цифръ, что устрашаютъ не только средне-азіятскихъ мусульманъ, но даже китайцевъ. Всѣ китайцы имѣютъ содержанокъ туземнаго происхожденія, приживаютъ дѣтей, которыя считаются туземцами. Въ предмѣстьяхъ городовъ существуетъ много публичныхъ домовъ, въ которыхъ женщины предаются грязному распутству. Причины значительной цифры павшихъ нравственно женщинъ въ Кашгарѣ происходитъ всего болѣе отъ бѣдности и нужды.

Къ числу отличительныхъ и хорошихъ чертъ Туркестанской націи надо отнести общительность. Они любятъ общество, часто устраиваютъ вечера, на которыхъ обыкновенно бываютъ вино, музыка и женщины. Угощаетъ обыкновенно хозяйка дома. Вечера эти сопровождаются большими церемоніями и безконечными околичностями, которыя ужасно утомляютъ иностранца. Туземцы исполняютъ уставы своего этикета педантически и, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ. О многотонной вѣжливости кашгарцевъ можно судить по тому, что подавая другъ другу трубки, вино или что нибудь, гости безпрестанно соскакиваютъ съ мѣста, присѣдаютъ и говорятъ условныя фразы. Въ языкѣ туркестанцевъ есть слово благодарю «ашкалла», а въ правахъ обычай благодарить; слово и обычай вовсе неизвѣстны для средне-азіятцевъ. Кокандцы никогда ни за что не благодарятъ, и когда это нужно, то прибѣгаютъ къ околичностямъ: «да возвысится твое могущество; да наградитъ тебя Аллахъ» и проч.

Кашгарскіе вечера «машребъ» сопровождаются всегда пляской, въ которой принимаютъ участіе всѣ гости. Хакимъ-бекъ, правитель, на своихъ пирахъ пускается также въ танцы. Въ Малой Бухаріи есть особенная профессія женщинъ танцовщицъ—ага. Туркестанская пляска напоминаетъ нѣсколько лезгинку.

Мы до сихъ поръ ничего не сказали объ одеждѣ малобухарцевъ. Дворянство одѣвается совершенно по-китайски, ѣздитъ на китайскихъ колымагахъ, запрягая въ нихъ муловъ. Чиновники второстепенные и городскіе жители носятъ ха-

латы, приближенные покроемъ и цвѣтомъ къ китайскимъ епанчамъ. Женскій костюмъ состоитъ изъ сорочки, сшитой изъ шелковой или бумажной матеріи яркихъ цвѣтовъ, изъ китайскихъ кофточекъ, изъ халата съ прямымъ скошеннымъ воротникомъ, какъ на нашихъ военныхъ мундирахъ; сверхъ всего этого, при выходѣ изъ дому, надѣваютъ шелковый плащъ, съ золотыми лентами на груди и бѣлую длинную чадру. Черная или бѣлая сѣтка для закрыванія лица составляетъ также необходимую принадлежность городского костюма, но туркестанки носятъ его для виду и лицо ихъ всегда открыто. Кокандцы и бухарцы требуютъ отъ своихъ женъ, чтобъ онѣ носили покрывало. Мущины и женщины лѣтомъ носятъ круглыя, въ родѣ арбуза, шапки изъ золотой парчи или атласа, а зимой мѣховыя шапки съ бараньими или лисьими опушками. Высокія шапки изъ выдры, похожія видомъ на лѣтнія, носятъ только богатыя женщины. Обувь употребляется въ простомъ народѣ: русскіе сапоги или татарскіе ичиги. Женщины носятъ вышитые сапоги изъ краснаго сукна, а лѣтомъ башмаки изъ краснаго же сукна на босую ногу.

Кулинарное искусство въ Восточномъ Туркестанѣ отличается также китайскимъ вліяніемъ. Обѣдъ туркестанца состоитъ изъ супа съ овощами, лапши, мясныхъ пирожковъ, пельменей и изъ разныхъ маринованныхъ овощей; послѣдніе роды пищи заимствованы отъ китайцевъ. Мяса и пилава туркестанцы не употребляютъ.

Китайское вліяніе въ Восточномъ Туркестанѣ выразилось хотя болѣе внѣшнимъ образомъ, но довольно сильно. Туркестанцы научились отъ китайцевъ нѣкоторымъ искусствамъ и заимствовали много словъ. Китайскія слова, вошедшія въ составъ языка, относятся къ разнымъ предметамъ архитектуры, нарядовъ и предметовъ роскоши, особенно много китайскихъ словъ въ кашгарскомъ языкѣ. Нельзя не радоваться побѣдамъ этой націи надъ предразсудками Ислама и особенно способности, съ которою они усвоиваютъ все иностранное. Туркестанцы ненавидятъ китайцевъ, но это не мѣшаетъ имъ заимствоваться ихъ цивилизаціей. Въ заключеніе всего мы скажемъ о самой замѣчательной особенности мало-бухарцевъ

которою они всего болѣе выходятъ изъ разряда другихъ мусульманъ,—это патріотизмъ и политическія партіи черногорцевъ и бѣлогорцевъ.

IV. Отдѣлъ.

Правительственная система и политическое состояніе края.

Восточный Туркестанъ, какъ часть Китайской имперіи, подлежитъ вѣдомству Западнаго края, слѣдовательно и илійскаго цзянь-цзюня.

Цзянь-цзюнь есть главноуправляющій Западнаго края и главнокомандующій тамъ расположенныхъ войскъ. Онъ имѣетъ трехъ совѣтниковъ или товарищей—хебэ-амбань, изъ которыхъ одинъ находится при немъ, а два управляютъ, одинъ Сѣверной, а другой Южной линіями. Главноуправляющій Сѣверной линіей живетъ въ Тарбагатаѣ, а Южной — въ Еркендѣ. Въ М. Бухаріи китайцы, изгнавъ верховныхъ владѣтелей страны ходжей, остальной порядокъ управленія оставили на прежнихъ основаніяхъ. Для поддержанія внутренняго спокойствія и для охраненія границъ отъ внѣшнихъ нападеній поставили во всѣ значительные города и стратегическіе пункты гарнизоны, учредили пограничные пикеты и устроили внутреннія сообщенія. Туземные правители были подчинены начальникамъ гарнизоновъ, расположенныхъ въ ихъ вѣдомствахъ, а главный надзоръ порученъ былъ хебэ-амбаню, главноуправляющему войсками Южной линіи, который имѣлъ первоначальное пребываніе въ Еркендѣ, потомъ въ Кашгарѣ; послѣ Ушскаго возстанія 1765 г. резиденція его была перенесена въ Ушь-Турфанъ, а впослѣдствіи опять въ Еркендъ.

Китайское начальство ограничивается общимъ надзоромъ за дѣйствіями туземныхъ властей, а во внутреннее управленіе совершенно не вмѣшивается. Для сношенія съ туземцами

опредѣлены пристава и въ городскую полицію одинъ офицеръ и нѣсколько солдатъ. Только назначеніе, выборъ и утвержденіе туземныхъ чиновниковъ китайцы предоставили себѣ, и это составляетъ предметъ особенной ихъ заботливости. Высшіе чины даютъ лицамъ испытаннымъ и извѣстнымъ своею преданностію богдыханскому правительству.

Комульскіе и турфанскіе князья, которыхъ фамиліи обязаны своимъ значеніемъ и богатствомъ Китаю, предпочтительно утверждаются въ должности хакимъ-бековъ, особенно въ города, подверженные внѣшнимъ нападеніямъ. Хакимъ-беки—правители, ишкаги—ихъ товарищи и другіе чиновники высшихъ степеней утверждаются богдыханомъ, а остальныя мѣста зависятъ отъ цзянь-цзюня и хебэ-амбаня. Раздача должностей составляетъ для китайскихъ мандариновъ также источникъ своекорыстныхъ выгодъ и доходовъ. Въ концѣ каждаго года отправляется въ Пекинъ съ данью одинъ изъ правителей отъ шести городовъ; назначеніе депутата зависитъ отъ главноуправляющаго. Также въ началѣ и въ срединѣ каждаго мѣсяца, всѣ туземные чиновники обязаны являться къ китайскимъ амбанямъ для церемоніальнаго привѣтствія.

Въ новый годъ по китайскому календарю беки отправляются къ китайскому генералу съ поздравленіями и дарами; дары эти отправляются ко двору и въ Или. Туземцы съ негодованіемъ разсказываютъ, что въ этотъ день китайцы заставляютъ туркестанскихъ бековъ дѣлать земные поклоны изображенію императора.

Относительно туземнаго управленія западные города М. Бухаріи съ селеніями составляютъ независимыя одинъ отъ другого вѣдомства. Шесть городовъ: Еркендъ, Хотанъ, Кашгаръ, Аксу, Янысаръ и Турфанъ составляютъ съ окрестными селеніями шесть независимыхъ одинъ отъ другого округовъ. Каждый городъ имѣетъ свое правительство въ слѣдующемъ составѣ: хакимъ-бекъ— главный правитель округа, ишкага—его помощникъ, шанъ-беги или газначи-бекъ—генеральный казначей; эти лица составляютъ общее управленіе. Для непосредственнаго управленія отдѣльными частями и для удобства сбора податей, народъ раздѣленъ на части, которыя назы-

ваются сотнями и тысячами. Сотнями управляетъ юзъ-беги, тысячами—минъ-беги. Нѣсколько тысячниковъ подчиняются мирабъ-бекамъ, которыхъ настоящая обязанность есть завѣдываніе ирригаціонными каналами, составляющими предметъ ежегодныхъ споровъ и жалобъ.

Для наблюденія за спокойствіемъ и тишиной въ городахъ имѣется полицейское управленіе тынъ-за, которое составляютъ китайскій офицеръ—пія, съ нѣсколькими полисменами изъ китайцевъ и туземные беки, называемые пачшабъ. Въ Туркестанѣ есть много чиновниковъ, имѣющихъ различныхъ степеней шарики, но безъ опредѣленныхъ должностей. Они пользуются, смотря по отношеніямъ своимъ къ китайскимъ чиновникамъ и правителю, участіемъ въ правленіи, имѣютъ кліентовъ и требуютъ почестей. Къ этому разряду принадлежатъ тунчи—драгоманы при китайскихъ генералахъ, дорогà-беки (въ родѣ адъютантовъ), мирахоръ-беки (конюшіе), дворецкіе, письмоводители, составляющіе штатъ хакимъ-бековъ и другихъ значительныхъ чиновниковъ. Служители и лакеи ихъ принадлежатъ также къ категоріи лицъ, имѣющихъ власть и подъ названіемъ *дарогà* составляютъ низшій разрядъ чиновниковъ.

Судебная власть находится въ рукахъ духовенства. Алимъ-ахунъ—глава духовныхъ—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и генеральный судья; подъ его вѣдѣніемъ находятся нѣсколько кази-ахуновъ (судій) и муфтіи-ахуновъ; послѣдніе имѣютъ обязанность въ родѣ адвокатовъ. Собственно классъ священнослужителей составляютъ хатибъ-ахуны — священники соборныхъ мечетей, мутаваллп-ахуны—сборщики приношеній при соборныхъ мечетяхъ и наконецъ имамъ-ахуны — приходскіе священники; послѣдніе имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, попеченіе о воспитаніи юношества; старшіе изъ нихъ называются мударрусъ-ахунами (профессоръ). Большія селенія имѣютъ своихъ правителей: хакимъ-бековъ, алимъ-ахуновъ, казіевъ-мирабовъ, минъ-беги и юзъ-беги, а незначительныя управляются мирабами или одними минъ-бегами. Земскія власти, т. е. чиновники въ селеніяхъ, подчиняются во всемъ общему управленію округа. Въ Кашгарѣ и его округѣ должностныхъ, т. е. чиновниковъ, по-

лучающихъ жалованье и имѣющихъ опредѣленныя обязанности, считается 61, а духовныхъ 55; въ Еркендѣ чиновниковъ 136, а духовныхъ 95. Этотъ составъ чиновной іерархіи ведется съ древнѣйшихъ временъ, съ тою разницею, что центральная власть, находящаяся теперь въ рукахъ китайцевъ, принадлежала сначала ханамъ, потомъ владѣтельнымъ ходжамъ. До вступленія въ подданство Китая, хакимъ-беки избирались народомъ съ согласія владѣтеля, народъ имѣлъ право, по прошествіи года, смотря по желанію, смѣнять, даже предавать смерти. Въ свою очередь хакимъ-беки имѣли болѣе правъ и власти. Въ наше время всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла представляются на благоусмотрѣніе китайцевъ, и хакимъ-бекъ не можетъ никого лишать самопроизвольно мѣста и не можетъ давать мѣстъ. Въ прежнія времена беки имѣли тѣлохранителей и окружали себя восточной пышностью. При торжественныхъ празднествахъ они выѣзжали на аргамакахъ, предшествуемые навьюченными верблюдами, лошадьми въ нарядныхъ сѣдлахъ, со знаменами, бубнами и музыкою; народъ окружалъ и сопровождалъ ихъ въ подобныхъ процессіяхъ, и они угощали народъ въ своихъ домахъ. Теперешніе хакимъ-беки слѣдуютъ во всемъ китайской модѣ и, когда они выѣзжаютъ, вершники разгоняютъ народъ съ улицъ. Изъ прежнихъ почестей осталась одна оффиціальная музыка. Правители шести городовъ имѣютъ около своихъ дворцовъ особенную каланчу, на которой во время ихъ обѣдовъ играютъ на трубахъ и бьютъ въ бубны.

Доходы городовъ М. Бухаріи опредѣлить чрезвычайно трудно; они очень сложны и не одинаковы: есть подати, свойственныя извѣстной мѣстности. Общій характеръ таковъ: туркестанцы, записанные въ казенные хлѣбопашцы, обязаны вносить въ казну хлѣбомъ $^1/_2$ урожая, а всѣ прочіе 10-ю часть. Кромѣ того всѣ обязаны вносить оброкъ за мельницы, за лавки, за огороды, плантаціи хлопчатой бумаги и проч. деньгами.

Сверхъ этого собирается подать золотомъ, серебромъ и мѣстными произведеніями подъ названіемъ «дали», которая идетъ въ Пекинъ, берутъ иногда дабу или хлопчатую бумагу вмѣсто денегъ. Опредѣлить цифры, сколько каждый городъ

даетъ доходу, нѣтъ возможности, и въ этомъ отношеніи нужно считать болѣе достовѣрными статьи изъ уложенія палаты финансовъ о системѣ взиманія налоговъ, приложенныя къ переводу китайскаго сочиненія Си-юй-вынь-цзянь-лу, которое издано о. Іакинѳомъ подъ названіемъ «Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана». Цифры о количествѣ сборовъ податей съ городовъ Восточнаго Туркестана, представляемыя авторомъ вышеупомянутаго сочиненія, который долго жилъ въ этихъ странахъ и потому имѣетъ право на довѣріе, нѣсколько различны отъ тѣхъ, которыя показаны въ Уложеніи. По нашимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ туземцевъ, въ Еркендѣ берутъ въ годъ 61,000 концовъ дабы, 31,000 мѣшковъ пшеницы и въ каждый мѣсяцъ 2500 тянга, слѣдовательно въ годъ 30,000 тянга. Это показаніе почти согласно съ свидѣтельствомъ автора Си-юй-вынь-цзянь-лу, по его свидѣтельству годовой оброкъ съ жителей Еркенда собирается 30,504 мѣшка хлѣба, 57,569 концовъ бязи, 35,370 лановъ серебра, кромѣ этого авторъ прибавляетъ 1649 лановъ пошлиннаго серебра, 30 лановъ золота, 800 гиновъ постнаго масла, 15,400 гиновъ хлопчатой бумаги, 3000 гиновъ мѣди, 1432 портяныхъ мѣшка, 1297 концовъ бечевокъ, идущихъ въ дань.

Кашгаръ вноситъ собственно законной подати 36,000 лановъ серебра и хлѣба 14,000 мѣшковъ. Таможенные доходы кашгарцевъ въ Восточномъ Туркестанѣ въ настоящее время весьма незначительны, потому что всѣ иностранцы и киргизы платятъ его не имъ, а кокандцамъ. Главный предметъ торговли — чай оплачивается пошлиной во внутреннемъ Китаѣ и Урумчи, а торговля туземцевъ мелочная; туземцы за скотъ и товары, получаемые изъ заграницы, даютъ 20-ю часть (5%), съ шелковыхъ матерій, бязей и кожъ 10 процентовъ. Пошлина берется натурой или монетой по сдѣланной оцѣнкѣ. При продажѣ и покупкѣ скота, домовъ и имущества берутъ съ каждаго лана серебра по $^3/_{100}$ и съ пуловъ по $^3/_{100}$.

Подати взимаются въ Восточномъ Туркестанѣ посредствомъ раскладки по общинамъ, для чего народъ раздѣленъ на тысячи, сотни и на семейства.

Первая опись и вмѣстѣ съ тѣмъ раскладка сдѣлана была при покореніи страны еще въ срединѣ прошедшаго столѣтія; съ того времени число семействъ въ этихъ общинахъ подвергалось большимъ измѣненіямъ, но подати собираются по прежнему положенію, оттого въ однѣхъ частяхъ на каждое лицо приходится въ мѣсяцъ 6 пуловъ, 10 пуловъ и 12, а въ другихъ отъ 1 до 2 и 3-хъ тянга. При томъ такъ иногда, что люди достаточные даютъ 6 пуловъ, а бѣдные 3 тянга. Въ общинахъ, гдѣ на каждое лицо приходится въ мѣсяцъ 6 пуловъ деньгами въ годъ, податная личность обязана вносить 2 ху пшеницы (3 пуда); въ тѣхъ общинахъ, которыя доставляютъ 10 пуловъ—4 ху, 12 пуловъ—15 ху. Вносящіе въ мѣсяцъ 1 тянга обязаны давать въ годъ 10 ху, 2 тянга—20 ху. Независимо отъ податей, взыскиваемыхъ китайцами, есть также подать въ пользу туземнаго правительства.

Послѣдній налогъ распредѣленъ такимъ порядкомъ: податныя лица въ общинахъ, вносящихъ 6 пуловъ мѣсячной подати, даютъ въ мѣсяцъ въ пользу городскихъ расходовъ отъ 1 до 2 тянга, дающія 10 пуловъ—отъ 3 до 4 тянга, платящія 1 тянга вносятъ 12, 2 тянга—21, 3 тянга—30.

Непомѣрный сборъ китайскаго и туземнаго правительствъ и неравномѣрная раскладка податей дѣлается еще болѣе тягостными отъ незаконныхъ поборовъ, которые налагаютъ туземные чиновники въ сообществѣ съ китайскими мандаринами.

Хлѣбъ и деньги, получаемые въ налогъ, китайцы употребляютъ на содержаніе войскъ; но этого повидимому недостаточно и потому на западныя провинціи отпускаетъ пекинскій дворъ до двухъ милліоновъ лановъ серебра, или 4544 пуда и 74 фунта серебра; изъ этого числа, какъ говорятъ, до $^1/_2$ милліона лановъ (1136 пудовъ и $14^1/_2$ фунтовъ серебра) отпускалось на содержаніе войскъ Южной линіи. Въ послѣдніе годы, когда изъ внутренняго Китая вслѣдствіе внутреннихъ войнъ подвозъ серебра былъ остановленъ и въ Джунгаріи чувствовался сильный недостатокъ, китайцы Южной линіи часть дани, отправляемой прежде въ Пекинъ и Илю, обратили на свои расходы.

Военныя силы китайцевъ въ шести городахъ простираю-

ся до 15.000 человѣкъ. Туземцы военной службы не носятъ. Первоначально Туркестанцы имѣли свою милицію, но китайцы, находя это вреднымъ, уничтожили ее, и въ Западномъ краѣ на всемъ пространствѣ его границъ содержатъ войска изъ манджуровъ, китайцевъ, тунгусовъ и чахаръ, отстраняя совершенно туземцевъ отъ военнаго дѣла. Олоты обращены въ скотоводовъ, а туркестанцы въ землепашцевъ.

Солдаты Южной линіи вооружены также, какъ и во всемъ Западномъ краѣ, луками и стрѣлами; только небольшая часть ружьями. Артиллеріи, какъ говорятъ, мало, что видно изъ того, что противъ ходжи она употреблялась очень рѣдко. Пушки замѣняютъ въ китайскихъ цитаделяхъ крѣпостными ружьями, которыя имѣютъ прислугу изъ трехъ человѣкъ. Китайцы, какъ извѣстно, дурные солдаты; войска, расположенныя въ М. Бухаріи, еще менѣе воинственны. Занимая уединенные посты или же заключенные въ своихъ крѣпостяхъ, они ведутъ распутную жизнь и всѣ безъ исключенія курятъ опіумъ, отчего между ними бываетъ сильная смертность, физическая и нравственная слабость. При возстаніяхъ китайцы запираются въ своей цитадели и въ этомъ положеніи остаются до тѣхъ поръ, пока изъ Или приходятъ свѣжія войска для ихъ освобожденія. Китайцы Западнаго края до того упали духомъ, что дозволяютъ киргизамъ въ двухъ верстахъ отъ своихъ кочевокъ безнаказанно грабить свои казенные обозы. Въ Чугучакѣ Байджигитовцы нападаютъ около самого города на торговые караваны, и когда купцы просятъ помощи у китайцевъ, то они обыкновенно отвѣчаютъ: «драться не хорошо». При такомъ состояніи китайцевъ защита страны отъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ безпорядковъ дѣлается болѣе и болѣе трудною, тѣмъ болѣе, что изъ Или и изъ внутренняго Китая не могутъ давать значительныхъ подкрѣпленій. Во время Джангира вспомогательныя войска шли изъ внутренняго Китая и Сѣверной линіи. Въ послѣднее возстаніе изъ внутреннихъ провинцій китайцы не имѣли возможности дать подкрѣпленіе, изъ Или послать войска также нашли неудобнымъ безъ ослабленія Кульджи; оттого и были употреблены въ 1847 году ссыльные, а въ послѣднее возстаніе калмыки.

Китайцы имѣютъ на случай войны въ М. Бухаріи военные запасы въ Лянь-Чжоу и хлѣбные магазины въ Комулѣ и Урумчи. Сношеніе съ внутреннимъ Китаемъ производится: экстренное въ мѣсяцъ, а тяжелое въ 4 и 5 мѣсяцевъ; такимъ образомъ послѣ полученія извѣстія о возстаніи помощь и провіантъ могутъ быть посланы не ранѣе 6 мѣсяцевъ. Съ Кульджой сношенія производятся въ 18 и 20 дней, и большихъ подкрѣпленій изъ войскъ Илійскаго округа ожидать трудно. Между тѣмъ непріятель, соединившись съ туземцами, имѣетъ всѣ превосходства. Во всѣхъ городахъ, оставшихся вѣрными Китаю, постоянно чувствовался сильный недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, особенно въ животной пищѣ.

Замѣчательные пункты по Южной линіи въ военномъ отношеніи суть: Аксу, чрезъ него шесть городовъ сообщаются съ внутреннимъ Китаемъ и Илеей; затѣмъ Кашгаръ, подверженный внѣшнимъ нападеніямъ; Бурчукъ, лежащій въ центрѣ внутреннихъ дорогъ, и Бюгуръ, защищающій дорогу въ Китай; около этого города есть только одна тропинка. Горы, окружающія Малую Бухарію, служатъ естественнымъ оплотомъ отъ внѣшнихъ нападеній; а во время зимы, особенно когда выпадаютъ большіе снѣга, всѣ горные проходы, исключая Теректинскаго (см. пути сообщенія), бываютъ совершенно непроходимы [1]). Проходы въ Куэнь-Лунѣ и Болорѣ трудны и легко могутъ быть обороняемы незначительными силами. Только линія отъ Аксу до Янысара представляетъ болѣе или менѣе удобные пути и требуетъ искусственной защиты. Г. Кашгаръ по положенію своему долженъ и могъ бы быть для китайцевъ прикрытіемъ отъ вторженія кокандцевъ и ходжей, но не достигаетъ своей цѣли: необходимость поддерживать внутреннее спокойствіе военной силой заставляетъ ки-

[1]) Впрочемъ, Тамерланъ сдѣлалъ нѣсколько кампаній въ Тянь-шанѣ. Зимовалъ онъ обыкновенно въ Атбашѣ или въ Узгендѣ. Примѣры же большихъ военныхъ предпріятій въ Болорѣ въ исторіи рѣдки. Мы знаемъ, что кашгарскій ханъ Рашидъ дѣлалъ походъ въ Бадахшанъ и потомъ ходилъ священной войной противъ Белуровъ и въ Тибетъ, но онъ нигдѣ не встрѣтилъ большаго сопротивленія отъ жителей и потому его конница боролась только съ естественными препятствіями.

тайцевъ содержать въ многолюдныхъ городахъ болѣе многочисленные караулы, чѣмъ на пограничныхъ пунктахъ. Съ 1825 г. построены ими для помѣщенія своихъ войскъ отдѣльныя крѣпости. Китайскія цитадели и вообще города Восточнаго Туркестана окружены толстой, вышиною отъ 6 до 8 саженъ, стѣной изъ глины и окопаны рвами въ 3 сажени и менѣе глубины. Стѣны вооружены нѣсколькими башнями, которыя походятъ на китайскія бесѣдки. Хотя по недостатку фланговой обороны китайскія крѣпости и города Малой Бухаріи не представляютъ особенной трудности и не могутъ выдержать правильной осады, но для азіатскихъ войскъ они неприступны и могутъ быть взяты только голодомъ.

Южная линія есть сомнительное достояніе Поднебесной имперіи. Народъ ненавидитъ китайцевъ и поддерживаетъ постоянныя возстанія и упорную борьбу. Только военныя силы и строгія мѣры могутъ поддерживать спокойствіе и если китайское владычество до сихъ поръ держится и попытки ходжей безуспѣшны, то причина этому заключается: 1-е въ несогласіи, взаимной враждѣ самихъ туземцевъ и 2-е во вліяніи кокандцевъ. При отстраненіи этихъ причинъ независимость Малой Бухаріи, по крайней мѣрѣ Шести городовъ, отъ Китая несомнѣнная. Разберемъ подробно эти причины.

Обременительные налоги, незаконные поборы, лихоимства и притѣсненія китайцевъ и бековъ, поставленныхъ ими, раздражаютъ народонаселеніе Шести городовъ и оно отъ души ненавидитъ, какъ китайцевъ, такъ и своихъ чиновниковъ. Положеніе китайцевъ въ настоящее время такъ критично, что они должны бы стараться всѣми мѣрами благорасположить къ себѣ народъ; но китайцы мало объ этомъ думаютъ. Окруженные кругомъ враждебными элементами, они вымѣщаютъ свою злобу на народѣ, который выноситъ все это терпѣливо и утѣшается тѣмъ, что когда явится ходжа, онъ будетъ отомщенъ. Китайцы, сознавая свое безсиліе, сдѣлались подозрительными и злыми. Послѣ каждаго возстанія они неистовствуютъ, предаютъ все грабежу, насилуютъ женщинъ, разрушаютъ мечети и предаютъ казни для внушенія страху дервишей и другихъ бѣдныхъ людей; а лицъ же болѣе или

менѣе вліятельныхъ, несмотря на ихъ участіе въ мятежѣ, оставляютъ при прежнихъ должностяхъ, даже даютъ высшіе шарики. Эта политика напоминаетъ турковъ, которые разбойниковъ дѣлали губернаторами провинціи, въ которой они свирѣпствовали. Исключеніе составляетъ казнь шейхъ-ахуна, но это было сдѣлано по представленію хакимъ-бека и изъ корыстолюбивыхъ видовъ, потому что шейхъ-ахунъ считался самымъ богатымъ человѣкомъ въ Кашгарѣ. Въ обыкновенное время, хотя явные грабежи оставляются, но притѣсненія сильны. Китайцы бьютъ на улицахъ всѣхъ, которые не сходятъ съ лошадей, отнимаютъ и безплатно берутъ товары въ лавкахъ и даромъ обѣдаютъ въ ресторанахъ. Всякій китайскій чиновникъ получаетъ разные жизненные припасы даромъ, имѣетъ кліентовъ изъ туземцевъ, которые находятся въ его распоряженіи, какъ рабы. Подозрительность китайцевъ и туземныхъ чиновниковъ не знаетъ предѣловъ. Полиція бдительна и хорошо знаетъ свое дѣло. Въ Кашгарѣ строго запрещается говорить о ходжахъ и это слово подвержено гоненію. Въ Туркестанскомъ языкѣ ходжа значитъ господинъ и ко всякому имени прибавляютъ это слово, теперь же его начинаютъ замѣнять словомъ ахунъ. Патріотическія пѣсни также преслѣдуются, но безуспѣшно. Кашгарскіе чиновники выбираются китайцами. Высшіе изъ нихъ комульцы и турфанцы, они, будучи чужды народу, которымъ управляютъ, заботятся только о собственныхъ выгодахъ, чтобы составить состояніе, и такъ какъ власть ихъ зависитъ отъ китайцевъ, то во всемъ угождаютъ своимъ покровителямъ. Усвоивъ однѣ дурныя стороны китайской цивилизаціи, они недоступны и важны къ своимъ подчиненнымъ, унижаются предъ китайцами и проводятъ дни свои въ пьянствѣ и въ обществѣ женщинъ сомнительнаго поведенія, доставляя эти же удовольствія китайскимъ чиновникамъ, которые пріѣзжаютъ къ нимъ въ гости. Мелкіе чиновники копируютъ высшихъ, но болѣе ихъ грубы и дерзки. Беки болѣе китайцевъ притѣсняютъ своихъ единовѣрцевъ, налагаютъ неправильные доходы, берутъ все даромъ, бьютъ на улицѣ народъ для показанія своей власти. Туземцы, незаплатившіе подать, подвергаются наказанію до

тѣхъ поръ, пока не найдутъ средствъ удовлетворить или бѣжать; вообще отговорки не принимаются. Съ иностранцами чиновники вѣжливы, но уклончивы и подозрительны. Китайцамъ хорошо извѣстны злоупотребленія туземныхъ чиновниковъ. Авторъ книги «О западномъ краѣ», долго служившій въ Малой Бухаріи, говоритъ: «сильные притѣсняютъ слабыхъ, и беки любятъ наживаться насиліемъ; если бѣдный скопитъ сколько нибудь имущества, то стараются высосать оное». Зная это, китайцы презираютъ чиновниковъ, обращаются съ ними надменно, но тѣмъ не менѣе поощряютъ ихъ поступки, ибо это въ ихъ политикѣ. Китайцы довѣряютъ только тѣмъ, которые притѣсняютъ, слѣдовательно не имѣютъ ничего общаго съ народомъ. Они боятся всего болѣе, чтобы чиновники не соединяли своихъ интересовъ съ интересами народа, тогда они сдѣлались бы для нихъ опасными. Жители Шести городовъ рѣдко занимаютъ высшія мѣста, особенно кашгарцы, которые считаются самыми ненадежными подданными. Въ Кашгарѣ былъ изъ уроженцевъ его правителемъ одинъ Кутлугъ-бекъ и тотъ не удержался. Вообще чиновники, поднявшись до шестой степени, не могутъ служить на родинѣ. Такимъ образомъ, китайцы достигаютъ своей цѣли. Чиновники составляютъ совершенно отдѣльный классъ, отчужденный отъ народа и совершенно имъ преданный; только между низкими, особенно въ селеніяхъ, есть патріоты, каковы были: Халыкъ-бекъ и Таиръ-бекъ, артышскіе минъ-беги.

Итакъ, народъ ненавидитъ китайцевъ и бековъ. При этомъ возникаетъ вопросъ, если китайцы сами слабы и обставлены въ самой Малой Бухаріи враждебными элементами, каковы коканды и народъ, то что же причиною того, что ходжи не имѣютъ до сихъ поръ успѣха? Жители шести городовъ, по причинамъ объясненнымъ выше, раздѣляются на двѣ религіозно-политическія партіи, Бѣлогорцевъ и Черногорцевъ, которые имѣли своихъ духовныхъ патроновъ *(пиръ)*. Между пирами этихъ партій происходила борьба за свѣтскую власть надъ Малой Бухаріей, вслѣдствіе чего духъ партій принялъ политическое значеніе, какъ и права религіозныхъ патроновъ замѣнились отношеніями свѣтскихъ владѣтелей. Вражда меж-

ду ними постепенно такъ усилилась, что цѣлью ихъ существованія сдѣлался антагонизмъ. Бѣлогорецъ долженъ во всемъ противодѣйствовать черногорцамъ, а черногорецъ—бѣлогорцамъ. Въ этомъ заключается религіозный догматъ и политическія убѣжденія этихъ партій. Въ то время, когда въ Восточномъ Туркестанѣ восторжествовала черногорская партія и вступила въ борьбу за независимость родины съ чжунгарами и китайцами, бѣлогорцы соединились съ китайцами и, изгнавъ черногорскихъ ходжей, взяли перевѣсъ. Когда въ 1758 г. бѣлогорскіе ходжи были въ свою очередь изгнаны и начали свои набѣги для освобожденія отечества, значеніе партіи перемѣнилось. Бѣлогорцы сдѣлались патріотами и теперь ревностно борются за независимость. Черногорцы, какъ слѣдуетъ, сдѣлались ихъ оппонентами, но такъ какъ притѣсненіе китайцевъ равно дѣйствуетъ и на нихъ, то они изъ оппозиціи къ своимъ врагамъ представляютъ только консервативную партію, поддерживающую современный порядокъ вещей. Первоначально партіи эти отличались цвѣтомъ шапокъ, бѣлогорцы носили бѣлыя, а противники ихъ черныя, отсюда происходятъ и названія ихъ. Таглыкъ—горецъ есть нарицательное названіе, распространяемое на всѣхъ мало-бухарцевъ, для отличія отъ низовыхъ туркестанцевъ (кокандцы кашгарскихъ эмигрантовъ называютъ таглыками). Въ настоящее время внѣшнихъ отличій не существуетъ и вопросъ: какой вы партіи? считается нескромнымъ, но тѣмъ не менѣе вражда ихъ все еще сильна. Общеупотребительная брань: проклятіе на твоего патрона! показываетъ это расположеніе. Въ городахъ число партій неравномѣрно, но въ Кашгарѣ, Аксу и Кучѣ болѣе бѣлогорцевъ, а въ Янысарѣ, Еркендѣ и Хотанѣ черногорцевъ. Въ Кашгарѣ собственно въ городѣ и въ селеніяхъ, лежащихъ на сѣверо-востокъ, болѣе бѣлогорцевъ, а въ селеніяхъ на юго-западъ—черногорцевъ. Чалгурты, потомки иностранцевъ, по языку и жительству принадлежатъ Восточному Туркестану, но пользуются правами иностранцевъ и слѣдовательно болѣе независимы; они всѣ принадлежатъ къ одной изъ этихъ партій, но равно преданы претендентамъ и въ возстаніяхъ принимаютъ дѣятельное участіе. Говорятъ, что

вообще бѣлогорцы многочисленнѣе черногорцевъ, но сила ихъ уравновѣшивается тѣмъ, что всѣ бѣлогорцы, болѣе или менѣе значительные по богатству, уваженію, эмигрировали въ Кокандъ и живутъ при своихъ патронахъ; а послѣдній и самый значительный представитель, артышскій шейхъ-ахунъ, былъ казненъ китайцами, а имѣніе его конфисковано. Изъ родовыхъ шейховъ этой партіи остается настоятель при гробѣ ходжи Аппака. Сунужа-ходжа, главный шейхъ этой гробницы, употреблялся китайцами какъ посланникъ въ Кокандъ и потому надо полагать, что онъ не изъ числа фанатичныхъ партизановъ бѣлогорской партіи. Черногорцы въ качествѣ консерваторовъ остаются всѣ на родинѣ и своимъ патронамъ, маргеланскимъ ходжамъ, посылаютъ ежегодно богатыя приношенія. Представитель же партіи въ Кашгарѣ считается ханарыкскій алимъ-ахунъ, потомокъ одного изъ шейховъ— Даніель-ходжи. Этотъ ахунъ пользуется большимъ уваженіемъ своей партіи и поддерживаетъ это уваженіе ханжествомъ и таинственностію.

Ходжи изъ фамиліи Аппаковъ, когда имъ удается брать Кашгаръ, тщательно заботятся, чтобы не дѣлать различія, и даютъ одинаковыя права духовенству той и другой партіи, но всетаки не могутъ побѣдить коренныхъ принциповъ черногорской партіи. Китайцы не понимаютъ всей важности этихъ партій и не пользуются для своихъ выгодъ, они черногорцевъ называютъ хаймоуза—черношапками, бѣлогорцевъ—баймоуза—бѣлошапками, по повидимому дурно знаютъ ихъ значеніе. Въ высочайшемъ указѣ, обнародованномъ въ 1830 г., сказано: «князь черношапочныхъ магометанъ пришелъ со всѣми силами своего царства». Эти слова показываютъ совершенное незнаніе дѣла. Вражда этихъ партій есть главная причина, почему въ Восточномъ Туркестанѣ не можетъ быть всеобщаго возстанія и почему ходжи не могли имѣть большихъ успѣховъ, и также причина, почему въ этой странѣ не можетъ быть никогда спокойствія. Во всѣхъ странахъ, подверженныхъ революціямъ, является особенный классъ людей, любящихъ мятежи и безпокойства безъ всякихъ убѣжденій, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Въ Кашгарѣ и

вообще въ Малой Бухаріи подобный классъ составляютъ дервиши, курильщики хашишу, азартные игроки и салтаны (пролетаріи), они первые поднимаютъ оружіе при возстаніяхъ и рѣжутъ всѣхъ бековъ и китайцевъ, а при бѣгствѣ ходжей грабятъ дома его сановниковъ и помогаютъ китайцамъ. Такимъ образомъ настоящая внутренняя политическая обстановка Восточнаго Туркестана одинаково неблагопріятна, какъ для владычества китайцевъ, такъ и для ходжей.

Теперь обратимся къ вліянію, которое имѣютъ кокандцы на политическую будущность этой страны и разсмотримъ правила, которыми они руководствуются въ отношеніяхъ своихъ къ правительству Южной линіи.

Вліяніе кокандцевъ на Восточный Туркестанъ основано, главнымъ образомъ, на томъ, что въ этомъ владѣніи живутъ потомки кашгарскихъ ходжей, претендентовъ на владычество надъ Малой Бухаріей. На мусульманскомъ востокѣ потомки Магомета пользуются особеннымъ уваженіемъ и подъ именемъ сеидовъ, шейховъ, ходжей, эмировъ составляютъ особый привиллегированный классъ, въ родѣ духовнаго дворянства. Духовенство въ средне-азіятскихъ государствахъ двухъ родовъ: родовое, пользующееся фанатическимъ уваженіемъ народа и имѣющее вліяніе на владѣтелей, и сословіе муллъ или улемовъ, которые соединяютъ въ себѣ обязанность священнослужителей, юристовъ, судей и педагоговъ. Къ первымъ принадлежатъ потомки Магомета (сеиды и ходжи), потомки халифовъ и разныхъ святыхъ мужей (шейхи). Родовое духовенство имѣетъ свою іерархію. Во главѣ ихъ и вообще всего духовенства стоятъ: одинъ ходжа-калянъ, нѣсколько ишанъ накибековъ и ишанъ сюдуровъ. Эти лица должны быть исключительно изъ сеидовъ. Сословіе улемовъ составляютъ: одинъ шейхъ-эль-исламъ, два казы-каляна (генеральные кадіи), одинъ кази-аскаръ, завѣдывающій судной частію въ войскахъ, одинъ раисъ, наблюдающій за благовѣріемъ, нѣсколько кази-кузатовъ, алямовъ, муфтіевъ, иль-аскаровъ, простыхъ казіевъ и муфтіевъ. Собственно священнослужители и вмѣстѣ съ тѣмъ народные педагоги суть: имамы, халфе, хатибы и муллы.

Среднеазіатцы суевѣрны и фанатичны. Сеиды, пользуясь

ихъ невѣжествомъ, успѣли пріобрѣсти въ народѣ благоволеніе; ученики и мюриды ихъ разсказываютъ о чудесахъ, ими произведенныхъ, и всѣ этому вѣрятъ. Избавленные отъ смерти, на основаніи словъ Магомета: «почитайте моихъ потомковъ, если бы они не были того достойны: этимъ почтите меня», и основываясь на фанатической преданности народа, который видитъ въ нихъ чудотворцевъ, они безбоязненно вступаютъ въ борьбу съ владѣтелями, дѣлаютъ имъ упреки, и тѣ выслушиваютъ, какъ добрые мусульмане, съ подобострастіемъ и сами вѣрятъ въ ихъ сверхъестественность. Такимъ образомъ сеиды ограничиваютъ деспотизмъ, а духовенство, какъ исполнители закона, имѣютъ сильное вліяніе на управленіе. Борнсъ прекрасно охарактеризовалъ управленіе въ Бухарѣ.

По вліянію на правительство и народъ весьма важно родовое духовенство, а потому считаемъ неизлишнимъ сказать подробно о извѣстныхъ фамиліяхъ сеидовъ и шейховъ, преимущественно о живущихъ въ Кокандскомъ ханствѣ.

Самая вліятельная фамилія сеидовъ по слѣпому уваженію средне-азіатцевъ, есть фамилія Міяковъ, иначе называемые Фарухи Сахибъ-задэ; фамилія эта ведетъ родъ свой отъ халифа Омара, въ ближайшемъ колѣнѣ отъ имама Раббоши, а по женской линіи отъ Фатимы, дочери Магомета. Фамилія эта вышла въ весьма недавнее время изъ Пейшавера. Представители этого почетнаго рода суть въ Бухарѣ Міякъ-Фазылъ-Ульма-Кадыръ; въ Кокандѣ Міякъ-Бузрукъ, извѣстный подъ названіемъ Каттэ-Азрета, братъ предыдущаго и родственникъ ихъ Ишанъ-Міякъ-Мухамедъ-Халиль, бывшій въ 1842 г. посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Сынъ бухарскаго Сахибъ-задэ, рожденный отъ принцессы ханской крови, живетъ въ Акчѣ и имѣетъ большое вліяніе на авганскаго Достъ-Магомета. Титулъ, присвоенный этой фамиліи—азретъ (владыка),

2) *Кашгарскіе ходжи*, о происхожденіи этой фамиліи мы говорили не разъ: они живутъ въ Кокандѣ и Маргеланѣ. Живущіе въ Кокандѣ происходятъ отъ Сарымъ-Сакъ-ходжи и принадлежатъ къ такъ называемой Бѣлогорской линіи. Мар-

геланскіе происходятъ отъ Абдулла и патша-ханъ-ходжей и принадлежатъ черногорской линіи; титулъ, присвоенный этой фамиліи—тюря (принцъ).

3) *Туркестанскіе ходжи*, они принадлежатъ, какъ кашгарскіе, къ чистой породѣ сеидовъ, т. е. происходятъ отъ Фатимы. Ходжи эти живутъ въ городѣ Туркестанѣ или Азретѣ и распространены между киргизами. Многіе изъ нихъ кочуютъ и по невѣжеству своему потеряли уваженіе осѣдлыхъ средне-азіатцевъ.

4) *Кассанъ-ходжи* живутъ въ Кассанѣ и Наманганѣ. Фамилія эта чрезвычайно многолюдна.

5) *Майданъ-ходжи*—въ Андижанѣ. Фамилія многочисленная. Майданы разъѣзжаютъ между дикокаменными киргизами, занимаются оспопрививаніемъ и потому извѣстны также подъ названіемъ Чикмэ-ходжей (оспопрививателей).

6) *Омары*—потомки шейха Антавуры въ Ташкендѣ; кромѣ этихъ много другихъ незначительныхъ фамилій, имѣющихъ притязаніе на названіе ходжей. Шейхами въ Кокандѣ и Бухарѣ называются настоятели при храмахъ, воздвигнутыхъ надъ могилами святыхъ. Шейхи эти или потомки мужа, прославившагося подвигами вѣры, при прахѣ котораго живутъ неотлучно, или потомки учениковъ этихъ святыхъ. Шейхи пользуются приношеніями многочисленныхъ паломниковъ, привлекаемыхъ изъ дальнихъ мѣстъ, религіозною ревностію и всѣ чрезвычайно богаты. Надгробныя зданія мусульманскихъ святыхъ, мазары, хранятъ такія же богатства, какъ средневѣковые христіанскіе монастыри. Мазару принадлежатъ обширныя земли, деревни и крестьяне. Въ Средней Азіи болѣе извѣстны гробницы Палванъ Ахмедъ Чжамин въ Ургенджѣ (въ Хивинскомъ ханствѣ); Пахаведдина Накшбенди въ окрестностяхъ Бухары, ходжи Чжагана въ Гиждеванѣ (въ Бухарскомъ ханствѣ), Зенги-баба, ходжа Ахраръ-Вали въ Ташкендѣ, и ходжа Ахмедъ Есави въ Туркестанѣ. Въ Кокандскомъ ханствѣ, собственно въ Ферганской долинѣ, есть нѣсколько мазаровъ, изобрѣтенныхъ воображеніемъ фанатическихъ мусульманъ, или корыстолюбіемъ духовенства.

Въ горахъ Алаи на югъ отъ Маргелана лежитъ богатый

мозаръ Шаимарданъ; мѣсто это составляетъ одно изъ 11 мѣстъ, гдѣ предполагается похороненнымъ Али. Али, какъ извѣстно, былъ убитъ въ Куфской мечети, но тѣло его, какъ говорятъ мусульмане, было взято небеснымъ верблюдомъ, который потомъ исчезъ. Около Оши есть камень, называемый Тахта Сулейманъ—«Соломоновъ престолъ», гробница Асафа, который, по восточнымъ преданіямъ, былъ визиремъ этого пророка, и гробница пророка Юнуса (Іоны); мы сами читали книгу о святыхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Оша. Изъ нея видно, что Магометъ зналъ о существованіи этого города и заповѣдалъ всякому правовѣрному, хотя разъ въ жизни посѣтить ошскія святилища. Эти гробницы всего лучше характеризуютъ грубое невѣжество и суевѣріе средне-азіатскихъ мусульманъ. Шейховъ при Шаимарданѣ называютъ ходжами, они живутъ въ Маргеланѣ, въ кварталѣ Мешхетъ. Шейхи ошскіе также многочислены. На поклоненіе въ эти мѣста пріѣзжаютъ ежегодно пилигримы съ семействами изъ Коканда, Маргелана, Анджана и другихъ городовъ Ферганской долины.

Ходжи или сеиды, какъ сказано выше, изъяты во всѣхъ случаяхъ отъ смертной казни и отъ тѣлеснаго наказанія, которому на востокѣ подвергаются и визири, и освобождены отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Міяки и кашгарскіе ходжи пользуются предпочтительно извѣстностію боговдохновенныхъ и потому имъ предоставлены особенныя почести. Міяки всѣ одарены способностію дѣлать чудеса и пользуются божественнымъ откровеніемъ пророчить и отъ того ихъ боятся владѣтели, воздаютъ почести, не предпринимаютъ ничего безъ ихъ совѣтовъ и благословенія, считаютъ себя въ числѣ ихъ мюридовъ и послушниковъ; а народъ благоговѣетъ безконечно. Члены этихъ двухъ фамилій могутъ вступать въ родство съ бухарскимъ эмиромъ, кокандскимъ ханомъ и другими владѣльцами. Они занимаютъ высшія духовныя должности. Бухарскіе ходжи-калянъ происходятъ изъ фамиліи Міяковъ, кокандскій Собирханъ-тюря изъ кашгарскихъ ходжей. Ишанъ-Міякъ-Халиль, бывшій въ 1842 г. кокандскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ, имѣлъ званіе ишана Накиба. Сеиды стоятъ во главѣ управленія, употребляются на важные даже

дипломатическіе посты. Кокандскій посланецъ, бывшій въ 1829 г. въ Петербургѣ, былъ ходжа и имѣлъ званіе ишана сюдура. Сагибъ-задэ и кашгарскіе ходжи чрезвычайно богаты, они постоянно получаютъ приношеніе отъ набожныхъ мусульманъ, имѣютъ обширныя земли и деревни, отданныя имъ въ пожизненную аренду. Другіе ходжи бѣдны и для прокормленія себя прибѣгаютъ къ разнаго рода мелкимъ шарлатанствамъ, лечатъ бѣдныхъ, продаютъ талисманы и собираютъ приношенія.

Кашгарскимъ ходжамъ предоставленъ титулъ тюря, присвоенный однимъ принцамъ ханской крови. Представители старшей ихъ линіи Махтуми-Азяма имѣютъ права на почести, равныя съ ханомъ.

Въ настоящее время число членовъ фамилій кашгарскихъ ходжіевъ, живущихъ въ Кокандѣ и Маргеланѣ, считается болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Каратавскіе ходжи, живущіе въ Маргеланѣ, не предпринимали до сихъ поръ попытокъ произвести возстаніе. Причины этого надо полагать въ томъ, что среднеазіатцы не признаютъ ихъ правъ на свѣтскую власть и наконецъ потому, что не имѣютъ около себя партизановъ и потому, что бѣлогорцы сильнѣе и многочисленнѣе. Бѣлогорскіе ходжи имѣютъ послѣдователей между кочевыми узбеками, киргизами, которые готовы во всякое время содѣйствовать имъ. Кромѣ того въ Кокандскомъ ханствѣ много кашгарскихъ эмигрантовъ бѣлогорской партіи, они живутъ въ деревняхъ около Анджана, Шахри-хана и Карасу въ числѣ 50,000 семействъ подъ названіемъ таглыкъ. Кромѣ того живетъ ихъ много и въ городахъ. Около Ташкента есть цѣлое селеніе кашгарскихъ эмигрантовъ Янги-шааръ. 56,000 таглыковъ преданы своимъ ходжамъ, составляютъ общество, готовое содѣйствовать имуществомъ и собой. Всѣ богатые и вліятельные бѣлогорцы живутъ въ Кокандѣ. Слѣдовательно ходжи сильны вещественно; что касается до нравственнаго ихъ значенія, то это выражается тѣмъ, что паденіе дома Бадахшанскаго приписываютъ гнѣву пророка за убійство ходжей. Боренсъ, сообщая это извѣстіе, говоритъ: «пока здѣсь будетъ существовать подобное мнѣніе въ пользу

фамиліи ходжей, члены ея останутся опасными сосѣдями для китайцевъ». Дикокаменные киргизы убѣждены, что одно изъ поколѣній Машакъ потому обѣднѣло и разсѣялось, что глава ихъ способствовалъ китайцамъ захватить Чжангиръ-ходжу. На мѣстѣ, гдѣ Чжангиръ имѣлъ домикъ, кокандцы устроили молельню и приносятъ во имя его жертвы. Азіатцы считаютъ каждаго члена этой фамиліи одареннымъ божественнымъ вдохновеніемъ. Убѣжденіе это такъ сильно, что самые пороки, которые они обнаруживаютъ, принимаются за религіозное изступленіе и на пьянство, и развратъ ихъ смотрятъ съ благоговѣніемъ. Основываясь на такомъ авторитетѣ, молодые ходжи шатаются по улицамъ, бьютъ собакъ, заглядываютъ подъ покрывало женщинъ и никто не осмѣливается ихъ остановить. Преданность кашгарцевъ, т. е. бѣлогорской партіи къ этимъ ходжамъ не имѣетъ предѣла. Они считаютъ ихъ непогрѣшимыми, какъ католики папу. Китайцы знаютъ хорошо вліяніе и значеніе ходжей на Восточный Туркестанъ. Бадахшанскимъ владѣльцамъ давали ежегодно пенсію за то, что Султанъ шахъ убилъ Бурханеддина и ходжу Джагана, и остановили выдачу пенсіи, когда страной овладѣлъ Кундузскій миръ. Пекинскій кабинетъ, надменный съ иностранцами, поддерживаетъ постоянное сношеніе съ Кокандомъ, посылаетъ кокандскому хану и его министрамъ постоянные дары, не говоря объ оффиціальной уступкѣ пошлины. Не знаемъ, какъ называютъ китайцы свои отношенія къ Коканду. Предоставляя Коканду обширныя привилегіи, богдыханское правительство требуетъ отъ нихъ одного—имѣть надзоръ за ходжами и не дозволять имъ предпринимать газатъ. Какъ кокандцы исполняютъ свое обязательство, видно изъ историческаго очерка. Первое сношеніе Китая съ Кокандомъ и Средней Азіей началось тотчасъ послѣ покоренія Восточнаго Туркестана; Ердене и Нарбута, какъ пишутъ китайцы, признали ихъ владычество. Впослѣдствіи, когда ходжи переселились въ Кокандъ, китайцы начали входить въ болѣе тѣсные переговоры. Посланники китайскаго двора посѣщали Кокандъ, а кокандцы сносились съ хебэ-амбанемъ Южной линіи и получали богатые дары. Съ 1825 г. отноше-

нія измѣнились. Кокандцы, увидѣвъ слабость китайцевъ, воспользовались ходжами и въ 1831 г. заключили договоръ, по которому имъ были предоставлены пошлины съ товаровъ, привозимыхъ иностранцами и всѣ иностранцы подчинены вѣдѣнію кокандскаго аксакала. Эта должность отдается кокандскимъ ханомъ, какъ всѣ должности въ государствѣ, на откупъ. Первоначально въ это званіе назначались купцы, но въ послѣднее время замѣщали по преимуществу военными. Послѣдніе два аксакала были изъ сипаевъ и въ чинѣ датхи. Главный аксакалъ, имѣющій права резидента, живетъ въ Кашгарѣ, при немъ состоятъ зекетчи—сборщикъ податей, газначи—казначей, мирза-баши—правитель дѣлъ и нѣсколько сипаевъ для разныхъ порученій. Назначеніе аксакаловъ въ другіе города зависитъ отъ него и онъ, въ свою очередь, отдаетъ эти должности на откупъ по цѣнѣ, смотря по торговому значенію и доходу города, въ который нужно опредѣлить аксакала. Въ этомъ отношеніи Хотанъ, какъ главный пунктъ мануфактурной производительности и мѣсто оптовыхъ закупокъ, имѣетъ важное значеніе; говорятъ, что доходы, получаемые кокандцами съ этого города, равняются доходамъ пяти другихъ городовъ. Мѣсто хотанскаго аксакала стоитъ 16 ямбъ, аксуйскаго—8, еркендскаго—6, турфанскаго и янысарскаго—4; кромѣ того аксакалъ назначаетъ въ разныя селенія для полицейскаго надзора и для сбора податей диванъ-беги и въ улусы киргизъ рода Чонъ-Багышъ, ему подчиненныхъ, иль-беги—приставовъ. Въ Кашгарѣ онъ имѣетъ Курабашу—полиціймейстера, казіевъ—судей и имамовъ. При аксакалѣ находится маклеръ, назначаемый ханомъ и потому называемый ханъ-даллаль; этотъ чиновникъ получаетъ за посредничество при торговыхъ дѣлахъ иностранцевъ, если купля производилась на ямбу, съ одной по 3 золотыхъ, если на золото—съ 10 одинъ; за выходящіе изъ Кашгара караваны онъ беретъ съ каждаго вьючнаго животнаго по 2 тянга. Даллаль или маклеръ обязанъ платить ежегодно въ казну 1200 штукъ фу-чаю, т. е. около 3600 р. сер. Такъ какъ доходы его слишкомъ обширны, сравнительно съ тѣмъ, что вноситъ онъ въ казну, то аксакалъ назначаетъ ему товарищей. Доходы

самого аксакала опредѣлить очень трудно, потому что они слишкомъ сложны. Аксакалъ собираетъ пошлины $^1/_{40}$ часть съ товаровъ и со скота, принадлежащаго мусульманамъ, съ евреевъ и индусовъ $^1/_{10}$. Кромѣ этого аксакалъ пользуется подарками отъ купцовъ; требуетъ отъ всѣхъ своихъ консуловъ также подарковъ; съ анжанцевъ и чалгуртовъ, имѣющихъ дома и хозяйства, онъ собираетъ подать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Кокандѣ; съ хлѣбныхъ полей и съ хлопчато-бумажныхъ плантацій беретъ съ 10 батмановъ по одному, съ садовъ, огородовъ и искусственныхъ луговъ сборъ производится не съ произведеній, но съ земли: мѣрою служитъ танапъ,—0,375 десятины. Съ фруктовыхъ садовъ за каждый танапъ беретъ 10 тянга, а съ огородовъ и искусственныхъ луговъ 5 тянга. Отъ киргизъ берутъ съ 40 головъ скота по 1. О значительности годового дохода аксакала можетъ служить то, что при насъ въ 1 день собирали пошлины до 900 тилля—1500 р. сер.; не смотря на то, аксакалъ даетъ хану въ годъ только 800 или 1000 тилля, посылаетъ ему и его министрамъ подарки (тартугъ). При насъ Норъ Магометъ датха отправилъ ко двору 30 лошадей, зеленаго чаю и 9 девятокъ, которые составляли 18 ямбъ, 18 шубъ, шелковыя матеріи и фарфоръ.

Всѣ иностранцы подчинены кокандцамъ, чалгурты тоже. Это обстоятельство въ совокупности съ вліяніемъ кокандцевъ на предпріятія ходжей даетъ имъ то замѣчательное значеніе въ территоріи Шести городовъ, которымъ они умѣютъ пользоваться, какъ нельзя лучше. Четвертая часть населенія Шести городовъ, около 145,000 душъ зависитъ во всѣхъ отношеніяхъ отъ кокандцевъ, и это дѣлаетъ ихъ крайне безцеремонными, какъ въ сношеніяхъ съ китайцами, такъ и туземными властями. Кокандскій аксакалъ на оффиціальномъ китайскомъ языкѣ носитъ титулъ шань-я (торговый старшина), но въ сущности есть отдѣльный губернаторъ. Сначала туземные хакимъ-беки, которые называютъ себя шахами, тщеславные какъ азіатцы, недоступные какъ китайскіе мандарины, обращались съ аксакалами надменно, говорили имъ *ты*, особенно когда аксакалы были изъ купцовъ. Со времени на-

значенія Бай-хана покровительственный тонъ измѣнился на отношенія лицъ равныхъ. Бай-ханъ былъ чиновникъ и получилъ мѣсто аксакала изъ ошскаго зекатчи. Пріѣхавъ въ Кашгаръ, онъ запретилъ всѣмъ анджанцамъ сходить съ лошадей передъ туземными чиновниками, потому что это не въ обычаѣ кокандцевъ, а отъ туземцевъ сталъ требовать, чтобы ему оказывали, согласно ихъ этикету, тѣ же церемоніи, какія хакимъ-беку. Между нимъ и правителемъ Кашгара началась пикировка. Бай-ханъ побилъ какого-то кашгарскаго чиновника, не сошедшаго предъ нимъ съ лошади, и потомъ, встрѣтившись съ хакимъ-бекомъ, несомымъ на носилкахъ, проскакалъ мимо, и одинъ изъ его свиты задѣлъ носилки; обиженный бекъ приказалъ своимъ тѣлохранителямъ схватить виновнаго. Кокандцы сдѣлали драку, народъ принялъ участіе, такъ что въ городѣ началась общая свалка. Анджанцы устроили баррикады для защиты своихъ кварталовъ и разгорячились до того, что стали рубить саблями и стрѣлять изъ ружей. Китайцы, узнавши о катастрофѣ, вступили въ посредничество и, чтобы смягчить кокандцевъ, грозившихъ выѣздомъ и войной, обвинили хакимъ-бека и лишили его мѣста. Такимъ образомъ аксакалы завоевали себѣ внѣшнія почести, равныя съ правителями. Въ Кашгарѣ иностранцы составляютъ почетное сословіе и пріобрѣли уваженіе народа. Есть народы, въ сношеніяхъ съ которыми уступчивость есть величайшая ошибка, которыхъ, какъ говорится, нужно держать въ черномъ тѣлѣ и дѣйствовать страхомъ: при малѣйшей уступкѣ, а еще хуже если замѣтятъ слабость, то дѣлаются требовательными и дерзкими. Кокандцы принадлежатъ къ разряду такихъ народовъ. Въ 1845 г., во время кипчаковъ, кокандскимъ аксакаломъ былъ Намедъ-ханъ, изъ ташкендскихъ купцовъ. Дикокаменный киргизъ изъ рода Найманъ—Тилля, преслѣдуя своего врага, киргиза Алимъ-бека, который, недовольный кипчаками, бѣжалъ на Тянь-шанъ,—Тилля, преслѣдуя Акимъ-бека съ шайкой чрезъ Кизылъ, вторгнулся въ границу китайскихъ пикетовъ, чтобы кратчайшимъ путемъ пройти на Терекъ. Китайцы были такъ перепуганы этимъ движеніемъ и не имѣя средствъ остановить, обрати-

лись къ кокандскому аксакалу съ большими дарами, чтобы онъ запретилъ киргизамъ входить съ оружіемъ въ границы. Намедъ-ханъ послѣ этого сталъ самъ возбуждать киргизъ къ подобнымъ дѣйствіямъ въ надеждѣ получить еще подарки. Доказательствомъ, какъ кокандцы пренебрегаютъ отношеніями къ китайскому правительству служитъ то, что всѣ кокандцы, служившіе ходжамъ, живутъ спокойно въ Кашгарѣ подъ покровительствомъ аксакала. Китайцы, хотя знаютъ участіе этихъ лицъ въ мятежѣ, но не смѣютъ ихъ преслѣдовать. Кокандцы какъ бы на зло даютъ имъ должности въ Кашгарѣ. Аксакалъ, назначенный Мала-бекомъ, тотъ самый, который служилъ ходжѣ и былъ у него минъ-башей. Въ пребываніе наше въ Кашгарѣ было два аксакала, и мы, будучи съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, знали хорошо ихъ дѣйствія съ китайскими и туземными властями. Первый аксакалъ, Насыреддинъ датха, былъ человѣкъ энергичный, прямой и какъ истый узбекъ, грубый; всѣ дѣятельные участники послѣдняго возстанія находились при немъ. Михтяръ Валихапъ былъ у него сборщикомъ податей, удайчей, казначей ходжи и многіе другіе, служившіе ему, находились при немъ. Насыреддинъ, будучи въ разладѣ съ хакимъ-бекомъ, дѣлалъ ему безпрестанныя непріятности и въ сношеніяхъ съ китайцами былъ дерзокъ и угрожалъ ходжей. По старой привычкѣ китайцы и калмыки продолжали безчинствовать на улицахъ, толпами разъѣзжали въ базарные дни, немилосердно наказывали нагайками всѣхъ тѣхъ, которые не успѣвали отстраниться и очистить дорогу и еще при насъ гонялиословъ, навьюченныхъ дровами, въ свою крѣпость, и потомъ, взявши дрова, ихъ пускали, такъ что бѣдные погонщики по цѣлымъ недѣлямъ отыскивали своихъ животныхъ. Насыреддинъ остановилъ эти безчинства, воспользовавшись слѣдующимъ поводомъ: пьяный сибо, въѣхавъ верхомъ въ кокандскій караванъ-сарай, за что-то ударилъ нагайкой почетнаго кокандца. Кокандцы сбросили его съ лошади и, избивши до полусмерти, отнесли въ дыпзу. Послѣ этого и другого подобнаго случая, явныя насилія и буйства китайцевъ были остановлены. Насыреддинъ позволялъ себѣ вмѣшиваться и въ дѣла туземцевъ; по его требованію были за-

крыты нѣсколько публичныхъ домовъ и запрещено распутнымъ женщинамъ въѣзжать въ городъ. Какъ ревностный мусульманинъ, онъ сокрушался пренебреженію, которое кашгарцы оказываютъ обрядамъ религіи, и убѣдилъ хакимъ-бека назначить одного ахуна въ званіи раиса, блюстителя благовѣрія. Когда этотъ чиновникъ появился на площади со знаками своего званія, въ чалмѣ, съ цѣпью на шеѣ, возбудилъ въ народѣ шумное удивленіе. Существованіе его было непродолжительно. Хакимъ-бекъ хотѣлъ, чтобы онъ, раисъ, какъ духовное лицо, могъ наказывать и анджанцевъ; аксакалъ же не хотѣлъ и слышать о подобномъ дѣлѣ и справедливо выразился, что хакимъ-беку хочется вымѣстить, чрезъ раиса, свою старую злобу на анджанцевъ,—предположеніе это совершенно оправдалось, потому что на третій день раисъ исчезъ и болѣе не появлялся. Преемникъ Насыреддина, Норъ-Мамедъ датха, былъ человѣкъ гуманный и вслѣдствіе долгаго пребыванія зналъ характеръ туземцевъ и соблюдалъ наружный этикетъ, который у кашгарцевъ считается признакомъ образованности. Съ хакимъ-бекомъ и туземными чиновниками въ частныхъ дѣлахъ онъ былъ друженъ, обмѣнивался подарками, представляя амбаню, чего ни за что не хотѣлъ его предшественникъ, а въ день китайскаго новаго года послалъ амбаню подарки. Одно обстоятельство ставило его въ щекотливое положеніе. Въ послѣднее время противъ кокандскаго аксакала явилась сильная оппозиція бухарцевъ. Большею частію бухарцы имѣютъ свою торговлю въ Еркендѣ. Купцы этой націи, пользуясь возстаніемъ 1857 г., совершенно отдѣлились отъ кокандцевъ, избрали своего аксакала Камиля и вмѣстѣ съ кашгарцами и бадахшанцами дѣятельно помогали туземному правительству противъ ходжи. Когда послѣ бѣгства Валихана всѣ анджанцы были арестованы, бухарцамъ сдѣлали исключеніе; съ другой стороны Садыкъ-бекъ, правитель селенія Ташмалыкъ, присоединилъ къ своему вѣдомству нѣсколько душъ горныхъ таджиковъ, которые прежде платили зекетъ аксакалу. Насыреддинъ датха и Норъ Магометъ на основаніи трактата, по которому всѣ иностранцы въ территоріи Шести городовъ были подчинены кокандскому аксакалу, требовали выдачи бухарца

Камиля и возвращенія въ ихъ зависимость таджиковъ. Китайцы не могли отказать прямо, но медлили исполненіемъ. Кокандскій посланникъ Мядъ-Керимъ-бій, пріѣхавшій въ Кашгаръ вмѣстѣ съ новымъ аксакаломъ, настоятельно требовалъ исполненія и грозилъ, что прерветъ всякія сношенія. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но должно полагать, что не въ пользу бухарцевъ какъ по причинѣ ихъ малочисленности, такъ и потому, что китайцы не имѣютъ съ бухарскимъ эмиромъ оффиціальныхъ сношеній. Подобный случай былъ прежде въ Хотанѣ и виновникъ его былъ присланъ въ Кашгаръ къ аксакалу въ кандалахъ и подъ стражей. Эти два случая показываютъ, что китайцы, хотя косвеннымъ путемъ, хотѣли бы ограничить ту власть, которую вынуждены были дать кокандцамъ. Послѣ Чжангеровскаго возстанія китайцы думали наказать кокандцевъ и, прервавъ торговыя сношенія съ Кокандомъ, послали въ Бухару посла просить содѣйствія эмира и возстановить его противъ кокандцевъ. Эмиръ уклонился отъ прямыхъ сношеній, предложенныхъ китайцами; говорятъ, что эмиръ, какъ правовѣрнѣйшій монархъ, считалъ неприличнымъ имѣть дѣла съ идолопоклонниками,—мы же думаемъ, что отдаленность Бухары и необходимость проходить его послу чрезъ враждебныя владѣнія Коканда и кундузскаго мира были настоящей причиной этой умѣренности. Съ Кундузомъ китайцы также думали завести дружбу, и отъ Муратъ-бега пріѣзжалъ посолъ; но какъ этотъ владѣтель не можетъ имѣть вліянія на ходжіевъ, то и сношеніе прервано. Происшествія 1830 г. показали китайцамъ всю опасность для нихъ кокандцевъ и привели постепенно къ настоящимъ результатамъ. Китайцы до того запуганы кокандцами, что предоставляютъ имъ полную свободу дѣйствій, переходящихъ иногда всѣ границы умѣренности, хотя хорошо знаютъ ничтожность этого владѣнія. Китайцы объ азіатскихъ народахъ знаютъ очень мало, какъ о варварахъ, не стоющихъ вниманія. Мусульманскій востокъ извѣстенъ имъ подъ названіемъ хой-хой-бу, начиная отъ Малой Бухаріи до Мекки. Всѣ средне-азіатцы носятъ имя анджанцевъ, включая сюда персіянъ, кабульцевъ и проч. Связь Коканда съ спокойствіемъ Южной линіи заставила ихъ обратить

вниманіе на этихъ дикарей и слѣдить за ходомъ событій въ ихъ землѣ. Теперь они отличаютъ Бухару—Айвухань отъ Коканда—Аньцзы-чжень. Внутреннія распри этихъ владѣній хорошо имъ извѣстны, тѣмъ болѣе, что сами кокандцы мало это скрываютъ. Одинъ изъ кашгарскихъ аксакаловъ былъ казненъ, а другіе подвергаются при смѣнѣ истязаніямъ и побоямъ, такъ что китайцы очень часто входили съ просьбой о человѣколюбіи. Знакомство китайцевъ съ настоящимъ положеніемъ Коканда имѣло тотъ только результатъ, что они перемѣнили церемоніалъ въ сношеніяхъ. Въ прежнее время посланниками въ Кокандъ посылались китайцы, и кокандскихъ пословъ принималъ хебэ-амбань. Послѣдній китаецъ въ Кокандѣ былъ при восшествіи Ширали-хана, онъ пріѣзжалъ для сожженія траурнаго костра по убитомъ ханѣ Мадали и привезъ новому хану 200 ямбъ, шелковыя матеріи и фарфоръ. Съ этого времени стали посылать послами туземныхъ бековъ или духовныхъ лицъ, и кокандскихъ посланцевъ принимаетъ кашгарскій амбань. Употребленіе духовныхъ лицъ въ томъ отношеніи выгодно для Китая, что имъ въ Кокандѣ оказываютъ болѣе уваженія, между тѣмъ какъ посланцевъ изъ китайцевъ подвергали разнымъ унизительнымъ церемоніямъ и ханъ, разговаривая съ ними, не иначе относился какъ словомъ кафиръ. Кокандскій посланецъ, бывшій при насъ, жилъ въ посольскомъ домѣ, около дворца хакимъ-бека, который продовольствовалъ его и его свиту. Кокандцы мало обращаютъ вниманія на внѣшнюю церемонію и этикетъ, а заботятся о подаркахъ, которые получаютъ также исправно, какъ и прежде. Вообще нельзя не удивляться терпѣливой политикѣ китайскаго правительства относительно кокандцевъ, которые пользуясь такими привиллегіями, сами пренебрегаютъ своими обязательствами и имѣютъ дерзость настаивать о точномъ исполненіи договора 1831 года, нарушая безпрестанно основные пункты этого союза. Во всѣхъ возстаніяхъ кокандцы принимаютъ дѣятельное участіе, и первые изъ передававшихъ городъ ходжамъ были представители кокандскаго хана—аксакалы. При такомъ порядкѣ спокойствіе Восточнаго Туркестана никогда не можетъ быть установлено. Правительство

кокандское мало обращаетъ вниманія на это, потому что это не разрываетъ ихъ сношенія и не мѣшаетъ имъ пользоваться прежними правами; что же касается до сущности, то прямая ихъ выгода требуетъ поддерживать настоящій порядокъ вещей. Когда китайцы послѣ долгаго спокойствія начинаютъ забывать или уменьшать дары и ограничивать ихъ привилегіи, они не препятствуютъ или даже желаютъ, чтобы ходжи предприняли газатъ, какъ въ 1847 г., и когда ходжи усиливаются, и возстаніе принимаетъ народный характеръ, когда ходжи отстраняютъ ихъ вмѣшательства,—они стараются произвести несогласіе въ войскѣ и своимъ бѣгствомъ разстраиваютъ ополченіе ходжіевъ. Китайцы имъ обязаны скорымъ погашеніемъ всѣхъ возстаній. Такимъ образомъ они въ мирное время пользуются китайскими дарами и пошлиной, а во время возстанія производятъ грабежи и берутъ подарки отъ ходжіевъ. Держать въ постоянномъ страхѣ китайцевъ и туземныхъ властей и поддерживать надежду возвратить свободу родины въ ходжіяхъ и кашгарцахъ есть основной ихъ принципъ. Китайцы хорошо это понимаютъ и отъ души ненавидятъ кокандцевъ. Когда мы поѣхали для покупки чаю въ китайскій городъ, народонаселеніе его встрѣтило насъ такъ недружелюбно, что мы должны были скрыться скорѣе въ магазинъ,—это было первое посѣщеніе кокандцами китайскаго города послѣ возстанія. Всюду слышались брани и особенно часто слово «воръ». Туземные чиновники также не любятъ кокандцевъ, потому что они пренебрегаютъ ими и, главное, не отдаютъ имъ поклоновъ. Нѣсколько разъ при насъ были стычки съ туземными беками. Въ нашемъ сараѣ одинъ кокандецъ поспорилъ съ знатнымъ бекомъ: кашгарецъ поднялъ нагайку, чтобы ударить, но получилъ самъ плюху отъ авганя, стоявшаго возлѣ; на помощь чиновнику бросилась его прислуга; дорога, лакеи, конюхи и другія лица, причастныя къ категоріи чиновниковъ, сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Мы отразили нападеніе, при чемъ отличались особеннымъ усердіемъ авганы и заперли ворота. Толпа не снимала осады и бросала чрезъ стѣну камнями. По настоянію аксакала виновникъ драки чиновникъ съ синимъ шарикомъ и еще нѣсколько другихъ были

наказаны розгами. Въ Япысарѣ кокандскій аксакалъ этого города побилъ ишкагу и съ своими подчиненными осадилъ домъ хакимъ-бека, куда скрылся ишкага отъ побоевъ. На этотъ разъ также обвинили туземнаго чиновника. Переводчики амбаня молодые люди хорошихъ фамилій, въ нетрезвомъ видѣ, поколотили двухъ кокандскихъ извощиковъ за то, что они не хотѣли исполнять колѣнопреклоненіе. Аксакалъ принялъ въ этомъ дѣлѣ, по настоянію всего иностраннаго общества, горячее участіе и хотѣлъ донести амбаню. Переводчики при посредничествѣ одного богатаго и вліятельнаго кокандскаго купца едва отдѣлались, заплативъ 6 ямбъ штрафу и публично просили извиненія у аксакала. Послѣ этого очень понятно, что туземныя власти не любятъ кокандцевъ. Народъ же имѣетъ противоположное чувство, онъ видитъ въ кокандцахъ оппозицію противъ властей, которыхъ онъ ненавидитъ и привыкъ видѣть въ нихъ начальниковъ, потому что при возстаніяхъ кокандцы стоятъ въ главѣ управленія, кромѣ того родственныя связи по бракамъ соединяютъ народъ съ иностранцами. Туземцы, если имѣютъ чины или деньги, дѣлаются недоступными, между тѣмъ какъ самые знатные кокандцы ведутъ знакомство со всѣми слоями общества.

Въ связи съ отношеніями Коканда къ Китаю находится также и участіе, которое принимаютъ дикокаменные киргизы въ дѣйствіяхъ ходжіевъ. Киргизы своими кочевками огибаютъ границы Восточнаго Туркестана отъ Аксу до Хотана и по сосѣдству принимали участіе во всѣхъ смутахъ потрясавшихъ эту страну съ XVI вѣка.

Всѣ дикокаменные киргизы, хотя по мѣсту своихъ кочевокъ принадлежатъ къ предѣламъ разныхъ государствъ, но признаютъ власть кокандскаго хана; въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ родъ Богу, находящійся съ 1852 года въ нашемъ подданствѣ, но продолжающій платить кокандцамъ зекетъ и китайцамъ дань, и небольшое поколѣніе въ 500 юртъ, кочующее около селенія Ташмалыкъ и совершенно зависящее отъ Китая. По отношеніямъ къ Коканду киргизъ можно раздѣлить на подданныхъ Коканда и на признающихъ его власть; первые пользуются одинаковыми правами

съ узбеками, служатъ въ войскѣ и занимаютъ военныя и гражданскія мѣста. Другіе платятъ зекетъ и обязаны давать вспомогательныя войска въ случаѣ надобности. Относительно гражданскаго управленія и въ военномъ отношеніи Кокандское ханство раздѣляется на нѣсколько намѣстничествъ, или военныхъ округовъ. Дикокаменные киргизы, по мѣсту своихъ кочевокъ, приписаны вѣдомству округовъ: маргеланскаго, ошскаго, анджанскаго. Киргизы, которые кочуютъ въ Ферганской долинѣ, вносятъ налоги правителю города, около котораго кочуютъ, записаны въ войска этихъ округовъ и находятся въ совершенномъ подданствѣ Коканда. Къ этому разряду принадлежатъ племена: Адгине, Ичкиликъ, Мундусъ, Мунулдыры и частію Найманы; а поколѣнія, признающія только покровительство, принадлежатъ вѣдомству анджанскаго и ташкендскаго намѣстниковъ. Къ этому разряду принадлежатъ киргизы, кочующіе на Памирѣ и Куэнь-лунѣ. Для наблюденія за киргизами кокандцы имѣютъ въ ихъ кочевкахъ укрѣпленія и особыхъ чиновниковъ, ильбеги, которые живутъ въ ихъ улусахъ. Киргизы, кочующіе въ нагоріи Сыртъ и по р. Нарыну, подчинены анджанскому правителю, который завѣдуетъ и укрѣпленіями: Куртка и Тугусъ-Тарау на Нарынѣ, и Чжумгалъ на р. того же названія. Кочующіе по Таласу и Чу подчинены ташкентскому намѣстнику; для наблюденія за ними и кайсаками построены укрѣпленія: Чулакъ-курганъ, Авліе-ата, Соли-курганъ, Мерке, Пишпекъ и Токмакъ. Болорскіе киргизы имѣютъ въ своихъ кочевкахъ два укрѣпленія: Бустанъ-терекъ и Ташъ-Курганъ на Памирѣ. Въ отношеніи этихъ киргизъ, которые распространяются кочевьями до Хотана, еще не установились правильныя отношенія. Для сбора зекету разъѣзжаютъ въ ихъ улусахъ то маргеланскіе, то ошскіе сипаи. Чонъ-багиши платятъ зекетъ кашгарскому аксакалу. При всемъ томъ власть Коканда надъ киргизами слаба и они мало слушаются хакимовъ, особенно въ послѣднее время. Мали-бекъ взошелъ на престолъ при помощи киргизъ и кипчаковъ. Алимъ-бекъ датха, теперешній кокандскій визирь, есть дикокаменный киргизъ; въ хакимы и въ начальники войскъ назначено много киргизъ.

Киргизы издавна принимають участіе въ возстаніяхъ въ Кашгарѣ.

Киргизы худые мусульмане, о догматахъ вѣры имѣютъ самое темное понятіе, сохраняютъ шаманскіе обряды и грамотѣ не учатся; потому участіе ихъ въ предпріятіяхъ ходжіевъ нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ жаждой добычи; впрочемъ, чѣмъ болѣе народъ религіозно невѣжественъ, тѣмъ болѣе суевѣренъ. Мы встрѣтили на Тянь-шанѣ фамилію киргизъ изъ племени калмакы, которые были богаты. Они объяснили, что богатство ихъ происходитъ оттого, что предки ихъ Мамске и Шопакъ служили братьямъ Бурханеддину и Ходиджану и что ходжи дали имъ благословеніе. У нихъ какъ святыня хранится желѣзный треногъ, принадлежавшій одному изъ этихъ ходжіевъ. Киргизы увѣряли насъ, что когда у нихъ заболѣваетъ лошадь, то стоитъ надѣть этотъ треногъ чтобы исцѣлить животное. Какъ бы то ни было, киргизы были и будутъ дѣятельными участниками ходжей. При Чжангирѣ киргизы Саякъ, Чирикъ, Бассысъ и Бугу были партизаны ходжей; а Чонъ-багыши сносились съ китайцами, но тайно. Одинъ изъ родоначальниковъ ихъ, Измаилъ, по ненависти къ Чженгиру, получилъ прозваніе черногорца. Главные партизаны ходжіевъ киргизы, кочующіе на Тянь-шанѣ; Бугу, Сарбыгиши и Султу, не принимали прямого участія. Въ 1846 г. Тавеккель-ходжа, собирая приношенія для предположеннаго газата, посѣтилъ аулы этихъ родовъ. Его всюду принимали съ почтеніемъ и богатыми приношеніями. Киргизы знаютъ страхъ, внушаемый китайцамъ ходжей и пользуются этимъ для корыстолюбивыхъ цѣлей; одинъ изъ родоначальниковъ Чириковъ, Турдука, кочующій со своими родами по р. Кокша, около Турфана, былъ недоволенъ амбанемъ этого города, чтобы заставить его быть уступчивымъ, схватилъ какого-то сарта, навернулъ на него чалму и подступилъ къ стѣнамъ Турфана, выдавая чалмоносца за ходжу; только красный шарикъ и ежегодные дары успокоили этого киргиза. Киргизы существенной пользы хотя приносятъ ходжамъ очень мало, но важны для нихъ въ томъ отношеніи, что всегда готовы къ ихъ услугамъ. Замѣчательно то, что при появленіи

ходжей киргизы считаютъ отношенія свои къ Коканду необязательными и не слушаются кокандцевъ, а исполняютъ только волю ходжей. Киргизы, которыхъ мы встрѣтили на пути, только и говорятъ о газатѣ и съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда Бузрукъ ханъ [1]) сядетъ на коня. Китайцы участіе киргизъ въ возстаніяхъ считаютъ въ связи съ вліяніемъ Коканда и это еще болѣе увеличиваетъ въ ихъ глазахъ значеніе кокандскаго хана; но стараются подарками склонить киргизъ на свою сторону и имѣютъ въ ихъ улусахъ своихъ агентовъ.

Отношеніе китайцевъ съ Тибетомъ дружественное; здѣсь они обращаютъ все свое вниманіе и бдительность на то, чтобы не дозволить англичанамъ проникнуть въ свои владѣнія. Еркендскій амбань принимаетъ часто посольство отъ Гильдитовъ и даритъ ихъ чаемъ, серебромъ и другими вещами, которыя посланники троглодиты уносятъ на своихъ плечахъ.

Основной принципъ Имперіи не допускать иностранцевъ въ свои владѣнія распространяется въ Восточномъ Туркестанѣ на англичанъ и русскихъ, ибо армяне прежде жили въ Кашгарѣ и имѣли свою церковь. Опасенія противъ англичанъ тѣмъ болѣе сильны, что въ Малой Бухаріи господствуетъ мнѣніе, что Индѣйская компанія посылала агентовъ для того, чтобы вызвать ходжей въ Кашгаръ и предлагала имъ свою помощь. Въ какой степени это справедливо, мы не знаемъ. Говорятъ, что въ 1855 или 1856 г., хорошо не помнимъ, англичане приходили въ Еркендъ и были возвращены обратно. При насъ поговаривали, что въ Хотанъ пріѣзжалъ агентъ, чтобы узнать о судьбѣ убитаго европейца, котораго, судя по времени и обстоятельствамъ, нужно принять за прусскаго ученаго Адольфа Шлагентвейта. Китайцы отвѣчали, что европеецъ убитъ инсургентами, потому они не знаютъ обстоятельствъ происшествія. Въ какой степени русскіе возбуждаютъ опасеніе китайцевъ Южной линіи и особенно туземныхъ властей, можно судить потому, какъ встрѣтили нашъ караванъ въ Кашгарѣ.

[1]) Бузрукъ-ханъ—единственный сынъ Джангира. Онъ еще не предпринималъ газата.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что состояніе Восточнаго Туркестана въ настоящую эпоху самое плачевное и одинаково неблагопріятно какъ для китайцевъ, такъ и для ходжей. Мѣра, принятая китайскимъ и туземнымъ правительствомъ весьма слаба и вообще ихъ политика не имѣетъ никакихъ залоговъ къ возстановленію спокойствія и тишины, а ограничивается строгою экзекуціей послѣ мятежей, стѣснительными и подозрительными происками въ обыкновенное время, мѣрами, ведущими опять къ мятежамъ. Для того, чтобы ходжи имѣли успѣхъ, нужно, чтобы изгладилась вражда между черногорцами и бѣлогорцами, а это очень трудно. Кокандцы всегда будутъ разыгрывать свою двуличную роль, ибо она для нихъ выгодна. Такимъ образомъ безпорядкамъ въ этой странѣ не предвидится конца. Послѣднее событіе всего лучше выражаетъ это безнадежное положеніе Малой Бухаріи. Съ 1857 г. туземными беками были приняты возможныя мѣры къ предупрежденію внезапныхъ набѣговъ ходжей, китайцы объявили, какъ говорятъ, рѣшеніе, что туземныя власти должны защищать свой городъ отъ внѣшнихъ нападеній и что всѣ тѣ изъ нихъ, кои при появленіи непріятеля оставляютъ свои посты, будутъ подвергнуты смертной казни. Если это справедливо, то объявленная мѣра безъ сомнѣнія будетъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ пробужденію бековъ отъ бездѣйствія и безпечности. До сихъ поръ они брали взятки, угнетали народъ различными способами, и когда являлись ходжи, беки, не принимая никакихъ мѣръ, скрывались въ китайскую крѣпость, и только хакимъ-беки подвергались за нерадѣніе штрафу или временной ссылкѣ въ Илю. Вслѣдствіе новаго рѣшенія беки поставлены въ весьма непріятное положеніе: если ходжа возьметъ Кашгаръ, то имъ грозитъ неизбѣжная смерть или подъ ударами ходжи или же въ китайскомъ судѣ. Во избѣжаніе всего этого они предприняли слѣдующія мѣры: 1) Для полученія своевременныхъ извѣстій о бѣгствѣ ходжей и вообще для наблюденія за ихъ дѣйствіями имѣютъ агентовъ въ Кокандѣ и особенно въ пограничномъ городѣ Ошъ (Тахтъ-Сулейманъ) и всѣхъ киргизскихъ родоначальниковъ, кочующихъ по Теректамъ, Узгену

и Нарыну; 2) составлено ополченіе изъ жителей окрестныхъ деревень числомъ до 1000 человѣкъ, изъ этого 500 человѣкъ изъ селенія Алтынъ и Устынъ-Артышъ, Бишъ-карымъ и Аргу обозрѣваетъ черту карауловъ на сѣверо-востокъ и часть въ горахъ на сѣверо-западной границѣ. Ополченіе это вооружено топорами, дротиками и ружьями, въ такомъ порядкѣ, что тотъ, кто имѣетъ топоръ, не имѣетъ ни ружья, ни дротика и т. д. Они отправляютъ службу на своихъ собственныхъ лошадяхъ и въ своей одеждѣ, отличіемъ ихъ званія служатъ красные лоскутки съ китайской надписью, пришитыя къ лѣвому плечу. 3) Надѣланы топоры и дротики, которые хранятся у городскихъ воротъ и при зданіи полиціи на тотъ случай, чтобы народъ могъ вооружаться противъ ходжей. Всѣ купцы обязаны безплатно сковать извѣстное число этого оружія, а желѣзо доставляетъ правительство. 4) Учрежденъ постоянный караулъ на городскихъ стѣнахъ, на которыхъ поочередно командируются чиновники и даже мулла. Въ этихъ случаяхъ, когда почему либо ждутъ нападенія, караулъ усиливается и почти всѣ беки присутствуютъ на городскихъ башняхъ. На шести башняхъ, говорятъ, есть четыре пушки, оставшіяся отъ ходжи, но мнѣ удалось видѣть одну.

Съ извѣстіемъ о безпорядкахъ въ Кокандѣ вниманіе кашгарскаго правительства было обращено на эту сторону, особенно когда караваны были задержаны въ г. Ошѣ, и прямыхъ извѣстій не получалось. Въ это время безпрерывно пріѣзжали кашгарскіе агенты съ извѣстіями, повидимому, неблагопріятными; у городскихъ воротъ усилили стражу и одинъ чиновникъ наблюдалъ за пріѣзжающими и отъѣзжающими кокандцами. По ночамъ по улицамъ разъѣзжали съ факелами разъѣзды для предупрежденія внутреннихъ безпокойствъ, и на стѣнахъ усилены были караулы. Съ 1857 г. постоянно воспрещается ходить въ 9 часовъ по улицамъ и потому въ каждомъ кварталѣ стоятъ часовые и разъѣзжаютъ ночные патрули подъ названіемъ джесакчи. Причиною такой тревожной заботливости туземныхъ властей, какъ мы узнали послѣ, былъ слухъ, что Валиханъ-тюря бѣжалъ въ Кашгаръ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ для устраненія безпокойствъ въ народѣ, особенно памятенъ кашгарцамъ указъ, изданный 5 марта по слѣдующему поводу. Мусульманскій праздникъ баратъ, который приходился 15 числа магометанскаго мѣсяца шагбана, издавна праздновали въ Кашгарѣ съ особеннымъ торжествомъ. Къ баратской вечернѣ обыкновенно собирались изъ отдаленныхъ городовъ и деревень богомольцы къ гробницѣ ходжи Аппака, родоначальника фамиліи нынѣшнихъ ходжей, который въ мусульманскомъ мірѣ извѣстенъ за одного изъ первоклассныхъ святыхъ. Городъ Кашгаръ буквально переселялся въ сады, окружающіе этотъ надгробный храмъ; содержатели ресторановъ, торговцы фруктами, сахаромъ, пирожными и разными съѣстными продуктами перекочевывали въ это мѣсто. Ночью гробница, мечеть и другія зданія были иллюминованы разноцвѣтными фонарями и послѣ службы до другого дня продолжалось въ садахъ гулянье.

Хакимъ-бекъ, по приказанію китайцевъ, для отвращенія сбора такого многочисленнаго народа, отдалъ 5 марта приказъ, чтобы къ 15 числу шагбана никто не смѣлъ идти къ гробницѣ Аппака. Всѣ обвиненные въ нарушеніи приказа должны были подвергнуться: мущины тѣлесному наказанію, а женщины лишенію нарядовъ, въ которые будутъ одѣты; также воспрещалось собираться толпами на улицахъ и разговаривать.

Мы помнимъ, что изъ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ послѣдняя возбудила неудовольствіе всѣхъ сословій и всеобщее убѣжденіе было таково, что святой Аппакъ не оставитъ безъ наказанія это святотатство.

Китайское правительство съ своей стороны послѣ возстанія въ 1857 г. ввело только одно новое правило. Для скорѣйшаго полученія извѣстія о возстаніяхъ кашгарскому амбаню предоставлено право сноситься съ цзянь-цзуномъ, что прежде производилось чрезъ яркендскаго хебэ-амбаня.

Дѣйствительно, слухи о бѣгствѣ ходжи были справедливы, какъ узнали мы послѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Малибекъ, старшій братъ хана Худояра, явился въ Маргеланъ и сталъ собирать войска противъ

брата. Кашгарскіе эмигранты готовились въ это время къ газату и были на военной ногѣ. Тилля-ханъ, бывшій въ 1858 г. япысарскимъ правителемъ и начальникомъ еркендскаго отряда, собралъ своихъ кашгарцевъ и первый сталъ подъ знамя Малибека. Кичикъ-ханъ-тюря, пользуясь смутами въ Кокандѣ, бѣжалъ, чтобы предпринять газатъ, но увидѣлъ, что соотечественники его были вовлечены въ дѣло Малибека, оставилъ свое намѣреніе и явился въ лагерь Малибека въ то время, когда онъ осаждалъ Кокандъ. Вскорѣ прибылъ къ Малибеку и Валиханъ-тюря, которому онъ далъ бунчукъ и обѣщалъ, что если возьметъ Кокандъ, то сдѣлаетъ его ходжакаляномъ, отдастъ въ его управленіе всѣхъ кашгарцевъ, а будущей весной пойдетъ самъ на Кашгаръ, чтобы помочь ему овладѣть этимъ городомъ. Когда Мали-бекъ сдѣлался ханомъ и отправилъ Наръ-Магомета датху аксаkаломъ въ Кашгаръ, Валиханъ успѣлъ выѣхать изъ Коканда, но бѣгство его было открыто и его привели обратно подъ стражей. Вслѣдствіе этого, говорятъ, Малибекъ отнялъ отъ Валихана бунчукъ и знамя и передалъ ихъ Каттэ-ханъ тюрѣ, поручивъ ему главный надзоръ и отвѣтственность за своими родственниками. Малибекъ приказалъ, чтобы каждый день три раза всѣ чины фамиліи Аппаковъ являлись къ Каттэ-хану на салямъ, а о томъ, который не явится, доносить тотчасъ ему; говорили также, что впредь за самовольныя отлучки изъ Коканда ханъ объявилъ ходжамъ изгнаніе и тюремное заключеніе и что Валихана сослалъ въ Туркестанъ. Достовѣрность этихъ слуховъ была сомнительна, но было вѣрно то, что ханъ принялъ предохранительныя мѣры противъ вторженія ходжей въ Кашгаръ и облачилъ Каттэ-хана въ званіе главы семейства; а извѣстіе, что ханъ сослалъ Валихана въ Туркестанъ, была выдумка аксакала для пріобрѣтенія выгодъ при переговорахъ кокандскаго посланника съ китайцами. Повидимому кашгарскіе чиновники мало довѣряли кокандцамъ. Въ это самое время слухи о бѣгствѣ ходжи еще болѣе усилились между народомъ, говорили, что Валиханъ находится у дикокаменныхъ киргизъ. На всѣхъ площадяхъ и въ тавернахъ женщины и дѣти только и говорили о томъ.

что скоро будетъ ходжа. Кашгарцы чрезвычайно боятся Валихана и когда разнесся слухъ, что онъ идетъ опять на Кашгаръ, туземцы были въ отчаяніи. Вездѣ слышались слова: «что мы будемъ теперь дѣлать, господинъ перерѣжетъ теперь всѣхъ насъ»? и прочая. Когда имъ говорили, что въ такомъ случаѣ самое лучшее не пускать его и защищаться, они съ удивленіемъ спрашивали: «развѣ можно сопротивляться ходжѣ»? Милиція, набранная для защиты города, показывая на оружіе, говорила: «зачѣмъ намъ его дали? неужели мы будемъ стрѣлять на ходжу? мы—мусульмане и заботимся о спасеніи нашихъ душъ». Очень понятно послѣ того, что если опять придутъ ходжи, то городъ будетъ также легко взятъ, какъ въ 1857 г. Въ заключеніе мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ и способностяхъ ходжей, которые могутъ быть въ главѣ будущихъ возстаній.

Сарымсакъ-ходжа, бѣжавшій отъ избіенія китайцевъ, имѣлъ трехъ сыновей: Юсуфъ-ходжу, Пахаведдинъ-ходжу. Старшій жилъ въ Бухарѣ и въ 1830 г., вызванный кокандцами, произвелъ возстаніе. Второй былъ убитъ во время возстанія 1825 г., и третій Чженгиръ, извѣстный претендентъ, казненъ китайцами.

Юсуфъ-ходжа оставилъ трехъ сыновей: Ишанъ-ханъ-тюрю, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Каттэ-ханъ-тюря, Валиханъ-тюрю и Кичикъ-ханъ-тюрю. Старшій изъ нихъ былъ главой возстанія 1847 г., онъ человѣкъ слабый, недалекаго ума и время своего владычества ознаменовалъ сборомъ обширнаго гарема. Валиханъ-тюря, человѣкъ энергичный, не глупый; но подверженъ куренію хашиша и жестокъ; личность его мы обрисовали прежде. Кичикъ-ханъ тюря не отличается особенными качествами; онъ нѣсколько разъ предпринималъ газатъ, но безуспѣшно: въ первый разъ его поймалъ комендантъ Куртки и препроводилъ въ Кокандъ, въ 1847 и 1857 г. онъ участвовалъ въ возстаніяхъ, но отдѣльныхъ постовъ ему не поручали.

Чжангиръ оставилъ одного сына Бозурукъ-ханъ-тюрю. Какъ представитель старшей линіи, онъ носитъ титулъ Махтуми-азямъ; 38-ми лѣтъ, считается человѣкомъ ученымъ и

святымъ, характера мягкаго; его въ Кокандѣ и въ Малой Бухаріи чрезвычайно уважаютъ, такъ что Валиханъ взялъ Кашгаръ его именемъ; на него возлагаютъ теперь мало-бухарцы всю свою надежду и киргизы съ нетерпѣніемъ ждутъ газата, во главѣ котораго будетъ этотъ принцъ. Кашгарцы говорятъ, что въ Пекинѣ есть отрасль ходжей изъ фамиліи Аппакъ, происходящая отъ Турду-ходжи, который былъ взятъ въ плѣнъ при покореніи Восточнаго Туркестана. Ходжа этотъ имѣлъ титулъ гунъ. Въ 1856 г. привезено было тѣло одного изъ его потомковъ для преданія землѣ въ фамильномъ склепѣ Аппаковъ. Наибъ этого ходжи, привезшій тѣло, не зналъ турецкаго языка и одѣтъ былъ въ китайское платье.

V отдѣлъ.

Промышленность и торговля.

Промышленность въ Восточномъ Туркестанѣ менѣе развита, чѣмъ въ сосѣднихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Непомѣрные налоги останавливаютъ успѣхи промышленности и торговли. Вслѣдствіе частыхъ войнъ, поля очень часто остаются не воздѣланными. Поселяне во время войны отрываются отъ своихъ обычныхъ занятій и послѣ возстанія перебираются за границу.

Виды сельскаго хозяйства въ Восточномъ Туркестанѣ суть: хлѣбопашество, воздѣлываніе хлопчатой бумаги, конопли, кунжута, искусственное луговодство, шелководство (только въ Хотанѣ), разведеніе табаку, огородничество, садоводство и скотоводство.

Хлѣбопашество и разведеніе хлопчатой бумаги составляютъ главный предметъ народнаго богатства, ими оплачиваютъ туземцы свою подать китайцамъ, ими же давали дань монгольскимъ ханамъ.

Надо отдать справедливость туркестанцамъ въ трудолюбіи, съ которымъ они обработываютъ неблагодарную почву для своихъ посѣвовъ. Способъ распашки, система орошенія и время посѣва совершенно одинаковы, какъ въ другихъ сред-

неазіатскихъ государствахъ. Передъ распашкой поля наводняютъ изъ каналовъ и послѣ посѣва снова напускаютъ воду. Земледѣльческія орудія туркестанцевъ суть плугъ съ деревяннымъ сошникомъ и доска съ гвоздями, замѣняющая борону. Обмолотку производятъ лошадьми, гоняя ихъ кругомъ столба, или же посредствомъ каменнаго чурбана или деревяннаго, который привязываютъ къ лошади за гужи,—способъ заимствованный у китайцевъ. Землю пашутъ лошадьми, запряженными по-парно; между тѣмъ какъ во всей Средней Азіи для этого употребляются быки, а у киргизъ—верблюды. Почву удабриваютъ навозомъ, поля мѣняютъ чрезъ три года и даже болѣе. Мельницы строютъ водяныя и китайской конструкціи.

Хлѣбныя растенія, засѣваемыя въ Малой Бухаріи, слѣдующія: *пшеница*, сѣется раннею осенью, а убирается въ іюнѣ или іюлѣ, наводняются же поля до шести разъ; *рисъ*, сѣютъ въ началѣ апрѣля и держатъ постоянно въ водѣ; снимается въ концѣ августа и сентября; *джугара*, или шулянъ, сѣется въ апрѣлѣ и снимаютъ въ концѣ сентября, орошается только два или три раза; изъ него дѣлаютъ хлѣбъ и употребляютъ для корма скота, а стебель идетъ на отопленіе; *ячмень* и *кукуруза* употребляются вмѣсто овса, первая сѣется осенью, а вторая ранней весной; *чечевица* и *просо* сѣются въ небольшомъ количествѣ, послѣднее идетъ на приготовленіе бузы.

Хлопчатую бумагу сѣютъ въ началѣ апрѣля, а убираютъ въ концѣ сентября. Плантаціи этого растенія сначала орошаютъ посредствомъ узкихъ канавъ, но не наводняютъ, а наводняютъ только тогда, когда растеніе начнетъ подниматься. Для очистки бумаги отъ зеренъ употребляется особенная машина. *Конопля*, изъ сѣмянъ ея выжимаютъ масло, а изъ цвѣтовъ женскаго рода приготовляютъ одуряющій экстрактъ бангъ (хашишъ); конопляные цвѣты для приготовленія банга завертываютъ въ капустные листы и парятъ въ горячей золѣ и потомъ въ просушенномъ видѣ замѣшиваютъ на молокѣ съ мукой. Хашишъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ продуктовъ вывозной торговли. *Конжутъ*, изъ сѣмянъ его приготовляется масло (зыгыръ), а изъ выжимковъ, вмѣстѣ съ конопляными и хлопчато-бумажными и съ соломенной сѣч-

кой дѣлаютъ лепешки, называемыя кунджара, которыя употребляются на кормъ верблюдовъ и коровъ.

По неимѣнію природныхъ пастьбищъ, луговодство производится въ большихъ размѣрахъ; для засѣва искусственныхъ луговъ употребляется *муссюй*. Муссюй сѣютъ въ шесть лѣтъ одинъ разъ, сѣютъ не густо и въ началѣ апрѣля; въ первый годъ трава эта не скашивается. Муссюй требуетъ частой поливки: чрезъ каждые десять дней. На второй годъ можно скашивать три раза, а въ слѣдующіе—до шести разъ. Первое кошенье производится тогда, когда растеніе цвѣтетъ. Муссюй употребляется вмѣсто сѣна, продается снопами въ 10 и 11 фунтовъ. Въ день достаточно для одной лошади 7 сноповъ. Свѣжій муссюй вреденъ и употребляется сухой; передъ тѣмъ, какъ кормить животное, посредствомъ машинки дѣлаютъ сѣчку.

Кромѣ того въ Малой Бухаріи сѣютъ *марену*, которая снимается на второй или третій годъ, это растеніе разводится, къ несчастію, въ весьма незначительномъ количествѣ.

Шелководствомъ занимаются только въ Хотанѣ и окрестныхъ ему селеніяхъ, уходъ и вынашиваніе червей совершенно одинаковы, какъ въ другихъ странахъ Азіи: коконы носятъ подъ рукою.

Табакъ преимущественно разводится въ Ушъ-Турфанѣ, онъ крѣпокъ, идетъ для продажи къ дикокаменнымъ киргизамъ. Въ другихъ городахъ Малой Бухаріи табаку родится очень мало и туземцами употребляется привозный изъ Коканда и Бухары, каршинскій (въ Бухарскомъ ханствѣ) считается лучшимъ.

Огородничествомъ туркестанцы занимаются съ успѣхомъ. Другіе виды земледѣлія, какъ напримѣръ садоводство, находится въ большомъ пренебреженіи. Судя по культурѣ фиговыхъ и гранатовыхъ деревъ, Малая Бухарія могла бы съ успѣхомъ заниматься садоводствомъ и обогатить свою флору разными фруктами и полезными растеніями. Въ Средней Азіи изъ винограда дѣлаютъ особенную патоку, называемую срыкъ, и вино; а торговля сушеными плодами, миндалемъ, грецкими орѣхами и фисташками составляетъ одну изъ главныхъ от-

раслей народнаго богатства. Въ Малой Бухаріи фрукты и плоды ограничиваются собственнымъ употребленіемъ хозяевъ и продажею на базарахъ въ свѣжемъ видѣ. Туркестанцы умѣютъ сохранять въ свѣжести плоды и дыни въ продолженіи всей зимы. Въ послѣднее время бухарскіе жиды стали дѣлать въ Кашгарѣ, по заказу анджанцевъ, виноградный спиртъ и мусаллесъ (вино); но туземцы употребляютъ водку, которую выкуриваютъ изъ джугары, и бузу изъ сорочинскаго пшена. Винокуреніемъ въ Восточномъ Туркестанѣ преимущественно занимаются китайцы.

Скотоводствомъ въ Малой Бухаріи почти не занимаются. Недостатокъ луговыхъ и пастбищныхъ мѣстъ препятствуетъ его развитію, только овцеводство, разведеніе яковъ и ословъ составляетъ предметъ занятій для жителей нѣкоторыхъ округовъ Малой Бухаріи, и то въ весьма незначительномъ количествѣ.

Долоны, жители Аксуйскаго и Турфанскаго округовъ, разводятъ овецъ калмыцкой породы, къ чему представляютъ удобство: для первыхъ луговыя берега р. Тарима, для другихъ горныя пастбища.

Въ Хотанѣ занимаются также разведеніемъ овецъ, дающихъ бѣлыя мягкія шкуры. Эта порода, какъ бухарскія овцы, довольствуется сухими и колючими растеніями степной флоры. Яки разводятся въ селеніяхъ еркендскаго и хотанскаго округовъ, имѣющихъ положеніе въ горахъ. Въ этомъ отношеніи извѣстны селенія Сарколъ на Памирѣ, Санджу и Килянъ въ ущельяхъ Куэнь-луна. Ослы, содержаніе которыхъ гораздо дешевле и проще уходъ, предпочитаются туземцами Малой Бухаріи для разводства. Другія животныя пригоняются изъ сосѣднихъ кочующихъ ордъ и содержатся въ количествѣ необходимомъ для разныхъ потребностей и потому относительно продовольствія мясною пищею Малая Бухарія находится въ совершенной зависимости отъ номадовъ.

Въ Малой Бухаріи, какъ и во всей Азіи, собственно мануфактуръ нѣтъ, а есть рукомесло. Этого рода промышленность находится здѣсь на низкой степени развитія и ограничивается производствомъ разныхъ бумажныхъ издѣлій. Надо

полагать, что относительно мануфактурной производительности Восточный Туркестанъ въ теченіе многихъ вѣковъ не сдѣлалъ никакого прогресса, ибо Гуэнъ-тсангъ, китайскій буддистъ, посѣтившій около 645 года отъ Р. Х. Хотанъ, говоритъ, что край этотъ производитъ шерстяные ковры, тонкій войлокъ, тарфу и нефритовый камень, произведенія, которыми почти ограничивается и теперь его фабричная дѣятельность. Разсмотримъ подробно всѣ мануфактурные продукты Шести городовъ.

1) Главнѣйшій продуктъ по обширному производству составляетъ: даба, бязь или мата. Кашгарская даба бываетъ двухъ сортовъ, которые извѣстны въ киргизской торговлѣ подъ названіями: *кокъ-джіекъ* и *хамъ*. Первый сортъ имѣетъ ширину отъ 6½ до 8 вершковъ, длину отъ 12 до 16 аршинъ. Хамъ раздѣляется еще на нѣсколько сортовъ: болѣе тонкій— *бишъ-бахъ* (пятиниточный), стоитъ конецъ въ Кашгарѣ 2 тянги и 10 пуловъ [1]). Туртъ-бахъ отъ 1 тянга и 3 пуловъ до 1 тянга и 4 пуловъ; эти два сорта имѣютъ отъ 12 до 14 аршинъ длины и отъ 6½ до 8 вершковъ ширины. Низкіе сорта хама суть: *джувтъ-хамъ*, отъ 10 до 12 в. ширины и отъ 13 до 14 аршинъ длины, цѣною отъ 95 до 80 пуловъ, *тахахамъ* отъ 35 до 45 пуловъ и *самъ-су*. Лучшій сортъ послѣдняго, называемый *чи-зябу*, стоитъ отъ 75 до 80 пуловъ; второй сортъ, файзбатскій, отъ 50 до 55 пуловъ; третій, артышскій, отъ 41 до 44 пуловъ. Независимо отъ этихъ родовъ дабы, въ Кашгарѣ производятъ особенный родъ тонкой бязи шанъ-мата въ 12 аршинъ длины и 12 вершковъ ширины. Въ Еркендѣ приготовляютъ одинъ сортъ дабы извѣстный подъ названіемъ *сары-бузъ*, имѣющій 11 аршинъ длины и отъ 10 до 12 вер. ширины; стоитъ на мѣстѣ отъ 65 пуловъ до 1½ тянга. Шиша или даекъ, имѣющій 10 верш. ширины и отъ 8 до 12 арш. длины, производится въ Аксу и стоитъ отъ 30 до 35 пуловъ конецъ. Въ Хотанѣ дѣлаютъ очень тонкій сортъ бязи *шанъмата*, которая идетъ въ казну, а въ торговлѣ встрѣчается

---

[1]) Тянга измѣняется по курсу на ямбу; по среднему курсу можно ее положить въ 20 коп. серебромъ нашей монеты; 5 пуловъ равняются 2 коп. серебромъ.

рѣдко, она имѣетъ отъ 10 до 12 арш. длины и 12 в. ширины, на мѣстѣ стоитъ отъ 80 пуловъ до 2 тянга.

2) *Бумажный холстъ* (чекмень) имѣетъ 17½ аршинъ длины и 8 в. ширины, въ Кашгарѣ стоитъ отъ 3 до 8 тянга; чекмень окрашивается въ сѣрый, коричневый, желтый и темносиній цвѣта. Въ Еркендѣ дѣлаютъ тонкіе сорта этого холста, который употребляется на верхніе кафтаны и стоитъ до 20 тянга.

3) *Машру*—грубая полушелковая матерія, производится въ Хотанѣ, имѣетъ длину отъ 7 до 8 аршинъ, а ширину въ 9 вер., стоитъ на мѣстѣ отъ 3 до 5 тянга; на ямбу же даютъ отъ 108 до 115 штукъ. Встрѣчается и высокій сортъ машру, котораго два куска стоятъ золотой.

4) Войлокъ приготовляется въ Хотанѣ и въ селеніи Баи въ Аксуйскомъ округѣ. Хотанскій бываетъ большею частью длиной въ 3, а шириной въ 2 аршина, стоитъ отъ 3 до 3½ тянга, крашенный же 5 тянга. Большіе войлочные молитвенные ковры съ цвѣтами продаются отъ 12 до 13 тянга. Войлокъ байскій грубѣе, но большей величины, въ 4 арш. длины, стоитъ въ Кашгарѣ сѣрый отъ 2 до 5, бѣлый до 6 тянга. Хотанскій войлокъ вывозится въ большомъ количествѣ въ Кокандъ, Бухару и вообще на востокъ и замѣняетъ ковры; а байскій идетъ въ Кульджу и употребляется туземцами.

5) Ковры дѣлаются въ Хотанѣ и Еркендѣ. Туркестанскіе ковры уступаютъ въ добротѣ туркменскимъ, но имѣютъ красивые китайскіе узоры. Они по виду бываютъ двухъ родовъ: съ ворсомъ и безъ ворсу; по матеріалу—шерстяные или шелковые; по величинѣ раздѣляются на большіе—отъ 3 до 8 аршинъ длины, двухъ-мѣстные (ча-руза) длиной въ 2 аршина, и одномѣстные (ма-руза) въ 1 аршинъ. Шерстяные ковры большіе стоятъ отъ одного до 3 золотыхъ, ча-руза отъ 12 до 13 тянга и ма-руза отъ 3½ до 5 тянга. Шелковые идутъ почти въ одной цѣнѣ. Кромѣ того приготовляютъ ковровые дорожные мѣшки и чепраки на сѣдла.

Кашгарскіе эмигранты начали дѣлать шелковые ковры съ китайскими узорами и въ Кокандскомъ ханствѣ, въ городѣ Маргеланѣ.

6) *Тимпаи*—бумажная грубая матерія въ родѣ тику съ темносиними полосами, имѣетъ до 8 аршинъ длины, продается парами по 3½ тянга каждая, или на золотой 5½ паръ. Ее дѣлаютъ въ Хотанѣ Еркендѣ и Аксу; она идетъ преимущественно въ киргизскія орды. Лучшій сортъ этой матеріи, чрезвычайно любимый киргизами, дѣлается въ Намангаиѣ (въ Кокандскомъ ханствѣ) и извѣстенъ подъ названіемъ *каракаска*, на мѣстѣ производства лучшій сортъ стоитъ пара 2 рубля 40 коп. (12 тянга), а киргизы платятъ до 5 барановъ.

7) *Дараи*—шелковая бязь и шелковая армячина приготовляется въ Хотанѣ. Въ Кашгарѣ первая стоитъ 2 р. 40 к., (12 тянга), а послѣдняя—4 р. 40 к. (22 тянга). Дараи лучшей доброты дѣлаютъ въ Маргеланѣ и въ Кашгарѣ, продается этотъ товаръ предпочтительно кокандской фабрикаціи.

8) *Кожа.* Городъ Аксу относительно кожевеннаго промысла пользуется въ Малой Бухаріи особенною извѣстностію. Аксуйскій товаръ стоитъ 2 р. 40 к. (12 тянга), а подошвенная кожа на 2 пары 60 к. Въ Кашгарѣ и въ другихъ городахъ занимаются тоже этимъ промысломъ, но производятъ кожи низшаго достоинства, которыя находятъ потребителей только между туземнымъ бѣднымъ классомъ. Въ Еркендѣ и Хотанѣ дѣлаютъ замшу изъ кожи монгольскихъ коровъ (якъ), и употребляются на уздечные ремни и чапраки; кожа продается отъ 8 до 12 тянга.

Въ заключеніе должно замѣтить, что Еркендъ производитъ грубые и небольшіе гаруспые шарфы, которые стоятъ отъ 30 до 40 пуловъ, а въ Кашгарѣ съ нѣкотораго времени возвратившіеся изъ Коканда эмигранты начали выдѣлывать одѣяльныя выбойки и опояски въ родѣ кабульскихъ. Кусокъ подкладочной выбойки стоитъ 1 тянга 5 пуловъ, одѣяльная—2 тянга, а опояски отъ 2 пуловъ до 2 тянга. Начали также дѣлать шагрень извороченную кожу (кимсенъ). Эта промышленность получила начало неболѣе двухъ лѣтъ и находится еще въ младенчествѣ. Вышепоименованныя произведенія удовлетворяютъ потребности жителей, составляютъ также и предметы народной торговли. Дабу вывозятъ въ Дикокаменную орду, въ Киргизскую степь, въ Кульджу и иногда въ Ко-

кандъ и Ташкентъ. Калмыки предпочитаютъ еркендскій сарыбузъ. Кашгарская бязь пользуется у кочевниковъ особымъ предпочтеніемъ по своей прочности и добротѣ. Бумажный холстъ и чекмень и сшитые изъ нихъ халаты идутъ въ Дикокаменную орду. Прочія затѣмъ издѣлія вывозятся въ Кокандъ и Бухару.

Городъ Кашгаръ принадлежитъ съ древнѣйшихъ временъ по своей обширной торговлѣ къ числу первоклассныхъ рынковъ Средней Азіи. Онъ былъ главнымъ пунктомъ, чрезъ который востокъ получалъ произведенія Китая.

Торговый путь изъ Ферганской долины чрезъ Теректы въ Кашгаръ былъ извѣстенъ еще Птоломею. Въ настоящее время вся Средняя Азія получаетъ чрезъ Кашгаръ чай, употребленіе котораго въ этихъ странахъ сдѣлалось также общимъ, какъ у насъ; поэтому все торговое значеніе Кашгара и прочихъ шести городовъ Восточнаго Туркестана было основано и основывается теперь на произведеніяхъ Китая и въ особенности на вывозѣ чая. Несправедливо мнѣніе, что Восточный Туркестанъ есть ключъ для торговыхъ операцій съ Индіей, ибо сношенія этой страны съ Индіей производятся чрезъ Бухару и только съ Тибетомъ и Кашгаромъ существуетъ непосредственное сообщеніе, которое не оживлено большою торговою дѣятельностію по причинѣ трудности путей.

Торгъ внутренній производится преимущественно въ извѣстные дни, которые называются базарными. Каждый городъ и большія селенія имѣютъ разъ или два въ недѣлю, смотря по торговому своему значенію, базарный день, въ который стекается, для купли и продажи, народъ изъ окрестныхъ мѣстъ; въ Кашгарѣ онъ бываетъ разъ въ недѣлю. Въ базарные дни окрестные жители привозятъ хлѣбъ, дрова и разныя произведенія своего недѣльнаго труда. Кромѣ того въ городахъ и въ большихъ селеніяхъ водится постоянный торгъ въ лавкахъ, гдѣ продаютъ съѣстные припасы, бакалейные и мануфактурные товары, разнаго рода посуду, готовое платье мѣха и проч. и на торговыхъ площадяхъ, гдѣ исключительно производится оптовая распродажа хлопчатой бумаги, скота и проч. Въ Кашгарѣ имѣются особые базары: *гунданъ*—для

продажи дабы, *чай-чанъ*—для скота и *пахта-базаръ*—для хлопчатой бумаги. Вообще внутренній торгъ болѣе мелочной, и только даба, хлопчатая бумага и скотъ продаются большими количествами. По свѣдѣніямъ кашгарскаго таможеннаго начальства обыкновенно продается на гуньданѣ отъ 60 до 65 тысячъ концовъ дабы въ недѣлю. Въ Китайскомъ Туркестанѣ, какъ говорено нами выше, мало значительныхъ капиталистовъ, и тѣ, вслѣдствіе обременительныхъ налоговъ, водворяются охотнѣе внѣ своего отечества, въ городахъ: Кульджѣ, Урумчи и Чугучакѣ. Большая же часть туземцевъ занимается мелочною торговлею и вымѣномъ у дикокаменныхъ киргизъ скота. Китайское правительство боится эмиграціи и потому неохотно дозволяетъ туземцамъ выѣзжать за границу и то по поручительству своего общества. Эти мелочники весною отправляются на Иссыкъ-куль съ товаромъ на нѣсколькихъ лошадяхъ и осенью возвращаются въ Кашгаръ.

При такомъ положеніи торговой дѣятельности туземцевъ, во главѣ торговли стоятъ анджанцы, люди болѣе или менѣе состоятельные. Особенныя привилегіи и свобода, которою пользуются иностранцы, приманиваютъ сюда значительнѣйшихъ капиталистовъ Средней Азіи. Жители Маргелана, самаго замѣчательнаго города въ Кокандѣ, по своимъ мануфактурнымъ произведеніямъ, преимущественно ведутъ торговлю съ Кашгаромъ. Вообще торговля Восточнаго Туркестана находится въ рукахъ кокандцевъ и бухарцевъ, которые всѣ торговыя операціи обращаютъ на пріобрѣтеніе чая. По важности чайной торговли мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на этотъ продуктъ.

Въ кашгарской торговлѣ сорты чаевъ немногочисленны и многіе сорты чаевъ, привозимые въ Кяхту, Чугучакъ и Кульджу здѣсь не встрѣчаются, что зависитъ отъ вкуса потребителей. Въ Кашгарѣ различаютъ пять сортовъ чая: I) *зеленые чаи*: а) акъ-чай, ящикъ [1]) стоитъ 90 лановъ серебра; б) гура-большой имѣетъ большіе округленные листы, 80 лановъ ящикъ, в) гура-мелкій отъ 75 до 80 лановъ, г) шивы-чай

[1]) Ящикъ зеленаго чая имѣетъ въ себѣ отъ 105 до 108 гиновъ; гинъ равняется почти полтора русскимъ фунтамъ.

отъ 55 до 60 лановъ, ж) киркъ-мы-швахъ-даръ отъ 45 до 47 лановъ, и з) простой киркъ-мы отъ 38 до 40 лановъ. Въ небольшомъ количествѣ продаютъ зеленый чай въ оловянныхъ банкахъ, вѣсомъ около $2^1/_2$ нашихъ фунтовъ и гипами $1^1/_2$ фунта въ оберткѣ красной бумаги, банка перваго стоитъ три золотыхъ. Есть низшій сортъ зеленаго чая извѣстный въ азіатской торговлѣ подъ названіемъ ресми; чай этотъ подкрашенъ зеленою краскою и стоитъ отъ 25 до 30 лановъ серебра. Послѣдніе два года его не было въ привозѣ.

II) *Цабстъ-чай*, въ тростниковыхъ цибикахъ, въ 15 русскихъ фунтовъ, двухъ сортовъ: мишикъ-кузъ (кошачій глазъ) цѣною 14 цибиковъ на ямбу, и ресми простой отъ 17 до 18 цибиковъ на ямбу. Вообще цѣна на этотъ чай въ послѣднее время значительно возвысилась; въ прежнее же время онъ продавался на ямбу до 17 цибиковъ перваго и 24 второго.

III) *Фу-чай* въ четыреугольныхъ плиткахъ, оклеенныхъ на глухо въ бумажный картонъ, имѣетъ вѣсу $7^1/_2$ русскихъ фунтовъ; штука стоитъ отъ 10 до 11 тянга, а на ямбу даютъ отъ 60 до 63 штукъ.

IV) *Цянг-лянъ-чай*, извѣстный у азіатцевъ подъ именемъ атбашъ (конской головы), въ длинныхъ цилиндрическихъ цибикахъ вѣсомъ въ 2 пуда 6 или 8 фунтовъ; стоитъ штука (бауза) 9 лановъ серебра, а на ямбу даютъ $5^1/_2$ штукъ.

V) *Джайнокъ-чай*, въ цилиндрическихъ цибикахъ, вѣсомъ 9 фунтовъ; бауза его стоитъ 1 ланъ и 4 цяна.

VI) *Байховый чай* требуется въ кашгарской торговлѣ весьма мало; при насъ было привезено 80 ящиковъ (каждый ящикъ 80 фунтовъ) лянсиновскаго чаю, изъ числа коихъ 12 ящиковъ пріобрѣтено было нашимъ караваномъ по 17 лановъ серебра для отвоза въ Россію. Кирпичный чай обыкновенный въ $2^1/_2$ ф. вѣсомъ и калмыцкій—большой кирпичъ $3^1/_2$ фунта сюда никогда не привозится и вообще не требуется въ Среднюю Азію.

Весь чай, идущій въ Западный край съ Сѣверной и Южной тяншанскихъ линій, идетъ за границу изъ города Лянъчжеу въ губерніи Ганьсу по билетамъ, выдаваемымъ въ

этомъ городѣ, и оттуда чрезъ заставу чрезъ Цзя-юй-гуань въ городъ Гу-чэнъ (Урумчи), главное складочное мѣсто.

Изъ Урумчи послѣ оплачиванія транзитной пошлины чай развозится на сѣверъ въ Тарбагатай (Чугучакъ) и въ Или (Кульджу), на югъ въ Аксу, откуда отправляется партіями въ Кашгаръ, Еркендъ и Хотанъ. Въ Лянъ-чжеу пошлины оплачиваются натурой $^2/_{10}$, т. е. 8 процентовъ. Транзитная пошлина въ Гученѣ очищается по сортамъ привозимаго чая. Первый сортъ: бай-хоо-сянъ-пянь, чжулянь-да-эча и пуръ-ча, со 100 джиновъ чаевъ этого сорта берутъ пошлины по 1 лану серебра; второй сортъ: янь-аца-цзинъ-чжуанъ, гуанъ-хэ, цянь-лянъ и болянъ; со 100 джиновъ этихъ чаевъ полагается $^6/_{10}$ лановъ серебра, третій сортъ большой кирпичный даджуанъ; съ этого сорта со 100 джиновъ опредѣлено $^3/_{10}$ лановъ серебра; другихъ пошлинъ съ чаевъ, идущихъ на Южную линію, нѣтъ.

Перевозка чая производится на верблюдахъ; вьюкъ бываетъ вѣсомъ отъ 8 до 9 пудовъ, не болѣе. Кромѣ чаю, южная линія получаетъ изъ Китая ревень, торговля которымъ въ Кяхтѣ находилась постоянно въ рукахъ туркестанцевъ,— фарфоръ и шелковыя ткани.

Въ послѣднее время отпускъ этихъ предметовъ значительно уменьшился, такъ что шелковыя матеріи получаютъ изъ Кульджи. Складочный пунктъ чая въ Восточный Туркестанъ есть городъ Аксу, изъ котораго онъ развозится въ Кашгаръ и Еркендъ. Въ Аксу торговля чаемъ производится исключительно китайцами и только въ Кашгарѣ и Еркендѣ онъ перекупается азіатцами. Въ этомъ отношеніи Кашгаръ стоитъ выше всѣхъ другихъ городовъ. Операціи торговыя на чай производятся азіатцами на серебро и золото. Опіумъ есть единственный предметъ, входящій также въ размѣнъ чая; онъ получается изъ Мешхеда, стоитъ въ Бухарѣ 50 и 56 золотыхъ за пудъ, а въ Восточномъ Туркестанѣ отъ 2 до $2^1/_2$ ямбъ, иногда поднимается до 3-хъ. Всѣ привозные товары изъ Коканда вымѣниваютъ туземцамъ на мѣстную монету, которую потомъ обращаютъ въ серебро; привозятъ также бухарскія, хивинскія, кокандскія и персидскія серебряныя мо-

неты; золото же обращается здѣсь въ видѣ кокандскихъ и бухарскихъ тилля (червонцевъ). Для заключенія торга на чаи, кокандцы отправляются въ китайскій городъ, берутъ образчики чаевъ и, испробовавши ихъ, дѣлаютъ условіе при посредствѣ оффиціальнаго маклера.

Опредѣлить годовой оборотъ чайной торговли весьма трудно. Говорятъ, что чрезъ Ошскую таможню проходитъ ежегодно отъ 50 т. до 80 т. лошадиныхъ вьюковъ чаю, не считая чаю, вывозимаго бухарцами и бадахшанцами изъ Еркенда. Конечно, вывозъ изъ этого города, по причинѣ дальности пути до Бухары (65 дней ходу) и опасности его, значительно меньше, чѣмъ изъ Кашгара и по свидѣтельству Беренса въ 1832 году привезено было изъ Еркенда 950 конскихъ вьюковъ чаю; или почти 200 т. фунтовъ, но въ то время китайцы были во враждѣ съ кокандцами и потому подвозъ чая на Южную линію былъ незначителенъ.

Привозные товары въ Кашгарѣ суть слѣдующіе: 1) русскихъ фабрикъ: сукна, драдедамъ, ситцы, нанки, миткаль, зонъ, коленкоръ холстинка, муслины для чалмы, гарусныя и шелковыя матеріи, мишурныя и золотыя парчи, канитель; рижскій бархатъ, плисъ, выдра, зеркала, сандалъ, кошениль, перецъ, гвоздика, нашатырь, ртуть, киноварь; разные металлы: желѣзо, мѣдь, олово и металлическія издѣлія: самовары, чайники, тарелки, тазы, подсвѣчники, подносы, табакерки, пуговицы, очки, желѣзные ковши, ручныя гармоніи, замки, перочинные ножички и разнаго рода кожевенные товары; кромѣ того идетъ сюда сахаръ, приготовляемый въ маленькихъ головкахъ отъ 5 до 8 фунтовъ. Также много идетъ въ Азію деревянныхъ сундуковъ, шкатулокъ, коробочекъ и проч.

Сукна, привозимыя въ Кашгаръ, двухъ сортовъ: мизирицкое и корновое, цѣною на ирбитской ярмаркѣ: кусокъ перваго 60 р., а втораго 40 р.; нанка московскихъ и шуйскихъ мануфактуръ; лучшими считаются нанки, производимыя московскими купцами Медипцовыми для кяхтинской торговли, и братьевъ Ремизовыхъ. Русскіе товары продаются по цѣнамъ, означеннымъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

НАЗВАНIЕ ТОВАРОВЪ.	Цѣна при покупкѣ на Ирбитской ярмаркѣ.	Почемъ продается въ Кашгарѣ.
Мезерицкое сукно ширин. въ 2½ ар., 25 ар. кусокъ. . .	60	23 золотыхъ.
Кусокъ карноваго сукна въ 2¼ арш. шир., въ 22 арш. кусокъ.	40	17 »
Алексѣевской въ 2 ар. ширины .	»	отъ 14 до 15 зол.
Низкаго сорта сукна мясного цвѣта.	за ар. 1 р. 70 к.	10 золотыхъ.
Сукно красное	за арш. 1 р. 50 к.	8 золотыхъ.
Драдедамъ	въ той же цѣнѣ.	
Рижскiй бархатъ арш.	—	2½ золотыхъ.
Полубархатъ 12 арш.	40 к.	1 золотой.
Плисъ	23 к.	18 ар. на золотой
Нанки фабрики Мединцовыхъ .	12 к.	кусокъ 1½ зол.
Ремизовская нанка	12 к.	кусокъ 1½ зол.
Пестрая нанка	9 к.	кус. отъ ¾ до 1 зол.
Ситцу лучшаго около 60 арш.	15 к.	кусокъ 2 зол.
Посылинскiя	10 к.	1½ золотыхъ.
Ивановскихъ братьевъ	9 к.	1 золотой.
Платки дюжина	2 ар.	40 шт. на зол.
Парча	1 р. 50 к.	8 ар. на зол.
Люстринъ	40 к.	кусокъ 4½ зол.
Саржа	35 к.	кусокъ 2 зол.
Муслинъ	6 р. кусокъ.	
Холстинка	12 к.	штука 1¼ зол.
Коленкоръ кусокъ въ 15 арш.	2 р. 10 к.	20 шт. 9 зол.
Зонъ.	20 к.	1 шт. 2 зол.
Канитель	—	—
Выдра	13 р.	15 золотыхъ.
Зеркала штука	2 р.	5 шт. 4½ зол.
Выростокъ.	4 р.	1 золотой.
Красная кожа.	—	Бунтъ первоначально продавался за 10 зол., потомъ цѣна пала на 9 золотыхъ

II) Бухарцы привозятъ въ Кашгаръ изъ европейскихъ произведеній: швейцарскіе ситцы ярко-краснаго, алаго цвѣта, французскіе и англійскіе ситцы ярко-краснаго, алаго цвѣта, французскіе и англійскіе ситцы, англійскій и американскій коленкоры.

Кромѣ того изъ Бухары получается опіумъ, мерлушка, сортовъ: данадаръ, каракули и яныфары, гузератская золотая парча и индиго.

Произведеніе европейскихъ мануфактуръ продается въ Кашгарѣ по нижеслѣдующимъ цѣнамъ:

НАЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	Мѣра.	Цѣна.
1) Швейцарскій ситецъ фабрики Staut et C° Wollinshofen. . .	22	3 золотыхъ.
2) Англійскіе ситцы манчестерскихъ фабрикъ.	28 ядр.	1$^{1}/_{2}$ золотыхъ.
3) Ситцы фабрики Ralli bro's. .	28	1$^{3}/_{4}$.
4) Низкій сортъ англійскихъ ситцевъ называемыхъ азіатцами «яханъ».	2	1
5) Коленкоръ бѣлый фабрики John Borrodaile et C° . . .	40 ярд. шириною въ 1 арш. 4$^{1}/_{2}$ в.	
6) Манчестерской фабрики Will-m Graham et C°.		
7) Бомбейской фабрики Wallace et C°.	28 ярд.	отъ 1 до 2$^{1}/_{2}$ зол.
8) Бумажный кашемиръ Turkey red	28 п. 25 ярд.	2 зол. 6 тянга.
9) Муслины глазговскихъ фабрикъ.	12ар., длины 1 ар., 7 верш. шириною.	1 зол. и 1$^{1}/_{4}$ зол.

III) Изъ мануфактурныхъ произведеній средне-азіатскихъ государствъ бываютъ въ привозѣ на кашгарскій рынокъ слѣдующіе виды шелковыхъ матерій: *шаи*—шелковая матерія съ мелкими полосками или же съ большими пестрыми цвѣтами; *гуль-барря* въ родѣ шаи, но болѣе тонкая; *дуруя*, *падшаи* и *бехасанъ* полушелковыя матеріи съ яркими цвѣтами и разныя бумажныя матеріи, извѣстныя подъ названіемъ алача, различныхъ достоинствъ, цѣною отъ 5 руб. за кусокъ до 20 коп.

Эти товары производятся въ Кокандѣ и Маргеланѣ, а частію въ Наманганѣ и Ходжендѣ. Бухарскіе сорты тѣхъ же матерій не привозятся въ Кашгаръ, они въ цѣнѣ идутъ дороже кокандскихъ, но мало разнятся по своимъ достоинствамъ.

Цѣна произведеніямъ азіатскимъ:

НАЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	Количество.	Цѣна на мѣстѣ.	Цѣна въ Кашгарѣ.
Шаи 1-го сорта	20 шт.	16 зол.	24 золотыхъ.
» 2-го »	—	25 зол.	27 золотыхъ.
Гульбара	»	9—11	отъ 12 до 13 зол.
Дуруя 1-го сорта	40 шт.	11	14
» 2-го »	—	18	18
Падшаи	»	9—10	11
Бехасанъ 1-го сорта	»	7	8 и 8$^1/_2$
» 2-го »	»	16	не привозится.
Паръ парча 1-го сорта	»	14	16
» 2-го »	»	24	26
Саранжи	кусокъ	4 р. сер.	привозится очень мало и употребляется кокандцами.
Низкій этого товара сортъ	»	2 тянга.	2 тянга.

По количеству привоза и запросу первенство принадлежитъ къ произведеніямъ Россіи и, какъ видно изъ вышеприведенныхъ таблицъ, продаются лучше чѣмъ азіатскіе и англійскіе товары. Произведенія Великобританскихъ фабрикъ получаются въ Кашгарѣ главнымъ образомъ изъ Бухары, чрезъ

Мешхедъ, почему и извѣстны подъ названіемъ мешхеди. Англійскіе товары очищаются въ Бубарѣ транзитною пошлиною, перекупаются туземцами и отправляются въ Кокандъ и Кашгаръ съ уплатою по пути новыхъ пошлинъ, какъ въ Кокандѣ, такъ и въ Кашгарѣ.

Вслѣдствіе этого англійскіе товары въ Кашгарѣ чрезвычайно дороги сравнительно съ русскими. Ситцы привозятся въ незначительномъ количествѣ и пока не могутъ соперничать въ Кокандѣ и Кашгарѣ съ русскими ситцами. Англійскіе ситцы гораздо уже русскихъ и хотя окрашены въ яркія краски и имѣютъ восточные узоры, но скоро линяютъ и не прочны, за то красный бумажный кашмиръ (Turkey-red) и бѣлый муслинъ съ цвѣтами чрезвычайно распространенъ и входитъ въ необходимую для каждой кашгарской женщины потребность одежды.

Азіатскіе отпускные товары по преимуществу принадлежатъ къ шелковымъ и полушелковымъ матеріямъ и по высокимъ цѣнамъ своимъ доступны для людей болѣе или менѣе богатыхъ; бумажныя же произведенія не ввозятся въ Кашгаръ потому, что туземцы предпочитаютъ свои кокандскимъ; напротивъ того, русскіе ситцы, саржа и напки доступны для всѣхъ.

Русскіе товары достигаютъ Кашгара чрезъ Кокандъ и Кульджу. Пошлины за русскіе товары при отпускѣ ихъ за границу берется 1% въ Семипалатинскѣ или Петропавловскѣ. Въ Ташкентѣ они очищаются транзитною пошлиною или зекетомъ, который предписывается алкораномъ; съ мусульманъ берутъ $^1/_{40}$ съ капитала, т. е. $2^1/_2$ процента, а съ христіанъ $^1/_{20}$.

Въ Кашгарѣ взимаютъ пошлину уже подъ названіемъ бажъ, такъ какъ по смыслу алкорана зекетъ берется въ годъ одинъ разъ.

Такимъ образомъ купецъ, получивъ свидѣтельство отъ ташкендскаго зекатчи, можетъ торговать безпошлинно въ продолженіе цѣлаго года во всѣхъ городахъ Кокандскаго ханства; но если въ томъ же году онъ выѣдетъ въ Россію или Бухару, то долженъ по возвращеніи заплатить вторичный зекетъ, потому что капиталъ его обращается тогда на новый

годовой оборотъ. Въ Кашгарѣ право пошлины уступлено китайцами кокандцамъ; взимаемая тамъ пошлина не входитъ въ категорію зекета, учрежденія исключительно религіознаго, и называется бажъ (подать). Въ Кашгарѣ со всѣхъ товаровъ, откуда бы они не были привозимы, кокандцы берутъ свой бажъ въ той же мѣрѣ, какъ зекетъ, т. е. $^1/_{40}$ часть съ мусульманъ, а съ христіанъ $^1/_{20}$; кромѣ Кашгара бажъ берется въ Турфанѣ и Еркендѣ съ каравановъ, приходящихъ прямо въ эти города, и въ этомъ случаѣ въ Кашгарѣ они освобождаются отъ пошлины. Вывозимые изъ Кашгара товары очищаются пошлиною въ видѣ зекета въ городѣ Ошѣ.

Кашгаръ, который преобладаетъ надъ другими городами въ чайной торговлѣ, служитъ также замѣчательнымъ пунктомъ пригона скота. Въ Восточномъ Туркестанѣ скотоводства почти не существуетъ и вся страна продовольствуется скотомъ, пригоняемымъ изъ киргизскихъ ордъ.

Торговля съ ордами дикокаменныхъ киргизъ, кочующихъ въ Тянь-шанѣ по Таласу, по Чу и на Иссыкъ-кулѣ находится въ рукахъ кашгарскихъ и ушъ-турфанскихъ торговцевъ и жителей кокандскаго города Намангана. Наманганцы занимаются обширнымъ садоводствомъ и киргизской торговлей; у нихъ производятъ издѣлія, исключительно потребныя киргизамъ. Средне-азіатскіе бумажные товары киргизской руки, хотя крайне грубы, но прочны, и потому нравятся киргизамъ, не требующимъ ни яркихъ красокъ, ни красивыхъ узоровъ, а одной лишь прочности. Бумажный полосатый тикъ покупается охотнѣе и дороже полушелковыхъ матерій: всѣ родоначальники и богачи носятъ особенный сортъ этой матеріи, называемый каракаска и платятъ за нее болѣе, чѣмъ въ трое, потому что пара (2 куска) стоитъ въ Наманганѣ 16 тянга (3 р. 20 к.), а киргизы покупаютъ ее по 5 барановъ. Кашгарцы вывозятъ къ нимъ бязь, чекмень, машру и турфанскій табакъ; все это киргизы покупаютъ скоро, такъ что кашгарцы въ лѣто успѣваютъ распродать два раза свои товары. Не смотря на притѣсненія киргизскихъ родоначальниковъ и грабежи, которымъ иногда подвергаются эти торговцы, ничто не останавливаетъ ихъ предпріимчивости.

Въ послѣднее время и русскіе товары стали проникать въ кочевья тяньшанскихъ киргизовъ, но не въ большомъ количествѣ, нужно для успѣшнаго водворенія нашихъ товаровъ, чтобы киргизы измѣнили свой вкусъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи уже проявляется начало успѣха. Бугинцы и Сарбагиши знакомятся съ предметами роскоши для нихъ, и женщины ихъ начинаютъ носить русскіе ситцы, коленкоръ и халаты изъ кокандскихъ полушелковыхъ матерій. Между тѣмъ они въ совершенной отъ насъ зависимости относительно красной юфти, а также желѣзной и чугунной посуды. Эти статьи составляютъ предметъ необходимой потребности, и петропавловскіе татары, какъ нельзя лучше, пользуются выгодами ихъ сбыта.

Въ Кашгаръ пригоняютъ ежегодно болѣе 200 т. барановъ; съ караваномъ кашгарцевъ, пришедшихъ одновременно съ нами, было пригнано до 60 т. барановъ; цѣна барану по $1^1/_2$ и $^3/_4$ золотого, а послѣ упала до $^1/_4$ золотого; на ямбу же давали около 60 барановъ. Изъ Кашгара гоняютъ въ другіе города. Ушъ-Турфанъ и относительно пригона скота есть второй базаръ послѣ Кашгара.

Кромѣ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и съ киргизами, Восточный Туркестанъ имѣетъ сношеніе съ Бадахшаномъ, Тибетомъ (Лехъ и Балти) и съ Кашмиромъ. Торговля съ этими странами производится чрезъ Еркендъ и Хотанъ, послѣдній болѣе замѣчателенъ по обширности торговли, чѣмъ Еркендъ. Изъ Бадахшана получаются лошади и невольники изъ горныхъ племенъ: Чатраръ, Ваханъ и Сіяхъ-пушъ. Сверхъ того бадахшанцы привозятъ виноградный сиропъ (ширна) и разные камни: ляписъ лазули, бирюзу, а иногда рубины и яхонтъ. Съ западнымъ Тибетомъ производится болѣе транзитная торговля въ Кашміръ и восточный Тибетъ. Туда отправляютъ кокандцы и бухарцы, живущіе въ Хотанѣ и Еркендѣ: русское сукно, русскую парчу, галунъ, одноцвѣтныя нанки, коленкоръ, — фактъ весьма замѣчательный, свидѣтельствующій въ пользу нашихъ товаровъ. Изъ средне-азіатскихъ продуктовъ, кромѣ мануфактурныхъ издѣлій, идетъ въ Тибетъ много драгоцѣнныхъ, но низкаго разбора, камней и особенный низкій сортъ бирюзы, который называется тибети.

Въ Ладакѣ перепродаютъ всѣ эти товары кашмирцамъ, которые отправляютъ ихъ въ Хлассу и нижній Тибетъ.

Торговля восточнаго и западнаго Тибета находится въ рукахъ кашмирцевъ, которые въ Хлассѣ, подъ названіемъ каччи, составляютъ почетное сословіе.

Въ Ладакѣ покупаютъ кашмировыя шали среднихъ добротъ, мѣдь и невольниковъ, которыхъ продаютъ правители горныхъ владѣній: Гильгитъ и Конджутъ. Здѣсь покупаютъ также пухъ знаменитыхъ козъ, которыхъ родина лежитъ на равнинѣ пастуховъ около Ладака и по роду малорослыхъ тибетскихъ лошадей называемыхъ тути. Изъ Тибета вывозятъ иногда англійскій коленкоръ, кисею, ситцы, разныя пряности и лекарства; товары эти попадаютъ въ Ладакъ двумя путями, изъ Хлассы и Кашмира. Впрочемъ, сношенія Восточнаго Туркестана чрезъ Тибетъ съ Индіей ограничивается самымъ ничтожнымъ транзитомъ. Неудобство пути мѣшаетъ развитію этой торговли, такъ что азіатцы рѣдко ѣздятъ далѣе Леха; а тѣ, которые бывали въ Индіи, говорятъ съ ужасомъ о горныхъ дорогахъ, на которыхъ для перевозки товаровъ употребляютъ козъ, а люди только пѣшіе могутъ карабкаться по узкимъ тропинкамъ. Хотя азіатцы, какъ извѣстно, отличаются привычкою къ преувеличеніямъ, по тѣмъ не менѣе справедливо то, что дороги чрезъ Тибетъ въ Индію чрезвычайно трудны даже для простыхъ путешественниковъ. Иначе англичане давно бы воспользовались такимъ близкимъ сосѣдствомъ для распространенія своего политическаго и торговаго вліянія, тѣмъ болѣе, что Ладакъ принадлежитъ къ владѣніямъ лагорскаго раджи Сулабъ-синга.

Кромѣ чая изъ Восточнаго Туркестана азіатцы получаютъ нѣкоторыя произведенія туземной промышленности.

Главный отпускной продуктъ составляетъ хлопка, она стоитъ отъ 8 до 12 тянга (1 р. 60 к. до 2 р. 40 к.) за нашъ русскій пудъ. Кашгарская бумага считается лучшей въ территоріи Шести городовъ и хотя производится въ большомъ количествѣ, но отпускъ ея незначителенъ. Иногда по неурожаю въ Кокандѣ хлопчатой бумаги она требуется въ Кокандъ и отправляется также небольшими партіями на Сѣ-

верную линію. Цѣна хлопка въ Кашгарѣ нѣсколько дороже чѣмъ въ Кокандѣ, гдѣ верблюжій вьюкъ (отъ 15 до 16 пудовъ) стоитъ, смотря по урожаю, отъ 8 до 14 золотыхъ. Кашгарскій хлопокъ, какъ говорятъ, достоинства выше кокандскаго, и жители умѣютъ лучше обходиться съ нимъ, чѣмъ въ Кокандѣ, гдѣ его снимаютъ недозрѣлый. Шелкъ хотанскій, пудъ его стоитъ на мѣстѣ отъ 7 до 9 золотыхъ и продается размотанный, въ Кашгарѣ за пудъ его платятъ отъ 8 до 11 золотыхъ и въ Кокандѣ отъ 12 до 14 золотыхъ, здѣсь его смѣшиваютъ съ мѣстнымъ шелкомъ и отправляютъ въ Бухару, въ Лебъ-абъ; въ Бухарѣ пудъ этого шелка стоитъ отъ 16 до 17 золотыхъ, и перемѣшанный съ лебабскими шелками онъ доходитъ до Кабула; этотъ шелкъ, окрашенный въ красный цвѣтъ, идетъ въ Дикокаменную орду. Хотанскій шелкъ лучшихъ качествъ чѣмъ въ Западномъ Туркестанѣ; но и въ Хотанѣ не обращаютъ вниманія на воспитаніе шелковичныхъ червей и не прилагаютъ старанія къ улучшенію породы. При разматываніи, отъ небрежности, шелкъ выходитъ съ узлами и нечистый; за всѣмъ тѣмъ хотанскій шелкъ можетъ быть предметомъ вывоза.

Бэнгъ или хашишъ, конопляный экстрактъ, вывозится въ Ходжендъ, Бухару, Персію и Тибетъ и пользуется на всемъ востокѣ особенною извѣстностію; лучшимъ считается янысарскій и стоитъ въ Кашгарѣ пудъ 20 тянга, а въ Кокандѣ 30 и 40 тянга. Хашишъ, приготовляемый въ Кокандѣ, не имѣетъ тѣхъ качествъ, какъ янысарскій и цѣна ему 16 тянга.

Самый главный отпускной предметъ Шести городовъ есть бязь, она вывозится въ Кульджу, Чугучакъ, въ Урумчи и въ другія мѣста Сѣверной линіи, также большое количество ея идетъ въ Кокандъ, Ташкентъ, къ дикокаменнымъ киргизамъ. Прогоняемый скотъ можетъ служить доказательствомъ значительнаго отпуска киргизамъ этого товара изъ Кашгара. Изъ Малой Бухаріи идетъ немало дабы на Сѣверную линію; изъ Кульджи въ 1854 г. было вывезено этого товара въ Киргизскую степь и въ Семипалатинскъ 54,689 концовъ, на сумму 22,858 рублей, въ 1855 г. 110,545 концевъ на сумму 42,190 р.

Хотя въ Кокандскомъ ханствѣ многія селенія и города занимаются исключительно производствомъ бязи, но лучшая кокандская бязь продается сравнительно съ кашгарскою очень дорого, а низкіе сорта бязи узки и не прочны. По этой причинѣ кашгарская даба требовалась постоянно и особенно нынѣ въ большомъ количествѣ въ Кокандъ.

Мѣха вывозятся изъ Еркенда, Хотана и Аксу. Лисица здѣсь двухъ родовъ: горная и карагешка; хорошая лисица стоитъ отъ $2^1/_2$ и $2^1/_4$ на золотой; куницы 2 шкуры на золотой и дешевле; волкъ продается по 3 шкуры на золотой. Мерлушку привозятъ изъ Хотана по преимуществу бѣлую, но вывозъ ея незначителенъ, а напротивъ въ Малую Бухарію требуется она, кромѣ хотанской, изъ Бухары, Коканда. Машру, чекмень и тышпаи идутъ въ киргизскую торговлю, особенно первые два сорта. Изъ этихъ матерій дѣлаютъ готовые халаты для киргизской торговли; машру встрѣчается въ Кульджѣ и Чугучакѣ и идетъ оттуда также въ Киргизскую степь. Ковры, войлоки и дарая составляютъ предметъ внутренней торговли и болѣе или менѣе обширнаго отпуска въ владѣнія Средней Азіи.

Изъ этого общаго очерка видно, что главнѣйшій предметъ кашгарской торговли составляетъ чай. Вся торговая важность Кашгара основана на вывозѣ этого продукта; въ послѣднее время ташкендцы, пользуясь безопасностію пути чрезъ Заилійскій край, стали чаще посѣщать Чугучакъ и Кульджу; но въ этихъ городахъ получается преимущественно байховый и калмыцкій кирпичный чай, а требуемые въ Азію цабеть-фу-атбашъ и зеленый чай почти вовсе не привозятся въ эти города; слѣдовательно кашгарская торговля не можетъ бояться подрыва съ этой стороны.

Англичане пытались провести чай въ Бухару изъ Бомбея; чай этотъ достигалъ до Коканда и высшіе сорта зеленаго чая, акъ и гура, продавались отъ 65 до 70 тилля ящикъ въ 4 пуда, а средній сортъ отъ 38 до 42 тилля. Несмотря на такую дешевизну, бомбейскій чай не имѣлъ успѣха, потому что былъ безъ аромата и вообще въ достоинствахъ своихъ уступалъ кашгарскому. Азіатцы думаютъ, что морское путе-

шествіе лишаетъ чай букета и вкуса, говорятъ также, что купцы, привезшіе этотъ чай, обѣщали обратить вниманіе на укупорку, но за всѣмъ тѣмъ, хотя привозъ чаю изъ Бомбея начался очень давно (въ 1830 годахъ), но до сихъ поръ англичане не достигли удовлетворительныхъ результатовъ.

Всѣ выгоды отпускной торговли, вслѣдствіе причинъ политическихъ и географическаго положенія, находятся въ рукахъ кокандцевъ.

Россія не имѣетъ прямыхъ торговыхъ сношеній съ Восточнымъ Туркестаномъ, хотя съ 1800-хъ годовъ правительство постоянно обращало свое вниманіе на эту страну. Въ 1810 г. были сдѣланы опыты основать торговлю съ городами Аксу, Кашгаромъ и Еркендомъ; наши караваны безпрепятственно посѣщали эти города и въ 1813 г. Рафаиловъ, проникнувъ подъ защитою русскаго имени до самаго Тибета, который выразилъ желаніе вступить въ торговыя сношенія съ Россіей и прислать своего посланца.

Грузинскій дворянинъ Мадатовъ также достигъ этихъ странъ и съ успѣхомъ производилъ торговые обороты. Оба они въ Кашгарѣ безъ всякаго затрудненія вымѣняли русскіе товары на серебро. До 1825 г. наши азіатскіе купцы и одинъ русскій купецъ Пеленковъ посѣщали этотъ край, но съ того времени вдругъ прекратились наши сношенія и только изрѣдка пригоняли татары своихъ барановъ, вымѣниваемыхъ въ Дикокаменной ордѣ и то подъ именемъ Анджанцевъ. Пріѣздъ нашего каравана возбудилъ общее вниманіе, но старики помнили, что прежде приходили изъ Россіи караваны съ товарами на большія суммы. Бывшіе съ нами татары не скрывали своего имени и это не мѣшало имъ производить свои дѣла. Причины, почему русское купечество остановило свои сношенія съ Кашгаромъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) физическія трудности пути по гористой мѣстности, 2) опасность отъ нападенія дикокаменныхъ киргизъ, 3) открытіе прямой торговли съ Кульджей и Чугучакомъ. Опасность пути при современномъ ходѣ дѣлъ не существуетъ въ наибольшемъ разстояніи; въ прежнее время караваны сопровождались отрядами изъ Семипалатинска до озера Иссыкъ-куля,

а теперь караванъ можетъ совершенно безопасно дойти до Иссыкъ-куля и только за Заукинскимъ проходомъ можетъ нуждаться въ конвоѣ. Тяньшанскіе киргизы, производящіе грабежи, состоятъ изъ племенъ бѣдныхъ и находящихся между собою во враждѣ; недостатокъ единодушія и, наконецъ, лошадей не позволяетъ имъ оконяться партіями болѣе 100 человѣкъ, а предпринимать дальніе поиски за караванами они не могутъ потому, что лошади, питаясь зимою подножнымъ кормомъ, только къ осени набираютъ тѣло. Тяньшанскіе киргизы боятся нашихъ бугинцевъ и при помощи послѣднихъ могутъ быть во всякое время наказаны, а если караваны по занятіи верховьевъ рѣки Чу, будутъ сопровождаться небольшимъ казачьимъ отрядомъ до Терекъ-даванъ, крайняго предѣла киргизскихъ кочевокъ, то могутъ быть совершенно обезпечены отъ набѣговъ. Принимая въ соображеніе, что отъ Иссыкъ-куля до Кашгара считается 12 дней караваннаго ходу, а до Терекъ-даванъ 8 дней, отрядъ, стоящій на Иссыкъ-кулѣ, можетъ проводить караванъ и возвратиться на свое мѣсто въ 16 дней. Съ занятіемъ верховьевъ рѣки Чу и по устраненіи вліянія кокандцевъ, торговыя наши отношенія въ Кашгарѣ должны быть благопріятны. Естественныя препятствія, хотя представляютъ трудности, но не въ такой степени, чтобы они были не преодолимы. Горные перевалы проходимы на верблюдахъ; съ мая до сентября нельзя опасаться большихъ холодовъ и снѣга; вода и пастбища для вьючнаго скота достаточны, а кизякъ доставляетъ необходимое топливо. Впрочемъ, можно также избрать путь обильный топливомъ, напримѣръ по Нарыну, какъ сказано въ описаніи обратнаго путешествія каравана; но тогда придется имѣть столкновеніе съ кокандцами укрѣпленія Куртки.

Главное и справедливое опасеніе должны возбуждать въ купечествѣ нашемъ частыя возстанія и политическіе перевороты въ Восточномъ Туркестанѣ; во время этихъ переворотовъ могутъ пострадать интересы нашего купечества, которое не получило бы удовлетворенія ни отъ китайцевъ, ни отъ кокандцевъ. Вопросъ, будутъ ли кокандцы, обладающіе теперь торговлею Кашгара, препятствовать непосредствен-

нымъ сношеніямъ нашихъ купцовъ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія потому, что кокандское правительство всего болѣе думаетъ о увеличеніи сбора зекета; конечно, мы, какъ всѣ иностранцы въ В. Туркестанѣ, не можемъ быть, по крайней мѣрѣ сначала, свободными отъ платежа кокандцамъ пошлины, предоставленной имъ китайскимъ правительствомъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи торговля русскими товарами въ Кашгарѣ чрезъ Кокандъ имѣетъ выгоды, которыхъ нѣтъ на пути чрезъ дикокаменную орду, а именно: перевозка производится чрезъ наемныхъ вощиковъ и по весьма дешевой цѣнѣ, между тѣмъ какъ чрезъ Тянь-шанъ должно имѣть своихъ верблюдовъ или лошадей, которые подвергаются случайностямъ труднаго пути и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ вовлекаютъ въ излишніе расходы и затрудненія, по преимущество это не такъ еще важно, чтобы предпочесть путь чрезъ Кокандъ и подчинить торговлю нашу вліянію кокандцевъ и оплачивать товары двойною пошлиною. Со временемъ киргизы Большой орды и дикокаменные могутъ подобно ордынцамъ области сибирскихъ киргизовъ заняться извозомъ, и настоящее затрудненіе устранится.

Важность Кашгара и другихъ городовъ Восточнаго Туркестана въ торговомъ отношеніи основана на вывозѣ чая. Но чай покупается, какъ уже было сказано, на золото и серебро, которое пріобрѣтается главнѣйшимъ образомъ чрезъ продажу русскихъ товаровъ. Запросъ на нашъ товаръ значителенъ и требованія на нихъ постоянны. Въ 1855 г. большая часть товаровъ, привозимыхъ въ Кульджу, была куплена кашгарцами для отвоза въ свое отечество. Изъ Кашгара произведенія нашихъ фабрикъ: одноцвѣтныя нанки, сукны, шерстяныя матеріи и ситцы идутъ въ Тибетъ и достигаютъ Хлассы. Это обстоятельство всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ, чтобъ въ В. Туркестанѣ мы могли бы сбывать свои товары, не опасаясь соперничества англичанъ. Прямые доступы изъ Индіи чрезъ Гималай такъ трудны, что въ Тибетѣ болѣе употребляютъ наши товары, чѣмъ англійскіе. Правда, въ послѣднее время товары европейскихъ мануфактуръ значительно распространились въ Средней Азіи, особенно въ

Бухарѣ, тамъ они въ большомъ употребленіи; вывозъ ихъ въ Кокандъ и Кашгаръ увеличивается, хотя дальній транзитъ сильно поднимаетъ цѣны. Причины этого заключаются въ томъ, что англичане умѣютъ примѣняться ко вкусу потребителей, въ этомъ имъ должно отдать справедливость. Въ Кашгарѣ широкій гласковскій муслинъ употребляютъ на чадру, необходимую для каждой женщины. Швейцарскіе ситцы и красный бумажный кашмиръ чрезвычайно нравятся азіатцамъ. Если бы наши фабриканты болѣе примѣнялись ко вкусу азіатцевъ, то конечно англійскіе товары были бы совершенно вытѣснены. Доказательствомъ этого служитъ то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бухарѣ и Кокандѣ носили чалму изъ бѣлаго муслина, привозимаго изъ Индіи; но теперь, когда подобные муслины дѣлаются въ Россіи, вывозъ ихъ изъ Индіи остановился. Сукно наше, какъ извѣстно, вытѣснило англійское, не только въ Средней Азіи, но и во всемъ Китаѣ. Нанки фабрики Мидинцовыхъ, дѣлаемыя для кяхтинской торговли, въ большомъ ходу въ Кашгарѣ и заходятъ въ Кабулъ и Тибетъ. Въ В. Туркестанъ требуются ситцы яркихъ цвѣтовъ, предпочтительно краснаго, люстринъ, кумачъ, также яркихъ цвѣтовъ, и сукна темныхъ цвѣтовъ, но, впрочемъ, и красное можетъ имѣть сбытъ. До сихъ поръ этого рода сукно продавалось киргизамъ, а остальное количество, вывозимое въ Кокандъ, отправлялось въ Кашгаръ, ибо женщины въ Малой Бухаріи носятъ сапоги и башлыки изъ этого сукна. Вслѣдствіе вліянія китайской моды мущины носятъ и охотно покупаютъ матеріи одноцвѣтныя, по преимуществу цвѣтовъ любимыхъ китайцами (нанки Мидинцовыхъ имѣютъ здѣсь большой успѣхъ), женщины же любятъ болѣе яркіе цвѣта и одѣваются, вслѣдствіе существующаго обычая, очень хорошо.

Изъ другихъ произведеній нашихъ здѣсь хорошо покупается выдра, канитель, штофъ и желѣзныя издѣлія; но котлы и желѣзо въ большихъ массахъ требуютъ много вьючнаго скота и очень скоро портятъ спину, а потому продажная цѣна не можетъ покрыть издержекъ, употребленныхъ на перевозку, между тѣмъ какъ подносы, замки, тазы и разныя мелочныя стальныя издѣлія продаются здѣсь съ большой выгодой.

Во всякомъ случаѣ наши товары непосредственно чрезъ нашихъ купцовъ могутъ быть продаваемы съ большей выгодой, чѣмъ кокандцами.

Если Россія будетъ имѣть прямое торговое сношеніе въ Малой Бухаріи, то значеніе кокандцевъ и преобладаніе ихъ какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, должно пасть, ибо снабженіе и продовольствіе края скотомъ будетъ зависѣть отъ насъ; чайная торговля можетъ тоже перейти въ наши руки, и Азія будетъ получать его отъ нашихъ купцовъ. Какъ бы то ни было, выгодный сбытъ нашихъ товаровъ въ этой странѣ несомнѣненъ. Мы же можемъ получать изъ Малой Бухаріи хлопчатую бумагу, шелкъ, пухъ и дабу. Хотя производительныя силы страны еще не развиты, но вслѣдствіе требованій могутъ принять болѣе обширные размѣры, напримѣръ хлопчатая бумага и шелкъ, которые, какъ говорятъ, лучше качествомъ, чѣмъ средне-азіатскіе сорты этихъ продуктовъ.

Восточный Туркестанъ, какъ китайская провинція, имѣетъ свою мѣдную монету по образцу китайскихъ чоховъ, которые называются пулъ. Туркестанскіе пулы отливаются изъ красной мѣди и имѣютъ круглую форму съ четырехъ-угольнымъ въ срединѣ отверстіемъ; на одной сторонѣ китайская надпись съ именемъ города, для котораго она предназначается, а на другой тоже самое на китайскомъ и турецкомъ языкахъ. Туркестанскія монеты бываютъ двухъ родовъ: дачанъ въ два пула и чау-чанъ—въ одинъ пулъ; связка въ 50 чаучановъ или 25 дачановъ соствляетъ одну тянгу, равняющуюся на наши деньги 20 копѣйкамъ серебромъ. Монета эта чеканится въ Аксу, гдѣ учрежденъ монетный дворъ. Съ 1856 г., вслѣдствіе какихъ то соображеній китайскаго правительства, были введены въ В. Туркестанѣ пулы гораздо больше вѣсомъ. Монета эта была также двухъ родовъ: одна въ 20 пуловъ, а другая въ 10 пуловъ. Замѣчательно, что эта монета была введена только въ Кашгарѣ и Еркендѣ, а въ другихъ городахъ продолжали обращаться мелкія пулы. Такъ какъ новая монета была грубаго чекана, то ее стали поддѣлывать дикокаменные киргизы и во множествѣ привозить ее

тайно въ Кашгаръ, гдѣ успѣвали пускать въ оборотъ чрезъ городскихъ своихъ агентовъ. Въ послѣднее время почти всѣ ходячія монеты были киргизской работы недостаточнаго вѣса и смѣшанныя съ цинкомъ, такъ что китайское правительство, при всей своей безпечности, обратило наконецъ свое вниманіе и 7 ноября объявило ихъ недѣйствительными. Мѣра эта была необходима для пресѣченія зла. Вознагражденія за убытки, которые претерпѣвало все населеніе и особенно лавочники и ремесленники, правительство не приняло на себя и, въ видѣ снисхожденія, объявило, что казна будетъ принимать старую монету на вѣсъ, какъ мѣдь: за гинъ 3 тяпга. Казалось бы, что подобное распоряженіе должно было бы надѣлать много шуму, но напротивъ, дѣло обошлось очень спокойно и всѣ равнодушно слушали, когда на базарахъ было объявлено громогласно, чтобы ямбу считать равной 800 тянга, а золотой въ 20 тянга. Странно было положеніе правительства, которое, уничтожая дѣйствующую монету, не замѣнило ее другою. Количество допущенной къ обращенію монеты было крайне незначительно и потому курсъ мѣдной монеты на ямбу сталъ быстро возвышаться и съ 800 тянга, которое опредѣлило правительство, дошелъ до 460 тянга. Затрудненіе въ монетѣ продолжалось до января, когда стали подвозить ее изъ Аксу, Хотана и Янысара, гдѣ постоянно обращались мелкіе пулы; кашгарскіе же большіе пулы пошли въ Еркендъ, гдѣ они и до сихъ поръ обращаются. Подобный кризисъ былъ и въ 1855 году въ маѣ мѣсяцѣ въ Кульджѣ.

Илійскіе чохи, какъ чохи во всемъ Китаѣ, отливаются изъ желтой мѣди, въ которой содержится $^3/_5$ мѣди и $^2/_5$ цинку: они считаются по вѣсу: гинъ, лянь, цянъ и фынь; 750 чоховъ составляютъ гинъ. По недостатку серебра, которое не получалось изъ внутренняго Китая, илійское начальство пустило въ ходъ большія монеты желтой и красной мѣди въ 100 и 50 чоховъ и чугунныя въ 10 чоховъ; вслѣдствіе этого мелкіе чохи стали переливать въ большіе, чѣмъ въ особенности занимались поселенцы изъ южныхъ губерній. Наконецъ, правительство рѣшилось объявить 100 и 50 чоховыя

монеты не дѣйствующими и также, какъ въ Кашгарѣ, безъ всякаго вознагражденія.

Вскорѣ обнаружилось большое волненіе. Бѣдные китайцы ходили по лавкамъ, требовали, чтобы отъ нихъ принимали чохи въ прежней цѣнѣ, а въ противномъ случаѣ грозили, что разграбятъ рестораны. Улицы были полны народа, который съ неистовымъ крикомъ требовалъ удовлетворенія; драки и убійства вызвали полицейскія мѣры. Купечество требовало уничтоженія чугунныхъ и большихъ изъ красной мѣди монетъ и полнаго удовлетворенія однообразною монетою, а въ противномъ случаѣ хотѣло прекратить торговлю. Цзянъ-цзунъ, которому встрѣтилась надобность выѣхать, былъ остановленъ народомъ, требовавшимъ удовлетворенія. Илійское начальство наконецъ вынуждено было удовлетворить сначала тюнгеней, согласившись дать за 100 чоховъ 400. Для удовлетворенія китайцевъ, которые были упорнѣе и не соглашались на уступки, по недостатку суммъ чиновники и цзянъ-цзунъ отдали свои деньги, а большіе ярмаки [1]) оставили въ обращеніи съ пониженіемъ въ цѣнѣ.

Кромѣ мѣдной монеты въ Восточномъ Туркестанѣ обращаются въ торговлѣ кокандскіе и бухарскіе червонцы и китайскіе слитки серебра. Курсъ мѣдной монеты относительно серебра и золота непостояненъ, паденіе и возвышеніе его зависитъ отъ базара и отъ случайностей. Въ наше пребываніе были слѣдующія измѣненія въ курсѣ: въ октябрѣ мѣсяцѣ курсъ мѣдной монеты на ямбу постепенно падалъ съ 1800 до 1900 и 2400, а въ ноябрѣ дошелъ до 2600 тянга на большіе пулы. На этой цифрѣ послѣдовало уничтоженіе этой монеты. 11 ноября былъ объявленъ курсъ на ямбу 800 тянга новой монеты, а съ 12-го курсъ началъ постепенно возвышаться на 600, 550, а въ декабрѣ дошелъ до 460 тянга; съ января, послѣ подвоза монеты, курсъ началъ снова падать, сперва на 525 тянга, а въ концѣ февраля былъ до 590 тянга, и на этой цифрѣ держался до нашего отъѣзда. Относительно къ золоту въ червонцахъ кокандскихъ имѣло

[1]) Ярмаками въ Западномъ краѣ называются чохи.

слѣдующія измѣненія: большими пулами шло на червонецъ въ октябрѣ 58, потомъ 65, 75 и до 84 тянга; затѣмъ курсъ на червонцы быстро возвышался и 11 ноября дошелъ до 20 тянга, на другой день до 19, а въ началѣ января поднялся уже до 14 тянга и только въ концѣ февраля спустился на 17. На ямбу постоянно размѣниваютъ червонцы въ 31$^1/_2$ и 32, смотря по величинѣ ямбы.

Слитки серебра у китайцевъ нѣсколькихъ родовъ, собственно ямба называется самый большой слитокъ, онъ имѣетъ вѣсу 50 или 51 китайскихъ лановъ, а на нашъ вѣсъ 4 фунта 45 или 56 золотниковъ и принимается въ торговлѣ за 120 руб. серебромъ, слѣдственно кокандскій червонецъ стоитъ около 3 р. 75 к. Кокандскій червонецъ имѣетъ вѣсу 1 золотникъ 11 дол., довольно высокой пробы; заключаетъ въ себѣ 20 или 21 кокандскихъ тянга; тянга—серебряная монета вѣсомъ въ 77 грановъ аптекарскаго вѣсу; на наши деньги тянга стоитъ около 20 коп. серебромъ. Бухарскій червонецъ въ Бухарѣ стоитъ 20 тянга, а кокандскій въ Бухарѣ 17 тянга; цѣна бухарскому червонцу въ Кокандѣ одинаковая съ туземной. Мѣдная монета въ Кокандѣ и Бухарѣ называется пулъ, выливается изъ красной мѣди; 24 пула составляютъ тянгу; тянга имѣетъ въ себѣ 4 мира; 6 пуловъ составляютъ миръ.

Произведенія земли опредѣляются въ Кашгарѣ на чарикъ, равный русскому полпуду. Чарикъ содержитъ въ себѣ 4 исчекъ, а исчекъ 4 чакса; вѣсъ этотъ примѣняется къ китайскому такимъ образомъ: 6 чариковъ равняются 1 ху и содержатъ въ себѣ 12$^1/_2$ гиновъ. Мѣрою жидкости служитъ также китайскій гинъ, равный почти 1$^1/_2$ русскимъ фунтамъ. Для серебра и другихъ цѣнныхъ предметовъ употребляютъ китайскіе вѣсы и считаютъ: на саръ, мыскалъ и фынъ.

Для мѣры длины служитъ русскій аршинъ и китайскій чиза, равняющійся нашему полуаршину. Нѣкоторые товары продаютъ на квадраты «байра». Мѣрой земли принимаются китайское му и цинъ; первый равняется 1200 квадратнымъ футамъ, а второй 120000 квадратныхъ футовъ и содержитъ въ себѣ 100 му. Ли, называемое туркестанцами юлъ, есть

мѣра разстоянія. Ли содержитъ 277¼ русскихъ саженей, 10 ли равняются 5 верстамъ и 210⁵/₁₇ сажени. Кокандцы въ Кашгарѣ употребляютъ русскій аршинъ и русскіе вѣсы; только относительно хлѣбныхъ зеренъ и вообще для большихъ массъ имѣютъ свой вѣсъ—чарыкъ, который равняется 12 нашимъ фунтамъ. Кокандскій чарыкъ также раздѣляется на 4 исчакъ и 8 чакса. Отъ неопредѣленности мѣръ и вѣсовъ происходитъ много обмановъ, тѣмъ болѣе, что правительство не обращаетъ на это никакого вниманія. Въ Кокандѣ и Бухарѣ есть особенный чиновникъ для преслѣдованія этого рода злоупотребленія.

Поручикъ Валихановъ.

Описаніе Алтышара или Кашгара [1]).

Содержаніе.

Предисловіе. Описаніе пути въ Кашгаръ и обратно въ Алатавскій округъ.

Отчетъ о состояніи Алтышара или Шести городовъ Восточнаго Туркестана въ 1858—59 годахъ.

I-й отдѣлъ.

Географическій обзоръ. Границы. Физическая географія. Видъ страны. Горы и проходы. Рѣки. Пути сообщенія. Климатъ. Естественныя произведенія. Политическое раздѣленіе. Общій видъ городовъ и селеній. Топографія Шести городовъ.

II-й отдѣлъ.

Историческій очеркъ. Введеніе ислама. Начало вліянія ходжей. Образованіе партіи Бѣлогорцевъ и Черногорцевъ. Аппакъ ходжа, глава Бѣлогорской партіи пріобрѣтаетъ свѣтскую власть и дѣлается вассаломъ Джунгаровъ. Перевѣсъ Черногорской партіи. Юсуфъ-ходжа объявляетъ независимость. Смуты въ Джунгаріи. Амурсана призываетъ китайцевъ. Бурханеддинъ-ходжа представитель Бѣлогорской партіи и уничтоженіе Черногорскихъ ходжей. Покореніе Малой Бухаріи китайцами. Мнѣніе о непобѣдимости китайцевъ. Состояніе Малой Бухаріи въ концѣ XVIII столѣтія. Западные и восточные города. О ходжіяхъ. Джангиръ-ходжа

---

[1]) Такое оглавленіе Валихановъ составилъ къ своему Отчету, находящемуся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. *Ред.*

первый претендентъ. Возстаніе 1825 г. Паденіе китайскаго авторитета. Война кокандцевъ съ китайцами въ Восточномъ Туркестанѣ въ 1831 г. Вліяніе Коканда на эту страну. Возстаніе семи ходжіевъ въ 1847 году. Валиханъ-тюря въ 1857 году.

III-й отдѣлъ.

Народонаселеніе и составъ его. Населенность и распредѣленіе жителей по городамъ. Сословное раздѣленіе: чиновники, духовенство и народъ. Отношенія ихъ къ китайскому правительству и между собой. Степень образованности. Училища. Нравственныя свойства туркестанцевъ. Китайскій элементъ и его вліяніе на туземцевъ.

IV-й отдѣлъ.

Правительственная система. Китайскія власти. Туземное управленіе. Полиція. Доходы. Военная сила китайцевъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Слабость китайцевъ. Ненависть къ нимъ туземцевъ. Притѣсненія китайскихъ и туземныхъ чиновниковъ. Недостаточность мѣръ для огражденія внутренняго спокойствія. Причины возстанія при слабости китайцевъ и ненависти къ нимъ туземнаго населенія не имѣютъ успѣха. Черногорцы и Бѣлогорцы. Ихъ принципы. Фанатическое уваженіе азіятцевъ къ ходжамъ. Положеніе ходжей въ Кокандѣ. Вліяніе кокандцевъ на политическую будущность Малой Бухаріи. Ихъ политика. Отношеніе правительства Южной линіи къ киргизамъ. Внѣшнія сношенія съ Бухарой, Кундузомъ и Тибетомъ. Общее заключеніе и нѣсколько словъ о характерѣ ходжей, могущихъ быть въ главѣ будущихъ возстаній. Бузрукъ-ханъ сынъ Джангира.

V-й отдѣлъ.

Промышленность и торговля. Общій взглядъ на состояніе промышленности. Виды промышленности. Хлѣбопашество. Хлопчатая бумага, конопля, конджутъ. Искусственное луговодство. Огородничество. Садоводство. Шелководство. Скотоводство. Мануфактурныя произведенія. Незначительность внутренней торговли. Кашгаръ—главный рынокъ чайныхъ операцій. Виды чаевъ, извѣстныхъ въ азіатской торговлѣ. Зеленый и прочіе сорты чая. Транзитъ чаевъ изъ Китая. Пошлина. Торговля въ Малой Бухаріи находится въ рукахъ кокандцевъ и бухарцевъ. Покупка чаевъ на серебро и золото. Привозные товары. Опіумъ. Товары русскихъ фабрикъ. Произведенія европейскихъ мануфактуръ и произведенія средне-азіятскихъ фабрикъ. Преобладаніе русскихъ товаровъ. Торговля съ Тибетомъ, Бадахшаномъ и Индіей. Отпускные товары туземнаго произведенія. Торговля Россіи съ Малой Бухаріей. Причины неразвитія этой торговли. Выгоды ея. Общее заключеніе. Монеты.

Изъ письма Н. Ф. Петровскаго къ Н. И. Веселовскому [1]).

..... «Пора бы, кажется, освѣтить вопросъ о бѣлогорцахъ и черногорцахъ (вѣрнѣе—бѣлошапочникахъ (чалмо-носцахъ) и черно-колпачникахъ). Покойный В. В. Григорьевъ ошибался. Послѣ долгой жизни въ Кашгарѣ я могу почти безошибочно отличить каратаулища отъ акъ-таулика: значитъ, независимо отъ мелкихъ разностей въ обиходѣ и въ жизни, они происхожденія разнаго».

Стр. 97. Аисты встрѣчаются, но только другого рода, чѣмъ въ западномъ Туркестанѣ.

Курля, а не Корло.

Шелковичный червь разводится не въ одномъ только Хотанѣ, но и въ Яркендѣ, и, въ незначительномъ количествѣ, въ Кашгарѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кашгарѣ разводилось больше, чѣмъ теперь.

Стр. 98. Лошади тупчакъ, а не топчакъ, собственно не чистой крови, а пригоняемыя изъ Бадахшана, а также изъ Ура-тюбе, гдѣ онѣ носятъ это названіе.

Мулы (качиръ) считаются нечистыми животными только для ѣды; туземцы ихъ дѣйствительно не разводятъ, но разводить за большой грѣхъ не считаютъ.

---

[1]) Въ виду неудовлетворительности текста Отчета Валиханова, помѣщеннаго въ Запискахъ И. Р. Г. О., и до полученія мною полнаго отчета изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, я обратился къ генеральному консулу въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровскому съ просьбою просмотрѣть отпечатанный мною здѣсь текстъ географической части и сдѣлать на него замѣчанія. Николай Федоровичъ съ обычною любезностью исполнилъ эту просьбу и сообщилъ мнѣ свои поправки, которыя здѣсь прилагаются. *Н. В.*

Малыя мечети почти всегда безъ минаретовъ, но нѣсколько большія и большіе минареты имѣютъ (да и самъ В. указывалъ на минаретъ въ Яркендѣ).

Стр. 100. Кашгаръ съ давнихъ временъ, еще до Якубъ-бека, условно считался китайцами въ 16.000 домовъ, въ дѣйствительности же ихъ значительно больше. Жителей можно считать около 30—40 тысячъ. Между Кызылъ-су и Тюмень (Тумень) лежащимъ считать его нельзя, ибо такъ называемый старый городъ (Куне-шааръ) расположенъ вдоль Тумень, а Кызылъ-су появляется за Туменью; на дорогѣ между старымъ и новымъ (китайскимъ, въ 10 верстахъ къ югу) городомъ. Стѣна города имѣетъ въ окружности всего верстъ пять. Воротъ теперь трое: Су-дарваза, или Тшикъ-дарваза (а не Сувдавза), Кумъ-дарваза (а не Кумъ-давза) и Яръ-багъ-дарваза. Теперь дворца хакимъ-бека нѣтъ, онъ вошелъ въ помѣщенія, гдѣ живетъ кашгарскій даотай. Андиджанъ-куча, а не Анджанъ-куча (впрочемъ, «ди» кашгарцы выговариваютъ скоро).

Стр. 101. Андиджанъ-сарай сломанъ. Слово гайчанъ не употребляютъ, говорятъ: Атъ-базаръ; гунъ-данъ не употребляютъ. Юмалакъ (круглый)-шааръ, а не Джеу-малакъ-шааръ— названіе отъ круглаго пруда. Базаръ бываетъ въ четвергъ, а не въ пятницу.

Рѣка Тельвачукъ. Султанъ-сатукъ Богра-ханъ.

102 стр. Катта-яйлякъ, а не Колъ-тайлякъ.

Сарманъ, а не Саменъ. Токузъ-ташъ, а не Тегусъ-ташъ. Джанъ-курганъ — внутри города. Енгичка, а не Джинчке (это по-киргизски); произносятъ Янгишка. Файза-абадъ, а не Файзбадъ, Янги-абадъ, а не Янгабатъ, противъ Кальта-яйляка Тазгунъ, а не Тузгунъ. Въ Ханъ-арыкѣ теперь такого Алимъ-ахуна нѣтъ. Упалъ, а не Уфалъ. Буре-хатай, а не Бура-хатай. Вмѣсто хакимовъ теперь беки. Въ Ханъ-арыкѣ базаръ въ воскресенье и понедѣльникъ.

Стр. 103. Большая мечеть построена однимъ изъ сыновей ходжи, а заново перестроена Якубъ-бекомъ. Гробница Акъ-мазаръ носитъ теперь названіе Шанъ-падша. Абду-Разакъ, а не Абразыкъ.

Янги-гиссарскій. Янги-гиссаръ.

Трое воротъ: Пайча-дарваза, Чакаръ-дарваза и Сайликъ-дарваза.

Яркендъ, а не Еркендъ. Три пруда. Базаръ—въ четвергъ. Ворота—Гайчакъ—не городскія, а въ окрестномъ селеніи. Лава, а не Лаба; такъ называется туземцами самъ Янги-гиссаръ. Терекъ-чакъ, а не Терекъ-текъ. Мазаръ Бегимъ. Гарнизонъ теперь только въ нѣсколько человѣкъ.

Яркендскій округъ.

Стр. 104. Яркендъ-дарья, а не Еркендъ-дарья; изъ Сарыкола (а не изъ Саркола) она не вытекаетъ. Теперь хе-бе амбаня нѣтъ, а послѣ организаціи провинціи (19-ой), Синь-цзянъ-Гань-су, въ Яркендѣ живетъ окружной начальникъ. Теперь пять воротъ; сараевъ около 20. Алтынъ дарваза, а не давза, Кавагатъ, а не Кабагатъ. Большой базаръ—въ четвергъ. Дунгане, а не тунгене. Невольниками торговли нѣтъ. Чатралъ и Ваханъ—не горные таджики, а мѣстности. Рофизи называются въ Яркендѣ шіиты. Своихъ хакимъ-бековъ теперь населеніе не имѣетъ; беки назначаются китайцами. Въ Маралъ-баши китайскій гарнизонъ не болѣе 30 человѣкъ. Сарыколъ, а не Сарколъ, не селеніе, а долинная мѣстность, съ главнымъ селеніемъ Ташъ-курганъ.

Стр. 105. Тибетскія коровы—помѣсь съ якомъ, называются аргунъ. Юль-арыкъ, а не Юларыкъ. Мухаммедъ-Шарифъ-пиръ, а не Шярифъ-пиръ. Хафтумъ-Хамадони, а не Афту-Мooданъ. Теперь гарнизонъ не болѣе 200 человѣкъ. Нефритъ добывается, но въ Пекинъ его не отправляютъ.

106 стр. При сліяніи рѣки Аксу съ Пишъ-тюменемъ. Тимирчи дарваза. Китайскіе мусульмане (хой-хой) называются дунганами. Теперь гарнизонъ не болѣе 100 человѣкъ.

Стр. 107. Въ Учъ-Турфанѣ теперь гарнизонъ не болѣе 100 человѣкъ.

Маршруты, собранные мной во время путешествія въ Кашгаръ [1]).

№ I. Маршруты черезъ Тіанъ-Шанъ. 1-е. Изъ Копала въ Кашгаръ, маршрутъ моего каравана.

1. Карамола.
2. Караталъ . . . . . . пикета.
3. Около Янгузъ Агача.
4. У подошвы горы Баяке-кезенъ.
5. Кокъ-су (недалеко отъ пикета . . . . .).
6. Терсъ-акканъ, рѣчка.
7. Когалы.
8. Алтынъ-Эмель при входѣ въ ущелье.
9. Южный склонъ Алтынъ-эмельскаго прохода.
10. Ключи между горъ Калканъ.
11. Правый берегъ рѣки Или.
12. Лѣвый берегъ рѣки Или.
13. Сары-булакъ впадаетъ въ Чиликъ, устья этой рѣки.
14. Проходъ Суготы . . . . . . подошвы.
15. На южной сторонѣ прохода.
16. Туру-айгыръ.
17. Басъ-Мерке или Тонъ-Мерке.
18. Учъ-Мерке или Кичикъ-Мерке.
19. Кегенъ.
20. Каръ-Кара.
21. Арасанъ (холодный желѣзистый ключъ).
22. Калмакъ-сазъ или Кегеннынъ-сазы.

---

[1]) Подлинной рукописи я въ своемъ распоряженіи не имѣлъ, данный же мнѣ списокъ крайне неудовлетворителенъ. Существенныхъ исправленій въ немъ мною не сдѣлано въ виду того, что транскрипція Валиханова довольно своеобразная. Неразобранныя переписчикомъ слова обозначены точками. *Н. В.*

23. Чалкуде.
24. Солепое озеро.
25. Текесъ при впаденіи.
26. Сары-Джасъ (горы).
27. Каръ-кара, рѣка
28. Кизиль-кія, вершина прохода у ключа Бель-Булакъ.
29. Джаргаланъ.
30. Кара-Колъ (аулъ Бузрука).
31. Джеты угузъ.
32. . . . . . Кизилъ-су.
33. Ночлегъ при рѣкѣ Зауку двумя верстами дальше впаденія Заукучака.
34. Зауку. Ночлегъ въ 1½ верстахъ выше впаденія.
35. Зауку на 6 верстъ выше ночлега. Кашка-осу или Каска-осу.
36. Зауку, при впаденіи рѣки Дунгуръ (проходъ Дунгурама).
37. Долина съ . . . . . . озерами на вершинѣ Зауку.

38. Южный склонъ Джетимъ-осу при впад. рѣки въ Нарынъ	20	25
39. Карасай на плато Тарагай.	30	35
40. Караколъ, на южномъ склонѣ Чухыръ-хорума.	25	30
40. Кубергенты или Куберліты	20	20
41. Колмакъ-Учакъ на рѣкѣ того-же названія. .	20	38
42. Гечге	30	35
43. Чадыръ-ташъ на сѣв. берегу рѣки Аксая .	23	28
44. Рѣчка Текликъ-суугы или Галджа-Баши . .		25
45. Кизилъ-су крайній	23	25
46. Кичикъ-Кизилъ-су	16	
47. Рѣка Терекъ на плато Аксай.	20	
48. На южномъ склонѣ прохода Терекъ.		
49. Въ ущельи же Терекъ рѣка Кодасъ-Колъ.		
50. Ключъ съ небольшой водой.		
51. Китайскій пикетъ Ислыкъ-караулъ.		
52. Селеніе Игзекъ изъ группы селеній назыв.		9
вообще Артушъ или Устунъ-Артышъ, верхній Артышъ.	25	28
53. Могила Куфала-Ходжа		10
54. Предмѣстіе Куранъ.		3
55. Городъ Кашгаръ	30	9

Дополненіе къ маршруту № 1. Маршрутъ изъ укрѣпленія Вѣрнаго въ Кашгаръ.

1. Укр. Вѣрное.
2. Рѣка Талгаръ.
3. Исикъ.
4. Учъ-Чабдаръ р.
5. Кара-Турукъ.
6. Чиликъ. Ночлегъ въ 6 верстахъ ниже отъ уст. Бауазасъ. Здѣсь дорога раздѣляется; одна идетъ черезъ горы Темерлинъ.

7. Ключъ Булакъ въ горахъ Согёты . . . . на южномъ склонѣ . . . . .

8. Аиръ-Булакъ ключъ на сѣверной сторонѣ горъ Турайгыръ въ проходѣ Аиръ-осу; отъ Турайгыра есть дорога болѣе удобная, проходимая даже на телѣгахъ, только съ двумя оврагами.

7. Р. Чарынъ при уроч. Сары-Тогой; въ этомъ переходѣ дорога проходитъ горы между Сугеты и Бугуты.

8. Р. Темерликъ.

9. Р. Кегенъ при впаденіи Каркары.

9. Мерке (чанъ) рѣчка.

10. Р. Чирганакъ.

11. Рѣка Каркара.

9. Актогой на рѣкѣ Чарынъ.

10. Кегенъ при впаденіи Каркары.

Здѣсь дорога соединяется (см. выше дополненіе 6).

Дополненіе № 2. Маршрутъ отъ Чадыръ-Таша до Кашгара черезъ проходъ Кокъ-кія (см. маршрутъ, ночлегъ 43).

44. Ключъ по выѣздѣ изъ ущелья.
45. При входѣ въ ущелье Кульдыкъ.
46. При выходѣ изъ ущелья Ишегартъ.
47. Холмистое мѣсто Ирь-бель.
48. Р. Чокталъ.
49. Р. Терекъ при вершинѣ прохода Терекъ.
50. При выходѣ изъ ущелья Терекъ.
51. На безводномъ мѣстѣ.
52. Китайскій караулъ Тешикъ-ташъ.
53. . . . .
54. Кашгаръ.

Дополненіе къ № 3. Маршрутъ, составленный г. Безверховымъ въ Кульджѣ. Отъ Санташа до Кизиль-су. По этому пути съ Каркаты ночлегъ слѣдующій на рѣкѣ Сапъ-ташъ при курганѣ, потомъ по Тубу внизъ, далѣе по сѣверному берегу озера Иссыкъ-куля до Куты-малды 4 или 5 . . . . Здѣсь они соединяются съ дорогой, которая идетъ изъ Семипалатинска черезъ Илійскую переправу (при Илійскомъ пикетѣ) и черезъ укрѣпленіе Вѣрное.

Отъ Санташа до

1. Кутемалды, до
2. . . . . .
3. Джунанъ арыкъ . . . . между горъ.
4. Вершину, отдѣляющую . . . . . Джуванъ арыкъ это . . . . .
5. Переходъ Нарынъ.
6. Въ горахъ Шаркрама или Шархкратма . . . 20 в.
7. Рѣка Атъ-Башъ . . . . 20 »
8. Гора Бишъ-Билчиръ . . . . 25 »
9. Аксай, ровная долина . . . . 15 »
10. Кизылъ-су . . . . 30 »

Здѣсь дорога соединяется (См. 36, 45 ночлегъ на маршрутѣ № 1).

Дополненіе 4. Маршрутъ отъ Кутималды по рѣкѣ Улакъколъ. Ночлегъ по предъидущему дополненію (см. объ этомъ же пути въ Аксу).

Сендгале р., отъ

1. Кутемалды до
2. Озеро Иссыкъ-куль . . . . 15 в.
3. Источникъ Улакъ-колъ. . . . . 30 »
4. Онъ-Арча . . . . 30 »
5. У моста черезъ рѣку Атбашъ.
   Ночлегъ на берегу рѣки Нарына при впаденіи Атбаша . . . . 25 в.
6. Р. Атбашъ . . . . 25 »
7. Ташъ-раватъ . . . . 20 »

Смотри ниже маршрутъ нашего каравана на обратномъ пути. По Гумбольдтовскому маршруту отсюда до Кашгара, считается 7 дней пути.

Маршруты въ городъ Ушъ-Турфанъ. 1-е отъ рѣки Текесъ. Въ берегахъ пикета есть два прохода.

1-е. По рѣкѣ Учъ-Какпакъ или по вершинѣ самого Текеса черезъ проходъ Кокъ-Джаръ. По этому пути до Турфани 10 дней караваннаго ходу или 5 дней скорой ѣзды.

1. Текесъ.

2. Кокъ-Джаръ.

3. Чаакъ-ташъ. На это мѣсто можно выйти изъ долины рѣки Иссыкъ-куля по рѣкамъ: Джиргалану, Туранъ-Аксу, Кизиль-су; Заукучакъ и Кашка-осу имѣютъ болѣе удачные проходы. Съ береговъ Шевкуля до ..... считаютъ киргизы 8 дней ходу, около 150 в. слишкомъ, или 3 дня скорой ѣзды.

4. Р. Чибъ. Она покрыта по берегу еловымъ лѣсомъ, между Чаакъ-ташемъ въ ней есть перевалъ довольно трудный.

5. Р. Кара-Сай. Переходятъ черезъ горы Акъ-бель. Здѣсь одна дорога выходитъ на 39-й ночлегъ. См. маршрутъ въ Кашгаръ, а другая идетъ въ Турфанъ:

6. Ур. Иштыкъ. Въ этомъ мѣстѣ корма хорошіе.

7. Кизилъ-Тайгакъ. Дорога пролегаетъ по гористой мѣстности.

8. Южный склонъ горы Бедель. Переходъ чрезвычайно трудный 30 в.

9. Турфанъ, на пути лежитъ на рѣкѣ Яманъ-су китайскій караулъ Барганъ, на одной рукописной (?) картѣ пикетъ этотъ названъ Яманъ-караулъ.

2-й маршрутъ въ Турфанъ доктора Зильберштейна, ходившаго до китайскаго поселка Шату.

2. Отъ горы Зауке-дуанъ до горы Акбель (Акъ-бель).

3. Отъ горы Акбель до Бедаль-дуанъ (Бедень-даванъ).

4. Отъ горы Бедань - дуванъ до китайскаго караула Джійде.

5. Отъ китайскаго караула Джійде до другого Шате.

6. Отъ караула Шате до города Турпана (Учъ-Турфанъ).

3-й маршрутъ отъ Учъ-капкакъ до Турфана по показанію дикок. киргиза Каразa. Разстояніе соразмѣряется здѣсь по ходу лошади, слѣдовательно переходы въ два раза болѣе чѣмъ караванные.

1. Отъ Учъ-какпака до

2. Р. Утичекъ. На пути переходятъ проходъ Кокджаръ, рѣчку Чаакъ-ташъ, одинъ изъ истоковъ Нарына.

3. Р. Кучигданъ. На пути переходятъ проходъ Куялы.

4. Чолакъ-Кангитай. На пути переходятъ проходъ Ишегартъ.

5. Городъ Турфанъ. На пути переходятъ трудный проходъ Кокуджекъ или Бекердекъ и караулъ китайскій, названіе котораго онъ не знаетъ.

Маршрутъ нашего каравана отъ города Кашгара до рѣки Каркара (см. первое дополненіе къ маршруту № 1).

1. Отъ Кашгара до
2. Куфалла-ходжа.
3. Селеніе Артушъ . . . прошли черезъ . . . . . . , на 9 в.
4. Ключъ Сасыкъ.
5. Ключъ Сугеты.
6. Мерзатерекъ на берегу рѣки Тоинъ . . . . 25 в.
7. Урочища Кутканъ и Тоинтебя . . . . 30 »
8. Урочище Маи-чаку . . . . 35 »
9. Урочище Торгатъ-Бель . . . . 30 »
10. Горы Ташраватъ, на пути перешли озеро Чадыркуль 28 »
11. Рѣка Атбашъ . . . . 23 »
12. Кизылъ-чаку . . . . 38 »
13. Акталъ рѣка . . . . 36 »
14. Въ 3-хъ верстахъ отъ кок. укр. Куртки, на лѣвомъ берегу рѣки Нарына. . . . . 9 »
15. Аулъ Османа . . . . 11 »
16. Ключъ Джимбулакъ . . . . 44 »
17. Аулъ киргиза Табуладка . . . . 38 »
18. » » Наймана на средней Нурѣ . . 10 »
19. Урочище Драконовое гнѣздо на берегу рѣки Часъ-ташъ . . . . 23 »
20. Музъ-Бель . . . . 28 »
21. Улакъ рѣка . . . . 25 »
22. Рѣка Айгаръ-Булакъ . . . . 32 »
23. Джетимъ-асу (см. передній путь № 29, 38 ночлегъ).
24. При видѣ Дунгурана . . . . . . (36 №)
25. Между Кизиль-Тугуромъ и Буромбаевскимъ садомъ.

26. Джити-угузъ Турагельди.
27. Маленькая перекочевка съ ауломъ . . . . . на Толды Булакъ.
28. На рѣкѣ Джиргаланъ.
29. Сапъ-Ташъ па рѣкѣ Тунъ.
30. Апръ-Су въ аулѣ Джанета.
31. Кегенъ.
32. Большой Мерке.
33. Кугалы въ горахъ Турайгыръ.
34. Ташъ-Чоку.
35. Перешли Чиликъ, па рѣкѣ Джалина.
36. Шпнкъ.
35. Тургенъ.
36. Алматипская станица или укрѣпленіе Вѣрное.
37. . . . . . пикетъ.
38. Или при пикетѣ.
39. Аркарлы.
40. Биджи рѣка.
31. Кокъ-Су.
32. Алинглы (?).
33. Кара-мулла.
34. Копалъ.
35. Арасаній пикетъ.
36. Аксу.
37. Басканъ.
38. Канджига Булакъ.
39. Арганаты.
40. Юзъ-агачъ.
41. Кугульдуръ.
42. Батпакъ-Булакъ.
43. Аираякэй.
44. Алчинъ.
45. Кизиль-Мула.
46. Сары-Булакъ.
47. Улувазъ.
48. Семипалатинскъ.

Всего съ остановками изъ Кашгара до Семипалатинска караваннаго ходу 60 дней.

I. Маршрутъ изъ Кашгара въ Ошъ (Тахты-Сулейманъ), веденный во время пути татариномъ Измаиломъ Абдулниджитовымъ въ 1859 г.

1. Отъ Кашгара.
2. До Башъ-караулъ. Китайскій пикетъ . . . . 35 в.
3. Канджига-Булакъ—кокандскій пикетъ . . . 30 »
Кургашенъ-Кяны.
4. Оксаларъ . . . . 45 »
5. Рѣчка Куюкъ-Тагай. . . . . 40 »
6. Награ-Чалды . . . . 35 »
Лейгвенъ. Кашгарская сторона.
7. Проходъ Игзекъ . . . . 30 »
8. Терекъ-Даванъ, у входа въ проходъ . . . . . . 35 »
8. Алтъ-Джалы, вершина прохода Терекъ.
9. Терекъ-Даванъ . . . . 20 »
9. Кокандскій караулъ Суфи.
10. Кизиль-Курганъ . . . . 25 »
11. Гульча . . . . 30 »
12. Лянгаръ. . . . . 25 »
13. Ошъ . . . . 30 »

Всего . . . . 315 в.

Отъ Кашгара до Оши 16 дней караваннаго ходу, скорой ѣзды 6 дней. Отъ Конджега караула до Лянгара путь лежитъ по гористой мѣстности, служащей свѣжей кочевкой киргизамъ. Вода, кормъ, топливо вездѣ есть въ обиліи. *Примѣчаніе:* На этомъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ китайцевъ добываютъ . . . . . (X 12). Въ Курганѣ Суданъ живетъ 100 человѣкъ сипаевъ, пикетъ содержитъ правительша. Нѣсколько мазанокъ, ... кибитки составляютъ принадлежность хлѣбопашцевъ.

2. Маршрутъ изъ Кашгара въ Ошъ, составленный въ укр. Вѣрномъ . . . . въ 1859 г.

1. Отъ Кашгара
2. Анджанъ-караулъ. . . . . 18 в.
3. Караны-караулъ-купе . . . . 10 »

4.	Джуанъ	13 в.
5.	Kургашъ-капъ	12 »
6.	Окъ Салыръ	25 »
7.	Бродъ черезъ рѣку Кокъ-Су, наз. Язъ-Кигу	25 »
8.	Загры Ташъ или Семизъ-Хатунъ при впаден. рѣки Награ-Чалды	18 »
9.	Джигынъ по рѣкѣ Кизиль-Су	17 »
10.	Истоки рѣки Кокъ-Су	30 »
11.	До вершины прохода Терекъ	35 »
12.	Кизиль Курганъ	40 »
13.	Оз. Капланъ Куль	30 »
14.	Курганъ Мады (Мадэ)	25 »
15.	Ошъ	18 »
	Всего	316 в.

3. Маршрутъ отъ Кашгара въ Ошъ.

1. Отъ Кашгара
2. до деревни Самекъ.
3. » Сулукъ.
4. » Муши.
5. Анджанъ Караулъ.
6. Башъ караулъ.
7. Канджига-курганъ.
8. Кургашъ-кони.
9. Ащи-булакъ.
10. Окъ Салыръ (при уроч. Кушъ-Чекусы).
11. Язъ Кигу.
12. Семизъ-Хатунъ.
13. Джиганъ.
14. Теректы.
15. Курганъ Сапы.
16. Кизиль-курганъ.
17. Гулишонъ Гульча.
18. Капланъ-куль.
19. Мюды.
20. Ошъ.

4. Маршрутъ отъ Кашгара до Оша по показанію кашгарскаго эмигранта, шедшаго пѣшкомъ.

1. Отъ Кашгара.
2. Муши.
3. Караулъ.
4. Ниль-даванъ.
5. Курганай кашы.
6. Оксаларъ.
8. Мѣдный рудникъ.
9. Терекъ-Даванъ.
10. Равито.
12. Гульча.
13. Ошъ.

Изъ Кашгара въ Анджанъ древній путь этотъ идетъ черезъ Узгепъ, по немъ вѣроятно ходили караваны отъ Каменной башни до к. Серу. (Птоломей). При Баберѣ караваны ходили еще черезъ Узгенъ.

Разстояніе городовъ Кокандскаго ханства.

Отъ Коканда до Маргелана 9 ташъ или 10 ташей, въ ташѣ 8 верстъ русскихъ.

До Ташкенда	. . . .	24	таша.
Отъ Маргелана	до Оша	14	»
	до Ярмазара	1	»
	до Намангана	7	»
	до Анджана	8	»
	до Шай-Мардена	8	»
Отъ Андижана	до Оша.	7	»
	до Намангана	7	»

Тоже самое по запискамъ Бабера. Отъ Андиджапа 1 до Оша 2
до Маргилана . . . . . . 7.

От Маргилана до Асферы . . . . . . 9 т. 4 таша.

Маршрутъ отъ Кокана до Оша, полученъ отъ Мусабая.

1. Коканъ.		
2. Кошъ Тегермянъ	1	ташъ.
3. Караулъ Тепя	4	»
4. Дивана Раватъ	2	»

5.	Кара-Джигда	1 ташъ.
6.	Маргиланъ	1 »
		9 т. или 10.
7.	Якка-Тутъ	1 ташъ.
8.	Кува	3 »
9.	Шаимазаръ	1 »
10.	Мынъ-Тепя	$1^1/_2$ »
11.	Араванъ	$3^1/_2$ »
12.	Ошъ	4 »
		14 ташъ.

Отъ Кокана до Оша 24 таша по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Коканскаго правительства, т. е. 112 русскихъ верстъ.

---

28 іюня я присоединился къ каравану около хребта Карамулы, въ аулѣ Сарыбаша, около Сулбулакскаго пикета. Караванъ состоялъ изъ шести кошевъ или «огней», принадлежащихъ 8-ми разнымъ лицамъ, изъ 42-хъ человѣкъ (считая и меня), изъ 101 верблюда, 65 лошадей и товаровъ на 18,300 рублей и 32 к. (по обложеніи въ таможнѣ) и на 480 товару «мелочного». Товаръ составляли: ситцы фабрики Удина (извѣстныя на Востокѣ подъ названіемъ *Якуби*), Ярмакова, Тушнина, Ремизова; нанки: Мединцова на китайскую руку, Ярмакова сукны, верверёдъ, полубархатъ цвѣтной фабрики Тушнина, ... коленкоръ Ярмакова, платки, зеркала, подносы, мѣдные тазы, перочинные ножи, подсвѣчники и т. д. Кошвы, китайки и изъ другихъ произведеній русскихъ фабрикъ были также выдровыя шкуры, штофъ, канитель, кожи. 13 іюля, въ день Курбана, перешли Илю; отъ Сулъ-булака до Или караванъ сдѣлалъ 10 переходовъ (Tageruten), 25 іюля прибыли въ Адбановскія волости. Я и Мухммедъ Разыкъ торговалъ у Юнуса (изъ рода Курмакъ), Мусабай у Авелбія, тоже курмакъ, потомъ у Шелбоя изъ рода . . . . . . и т. д. 6 августа пріѣхали въ Богу на Чалкуду.

Муса-бай торговалъ у Карача, Салмекс у Ниша, брата Казбека; Абделкеримъ, Азимъ-джанъ (Шапакъ)-мурза, Кенджеке у Шумъ-бая, а я съ М. Р. у Бурсука (Кыдыкъ); до 2-го сентября кочевали съ киргизами по Текесу.

27-го ушли на караулъ Ислыкъ, 2-го октября въ Кашгаръ, въ четвергъ 7-го ноября введены мелкія цѣны (кичкене-пулъ, ушай пулъ) и большія объявлены не дѣйствующими. Большіе пулы лили одни въ 20 пуловъ, другіе въ 10.

Эти пулы выливали въ огромномъ количествѣ у Бурутъ киргизъ и потомъ вводили въ Кашгаръ, Яркендъ и Янгисаръ. Мелкіе пулы тоже двухъ родовъ: да-чапь въ 2 пула и чау-чапъ въ одинъ пулъ.

14 ноября остановилась въ арыкахъ вода.

Декабря 19-го выпалъ первый снѣгъ утромъ, въ полдень остановился, 2-й разъ 7-го и 8-го генваря и въ послѣдній разъ 12-го генваря.

Съ 2—3-го генваря начались теплые дни, весна. 14-го февраля въ полдень явилась вода въ арыкѣ.

Февраля 6-го праздновали . . . .

Марта 7-го праздникъ большой «Атимы» . . . . называется «баратъ-кигасы».

Марта 1-го праздновали «новый годъ».

Марта 4-го выступилъ нашъ караванъ, 7-го выѣхали мы, а 10 Мусабай.

Мѣсяца Рабіуль-ахира 22 числа 1275 года геджера, 30 октября нашей эры. Малла-бекъ сдѣлался ханомъ; извѣстіе объ этомъ въ Кашгарѣ получено черезъ 16 дней — 15-го ноября. Извѣстіе привезъ Баба-Тунгузъ, а Муминъ-бекъ, братъ Алимбека, до тѣхъ два дня прежде, привезъ Насръ-эддину датхѣ милостивое письмо и почетный халатъ отъ хана съ увѣреніемъ въ ханской благосклонности, а Баба Тунгузъ привезъ ханскій . . . . о назначеніи Норъ-Мухамедъ-датхи . . . . преимущество предъ ишкага датхи.

25-го ноября пріѣхалъ новый аксакалъ «аркянъ датха» . . . . . . крикъ Джиляу-сайла, всѣ Анджанцы вышли къ нему навстрѣчу, или что было около 15 т. народу. Съ нимъ

пріѣхалъ и посланникъ Мадъ Керимъ-би, бывшій уже въ этомъ званіи въ Хивѣ 5 разъ.

По слухамъ, привелъ до 15-ти (тысячъ) кашгарскихъ эмигрантовъ и 9 т. домовъ долоновъ . . . . . уведенныхъ Тохта Манджу; при пріѣздѣ Насръ-Эддина тоже пришло до 10 т. человѣкъ.

Послѣ возстанія ходжи пятый аксакалъ пріѣхалъ на полтора (два) мѣсяца прежде насъ. Онъ уже три раза былъ посланцомъ въ Кашгарѣ, въ первый послѣ 7-ми ходжіевъ . . . . послѣ Валиханъ . . . .
Въ «7-й ходжіевъ»: Катта-ханъ-тюря, Кичи-ханъ тюря, Тавоскель-ходжа. Какъ . . . было въ срединѣ жестокой зимы, отъ холода умерло до 30 т.

Потомки Мухамеда въ средней Азіи [1]) извѣстны подъ названіемъ «Сеидовъ» ходжіевъ; это же названіе и потомству халифовъ, наконецъ нѣкоторые шейхи при гробницахъ разныхъ святыхъ несправедливо присваиваютъ себѣ это названіе.

Сахибъ-заде потомки Омара-фарука и по женской линіи, имама Раббоши, 36 . . . . , фамиліи эти вышли изъ Индіи къ Сары-Инда въ окрестности Пешавара. Представители этой фамиліи весьма почетной: въ Бухарѣ Кадыръ азрятъ Міякъ-Фазылъ-Ульма. Братъ его Міякъ-Бузрукъ . . . въ Коканѣ извѣстенъ подъ названіемъ Катта-азрата большаго, Хазретъ-имамъ-Міякъ-Халилъ двоюродный братъ предыдущихъ, въ Яркендѣ тоже есть Хазретъ-Міякъ-Абдуль-Рахманъ, но не имѣющій политическаго значенія, какъ три первые. Сынъ бухарскаго Хазрата, родившійся отъ принцесы ханской крови, живетъ въ Акчѣ или Аскчѣ (въ Ботхѣ) и имѣетъ большое вліяніе на авганскаго Достъ Мухамедъ-хана. Общій представитель этой фамиліи «хазретъ»—господинъ.

2. *Кашгарскіе ходжи.* Дѣти Сарымсакъ-ходжи въ Коканѣ и Падшаханъ-ходжи въ Маргеланѣ и Абдулла ходжа; ходжи эти владѣютъ большими имѣніями, имѣютъ прекрасные дома и очень богаты и пользуются приношеніями кашгарцевъ. Ходжи эти имѣютъ . . . . . .

3. Туркестанскіе ходжи тоже потомки Фатимы—въ Туркестанѣ и между кочевыми племенами.

4. Касанъ-ходжи въ городѣ Касанѣ, на лицо обширная и многолюдная фамилія.

5. Мяйданъ-ходжи въ Анджанѣ занимаютъ почти половину этого города, производятъ сборъ съ дикихъ киргизъ и занимаются оспопрививаніемъ и потому между бурутами извѣстны подъ названіемъ «чикмя-ходжей»—оспопрививателей.

6. Омари потомки Шейхъ-Антавуры въ Ташкендѣ. Въ Маргиланѣ фамиліи «Хулини» и «Мешиди», Ходжили называются шейхи при Шахи-Марданѣ, до 70 домовъ въ . . . . и Мешеди шейхи Тахтъ-Сулеймонъ въ Ошѣ, ходжа . . . . . , ходжи Ахраръ-Вали, . . . въ Ташкендѣ шейхи . . . , Занги-баба и множество другихъ.

Въ Уренджѣ (въ Хивинскомъ ханствѣ) . . . . . .

27-го сентября пришли на первый китайскій пикетъ, называемый Ислыкъ-караулъ. Въ караулѣ, по замѣчанію Измаила, 15 человѣкъ солдатъ. Пикетъ стоялъ при входѣ въ ущелье, окруженъ стѣной съ башнями и передъ нимъ положено нѣсколько тополей и тутовыхъ деревьевъ. Не доѣхавъ нѣсколько верстъ, я зарылъ въ одно примѣтное мѣсто нѣсколько книгъ, которыя читалъ дорогой, упряталъ всѣ бумаги, бывшія по порученію въ караванѣ. Караванъ остановился въ 50 саженяхъ отъ пикета, такъ какъ пріѣхалъ очень рано, было около 5 часовъ утра, то и хотѣли, если можно, взять свидѣтельства на пропускъ отъ кит. офицера и пройти далѣе. Наши коканцы всю дорогу увѣряли, что китайцы ихъ очень боятся и что если увидятъ при караванѣ ихъ, то не осмѣлятся дѣлать остановки и что китаецъ если . . . . и вздумали бы это сдѣлать, то они проведутъ насъ въ городъ и безъ билетовъ. Только на дѣлѣ вышло другое, при нашемъ приближеніи съ одной башни часовой закричалъ: «барондъ», и китайскіе солдаты, сидѣвшіе въ тѣни, даже бросились и поспѣшили въ эти стѣны и заперли ворота, и на башнѣ появилось нѣсколько бритыхъ съ косами головъ, и вскорѣ скрылись. Коканцы наши слышали, что китайцы насъ приняли за ходжу и поскакали въ пикетъ, мы поѣхали вмѣстѣ. Когда мы приблизились къ воротамъ, въ пикетѣ царствовало глубочайшее молчаніе и на крикъ и стукъ въ ворота пикета показалась голова отдѣлив-

шагося кашгарскаго землепашца. Кто вы такіе?—Мы? да развѣ ты насъ не знаешь? говорятъ наши сипаи.—Ахъ, а это что за странные люди?—Это наши подданные рабы хана пришли съ караваномъ.—Позвольте я доложу.—Поворачивайся живѣе, проклятье на твою сестру! слѣзъ нашъ старый токсоба и ударилъ рукой по саблѣ. Кашгарецъ исчезъ. Китайская голова высунулась изъ воротъ, осмотрѣла насъ своими узкими глазами и тоже исчезла. Слышны громкіе крики китайскаго языка, все умолкаетъ и наконецъ двери растворились, и вышелъ блѣдный и худой, какъ скелетъ, китаецъ, очевидно подверженный куренію опіума, съ трубкой въ зубахъ, въ сопровожденіи того-же кашгарца и еще одного спутника, который былъ, какъ узнали послѣ, тутъ толмачъ «хау-хау, ахшы-оса». Сталъ китаецъ . . . ., оскаливъ длинные и острые зубы, обведя карія глаза. На башко отвѣчали киргизы. Китаецъ зналъ всѣхъ нашихъ киргизъ и далъ токсобѣ свою трубку. Тотъ взялъ, сказавъ по обыкновенію «проклятіе на твою сестру». Коканцы стали объясняться о пропускѣ насъ и что-то долго спорили, наконецъ объяснили намъ, что офицера нѣтъ . . . . дастъ билетъ, безъ него не смѣютъ, хотя онъ и обязанъ дать двухъ барановъ, какъ «юсулъ».

Что дѣлать, будемъ здѣсь ночевать, сказалъ токсоба и присовокупилъ, что могъ бы и безъ билета насъ провести, но не хочется напугать китайцевъ и въ заключеніе сказалъ, что китайцы, проклятіе на ихъ сестру, ужасные трусы и какъ слѣдуетъ разсказалъ, какъ онъ билъ ихъ, удобно рѣзать китайцамъ головы, къ чему большое удобство представляли косы. Пока мы стали разбирать наши походные шатры, пришелъ тунчи и . . . . . кашгарецъ принесъ маленькій мѣдный чайникъ и чашечку и сталъ по очереди подчивать насъ крѣпкимъ кирпичнымъ чаемъ, дѣлая поклоны, давая чашку и принимая ее. Онъ былъ удивительно вѣжливъ и обошелъ всѣхъ киргизовъ. Отъ пикета въ 50 саженяхъ было нѣсколько кибитокъ дикокаменныхъ киргизъ изъ рода Чонъ-багышъ, изъ племени Машакъ, которыхъ бій предалъ въ руки китайцевъ Джангеръ-ходжу. По народному мнѣнію племя, вслѣдствіе проклятія за свой поступокъ, совершенно обѣднѣло и близко къ . . . . .

Замѣчаніе . . . . Чонъ больше кочуютъ въ окрестностяхъ Кашгара . . . . по верховьямъ Кизиль, по Тюменю, на Окъ-саларѣ, ... Лошадей нѣтъ, есть тощія овцы и козы. Занимаются хлѣбомъ, службой въ прислугѣ. Всегда ходятъ пѣшкомъ и въ этомъ отношеніи изумительно (?) носятъ изъ верблюжьей кожи башмаки, похожіе на ременные сандаліи. Впрочемъ, былъ у нихъ башко въ сопровожденіи тунчи. Онъ былъ особо и разспрашивалъ о своей роднѣ.

28. Караульный офицеръ или, какъ здѣсь говорятъ, «толдай» не пріѣхалъ еще на постъ, мы просимъ, чтобы насъ не задержали, сипаи тоже представляетъ резоны.

Соглашаются—сдѣлали юсулъ: дали 3-хъ барановъ. Тунчи написалъ наши имена, число людей, верблюдовъ, лошадей. Мы названы . . . . и татаръ тоже. Тунчи записалъ не всѣхъ овецъ, что не нужно, лишь бы сдѣлать форму. Снялся караванъ въ 10-мъ часу, на дорогѣ вышелъ къ намъ коканскій *караулъ-беги*; человѣкъ, который дѣлаетъ перепись приходящимъ и отходящимъ караванамъ и за этотъ трудъ беретъ съ каждаго «огня» по барану. Караулъ-беги, какъ всѣ коканцы, очень любезенъ. Подъ тѣнью дерева, около гнилаго ключа, разрѣзавъ дыни . . . ., домашняго варенья, и такъ въ разговорѣ далъ знать, что если мы ему не дадимъ . . . . то можетъ сдѣлать намъ большую непріятность, т. е. попросить очень деликатно развьючить верблюдовъ и описать товаръ—слѣдовательно цѣлый день остановки. Сначала наши покровители . . . . говорили, что . . . . на проѣзды съ насъ брать, но потомъ, переговоривъ съ нимъ, убѣдили насъ дать служителю что нибудь— и какъ узналъ послѣ, они раздѣлили сами тоже полученный пай. Въ верстахъ 8—9 отъ караула начинаются горы изъ . . . . глины. Отъ караула выходитъ изъ подъ твердыхъ горъ. . .

Письма Валиханова къ Г. А. Колпаковскому.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Герасимъ Алексѣевичъ!

Вчера вечеромъ Со-Голдай, Паножъ съ 7-ю товарищами опять пріѣхали въ аулъ султана-Тезека. Они привезли листъ отъ новаго цзянъ-цзуна, бывшаго Тарбагатайскаго Хебе-Амбаня (старый цзянъ-цзунъ по словамъ Со-Голдая смѣщенъ съ своего мѣста за самопроизвольное столкновеніе съ русскими въ прошломъ году и будетъ судиться въ Или); къ вашему превосходительству и къ султану Тезеку листы эти я посылаю съ этимъ письмомъ. Со-Голдай пріѣхалъ навстрѣчу къ русскимъ вспомогательнымъ войскамъ, которыя должны, по ихъ ожиданію, прибыть черезъ 15 дней. Въ Тургенѣ ими заготовлены провизія и разныя нужныя вещи для нашихъ войскъ. Я предлагалъ Голдаю ѣхать обратно въ Кульджу и тамъ ждать извѣстій отъ васъ, такъ какъ вы уѣхали въ Омскъ и, вѣроятно, не скоро будете въ Вѣрное, но онъ обнаружилъ рѣшительное желаніе видѣть васъ здѣсь и объявилъ, что это воля цзянъ-цзуна.

Положеніе Кульджи крайне плачевное. Послѣднее столкновеніе съ инсургентами было 8 дней тому назадъ. Манджуры сначала, по словамъ киргиза очевидца, успѣли обратить Тунгеней въ бѣгство и взяли три пушки и нѣсколько сотъ верблюдовъ, но потомъ были рѣшительно разбиты Хой-Хоями и лишились всей своей пѣхоты. Изъ 1,500 человѣкъ Чампаней и Китайцевъ вернулись только 300 человѣкъ. Сибо и Солоны спаслись бѣгствомъ безъ большихъ потерь. Дунгеней въ этомъ дѣлѣ убито до 300 чел. и это, кажется, преувеличено.

Кульджа находится въ осадномъ положеніи. Баяндай еще не взятъ. Изъ Кашгара, говорятъ, пришелъ какой-то ходжа, но это, надо думать, киргизскія сказки. Всего болѣе Манджуры страдаютъ отъ своихъ Киргизъ, которые воруютъ лошадей, хлѣбъ и почти всѣ въ сношеніяхъ съ инсургентами. Только Башча остался попрежнему покорнѣйшимъ слугой Богдоханскаго величества.

Голдай посылаетъ вашему превосходительству большой поклонъ и проситъ по секрету передать вамъ, что дѣла ихъ очень плохи.

Отъ Бектаира извѣстій еще нѣтъ.

Донося о семъ вашему превосходительству, прошу васъ, если можно, облечь мое агентство въ оффиціальную форму, чтобы послѣ мнѣ быть полезнымъ вашимъ сотрудникомъ. Малбай, Муратъ-Али и проч. послали сюда къ Тезеку письма и спрашиваютъ, можно ли имъ вернуться и надѣяться на милость вашего превосходительства. Имъ хочется имѣть своего манапа и потому я ничего имъ не сказалъ, замѣтилъ, впрочемъ, что они могутъ просить васъ обо всѣхъ своихъ нуждахъ и что они, если просьба ихъ имѣетъ основаніе, вѣроятно, будутъ удовлетворены.

Нужно замѣтить, что всѣ Манджуры и Сибо, бывшіе въ Вѣрномъ, получили высшей степени шарики, точно сдѣлали великій подвигъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Ч. Валихановъ.

20-го ноября 1864 года.
Тугеренъ.

P. S. Въ числѣ наградъ, вышедшихъ киргизамъ Тезековскаго вѣдѣнія есть золотая медаль и 25 руб. сер. какому-то Усербаю Алабаеву, бывшему въ Курткѣ съ г. Проценко. Но такого имени между киргизами Адбановскими, бывшими въ Курткѣ, нѣтъ, вообще съ Проценкой Усербая Алибаева не было. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія двое Адбановъ претендуютъ на эту награду. Одинъ чола-казакъ Тордубекъ-Абдрах-

мановъ, другой Тохтарбай Кемебаевъ. Первый изъ нихъ былъ начальникомъ лаучей и служилъ г-ну Проценко въ лагерѣ, какъ служитель, другой ѣздилъ съ почтой къ Адилю, ходилъ на караулъ къ рѣкѣ Онъ-Арча и вообще былъ на трудныхъ разъѣздахъ. Нельзя ли будетъ разузнать отъ г. Проценко, котораго онъ разумѣлъ подъ именемъ Усербая?

Такъ какъ листъ цзянъ-цзуна былъ, по словамъ манджуровъ, написанъ таранчей, не совсѣмъ хорошо знающимъ ихъ языкъ и такъ какъ въ Вѣрномъ переводъ прежняго листа былъ сдѣланъ при нихъ помощи—они просили меня перевести вмѣстѣ съ ними листы цзянъ-цзуна. Я осмѣлился поэтому распечатать и сдѣлать переводъ. Надѣюсь, что ваше превосходительство не будете въ претензіи за это самоволіе.

Переводъ письма цзянъ-цзуна.

Отъ великаго Дай-Цинскаго государства, управляющаго Илійскими провиціями цзянъ-цзуна Минь-сю листъ.

Великаго Россійскаго государства управляющаго провинціей и завѣдующаго дѣлами Киргизъ и Бурутовъ Генералу.

Письмо ваше я получилъ и посылаю отвѣтный листъ. Въ письмѣ, посланномъ отъ васъ, видно, что вы, узнавъ о бунтѣ илійскихъ Хой-Хоевъ отъ Са-Голдая, посланнаго нами къ вамъ съ просьбой собрать русскія войска и привести ихъ для освобожденія города отъ воровъ, тотчасъ собрали начальствующихъ въ краѣ лицъ и посовѣтовавшись съ ними, донесли о нашей просьбѣ Бѣлому Царю. Затѣмъ вы пишете, что когда придетъ разрѣшеніе отъ вашего Государя, вы съ войсками губернатора (?) придете и тотчасъ же освободите куру (т. е. городъ). Са-Голдай, благополучно возвратясь, донесъ мнѣ о всемъ и я хорошо понялъ ваши добрыя намѣренія. Высоко цѣня дружбу двухъ великихъ государствъ, я послалъ къ вамъ навстрѣчу Са-Голдая, чтобы онъ принялъ и привелъ русскія войска.

Если вы придете и скоро освободите городъ отъ Хойхойскихъ воровъ, вы сдѣлаете дѣло, которое мы тысячу и

тысячу лѣтъ будемъ помнить. Нашъ народъ умѣетъ цѣнить добро.

Узнавъ, что построенную вами на Или факторію воры Тунгены начали портить, я послалъ наши войска и спасъ ваши зданія отъ разрушенія. Однако, у хранителей факторіи взяты нѣкоторыя вещи.

Сообщите секретарю, завѣдовавшему дѣлами торговцевъ верхнихъ мѣстъ (?), чтобы онъ попрежнему занялъ факторію и открылъ бы тамъ торговлю на прежнихъ основаніяхъ. По выше изложеннымъ причинамъ листъ написанъ. Царствованія Тунъ-джи 3 года, 11 мѣсяца 28 дня.

14-го декабря.

Сегодня пріѣхалъ Итъ-бала, который все время находился при манджурскомъ войскѣ. Спѣшу сообщить вамъ нѣкоторыя подробности послѣднихъ схватокъ манджуровъ съ тунгенами. Это будетъ дополненіемъ къ показаніямъ Бокачевскаго приказчика. Бѣгство Дунганей изъ Кульджи случилось 9 числа прошлаго мѣсяца. Утромъ этого числа всѣ кульджинскія и сосѣднихъ мѣстечекъ хой-хои выступили къ Сары-булаку, ихъ подкрѣпляли таранчи въ числѣ 400 человѣкъ подъ начальствомъ какого-то сарта, котораго они называли ходжей. (Впрочемъ, этотъ ходжа не изъ тѣхъ, которые претендуютъ на Кашгаръ, и надо думать, что онъ уроженецъ Или). Китайцы стояли у городскихъ стѣнъ и стрѣляли изъ пушекъ и фальконетовъ. Таранчи, однакожъ, занимались болѣе маневрами, чѣмъ дѣломъ. Въ рукопашныхъ схваткахъ въ этотъ день было убито не мало тунгеней, но потерю чампаней и хамбыней (китайскихъ солдатъ) считаютъ до 800 ч. Въ то время, какъ манджуры были отвлечены безполезной для нихъ стрѣльбой, жены и дѣти дунгеней со всѣми своими вещами безпрепятственно выходили изъ своего предмѣстія. Къ вечеру, когда послѣдніе верблюды тунгеней выступили изъ города, тунгени стали отступать, оставивъ для прикрытія отступленія до 500 ч. конницы. Но дѣло этимъ не кончилось. Чампани, узнавъ о бѣгствѣ дунгеней, бросились въ ихъ предмѣстія, думая найти тамъ что-нибудь, но здѣсь ихъ встрѣ-

тила засада и чампани послѣ кроваваго боя бѣжали, потерявъ убитыми до 300 ч.

Дунгени, отступивъ изъ Кульджи, стали у каменноугольныхъ копей, въ 20 верстахъ отъ Кульджи. Таранчи увеличились до 600.

11 числа манджуры, ободренные бѣгствомъ врага, выступили изъ Кульджи для окончательнаго уничтоженія инсургентовъ. Манчжуровъ было 400, хамбыней 300, солоновъ и сибо лѣваго берега 300, праваго берега 800, чампаней 500. Къ несчастію китайцевъ въ самомъ началѣ сраженія дунгени овладѣли ихъ артиллеріей (4 пушками) и захватили всѣ фальконеты (60) и до 200 ружей. Порохъ китайцы сами уничтожили. Чампани, засѣвшіе въ какой-то курганъ, были сожжены, хамбыни частью перешли къ инсургентамъ, частью были убиты, всего ихъ вернулось человѣкъ 10. Пораженіе было совершенное; начальникъ китайскаго войска Чи-дженъ, солонскій Ухурдай и еще два амбаня были убиты. Дунгени преслѣдовали бѣгущихъ до самой Кульджи.

Въ настоящее время дунгени занимаются осадой Баяндая, жены и дѣти ихъ въ большой мусульманской Кульджѣ. Въ Кульджѣ китайской войска считается до 800, между тѣмъ какъ къ дунгенамъ пристали всѣ таранчи съ новымъ своимъ Акимъ-бекомъ Магзумъ Зитомъ. Нашъ Сотрукъ тоже соединился съ дунгенами и, какъ говорятъ, вмѣстѣ съ таранчами думаетъ взять Куджугуръ; подъ именемъ Худжугура извѣстна группа нѣсколькихъ селеній съ сибоскимъ населеніемъ. Жители его частію перебѣжали въ Кульджу, частью укрѣпились въ одномъ изъ этихъ селеній. Начальникъ сибосцевъ праваго берега, называемый киргизами Акъ-Калдай, взятъ подъ арестъ будто бы за сношенія съ инсургентами и вѣроятно будетъ казненъ. Кара-киргизы и наши кизилъ-борки совершенно уничтожили калмыковъ, кочующихъ на Текесѣ. Можно положительно сказать, что калмыки лишились рѣшительно всего — женъ, дѣтей и всего скота. Киргизы, говорятъ, не знаютъ, куда дѣвать скотъ и плѣнницъ. Калмычки попали и на Чиликъ къ Чоканъ-бію. Это, по моему, не совсѣмъ красиво.

Въ Кульджѣ чувствуется большой недостатокъ съѣстныхъ

припасовъ, ибо тунгени сожгли всѣ хлѣбные запасы и угнали весь скотъ городской, даже манджурамъ не оставили и свиней. Цзянъ-цзунъ на всѣ солонскіе городки наложилъ по 100 каповъ пшеницы.

Сегодня пріѣхалъ (нѣсколько часовъ тому назадъ, и я сейчасъ только узналъ) въ аулъ къ Тезеку одинъ таранча, прежде жившій въ его аулѣ. Онъ привезъ вѣрныя извѣстія о дунгенахъ, ибо онъ посланъ отъ таранчинскихъ бековъ къ султану Тезеку, чтобы узнать, можно ли имъ послать посольство къ русскимъ властямъ. Онъ разсказываетъ, что ходжа ихъ называется Сеидъ-Ахметъ-ханъ, онъ уроженецъ Маргилана и лѣтъ пять какъ пріѣхалъ въ Илю. По его словамъ всѣ хамбыни пристали къ мусульманской инсурекціи и это вѣрно. Изъ Кашгара и Аксу они ждутъ помощи. Цзянъ-цзунъ имъ предлагалъ миръ, но они не приняли. Баянъ-дай, какъ онъ полагаетъ, теперь долженъ быть взятъ. Въ самомъ дѣлѣ, что прикажете дѣлать, если инсургенты пришлютъ посольство? Если они будутъ, напримѣръ, просить нашего подданства? Увѣдомьте поскорѣе. Войсками командуютъ у инсургентовъ: китайцами—Джунъ-тапь, тунгенами—Па-ту-за и таранчами—Садыръ.

Такъ какъ въ настоящее время производятся безпрерывныя реформы и преобразованія, то нѣтъ основанія думать, чтобы киргизская степь осталась забытою. Вѣроятно, ваше превосходительство, позаботитесь о вашей ордѣ, которая, надо признаться, находится въ самомъ незавидномъ положеніи. Во время пребыванія въ ордѣ мнѣ удалось узнать кое-что неизвѣстное вамъ и могущее быть вамъ очень полезнымъ при вашихъ соображеніяхъ. Я буду говорить откровенно, такъ какъ это останется между нами.

Со времени вступленія вашего въ управленіе ордой вы были постоянно заняты походами противъ киргизовъ и защитой границъ, внутреннее родовое управленіе ордой оставалось попрежнему и въ этомъ отношеніи было сдѣлано очень мало. А родовое народное управленіе орды представляетъ ужасный хаосъ и крайнее безобразіе.

1-е Адбаны. Племя это бѣднѣе другихъ и держится болѣе

старыхъ порядковъ. Султанъ здѣсь управляетъ только своими туленгутами, которыхъ правда очень много и управляетъ ими, какъ плантаторъ неграми. Для адбановъ, кочующихъ за Илей, онъ почти не имѣетъ вліянія, Алимъ-кулъ и Ширбекъ зависятъ отъ него, какъ вассалы отъ барона: по временамъ пріѣзжаютъ на поклонъ, принимаютъ хорошо его ясауловъ и только. Словомъ, султанъ считаетъ себя владѣльцемъ, а не чиновникомъ русскаго правительства, какимъ онъ есть въ дѣйствительности.

2. Джелаиры. Управленіе въ Джелаирахъ представляетъ діаметральную противоположность съ управленіемъ въ Адбанахъ. Джелаирскіе султаны, волостные и проч. похожи на наѣзжихъ сибирскихъ чиновниковъ, которые пріѣзжаютъ только затѣмъ, чтобы постоять и потомъ уѣхать. Между джелаирскими родоправителями существуетъ круговая порука, чтобы грабить народъ. Я знаю навѣрно, что эти господа научаютъ татаръ и проч. подать просьбу въ Алматы и потомъ, получивъ бумагу изъ Вѣрнаго, пугаютъ своихъ киргизъ и берутъ *тогузами*, одну — Султанъ-Гази, другую — Тынги, третью— Кимбаръ и проч. Подводы въ этомъ родѣ назадъ не возвращаются—продаются, и деньги раздѣляются между вышеупомянутыми лицами. Плата за подводы подвергается той же участи. Вообще поборамъ нѣтъ счета.

3. Въ Дулатахъ нѣсколько лучше, хотя султанъ ихъ считается слабымъ. Тамъ много богатыхъ и вліятельныхъ киргизъ, которые могутъ въ случаѣ надобности дать султану отпоръ.

Прежде было основаніе церемониться съ киргизскою властью, теперь же, когда границы наши закрѣплены, можно положить конецъ ихъ самоуправству и произволу и дать почувствовать имъ, что они не владѣльцы, а чиновники и что правительству нуженъ народъ, а не султаны, ибо математически 100 вѣрнѣе, полезнѣе, чѣмъ 10. По моему мнѣнію, этого можно достигнуть только подчинивъ формальнымъ выборамъ должность султановъ и управителей: ослабить аристократическій элементъ и поднять и дать значеніе *суду біевъ*. Въ Большой ордѣ судъ біевъ не существуетъ, дѣла рѣшаются по капризу властей.

Въ Дикокаменной ордѣ аристократическаго элемента не существовало исторически, точно также какъ и централизаціи родового управленія. Тамъ каждый родъ управлялся своимъ біемъ. Случалось, правда, что нѣкоторые манапы, сильные родовичами, успѣвали пріобрѣтать главенство, какъ Урманъ и Бурумбай, хотя это было насиліе, но люди эти имѣли несомнѣнныя достоинства, одинъ—храбрость, а другой—замѣчательный умъ. Мы же, назначивъ ничтожнаго и извѣстнаго лживостью Сарынбека въ званіе ага-манапа, случайное явленіе возвели въ постоянное достоинство. Это уже само по себѣ ошибка. Пользы отъ ага-манапа мы положительно не имѣемъ, и поддерживая его значеніе, мы вредимъ самимъ себѣ, отталкиваемъ отъ себя народъ и вооружаемъ противъ себя другихъ манаповъ: Мурадъ-Али, Боли-Карай и проч. ушли не отъ насъ, а отъ Сарымбека. Кромѣ того, Сарымбекъ постоянною ложью отъ имени русскаго правительства возбуждаетъ недовѣріе въ народѣ къ намъ. Этотъ господинъ продавалъ чирикамъ русскіе чины, т. е. русскія бумаги—это фактъ. Сверхъ того ни одинъ абсолютный восточный монархъ не дѣлаетъ такихъ насилій, какъ онъ. У него содержится одна женщина, извѣстная подъ именемъ *подводной бабы*, если такъ можно выразиться; онъ ею угощаетъ пріѣзжихъ казаковъ и другихъ лицъ и она взята также, какъ берутъ въ подводы верблюдовъ и лошадей. Эти немногіе факты говорятъ сами за себя.

Я полагаю, что въ дикокаменной ордѣ надо поддерживать древній порядокъ управленія, чтобы каждый родъ управлялся своимъ біемъ. Тогда будетъ между ними соревнованіе, чтобы отличиться одному передъ другимъ.

Прошу у вашего превосходительства снисхожденія, что я рѣшился написать о томъ, о чемъ вы меня вовсе не просили. Какъ киргизъ, я не могъ удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ относительно моихъ страждущихъ земляковъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть в. п. покорный слуга

Ч. Валихановъ.

P.S. Бекъ Таиръ завтра выѣзжаетъ отсюда. Что касается до писемъ, посланныхъ съ Измаиломъ, я долженъ сказать, что онп всѣ были мной запечатаны моею печатью съ литерами М. В. точно также, какъ и настоящее письмо.

Ч.

Сегодня пріѣхалъ въ аулъ Тезека казакъ Павелъ Богдашинъ, остававшійся до сихъ поръ въ Кульджѣ. Такъ какъ всѣ торговцы, поселенные китайскимъ начальствомъ въ нашей факторіи, бѣжали, то и Богдашинъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

Торговцы принуждены были къ бѣгству постоянными требованіями китайскихъ властей—то лошадей, то верблюдовъ. Въ послѣдній разъ манджуры потребовали 300 лошадей и когда торговцы отказались отъ дачи такого большаго числа лошадей, цзянъ-цзунъ объявилъ, что онъ возьметъ отъ нихъ силой. Тогда ночью всѣ обитатели факторіи бѣжали, оставивъ все свое имущество и товары. Едва торговцы вышли изъ факторіи, какъ Конуръ-бурковскій Башчи-Башча съ 100 человѣками напали на факторію и ограбили все до чиста. Впрочемъ, и прежде въ началѣ возстанія, таранчи немного пограбили въ консульскомъ домѣ, но взято было немного. На другой день Башча нагналъ караванъ и требовалъ выдачи Богдашина, но семипалатинскій ташкенецъ Османъ не далъ. Этотъ же Османъ далъ казаку лошадь и во все время нахожденія Богдашина въ Кульджѣ оказывалъ ему покровительство и помощь. Китайское начальство взяло отъ Богдашина подъ росписку все желѣзо, бывшее въ факторіи.

Киргизы, бывшіе подъ протекціей китайцевъ, сдѣлались теперь заклятыми врагами своихъ патроновъ и грабятъ манджуровъ и солоновъ, гдѣ только можно. Кезенъ-Кара напалъ даже на одинъ солонскій городокъ, угналъ до ста лошадей, но самъ потерпѣлъ потерю съ лихвой: до 5 человѣкъ его киргизъ пали отъ солонскихъ стрѣлъ.

Голдай все еще живетъ у Тезека, и не ѣдетъ, что хотите.

Сейчасъ получено еще извѣстіе. Цзянъ-цзунъ послалъ погоню за карауломъ и особенно за Богдашинымъ, чтобы

вернуть его, но посланные солоны не догнали каравана и вернулись въ Тургенъ.

Если китайцамъ будетъ дана помощь, то съ извѣстіемъ объ этомъ въ Кульджу надѣюсь, ваше превосходительство, пошлете меня.

Пожелавъ вамъ всего хорошаго и успѣха въ вашихъ начинаніяхъ, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валихановъ.

27 декабря

14-го Генваря.

Я имѣлъ честь послать къ вамъ въ Омскъ три письма (одно съ листомъ отъ китайскаго начальства), но отвѣта до сихъ поръ еще нѣтъ. Со-Голдай все еще здѣсь, ждетъ васъ, какъ еврей Мессію. Вообще, всѣ илійскіе манджуры уповаютъ на насъ и отъ насъ только чаютъ избавленія. Впрочемъ, по полученному сейчасъ извѣстію изъ Кульджи, инсургенты, очевидно, утомились. Манджурамъ удалось ихъ разбить на-голову въ окрестностяхъ самой Кульджи (20 числа дня 12 мѣсяца по китайскому стилю, сегодня 28). Въ этомъ дѣлѣ убито до 400 человѣкъ хой-хоевъ и таранчей и взято много оружія: ружей, копій и сабель. Эта неудача нанесла хой-хоямъ такой нравственный ударъ, отъ котораго они едва ли поправятся. Дѣло въ томъ, что хой-хои не въ ладу съ таранчами, которые составляли большинство инсургентовъ, послѣдніе начинаютъ тайно сноситься съ цзянъ-цзуномъ, который обѣщалъ имъ совершенное прощеніе. Говорятъ также, что у возставшихъ нѣтъ ни зерна пороху, а провизіи у нихъ давно не было. Тунгени думаютъ снять осаду Баяндая и перейти на правый берегъ Или и взять сибоскій городокъ Хиджугуръ. По крайней мѣрѣ такъ писали они киргизамъ въ своихъ прокламаціяхъ. Снятіе осады Баяндая и, наконецъ, то, что тунгени стали просить помощи у нашихъ киргизъ, бывшихъ въ прошломъ году подъ китайской протекціей, положительно доказываетъ, что инсурекція приходитъ къ концу. Если инсур-

генты будутъ стѣснены въ Или, они, говорятъ, думаютъ уйти на другой пунктъ въ Аксу или Кашгаръ. Въ послѣднее время тунгени успѣли своими эмиссарами и прокламаціями взволновать большую часть приилійскихъ родовъ Адбановъ и всѣхъ Бугинцевъ. Башчи-Джузенъ, Саурукъ, словомъ, всѣ Чаджи. Джарты и Копурборки явно пристали къ дунгенамъ и даютъ имъ лошадей и джигитовъ; Джетенъ-Дуръ-Султанъ, Кезенъ-Кара еще колеблются; преданными намъ остаются только Чормакъ и Ходжмамбетъ. Богинцы тоже портятся, не говоря о тѣхъ головорѣзахъ, которые на Текесѣ. Сарынбекъ, говорятъ, только и говоритъ о ходжахъ-святоборцахъ, Бекъ-Таиръ остался имъ недоволенъ, такъ какъ Ага-Минонъ совершенно отказался собрать киргизскій барантованный скотъ.

Киргизы всѣ заговорили о настающихъ годахъ мусульманскаго величія, отъ тунгеней они чего-то ждутъ, на бухарцевъ тоже полагаютъ большія надежды.

Я не знаю правительственныхъ видовъ и начертаній, но своимъ казацкимъ умомъ разсуждаю такъ: если намъ нуженъ Ташкентъ и вообще если мы думаемъ утвердить прочно наше вліяніе на Среднюю Азію, намъ слѣдуетъ во что бы то ни было поколотить бухарцевъ и уничтожить навсегда авторитетъ этихъ торгашей, затѣмъ надлежало бы побѣдоносно пройти въ нѣдра центральной Азіи, какъ писалъ нѣкогда г. Проценко. Случай къ тому представился теперь черезъ просьбу китайцевъ о помощи. Мы бы въ нынѣшнее лѣто дошли вмѣстѣ съ китайцами до Кашгара и стали бы угрожать Кокану съ тыла, между тѣмъ, какъ черняевцы ударили бы со стороны Ташкента. Наконецъ, мы бы могли пріобрѣсть безъ хлопотъ цѣлую область въ Средней Азіи, именно этотъ знаменитый Кашгаръ, которымъ когда-то еще такъ недавно бредили наши дипломаты. Голдай говорилъ мнѣ, что цзянъ-цзунъ готовъ уступить намъ Кашгаръ и еще четыре города въ этой провинціи, такъ какъ сохраненіе этихъ городовъ стоитъ имъ очень дорого и пользы никакой не приноситъ.

Присемъ посылаю два листа присланные отъ цзянъ-цзуна, одно на ваше имя, а другое на имя «вашихъ сибирскихъ генераловъ».

Листъ отъ цзянъ-цзуна я перевелъ при помощи Са-Голдая и соображаясь съ манджурскимъ текстомъ, такъ какъ пакетъ я самъ (долженъ) былъ подпороть. Надѣюсь, ваше превосходительство, не будете за это на меня сердиться и въ Омскѣ нужно было бы обращаться къ переводчику.

Переводъ листа цзянъ-цзуна: «Великаго Дай-Цинскаго государства Илійскихъ провинцій цзянъ-цзуна листъ.

Великаго Россійскаго государства Генералу, находящемуся въ Алматахъ, посланное для скорѣйшаго прихода русскихъ войскъ. Прежде сего вслѣдствіе войны тунгеней и сартовъ (хойзя), т. е. таранчей, мы нѣсколько разъ посылали письма, прося у Великой державы (Россіи) войска для истребленія и избіенія воровъ вмѣстѣ съ нашими войсками, и кромѣ того послали трехъ нашихъ чиновниковъ на пограничные караулы для встрѣчи васъ, но извѣстій о приходѣ регулярныхъ войскъ Высокой державы до сихъ поръ нѣтъ и мы находимся въ чрезвычайномъ нетерпѣніи.

Между тѣмъ наши войска имѣли дѣло съ ворами и воры, придя въ слабость, бѣжали и укрылись въ городъ Кульджу (мусульманскій городъ въ 40 верстахъ отъ Кульджи) и оттуда выходя въ разныя стороны, дѣлали грабежи и посылали своихъ людей въ окрестныя земли для возмущенія и къ Тезеку съ серебромъ и чаемъ, чтобы разстроить согласіе двухъ нашихъ государствъ, но Тезекъ, находясь въ повиновеніи у вашей Высокой Державы, не внялъ злымъ навѣтамъ ихъ.

12 мѣсяца 19 и 20 числа воры тунгени наступили на лагерь нашихъ войскъ, наши воины, побѣдивъ ихъ, убили стрѣлами до 400 слишнимъ человѣкъ, но истребить и уничтожить ихъ логовище въ Кульджѣ, мы находимъ труднымъ, чтобы въ случаѣ неудачи, не было еще большихъ бѣдствій. Вашему великому государству не чужды законы и обычаи и вы должны намъ сочувствовать. Эти возставшіе воры въ одинъ часъ забыли милости и попеченія Срединной имперіи дѣлаемые имъ въ продолженіи 100 лѣтъ и причинили намъ много золъ. Мы думаемъ, что и ваше высокое правительство, узнавъ о сихъ злодѣяніяхъ воровъ, должно придти въ немалый гнѣвъ. Много лѣтъ, какъ наши двѣ высокія державы находятся въ неразрывномъ

согласіи. Будучи близки, какъ языкъ къ зубамъ, нашимъ государствамъ нельзя быть равнодушными къ бѣдствіямъ другъ друга.

Отсюда мы послали эчже-ку-хафина (чинъ) Сабитуна (манджурское имя Са-Голдая) къ Тезеку, чтобы ожидать тамъ прихода войскъ Высокой Державы, а ку-цзяйда (чинъ) Чжа-Чжури (имя) послали въ Тургенъ также къ вамъ навстрѣчу.

По симъ причинамъ, посылая спѣшно этотъ листъ къ высокому генералу, прошу по полученіи этого письма, какъ можно быстро привести русскія войска въ Или и потомъ, соединившись съ нашими войсками, разбить воровъ, и успокоивъ страну, покрыть себя доброй славой.

Еще. Одинъ русскій, сарты иностранные и кашгарскіе купцы, находившіеся въ вашей торговой факторіи въ одну ночь, по неизвѣстной причинѣ, бѣжали изъ факторіи и неизвѣстно гдѣ теперь находятся. Въ ту же ночь, на разсвѣтѣ (въ часъ пятаго джина), киргизы вмѣстѣ съ тунгенами вошли въ факторію и ограбили находившіеся тамъ вещи и товары и укрылись неизвѣстно куда. Остался одинъ старикъ сартъ съ женой. На другой день мы собрали оставшіяся вещи, и взявъ ихъ въ городъ, поручили надзору старика-сарта, чтобы онъ послѣ былъ обличителемъ. Для охраненія факторіи мы назначили особый караулъ изъ нашихъ войскъ. Было бы очень хорошо, еслибы секретарь попрежнему занялъ факторію и открылъ бы торговлю.

По симъ причинамъ посланъ листъ. Тунчжи 5 годъ царствованія, 12 мѣсяца 24 дня».

Слышно отъ китайцевъ, что въ Урумчи пришли халхасцы подъ начальствомъ Цзунъ-Вана, рожденнаго отъ китайской принцессы, но отъ большихъ снѣговъ они не могутъ до весны придти въ Или. Въ какой степени все это справедливо, вѣдаетъ Голубое Небо.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга

Ч. Валихановъ.

P. S. Ваше превосходительство оказали бы большую милость, еслибы привезли мнѣ нѣсколько ящиковъ сигаръ гаванскихъ отъ Терехова и одинъ, такъ-называемый, пробный ящикъ.

В.

Сегодня получилъ письмо отъ Бектапра, которое при семъ посылаю. Садыкъ-бекъ, о которомъ онъ пишетъ, есть родоначальникъ Кара-киргизовскаго племени Турайгыръ-кипчакъ и былъ прежде правителемъ города Ташъ-Малыка и имѣлъ отъ китайскаго правительства красный шарикъ. Надо замѣтить, что ташмалыкскіе киргизы были единственные Буруты, бывшіе въ непосредственномъ китайскомъ подданствѣ. Предки Садыкъ-бека служили китайцамъ еще при завоеваніи Восточнаго Туркестана и за усердіе были пожалованы наслѣдственными правителями города Ташъ-Малыка, Кашгарской округи.

Другое лицо, упоминаемое имъ, именно Бузрукъ-ханъ-ходжа или тюре есть единственный сынъ Джангеръ-ходжи, который въ 1825 году произвелъ большое возстаніе въ Малой Бухаріи и былъ потомъ, пойманный, казненъ въ Пекинѣ. Ходжи этотъ пользовался, какъ я могъ замѣтить въ бытность мою въ Кашгарѣ, большимъ уваженіемъ народа и на него полагали туркестанцы большія надежды.

Что касается до тунгенскаго возстанія, то ничего важнаго въ послѣднее время не совершилось. Тунгени три раза подходили къ Кульджѣ и всякій разъ были выгоняемы съ урономъ. Но тѣмъ не менѣе, впрочемъ, китайцы ждутъ отъ насъ помощи и Соголдай все еще живетъ у Тезека.

Искренно поздравляю ваше превосходительство съ новымъ назначеніемъ и желаю вамъ на новомъ мѣстѣ заслужить еще больше славы и чести.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга

Ч. Валихановъ.

30-го генваря 1865 г.

Письма Ч. Валиханова къ К. К. Гутковскому.

Милостивый государь Карлъ Казимiровичъ.

Казалось, что все было устроено хорошо, но вышло напротивъ. Дѣло мое принимаетъ прескверный оборотъ. Я совершенно потерялся и не знаю, что дѣлать. Гирей устроилъ все прекрасно: я купилъ двухъ лошадей, сшилъ платье, бѣлье и нашелъ товарища изъ киргизъ Каркаровскаго округа, но остановка стала за карваномъ, что менѣе всего я ожидалъ, судя по вашимъ словамъ. Возможность, что караванъ можетъ опоздать, занимала меня болѣе всего, но вы совершенно отрицали этотъ пунктъ. Вотъ уже 8-мь дней, какъ я живу у Гирея. Аулы всѣ ушли въ горы, только его юрта торчитъ на берегу Аксы, о караванѣ же нѣтъ ни слуху, ни духу. Я все еще надѣялся: думалъ—вотъ подъѣдетъ завтра или послѣзавтра, но и надежды на будущее совершенно рушаются. Гирей былъ сейчасъ на пикетѣ, видѣлъ татарина, ѣдущаго изъ Семипалатинска въ Вѣрное, и узналъ, что до 23-го числа не вышелъ никакой караванъ. Оставаться мнѣ болѣе у Гирея нельзя: кругомъ ходятъ воры и уже по моей милости успѣлъ потерять трехъ лошадей; черезъ нѣсколько дней будетъ и Гасфордъ—нужно избѣгнуть съ нимъ встрѣчи. Ѣхать впередъ по пикетамъ нельзя: вы увезли всѣ регалiи и подорожную. Остается одно: сдѣлать превращенiе и ѣхать по степи на Семипалатинскъ. Предпрiятiе это довольно опасно: могутъ схватить казаки и представить въ Приказъ, какъ бродягу, или же киреевцы могутъ ограбить и отправить въ видѣ Адама, изгнаннаго изъ рая. Но я рѣшился на это. Воля Аллаха да будетъ! Да, Карлъ Казимiровичъ, настали тяжкiе дни скорбей

и испытаній. Я долженъ буду день скрываться гдѣ-нибудь въ камняхъ, подобно филину, а ночью рыскать, какъ барантачъ. Это все еще ничего: что я буду ѣсть? Со мною нѣтъ ничего: ни огнива, ни кремня, ни хлѣба. Вотъ вы нападали на dandysme, а я на все это рѣшаюсь; между тѣмъ, какъ вы поборникъ натуральной школы не перенесли бы и половину подобныхъ мученій. Я не имѣю ничего для удобства пути, вы лишили меня всего. Если бы вы оставили плащъ и подорожную, я спокойно проѣхалъ бы Итъ-кюга, а тамъ скрылся бы въ волостяхъ. Теперь же надо того и ждать, что какой-нибудь Байджигитовскій батырь оберетъ до гола и (чего добраго) уведетъ на Черный Иртышъ. Скажите, ради Бога, гдѣ вашъ караванъ? Поймите мое положеніе: что мнѣ дѣлать? Какъ же это вы не обратили вниманіе на самый главный пунктъ, на слова: гдѣ вашъ караванъ, вышедшій *по достовѣрнымъ извѣстіямъ* 15 числа изъ Семипалатинска. Все было бы отлично, дѣла мы вели хорошо. Все было замаскировано. Ни одинъ мудрецъ киргизскій не постигалъ хитрости и вдругъ..... Обрываюсь, обрываюсь жестоко. На чемъ же? На приходѣ каравана! Прощайте. Сегодня я исчезаю. Что будетъ—вѣдаетъ никто же, какъ Богъ.

4 іюня 1858, Аксу. Ч. В.

Достойнѣйшій Карлъ Казиміровичъ. Отъ васъ въ послѣднее время, что называется, ни слуху, ни духу. Какъ вы поживаете? Здѣсь слышно, что вы будто ѣдете въ Петербургъ. Я, признаюсь, этому не очень вѣрю, во-1-хъ, потому что вы уже лѣтъ 10 какъ думаете посѣтить Питеръ и до сихъ поръ живете въ Омскѣ, не выѣзжая далѣе Новой деревни и, во-2-хъ, потому что Дюгамель, вѣроятно, будетъ не очень этимъ доволенъ и едва ли дастъ вамъ возможность *по службѣ* ѣхать въ столицу. Разрѣшите мое недоумѣніе. Хорошо было бы, если бъ вы поѣхали. Я имѣю изъ Петербурга много писемъ. Всѣ мои знакомые узнали *случай атбанатского выбора* и утѣшаютъ меня. Нѣкоторые сильные міра сего принимаютъ во мнѣ, какъ пишетъ Романовскій, живѣйшее участіе. Отъ генерала И. получилъ письмо. Онъ пишетъ мнѣ, что онъ не разъ пи-

салъ обо мнѣ Дюгамелю и еще прежде полученія моего письма былъ самъ удивленъ, узнавъ, что меня выбрали и спрашивалъ Врангеля, адъютанта Дюгамелевскаго, что это значитъ. Тотъ сказалъ, что начальство черезъ султанство мое боялось дать большое вліяніе моимъ родичамъ. Не понимаю, что это значитъ. Далѣе генералъ пишетъ, чтобъ я потерпѣлъ немного, «а терпѣть вамъ нужно не долго». Романовскій сдѣлался редакторомъ «Русскаго Инвалида» и въ первыхъ №№ этой газеты напечатаетъ мое *приключеніе*. Курочкину тоже сообщено мной. Я имѣю основаніе думать, что у васъ будутъ скоро перемѣны въ начальствующихъ лицахъ, начало будетъ съ начальника штаба, затѣмъ повыше..... Скажите ради Бога, что у васъ дѣлается въ Областномъ начальствѣ. Старшій султанъ рекомендовалъ начальству Сапака, какъ сквернаго правителя, вы были того же мнѣнія, а теперь онъ производится въ хорунжіе. Я видѣлъ этого господина въ Кокчетавѣ, онъ постоянно пьянъ и мнѣ говорилъ, что онъ далъ всѣмъ въ Омскѣ деньги и никого теперь не боится. Когда уберутъ отъ насъ К—и? Научите, какъ намъ отъ него избавиться. Подать просьбу на Высочайшее имя, что ли. Не можете ли вы это какъ нибудь устроить. Мы вамъ соорудимъ за это памятникъ и напишемъ: «благодарные киргизы Карлу Гутковскому, избавителю своему и проч.»—Что теперь дѣлаетъ высшее начальство? Не думаетъ ли мстить отцу моему? Все это легко можетъ случиться.

Валихановъ.

P.S. Забылъ, что сегодня 1-е число. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Дай Богъ, чтобы старый годъ пожралъ, какъ Сатурнъ своихъ чадъ—Дюгамеля и проч. и далъ намъ новыхъ не спящихъ, а трезвыхъ администраторовъ.

1 января 1863.

Достойнѣйшій Карлъ Казиміровичъ. У насъ въ степяхъ есть слухъ, что будто Колпаковскій назначенъ киргизскимъ губернаторомъ, а Фридрихсу даютъ другую должность. Въ какой степени все это справедливо, вы должны знать лучше.

Я самъ нисколько не удивляюсь всѣмъ этимъ слухамъ и даже готовъ радоваться, если бы Колпаковскаго сдѣлали ханомъ нашимъ въ той надеждѣ, что онъ, вѣроятно, не захочетъ имѣть при себѣ К—и. Скажите, ради Бога, неужели этотъ господинъ, т. е. К—и, будетъ терзать степь вмѣстѣ съ Колпаковскимъ? Представьте, что онъ теперь дѣлаетъ съ отцомъ. Вчера уѣхалъ отсюда Эрденъ, онъ жилъ нѣсколько дней здѣсь, собиралъ киргизъ и давалъ имъ какіе-то совѣты, чтобы смѣнить моего отца и *говорилъ имъ, что это поручилъ ему К—и.* Въ какой степени все это нагло и низко вы увидите и безъ моихъ поясненій. Я не знаю, что и думать объ сибирскомъ начальствѣ. Дѣло это кончится скверно для К—и, потому что я намѣренъ совершить *преступленіе* и объявить, что до этого преступленія я былъ доведенъ несправедливостью сибирскаго правительства и особенно интригами г-на К—и. Вы можете послѣ этихъ словъ подумать, что я не совсѣмъ здоровъ, я же васъ увѣряю, что никогда я не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что вы будете до послѣдней степени защищать моего отца, но, вѣроятно, вамъ самимъ бываетъ иногда не лучше отъ разныхъ интригъ, чѣмъ намъ. Здѣсь киргизы толкуютъ, что будто вы не въ милости у Дюгамеля и въ ссорѣ съ Фридрихсомъ. Откуда они все это узнаютъ, не могу и понять. Про меня что они сочинили—это потѣха! Видите ли, когда меня посылали въ Кашгаръ, я тамъ не былъ, а жилъ въ горахъ, гдѣ-то около Вѣрнаго, и пріѣхавши въ Омскъ, написалъ разную чепуху. Царь какъ-то, читая мой отчетъ, видитъ, что все это не ладно, на сказку что-то смахиваетъ. Думаетъ: дай-ка поиспытаю и послалъ другаго болѣе благонадежнаго человѣка въ Кашгаръ. Тотъ, конечно, былъ въ Кашгарѣ и, пріѣхавши донесъ, что у Валиханова все вздоръ написано—такихъ рѣкъ тамъ нѣтъ и городовъ такихъ нѣтъ, какъ у Валиханова. Царь разсердился и говоритъ: послать Валиханова въ Кашгаръ въ другой разъ, онъ отказался больнымъ, тѣмъ это дѣло кончилось. Вдругъ Валихановъ захотѣлъ быть султаномъ. Царь и говоритъ: нѣтъ, братъ, вѣдь ты *боленъ* былъ, когда я посылалъ въ Кашгаръ, будь и теперь больнымъ.

Какъ это вамъ нравится? Эту дичь разсказывалъ одинъ султанъ, мой родственникъ.

В.

Отецъ мой скоро поѣдетъ въ Омскъ, дней черезъ 10. Ибрагимова нельзя ли сдѣлать секретаремъ въ нашъ Приказъ.

16 генваря 1863.

К—и объявляетъ намъ рѣшительную войну. Нѣтъ почты, чтобы отецъ не получилъ выговора или предписанія въ рѣзкихъ формахъ. Нестеровъ въ нашихъ волостяхъ буйствовалъ, какъ разбойникъ, и возбуждалъ Есенбаевцевъ противъ моего отца. О выходкахъ Ерденя я уже писалъ. Скажите, пожалуйста, что же это значитъ? Я не помню даже при Госфортѣ ничего подобнаго. К—и и Нестеровъ жили тогда очень тихо. Откуда взялась у нихъ свирѣпость теперь и неужели все это мы должны терпѣть. Всѣ волостные управители, которые не дали К—и въ нынѣшнюю ревизію, уже смѣнены или же ждутъ смѣны. О Кусенѣ уже получено громовое посланіе. Отецъ получилъ на-дняхъ письмо отъ Фридрихса, который, препровождя копію съ просьбы киргиза Малтабарова «о насильственномъ отобраніи» его жены мною, безъ дальнихъ околичностей приказываетъ отцу немедленно возвратить этому киргизу жену и удовлетворить его за всѣ убытки, а въ заключеніи дѣлаетъ моему отцу упрекъ, что онъ употребляетъ власть старшаго султана для потворства неблаговиднымъ поступкамъ сына. Я уже писалъ вамъ объ этомъ какъ-то. К—и же, вѣроятно, хорошо знаетъ, что я жену у этого не отбиралъ, поэтому могъ бы сначала спросить отца, въ какой степени все это справедливо; ему также хорошо было извѣстно, что отецъ мой не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія и даже былъ со мною въ ссорѣ, слѣдовательно упрекъ сдѣланъ намѣренно. Я знаю, что Малтабаровъ находится при Эрденѣ и онъ его научилъ подать просьбу. Очень можетъ быть, что Эрденъ дѣйствовалъ по наущенію К—и. Я васъ покорнѣйше прошу, дорогой Карлъ Казиміровичъ, прочитать эту просьбу. Тамъ написано все вздоръ. Во-1-хъ, мой отецъ выгналъ этого кир-

гиза съ женой и далъ ему еще лошадь. Назадъ его вытребовалъ не отецъ, а я черезъ Гафара Мондаева и вытребовалъ потому, что онъ самъ, Малтабаровъ, увѣдомилъ меня, что желаетъ развестись съ женой. Я въ это время былъ въ Кокчетавѣ, а не въ своемъ аулѣ, какъ пишетъ проситель. Разводную далъ онъ при указномъ муллѣ, который внесъ въ метрическую книгу и при многихъ свидѣтеляхъ изъ почетнѣйшихъ біевъ Кокчетавскаго округа. При нихъ же онъ получилъ отъ меня 200 рублей и одну лошадь. Этого въ просьбѣ нѣтъ. Развестись съ женой заставило его то, что жена была не вполнѣ законна. Она была вдова старшаго его брата и по мусульманскому шаріату она была свободна въ выборѣ мужа до тѣхъ поръ, пока не будетъ обвѣнчана указнымъ муллой и бракъ внесенъ въ метрическую книгу. Ничего этого у Малтабарова не было. Все остальное въ просьбѣ не болѣе не менѣе какъ выдумка. Я, во всякомъ случаѣ, не хотѣлъ бы потерять 200 рублей и лошадь напрасно и при томъ заплатить за какіе-то небывалые расходы и похищеніе. Во-вторыхъ, было бы несправедливо отдать обратно этому негодяю женщину, которая уже свободна юридически, черезъ данную ей разводную. Въ третьихъ, исторія эта, при волненіи умовъ въ нашемъ округѣ, будетъ имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія для отца. Я прошу *справедливости* и больше ничего. Надѣюсь, что вы, Карлъ Казиміровичъ, примете въ этомъ дѣлѣ участіе и защитите меня отъ преслѣдованій К—и и Эрденя. Черезъ недѣлю я буду въ Омскѣ вмѣстѣ съ отцомъ и самъ объяснюсь съ Фридрихсомъ, а васъ прошу предупредить его и объяснить ему это дѣло, какъ есть. Мнѣ больно, что отецъ получилъ не заслуженный выговоръ и грубое письмо, будучи ни въ чемъ не виноватъ.

Отецъ думаетъ подать въ отставку и я совершенно раздѣляю его мнѣніе, что за пріятность зависѣть отъ какого-нибудь К—и. Платить этому негодяю не стоитъ за міровыя блага, а избавиться отъ него нельзя. Скажите, можно развѣ служить, когда само областное начальство возбуждаетъ киргизъ и интригуетъ въ Ордѣ.—До свиданія.

Валихановъ.

NB. Черезъ недѣлю ѣдемъ въ Омскъ непремѣнно. Муса Германовичъ, конечно, будетъ такъ любезенъ, что подождетъ насъ. Что новаго изъ Птера? Нѣтъ ли движенія планетъ?

6 февраля. Аулъ нашъ. *В.*

Добрѣйшій другъ Карлъ Казиміровичъ. Премного виноватъ передъ вами и передъ Катериной Ивановной, что до сихъ поръ не писалъ вамъ. Сначала думалъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ видѣть васъ лично, потомъ обстоятельства измѣнились и поѣздку оставилъ до мая. Теперь живу въ Омскѣ и думаю, впрочемъ, скоро отправиться въ степь къ себѣ домой. Муса Германовичъ тоже здѣсь и мы живемъ вмѣстѣ въ вашемъ домѣ. Здоровье мое зимою было не совсѣмъ хорошо, теперь опять поправился. Велъ себя, признаться, не совсѣмъ хорошо, игралъ въ карты, таскался по клубамъ и шампанское сталъ пить. Въ четыре мѣсяца проигралъ около 3-хъ тысячъ и теперь бросилъ, потому что нѣтъ денегъ, а просить отъ отца совѣстно. Если бъ вы были здѣсь, конечно, ничего этого не было бы. У меня, вы сами знаете, въ Омскѣ не было ни одного хорошаго знакомаго, кромѣ васъ. Съ Тыртовымъ я въ ссорѣ, т. е. собственно съ Лизаветой Михайловной. Мы поссорились за чепчикъ съ перьями, который нынче стала носить Л. М. въ подражаніе мадамъ Шаховской. Я не одобрилъ этотъ нарядъ и вышла исторія. Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ я не бываю у Тыртовыхъ и Лизавета Михайловна со мною не кланяется и продолжаетъ носить перья. Съ Дюгамелемъ мы такъ себѣ—я имѣю честь быть приглашеннымъ на балъ, но визиту мадамъ Д. всетаки не сдѣлалъ. Только съ Лещевыми я нахожусь въ болѣе короткихъ отношеніяхъ. Фридрихсъ дуритъ попрежнему, Майдель двуличничаетъ и, вѣроятно, скоро потеряетъ всякое значеніе. К—и выходитъ въ отставку, хотя за него сильно хлопоталъ Фридрихсъ. Затѣмъ все остается попрежнему. Вы, вѣроятно, помните, что я былъ приглашенъ Дюгамелемъ содѣйствовать г-ну Яценко. Нечего говорить, что съ Яценкой я не сошелся. Областное Правленіе написало проэктъ, съ цѣлью измѣнить прежній судъ біевъ. Я подалъ записку, чтобы оставить судъ

біевъ безъ всякаго измѣненія. Проэктъ мой будетъ принятъ и судъ біевъ останется попрежнему. Теперь мы хлопочемъ о томъ, чтобы Баянъ аулъ перевести на Бель-агачъ. Не знаю, выйдетъ ли что.

Майдель, Ивашкевичъ, Николай Лещевъ ѣдутъ въ коммиссію для разбора претензій между Оренбургскими и Сибирскими киргизами. Толку, конечно, не будетъ и вся тяжесть падетъ на киргизовъ. Вотъ наши новости. Какъ вы сами поживаете, какъ здоровье добрѣйшей Катерины Яковлевны, что подѣлываетъ моя милая Катерина Карловна? Коля здоровъ ли? Пишите, пожалуйста, обо всемъ подробно. Вы знаете, какъ намъ интересно все, что касается васъ. Муса Ѳермановичъ на васъ немного претендуетъ. Вы послали всѣмъ своимъ знакомымъ свои карточки, а насъ забыли. Но тѣмъ не менѣе онъ собирается съ слѣдующей почтой послать вамъ свою карточку. Спѣшу къ почтѣ и потому нацарапалъ вамъ такъ, что едва ли разберете. Прощайте.

Ч. Валихановъ.

P.S. Если въ маѣ поѣду въ Петербургъ, можетъ заверну въ Оренбургъ. Шишка на носу уничтожилась давно. Я очень радъ этому.

Марта 4-го. Омскъ.

Въ письмѣ, которое здѣсь не помѣщается и въ которомъ Валихановъ совѣтуетъ Гутковскому познакомиться съ Ѳ. М. Достоевскимъ, сдѣлана приписка къ послѣднему:

«Давно не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій, любезный Ѳедоръ Михайловичъ. Живъ ли ты? Впрочемъ, если бы ты умеръ, то написали бы о томъ въ газетахъ. Поэтому надо полагать, что ты живъ, но забылъ насъ, живущихъ и вопіющихъ въ пустынѣ киргизской. Что со мной и какъ я живу, узнаешь подробно отъ Карла Казиміровича Гутковскаго, моего друга, который ѣдетъ въ Петербургъ по дѣлу, касающемуся отчасти и меня. Надѣюсь, что и ты, и Марія Дмитріевна примете его хорошо и познакомитесь съ его семействомъ. У нихъ въ Петербургѣ нѣтъ никакого знакомства. Гутковскіе люди очень добрые и безъ всякихъ провинціальныхъ предразсудковъ, кото-

рые такъ шокируютъ васъ, петербуржцевъ. Я буду въ Петербургѣ съ первой зимней дорогой. Кланяюсь Михайлѣ Михайловичу съ его семействомъ, Исаковымъ, Майковымъ и всѣмъ, которые меня помнятъ».

20 мая. Кокчетавъ, въ Киргизской степи. *Валихановъ.*

Я, какъ и всѣ, былъ глубоко пораженъ, многоуважаемый Карлъ Казиміровичъ, извѣстіемъ о вашей отставкѣ, хотя удивляться несправедливостямъ можно бы намъ, сибирякамъ, перестать. Извѣстіе это дошло до насъ черезъ киргизскіе слухи, ибо письмо ваше было въ приказѣ затеряно, что при прежнихъ обстоятельствахъ, вѣроятно, не случилось бы. Но еще болѣе я былъ изумленъ, прочитавши письмо Семена, въ которомъ онъ вину вашей отставки кладетъ на какой-то мой *доносъ*, гдѣ я жаловался на дурныя дѣла въ области, не упоминая именъ виноватыхъ лицъ и вслѣдствіе этой темности виновникомъ сочтены были вы. Но этого положительно не могло быть, кто бы вамъ не говорилъ. Я, дѣйствительно, писалъ статью о несправедливостяхъ, сдѣланныхъ мнѣ при выборѣ меня въ султаны въ «Русскій Инвалидъ» и писалъ по *приглашенію* самого редактора, друга моего, Романовскаго, слѣдовательно статья моя была болѣе *жалоба* и ни въ какомъ случаѣ не доносъ, развѣ съ египетской точки зрѣнія жалобы на несправедливость называются доносами. Далѣе, я упоминалъ поимянно всѣхъ господъ, которые интриговали противъ меня и брали взятки съ Боганалинцевъ, именно: г. К—и, г. Ивашкевича (пожалованнаго за эти гадости землей), засѣдателя Безверхова и, конечно, при этомъ не похвалилъ состояніе нашей области, ибо это была бы неправда вопіющая. О васъ же я выразился, какъ и было въ самомъ дѣлѣ, какъ о единственномъ моемъ защитникѣ и даже привелъ какое-то мѣсто изъ вашего письма (кажется, въ этомъ родѣ: нѣкоторые господа успѣли склонить наше свѣтило на сторону неправды и проч.). Изъ этого вы можете видѣть, что все говоренное вамъ сущій вздоръ, чтобы оправдать свою личную ненависть, которая, вѣроятно, и побудила избрать васъ въ жертву. Но чтобы не было *никакихъ* недоразумѣній,

чтобы дѣло было на чистую я просилъ теперь же Романовскаго напечатать мой доносъ (пусть такъ будетъ), а если этого нельзя, то сообщить копію съ моего письма за своимъ скрѣпомъ. А это письмо, если хотите, можете показать тому, кто говорилъ вамъ о *безъимянныхъ доносахъ.* Мнѣ очень жаль васъ, Карлъ Казиміровичъ, когда подумаю о вашихъ денежныхъ обстоятельствахъ: куда вы дѣнетесь? Пожалѣйте вы и насъ, оставленныхъ въ жертву г.г. К—п, Нестерову, которые будутъ возить по степи Ягернаутскаго идола.

Валихановъ.

P. S. Если только мое письмо было причиною вашего увольненія, то я сдѣлаю все, что только возможно къ исправленію дѣла! Я уже написалъ Романовскому и просилъ его доложить военному министру. Коль только позволитъ здоровье, поѣду въ Питеръ и буду просить всѣхъ и М., и Горчакова и непремѣнно доведу до свѣдѣнія Государя Императора. Теперь пишу къ С. и прошу его ходатайствовать (. . . . .).

Отецъ мой свидѣтельствуетъ вамъ и Екатеринѣ Яковлевнѣ свое глубокое почтеніе и проситъ считать его преданнымъ навсегда. Если будете затрудняться куда ѣхать—пріѣзжайте на лѣто къ намъ, пока устроитесь.

Ради Бога, не унывайте, можетъ будетъ лучше.

11 мая. Сарымбертъ. *В.*

Любезный другъ Карлъ Казиміровичъ. Узнавъ изъ писемъ Лещева къ Фридрихсу, что вы еще не уѣхали, пользуюсь случаемъ, чтобы проститься съ вами еще разъ и пожелать вамъ добраго пути. Въ Кокчетавѣ за разными хлопотами по выбору рѣшительно не было времени. О томъ, что отецъ опять избранъ всѣми, единогласно,—вы, вѣроятно, уже слышали. Я, слава Богу, здоровъ и хлопочу по дѣлу, которое мнѣ поручено: чтобы было лучше киргизамъ. Кланяйтесь въ Петербургѣ тѣмъ изъ моихъ друзей, съ которыми встрѣтитесь.

Ч. Валихановъ.

P. S. У насъ въ Кокчетавѣ русскіе чиновники во время ревизіи рѣшительно и явно бунтовали киргизъ, за то и всѣ поплатились. Верещагинъ въ Баянъ Аулъ, Калинковъ въ штатъ областнаго правленія, на ихъ мѣста назначены: Песчанниковъ и Петровъ изъ Каркараловъ.

14 іюля. Акмоллы. *В.*

(Листокъ безъ начала). . . . . . и дикокаменныхъ киргизъ. Уже неудовольствіе между Зачуйскими и нашими киргизами начались и теперь. Сношенія разорваны, всякій перешедшій за Чу теряетъ свободу, на томъ основаніи, что Суранчи и Сунатай выдали посланцевъ русскимъ. Во всякомъ случаѣ лучше было бы для насъ, какіе бъ мы не имѣли виды на Кокапскія владѣнія, не возбуждать противъ себя Дикок. киргизъ, которые послѣ обременительныхъ налоговъ и зеката, положеннаго въ три раза болѣе противъ прежнихъ годовъ, ждутъ русскихъ, какъ избавителей. Это вѣрно. 3-е. Если отпустить Али-Шира и его спутниковъ, не обращая на нихъ особеннаго вниманія — это самое будетъ имѣть больше нравственнаго значенія, чѣмъ рѣчь, которую онъ выслушаетъ въ Омскѣ. Коканцы всѣ убѣждены, что онъ будетъ отправленъ скоро въ Пишпекъ, на томъ основаніи, что подъ Акмечетомъ всѣ ихъ плѣнные выпускались очень скоро. Русскимъ кажется нечего держать Али-Шира или другого какого-нибудь среднеазіатца. Для коканцевъ личность Али-Шира не имѣетъ никакого значенія и еслибъ онъ совершенно погибъ, то и тогда не будутъ считать это большой потерей. Между тѣмъ, какъ нравственно великодушіе и сознаніе своего превосходства — подѣйствуетъ гораздо благодѣтельнѣе на коканцевъ и на киргизъ, чѣмъ страхъ потерять Али-Ширъ-датху.

Коканцы въ Пишпекѣ ждутъ русскихъ, якобы идущихъ для взятія ихъ кургана въ числѣ 5 т. ч. Народная молва представляетъ *всѣхъ* воиновъ нашихъ въ сажень ростомъ и одѣла ихъ въ непроницаемыя для пуль латы. Здѣсь, всякое обыкновенное происшествіе въ устахъ киргизъ принимаетъ фантастич. характеръ: качественно—преобладаетъ сверхъестественный элементъ, количественно — увеличиваетъ въ прогрессѣ

равносильномъ дѣйствію сильнѣйшаго микроскопа. Войско это ѣдетъ подъ начальствомъ стараго вождя съ однимъ глазомъ на лбу. Кто это могъ быть?

Валихановъ.

P. S. Перемышельскій кланяется вамъ и Катеринѣ Яковлевнѣ. Относительно Али-Шира онъ соединяетъ мольбу съ моей. Дай Богъ, чтобъ это не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

В.

Любезнѣйшій Карлъ Казиміровичъ. Завтра мы выѣзжаемъ: я въ Ауліе-ата, чтобы пожинать побѣдоносные лавры, а Муса къ себѣ въ Баянъ-аулъ, чтобы подвизаться въ доблестяхъ гражданина. Думалъ въ Питеръ, а попалъ въ страну Дикихъ и каменныхъ киргизъ. Ѣду я, признаться, для того, чтобы получить чинъ. Черняевъ, кажется, человѣкъ хорошій и чина можетъ не пожалѣетъ. Ѣду и для того, чтобы оттуда черезъ Акмечеть проѣхать на Оренбургъ. Если бъ это удалось, было бы хорошо.

Здѣсь въ богоспасаемомъ Омскѣ все по старому, такъ что становится даже досадно, только Крупенниковъ идетъ все въ гору. Нынче онъ выигралъ въ Ирбити 70 т. и на радостяхъ купилъ женѣ діадему (стремленіе очевидное къ верховной власти), Воинову—шпильку на галстухъ, Врангелю—красный халатъ, Струве—бухарскую япанчу и въ заключеніе всего пріобрѣлъ домъ Лещева за 2 т. руб. Ал. Н. кажется радъ этому. Съ Фридрихсомъ, генераломъ, случился казусъ. Онъ попалъ въ число опальныхъ и скоро, кажется, уѣдетъ въ Ревель. К—и выходитъ въ отставку. Я видимо примиряюсь съ мосье Дюгамелемъ: подалъ ему записку о судѣ біевъ и онъ ее одобрилъ, но съ мадамъ Дюгамель все еще не знакомъ. Кто будетъ нашимъ ханомъ еще неизвѣстно, одни говорятъ о Колпаковскомъ, другіе о Майделѣ. Оба хорошіе ребята. Областное правленіе и канцелярія ведутъ междоусобную войну. Бойцомъ отъ канцеляріи выступилъ Крохолевъ и киргизскія деньги прибралъ къ себѣ, въ правленіе никто не ходитъ. Ивашкевичъ въ бѣшенствѣ и подстрекаетъ Майделя, который одна-

ко-жъ прямо дѣйствовать не рѣшается, но въ клубѣ ругается. Всѣ ждутъ новыхъ порядковъ и пользуются междуцарствіемъ. Берутъ страшно и явно, сегодня пишутъ, чтобъ подали въ отставку, завтра, взявъ деньги, отмѣняютъ и проч. Отецъ мой совсѣмъ перестал ѣздить въ Омскъ. Муса бьется, какъ рыба объ ледъ и туда и сюда, но пристроиться все-таки не можетъ. Вообще все идетъ скверно.

Посылаемъ при этомъ письмѣ фотографическія карточки. Я растегнутъ, но это лучшая карточка. Надѣюсь, Катерина Яковлевна извинитъ меня.

Какъ вы поживаете? Напишите, ради Бога. Мнѣ адресуйте въ Укр. Вѣрное. Прощайте.

Омскъ. 24 марта. 1865 *Чоканъ.*

Дополненія и поправки.

При полномъ отчетѣ Валиханова пропущено указаніе, что часть отчета, подъ заглавіемъ «Поѣздка Ч. Ч. Валиханова въ Кашгаръ», помѣщена въ IV томѣ Извѣстій И. Р. Географическаго Общества за 1868 годъ (Спб. 1869, стр. 264—287). Этотъ отрывокъ занимаетъ въ настоящемъ томѣ страницы 364—395.

Въ «Сѣверной Пчелѣ 1861 г. № 192 напечатана замѣтка за подписью Валиханова подъ заглавіемъ «Дикокаменная орда», составляющая перепечатку извѣстій о Бурутахъ изъ помѣщенной на страницахъ Записокъ И. Р. Географическаго Общества статьи его «Описаніе Джунгаріи».

На страницѣ 348-й настоящаго тома, по недосмотру, маршрутъ Валиханова напечатанъ не въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ: всѣ названія пунктовъ, начиная отъ Копала до р. Джеты-огузъ должны быть поставлены выше р. Кизиль-су.

I.

Указатель именъ личныхъ.

II.

Указатель именъ географическихъ.

5. VII. 51.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
III	13	произведеніе	произведеніе
28	17	но ревниво	не ревниво
48	22	Хара-куша	Хара-кума
45	19	Нарымъ	Нарынъ
58	11	чеерезъ	черезъ
75	25	Трузъ-турау	Тугузъ-турау
82	6	Туркестанскій	Теректинскій
83	27	правой	съ лѣвой стороны
86	3	170	140
86	14	Бокчанъ	Борчанъ
86	26	закрытъ	забытъ
90	25	въ Сарамѣ	въ Сайрамѣ
97	1	Syrrhaptes	Syrrhuptes
—	15	Кучасской округи	Кучаской округи
101	10	песочныхъ воротъ	Песочныхъ воротъ
—	15	песочныхъ	Песочныхъ
102	7	Дчжанъ-курганъ	Джанъ-курганъ
—	20	на юго-востокъ	лежитъ на юго-востокъ
103	1	Гробница	Гробницы
—	21	гай-чакъ	гай-чанъ
104	10-11	Урда-алды-сока-куль	Урда-алды, Сока-куль
108	17	Въ 140 году	Въ 140 году до Р. Х.
—	22	славится	славился
112	1	Эмиля	Эмина
123	9	Сузаа	Сузака
125	11	стѣны	стѣны,
137	13	Манъ-юль	Минъ-юлъ
146	30	Валихапу	Валихапу
155	32	таргевля	торговля
201	34	нъ	въ
202	19	убѣжавшп	убѣжавши
203	20	черный калмыкъ	Черный калмыкъ.
216	8	валикановъ-алновъ	валикановъ-алповъ
227	1	Джапака,	Джинака,
229	22	Нуразинъ	Нурадинъ
—	25	Ebu Arabschah	Ebn Arabschah
—	26	sehiatin	schiatin

230	8	mangaħ	magnaħ
252	15	Кѐноеса	Кенеса
312	11	Талксынъ	Талкынъ
313	6	Басенинизъ	Басентинецъ
318	2	Казиль-су	Кизиль-су.
361	31	караваипой	караванной
365	28	Чатыргурумскіи	Чахыргурумскій
383	2	стверпшть	совершить
386	23	занималп	завпсѣли
391	37	Шаркрала	Шаркрама
393	11	Джатай	Джантай
399	10	труднoстой	трудностей
407	9	содержателямп	содержатели
412	6	пристращаютси	пристращаются
435	1	мозаръ	мазаръ
501	11-12	Тавоскель	Тавоккель
525	2	Германовичъ	Чермановичъ
526	12	Германовичъ	Чермановичъ